
18+
ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ
МЯТЕЖНЫЙ ВЕК
От Якова I до Славной революции

Мятежный век. От Якова I до Славной революции

Питер Акройд

Аннотация
Питер Акройд. Мятежный век. От Якова I до Славной революции
1. Новый Соломон
2. «Пороховой заговор»
3. Путеводные звезды
4. Бог богатства
5. Ангелоликий Стини
6. Лондонские испарения
7. Что нового?
8. Богемская трагедия
9. Испанские путешественники
10. Интерлюдия
11. Да здравствует король!
12. Падение
13. «Избави нас от этого слизняка»
14. «Это сделал я»
15. Трубный глас
16. Козявка
17. Неожиданные молнии
18. Всё на карту

19. Большая и опасная измена
20. Безумие и ярость
21. Время перемен
22. Новости всё страшнее и страшнее
23. Время оскорблений
24. Ни жарко ни холодно
25. Врата ада
26. Женщины на войне
27. Лик Божий
28. Дворец свободы
29. Новая игра
30. Убить короля
31. Дом сдается
32. Страх
33. Исцеление и умиротворение
34. Возможно ли?
35. Молодой человек
36. «О, поразительная перемена!»
37. На дороге
38. Встать и помочиться
39. «Еще не умер?»
40. Истинная сила
41. Горячие новости
42. Новые слабости
43. «А может, лучше в “Петухе”?»
44. «Шум рифмуется с шумом…»

45. Ветер протестантства
Библиография
Фотоматериалы

Аннотация

История Англии – это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней – не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому.

В фокусе этой книги – период английской истории, который ознаменовался правлениями Якова VI (Якова I), ставшего после смерти Елизаветы I первым Стюартом на английском престоле, и Карла I; двумя гражданскими войнами, победой парламента, промышленной революцией; протекторатом великого полководца Оливера Кромвеля, реставрацией Стюартов, правлением Карла II и, наконец, Якова II, свергнутого в результате Славной революции. На страницах живо

предстает бурный XVII век с его политическими перипетиями и богатой культурной жизнью, примечательной литературой, включающей поздние шедевры Шекспира, якобитские трагедии, поэзию Джона Донна и Джона Мильтона, а также философский трактат Томаса Гоббса «Левиафан». Как это свойственно сочинениям Питера Акройда, в книге дается широкое представление о жизни обычных английских подданных на фоне постоянных социально-политических потрясений и неопределенности. Многогранное историческое повествование прекрасно дополняют 36 иллюстраций на цветной вклейке.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Питер Акройд
Мятежный век. От Якова I до Славной революции

Peter Ackroyd
The History of England. Volume III. Civil War

© Peter Ackroyd, 2014
© Строганова О. В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

* * *

Великолепная книга. Питер Акройд продолжает рассказывать историю Англии, уделяя равное внимание как событиям государственной важности, так и деталям повседневной жизни.
The New York Times Book Review

Слаженное повествование. Благодаря примечательным деталям история Англии предстает в доступном и увлекательном виде.
Independent

Детальная, прекрасно написанная история взлета и падения Стюартов.
Kirkus

Автор мастерски прослеживает характер и мотивы главных движущих сил основных событий, подробно описывает развитие литературы, непрекращающиеся религиозные распри, политические интриги и их влияние на жизнь простых граждан.
Booklist

В этом рассказе впечатляют глубина и детальность и вместе с тем доступность изложения.
Publishers Weekly

1. Новый Соломон

Сэр Роберт Кэри во весь опор скакал из Лондона в Эдинбург по Великой Северной дороге. Одну ночь он провел в Йоркшире, другую — уже в Нортумберленде и появился во дворце Холируд «весь в синяках и ссадинах от серьезных падений». Он проскакал более 530 километров. Был поздний вечер субботы 26 марта 1603 года, но его сразу проводили в покои короля Шотландии Якова VI. Преклонив колено, сэр Кэри объявил его «королем Англии, Шотландии и Ирландии». В подтверждение подлинности известия он предъявил кольцо с сапфиром, брошенное ему сестрой, леди Скроуп, из окна Ричмондского дворца сразу после кончины Елизаветы I. «Вот, — сказал Кэри своему новому монарху, — синее кольцо от прекрасной дамы».

«Этого достаточно, — согласился Яков, — вы надежный вестник». Король сам заранее вручил это кольцо леди Скроуп как условный знак на случай смерти королевы.

Толпа прелатов и пэров Англии тем временем встретила у ворот Уайтхолла сэра Роберта

Сесила, главного советника старой королевы. Оттуда все они проследовали к Чипсайдскому кресту, где Сесил провозгласил Якова королем. Огни праздничных костров и благовест церквей ознаменовали быструю и спокойную передачу власти. Сам Сесил заявил, что «провел корабль короля Якова в нужную гавань, избежав волн и течений, которые могли опрокинуть судно». Советник вступил в тайную переписку с Яковом, как только Елизавета слегла, он побуждал шотландского короля хранить «твердость сердца в мире мягкости».

5 апреля Яков покинул Эдинбург и отправился в свое новое королевство. Он был шотландским монархом тридцать шесть лет, оказавшись на троне в возрасте тринадцати месяцев от роду после вынужденного отречения от престола его матери королевы Шотландии Марии Стюарт. Яков был успешным, если не выдающимся правителем, умело обуздывающим амбиции склонного к раздорам духовенства и болезненно самолюбивой знати. Из-за своенравного и воинственного духа шотландских лордов он, по словам французского посла, с раннего детства жил в постоянном страхе. Тем не менее хитростью и изворотливостью Якову удалось удержать на своей голове корону

Шотландии. Теперь, как говорил король своим приверженцам, перед ним лежит Земля обетованная. Он уже отослал Совету в Вестминстере просьбу о деньгах, не имея средств на достойное путешествие на юг.

Наверное, Яков не ожидал от новых подданных столь горячего и радушного приема. Позже он вспоминал: «Самые разные люди бросали дела и бежали, даже неслись мне навстречу». Они собирались толпами, дабы разглядеть короля, поскольку никто еще не жил при правлении монарха мужского пола. Самого же Якова поразило процветание страны и очевидное богатство ее властей. Впоследствии он изрек, что первые три года на новом троне прошли для него «как Рождественский праздник». До Лондона король ехал целый месяц, в основном потому, что не хотел присутствовать на погребении своей предшественницы. Он не испытывал особой любви к Елизавете: она тянула с признанием его прав престолонаследия и (что, по-видимому, важнее) отдала приказ о казни его матери.

В середине апреля Яков достиг Йорка, куда встречать его прибыл Сесил. «Пусть вы всего лишь маленький человек, — объявил ему король, — мы уверенно возложим на ваши плечи

большое дело». В городе Ньюарк-он-Трент Яков распорядился немедленно повесить карманного вора, посягнувшего на достояние членов королевской свиты, — король недостаточно хорошо знал законы общего права Англии. Во многом он еще оставался чужестранцем. В Бёрли-бай-Стамфорд Яков упал с лошади и сломал ключицу, продвижение к Лондону замедлилось. Три-четыре дня король отдыхал в Хартфордшире в загородном особняке Роберта Сесила Теобальдс-Хаус, где с наслаждением возвел в рыцарское достоинство значительное количество подданных.

Яков оказался настолько щедр на титулы, что его обвинили в расточительстве. За все время правления Елизаветы появилось 878 новых рыцарей, а в течение всего четырех первых месяцев при новом короле этой чести удостоилось 906 человек. Королева Елизавета даровала дворянство тем, кто, с ее точки зрения, имел реальные заслуги или достоинства; король Яков считал это просто знаком положения в обществе. Говорят, что однажды он посвятил в рыцари кусок говядины со словами «Вставайте, сэр Филей». В другой раз он не расслышал имя посвящаемого и сказал: «Прошу, поднимайтесь и называйте себя — сэр Кто угодно». Остальные титулы можно было

приобрести за деньги. Снижение значимости всех титулов стало одним из первых изменений в старой тюдоровской системе.

Те, кто получал возможность увидеть короля, вряд ли оставались при хорошем впечатлении. Яков был неуклюж, с кривоватыми ногами и нетвердой походкой — вероятно, вследствие перенесенного в детстве рахита. По свидетельству одного, правда, враждебно настроенного к королю очевидца, сэра Энтони Уэлдона, Яков постоянно «теребил свой гульфик».

Он был интересным собеседником, здравым и красноречивым, которому явно нравился звук собственного голоса. Однако впечатление от его речей для английского слушателя, наверное, портил тот факт, что король сохранял сильный шотландский акцент. Когда ему хотелось поговорить, он становился смешлив. Нередко проявлял остроумие, а шутки произносил мрачным глубокомысленным тоном. Манеры Якова были небезупречны: про него говорили, что он некрасиво ест и пьет, распускает слюни. Нарядам король уделял мало внимания, но любил камзолы на толстой подкладке, которая могла защитить от клинка убийцы — с самого детства он страшился нападения или убийства. Погова-

ривали, что у него фобия обнаженного холодного оружия. Тревожный блуждающий взгляд Якова особо привлекали к себе те люди при дворе, кто был ему незнаком.

7 мая Яков уже приближался к Лондону. Почти в 6,5 километра от города его встретили лорд-мэр и множество горожан. Четыре ночи он провел в Чартерхаусе, затем направился в Тауэр, где оставался несколько дней. Обустроившись в королевских покоях, Яков предпринял волнующее турне по столице, как сообщает современник, «скрытно в карете и по воде». Особенно его поразило зрелище королевских драгоценностей, хранившихся во дворце Уайтхолла, — несомненное сияющее воплощение его нового богатства.

Однако Лондон тогда вовсе не был местом для веселья. Именно в это время по улицам и переулкам города начала свой поход чума, к концу лета она собрала жатву в 30 000 жизней. Большой торжественный въезд в столицу планировался на 25 июля, день коронации, однако боязнь заразной толпы сократила церемонию: коронация состоится, но никакой торжественной процессии не будет.

Уже в самые первые месяцы правления Якова против него начали строить заговоры. Группу

аристократов, в которой кроме прочих состояли сэр Уолтер Рэли и Генри Брук, лорд Кобэм, заподозрили в замысле низложить Якова и возвести на престол его двоюродную сестру Арабеллу Стюарт. Как и большинству заговоров, этому плану помешали слухи, колебания и быстрое разоблачение. Рэли арестовали и заключили в Тауэр, где через две недели он попытался совершить самоубийство. На последовавшем суде генеральный прокурор короны, сэр Эдвард Кок, объявил его «адским пауком».

Рэли. Вы говорите неразумно, нецивилизованно и неприлично.

Кок. Мне нужны слова, достаточные, чтобы описать твои изменнические действия.

Рэли. Вам действительно нужны слова, потому что вы повторяете одно и то же уже несколько раз.

Так завершился «Основной заговор». Был раскрыт и «Второстепенный заговор», по которому короля планировалось похитить и вынудить приостановить действие законов против католиков. Он закончился ничем, — разумеется, не считая смерти его вдохновителей.

Подошло время официальной, пусть и не

пышной, коронации Якова. Архиепископ Кентерберийский провел быструю церемонию в присутствии приглашенных зрителей. Супруга Якова, Анна Датская, согласилась принять корону от архиепископа, однако, как истинная католичка, отказалась перейти в протестантство. Имея мягкий и покладистый нрав, она не создавала никаких проблем на протяжении правления своего мужа. Ее духовник однажды заметил, что «сам король — воздержанный человек, а в королеве мало что может вызвать в нем страсть; они исполняют супружеские обязанности без бесед друг с другом». После церемонии королевская семья покинула зачумленный Лондон ради более здорового сельского воздуха. В августе Яков и Анна совершили первую «королевскую поездку»: начали с Винчестера и Саутгемптона, а затем повернули на север в Оксфордшир, следуя примеру прославленной предшественницы Якова.

Однако к этому времени король уже заложил основы своего двора и Совета. Главным образом он позаботился вознаградить шотландскую знать самыми важными постами в личной королевской свите. Точка опоры при дворе переместилась на службу королевской спальни, практически полностью укомплектованную лицами, после-

довавшими за Яковом из родной страны. Это обстоятельство вызывало недовольство и тревогу среди английских придворных: говорили, что шотландские лорды, словно горы, заслоняют англичан от лучей королевской милости. Но была также образована новая служба личных покоев, состоявшая наполовину из шотландцев, наполовину из англичан. Король наслаждался ролью «умиротворителя», и такой паритетный состав наглядно демонстрировал его умение поддерживать равновесие.

Среди английских членов Совета первенством наслаждались сэр Роберт Сесил и Говарды. Генри Говард, граф Нортгемптон, в начале 1604 года получил назначение на пост губернатора Пяти портов, а годом позже стал лордом — хранителем Малой государственной печати. При Елизавете он слал в Эдинбург «бесконечные тома» советов, которые Яков называл «азиатчиной». Томас Говард, граф Саффолк, удостоился должности лорд-камергера. Сесил, вскоре получивший титул виконта Кранборн, а затем графа Солсбери, в действительности превзошел всех. Он был маленького роста и горбат, но заметно возвышался над остальными. Король сказал ему: «Видит Бог, я считаю вас лучшим слугой из всех, что у меня

были, пусть вы и не больше гончей». Яков часто называл Сесила «мой маленький бигль[1]». Роберт Сесил руководил парламентом и управлял государственными доходами, занимался Ирландией и вел все международные дела. Он был неутомим, в высшей степени продуктивен и всегда неизменно учтив: терпеливо переносил все оскорбительные замечания по поводу своей внешности. Сесил был ведущим государственным деятелем, и его двоюродный брат Фрэнсис Бэкон однажды сказал, что, возможно, Роберт в состоянии не допустить ухудшения общественных дел, но он не может их улучшить. Пожалуй, это было слишком сурово — Сесил обладал глубоким политическим мышлением, — однако Генри Говард наступал ему на пятки.

Елизаветинский Совет состоял из тринадцати членов, Яков в скором времени удвоил его состав, но сам с большим удовольствием уклонялся от заседаний Совета. Ему нравились приватные дискуссии в уединении собственной спальни с последующей передачей полномочий. Он предпочитал частные встречи, во время которых его остроумие и здравый смысл могли компенсиро-

[1] Примечания: 1

Бигль — порода английской гончей. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

вать нехватку представительности. Кроме того, король не любил Лондон и всегда с радостью уезжал поохотиться куда-нибудь подальше. Как-то с выезда Яков написал советникам самодовольное письмо, посетовав, что они «жарятся в адских муках» над делами королевства. Тем не менее он наносил в столицу короткие и неожиданные визиты, когда его присутствие считалось необходимым; говорил, что появляется «как вспышка молнии: приезжает, освещает и снова исчезает».

Дворец Уайтхолл представлял собой широко раскинувшееся скопление зданий: примерно 1400 залов для приемов, кабинетов, личных покоев и галерей. Это было место секретных встреч и тайных свиданий, подготовленных столкновений и внезапных ссор. Естественная обстановка для представления сатир Джона Донна, двух пьес из жизни Римской империи Бена Джонсона о природе честолюбия и испорченности, а также жанра маски в пору его расцвета. Балы или театральные развлечения устраивались там практически через день.

К тому же королевский двор служил главным местом размещения коллекции Томаса Говарда, графа Арундела, состоящей из чертежей Палладио, работ Гольбейна, Рафаэля и Дюрера.

Влиятельные лорды и придворные тоже строили себе изысканные резиденции в Одли-Энде, Хартфилде и других местах. Граф Нортгемптон украсил свой особняк на улице Стрэнд в Лондоне турецкими коврами, брюссельскими гобеленами и китайским фарфором; кроме того, он имел коллекции глобусов и карт всех основных государств. Таков был расцветающий мир якобитства.

В начале своего правления, по пути из Эдинбурга в Лондон, Яков получил петицию. Под этим прошением его подданных-пуритан, известным под названием «Петиция тысячи», стояли подписи тысячи представителей духовного звания. В сдержанных выражениях королю предлагалось удалить из таинства крещения крестное знамение, отказаться от свадебных колец, «поправить» слова «священник» и «отпущение грехов», ликвидировать обряд конфирмации, не «настаивать» на шапочке и саккосе, облачении клириков англиканской церкви.

Король поистине обожал богословские прения: они давали ему возможность демонстрировать собственные познания. Соответственно, в качестве своего первого значительного деяния на троне Яков решил собрать группу духовных лиц

во дворце Хэмптон-Корт[2] для обсуждения вопросов религиозной политики и церковных правил. Пять известных высокообразованных пуританских пресвитеров были противопоставлены ведущим священникам королевства, в число которых входили архиепископ Кентерберийский и восемь епископов.

Это была пора религиозных разногласий, пророчивших грядущие гражданские войны. Позицию епископов разделяли те, кого в целом устраивали догматы и обряды государственной Церкви. Они придерживались умеренных взглядов и принимали союз Церкви с государством. Эти люди больше надеялись на общее богослужение, чем на частную молитву; признавали роль традиции, опыта и рассудка в духовных делах. Хотя англиканство еще сформировалось не окончательно, оно служило объединению людей с неуверенной или слабой верой. Оно также подходило тем, кто просто хотел жить в ладу с ближними.

На сторону пуритан встали люди, более сосредоточенные на требованиях собственной совести. Они считали человека изначально гре-

---

[2] Примечания: 2

Хэмптон-Корт (Hampton Court) — великолепная королевская резиденция на берегу Темзы недалеко от Лондона.

ховным, а спасения ждали только от милости Господней. Они отвергали практику исповеди и поддерживали активный самоанализ поведения и строгую самодисциплину. Пуритане хотели иметь дело не с епископатом, а с выборными старейшинами-проповедниками. Источником всей Божественной истины они почитали слово Священного Писания и верили в Промысел Божий. И мужчины, и женщины пуританской традиции полностью подчиняли себя воле Божией, и никакой обряд не мог заставить их сойти с выбранного пути. Это придавало им усердие и энергию в попытках очистить от скверны существующий мир и, как сформулировал один пуританский богослов, дарило «праведное неистовство в исполнении своего долга». Иной раз они говорили, как чувствовали, не стесняясь в выражениях. Считалось (совершенно несправедливо), что пуритане Бога любят всей душой, а всем сердцем ненавидят ближнего.

На том этапе, однако, эти две стороны не были противоборствующими конфессиями, скорее их следует рассматривать как различные движения внутри одной Церкви: первое официальное столкновение между представителями разных направлений произошло зимой в Хэмптон-Корте.

В первый день конференции, 14 января 1604 года, король ограничился разговором со своим священством. Яков обсудил с епископами изменения, предлагавшиеся в «Петиции тысячи». На второй день во дворец пригласили пуританских богословов. Первым слово получил Джон Рейнольдс. Он стал доказывать, что Англиканская церковь должна более последовательно принять кальвинистскую доктрину. Епископ Лондонский Ричард Бэнкрофт немедленно вмешался. Он опустился перед королем на колени и заявил, что «нужно соблюдать канон предков». Под этой формулировкой Бэнкрофт подразумевал, что «раскольникам» не следует позволять возвышать голос против епископата. Яков позволил продолжить дискуссию по конкретным вопросам.

В последовавших затем дебатах король повел себя прозорливо и рассудительно. Он отверг требование пуритан об углублении кальвинизма, но с интересом встретил их предложение создать новый перевод Библии. Этот запрос в итоге привел к великолепному результату в виде уточненного перевода Библии, авторизованного королем Яковом. Затем пуританские представители обсудили проблему подготовки знающих старейшин-пресвитеров и трудностей в работе с

вопросами личного сознания. Король стремился уступать пуританам в определенных моментах, искренне веря, что умеренная политика, «средний путь», поддержит единство внутри Церкви. В зимнюю стужу камины Хэмптон-Корта ярко пылали, а король, епископы и даже делегаты пуритан кутались в меха.

Все, казалось, шло без серьезных осложнений, пока Рейнольдс не заговорил о том, что епископам королевства следует советоваться с пресвитерами. Вот тут король взвился. Слово «пресвитер», название старшего в христианской церкви, вызывало в нем неприятные ассоциации. В прежние времена его выводили из себя пресвитерианские теологи Шотландии, которые не всегда относились к его величеству с должным уважением: они тяготели к республиканству и даже эгалитаризму. Один из них, Эндрю Мелвилл, в лицо называл Якова «глупым рабом Божиим».

Теперь Яков сказал Рейнольдсу и его товарищам, что они, похоже, ориентируются «на шотландскую пресвитерию, которая так же мало согласуется с монархией, как Господь с дьяволом». Он добавил, что их позиция означает следующее: «Джек и Том, Уилл и Дик будут собираться и на свое усмотрение судить меня, мой

Совет и все наши решения». Свою речь король завершил рекомендацией Рейнольдсу: «Пока вы не обнаружите, что я обленился, оставьте меня в покое». С того момента его девизом будет «Нет епископа — нет и короля». Когда пуританские делегаты удалились, Яков заметил: «Если это все, что они хотели сказать, я заставлю их подчиниться или вышвырну из страны, а то и сделаю с ними что-нибудь похуже».

Два дня спустя король вызвал епископов для дальнейшего разговора, затем снова пригласил пуритан и приказал им в целом принять традиционный требник Англиканской церкви Книга общих молитв, переизданный сорок пять лет назад. Конференция завершилась. Предстоящий перевод был замечательным плодом этого предприятия, однако в целом встречу в Хэмптон-Корте нельзя считать большим успехом. В итоге обозначилась проблема: судя по всему, в стране существует не одна национальная Церковь, а как минимум две с разными смыслами и целями.

Король, как обычно, остался доволен своим выступлением в Хэмптон-Корте. «Я отлично задал им перцу», — резюмировал Яков. Епископы сказали ему, что он звучал очень убедительно. «Не знаю, что они имели в виду, — написал сэр Джон

Харингтон своей жене, — но общая атмосфера была довольно оскорбительной». В один момент король произнес: «Еще не хватало! Да я лучше отдам ребенка крестить обезьяне, чем женщине». К тому же он одергивал пуритан замечаниями типа «Кончайте распускать сопли!».

Тем не менее во многих отношениях Яков был сведущим человеком. Всю свою жизнь он сражался и полемизировал с шотландским духовенством. Он почти наслаждался богословскими дебатами. Один из его слушателей написал: «Король четко мыслит, здраво судит и имеет цепкую память». Кроме того, Яков считал себя мастером пера и написал целые тома о демонологии, монархии, чародействе и табакокурении. На медали к восшествию на престол его изобразили увенчанным лавровым венком — явный признак литературных притязаний короля. Он даже ответил на опубликованные против него «бранные стишки» собственным нескладным стихотворением. В 1616 году Яков выпустил полное собрание своих прозаических сочинений форматом инфолио и стал первым английским монархом, сподобившимся на такое дело. В конце концов его стали величать — иной раз саркастически — «британским Соломоном».

Архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт в то время доживал свои последние дни. Он понимал, что результат Хэмптон-Кортской конференции никоим образом не положил конец религиозным распрям. Ему было хорошо известно, что в парламенте, который скоро должен был собраться, есть много лордов и дворян с пуританскими убеждениями. За четыре дня до начала работы парламента 19 марта 1604 года Яков I решил с помпой проехать по столице. Теперь, когда угроза чумы исчезла, было заявлено: народ собрался из каждого «графства, района, города и деревушки», чтобы воздать хвалу новому монарху. На пути торжественной процессии от Тауэра к Уайтхоллу возвели семь триумфальных арок в стиле времен Римской империи. Однако пышность не у всех вызвала восхищение.

Собравшийся многочисленный парламент намеревался присмотреться к новому королю. В своей вступительной речи Яков высказал несколько замечаний по поводу ситуации с религией и покритиковал пуритан за «постоянное недовольство существующим правительством». Когда стало ясно, что членов палаты общин гораздо больше интересуют вопросы вызывавших протесты короля парламентских привилегий,

Яков пожурил их, «как отец своих детей». Вскоре появились и другие основания для взаимного раздражения.

Возник спор вокруг выборов депутата от графства Бекингемшир, и последовавшая дискуссия настроила короля против парламента. 5 апреля спикер передал послание от Якова о том, что он «как самовластный правитель» повелевает, чтобы дело решалось на переговорах между членами палаты общин и судьями канцелярии. Уже долгие годы ни один монарх не разговаривал с парламентом в подобном тоне. После такого безапелляционного требования воцарилось изумленное молчание, затем поднялся один депутат и проговорил: «Приказ принца как удар молнии, его обращение к нашей верности звучит словно рык льва, и кто сможет здесь противоречить ему?»

Возможно, главной причиной стал все-таки другой пассаж. В середине апреля был поставлен вопрос об унии Англии с Шотландией и принятии Яковом титула короля Великобритании. Предполагалось, что в сложившихся обстоятельствах дело будет чистой формальностью. Однако убедить членов палаты общин оказалось не так уж легко. Какого рода предлагается союз? Эконо-

мический? Конституционный? Какими законами будет управляться эта «Британия»? Не исключено нашествие шотландцев, которые захватят все посты и награды. Как может общее право Англии совместиться с законными традициями Шотландии и даже с таможенным уложением Ирландии?

Сам король был категоричен. «Я муж, — заявил он, — и весь Остров моя законная жена. Я голова, а он мое тело. Неужели вы хотите, чтобы я стал многоженцем и имел двух разных жен?» Прения длились весь следующий год, в формулировке короля, «со многими столкновениями, долгими дебатами, странными вопросами и нулевым результатом». Яков видел в своем воображении единое королевство с одним законодательством, одним языком и общей верой, однако реальная ситуация того периода сделала цель недостижимой. Англичане, например, требовали, чтобы шотландцы платили такие же налоги, как в Англии, а те возражали, ссылаясь на бедность населения Шотландии. Члены палаты общин пришли к согласию: «Мы не в состоянии создать законы, которые связали бы *Британию*… давайте продвигаться малыми шагами». Заинтересованность короля в этом проекте была так же велика,

как и его бешенство в отношении противников унии.

Затем парламент переключил свое внимание на церковные дела, в частности на итоги конференции в Хэмптон-Корте. Именно здесь, как мы знаем, архиепископ Джон Уитгифт ожидал проблем от многочисленных джентри[3] пуританских убеждений, которые уже заняли места в парламенте. К концу мая палата общин внесла два законопроекта. Один билль был направлен против плюралистов и нерезидентов. К таким людям, которые имели более одного церковного прихода или были склонны безответственно относиться к своим обязанностям, принадлежали некоторые из самых известных членов государственной Церкви. Предвзятость членов палаты общин не оставляла сомнений. Второй билль выражал желание иметь «образованное и благочестивое духовенство», что полностью совпадало с желанием пуритан.

Король злился, и в качестве обоснования парламентская комиссия разработала «Апологию», которую представила членам палаты общин 20 июня. В «Апологии» защищались такие права

[3] Примечания: 3

Джентри (gentry) — мелкое и среднее английское дворянство (чаще всего нетитулованное).

парламентариев, как свобода слова и физическая неприкосновенность; заявлялось: «Наши привилегии и свободы — наше неоспоримое право и законное наследие не меньше, чем наши земли и имущество». Наверное, это был парламентский способ познакомить шотландского короля с особенностями конституции Англии. В другой статье документа констатировалось: «Ваше Величество ввели в заблуждение, если кто-либо говорил Вам, будто английские короли имеют абсолютную власть, могут по собственному усмотрению вносить изменения в религию… или издавать какие-либо законы о религии без согласия парламента». «Апология» так и не была передана королю. По всей видимости, большинство членов палаты общин отвергло документ, посчитав его слишком смелым.

Однако нет никаких сомнений, что Яков узнал об этой «Апологии». Его возмутил и смысл документа, и дерзость слога. 7 июля король назначил перерыв в работе парламента, а в своей речи отчитал некоторых членов палаты общин, назвал их «пустоголовыми суетливыми осведомителями, которые лезут не в свое дело». Он говорил, что в Шотландии его слушали с уважением, а здесь «с утра до вечера стараются найти дефекты

в королевских суждениях». В Шотландии «все, что исходило [от него], выполнялось. Здесь же все подвергается сомнению». И добавил: «Многие вещи вы сделали непродуманно, хотя я не говорю, что вы демонстрировали нелояльность». А в заключение посоветовал: «Мое единственное пожелание вам — лучше заботиться о форме. Я люблю форму так же, как содержание». Наверное, Яков ждал поддержки Ричарда Бэнкрофта, недавно ставшего архиепископом Кентерберийским. Бэнкрофт был убежденным сторонником королевской прерогативы и не любил пуритан. Тем не менее архиепископ направлял Собор высшего духовенства к соблюдению общих догматов Англиканской церкви. Каноны 1604 года ничего не дали пуританам, а потребовали, чтобы они подчинились Книге общих молитв и «39 статьям»[4]. Пресвитеры пуритан должны были либо смириться, либо получить отрешение от должности. Более жестокие наказания, по правде говоря, применялись очень редко, однако эти меры ознаменовали первый раскол в истории реформатской Англиканской церкви.

Итак, король Яков I мало или практически ни-

[4] Примечания: 4

«39 статей» (the Thirty-Nine Articles) — свод догматов Англиканской церкви, принятый в 1571 г. при королеве Елизавете.

чего не достиг с помощью парламента и самым неприятным образом объявил перерыв в его работе. Позже он заявил, что это было тело без головы. Говорят, что он произнес и такие слова: «На их заседаниях только вопли, крики и полный беспорядок. Удивляюсь, как мои предшественники вообще позволили появиться такому институту». Вероятно, это мнение разделяли и другие люди. Зимой 1604 года Томас Перси арендовал дом возле дворца Вестминстер и (с помощью Гая Фокса и остальных заговорщиков) начал рыть подземный ход.

2. «Пороховой заговор»

В первые годы правления Якова I провозглашали Юлием Цезарем, царем Давидом, Ноем, царем Иоасом и даже Гомером. Он был вторым Августом, настоящим Иосией, мудрым и набожным монархом. Сложно понять, что может означать такое запутанное богатство сравнений, но одна добродетель короля вскоре вышла на первое место. Его стали называть *Rex Pacificus*, или Яков-миротворец. Миротворца славословили. Его правлению ничего не угрожало.

Однако не всем хватало радостей мира. «Нет, нет, — как считается, сказал Яков по окончании коронации, — паписты теперь нам не понадобятся». В трудные моменты он искал расположения католиков, а теперь получил возможность избавиться от них. В феврале 1604 года иезуитские священники, полностью подчинявшиеся Риму, были изгнаны из королевства. Наверное, этот шаг стал разумной мерой предосторожности, однако пламенные католики восприняли его как угрожающий знак.

К таким людям принадлежал Томас Винтер

(или Винтур), который от лица английских католиков безуспешно обращался за поддержкой к испанскому королю Филиппу III. В том же феврале 1604 года Томас приехал в Ламбет[5] к двоюродному брату Роберту Кейтсби. Кейтсби, по всей видимости, перешел из протестантства в католичество, и поэтому римский огонь горел в нем особенно ярко. Скорее именно он, а не Гай Фокс руководил заговором, который стал известен под названием «Пороховой». Кейтсби рассказал кузену о своем грандиозном плане взорвать парламент при помощи пороха, но для исполнения замысла ему требовались союзники. В апреле Винтер съездил во Фландрию, откуда и привез с собой Фокса. С этого момента мы можем называть их заговорщиками. «Джентльмены, мы будем только разговаривать, — сказал Томас Перси, — и никогда не перейдем к делу?» В следующем месяце они принесли клятву соблюдать секретность, а затем отправились в дом позади церкви Святого Климента на Истчипе, где встретились с иезуитом по имени Джерард и приняли из его рук причастие.

Было решено, что нужно найти помещение

---

[5] Примечания: 5

Ламбет (Lambeth) — тогда местечко к северу от Лондона, теперь один из 14 районов столицы.

в удобной близости от парламента, но подходящее здание подвернулось только в начале декабря. 11-го числа заговорщики въехали в дом с припасами из сваренных вкрутую яиц и запеченного мяса. К Рождественскому сочельнику они сделали подкоп: по словам Томаса Винтера, «делали узкий подход к стене парламента и по мере продвижения укрепляли его деревянными стойками». Предполагалось, что следующая парламентская сессия начнется в феврале 1605 года, но тут стало известно, что заседания отложены до следующего октября. Времени заговорщикам прибавилось. Порох запасли у Кейтсби в Ламбете и, соблюдая строжайшую секретность и условия безопасности, доставили в дом в Вестминстере. Им уже удалось практически справиться с 9-футовой стеной, как их работе помешала вода.

Вскоре после приобретения пороха заговорщики услышали сверху какое-то движение. Фокс вышел на улицу и внимательно осмотрелся. Ему встретилась торговка углем Эллен Брайт, она рассказала, что съезжает из своего помещения. Так случилось, что подвал, где она хранила уголь, находился прямо под самим зданием парламента. Они быстро заключили сделку. Томас Перси, другой заговорщик, взял в аренду осво-

бодившееся пространство. Железную решетку между подвальным этажом дома заговорщиков и складом миссис Брайт открыли, и Фокс получил возможность тайно перетащить в соседний подвал около тридцати шести бочонков с порохом. Этого количества пороха было достаточно, чтобы уничтожить тысячи людей.

К сентябрю они переправили новые бочонки пороха, чтобы заменить те, что пострадали от сырости. Однако финансы истощались, и участники заговора сочли разумным включить в свои ряды еще трех состоятельных людей. Таким образом, о заговоре узнало уже тринадцать человек, появилось тринадцать возможностей выдать тайну. Один из новобранцев, Фрэнсис Трешем, очень просил избавить от общей участи мужа его сестры, лорда Монтигла. Монтигл был верным католиком и уже защищал свою Церковь в палате лордов. Другие заговорщики возражали против такого исключения, как бы оправданно оно ни было. 26 октября Монтигл сидел за роскошно сервированным ужином в своем доме в Хокстоне, когда посыльный доставил ему письмо. Лорд взглянул на послание, а потом попросил одного из джентльменов зачитать его вслух.

«Милорд, из любви, которую я питаю к одному

из ваших друзей, пишу, чтобы охранить вас. Советую, если вам дорога жизнь, изобрести предлог не присутствовать на заседании парламента…» Так начиналось это письмо. Затем аноним продолжил уточнением, что присутствующие в парламенте «получат страшный удар, но не увидят, кто их ранит». Монтигл тут же отправился в Уайтхолл с письмом в руке. Он нашел Роберта Сесила, уже получившего титул графа Солсбери. Он ужинал с несколькими членами Тайного совета.

Монтигл вызвал Солсбери в соседнюю комнату и показал ему полученное послание. Поначалу граф был склонен считать дело ложной тревогой, но, посоветовавшись с коллегами, стал обсуждать возможность нанести «страшный удар» при помощи черного пороха. Лорд-камергер граф Саффолк в малейших подробностях знал помещение парламента, в частности, ему было известно об обширных сырых подвалах под зданием. Он и другие члены Тайного совета согласились, что подвалы нужно обследовать до начала сессии, которую еще раз перенесли на 5 ноября, однако они не хотели действовать слишком поспешно, чтобы не спугнуть заговорщиков.

Король развлекался охотой в Ройстоне. Когда в начале ноября он вернулся в столицу, ему пока-

зали письмо. Яков сразу согласился, что имеется в виду «какая-то хитрость с огнем и порохом». Во второй половине дня в понедельник 4 ноября Саффолк и Монтигл начали свое обследование под предлогом, что ищут какое-то королевское имущество. Дверь подвала открыл Гай Фокс.

Саффолк. Кому принадлежит этот уголь и хворост?

Фокс. Мистеру Томасу Перси. Он пансионер его величества.

Томас Перси, конечно, был известным католиком, да еще во времена, когда существовал страх перед недовольством католического населения. Король приказал провести дальнейший и более тщательный осмотр. В одиннадцать часов вечера в подвал спустился член магистрата Вестминстера сэр Томас Ниветт с несколькими солдатами. Дверь снова открыл Гай Фокс. Ниветт начал разбрасывать уголь, вязанки хвороста, и тут обнаружились бочонки с порохом. Фокс не делал попыток бежать или сражаться. Он признал, что следующим утром намеревался взорвать обе палаты парламента вместе с королем. По-видимому, Фокс приготовился зажечь запальный фитиль, затем бежать в Уоппинг, чтобы сесть

там на судно, отправляющееся во Францию, в Гравлин. Когда позже, во время официального допроса Тайным советом, его спросили, зачем было заготовлено так много пороха, он ответил, что хотел «доставить шотландских нищих обратно в родные горы». Королю доложили о поимке Фокса, и Яков возблагодарил Бога за свое чудесное спасение.

Однако весьма вероятно, что чудо здесь вовсе ни при чем. Фрэнсис Трешем и лорд Монтигл могли договориться по поводу письма, чтобы добиться благосклонности короля. Кроме того, выдвигалось предположение, что сам Солсбери знал о заговоре, но позволил делу развиваться, чтобы поймать католиков с поличным. Это маловероятно, но полностью этой возможности исключать нельзя.

Слухи об аресте Фокса и провалившемся заговоре быстро разлетелись по городу. Роберт Кейтсби и другие заговорщики бежали из Лондона в надежде создать условия для восстания католиков, однако дворяне католического вероисповедания не были готовы совершать самоубийство. Тогда главные беглецы укрылись в Голбич-Хаусе на границе графства Стаффордшир. Там случайная искра или отскочивший уголек подожгли порох,

который они привезли с собой. Двое-трое получили ранения и посчитали, что этот несчастный случай — знак Божьего гнева. Один из них выкрикнул: «Будь проклят этот день!» Потом они на коленях молились перед образом Богоматери. Шериф Вустера уже напал на их след. Его люди окружили дом и открыли огонь по находившимся внутри. Некоторых убили, а раненых повезли обратно в Лондон. Кейтсби оказался среди застреленных.

Других участников заговора нашли в течение нескольких последующих дней. 27 января 1606 года Гая Фокса и еще семь человек доставили на судебное разбирательство в Вестминстер-Холл, где все, кроме одного, заявили о своей невиновности. Через несколько дней их казнили. Иезуиты, которые попустительствовали, если не потворствовали заговору, достаточно скоро тоже оказались на плахе. Так завершился «Пороховой заговор». Семь лет спустя обнаружилось, что в кабинете библиофила и антиквара Роберта Коттона хранятся некоторые части мощей заговорщиков, включая палец руки, палец ноги и фрагмент ребра.

Сам король, несмотря на чудесное спасение, не обрел покоя. Венецианский посланник доклады-

вал, что «Яков в страхе, нигде не появляется и не обедает в обществе как обычно. Он живет в самых дальних комнатах, окружив себя исключительно шотландцами». Король казался подавленным и мрачным, иногда давая выход своему гневу в отношении католиков. «Мне, конечно, придется обагрить руки их кровью, — говорил он, — пусть и совершенно против моей воли». До такого дело не дошло.

Члены палаты общин приступили к обычной работе в тот самый день, на который было назначено их уничтожение: учредили комиссию по торговле с Испанией, рассмотрели ходатайство от одного из парламентариев с просьбой освободить его от заседаний по причине подагры. Однако в конце мая 1606 года они приняли закон, «чтобы активнее обнаруживать и сдерживать папистских рекузантов»[6]. Одна из статей этого закона содержала составленную архиепископом Бэнкрофтом Клятву верности, в которой Яков признается законным королем, и низложить его вне власти папы. Закон обязывал католиков посещать службу Англиканской церкви и принимать Святое причастие не менее одного раза в

[6] Примечания: 6

Рекузант (recusant) — «отказчик», человек, не посещающий англиканских богослужений, как того требовал закон.

год. Наказания за нарушение закона предусматривали штрафы или конфискацию имущества. Рекузант не имел права приближаться к Лондону ближе чем на 16 километров, к тому же был восстановлен статут предыдущего правления, запрещающий рекузанту отъезжать от своего дома дальше чем на 8 километров. Рекузантам запрещалось вести адвокатскую и врачебную практику.

Эти меры не привели к смене вероисповедания. Католики просто отказались от политической деятельности во время правления Якова и в основном вели себя тихо и спокойно. Большинство из них с готовностью приносили Клятву верности, чтобы защитить и свой покой, и собственное имущество; только люди, склонные к иезуитству, по-прежнему страстно желали поддержать притязания папы римского. Сам Яков сказал по поводу Клятвы верности, что он хочет провести четкую границу между католиками-доктринерами и теми жителями, «кто хотя в остальном и находится под влиянием папы, но сохраняет в сердце естественное уважение к своему монарху». Предыдущие санкции против пуритан вводились нерешительно или частично, такую же осторожную политику теперь повели и в

отношении католиков. Яков вовсе не стремился превращать своих подданных в мучеников. В любом случае в начале XVII века было значительно легче устанавливать правовые нормы, чем воплощать их в жизнь.

Двор Якова I, излишества которого были уже известны всем, теперь прославился распущенностью. Пьянство и притворство, продажность и сексуальная неразборчивость стали главными дворцовыми привычками. Свобода нравов была единственным правилом. Граф Пембрук испытывал непреодолимое отвращение к лягушкам, так король посадил омерзительное земноводное прямо ему на шею. Сам Яков до ужаса боялся свиней, и поэтому Пембрук привел животное в королевскую спальню. Один придворный принес во дворец в Уайтхолле «громадный пудинг, к которому были привязаны четыре только что зажаренных поросенка в упряжи из сосисок». Сосиски разбрасывали по залу, а шуты и карлики двора в это время скакали друг у друга на плечах.

В трагедии «Падение Сеяна», представленной в первый год правления Якова, Бен Джонсон намекал на придворных, когда писал:

У нас нет ни смены лиц, ни раздвоенных язы-

ков,

Нет мягких и клейких тел, которые способны прилипнуть

Подобно улиткам к разукрашенным стенам…[7]

«Если бы я действовал, как ваша республика, — говорил король послу Венеции, — и начал наказывать тех, кто берет взятки, то скоро оказался бы без единого подданного».

Сэр Джон Харингтон рассказывал, что в момент приезда короля Дании летом 1606 года придворные в Уайтхолле «купались в животных удовольствиях», а леди, «забыв о воздержанности, заходились от пьяного смеха». Для двух монархов устроили большой праздник, на котором показывали представление о Соломоне и царице Савской. Дама, изображавшая царицу, несла королям подарки, «но, забыв о ведущих к балдахину ступеньках, уронила шкатулки на колени его величества короля Дании, а сама упала к его ногам… Потом король поднялся и пошел танцевать с царицей Савской, но сам упал и опозорился перед ней. Его унесли во внутренние

[7] Примечания: 7

We have no shift of faces, no cleft tongues, / No soft and glutinous bodies that can stick / Like snails on painted walls…

покои и положили на королевское ложе». Других актеров спектакля, например изображавших Надежду и Веру, «сильно тошнило, и они блевали в нижнем зале». Джон Харингтон заключил: «Страх взрыва полностью улетучился из наших голов». Ему еще не приходилось видеть «такого беспорядка, распущенности и пьянства», как на том празднике. Он затосковал о времени своей крестной матери, королевы Елизаветы, когда при дворе царили величавость и строгость.

Нет никаких сомнений, что новый двор разительно отличался от предыдущего. Король славился тем, что больше посвящал себя удовольствиям, чем тому, что считалось его обязанностями. Дважды в неделю он посещал петушиные бои во дворце Уайтхолл и, как его предшественница, любил ежедневные прогулки верхом и охоту. Когда Яков настигал загнанного оленя, он спешивался и быстро перерезал животному горло, давал собакам насладиться оленьей кровью, а затем вытирал свои окровавленные руки о лица товарищей.

Скоро стало ясно, что ему не нравится присутствие зрителей при его развлечениях. В отличие от Елизаветы он не любил и даже не выносил толпы. Когда вокруг него собирались люди, он

обычно ругался и кричал: «Что им надо?» Однажды ему ответили, что народ пришел выказать ему любовь и уважение. На что король заявил с сильным шотландским акцентом: «Богом клянусь, я сейчас спущу штаны, пусть они увидят мою задницу». В качестве приветствия Яков нередко использовал «Черт вас побери!» или «Чума на вас!». В результате эти вспышки гнева привели к тому, что короля, по словам венецианского посла, стали «презирать и даже ненавидеть».

Он оправдывал свои занятия охотой тем, что его энергия — это «благополучие и благосостояние для всех них», несомненно имея в виду и двор, и народ. Пусть чиновники изнемогают в кабинетах или за столом заседаний Тайного совета. Король должен быть сильным и храбрым. В любом случае, по его словам, он в состоянии сделать за один час больше дел, чем все советники за день; он проводит меньше времени на охоте, чем другие монархи, развратничая с женщинами. Однажды из своры исчезла любимая собака Якова Джоулер. Следующим утром собака снова появилась, а к ее шее была привязана записка. «Дорогой мистер Джоулер, просим вас передать королю (поскольку он каждый день вас слышит, а нас нет), чтобы его величество соблаговолил

вернуться в Лондон, в противном случае страна погибнет». Когда в конце концов Яков все-таки приехал в Уайтхолл, то проводил время в пирах и за картами, растратив массу денег.

Король был постоянно и глубоко в долгах. Поначалу он думал, что попал в Эльдорадо, но вскоре обнаружил, что кошелек опустел. Точнее, он слишком быстро опустошал свой кошелек. Яков без счета покупал обувь, шелковые чулки и касторовые шляпы. Дворцовый церемониал стал более затратным с прибытием «столь роскошных джентльменов», как никогда ранее. При дворе возникла мода на азартные игры — «золотую забаву». Король любил маскарады и пышные пиры, которые для него стали непременными иллюстрациями верховной власти. Он пожелал устроить бал-маскарад в Рождественскую ночь, но ему сказали, что так не принято. «Что значит — не принято? — воскликнул король. — Я сделаю это модным».

Яков покупал столовое серебро и ювелирные изделия, которые потом раздаривал своим приверженцам. Поговаривали, что одному-двум людям он вручил больше, чем его предшественница даровала придворным на протяжении всего периода своего правления. Граф Шрусбери заме-

тил, что Елизавета «из каждой пожалованной мухи делала… слона, а у теперешнего государя так не происходит». Исключительная щедрость короля по отношению к своим фаворитам и придворным не идет ни в какое сравнение с любым другим периодом английской истории.

Первый конкретный фаворит появился весной 1607 года. Роберт Карр, двадцати одного года от роду, был образцом любезности и умения держать себя, а кроме того, отличался поразительно привлекательной внешностью. Во время рыцарского турнира в присутствии короля лошадь его сбросила, и молодой человек сломал ногу. Король очень взволновался и приказал своему личному врачу позаботиться о здоровье пострадавшего. Карра доставили в больницу на Чаринг-Кросс, где король навещал его каждый день. Пациенту назначили особую диету и, по настоянию Якова, окружили докторами. Придворные тут же поняли, что этот человек заслуживает повышенного внимания. «Боже! — написал современник событий сэр Энтони Уэлдон. — Как первые люди королевства бросились навещать больного и возносить у его постели непомерные хвалы…» Яков сильно привязался к молодому человеку, и вскоре Карр получил титул и был назначен

лорд-камергером. Король решил не только продвигать его, но и повысить его образование. Яков сам давал ему уроки по латинской грамматике и европейской политике. И разумеется, король осыпал своего фаворита золотом и драгоценными камнями. Было замечено, что Яков «обнимает его, щиплет за щеки, поправляет на нем одежду…».

Сэр Джон Харингтон, всю жизнь прослужив Елизавете, по-прежнему искал выгодной должности при дворе. Томас Говард, граф Саффолк, взял его к себе и дал несколько советов. Харингтону было сказано, что король «очень уважает умные разговоры» и «чрезвычайно восхищается хорошим стилем в одежде». Ему подсказали «завести новый камзол, хорошо окантованный и не слишком короткий, потому что король говорит, что любит свободную одежду. Важно, чтобы костюм не был весь одного цвета, а разнообразно окрашен, воротник пусть несколько ниспадает, а складки должны быть многочисленны и хорошо накрахмалены». Уже восемнадцать придворных потеряли свои должности, потому что не отвечали вкусу короля в мужском костюме.

Саффолк рассказал Джону Харингтону, что во время беседы ему не следует задерживаться слишком долго на одной теме, а вопросов ре-

лигии вообще касаться только слегка. Никогда не говорить «это хорошо или плохо», а скромно формулировать, что «если ваше величество согласны, я бы рассудил так-то и так-то». Не задавать вопросов. Не обсуждать личности и характер никого из придворных. Не забыть похвалить чалую испанскую лошадку короля. Обязательно отметить, что звезды достаточно ярки, чтоб послужить серьгами для ушей Роберта Карра, а чалая лошадка лучше Буцефала и достойна носить на себе Александра Македонского.

Кроме того, Саффолк добавил Джону Харингтону, что «молчаливость и осмотрительность должны идти в паре, как кобель с сукой». Прежняя королева всегда говорила о «любви и искренней преданности» своих подданных, а Яков предпочитает видеть в них «благоговейный страх и покорность». Почему Джон Харингтон желает занять при дворе первое место? «Вы не молоды, вы не хороши собой, вы не изящны». Значит, Харингтон должен полагаться на свою образованность, которая, конечно, впечатлит короля.

Довольно скоро Яков пригласил Джона Харингтона в свой личный кабинет и пустился с ним в пространную беседу. Король проэкзаменовал его по Аристотелю и другим философам, попро-

сил прочесть вслух фрагмент из «Неистового Роланда» Ариосто и похвалил его дикцию. Затем поставил перед ним несколько вопросов: «Как вы думаете, что такое чистый разум? Следует ли королю быть наилучшим [самым знающим] чиновником своей страны? Вы в самом деле согласны, что дьявол оказывает больше внимания престарелым женщинам, чем остальным людям?» Яков рассказал Харингтону, что смерть его матери, королевы Марии Шотландской, была предсказана ей заранее, а в момент казни люди видели, как ее окровавленная голова парит в воздухе. Король пространно описал силу пророчеств и порекомендовал несколько книг по этому предмету. В завершение беседы он перешел к обсуждению «новой травы», табака, который, по мнению Якова, «если его курить, усилит дурные качества мозга». Так закончилась королевская аудиенция. Джон Харингтон прошел по дворцу «среди стоявших повсюду многочисленных пажей и высокомерных слуг». Однако он выдержал испытание и был назначен наставником маленького принца Генриха.

Для вечных долгов короля были и другие причины, кроме фаворитизма. Постоянный рост цен, нежелание землевладельцев платить новые

налоги — все вносило свой вклад в превышение расходов двора над его доходами. Содержание разросшейся королевской семьи, жены и троих детей, тоже стоило вовсе не дешево. Королева Анна отличалась экстравагантностью и пристрастием к радостям светского Лондона. Муж полагал, что она должна ограничиться 3000 нарядов своего прежнего гардероба, но Анну не устраивали старомодные вещи. Ей нравилось появляться при дворе то в виде богини или нимфы, то восточной султанши или арабской принцессы.

Якова искренне удивляли собственные долги, он то и дело обещал быть более экономным, однако бережливость была ему несвойственна. «Моя единственная надежда, — говорил он Солсбери, — это мои добрые слуги, которые будут в поте лица трудиться на благо короля». Но где было взять дополнительные деньги? Некоторые налоги взимались с незапамятных времен или, по крайней мере, с конца XIV века. Все платили подать с каждого «тана», или бочонка, вина — «таннаж»; «фунтаж» — сбор, отчисляемый с каждого фунта стерлингов с цены на экспортируемые и импортируемые товары. Яков решил пересмотреть налоговые ставки и ввести новые

пошлины, которые стали называть «импозициями».

Один купец по имени Джон Бейт отказался платить. Он вывез с береговой полосы корицу, прежде чем таможенники смогли оценить груз. Его вызвали в Тайный совет, где купец заявил, что эта «импозиция» незаконна, потому что не была утверждена парламентом. Дело Бейта стало прецедентным. Его рассматривали в Суде казначейства. Бейт проиграл. Суд постановил, что монарх имеет абсолютную власть в области таможенных пошлин, королевское преимущественное право было подтверждено во всех аспектах внешней торговли.

Однако в парламенте нарастало недовольство, пошли разговоры о том, что деньги текут в бездонную бочку. В октябре 1607 года Яков обратился к своему Совету по поводу тягостных проблем с «разъедающим нарывом безденежья». Он обещал вытерпеть любое «лечение», которое они пропишут, и принимать все «процедуры и лекарства, какие члены Совета сочтут необходимыми при его болезни». Случай был нелегким. Солсбери постарался использовать самые разнообразные средства для получения денег: штрафовал за давно забытые правонарушения и вымогал столько

феодальных «сборов» в пользу короля, сколько смог придумать.

Тем не менее на членов палаты общин не произвели впечатления эти меры. С давних времен существовало правило, что король Англии должен «жить на собственные средства»; он должен вести хозяйство и оплачивать работу правительства из своих ресурсов. Все считали, что налогообложение — это исключительная мера, которую следует применять только в военное время. Первый парламент Якова I собирался на пять сессий с марта 1604 по февраль 1611 года, и в течение этого продолжительного периода он начал приобретать собственное лицо, которого практически не было во время царствования Елизаветы. И законов больше приняли, и заседали дольше. Например, в 1607 году палата общин учредила «комитет всей палаты». Этот комитет мог избирать собственного председателя в противоположность спикеру, которого назначал монарх, и свободно обсуждать законопроекты столько времени, сколько посчитают нужным члены палаты. В тот момент это рассматривалось как выдающееся нововведение, в котором теперь можно усмотреть предвестника конфликта между двором и парламентом.

Группа самых разных и по-разному настроенных парламентариев далеко не всегда была на стороне короля. Фрэнсис Бэкон писал королю: «Оппозиция, которая была в последнем парламенте по отношению к делу Вашего Величества, хотя и не являлась *ex puris naturalibus*[8], исходила от группы, с моей точки зрения, теперь значительно слабейшей, чем раньше». Это еще не включает в себя горячности будущих сражений или создания «партий» в современном смысле слова, но наводит на мысль о политических переменах. Некоторые детали споров сохранились в истории. К примеру, сэр Эдвард Герберт «булькает» на мистера Спикера, а Джон Тей жалуется, что мистер Спикер «затыкает ему рот» и продолжает угрожать.

У короля нашелся еще один храбрый оппонент. Возник правовой спор. Существует ли различие с точки зрения права между шотландцами, которые рождены до восшествия Якова на английский престол, и теми, кто родился после этого события? Король доказывал, что родившиеся после его коронации получили гражданство по общему праву и поэтому могут занимать в Англии госу-

[8] Примечания: 8
В натуральном виде, буквально «в чистой натуре» (*лат.*).

дарственные посты. Яков обратился к судьям, которых считал своими единомышленниками. Один из них отказался встать на сторону короны. Сэр Эдвард Кок с 1605 года был главным судьей по гражданским делам и авторитетным специалистом в области английского общего права. Яков не имел серьезного представления о традиционном общем праве Англии, исходя из знаний о системе законов Шотландии, которая значительно отличалась от английской. Эдвард Кок считал, например, что и монарх, и подданный юридически подотчетны своду древних законов, которые постигались в практике и истолковывались применением; этот свод законов представляет собой не только давнюю общую традицию, но и разумное установление. Однако король думал иначе. Он и раньше твердо заявлял, что «монарх стоит над законом и как его автор, и как его двигатель». Из этого постулата можно было сделать вывод, что король имеет решающее слово в решении правовых вопросов. Яков, например, утверждал, что сам в состоянии выносить судебные решения. Эдвард Кок возразил: судебное дело может решаться только в судебном заседании. Кок сам рассказал историю этого противостояния.

Яков. Мне казалось, что закон основан на ра-

зуме. И я, и другие люди обладаем разумом не в меньшей степени, чем судьи.

Эдвард Кок. Хотя, сэр, вы богато одарены природой, вам не хватает познаний в английских законах. Чтобы судить, надлежит руководствоваться не естественным разумом, а установлениями и законами.

Прения продолжились.

Яков. То есть я связан законами? Это утверждение пахнет изменой!

Эдвард Кок. Брактон[9] говорит, что король не подчиняется никакому человеку, но подчиняется Богу и закону.

Один свидетель отметил, что «его величество пришел в такую ярость, какой в нем никто не знал. Смотрел и говорил свирепо, сжимал кулаки, готовый к удару, который лорд Кок предотвратил, упав на четвереньки…». Наверное, Кок сдался и попросил пощады, однако в последующие годы полемика между короной и законом продолжилась в еще большем масштабе и с большей серьезностью.

Интриги при дворе тоже не заканчивались.

---

[9] Примечания: 9

Генри де Брактон — систематизатор английского общего права XIII в.

Фавориту, на тот момент сэру Роберту Карру, в придачу к титулу требовалось поместье. К большой удаче Карра, у сэра Уолтера Рэли, все еще находившегося под стражей, конфисковали поместье Шерборн. Он думал, что передал его своему сыну, но Королевский совет распорядился иначе. Поместье передали фавориту короля. Леди Рэли в сопровождении двоих сыновей допустили к королю, где она бросилась к его ногам. «Мне нужна эта земля, — прозвучало из королевских уст. — Мне нужна она для Карра». Вот истинный голос Якова I.

3. Путеводные звезды

В 1605 году один из «ученых советников» короля преподнес ему трактат, вобравший в себя дух Нового времени, — Об успехах и развитии знания, божественного и человеческого» (Of the Proficience and Advancement of Learning Divine and Human). Эта работа Фрэнсиса Бэкона, больше известная последующим поколениям под названием «О приумножении наук» (The Advancement of Learning), поистине изменила подход к человеческому познанию и природе знания. Бэкон несколько лет прослужил на государственных должностях под покровительством своего дяди лорда Берли и впервые появился при дворе Елизаветы. Однако пришествие нового короля обещало более существенные награды, и вскоре после вступления на престол Якова I Бэкон представил ему два трактата по таким вопросам, как объединение Шотландии с Англией и форма административного устройства церкви.

Тем не менее «О приумножении наук» была работой в совершенно ином ключе, а именно той, что помогала создавать атмосферу научной

рациональности, характерную для всего XVII столетия. Прежде всего Бэкону требовалось расчистить хаос унаследованного знания. На первых страницах трактата «первая груда знаний» (the first distemper of learning) отвергается на том основании, что «люди изучают слова, а не дела». По его мнению, слова, а не вещи составляли основу традиционной науки на протяжении столетий: и во времена высокопарного гуманизма Ренессанса, и в эпоху схоластического богословия Средних веков. Бэкон заявил, что «люди слишком удалились от изучения природы, анализа ощущений и взамен снова и снова разбирались в собственных размышлениях и представлениях». Наступило время внимательно посмотреть на окружающий мир. Далее он отмечает: «Этот вид неполноценного познания доминирует преимущественно у тех ученых, которые имеют острый ум, массу свободного времени и ограниченный круг чтения. Их разум, замкнутый в келье нескольких авторов (Аристотель был их главным авторитетом), как сами они были заключены в пространстве монастырей и колледжей, имевший незначительные познания в истории природы и времени, мало проникал в суть реальных вещей».

Ясность и убедительность его прозы — без-

упречное оружие атаки на усложненность и чрезмерную искусность прежней науки. Именно поэтому Шелли цитировал Платона и Бэкона как самых значительных из всех поэтов-философов.

Бэкон критиковал подходы и принципы предыдущего метода познания, выдвигая на первый план эксперимент и наблюдение, которые, с его точки зрения, и дают основной материал для настоящих естественных наук. Он полагал, что ученым и экспериментаторам его времени следует посвятить себя «пользе, а не показухе», «делам здравого смысла и опыта». Бэкон предостерегал: «Чем дальше вы уходите от деталей, тем больше опасность совершить ошибку». Впоследствии такая постановка вопроса будет описываться как «научный» подход.

Целью любого познания, по Бэкону, служит польза и процветание человечества. Материальный мир нужно понять и подчинить себе посредством «усердного и серьезного изучения истины», которую можно выяснить только «восходя от опытов к исследованию причин и опускаясь от причин к изобретению новых опытов». Это революционное изложение метода научного познания делает Бэкона, а с ним и эпоху короля Якова I отправной точкой Нового

времени.

Бэкон желал изменений в организации и методологии получения знаний. Он предложил направлять работу университетов, колледжей и школ «разнообразными поощрениями, здравым руководством и сопряжением трудов». Здесь можно усмотреть зарождение подхода, который ляжет в основу работы Королевского научного общества и вдохновит изобретательскую активность, проявившуюся в первые годы Промышленной революции. Сам Бэкон разделял пуританские убеждения. Он верил, что мощь фактора личности выше многочисленных прелестей традиции и авторитета; считал, что наблюдение, а не размышление — единственно верный инструмент познания, направленного на практическую цель. Его путеводными звездами всегда были польза и прогресс.

Бэкон надеялся, что при их ярком свете «третья эпоха значительно превзойдет греческую и римскую науку». Будет справедливо сказать, что он помогал изменить скорость и направление развития новой науки. Свою более позднюю работу Фрэнсис Бэкон назвал *Instauratio Magna* — «Великое восстановление». На фронтисписе книги был изображен корабль, плывущий между

античными Геркулесовыми столбами, которые традиционно обозначали пределы познания и исследования. Это символ путешествия к новым открытиям вопреки начертанным на столбах словам *nec plus ultra* — «дальше некуда». Таким образом, отчасти правление Якова I знаменует начало плавания человеческой мысли по неизведанным морям.

4. Бог богатства

Казна была пуста. Служащие короны требовали жалованье, но денег не находилось. Парламент не желал утверждать налоги, в графствах местные чиновники не проявляли усердия во взимании надлежащих сумм со своих соседей, а значительная часть средств, собранных в качестве таможенных пошлин, оседала в карманах тех, кто их собирал.

Следующая сессия парламента состоялась в феврале 1610 года. В зале заседаний царил дух неповиновения. Солсбери обрисовал бедственное состояние финансов страны, но парламентариев больше занимал вопрос ограничения расточительности королевского двора, чем утверждение новых налогов. Один из них, Томас Вентворт, заявил, что нет смысла предоставлять королю новые деньги, если он отказывается сокращать расходы. Вентворт вопрошал: «Зачем направлять серебряный поток в королевское хранилище, если оно будет ежедневно опустошаться через личный кран?» Солсбери не дрогнул. Он считал, что члены палаты общин обязаны сначала

обеспечить потребности короля, а потом уже высказывать недовольство. Парламентарии, напротив, требовали ответа на свои опасения, прежде чем они обратятся к удовлетворению королевских нужд.

Собрали конференцию, на которой Солсбери выдвинул давно задуманный план, ставший известным под названием «Большой договор». По этому договору король отказывался от феодальных повинностей в обмен на гарантированную ежегодную выплату. Палата общин предложила 100 000 фунтов стерлингов, только половину от затребованной Яковом суммы. Парламент, казалось, по-прежнему думал, что король должен и может быть таким же бережливым или скупым, как его предшественница. Переговоры отложили.

21 мая король созвал обе палаты парламента и начал упрекать парламентариев в том, что за четырнадцать недель заседаний они так и не облегчили его сложного финансового положения. Он прислушается к их словам о растущем налогообложении, но не посчитает себя связанным их мнением. Они не вправе ставить под сомнение королевскую прерогативу в подобных вопросах. Члены парламента ответили, что если

дело обстоит подобным образом, то король может законно претендовать на все, что находится в их владении. Вооруженная «Петицией о праве» депутация парламентариев явилась к Якову в Гринвич. Понимая, что, по всей вероятности, он зашел слишком далеко, король принял депутатов и пояснил: его неправильно поняли. Яков всегда чувствовал, когда следует отступить, чему так и не научились два его более искренних сына.

Дебаты по «Большому договору» возобновились 11 июня, с сопутствующими спорными вопросами об ассигнованиях, государственных доходах, претензиях и штрафах. Когда королю представили претензии на длинном пергаментном свитке, он заметил, что из этого свитка могут получиться прекрасные обои. На уступки шли обе стороны, но конца переговорам не предвиделось. 23 июля Яков назначил перерыв в работе парламента, и парламентарии отправились в свои избирательные округа, где должны были продолжить обсуждение деталей «Большого договора». Понятное дело, что города и графства больше беспокоились о собственных издержках, чем о безденежье Якова. Дебаты лишь продемонстрировали глубокую пропасть между королем и народом, между двором и государством.

Отсутствие продвижения в переговорах бесило Якова. Он твердо решил, что больше никогда не потерпит «подобных насмешек и унижений, которые ему нанесли за это время». Даже если они вернутся с предложением всего, что хотел король, он не станет их слушать. В любом случае Яков уже произнес речь, в которой описал политическую ситуацию как исключительно печальную. В марте 1610 года он собрал в Уайтхолле палату лордов вместе с палатой общин. «Богатство монархии, — провозгласил он, — наиважнейшая вещь: потому что короли не только наместники Бога на земле и не только сидят на Божьем престоле, но и сам Бог называет их богами». Речь Якова продолжилась заявлением, что короли «представляют на земле власть божественную». Монархи мира могут «давать подданство и лишать его; вдохновлять человека и повергать в уныние; они вольны в жизни и смерти; они — судьи всем своим подданным во всех делах, а сами подотчетны только Всевышнему». Он напомнил парламентариям, что не в их власти «подрезать крылья величия»: «Если какой-то король решит быть тираном, все, что вы можете делать, — это не вставать на его пути». Или они хотят от него, чтоб король Англии уподобился венецианскому дожу?

Не все члены парламента с воодушевлением воспринимали высказывания Якова. Репортер того времени Джон Чемберлен отметил, что позиция короля «вызывала настолько мало радости», что он «слышал в основном лишь выражения большого неудовольствия». Если парламент молча согласится с таким отчаянным утверждением королевской власти, то мы «вряд ли передадим своим преемникам политическую свободу, полученную из рук наших предшественников».

Как показали столкновения Якова с Коком, король не знал основ традиционного английского права и, похоже, не осознавал, что англичане никогда не примут принципа неограниченной власти. Отмечалось, что «король говорит о том, что может быть во Франции и Испании». Он не понимал (или делал вид, будто не понимает), что положение монархов этих двух стран сильно отличалось от того, в котором находился английский король. Яков отстаивал идею права помазанника Божьего без ясного представления, как его реализовывать при наличии парламентского и общего права.

Возможно, он встал на эту позицию по причинам, совсем не связанным с философией вопроса. Ненависть Якова к пресвитерианским старей-

шинам выросла из того, что они прямо бросали вызов его власти. Шотландская знать тоже стремилась вести себя с королем как с равным себе. Таким образом, заявления Якова о своих правах, по всей видимости, отчасти стали реакцией на сложное, а порой и опасное положение короля на троне Шотландии. Однажды он заметил, что «самая высокая скамья всегда самая скользкая».

Кроме того, он, скорее всего, ясно осознавал, что проявления его характера и образ действий не всегда безукоризненно королевские: он пускал слюни и имел странную походку, позволял себе всячески угождать своим смазливым фаворитам и целоваться с ними. Чтобы компенсировать такие очевидные недостатки, Яков, наверное, и стремился поддерживать идею божественности королевского права.

Однако теоретическое понимание вопроса у Якова решительно расходилось с практическим восприятием политической реальности. На самом деле он никогда не вел себя как абсолютный монарх и за редким исключением старался оставаться в рамках закона; в осуществлении своих полномочий Яков не проявлял ни деспотизма, ни сумасбродства. В свою очередь парламент не делал серьезных попыток подорвать его власть

или поставить под сомнение верховенство королевской власти.

Судьбы королевских особ в то время представляли повод к размышлению. 14 мая 1610 года король Франции Генрих IV был убит фанатичным католиком, верившим, что цареубийство — его религиозный долг. Всегда пребывавший в страхе за собственную жизнь, Яков впал в панику. По словам французского посла, получив известие о гибели Генриха IV, Яков «стал белее рубашки».

В следующем месяце старший сын Якова принц Генрих Фредерик официально стал наследником английского престола, принцем Уэльским. Человек геройского, или воинственного, нрава, он был страстным поборником протестантства. Фрэнсис Бэкон отметил, что лицо принца было удлиненным «и довольно худощавым… взгляд серьезный, выражение глаз скорее сдержанное, чем живое, а в чертах его было что-то суровое». Двор Генриха воздерживался от мотовства и пьянства, которым потворствовал его отец; это был образец порядка и пристойности, где сквернословие наказывали штрафом. Во время, когда моральные устои и нормы поведения королевского двора славились упадком, многие считали Генриха истинно христианским принцем, который может спасти

нацию для добродетели.

Генриха окружали люди воинской направленности, люди действия. Он сам активно интересовался военно-морским делом и освоением колоний. Наследный принц особенно восхищался сэром Уолтером Рэли, который по-прежнему содержался в Тауэре, и вслух заявил: «Никто, кроме моего отца, не стал бы держать такую птицу в клетке». С той же страстью он испытывал неприязнь к сердечным друзьям отца. Говорят, что про Карра он как-то сказал: «Если бы королем был я, то не позволил бы никому из этой семейки оплевывать дворцовые стены». Если бы он был королем, то… что? Этот вопрос был главным для Англии. Нет сомнений, что Генрих IX последовал бы боевому примеру Генриха V. Считается, что Яков, заметив популярность двора сына, спросил: «Он похоронит меня живьем?» Когда королевский шут Арчи подметил, что Яков видит в Генрихе больше угрозу, чем утешение, король разразился слезами.

Другая щекотливая ситуация для Якова, пусть и менее значительная, возникла через несколько недель после объявления Генриха наследником престола. Двоюродная сестра короля Арабелла Стюарт первые шесть лет правления Якова на-

слаждалась всеми удовольствиями и выгодами жизни при королевском дворе. Рэли и другие даже рассматривали ее кандидатуру в качестве замены Якову, но она не принимала участия в заговоре. По-прежнему вопросом крайней важности оставалось ее разумное и хорошее замужество. Однако в начале 1610 года она обручилась с Уильямом Сеймуром, который имел некоторые, пусть и непрямые, основания для притязаний на английский престол. Такие ситуации всегда вызывали ужас правителей.

Пара согласилась отказаться от планов на брак, но в июне они тайно обвенчались в Гринвиче. Узнав о свадьбе, король пришел в ярость. Сеймура немедленно заключили в Тауэр, а Арабеллу сначала доставили в Ламбет, но потом решили отправить дальше на север, в Дарем. По дороге Арабелла запланировала побег. Она изменила внешность, по свидетельству хрониста того времени Джона Мора, «натянув на женское белье пару замечательных лосин по французской моде, надев мужской камзол, мужеподобный парик с длинными локонами, черную шляпу, черный плащ, коричневые сапоги с красными отворотами и повесив на пояс шпагу». В городке Ли она села на корабль, взявший курс на Францию, но

их перехватило судно, отправленное из Дувра, чтобы арестовать беглянку. Арабеллу сопроводили в Тауэр, где под давлением переживаний ее рассудок повредился, и через четыре года она умерла невменяемой. Печальная история, полная опасностей и вероломства, какую переживают все, занимающие высокое положение.

Когда осенью того года открылась новая сессия парламента, каждому стало ясно, что идея Солсбери о «Большом договоре» между потребностями короля и щедростью государства не реализуется ни при каких обстоятельствах. Палата общин прекратила обсуждение этого вопроса к 8 ноября, после многочисленных порицаний «фаворитов» и «невоздержанных придворных». Шотландцев тоже атаковали как людей с вечно голодным ртом. Король был в ярости и сказал Тайному совету, что «никакое место, кроме ада», не может сравниться с палатой общин; «нашу репутацию и поступки изо дня в день перебрасывали от одного к другому хулителю, как теннисные мячики». Яков был склонен винить Солсбери за чрезмерные надежды на парламент, который он прозвал «гнилым тростником Египта»; он продолжил библейский стиль, сказав ему, что его «главная ошибка в том, что всегда рассчитывает получить

мед из желчного пузыря». Король объявил перерыв в работе сессии, а вскоре и вовсе распустил парламент.

Не все экономические скорби короля были делом его рук. Фискальная система Англии в значительной степени сформировалась в XIV веке и не отвечала потребностям, сложившимся к XVII столетию. Она попросту не работала, особенно в условиях войны, и требовалось разработать совершенно новый подход к формированию государственных финансов. Так, весной следующего года Яков предложил продавать передаваемые по наследству титулы всем желающим рыцарям и эсквайрам. Титул баронета, например, можно было купить за 1080 фунтов с выплатой в три года. Однако общего дохода казны от этого маневра, который составил примерно 90 000 фунтов, оказалось недостаточно, чтобы компенсировать разнообразные королевские траты. Когда в 1616 году сэр Джон Ропер пожертвовал сумму более 10 000 фунтов стерлингов, чтобы стать бароном Тенемом, его прозвали «лорд Десять миллионов». Историк XVII века Артур Уилсон отметил, что многочисленность титулов «сделала их ничтожными и недействительными в глазах народа; ничто не разрушает монархию более эффектив-

но, чем обесценивание родовой знати; с упадком аристократии возвышается третье сословие и нарастает анархия».

У короля появился еще один план того, как добыть деньги. К нему обратились с вопросом, не пожелает ли его старший сын жениться на инфанте Марии Анне, дочери короля Испании Филиппа III. Яков немедленно направил своих представителей в Мадрид. Добрый малый Робин — персонаж пьесы Бена Джонсона «Возвращенная любовь», которая была представлена при дворе 5 января 1612 года (праздник Двенадцатая ночь), — сетовал, что это «мошенник Плутос, бог богатства, украл символы любви и в измененном облике правит миром, устраивая дружбу, контракты, браки, управляя и верой самой».

Весной того года Яков присоединился к Протестантской унии, заключенной четырьмя годами ранее коалицией германских государств Бранденбург, Ульм, Страсбург и Пфальц. В этом деле король следовал настроениям своего народа. Тогда же он официально согласился на помолвку своей дочери Елизаветы с курфюрстом Пфальцским Фридрихом V. Княжество Пфальц занимало обширную территорию в долине Рейна, в него входили такие города, как Гейдельберг и Дюс-

сельдорф. С середины XVI века оно было оплотом протестантства, а сам Фридрих считался главным кальвинистом всей Европы. Поэтому Протестантская уния казалась выгодным союзом для английского короля, который считал, что и сам может стать поборником протестантства.

У Якова имелись для этого надлежащие основания. В предыдущем году вышла Библия короля Якова, плод Хэмптон-Кортской конференции 1604 года. Она быстро вытеснила Женевскую и Епископскую Библии. На самом деле она по сей день остается основным переводом на английский язык Священного Писания и образцом английской прозы XVII века. Она также стала пробным камнем для литературной культуры Англии. В лекциях «О переводах Гомера» Мэтью Арнольд отметил, что есть «английская книга, и одна-единственная, в которой, как в самой Илиаде, безукоризненная простота изложения сочетается с безупречным благородством, и эта книга — Библия короля Якова». Влияние этого перевода можно проследить в произведениях Мильтона и Баньяна, Теннисона и Байрона, Джонсона, Гиббона и Теккерея — сила его ритма проявляется везде. Библия короля Якова укрепила самосознание нации и вдохновила некоторые

из самых ярких его проявлений.

Кроме того, она породила волну публикаций о религии на английском языке. Как сказал Роберт Бёртон в предисловии к «Анатомии меланхолии», богословским книгам не было конца. «Появилось столько книг этого рода, столько комментариев, трактатов, статей, пояснений и проповедей, что целые упряжки быков не смогут их увезти». Было также множество памфлетов религиозной направленности, в которых повествовалось о чудесах, являющих Божий Промысел, и о страшной судьбе врагов Господней воли.

Яков подкрепил приверженность протестантству еще одной мерой. Весной 1611 года преемником Ричарда Бэнкрофта на посту архиепископа Кентерберийского был назначен Джордж Эббот. Главным качеством кандидата для этого назначения послужило то, что после убийства Генриха IV Эббот оказывал постоянное и безжалостное противодействие католичеству. К тому моменту он уже сыграл ведущую роль в судебном преследовании двух священников Римско-католической церкви, которых впоследствии казнили в Тайберне.

Так ранней весной 1612 года два последних человека, обвиняемых в ереси, были приговоре-

ны к смерти. Эдвард Уайтмэн высказал мнение, что Христос был «обыкновенным смертным, а не Богом и человеком в одном лице», а он сам и есть ветхозаветный Мессия. Бартоломью Лигейт проповедовал против обрядов и представлений государственной Церкви, а также признался королю, что не молился семь лет. Яков выгнал его: «Прочь, подлейшее существо! Никто не скажет, что я позволил пребывать передо мной человеку, который ни разу не молился нашему Спасителю целых семь лет». Лигейта сожгли на костре в Смитфилде в марте 1612 года, а Уайтмэн последовал за ним в огонь через месяц в Личфилде. Уайтмэн прославился, если можно так выразиться, как последний сожженный в Англии еретик.

Вспомним здесь и еще одного врага государства или, по меньшей мере, нарушителя приличий. Джон Чемберлен рассказывает, что в феврале 1612 года Молл Катперс, «печально известную проститутку, которая обычно ходила в мужской одежде», привели к собору Святого Павла, «где она горько плакала и, казалось, искренне каялась; но позже ее раскаяние вызвало сомнение, потому что обнаружилось, что перед этим она выпила три кварты вина». Вот достойная виньетка к рассказу о Лондоне времен Якова I.

5. Ангелоликий Стини

Летом 1612 года король Яков отправился в месячную поездку по стране, включавшую посещение городов Лестер, Лафборо, Ноттингем и Ньюарк. Повсюду он мог видеть свидетельства благополучия и спокойствия государства. Мир с Испанией и торговое соглашение с Францией дали толчок коммерческой деятельности, а несколько хороших урожаев поддержали это счастливое положение вещей. Молочные продукты из графств Эссекс, Уилтшир и Йоркшир хлынули в Лондон; шерсть на экспорт из Уилтшира и Нортгемптоншира прибывала в порты; крупный рогатый скот из Северного Уэльса и Шотландии, овец из Котсуолдса гнали на большой рынок Смитфилда.

Развивались и другие отрасли хозяйства. «Исправьте ваши карты, — написал поэт Джон Кливленд. — Ньюкасл стал Перу». Другими словами, уголь в Ньюкасле был в таком же изобилии и цене, как серебро в Перу. Его добыча возрастала с каждым годом, а торговцы углем заключали громкие сделки на Бирже в Биллингсгейте. За сто лет

с 1540 года производство черного металла тоже выросло по объему в пять раз. Из порта Бристоля отплывали шеффилдские ножи и корнуоллское олово в обмен на сахар и зерновые из Америки. Норидж служил безопасным прибежищем для ткачей, высланных из Франции и Германии, а Честер контролировал торговлю с Ирландией.

Борьба с монополиями, начавшаяся в конце правления королевы Елизаветы, сыграла свою роль в экономике Англии. В декларации палаты общин 1604 года утверждалось, что «передача в руки нескольких людей продажи основных наиболее многочисленных товаров противоречит естественному праву и свободам подданных Английского королевства». Тем не менее по-прежнему выдавались патенты на такие виды деятельности, как осушение болот, выработка бумаги, добыча соли из морской воды, изготовление клинков и производство металла без древесного угля. Благосостояние монополистов говорит, по крайней мере, о разнообразии новых товаров и технологий.

Йомены возводили просторные и красивые особняки, а бедняки оставляли свои лачуги из тростника или дерева и строили небольшие кирпичные или каменные дома. Широко распро-

странились кухни и отдельные спальни, вместо приставных лестниц появились постоянные, а стулья встали на место лавок. После смерти Елизаветы мода на комфортную жизнь продолжилась: люди почувствовали вкус к фаянсовой посуде взамен деревянной, со временем привыкли есть с применением ножа и вилки, а не кинжала и ложки. Неразумно было бы преувеличивать общее процветание страны: еще существовали районы ужасающей нищеты, особенно среди безземельных сельскохозяйственных работников и бродячих городских мастеровых. Однако условия общественной и предпринимательской жизни продолжали улучшаться.

Один министр не принял участия в поездке короля 1612 года. Роберт Сесил, граф Солсбери, скончался в конце мая от болезни, вызванной неизвестными причинами. Возможно, болезнь Сесила усугубил тот факт, что он знал, как раздражен король его неспособностью улучшить положение королевской казны. В своих бумагах Роберт Сесил хранил написанное по-итальянски письмо, в котором тех, кто любил сильных мира сего, сравнивали с гелиотропом — «пока светит солнце, гелиотроп смотрит на светило всеми своими открытыми соцветиями, но, когда солнце

садится, он закрывает цветки и разворачивается в другую сторону». В конце он страстно желал, чтобы его жизнь, «полная забот и невзгод», наконец прекратилась. В любом случае горевали о нем недолго. События в Лондоне развивались таким образом, что даже если бы он был жив, то потерял бы свой авторитет и влияние. Друзей у него не осталось. Бен Джонсон заклеймил Солсбери следующим образом: он «никогда ни к какому человеку не проявлял интереса дольше, чем оставалась возможность его использовать».

Со смертью любого крупного руководителя всегда начинается схватка за его пост и функции. Фрэнсис Бэкон был одним из тех, кто надеялся, что кончина Солсбери станет возвышением для него самого. Да и король не печалился, что освободился от давления своего советника; теперь он мог, так сказать, править самостоятельно. Он полагал, что в состоянии быть собственным главным министром. В следующем году король, к своему большому неудовольствию, обнаружил, что Солсбери долгое время оказывал платные услуги Испании. На кого же вообще Яков мог положиться?

Роберт Карр, уже виконт Рочестер, был наперсником короля, а Генри Говард, граф Нортгемптон,

стал главным министром нового правительства. Генри Говард собрал вокруг себя группу пэров и других аристократов. Некоторые из них были тайными католиками, и практически все благоволили испанцам. Против них в Советах при короле выступала протестантская и антииспанская партия под формальным руководством лорд-канцлера Эллзмира. Используя различия в позициях разобщенных советников, Яков был способен двигать страну вперед. Разным людям вменялись разные обязанности. Летом 1612 года Джон Чемберлен писал, что король «овладел искусством разрушать надежды людей и держать всех в постоянном тревожном ожидании».

При дворе произошла еще одна смерть. Казалось, что с наследником английского престола все обстоит прекрасно. Принц Генрих был напористым и атлетичным юношей, который отличался и в постановках театра масок, и в боевых состязаниях. Однако в конце октября 1612 года принц заболел. Он играл в карты с младшим братом Карлом, и присутствовавший при игре сэр Чарльз Корнуоллис заметил, что «его высочество выглядел нездоровым и бледным, говорил глухим голосом и с каким-то странно потухшим взором». Позвали доктора, но в течение следую-

щих одиннадцати дней он ничего не смог сделать, чтобы остановить медленное развитие болезни, которую впоследствии предположительно определили как порфирию, или брюшной тиф.

К голове принца положили мертвого голубя, к ногам — мертвого петуха (обе птицы были только что забиты и еще сохраняли тепло), чтобы они вытянули вредную жидкость. Но Генрих умер в бреду, к неподдельному смятению и унынию двора. Он был символом будущей судьбы Англии и подавал большие надежды на эпоху решительного продвижения протестантского дела. Королева Анна рыдала в одиночестве, и даже год спустя при ней по-прежнему было небезопасно упоминать имя сына. Яков скорбел громогласно: «Генрих мертв! Генрих мертв!» Теперь корона предназначалась Карлу — молчаливому, застенчивому и замкнутому принцу, совершенно непохожему на своего брата.

По свидетельству Джона Чемберлена, вскоре после этого события произошел странный случай: «очень красивый молодой человек, примерно того же возраста, что принц Генрих, и довольно на него похожий, абсолютно нагим вошел в Сейнт-Джеймсский дворец, где они ужинали, сказал, что он — дух принца и спустился с небес

передать послание королю». Ему стали задавать вопросы, но безрезультатно, и все решили, что он сумасшедший или умственно неполноценный человек. После нескольких ударов хлыстом он исчез.

По своей природе король не был расположен к длительному трауру и испытывал врожденное отвращение к мрачным настроениям. В феврале 1613 года Яков с большой пышностью отпраздновал свадьбу своей единственной выжившей дочери Елизаветы с Фридрихом V Пфальцским. На церемонию не допустили никого ниже звания барона, члены королевской семьи поражали взгляд роскошью нарядов, украшенных драгоценными камнями. На бархатной ленте шляпы короля сверкали двадцать пять бриллиантов. Драгоценности английской королевской казны тоже были на виду, среди них подвеска из рубинов и жемчужин, известная как «Три брата», и «большое роскошное украшение из золота», которое называли «Зеркало Великой Британии». Сама принцесса несколько подпортила торжественность церемонии, ударившись в приглушенное хихиканье, в конце концов перешедшее в громкий смех. Должно быть, ее переполнили чувства. Король на следующий день посетил новобрач-

ных и поинтересовался, с каким результатом они провели время в своей великолепной кровати. Считается, что Шекспир включил в четвертый акт «Бури» представление маски, чтобы отметить это бракосочетание.

Приближался момент и более зловещей свадьбы. В середине апреля 1613 года сэра Томаса Овербери заключили в лондонский Тауэр. На первый взгляд это событие казалось неожиданным, поскольку Овербери был близким другом и наперсником королевского фаворита виконта Рочестера. Однако поговаривали, что Овербери арестовали, когда король посчитал для себя «позором, если общество будет думать, что Рочестер управляет королем, а Овербери управляет Рочестером».

Но было и еще кое-что. Рочестер влюбился в молодую графиню Эссекс, Фрэнсис Говард, но ему мешал тот неприятный факт, что леди уже семь лет была замужем за Робертом Деверё, 3-м графом Эссекс. Она вышла замуж совсем юной и теперь сожалела о раннем замужестве. В любом случае оба супруга никогда не хотели этого брака. Имея перед собой перспективу союза с Рочестером, Фрэнсис ухватилась за шанс на свободу. Она потребовала объявить брак недействительным

на том основании, что граф Эссекс физически неспособен зачать ребенка. Ее отец Томас Говард, 1-й граф Саффолк, с энтузиазмом встал на ее сторону. Брак дочери с фаворитом короля мог только поднять его и так уже высокое положение при дворе.

Граф Эссекс, естественно, оскорбился тем, что его мужское достоинство поставили под сомнение, особенно потому, что это могло повлиять на его шансы найти другую жену. В итоге было объявлено, что, хотя у Эссекса не сложилась жизнь в первом браке, он не страдает болезнью, которая могла бы помешать ему жениться снова. Чтобы провести экспертизу, учредили официальную комиссию, и, как большинство официальных комиссий, она пошла самым простым путем.

Король выступал за развод, не в последнюю очередь чтобы порадовать виконта Рочестера. Когда Фрэнсис Говард заявила, что импотенция мужа, возможно, стала следствием колдовства, Яков опять ее всецело поддержал: разве он сам не написал трактат о колдовстве? Архиепископ Кентерберийский выступил против. Однако Яков тщательно подобрал состав комиссии. Чтобы подтвердить вступление в супружеские отношения, один священник спросил Эссекса, «имел ли он

влечение и эрекцию, производил ли наложение, введение полового члена и семяизвержение». Слушания были полны, по словам современника, «неприличными словами и действиями». Присяжные в составе двенадцати замужних женщин осмотрели и саму леди Фрэнсис, чтобы засвидетельствовать, девственница ли она. На протяжении всей процедуры лицо леди закрывала плотная вуаль, и люди заподозрили, что ее место занимала настоящая девственница. Развод, конечно, дали, согласно пожеланиям монарха. В обществе это дело широко обсуждали и сурово осудили.

Здесь в интриге появляется сэр Томас Овербери. Как близкому приятелю Рочестера ему совсем не нравилась идея этого брака, несомненно, еще и потому, что из-за процесса Говарда он мог потерять друга при дворе. Когда показалось, что Овербери может знать какой-то постыдный секрет о Фрэнсис Говард, вмешался король. Он предложил Овербери стать одним из королевских посланников в России, чтобы просто удалить его из Англии. Овербери отказался принять это назначение, и его отправили в Тауэр. Несмотря на плохое здоровье, был отдан приказ содержать Овербери в изоляции без прогулок, пока не состо-

ится свадьба. Таким, по крайней мере, казалось, был план.

Однако Фрэнсис Говард имела другое мнение: она решила убить Овербери еще до того, как тот выйдет из Тауэра. У нее была сообщница, миссис Тёрнер, дама, весьма искушенная в применении ядов. У миссис Тёрнер имелся слуга Ричард Вестон, которого посредством связей или подкупа назначили тюремщиком заключенного. Рочестер часто посылал Овербери вино, пирожные с фруктами и мармелад. Предполагалось, но не доказано, что яд добавили в сладости. Более вероятно, что при попустительстве Вестона беднягу медленно травили небольшими дозами серной кислоты, или «купоросным маслом». Каким бы ни был способ убийства, Овербери умер в начале осени 1613 года. Похоронили его в Тауэре. Джон Чемберлен написал, что «этого несчастливца почти никому не жаль, даже друзья говорят о нем с полным безразличием». По свидетельствам современников, при дворе царила тишь да гладь: разговоры шли о масках, банкетах и предстоящих свадьбах аристократов.

26 декабря Фрэнсис Говард и Роберт Карр, в предыдущем месяце получивший титул графа Сомерсета, сочетались браком. Прошло четыре

месяца после смерти Овербери, и не возникло никаких подозрений в злодеянии, могущих потревожить их супружеское счастье. Новая графиня Сомерсет появилась на венчании со спадающими на плечи длинными волосами в качестве символа ее девственности, как говорили тогда, «вышла замуж в собственных волосах». Среди собравшихся в придворной церкви присутствовали король и архиепископ Кентерберийский, новобрачных задарили богатыми подарками. Однако достаточно скоро разоблачение их поступка вызовет самый крупный скандал за все время правления Якова I.

Наступило время созывать новый парламент. Этого требовало тяжелейшее положение королевских финансов: все правительственные ведомства остро нуждались в деньгах: послам не платили жалованья, мольбы моряков королевского флота тоже оставались без ответа, даже военные укрепления страны находились в аварийном состоянии. Члены Тайного совета давали многочисленные предложения и рекомендации, как поправить дело, но ситуации они не спасали. Окружавшая короля знать решила обеспечить возвращение в парламент кандидатов двора. Их стали называть «поручителями», однако

подозрения по поводу деятельности поручителей привели к тому, что немногие избиратели проявляли готовность прислушиваться к их советам. Они направили письма в разные города и регионы, но эта практика получила название «упаковки». Избиратели желали видеть в парламенте новых людей, не запятнанных никакими связями с королевским двором, и в итоге две трети представителей в палате общин были избраны в первый раз. Королю это не сулило ничего хорошего.

Яков открыл работу парламента 5 апреля 1614 года примирительной речью, обещавшей улучшение положения в стране, но содержавшей и ходатайство об увеличении государственных доходов. Общины предпочли проигнорировать королевское обращение и вместо того высказали претензии, что «поручители» нарушили свободу выборов и полномочия парламента. Депутаты не желали голосовать за ассигнования королю, а поставили под вопрос королевскую прерогативу взимать «импозиции» — специальные налоги на импорт и экспорт товаров. Через три дня Яков произнес вторую речь и призвал парламент к любви: он желал выказать свое чувство к подданным, палате же общин надлежало подтвердить

преданность своему монарху. Однако в палате общин наблюдалось взвинченное и категоричное настроение, депутаты свистели и язвили. Член палаты Кристофер Невилл заявил, что придворные — это «спаниели для короля, но волки для народа». Никогда еще парламент не был таким необузданным. Его сравнивали с площадкой для петушиных боев и местом травли медведей, депутатов называли «ревущими парнями», уличными хулиганами.

Когда депутаты отказались следовать приказу Якова обсуждать только государственные доходы, король немедленно распустил парламент, а пять парламентариев заключил в лондонский Тауэр. Эта парламентская сессия продолжалась менее трех месяцев, и ни один билль не получил санкции монарха. Соответственно, второй парламент Якова VI остался в истории под названием «Протухший». Следующий созвали только через семь лет.

Королю не предоставили ассигнований, и он, нуждаясь в дополнительных доходах, придал активности переговорам о заключении династического брака и с Испанией, и с Францией; обеим странам предлагался Карл, принц Уэльский. Тем не менее дела подобного рода делаются неско-

ро, и Яков тем временем обратился в Сити за крупной ссудой. Сити отказал на том бесспорном основании, что корона не вызывает доверия. Государственным казначеем теперь назначили Томаса Говарда, графа Саффолка. Он сразу начал добывать деньги всеми доступными средствами, к примеру наложил взыскания на все новые строения, возведенные в пределах 11,3 километра от Лондона.

Во время роспуска парламента несколько епископов и крупных землевладельцев передали в сокровищницу британской короны Тауэра лучшие образцы своего столового серебра для продажи, и король решил, что их примеру должна последовать вся страна. Таким образом, он затребовал «добровольные пожертвования» от каждого графства и всех городков страны. Однако результаты не радовали. Один дворянин из Мальборо, Оливер Сент-Джон, отказался отправлять королю деньги, основываясь на том, что «добровольное пожертвование» противоречит Великой хартии вольностей. Против него возбудили дело

в суде Звездной палаты[10] и посадили в Тауэр. В конце концов его приговорили к штрафу в 5000 фунтов стерлингов и тюремному заключению в соответствии с желанием короля.

В отсутствие парламента все взоры обратились ко двору как главному центру событий. Ключевую роль по-прежнему играл королевский фаворит граф Сомерсет. В 1614 году его назначили лорд-камергером, и он находился в постоянном контакте с королем. Через его руки проходила переписка с британскими послами в зарубежных странах и другими важными фигурами, к тому же он контролировал обширный механизм патронажа, который служил двигателем жизни при дворе. Однако через женитьбу Сомерсет породнился с Говардами, и эта связь принесла ему враждебность большого числа придворных. Широко распространились толки, что влияние на короля одного человека ненормально и нежелательно.

Пришло время предложить королю другого ставленника привлекательной наружности.

---

[10] Примечания: 10

Звездная палата (полное название Court of Star Chamber) — с XV в. тайный высший королевский суд, который без присяжных рассматривал дела о наиболее тяжких преступлениях. В зале Вестминстерского дворца, где заседал этот суд, потолок украшен позолоченными звездами.

Летом 1614 года Якову представили молодого человека двадцати двух лет. Джордж Вильерс, сын небогатого дворянина, уже имел опыт жизни при дворе и преуспел в искусствах танца и фехтования. Кроме того, он три года провел во Франции, где усовершенствовал свои манеры и украсился званием «самого статного мужчины во всей Англии». К тому же он имел могущественных союзников, в их числе архиепископа Джорджа Эббота и королеву. Эббот поддерживал его, надеясь ослабить влияние Сомерсета и Говардов, которые благоволили католической Испании. Королева, находившаяся под воздействием Эббота, настояла, чтобы ее муж проявил благосклонность к молодому человеку. Вильерса, соответственно, назначили королевским виночерпием, он постоянно сопровождал монарха, а весной 1615 года был посвящен в рыцарское достоинство как джентльмен спальни короля.

Сомерсет, видя возвышение соперника, протестовал. Его постоянные жалобы и дерзкие речи еще больше отдаляли короля, вынуждая Якова делать ему замечания. «Никогда не давай мне повода думать, что не уважаешь мое человеческое достоинство, — писал король, — и недооцениваешь мои качества (и пусть не окажется, что

твоя прежняя любовь ко мне охладела)». Король упрекал Сомерсета за «излияния беспокойства, душевного волнения, неистовства и надменной гордыни», а также «продолжительный отказ от ласки и нежелание спать в моей комнате, несмотря на то что я сотни раз настоятельно просил тебя об обратном». Весьма странное письмо, обращенное повелителем к подданному и свидетельствующее о чрезвычайной близости, некогда существовавшей между ними.

Возможно, к этому времени Вильерс уже разлучил короля с Сомерсетом. Летом 1615 года Яков ездил в замок Фарнхем, резиденцию епископа Винчестера. В этой поездке его сопровождал новый джентльмен при спальне. Впоследствии Вильерс спрашивал короля: «Теперь вы любите меня… сильнее, чем в Фарнхеме? Я никогда не забуду то время — там изголовье кровати не разделяло хозяина и его собаку». Воспоминание неоднозначное, как минимум свободное для любопытного толкования.

Сэр Фрэнсис Бэкон, анализируя жизнь двора короля Якова, однажды написал, что «все поднимаются к высокой должности по винтовой лестнице: при наличии противоборствующих партий хорошо бы примкнуть к кому-либо на

этом пути». Сам Бэкон примкнул к Вильерсу. Он сказал ему, что королевскому фавориту следует «хорошо помнить об оказанном ему большом доверии. Фаворит, как бессменный часовой, постоянно находится на своем посту, чтобы предоставлять королю достоверную информацию».

Летом того года Сомерсет, понимая, что против него плетутся многочисленные интриги, подготовил себе амнистию за все совершенные и несовершенные проступки. Его враги говорили, например, что он присвоил себе некоторые королевские драгоценности. На заседании Тайного совета 20 июля король приказал лорд-канцлеру, самому Фрэнсису Бэкону, скрепить печатью эту амнистию «немедленно, поскольку таково мое желание». Бэкон пал на колени и попросил короля обдумать свое решение еще раз. «Я приказал вам утвердить амнистию, — сказал Яков, выходя из зала заседаний Совета, — и вы это сделаете». Однако король, как всегда, испытывал сомнения и нерешительность. Королева и другие члены Совета выступали против решения, которое позволило бы Сомерсету оставить себе драгоценности и другие вещи, возможно украденные у короля, а это составило бы прискорбный преце-

дент. В конце концов Яков покинул Уайтхолл, не приняв определенного решения.

Это стало для Сомерсета началом конца. Ранней осенью 1615 года поползли слухи, что сэра Томаса Овербери в Тауэре отравили. Один из второстепенных сообщников, посыльный из аптеки, серьезно заболел и признался в участии в преступлении. Тайна заговора начала раскрываться мгновенно. Допросили лейтенанта Тауэра. Обнаружилось, что тюремщиком Овербери был назначен Ричард Вестон, затем выснилось, что он служил у миссис Тёрнер. Теперь след вел прямо к Фрэнсис Карр, графине Сомерсет, и ее мужу.

Король, не на шутку встревоженный поворотом событий, могущих задеть честь престола, поручил лорду — главному судье Эдварду Коку выписать ордер на арест Сомерсета. Сомерсет явился к Якову высказать протест против такого оскорбления его имени и семьи. «Нет, парень, — воскликнул король, — если Кок посылает за *мной,* я должен идти». Полагали, что он добавил, когда бывший фаворит удалился: «Черт тебя побери, мы больше никогда не увидимся, милый».

Кок провел тщательное расследование и в итоге доложил королю, что Фрэнсис Карр в прошлом использовала колдовство и для отстранения

бывшего мужа, графа Эссекса, и для привлечения нового любовника. Кроме того, Кок выяснил, что она добыла три разных вида яда для отравления Овербери.

24 мая 1616 года графиня Сомерсет стояла перед большим жюри в Вестминстере, вся в черном, только воротник и манжеты платья были из белого батиста. В суде зачитали несколько ее писем, по всей видимости непристойного характера. Когда толпа зрителей подалась вперед, чтобы рассмотреть приведенные в них магические символы и изображения, с деревянного помоста послышался сильный «треск». Мгновенно люди уверились, что сам дьявол явился в суд, а этим шумом проявил свой гнев от разоблачения его уловок. Последовала паника и неразбериха, которую не могли успокоить в течение четверти часа. В воздухе XVII столетия по-прежнему витали ведьмы и демоны.

Графиня признала себя виновной в убийстве, вероятно понимая, что король всегда проявлял милосердие к членам аристократических фамилий. Ее муж явился в суд на следующий день и заявил, что невиновен в преступлении, но ему не поверили. Мужа и жену приговорили к смертной казни. По приказу короля казнь отменили,

вместо того их поместили в Тауэр, где они провели почти шесть лет. Разоблачение их обмана и предательства, их распутства и лицемерия еще больше подорвало авторитет двора и самого короля, поскольку они когда-то были его близкими друзьями. Миссис Тёрнер, приговоренная к смертной казни за свое участие в отравлении, сказала о придворных короля: «Большинство из них не знает истинной веры, а только злобу, гордыню, распутство и радость от грехопадения других. Двор настолько безнравственное место, что я удивляюсь, почему земля еще не расступилась, чтобы поглотить его».

В начале весны того года престолонаследник Карл в саду Гринвичского дворца «в шутку» облил Вильерса из водосточной трубы. Фаворит сильно обиделся. Король тут же в редком для него проявлении гнева надрал сыну уши, восклицая, что у него «злобный и упрямый характер». Теперь монарх называл Вильерса «Стини» — ласкательно-уменьшительным вариантом от имени святого Стефана, потому что те, кто видел изображения этого святого, утверждали, что лицо Вильерса напоминало лик ангела. Вскоре ангелоликий Стини возьмет в свои руки управление страной.

6. Лондонские испарения

Наиболее яркое и убедительное описание Лондона времен короля Якова I можно найти в памфлете «Семь смертных грехов Лондона», опубликованном в 1607 году. Это произведение (нечто чуть большее, чем просто памфлет) написано Томасом Деккером всего за семь дней, и в нем присутствует вся живость и непосредственность, характерные для стремительного сочинения. Сам Деккер был драматургом и памфлетистом сомнительной репутации и вел жизнь, о которой почти ничего не известно, правда, в этом отношении он мало отличается от большинства литераторов своего времени.

Деккер объявляет городу: «Твое лоно породило меня, твоя грудь — питала» (в этом случае Лондон, надо понимать, суровая мать и нянька). Он жалуется, что из всех городов Лондон «самый богатый, но и самый безалаберный. Ты имеешь все, чтобы быть наидостойнейшим, но и все, чтобы сделаться наигрязнейшим». К моменту восшествия на престол Якова Лондон был «единственным щеголем и любимцем мира», но «за

короткое время он приобрел больше болезней, чем обыкновенная проститутка».

Деккер рисует картину столицы в полдень, когда «на каждой улице подводы и повозки грохочут так, будто весь мир встал на колеса. На каждом перекрестке мужчины, женщины и дети толпятся в таком множестве, что для укрепления домов устанавливают подпорки, а то, толкаясь друг с другом, они бы снесли строения. В одном месте стучат молотками, в другом — набивают обручи на бочки, в третьем — гремят горшками, а в четвертом — булькает вода, под наклоном наливаясь в кружки. Здесь грузчики обливаются потом под ношей, там купеческие служки несут мешки с деньгами, торговцы (как в “чехарде”) скачут из одного магазина в другой, лавочники (словно в гальярде) энергично двигаются и никогда не стоят на месте — все поглощены делом, как сельские поверенные во время выездных сессий суда присяжных».

А вот ночью город выглядит совсем иначе. Деккер смотрит на Лондон в сумерках и видит в нем товарища «для пьяниц, распутников и транжир». Это время суток, когда «торговцы тканями сворачивают свои шелка и бархаты, ювелиры убирают драгоценную посуду и весь город становится

похож на частный театр с закрытыми окнами, в котором сейчас всем торговым людям показывают полночную мрачную трагедию». Банкроты и опасные преступники, боясь ареста, днем сидели взаперти, а ночью «начинали вылезать из своих нор, выпрямлять спину и ходить по улицам гордой походкой, как будто намереваясь головой дотянуться до звезд».

Преуспевающий горожанин, который в течение дня «взирал на своих бедных соседей кислее, чем если бы залпом выпил кварту уксуса», теперь выскальзывает на улицу и «пробирается в пивную, где либо в одиночестве, либо сбросившись с кем-то еще, они так набираются однопенсовыми кружками [эля]… что в итоге теряют зрение и способность передвигаться на своих двоих». Они вываливаются в ночь, по дороге вступают в перебранку со столбом и заканчивают попаданием в канаву. Их подмастерья, вопреки клятве в подписанных ими контрактах, «совершают отчаянные вылазки и стремительные возвращения» со своими пинтами. Три устремления лондонцев по ночам — выпивка, танцы и азартные игры.

Проза Томаса Деккера ясная, энергичная и лаконичная. Он обращает внимание на лондонцев у книжного киоска во дворе собора Святого

Павла. Они «со скаредностью смотрят (как ослы, с шумом жующие чертополох) на новую книгу, как бы хороша она ни была, и идут дальше (будто им не понравилось), что-то бормоча себе под нос». Он подмечает тот факт, что лондонские публичные дома выставляют перед своими зданиями раскрашенные шесты, а их владельцы всегда подают клиентам томленый чернослив. Деккер рассказывает, что решетки на окнах пабов красят в красный цвет. Он описывает угольщиков с улицы Коулман, мясников Олдгейта и маклеров Хаундсдитча.

Наряд лондонца «похож на тело изменника, которого повесили, растянули на дыбе и четвертовали, — его собрали по разным местам: гульфик из Дании, краски для камзола и манишки из Франции, узкие рукава из Италии, высокая талия нависает, как у немецкого мясника над прилавком в Утрехте, огромные брюки [рукава для ног] говорят по-испански, башмаки дала Польша». Это типичное раздражение эклектичностью лондонского стиля.

Деккер отмечает неприятные привычки иных горожан. Он упоминает разных развеселых «табачников, парфюмеров, изготовителей плюмажа, батистовых складок и воланов»; каждый из них

«резвый, вертлявый парень; более легкомысленный, чем музыкант; наряженный так же странно, как придворный шут; несдержанный в речах, распутный в поведении».

Деккер не приемлет распространенную практику браков молодых девушек с богатыми стариками, «потому что у них изо рта пахнет не приятнее, чем от навозной кучи, а тело более иссохшее, чем у мумии, при этом их разум уже возвращается к почти полному невежеству». Он сетует, что лондонские домовладельцы «из-за строительства дымохода, которое обходится им не дороже тридцати шиллингов, и побелки стен помещения, которая вряд ли стоит штукатурки, тут же поднимают цену на жилье, прибавляя три фунта стерлингов в год к той, что была раньше». Во всем чувствуется горечь собственного опыта. Добро пожаловать в мир Лондона времен короля Якова I.

Скупость и алчность сильно занимали ум и другого лондонца. Первое представление «Варфоломеевской ярмарки» Бена Джонсона состоялось в театре «Надежда» в конце октября 1614 года. Спектакль был длинный, примерно трехчасовой продолжительности, и начинался в два часа дня. На сцене была представлена сама сущность Лон-

дона. «Надежду» использовали, кроме прочего, для травли медведей, в таких случаях просто снимали театральные подмостки, и в прологе «Варфоломеевской ярмарки» Джонсон сравнивает этот театр с местом проведения самой ярмарки — «место такое же грязное и зловонное, как Смитфилд». Вонь от мертвых или умирающих животных по-прежнему сохранялась в атмосфере театра. Наверное, на полу также оставалась ореховая скорлупа и огрызки яблок. Где-то внутри «Варфоломеевской ярмарки» жила душа и суть Лондона той поры. Персонажи этого произведения — порождение Лондона, в котором все люди только актеры.

Чтобы создать подобие ярмарки, на сцене возвели парусиновые ярмарочные балаганы. Появляется одно действующее лицо, вскоре к нему присоединяется другое, затем еще одно, и вот уже перед зрителем предстает толпа горожан. Они говорят колкости, они ругаются, они смеются. Они дерутся. Они непристойны. Они мочатся. Они блюют. Они надувают друг друга. Пара из них затягивает песню. Возникают разные истории и сюжеты, только чтобы снова раствориться в нарастающей суете ярмарки. Проститутки и карманники сталкиваются с музыкантами и

буфетчиками.

Некоторые персонажи надевают на себя личину, но к концу пьесы их истинная сущность выходит на свет, а их притязания терпят крах. Всю власть осыпают оскорблениями. Таков обычай Лондона. Нет другой реальной власти, кроме власти денег, нет других соображений, кроме агрессивности и голода. «Благослови меня!» — кричит кто-то. «Помоги мне, держи меня! Ярмарка!» Мышеловки и имбирный хлеб, кошельки и сумки, куклы и щенки — здесь продается все. «Чего вам не хватает, джентльмены? Чего изволите?» Весь мир — ярмарка. «Не купите ли новые баллады? Новые баллады?» Кукольное представление завершает пьесу, показавшую, что Лондон — это роскошное и пустое зрелище, тюрьма и праздник.

Один из духов-хранителей Варфоломеевской ярмарки — Урсула, толстая торговка элем и жареной свининой, а время от времени и проститутка.

Урсула. Я вся — пылающий жир, Найтингейл. Боюсь, что скоро окончательно растаю и от меня останется только одно адамово ребро, из которого сделали первую женщину. Ей-богу, я, как огромная садовая лейка, поливаю землю. Где ни

пройду, оставляю следы. Ты можешь выследить меня по моим ссыкушкам.

Она постоянно и изобретательно бранит всех и вся.

Урсула. Я вижу, какой кобель зачал тебя. Иди, вынюхивай суку своего брата, миссис Товар.

В комедии говорят, что у нее во рту горящий уголек.

Другой важный персонаж ярмарки — Ревнитель Бизи, пародия Джонсона на пуритан.

Бизи. Не взирайте на них и не внимайте их речам. Здесь площадь Смитфилд, то есть поле кузнецов, вертеп игрушек и безделиц… Эти крючки и приманки, самые искусительные приманки, развешаны со всех сторон, чтобы изловить вас и удержать за жабры и ноздри, подобно тому как делает рыбак…

Он, разумеется, предстает как отъявленный сластолюбец и лицемер, полностью подтверждая подозрения народа в отношении благочестивых людей того времени.

Джонсон говорил, что хотел показать «поступки и язык, на котором люди действительно разговаривают в жизни». Он знал, о чем пишет.

Как он сам рассказал, его «плохо воспитывали» в Лондоне. Когда его мать второй раз вышла замуж (за квалифицированного каменщика), их небольшая семья переехала в дом на узкой улочке, идущей от Стрэнда[11]. Он ходил в начальную школу этого района до поступления в Вестминстер-скул[12] и, наверное, собирался в университет Кембриджа, однако недостаток средств не позволил ему учиться дальше. Вместо того он занялся делом отчима по кладке кирпича и с перерывами в течение нескольких лет возвращался к этому ремеслу. Потом он служил в Нидерландах, а возвратившись в Лондон, окунулся в мир театра. Джонсон был родным детищем города, и «Варфоломеевская ярмарка» — его дань богатой жизни Лондона.

Вот они, наши «завзятые остроумцы, заседающие в “Трех журавлях”, “Митре” и “ Сирене”»! Эти три таверны были любимыми местами сбора для рифмоплетов и людей, в ком предполагался хороший вкус. Чуть позже как места, где может

---

[11] Примечания: 11

Одна из главных улиц в центральной части Лондона, Стрэнд (the Strand, *букв.* берег), во времена Джонсона шла непосредственно вдоль Темзы.

[12] Примечания: 12

Вестминстер-скул (Westminster School) — одна из старейших престижных мужских привилегированных частных средних школ в Лондоне.

отдохнуть усталый лондонец, уже обозначены «Мурфилд, Пимлико и Биржа». В финальной части комедии кукольный театр представляет миф о Геро и Леандре, но местом действия становится Лондон.

Литлуит. Геллеспонт я заменил нашей Темзой, Леандра сделал сыном красильщика из Педлуорфа, а Геро — девицей из Бенксайда. Однажды она отправилась на рыбный рынок, и Леандр увидел, как ее лодка причалила к берегу в Тригстерсе.

Замечательно, что простые лондонцы, по всей видимости, прекрасно знали эту древнюю историю, скорее всего по поэме Марло «Геро и Леандр», которую напечатали шестнадцать лет назад.

Многих намеков в комедии Джонсона мы уже не понимаем, многие слова теперь кажутся странными и незнакомыми. «Игрушечными лошадками» (hobby-horse) называли проституток. «Перекус» (undermeal) означал легкую закуску. «Черстветь» (stale) значило «мочиться».

Когда один персонаж признается, что «вчера вечером мы все немного замарались», он имеет в виду, что они напились. «Причуды» (whimsies) — это женские гениталии. «Диетическое питье» (diet-drink) — лекарство. Католического рекузан-

та обзывали «семинарией».

Посетители ярмарки часто упоминают «пар» (vapour) или «испарения» (vapours), что может иметь какой-то смысл или не значить ничего. «Впаривать» (to vapour) значит «лгать» или «хвалиться»; «распариться» — прийти в бешенство. Популярная игра, в которой каждый участник должен отрицать то, что сказал предыдущий, называлась «игра испарений». Лондон был охвачен испарениями.

Куорлос. Поверь, каждому, кто будет впаривать, что я брехун, я впарю изо всех сил. *(Бьет его.)*

В некотором смысле мы будто рассматриваем чужой мир, но то и дело звучит что-то очень знакомое и понятное, и тогда мы снова становимся частью Лондона времен короля Якова I.

7. Что нового?

Судебный процесс над Сомерсетом и его женой усугубил ситуацию при дворе. Придворные сочли, что король стал еще более коварным и малодушным, чем был. Образованность Якова прежде превозносили, а теперь за глаза короля называли педантом. Его новое увлечение Вильерсом вызывало насмешки, ревность и даже омерзение. В здоровье короля тоже появились признаки ухудшения. Королевский доктор впоследствии писал, что «в 1616 году боль и слабость распространились на колени, плечи и кисти рук, поэтому в течение четырех месяцев король был вынужден лежать или сидеть». Яков стал раздражительным, мрачным и вздорным. Далее доктор продолжил, что «он крайне чувствителен, совершенно не в состоянии терпеть боль. Когда при резких движениях его мучает физическая боль, разум короля тоже страдает, тем самым увеличивая ущерб здоровью».

Яков часто и много пил воду, покрывался сильной испариной и постоянно простужался: насморк уже не проходил. Лицо короля стало

красным, он набирал вес, а волосы седели. В возрасте пятидесяти лет Яков стремительно старел. Он по-прежнему питал отвращение к работе и предпочитал охотиться, но верхом ездил медленнее и позволял грумам вести свою лошадь.

Таким образом, взоры искателей высоких должностей все чаще обращались к наследнику престола. Карл в свои пятнадцать лет обладал многими добродетелями принца. Он отличался в теннисе и в сражениях на копьях, любил лошадей и театр масок, к тому же уже слыл ценителем изобразительного искусства и музыки. Тем не менее он был набожным и сдержанным, немногословным и даже замкнутым, покрывался краской смущения, услышав грубое слово. Принц был невысокого роста (1 м 63 см) и сильно заикался.

Посол Венеции докладывал, что принц прилагает все усилия, чтобы «поддерживать своего отца, разделять его взгляды, доставлять ему удовольствие и поступать только так, как поступает отец. В присутствии отца он всегда старается скрывать собственные чувства». Таким образом, Карл рос неуверенным и нерешительным, склонным придерживаться нескольких принципов, которые уже усвоил раньше. Он был слишком застенчив себе в ущерб и, возможно, оглушен

говорливостью отца и красотой Вильерса. Когда он пытался действовать по-настоящему активно (впоследствии), то зачастую совершал опрометчивые поступки, не подумав о последствиях. Кроме того, его благочестие и ощущение священной миссии лишали принца чувства юмора и придавали ему лишней суровости.

Летом того года король ополчился на своих судей. Эдвард Кок, главный судья Суда королевской скамьи, нередко вызывал гнев Якова тем, что утверждал приоритет общего права над притязаниями королевской власти. В июне 1616 года король собрал судей и обвинил их в нарушении субординации. Они пали на колени, заверяя в своей преданности и покорности. Король затем спросил всех по очереди, будут ли они консультироваться с ним перед объявлением решения по вопросам королевской прерогативы. Все согласились, за примечательным исключением самого Кока, который просто ответил, что будет действовать в духе, соответствующем статусу главного судьи. Яков набросился на Кока, обозвал его плутом и софистом. Несколько дней спустя король отправился в Звездную палату, где произнес длинную речь о своем стремлении к справедливости. «Короли по существу и есть

судьи, — заявил он членам своего Совета, — правосудие должным образом дано им от Бога… Я помню слова Христа: “Моя паства слышит мой голос”, и я уверен, что мой народ охотно услышит мой голос, голос их пастыря и короля». Это было не самое скромное из утверждений короля.

Разумеется, никто и не думал, что Кок сохранит за собой место на королевской службе. Его вывели из состава Тайного совета и приказали не совершать летней поездки по провинциям королевства. Ему сказали пересмотреть свой сборник судебных решений, «в котором (как проинформировали его величество) было много радикальных и нелепых суждений». Через пять месяцев, в ноябре 1616 года, Кока отрешили от должности, как говорили в то время, «вычеркнули из книг учета». Король избавил себя от непокорного судьи, но одновременно превратил Кока в мученика, пострадавшего за верховенство права и вольности народа.

Однако природу и характер «народа» люди могли понимать самым разным образом. До 1620 года население государства быстро увеличивалось, и в результате стало расти и количество бедных. Уже в 1688 году официально сообщалось, что более половины населения (и сельского, и городского)

живет за чертой бедности. Покупательная способность заработной платы сельскохозяйственных рабочих и мелких городских ремесленников в относительном пересчете находилась на самом низком уровне за несколько поколений. В 1616 году было зафиксировано, что в Шеффилде из населения немногим более 2000 человек 725 жителей «не могут жить без подаяния своих соседей»; все они «просили милостыню». Было еще 160 других, кто «не в состоянии пережить бедствие одной двухнедельной болезни, потому что в таком случае они окажутся в крайней нищете». Их дети «вынуждены тяжело работать, чтобы обеспечить себе пропитание».

Экономическое неравенство в обществе имело такие огромные размеры, что за тот же период благосостояние сельского мелкопоместного дворянства и более состоятельных горожан резко возросло. Этот факт сам по себе объясняет великую эпоху строительства и реконструкции, достигшую высшей точки в якобитском (то есть времен короля Якова I) особняке с его изысканным декором и изумительным силуэтом.

Кроме того, стало очевидно, что если у джентри росло богатство и положение в обществе, то старая аристократия теряла часть своего влияния.

Возвышение сельского дворянства неуклонно повышало могущество и авторитет палаты общин, в которой оно составляло большинство. Говорили, что джентри могли трижды купить всю палату лордов. В работе более позднего времени «Республика Океания» (Oceana) Джеймс Гаррингтон утверждал, что работа правительства «соответствует духу дворянина». Сокращение состояний старых лордов в пользу развивающихся джентри объясняли и объясняют по-разному. Это было связано с утратой богатства и земельных наделов, но кроме того, стало естественным результатом уменьшения военной мощи старой аристократии. В любом случае король продавал звания пэров и баронетов за наличный расчет и тем самым умалял почетную ценность всех титулов.

Поскольку росло влияние джентри, соответственно усиливались и те слои общества, которые можно назвать классами специалистов. За период с 1590 по 1630 год количество юристов увеличилось на 40 %, врачей тоже стало значительно больше. Торговое дело также процветало и уже не считалось занятием, недостойным дворянина; младшие сыновья землевладельцев с готовностью становились учениками торговцев в надежде со временем подняться до партнера.

Разрыв между богатыми и бедными углублялся, при этом состоятельные слои общества неуклонно сближались.

Теперь джентри также контролировали органы местного управления. Лорд-лейтенанты и представители, шерифы и мировые судьи были необходимы для поддержания порядка и безопасности страны. Король и его Совет полностью полагались на них в таких вопросах, как взимание налогов, регулирование торговли и формирование войск для зарубежных войн. В свою очередь, форма местного управления создавалась на четвертных сессиях, когда самые влиятельные люди графства или города встречались для обсуждения местных дел. Все вместе они назывались коллегией мировых судей, а служащий, который вел дела собрания, — секретарем мирового суда. Их власть распространялась на главных и рядовых констеблей, на церковных старост и попечителей по призрению бедных в каждом приходе.

Значительная часть поместного дворянства была настроена против королевского двора. На местных выборах 1614 года оба кандидата заявляли, что представляют «общину», и не признавали расходы «изворотливого придворного». Довольно

скоро фракции «двора» и «общин» проявят себя в деле. Привычки Уайтхолла уже находились под большим подозрением. Расточительность короля требовала повышения налогов. Практика реквизиций для нужд королевского двора, при помощи которой двор практически захватывал товары и услуги, приняла чудовищный размах. По стране ходили слухи о гомосексуальных увлечениях короля. В начале 1617 года Джорджу Вильерсу, уже виконту Вильерсу, даровали титул графа Бекингема и назначили королевским конюшим. Он имел обширные земли и огромный доход, но, кроме того, получил монопольное право распределять бенефиции. Каждому соискателю должности приходилось иметь дело с графом, а Бекингем настаивал, чтобы все клиенты признавали его своим единственным покровителем. Люси Хатчинсон, мемуаристка с пуританскими убеждениями, писала, что он возвысился «не вследствие заслуг, а благодаря красивой внешности и занятиям проституцией».

Должность рассматривалась как фамильная собственность. Крупным государственным служащим разрешалось (от них даже ожидались подобные действия) назначать своих преемников. Разумеется, они делали выбор после

получения соответствующего вознаграждения. Происходило обсуждение условий между лицом, занимающим пост, фаворитом на должность и несколькими претендующими соискателями. Некоторые чиновники были личными служащими других официальных лиц. Имело значение только то, с кем вы знакомы и насколько вы богаты. Когда в 1618 году освободилось место канцлера герцогства Ланкастер, сорок три претендента вступили в борьбу за пост, который продавался примерно за 8000 фунтов стерлингов. Особо коррумпированными были административные должностные лица морского ведомства: они брали взятки, назначали личных слуг на государственные должности, перенаправляли предметы снабжения, выплачивали себе двойное денежное пособие, заказывали худшее по качеству сырье, присваивая разницу в цене, использовали корабли для коммерческих рейсов, соответственно взимая плату.

Все дела под эгидой короны — денежные награждения и дополнительные льготы, ежегодные ренты и пенсии — обходились недешево. Сэмюэл Доувз писал, что «2 февраля мое дело разбиралось

в Канцлерском суде[13]. В заседании был человек на должности судебного глашатая, когда он меня вызвал, я дал ему восемь шиллингов… и еще двум людям, которые обеспечивали возможность довести дело до рассмотрения, требовалось дать по восемь шиллингов, и я заплатил. И еще за дверью меня остановили два человека, потребовали добавить по два шиллинга, что я и сделал». Платили за место на рыночной площади, платили за право продавать и производить ткань. Когда группе монополистов даровали право содержать маяк в Дангенессе с вознаграждением в виде сборов со всех проходящих кораблей, они предоставили маяку одну-единственную свечу.

А что нового произошло за границей? *Quid novi?* «Быстро не получится пересказать все повороты дела, — писал Джон Чемберлен, — которое сильно занимало “Павла” и Лондон целую неделю». «Павел» — это центральный проход собора Святого Павла, где любители посудачить и те, кого называли сплетниками, встречались, чтобы обсудить последние новости. У лордов и джентри, придворных и коммерсантов, а также

[13] Примечания: 13

Канцлерский суд (Court of Chancery) — Верховный суд Великобритании до 1873 г.

людей всех профессий было устойчивой привычкой собираться в храме в одиннадцать часов и до двенадцати прогуливаться по центральному проходу; после обеда, с трех до шести, они встречались снова — обсуждали политическую и деловую жизнь или приглушенными голосами пересказывали все слухи и тайны Лондона. Про каждого поставщика секретов из королевского двора говорили — «один из наших новых главных глаголов в “Павле”, хорошо знакомый со всеми событиями». Таким образом, оживленный проход собора стал известен под названием «притон сплетен», его атмосферу наполняло, как сформулировал наблюдатель того времени Джон Эрл, «странное гудение или жужжание, смешанное со звуками ходьбы, — работа языков и шарканье ног».

Говорили, что одним из пороков Англии была болтовня «бесцеремонных любопытных» — другими словами, «информаторов». Джозеф Холл в своем произведении «Характеры добродетельные и порочные» (1608) описывает одно такое существо. «Чем человек рискует, отправляясь в Гвинею, и что там получает, он знает до подробностей. Он знает, подпишет ли Голландия мирный договор и на каких условиях… Если он

видит, что два человека разговаривают и читают письмо, он бежит к ним и спрашивает, нельзя ли поучаствовать в этом секретном деле».

Итак, мы читаем, что «общество думает и волнуется по поводу большого дела Фабрицио», или «в худшем случае общество считает, что если они дойдут до соперничества, то оба сделаны из одинаково хрупкого металла». Общество думает так, общество говорит эдак. «В наши дни то, что кажется наименее вероятным, обычно происходит быстрее всего». «Говорят, что король собирается в Ройстон». «Сейчас об этом говорят все». «У нас так мало новостей, особенно государственных, что мы вынуждены приниматься за работу без всякого удовольствия…» «По секрету ходят разговоры о смене чиновников… по которым можно понять, кто хочет и надеется стать лорд-канцлером». Лодочники угощали своих клиентов новостями; простые горожане получали порцию слухов, сидя в кресле цирюльника. Некоторые люди зарабатывали на жизнь, рассылая по стране рукописные новостные листки. Слухи могли распространяться со скоростью свыше 80 километров за ночь.

Итак, что новенького при дворе? В марте 1617 года король отправился на север. Своему тайному советнику в Шотландии он сказал: «Все эти дол-

гие годы мы испытывали огромное естественное желание увидеть родную землю, то место, где мы родились и выросли». Свое чувство он назвал (просто очаровательно) «инстинктом, свойственным лососю». В неторопливом путешествии короля сопровождали сотни придворных, которые, подобно саранче, пожирали все на своем пути через страну, пока не прибыли в Эдинбург в середине мая. Никто не знал в точности, кем должен финансироваться визит, и те, кто находился на пути королевского кортежа, опасались самого худшего. Сотни лет ни один английский король не прибывал таким образом. Когда Яков достиг границы, он спешился и лег на землю между двумя странами, объявив, что символизирует собой объединение Шотландии с Англией.

Многие советники Якова и аристократы не захотели следовать за королем. Они не интересовались Шотландией и не ожидали от нее ничего хорошего. Для них эта страна была неотесанной и даже дикой. Даже королева отказалась ехать со своим мужем, сославшись на недомогание. Один английский придворный, сэр Энтони Уэлдон, написал, что это иностранное государство «великолепно для тех, кто им владеет, и отвратительно для всех прочих… Здесь много дичи — и дикое

количество грязи: грязных жилищ, белья, посуды и жратвы… Эта страна, хотя и гористая, не содержит в себе чудовищ, за исключением женщин».

Яков привез с собой свечи и певчих, а также пару орга́нов: он намеревался убедить пресвитерианскую церковь Шотландии принять богослужение Англиканской церкви, однако особо не преуспел. Шотландские священники остерегались этого «папистского гвалта». «Первыми звучат органы, — сказал один кальвинистский богослов, — и только потом начинается месса». Кроме того, король восстановил против себя многих членов шотландского парламента. В речи на открытии сессии Яков пустился в рассуждения о достоинствах Английского королевства. Он сказал своим соотечественникам, что «больше всего желал бы сократить вашу грубость до приятной любезности английских соседей». К тому времени шотландцы уже узнали от англичан, как предаваться гомосексуальным утехам, пропивать здоровье и курить табак. Поэтому высказывание короля не могло быть встречено с энтузиазмом.

А еще какие новости? Летом 1617 года сэр Уолтер Рэли, недавно освобожденный из Тауэра для определенной цели, отплыл в Гвиану на поиски золота. Король ясно приказал ему никоим

образом не задевать испанцев: он по-прежнему добивался для своего сына руки испанской инфанты. Достигнув в конце концов устья реки Ориноко, Рэли направил лейтенанта Лоуренса Кеймиса вверх по реке установить расположение легендарного золотого прииска. Однако по пути Кеймис атаковал испанцев, державших Сан-Томе. После ненужного боя, в котором погиб сын Рэли, лейтенанта вынудили вернуться к основному флоту. Теперь была потеряна возможность добраться до прииска, и Рэли с позором возвратился в Англию. На борту корабля Кеймис совершил самоубийство. Ярость короля не знала границ, а королевский гнев нередко означал смерть. Яков посчитал, что Рэли сознательно обманул его по поводу присутствия золота, к тому же неудачливый геологоразведчик неоправданно и без особой необходимости обеспечил ему враждебность Испании.

Испанский король, конечно, высказал яростный протест через своего пресловутого посланника графа Гондомара. В качестве меры умиротворения или компенсации Яков отправил Рэли на плаху, ее установили во дворе Старого дворца в Вестминстере. Все сочли, что король принес его в жертву для спасения чести короля

Испании. «Давайте побыстрее, — сказал Рэли своему палачу, — в этот час у меня бывает приступ малярии. Я бы не хотел, чтобы мои враги думали, что меня трясло от страха». Глядя на топор, который сейчас отсечет ему голову, он будто бы проговорил, что «это суровая медицина, но она лечит от всех болезней и невзгод». Когда палач занес топор, чтобы нанести удар, Рэли выкрикнул: «Бей, парень, бей!» У него действительно не было времени закончить свою «Мировую историю», к сочинению которой он приступил в 1607 году, сидя в Тауэре. Автор начал с Сотворения мира, но к моменту своей смерти дошел только до конца второй Македонской войны 188 года до н. э.

А какие же еще известия преподносил Лондон с пылу с жару? В ноябре 1617 года король издал декларацию жителям графства Ланкашир по поводу воскресных состязаний и развлечений; в следующем году это распоряжение, «Книгу спортивных состязаний», распространят на всю страну. Стрельба из лука и танцы разрешались, вместе с «прыжками, вольтижировкой и другими столь же безобидными спортивными играми»; король также милостиво разрешил «майские празднества с танцами моррис и установкой майского дерева, а также эль на Троицыной неделе».

Однако травлю медведей и быков вместе с игрой в шары запретили. На духовенство более строгих правил декларация короля произвела неблагоприятное впечатление, ее скоро стали называть «Книгой танцев» и заклеймили за безнравственность и идолопоклонство. Священник Уильям Клаф из Брэмхема сказал своей пастве, что «Царь Небесный велит вам соблюдать воскресенье и почитать его храм. Король Англии — смертный человек, и теперь предлагает нарушать воскресенье. Выбирайте, за кем из них вы последуете». Довольно скоро убежденные пуритане станут главными противниками королевского курса.

В начале 1618 года двору представили пьесу-маску Бена Джонсона «Удовольствие примиряется с добродетелью». Она понравилась не всем, звучали предположения, что драматург, возможно, захочет вернуться к своему прежнему занятию каменщика. В финальной части спектакля актеры, танцуя, начали запаздывать. «Почему они не танцуют? — крикнул король. — Зачем меня сюда пригласили? Танцуйте, черт вас побери!» После таких слов вскочил Бекингем и, по словам священника посольства Венеции, «исполнил несколько высоких и очень быстрых прыжков с такой грацией и легкостью, что очаро-

вал всех». Яков проявил «исключительные знаки нежности, касаясь его лица».

Тем не менее недруги Бекингема, в особенности клан Говардов, не теряли надежды выжить его. Они представили ко двору другого юношу прекрасной наружности по имени Монсон. Его приготовили к этой роли, хорошо одели и каждый день умывали лицо простоквашей для гладкости кожи. Однако король не обратил внимания на нового обожателя. Лорд — управляющий двором короля отвел Монсона в сторону и сообщил ему, что Якову не понравилась его назойливость и постоянное присутствие. Он приказал юноше держаться подальше от короля, а лучше бы и вообще покинуть двор.

Бекингем начал пользоваться одним из первых появившихся в Англии паланкинов. Народ негодовал, возмущаясь тем, что он нанимает людей на место животных. Несмотря на это, он все равно находился в зените, где и будет оставаться до конца королевского правления.

8. Богемская трагедия

В апреле 1618 года вышла небольшая книжка, отмеченная королевским гербом. Она называлась «Миротворец» и превозносила добродетели Якова как умиротворителя всех разногласий и проблем. «Счастливое прибежище» Англии уже пятнадцать лет наслаждается миром, и поэтому теперь «давайте радостно отметим это и все вместе споем *Beati Pacifici* (“Блаженны миротворцы”)».

Однако серьезный раздор назревал в далекой земле Богемия (в настоящее время примерно соответствует Чешской Республике), которой правил император Священной Римской империи Маттиас. Через месяц после выхода книги некоторые протестантские аристократы Богемии взяли приступом императорский дворец в Праге и выбросили представителей императора из окон: Маттиас пытался навязать им правление эрцгерцога Фердинанда, страстного католика и члена семьи Габсбург. Вскоре богемские мятежники уже руководили страной, бросая вызов католической династии Габсбургов, к которой

принадлежал король Испании Филип III.

Немецкие кальвинисты, естественно, поддержали богемское дело, таким образом создавая проблему для короля Англии. Главой кальвинистов был не кто иной, как зять Якова Фридрих Пфальцский. Однако Яков хотел женить своего сына на дочери Филиппа III. Что же ему делать? Стоит ли Якову встать на сторону испанского Габсбурга против партии протестантов? Или он должен поощрить своего зятя в защите самостоятельности Богемии? Король вывернулся, отправив туда третейского судью, но ни одна из сторон на самом деле не желала принимать его посланника. Испанский посол Гондомар заметил, что «тщеславие теперешнего короля Англии настолько велико, что он придает весьма большое значение тому, чтобы мир был заключен при его содействии, поднимая таким образом его авторитет». Но этого не случилось.

В марте 1619 года Маттиас умер, а новым императором Священной Римской империи избрали эрцгерцога Фердинанда. Богемцы воспользовались возможностью официально отказаться от его правления и пригласили Фридриха занять место правителя Богемии. Фридрих не стал долго колебаться. Яков сетовал: «Он написал мне спро-

сить моего мнения, следует ли ему принимать эту корону; но спустя три дня и еще до того, как я смог отправить ответ, он уже надел ее».

Приняв предложение, Фридрих в октябре отправился в Прагу, чтобы занять трон Богемии. Английские протестанты ликовали. Вот наконец появился европейский защитник, в котором они нуждались. Поздней осенью 1618 года по небу Европы пронеслась большая комета, ее красноватый цвет и длинный хвост можно было наблюдать семь недель. Комету назвали «разгневанной звездой». Ее, конечно, сочли провидением, знамением и предвестницей больших перемен. Может быть, она провозвестница окончательного поражения Габсбурга и даже римского Антихриста?

Мнение Якова не совсем совпадало со взглядами подданных-протестантов. Короля злило то, что он считал поспешностью Фридриха в принятии короны Богемии; в этом смысле его зять был агрессором, попирающим священное право королей. «Вы приехали в Англию как раз вовремя, — говорил Яков посланнику Фридриха, — чтобы убедить мой народ, будто подданные могут убрать меня и поместить на мое место другого избранника». Еще более важную роль играло то, что он не хотел портить отношения с

испанцами, слишком дорого они ему достались. Тем не менее его дочь теперь стала королевой Богемии. Наверное, в этом был повод для гордости? Вот главнейшая дилемма правления Якова — убийственное сочетание дружелюбия к Испании и родства с собратьями-протестантами в Европе. Он пытался умиротворить обе силы, но сейчас они грозили разорвать его на части. Поэтому он уклонился от решения вопроса. Французский посол доложил, что «его ум силен только на короткое время, а в целом король труслив».

Отношения с испанцами находились в сложном и хрупком равновесии. Дело о женитьбе принца Карла на испанской инфанте крайне затягивалось, при этом общественное мнение Англии пугала мысль о возможном союзе с католической державой. В случае бракосочетания, таким образом, король мог потерять расположение своих подданных, но Яков слишком желал огромного испанского приданого, чтобы проявлять осмотрительность. Испанцы, в свою очередь, требовали, чтобы английским католикам разрешили свободно исповедовать свою религию, а внесение изменений в закон требует согласия парламента. Парламент никогда бы не удовлетворил такой запрос. Стояло тревожное ожидание. Когда один

дворянин из испанского посольства, проезжая верхом по Чансери-Лейн[14], сбил ребенка, враждебная толпа попыталась схватить его. Он пришпорил лошадь, но горожане, собравшиеся в количестве пяти тысяч человек, преследовали беглеца до здания посольства Испании. Лондонцы окружили дом, били окна, угрожая выломать двери, пока не прибыл лорд — главный судья и не забрал обидчика с собой.

Существовала вероятность, если не сказать больше, что Испания планирует захватить Пфальц. Яков пребывал в мучительных сомнениях: то обещал отправить большую армию на помощь зятю, то заявлял, что его положение не позволяет помогать никому. Он не хотел вмешиваться в это дело. У него нет средств вести войну, а страна не готова к боевым действиям. В любом случае легитимны ли выборы Фридриха? Если нет, то любая война на его стороне может быть несправедливой и ненужной.

Политику (и дипломатию) невозможно было отделить от религиозных проблем: все тесно переплеталось на континенте, где противоречия между католиками и протестантами стали

---

[14] Примечания: 14

Чансери-Лейн (Chancery Lane) — улица в центральной части Лондона.

самым важным обстоятельством того времени. Естественно, существовали разногласия и внутри рядов самих протестантов. В конце 1618 года в Дордрехте состоялся национальный синод Голландской реформатской церкви, на который приехали шесть представителей из Англии. Состоявшаяся там дискуссия вызывала живейший интерес Якова. Она затрагивала кальвинистскую доктрину Божественного предопределения, которую отрицал нидерландский богослов Якоб Арминий и его последователи. Арминий также осуждал религиозный фанатизм того рода, который был характерен для его оппонентов. Он заявлял, что религии угрожает судьба молодой женщины, упомянутой Плутархом: ее преследовало несколько влюбленных, которые, будучи не в состоянии договориться между собой, пришли в неистовство и расчленили девушку, чтобы каждый получил часть ее тела. Кальвинисты, будучи представителями главной конфессии Нидерландов, призвали Арминия и его приверженцев объяснить свою позицию. Прения, горячие и даже ожесточенные, продолжались семь месяцев.

Английский богослов Томас Гудвин отметил, что официальные сообщения синода «стали предметом разговоров и вопросов всех и каждого»,

а другой английский богослов, Питер Хейлин, утверждал, что дебаты «вывели англичан из смертельного сна». Богословы тогда играли огромную роль в политических и духовных делах; религия в XVII веке представляла собой точку опоры, относительно которой судили и объясняли все остальные вопросы. В результате кальвинисты вышли победителями, их оппонентов или посадили в тюрьму, или лишили сана, 700 семей арминианцев отправили в ссылку. Якову это казалось победой чистоты веры, а английский священнослужитель Фрэнсис Раус обозвал арминианство «порождением папистов». Линии обороны протестантства укрепились как никогда. Арминиане появились в Англии немного позже, с фатальными последствиями для следующего короля.

Яков все больше слабел от напряжения и стрессов, вызываемых проблемами с Испанией и Пфальцем. Он страдал от неблагоприятного сочетания артрита и подагры, а также болезни, тогда называвшейся «резким приступом камней». Смерть жены, Анны Датской, ранней весной 1619 года вызвала дальнейшее ухудшение здоровья короля. Королевский врач отметил «непрерывную лихорадку, понос с содержанием желчи… язвы

на губах и подбородке. Выраженная слабость, постоянные вздохи, тревожность, невероятное уныние, прерывистый пульс». У короля вышло три камня, и боль при этом была настолько сильной, что его вырвало. Казалось, что он умрет. Карла, Бекингема и ведущих советников вызвали из Лондона в Ройстон, где находился король, и он произнес речь, которую сочли предсмертной. Однако преждевременно. Через несколько дней он начал поправляться, хотя по-прежнему был слишком слаб, чтобы посетить похороны жены. Они состоялись в середине мая. Королю сказали, что лучшее средство от слабости в ногах — свежая оленья кровь. Несколько недель после каждой охоты он погружал ноги в тушу только что забитого животного.

В начале июня Яков вернулся в Лондон одетым настолько пышно, что говорили, будто он выглядит скорее как влюбленный, чем как человек, скорбящий об утрате. У него были некоторые причины для празднества. Завершалось возведение нового Дома банкетов (Banqueting House), одного из немногих материальных памятников периода правления Якова, сохранившихся до наших дней. Здание спроектировал архитектор Иниго Джонс в оригинальном и еще спорном стиле неоклассси-

цизма, в духе Андреа Палладио и итальянского Возрождения. Дом задумывался как воплощение двух объединенных идей «великолепия» и «правомерности» — король главенствовал в богато украшенном и математически выверенном интерьере Дома одновременно как судья и как миротворец. Банкетинг-Хаус стал центром королевской власти. Его также считали подходящим местом для ожидаемой встречи Карла и испанской инфанты. Шестнадцать лет спустя Рубенс выполнил росписи плафонов потолка главного зала. Здесь Яков изображен в виде британского Соломона, объединяющего Англию и Шотландию, а на овальном полотне в центральной части потолка его возносят на небеса женские фигуры, символизирующие Справедливость, Благочестие и Религию.

Строительство потребовало огромных денег, около 15 000 фунтов стерлингов, в то время когда королевская казна была практически пуста. Страна тоже переживала финансовый кризис. На континенте все больше предпочитали местную дешевую ткань более дорогой английской шерсти, к тому же голландские торговцы составляли англичанам мощную конкуренцию, и в хозяйственной деятельности происходил серьезный

спад. «Все остальные трудности в королевстве сущие пустяки, — говорил сэр Эдвин Сэндис в палате общин, — в сравнении с упадком торговли». Лайонел Кренфилд, который в 1621 году стал государственным казначеем, объяснил, что «торговля по-прежнему интенсивна, но не так выгодна. Импорт растет, а экспорт падает». Другими словами, торговый баланс был не в пользу Англии. Это был один из тех кризисов, которые постоянно поражают английскую экономику, но в начале XVII века никто до конца не понимал, что происходит.

Кренфилд добавил, что «недостаток денег обусловлен проблемами в торговле и, пока торговля не поправится, денег будет не хватать». В страну ввозилось слишком много товаров. Среди них встречались и такие, которые многие считали бессмысленными и ненужными, например вино и табак. Мир богатых потреблял бархат и шелка, жемчуга и золотые изделия. Однако у другой части населения нищета стала всеобщей. В 1622 году экспорт лондонского тонкого сукна сократился на 40 % по сравнению с 1618 годом. Осложнения в торговле сопровождались неурожаем 1623 года. «В наших краях многие тысячи людей, — писал дворянин из графства Линкольн-

шир сэр Уильям Пелхэм, — уже продали все, что имели, даже солому для тюфяков, и не могут найти работу, чтобы заработать на пропитание. Собачатина — лакомое блюдо во многих домах». Таковы напряженные и волнующие свидетельства последних лет правления Якова I.

Сложившаяся ситуация также послужила одной из главных причин, толкнувших английских переселенцев на поиски новой жизни в Америке. Осенью 1620 года из порта города Плимут отплыл корабль «Мейфлауэр». Часть пассажиров составляли религиозные сепаратисты, приехавшие из голландского Лейдена, но большинство — английские семьи, искавшие земли и улучшения материального положения. Подсчитано, что за последующие двадцать-тридцать лет английский берег покинули примерно 60 000 человек, одна треть из них направлялась в Новую Англию. Перебравшись за Атлантический океан, они выходят и за границы повествования этой книги.

Становилось все очевиднее, что испанцы пойдут войной на Пфальц, чтобы отомстить Фридриху за принятие трона Богемии. Успешное наступление имело бы серьезные последствия для протестантства в Европе и вполне могло бы снова привести к господству Габсбургов; поэтому

принцы и свободные города Протестантской унии в Германии отправили в Англию посланника. Король не оказал ему теплого приема. Яков, не зная, кого выбрать, решил не предпринимать ничего. Шокированный таким отказом от поддержки дела протестантства, архиепископ Кентерберийский заклинал короля разрешить добровольные пожертвования от духовенства своим единоверцам. На это король неохотно согласился.

Конечно, он по-прежнему добивался от Испании руки инфанты. Яков вызвал к себе испанского посла Гондомара. «Даю вам слово, — сказал он, — как король, как джентльмен, как христианин и как честный человек, что не мыслю женить своего сына на ком-либо, кроме дочери вашего господина, я не желаю другого союза, кроме как с Испанией». Он снял шляпу и вытер пот со лба. Яков сделал скрытое признание в том, что не стремится к альянсу с Фридрихом и немецкими принцами. Что ему Богемия? Это далекая земля, о которой он ничего не знал, примечательная только тем, что стала местом кораблекрушения в «Зимней сказке» Шекспира, поставленной девять лет назад, где ей чудесным образом даровали морское побережье.

Гондомар немедленно отправил сообщение Филиппу III, что тот может вторгаться на территории Фридриха, не опасаясь войны с Англией. Так началось противостояние, со временем ставшее известным как Тридцатилетняя война, один из самых разрушительных конфликтов в новой европейской истории, который опустошил значительную часть Священной Римской империи и распространился на Италию, Францию, Нидерланды и Испанию.

В конце июля 1620 года король отправился в поездку по стране. Венецианский посланник докладывал, что Яков, казалось, был рад покинуть Лондон. Посланник добавил, что «король, похоже, ужасно устал от дел, которые происходят сейчас в мире, и ему ненавистна обязанность каждый день тратить время на неприятные вопросы и выслушивать просьбы и побуждения что-то предпринимать и во все вмешиваться». Яков четко сказал: «Я не Бог Всемогущий».

Через несколько дней до Якова дошли известия, что испанская армия в 24 000 солдат движется на Пфальц, а император Священной Римской империи Фердинанд, чей трон узурпировали, наступает к Праге. «Что вы знаете? — спросил Яков советника, который поинтересовался у

него по поводу опасной ситуации. — Ничего. Я прекрасно понимаю, что делаю. Эти проблемы улягутся сами собой, вы очень скоро увидите. Я знаю, о чем говорю».

Однако теперь он осознал двуличность Испании, и это его взволновало. Гондомар распространялся об улаживании разногласий, пока Филипп III разрабатывал план военных действий. Яков вызвал испанского посла в Хэмптон-Корт и, не скрывая бешенства, высказался по поводу его лжи. Гондомар учтиво ответил, что никогда не говорил о том, что Испания *не* будет воевать с Пфальцем. После таких слов король разразился слезами. Разве ему не позволено защищать собственных детей? Его политика компромисса, порожденная неуверенностью и нерешительностью, потерпела крах.

В ноябре 1620 года испанцы одержали победу в сражении у Белой горы недалеко от Праги. Армию протестантов разбили, а Фридриха лишили его временного трона Богемии. На следующий день он, спасая жизнь, бежал в соседний регион Силезия. Он даже не мог вернуться на родину, поскольку следующим летом испанцы оккупировали половину Пфальца. Фридрих и его жена Елизавета фактически стали изгнанника-

ми. Предводителей протестантского восстания Богемии казнили, и новая имперская аристократия с триумфом возродилась. Такие новости в одинаковой мере напугали и привели в ярость английский народ, а уже очень скоро всю вину возложили на Якова.

Венецианский посол докладывал, что «слезы, вздохи и громкие выражения возмущения видны и слышны повсюду». На улицах распространяли письма с угрозой, что, если он все-таки не сделает то, что от него ожидалось, люди не замедлят проявить ярость. Все симпатии отдавались его дочери Елизавете, которая была вынуждена бежать, не получив помощи и защиты своего отца. Принц Карл, страдая по поводу несчастного положения сестры, на два дня закрылся в своих апартаментах. Говорили, что сам король сначала сильно горевал, но, оправившись от первоначального шока, будто бы буркнул, что «давно ожидал подобного».

Немного времени прошло, как он вновь принял на себя любимую роль третейского судьи-миротворца. Яков разработал план, который мог оказаться приемлемым для всех сторон конфликта. Фридрих подчинится императору и откажется от всех притязаний на Богемию при условии,

что ему полностью возвращают его Пфальц. Последовал процесс сложных дипломатических переговоров, которые закончились ничем. В одной пародии того времени говорилось, что Яков подарит зятю армию в 100 000 послов.

Пробил час созывать парламент, и он собрался в середине января 1621 года. Но никто не предполагал, что на открытие парламента короля придется нести на стуле. Его ноги настолько ослабели, что казалось, скоро он вовсе потеряет способность ходить. В любом случае Яков не желал обсуждать с парламентом политические вопросы. Он явился, чтобы изложить свои требования. Яков приказал парламентариям не «тратить время на высказывание недовольства королем, Церковью и государственными делами». Он сам выступит гарантом, что предполагаемый брак его сына с испанской инфантой не поставит под угрозу протестантскую веру Англии. Король также заявил, что не позволит отнять Пфальц у зятя. А для этого ему нужны деньги. Вот единственная причина, по которой он созвал парламент. Однажды он сказал, что вынужден «жить, как моллюск, на собственной мокроте, без каких-либо государственных ассигнований». Это было одной из самых великолепных метафор Якова.

Комитет, занимающийся этим вопросом, уже подсчитал, что военная помощь Пфальцу будет стоить около 900 000 фунтов стерлингов в год. Яков, чувствуя, какое негодование вызовет такая сумма, запросил 500 000. Парламент выделил ему 160 000, прежде чем переключил свое внимание на такие внутренние проблемы, как злоупотребления патентами и монополиями со стороны бессовестных посредников. Это была первая сессия парламента за почти семь лет, и поэтому она превратилась в клиринговую палату для всех претензий и проблем, накопившихся за этот срок. В течение первой сессии второе чтение прошли примерно пятьдесят два билля.

Погода за окнами зала заседаний стояла очень холодная. Джон Чемберлен писал в начале февраля: «Темза сейчас полностью замерзла, так что уже четыре-пять дней люди ходят туда-сюда прямо по реке… в некоторых местах ветры и сильные приливы собрали лед в такие кучи, что они похожи на скалы и горы странного и пугающего вида».

Кризис в торговле стал важнейшей темой для собравшихся помимо замерзшей реки. Заседание членов парламента в Вестминстере предоставило возможность входящим в их состав экспортерам,

землевладельцам и животноводам излить свои жалобы по поводу падающих цен и непроданной шерсти. Было заявлено, что бедность и нужда стали обычным делом. Один член парламента сказал коллегам-парламентариям, что для него «лучше быть землепашцем, чем купцом». Вмешательства в прения не пресекли озлобленных речей. Партии в их современном понимании еще не появились, и только отдельные личности отстаивали законные интересы населения и озвучивали местные проблемы. Однако становилось очевидно, что политическую инициативу захватывает парламент, а не король и его Тайный совет.

На той же сессии парламент составил петицию против «иезуитов, папистов и рекузантов». Это был единственный способ помешать брачному союзу с Испанией, за который выступал король. Член парламента от города Бат сэр Роберт Фелипс подлил масла в огонь, заявив, что, если папистов не ограничить, они скоро будут составлять половину подданных короля. Парламент приступил к соответствующим действиям. Все рекузанты должны быть выселены из Лондона. Все рекузанты должны быть разоружены мировыми судьями. Никто из подданных короля не

должен посещать мессу. Яков оказался в затруднительном положении, требовалось выбирать между парламентом и королем Испании. Поступило официальное сообщение, что он примет основные рекомендации, но оставит частности для дальнейшего рассмотрения. Такое решение большинством парламентариев воспринималось как отговорка.

Антииспанские настроения народа теперь не вызывали сомнений. На одной карикатуре, появившейся в начале 1621 года, король Испании, папа римский и дьявол изображались в качестве участников нового «Порохового заговора». Испанский посол Гондомар двигался по Фенчерч-стрит, когда какой-то подмастерье выкрикнул: «Вон дьявол едет в навозной повозке».

Один из слуг Гондомара ответил:

— Сэр, вы скоро познакомитесь с исправительной тюрьмой Брайдуэлл за свое веселье.

— Что?! Идти в Брайдуэлл за такую собаку, как ты?

В конце концов того подмастерья и его друзей кнутами прогнали по улицам, к бурному негодованию лондонцев.

А вот дело Фридриха вдохновляло парламент. Когда один из членов произнес речь в поддержку

выступления против имперских войск, палата общин ответила единогласным голосованием, высоко поднимая шляпы в знак одобрения, и поклялась возвратить Пфальц законному правителю. В тот момент казалось, Яков разделяет энтузиазм парламентариев, однако он был слишком прозорлив — или слишком осторожен, — чтобы вступать в войну на континенте против католических держав. В любом случае у него кончились силы терпеть парламент. Они заседали уже четыре месяца, а основную часть времени потратили на подачу ему требований и прошений, не думая о потребностях короля и не рассматривая дополнительного субсидирования. Таким образом, в начале июня 1621 года Яков прервал работу парламента.

Впоследствии видный парламентарий сэр Джон Элиот размышлял над причинами провала парламента этого созыва. Король считал, что привилегии парламента посягают на его исключительное право, а парламент, в свою очередь, боялся, что король «стремился сократить и заблокировать старинные полномочия и свободы палаты общин». В результате обе стороны потеряли способность к компромиссу: Яков отстаивал королевскую власть, а парламент — свои

привилегии. По мнению Элиота, возможность договориться существовала, но в тот момент ее упустили.

Это был камень преткновения, на котором в будущем воздвигнут британскую конституцию. Видный правовед XIX века барон Джон Кэмпбелл писал, что «заседание парламента 30 января 1621 года можно считать отправной точкой того великого движения, которое ровно через двадцать восемь лет приведет к отсечению головы английского монарха на основании судебного приговора, вынесенного его подданными». На королевском портрете, завершенном в тот год Даниэлем Митенсом, Яков изображен в королевской мантии; у него озабоченное, а возможно, озадаченное выражение лица.

Когда парламент снова собрался 20 ноября, было ясно, что рвение и гнев его членов не поутихли. В определенном смысле их освободило отсутствие короля: Яков решил уехать из Лондона и отправился с Бекингемом в Ройстон и Ньюмаркет. Палата общин единодушно была в ужасе от последних политических решений. Сэр Роберт Фелипс снова ринулся в наступление. Католические государства Европы — враги Англии, а внутри страны католики настолько обнаглели,

что дерзают называть протестантов кликой. Давайте не предоставлять королю субсидий, пока угрозы, дома и за рубежом, не будут ликвидированы. Затем поднялся Эдвард Кок, на тот момент лидер оппозиционеров, и напомнил, что Испания посылала против Англии Непобедимую армаду; что овечья чесотка, уничтожившая многие стада, тоже пришла из Испании; что самую омерзительную болезнь, поразившую человечество, — а именно сифилис — разнесли из Неаполя, города, который контролирует Испания. Именно Испания — источник и распространитель всей грязи.

Испанцев ругали в самых резких выражениях, когда Джон Пим, который вскоре станет самым яростным оппонентом всех притязаний короны, поднялся, чтобы высказаться о католической угрозе внутри самой Англии, где «семена бунта» прикрываются «религиозными предлогами». Венецианский посол докладывал, что члены палаты общин «резко выразили недовольство тем, что его величество слишком им [католикам] потворствует». Монарх действительно создавал проблему: он просил ассигнований, но должным образом не обозначал своего курса. Что могли сказать сторонники короля в его пользу? Парламент также поднял вопрос о брачном союзе принца.

Если испанская инфанта в конце концов станет королевой Англии, один из ее отпрысков рано или поздно сядет на английский престол, а это будет означать возвращение к правлению короля-католика. Члены палаты общин разработали петицию, в которой просили Якова объявить войну католическим государствам Европы и женить своего сына на протестантке.

Когда королю сообщили об этой петиции, он, говорят, воскликнул: «Боже, дай мне терпения!» Яков написал спикеру палаты общин, выражая досаду, что «некоторые горячие и популярные личности» рассуждают о вопросах, разрешение которых лежит вне сферы их компетенции. Король потребовал, чтобы в будущем ни один парламентарий не смел затрагивать предметов, «касающихся нашего правления и государственных дел». Брак с испанской инфантой обсуждению не подлежит. Затем он пригрозил, что чувствует себя «совершенно вправе и силе наказать за проступки любого парламентария, как во время заседания парламента, так и после него». Практически он отказал им во всех правах. Фелипс назвал это послание «письмом, убивающим душу».

Тогда палата общин выработала обращение,

в котором просила короля не верить необоснованным докладам о поведении парламентариев, а также подтвердить их привилегии. Когда они явились с документом в Ньюмаркет, Яков громко приказал: «Кресла для представителей парламента!» Теперь он понял, что они действительно представляют отдельную ветвь власти в стране. Однако в ответ на петицию потребовал не затрагивать его суверенного права. Один из парламентариев, сэр Натаниэл Рич, воспротивился королевским приказам. Его оскорбили такие требования, как «не вмешивайтесь в это дело» и «сначала займитесь вот этим делом». «Когда я говорю о свободе слова, — заявил Рич, — то имею в виду не распутство и излишество, а речь без рабского страха или, как это бывало, под угрозой наказания».

В вечерних сумерках 18 декабря 1621 года палата общин выпустила «Торжественное заявление», в котором парламентарии утверждали, что их привилегии и, несомненно, их жизни «являются древним бесспорным правом по рождению и наследием подданных Англии». Они обладают всеми правами обсуждать международные отношения. Любое дело, касающееся обороны королевства или ситуации с религией, входит

в сферу их рассмотрения и обсуждения. Они потребовали свободы слова и свободы от ареста. Яков совсем вышел из себя, прервал сессию, а затем и вовсе распустил парламент. Он затребовал протокол палаты общин и собственными руками вырвал оттуда текст «Торжественного заявления»; теперь оно потеряло статус. «Я буду править, — сказал король, — в соответствии с общим благом, но не с общей волей». «Общее благо» — термин для обозначения основных интересов нации. Затем он отправил Кока и Фелипса в тюрьму, а Пима поместил под домашний арест. «Совершенно точно, — писал Гондомар, — что король, пока жив, больше никогда не будет созывать парламент».

Роспуск парламента ознаменовал начало конца власти Якова в Англии. Его политика потерпела полное фиаско, он оттолкнул от себя всех лондонцев и джентри, вставших на сторону палаты общин. У него не было средств, чтобы вести войну в интересах Пфальца, и ему пришлось продолжить переговоры с Испанией. Кроме того, широко распространилось мнение, что непреклонность короля основывалась на советах Бекингема; фаворита стали подозревать даже больше, чем раньше. Наступили опасные

нестабильные времена.

Репутация короля теперь находилась под постоянной критикой. Его обвиняли в лени, расточительности и безволии. Его объявляли не более чем наместником короля Испании. В январе 1622 года человека отправили на дыбу «за слова, что грядет восстание». По рукам ходила рукопись под названием «Том-скажи-правду», в которой говорилось, что Яков, возможно, и «защитник веры», согласно его титулу, но вера эта — католическая; что он глава Церкви бездействующей, а не Церкви активной и победоносной. «Том» добавлял, что Гондомар владеет золотым ключом от королевского ящика с секретами и что сам Яков совершал наиболее мерзкие грехи из всех, на которое способно человеческое существо. Это был намек на интимную связь короля с Бекингемом. В Оксфорде один проповедник, молодой человек по имени Найт, заявил, что «подданные, если их преследуют из-за вероисповедания, имеют право поднять оружие против своего правителя, чтобы себя защитить». Довольно скоро Яков издал «указания относительно проповеди», в которых духовенству запрещалось делать «резкие выпады и произносить неподобающие оскорбительные речи» против католиков,

а также предлагалось избегать «всех государственных дел». «Теперь никто не может ворчать с кафедры проповедника, — похвалялся Бекингем испанскому послу, — его тут же схватят и отправят в надежную тюрьму».

С тем же желанием унять инакомыслие король объявил, что «пэрам, рыцарям и дворянам» следует вернуться в свои сельские поместья. Утверждалось, что эта мера предпринята с целью поддержать гостеприимство в сельской местности, но все сочли, что она направлена против джентри, которые, пребывая в Лондоне, усиливали недовольство, делясь своими проблемами.

Юристы корпорации «Грейз-Инн» решили взять из Тауэра несколько небольших пушек, чтобы отметить Двенадцатую ночь. Они открыли стрельбу глубокой ночью, а грохот был таким сильным, что разбудил короля в Уайтхолле. Он выскочил из кровати с криком «Измена! Измена!». Встревожился весь двор, и граф Арундел вбежал в королевскую спальню, держа в руке обнаженный меч. Ложную тревогу обусловили собственные страхи короля. Он, казалось, потерял и душевное, и физическое мужество. Венецианский посол докладывал, что Яков «чрезмерно возбужден постоянным недоверием ко всем

окружающим, охвачен вечным страхом за свою жизнь, он отстаивает свою власть в противовес парламенту и ревностно относится к покорности своего сына — вот обстоятельства и причины фатальной и почти безнадежной слабости его позиции, столь пагубной для всеобщего благоденствия».

В день, когда было объявлено о роспуске парламента, Яков скакал верхом в парке дворца Теобальдс. Лошадь неожиданно споткнулась и сбросила его в протекавшую через парк речку Нью-Ривер. Январский лед треснул под королем, и он провалился в воду так, что его сапоги были видны на поверхности. Якова вытащили, ему не стало хуже после этого инцидента, но это весьма яркий образ несчастного монарха.

9. Испанские путешественники

Принца Карла раздражало медленное течение переговоров относительно его обручения с испанской инфантой Марией Анной. Сам брак был задуман двенадцать лет назад. Однако бесконечно длились пререкания по поводу статуса католиков в Англии, деликатный вопрос осложнился разногласиями по Пфальцу и ситуацией религиозной войны в Европе. По-прежнему существовали сомнения в серьезности отношения испанцев к этому браку, к тому же возникли споры о размере приданого. Сомнения не исчезли и с вступлением на престол Филиппа IV, которое произошло в 1621 году. Было, мягко говоря, совсем не ясно, поддержат ли парламент и народ намерения своего монарха в этом вопросе. Когда в 1622 году Яков приказал выпустить из тюрьмы католических рекузантов после того, как они гарантировали, что не будут появляться при дворе, ужас и гнев протестантского большинства были очевидны.

Предполагалось, что Бекингем, уже лорд-адми-

рал[15], лично поплывет в Мадрид. Кроме того, по секрету поговаривали, что «он намерен тайно взять с собой друга, чтобы привезти в Англию прекрасного ангела». Друг, о котором шла речь, был сам принц Карл. От этого плана отказались, но только чтобы заменить его другим.

В феврале 1623 года Карл и Бекингем пришли к королю с планом собственной разработки. На подготовку флота к плаванию в Мадрид уйдет слишком много времени; огромные усилия потребуются, чтобы получить проездные документы для Франции. Их план состоял в том, чтобы ехать в Испанию инкогнито, с целью завоевать самую желанную женщину в мире. Для них это было настоящее приключение, грандиозная европейская романтическая история. Король, больной и уставший, казалось, согласился; он редко мог устоять перед упрашиваниями своего фаворита и настойчивыми мольбами сына.

Однако наутро после встречи король засомневался. Поскольку он был осторожным и подозрительным, то задумался об опасностях, с которыми столкнутся два молодых человека. Наследник престола окажется на чужой территории. Во-

[15] Примечания: 15

Лорд-адмирал (lord high admiral) — с XV в. до 1964 г. титул командующего военно-морским флотом, с 1964 г. этот титул принадлежит монарху.

одушевленные присутствием Карла, испанские министры могут решиться на дополнительные требования; возможно, даже пойдут на попытку обратить его в католическую веру. Поэтому король вступил в полемику с ними обоими и обрисовал возможные риски, которые они могут на себя навлечь. В ответ Бекингем сказал только, что если он нарушит данное вчера обещание, то никто никогда больше не будет ему верить.

Тогда Яков послал за одним из своих основных советников по международным делам сэром Фрэнсисом Коттингтоном, который сам был поборником Испании и испанского брака. «Вот малыш Карл и Стини, — сказал ему король, — очень хотят отправиться на перекладных в Испанию, чтобы пригласить домой инфанту. В компании будут еще два человека, одним из них они выбрали вас. Что вы думаете о таком путешествии?» Коттингтон ответил, что подобная экспедиция опасна и неблагоразумна; испанцы наверняка выдвинут новые условия бракосочетания. При этих словах Яков бросился на кровать. «Я вам так и говорил! — закричал он. — Я погиб. Я потеряю малыша Карла!»

Бекингем стал сердито возражать Коттингтону, пока его не прервал король: «Нет, Стини, ты,

ей-богу, несправедлив к нему. Человек прямо ответил на мой вопрос, причем честно и разумно: к тому же он не сказал ничего, что я не говорил тебе до того, как его позвали». Однако, пусть и с большой неохотой, король подтвердил свое согласие на рискованную поездку. Было решено, что к ним троим следует присоединить Эндимиона Портера, придворного, который вырос в Испании и может выступить в качестве переводчика.

Утром 18 февраля Карл и Бекингем отправились в путь из особняка Бекингема в Эссексе. Они приклеили бороды и ехали под именами Тома и Джона Смитов. Все это выглядело крайне неправдоподобно. В Грейвсенде они дали лодочнику золотую монету и ускакали, не спросив сдачи. Человек подумал, что это дуэлянты, которые намереваются сразиться на зарубежном поле, и сообщил о них в городской магистрат. Оттуда отправили офицера, чтобы перехватить путешественников, но он не смог их найти. В качестве предполагаемых убийц Смитов остановили в Кентербери. Бекингему пришлось снять фальшивую бороду, чтобы убедить мэра в том, что он лорд-адмирал и тайно едет инспектировать свой флот. В конце концов они добрались до Дувра, где Портер и Коттингтон зафрахтовали судно. Вскоре

после их отъезда затосковавший король написал им письмо. «Мои милые мальчики и дорогие храбрые рыцари, достойные описания в новом романе, благодарю вас за спокойные письма, но, думаю, вряд ли вам удастся долго оставаться неузнанными, поскольку о вашем отъезде много говорят за границей». В отсутствие Бекингема король сделал его герцогом, таким образом он стал самым выдающимся даже среди выдающихся.

Двое *инкогнито* приплыли из Дувра в Булонь, а после двух дней в седле достигли Парижа. Через две недели, уставшие от изнурительной скачки, они наконец прибыли в Мадрид и постучали в дверь английского посла в Испании. Джона Дигби, недавно удостоенного титула графа Бристоль, Эдвард Хайд, граф Кларендон, описал как человека «мрачного вида, с наружностью, которая вызывает уважение». Он сохранил хладнокровие при неожиданном приезде двух высокопоставленных лиц и принял их со всем почтением и учтивостью. Однако известие о прибытии Карла вскоре дошло до ушей Гондомара, прежнего испанского посла в Англии, который год назад вернулся домой. Он явился к премьер-министру Испании Оливаресу, ослепительно улыбаясь. На его улыбку Оливарес заметил:

— Можно подумать, будто вы заполучили в Мадриде короля Англии.

— Если и не короля, то, по крайней мере, принца!

Тогда Оливарес и Гондомар отправились к Филиппу IV с потрясающей новостью, что принц Уэльский лично прибыл просить руки его сестры. Но что Карл имел в виду, проделав такой сложный путь в Испанию? Гранды пришли к выводу, что теперь он готов поменять свое вероисповедание. Филипп и Карл согласились, что им следует встретиться на открытом воздухе, избежав таким образом всей помпы и церемониала официальной аудиенции. У принца не было достаточно большой свиты, чтобы появиться с подобающим достоинством. Поэтому его пригласили в королевскую карету, а несколько дней спустя разместили в апартаментах, подготовленных для него в королевском дворце.

Уже распространилось мнение, что Карл готов изменить веру, и он действительно не подавал знаков к обратному. Принц продолжал уходить от этого вопроса, изо всех сил стараясь не обижать испанцев, пока не получит жены. «Мы думаем, будет справедливо, — писали он с Бекингемом Якову, — заверить вас, что ни в духовных, ни в

мирских вещах к нам не предъявляют требований, которые бы не были оговорены раньше». Они глубоко заблуждались. Сама инфанта заявила, что никогда не согласится выйти замуж за протестанта. Ей сказали, что в таком случае она ляжет в постель с еретиком, который рано или поздно будет гореть в адском огне.

Внешнюю политику Англии на тот момент, кроме прочего, осложняли отношения с Нидерландами. 27 февраля 1623 года на острове Амбон (теперь Молуккские острова в составе Индонезии) сначала пытали главу английских торговцев Ост-Индской компании, а затем отрубили ему голову. Его казнили по приказу местного голландского губернатора на том основании, что он планировал нападение на голландский гарнизон. Девять других английских купцов постигла та же участь, и донесение об этом событии вызвало в народе возмущение беспрецедентных масштабов. Оно стало темой пьес и баллад, лубков и гравюр, настраивающих общественное мнение против страны на другом берегу Северного моря.

В следующем месяце несколько голландских военных кораблей загнали каперов в бухту шотландского Лита и начали обстреливать сам городок. Яков расценил этот инцидент как

непростительное посягательство на суверенную территорию. Второй случай подобного рода произошел в городе Коуз на острове Уайт, в проливе Ла-Манш. Для короля такие действия голландцев были невыносимы. Желая покарать обидчиков, он отправил письмо сыну в Мадрид, поручив ему начать переговоры с испанцами о совместном нападении на Нидерланды, в результате которого они поделят страну. Очень редко настолько незначительный повод использовался для начала большой войны. На этот раз он тоже не привел к результату. Гнев Якова остыл, и с Нидерландами достигли компромисса. Однако изначальный план короля показывает, что он по-прежнему безоговорочно рассчитывал на поддержку испанцев, а весь эпизод иллюстрирует импульсивность и непредсказуемость Якова.

Карлу еще не давали возможности встретиться с его предполагаемой невестой, только в начале апреля его пригласили на аудиенцию королевы Испании и инфанты. Предполагалось, что беседа ограничится несколькими официальными словами приветствий, однако принц зашел так далеко, что заговорил о своих чувствах к инфанте. Это было серьезным нарушением протокола при дворе, подразумевающего строжайшие правила

поведения. Карл понял свое нарушение и замолчал. На инфанту он не произвел впечатления. Однако принц был просто потрясен ее привлекательностью; он написал в Англию, что она даже прекраснее, чем он ожидал.

Хозяева настаивали на том, чтобы Карл, по крайней мере, ознакомился с принципами католицизма. В конце концов он согласился принять участие в богословской дискуссии с четырьмя монахами ордена кармелитов. Их встреча началась молчанием, пока один из монахов не спросил, нет ли у него какого-либо вопроса для обсуждения. Принц ответил: «Никакого. У меня вообще нет никаких сомнений». Карл даже позволил себе попросить организовать для него во дворце англиканскую службу. Оливарес немедленно послал за Коттингтоном и сказал ему, что приходу английских священников будут препятствовать силой. Это не сулило ничего хорошего решению вопроса.

К маю стало ясно и Бекингему, и принцу, что они допустили большую ошибку, приехав в Мадрид. Если бы они оставались в Англии, то все условия и оговорки могли бы обсуждать опытные дипломаты; их же сбивали с толку и возмущали требования, которые теперь им выдвигали.

Ближе к концу месяца испанская «хунта богословов» постановила, что инфанта должна оставаться на родной земле в течение двенадцати месяцев после церемонии заключения брака. За это время король Англии должен доказать свои добрые намерения, разрешив подданным-католикам свободно исповедовать свою религию; все уголовные дела против них следует приостановить. Кроме того, предполагалось, что принц тоже предпочтет провести следующий год в Испании. В этом случае он полностью насладится плодами своей женитьбы.

С такими вестями сэр Фрэнсис Коттингтон возвратился в Англию. «Мои милые мальчики, — писал Яков, — ваше письмо, переданное Коттингтоном, ранило меня в самое сердце. Боюсь, оно сильно сократит мои дни; и меня все больше беспокоит, что я не знаю, как ответить на ожидания людей в нашей стране и что сказать Тайному совету… Увы, теперь я, как никогда, мучительно раскаиваюсь, что позволил вам уехать». На самом деле он больше волновался о своем сыне, чем об изменениях в политике, которых потребовала «хунта». Один свидетель заметил, что «король сейчас совершенно потрясен». «Как вы думаете, — спросил он одного из

придворных, — я когда-нибудь еще увижу принца?» И зарыдал.

Сам принц увяз в колебаниях. Ему сказали, что период между бракосочетанием и отъездом инфанты в Англию можно сократить до шести месяцев. На аудиенции Филиппа IV 7 июля Карл согласился с условиями испанцев. «Я решил, — заявил он, — всем сердцем принять, что мне предложили: и пункты относительно религии, и те, в которых говорится о необходимым гарантиях». Несколькими днями ранее он делал заявления совершенно противоположного смысла.

Яков прекрасно знал, что парламент никогда не пойдет на постоянное освобождение английских католиков от преследования; но он боялся, что если не подпишет соглашения, на котором настаивала «хунта», то его сыну не позволят покинуть Мадрид. Король собрал членов своего Тайного совета и стал умолять их дать клятву поддержать испанские условия. Понимая важность отстаивания королевской власти и испугавшись перспективы, что наследника престола возьмут под стражу в испанской столице, Совет очень неохотно согласился дать клятвенное обещание поддержки.

Решение короля, принятое в смятении и тревоге, пожалуй, нельзя назвать мудрым. Оно показало английским католикам, что в обеспечении своей безопасности они должны полагаться на иностранную державу, и дало понять английскому народу, что Яков хочет договориться с Испанией вопреки несомненным желаниям парламента. На многие годы вперед Римско-католическая церковь стала отождествляться с презрением к принципу господства права. Многие считали, что, пока принца держат в Испании, Филипп может вымогать все, что пожелает. Джон Чемберлен писал: «Увы, наши руки связаны отсутствием нашего самого ценного сокровища». Широко отмечалось, что в королевской часовне снова установили распятие, некогда символ папизма. В Сент-Джеймсском дворце даже стали строить еще одну часовню к грядущему приезду инфанты. Мать Бекингема обратилась в католичество. Когда архиепископ Кентерберийский сказал королю, что терпимость к католикам запрещают «законы и привилегии королевства», Яков, говорят, «резко выругался и спросил, как же иначе он должен вернуть сына домой». Через две недели после описанной беседы, 25 июля 1623 года, Карл и Филипп подписали брачный

договор. Яков отправил сыну ювелирные изделия большой цены в качестве подарка для будущей жены. Когда принц попросил прислать ему еще и лошадей, король ответил, что государственная казна сейчас пуста.

Тем не менее после всей этой интриги и взаимных обид свадьба все же не состоялась. Принц снова передумал. Его чувство к инфанте постепенно вытеснило возмущение отношением к нему испанцев; испанский король и его придворные бесконечно увиливали от вопроса об отъезде Марии Анны. К его спутнику Бекингему относились с плохо скрываемой неприязнью. 28 августа Карл связал себя обязательством жениться, но уже принял решение покинуть Мадрид без инфанты. Через три недели принц с Бекингемом отплыли из испанского порта Сантандер в Англию. Известие о том, что 5 октября они сошли на берег в Портсмуте, вызвало всеобщую радость: благословенный принц спасся из пасти дракона. Он избежал уловок католической шлюхи. Испания больше не сможет управлять советниками короля. Когда Карл переправился через Темзу, его приветствовали колокольным звоном; богатые люди выставили на улицах столы с едой и вином; должников выпустили из тюрем, а преступникам

отменили смертную казнь. День был дождливый и ветреный, тем не менее один современник насчитал 335 костров между Уайтхоллом и воротами на границе лондонского Сити Темпл-Бар; 108 костров горело только между собором Святого Павла и Лондонским мостом. Одна баллада того времени задавала тон:

У католического короля была сестра, маленькая юная штучка
По имени донна Мария,
Наш принц отправился в Испанию, чтобы добыть ее любовь,
И все же, по счастью, упустил католичку[16].

Произведение покороче тоже носилось по улицам:

На октября день пятый
Пошла измена на попятную[17].

Два всадника прямо из Лондона поскакали в королевский охотничий домик в Ройстоне, где

---

[16] Примечания: 16

The Catholic king hath a little young thing / Called Donna Maria his sister, / Our prince went to Spain her love to obtain, / But yet by good luck he hath missed her.

[17] Примечания: 17

On the fifth day of October, / It will be treason to be sober.

король, сын и фаворит залились слезами. Однако не все было спокойно в счастливом семействе. Бекингем, былой поборник Испании, теперь впадал в бешенство от всего испанского; неуважение к нему в Мадриде стало известно всем. Один испанский придворный, говоря о Бекингеме, заявил: «Мы бы скорее бросили инфанту головой вниз в колодец, чем отдали ему в руки». Карл был столь же раздосадован отношением к нему при испанском дворе; испанцы не давали ему общаться с невестой и считали за дурака. «Я готов, — сказал он отцу, — завоевать Испанию, если ты позволишь мне начать войну». Обдуманная, пусть и не всегда хорошо осуществляемая политика, которую Яков проводил двадцать лет, сразу пошла бы прахом.

Тем не менее Карл извлек в Мадриде несколько полезных уроков. На него произвели сильное впечатление испанский церемониал и соблюдение правил этикета, которые подчеркивали божественность, окружавшую короля. Он также стал поклонником живописи, которую коллекционировала испанская королевская семья, и привез с собой в Англию работы Тициана и Корреджо вместе с другими замечательными произведениями искусства. Во время его правления вкус двора в

целом повысится, несмотря на то что некоторые из этих «веселых картинок», как называли картины, отдавали старой религией.

Широко распространенное предубеждение против католицизма поразительно ярко проявилось 26 октября 1623 года, когда обвалилась мансарда, пристроенная к французскому посольству возле Блэкфрайерс. Аббат читал проповедь пастве примерно в 400 человек, вдруг пол помещения разошелся, и люди попадали в «исповедальню» этажом ниже. Около 90 человек погибло, среди них восемь священников и пятнадцать «известных и высокопоставленных» людей. Несчастный случай был воспринят как видимый результат особого Божьего наказания папистов, и епископ Лондона отказался дать разрешение хоронить погибших на церковных кладбищах города. Кроме того, у резиденции французского посла собралась толпа, люди выкрикивали проклятия в адрес старой веры. На некоторых выживших напали с оскорблениями или забросали грязью и камнями.

Требования войны с Испанией становились все настойчивее. Положение протестантов в Европе стало хуже, чем оно было в течение многих десятилетий. Имперские войска насильно

обращали в католичество население Богемии, а прежние подданные Фридриха в Пфальце страдали от гонений за веру. Поражение сил Кристиана Брауншвейгского, одного из последних еще воюющих протестантских лидеров, возвестило о верховенстве императора Священной Римской империи и его собрата Габсбурга Филиппа IV Испанского. Томас Гатакер, английский протестантский богослов, объявил: «Приближается смертный час. Мы — те, на кого падет конец света».

Король Яков неуклонно слабел. В отчете о состоянии здоровья короля, сделанном в конце 1623 года, говорится, что он «легко простужается и страдает в холодную сырую погоду»; раньше Яков любил охоту, а «теперь он стал спокойнее, больше лежит или сидит, но это следствие слабости коленных суставов… Его настроение быстро и неожиданно меняется. Он очень гневлив, но приступ скоро проходит». Теперь ему противостояли сын и фаворит: Карл и Бекингем столь же страстно ненавидели Испанию, как когда-то опрометчиво стремились к испанской партии. Сейчас они стали главными сторонниками войны.

Бекингему шанс поучаствовать в праведном Крестовом походе против еретиков обещал боль-

шие приобретения и для репутации в стране, и для личного благосостояния: пост лорд-адмирала обеспечивал герцогу десятую часть всех трофеев, захваченных на море. Политика «острой стали» также могла дать возможность молодому принцу проявить воинскую доблесть, без которой, как показывал пример его отца, величие короля теряло половину своего блеска. Поэтому именно Карл начал принимать на себя управление государственными делами. Он председательствовал в Тайном совете, тогда как его отец предпочитал оставаться за городом, где Бекингем мог оградить короля от испанских происков. Венецианский посол сообщал своему дожу и сенату, что «соотношение дел склоняется на сторону принца, пока Бекингем остается в Ньюмаркете, чтобы предотвратить любую помеху…».

В феврале 1624 года собрался парламент, на открытии которого король произнес вступительную речь, отличавшуюся неопределенностью и неуверенностью. Он не мог ни отречься от своего зятя и свободы Пфальца, ни настаивать на войне против Испании и Священной Римской империи. Яков просто не знал, что делать. Без свидетелей он кричал и ругался, притворяясь больным, чтобы избежать сложных решений, просил покоя и

даже смерти, чтобы прекратить свои страдания. В публичной речи к парламенту король попросил помощи, сказав, что в результате безуспешной поездки сына в Мадрид он «очнулся, как человек от сновидения… дело не продвинулось ни по бракосочетанию, ни по пфальцграфству, несмотря на пространные договоры и большие обещания». В прошлом Яков настойчиво утверждал собственную единоличную ответственность за ведение внешней политики как части королевской прерогативы, а теперь король произнес: «Я буду просить вашего доброго и здравого совета во славу Господа, мира в нашем королевстве и благополучия моих детей». Пять дней спустя Бекингем встречался в Доме банкетов с лордами и общинами, где подогрел их негодование, описав двуличность испанцев.

При дворе и в Тайном совете еще существовала «партия мира». Государственный казначей граф Мидлсекс решительно выступал против войны с Испанией. В казне не осталось денег. Было бы безрассудством предпринимать зарубежный поход, когда не хватает средств для платы служащим короны Англии. Соответственно, Карл и Бекингем нашли необходимым убрать казначея со своей дороги. В начале апреля графа Мидлсекса обвини-

ли в различных финансовых злоупотреблениях; у него не было шанса отстоять свое честное имя. «Уберите эту огромную странную комету, — заявил о графе сэр Джон Элиот, — которая гнетуще нависает над нами». Государственному казначею предъявили обвинение в палате общин и признали виновным в палате лордов. Сам Яков гораздо лучше осознавал опасности подобной процедуры, чем его сын. Король заявил, что Карл создал опасный прецедент, который со временем ослабит власть трона. Другими словами, принц пригласил парламент сотрудничать с ним в деле уничтожения одного из собственных министров короля. Не возникнет ли у парламента искушения воспользоваться вновь обретенной властью самостоятельно? Довольно скоро пророчество Якова воплотится в жизнь.

Однако в тот момент Карл и Бекингем получили возможность эффективно возглавить общее дело, которое один из их сподвижников назвал «патриотическим». Оно определялось антикатолической и антииспанской направленностью вовне, а внутри страны предполагаемой борьбой со взяточничеством при королевском дворе. В первый и, наверное, в последний раз в своей жизни Карл находился в полном согласии с дво-

рянами палаты общин и своей страной. В конце февраля 1624 года палата лордов высказалась за прекращение всех переговоров с Испанией. В следующем месяце к королю пришла депутация с настойчивым предложением снаряжать флот и восстанавливать береговые укрепления; оккупации Пфальца испанскими и баварскими войсками следовало положить конец.

Для этих мер Якову требовались финансовые средства, и по его срочному запросу парламент выделил 300 000 фунтов стерлингов. Но каким образом нужно вести войну и против кого выступать? Против Священной Римской империи или против короля Испании? А может, против Максимилиана I, герцога Баварии, который тогда контролировал Пфальц? Король в своей обычной манере говорил уклончиво: «Но посылать мне двадцать тысяч солдат или десять тысяч, по суше или по морю, на восток или на запад, обходным маневром или как-то иначе, наступать на баварца [Максимилиана I] или на императора, вы должны оставить на решение короля». Парламент стремился к войне с Испанией, но в интересах английского короля было только грозить войной: в таком случае испанцы могли пойти на восстановление Фридриха на троне

Пфальца. Многие при дворе и в Тайном совете и сами опасались прямого военного столкновения с испанцами: и морские, и сухопутные сражения стоят недешево, а деньги можно было собрать только введением новых налогов.

Тем временем испанские дипломатические представители нашли путь к королю, пользуясь молчаливой поддержкой некоторых придворных. Вскоре до королевских ушей дошло, что они упрекают Бекингема в «наращивании популярности» и обвиняют в разработке плана практически изолировать Якова в подходящем загородном доме, чтобы принц мог править от имени короля. Они намекали, что фаворит считает короля жалким стариком, неспособным управлять страной. Были их заявления правдивыми или ложными, но Яков предпринял неожиданный шаг, устроив своим советникам допрос по этому делу. Все они поклялись, что никогда не слышали толков об измене со стороны Бекингема. Фаворит был спасен.

Яков заявил о своем желании готовиться к вероятной войне, «если его поддержат». Единственным возможным союзником был Людовик XIII Французский; король Франции, по крайней мере, располагал военными силами, чтобы выступить против испанцев или имперских войск в Герма-

нии. Вскоре собрался парламент, и из Лондона направили в Париж двух представителей с заданием провести переговоры о браке принца Карла с сестрой французского короля Генриеттой Марией. Предложение англичан встретили с безусловной благосклонностью; интересам Франции отвечало навсегда отделить Англию от Испании. Людовик был больше французом, чем католиком, поэтому не имел причин уклоняться от конфликта со своими единоверцами. Тем не менее в начале переговоров французский двор настаивал на предоставлении английским католикам тех же самых свобод, которых требовали для них испанцы в предыдущем брачном договоре.

Конечно, дело было рискованное. Оно еще раз подвергнет испытанию добрые намерения короля. Женившись на католической принцессе, Карл тоже мог оттолкнуть от себя тех самых «патриотов», расположения которых раньше добивался. Соответственно, король решил объявить перерыв в работе парламента до того, как станут известны требования французов. Состоявшуюся сессию нельзя назвать непродуктивной; на ней приняли тридцать пять публичных законов и тридцать восемь частных. Уже одни частные законы свидетельствуют, что члены парламента представляли

запросы и проблемы регионов в значительно возросшем масштабе. Однако парламент достиг и большего. Импичментом государственному казначею и активным сотрудничеством с принцем Карлом и герцогом Бекингемом он утвердился как необходимая ветвь политической системы страны.

Началась подготовка к войне с Испанией. Испанский посол отмечал «великую радость и ликование всех сапожников и рьяных фанатиков этого городка». Сапожники были хорошо известны своими радикальными протестантскими взглядами. Английские «мыши», как их называли, изготовились бросить вызов габсбургским «котам». При отъезде испанской дипломатической миссии из Лондона горожане кричали: «Все черти ада едут с вами, а тех, что останутся, пусть заберет Тайберн!» Лондон и предместья теперь превратились в место сбора новобранцев, все они ждали радостного боя барабанов.

Военный союз заключили с семью Соединенными провинциями Нидерландов; направили послов к королям Швеции и Дании с предложением праведного крестового похода против католических держав. Это послужило дальнейшему усилению воинственного энтузиазма

народа. Более реалистичные советники короля сомневались в том, что Пфальц можно будет вернуть полностью или победить Испанию, но они надеялись по меньшей мере доказать мощь Англии и ограничить испанские притязания. Летом 1624 года в театре «Глобус» поставили пьесу Томаса Мидлтона «Шахматная партия» (A Game at Chess). Эта сатира на Гондомара и всю испанскую клику при английском дворе имела небывалый успех: девять дней толпы осаждали театр, а смех и общий гвалт были слышны на другом берегу Темзы. «Сэр, ваш заговор раскрыт!» — врывается к Гондомару один из его помощников. Посол спрашивает, который из 20 958 заговоров тот имеет в виду, и рассказывает, как отравляет души доверчивых людей.

С приятной утонченностью и чарующей обходительностью…

Многие души я отравил смертельным ядом.

Их щеки треснули от смеха, когда они принимали его;

Я мог бы скрыть пилюли в засахаренных слогах

И снабдить таким добрым весельем все мои проказы,

Они приняли свое проклятие за оздоровле-

ние[18].

Англо-французская коалиция теперь стала вероятной, но отнюдь не бесспорной. Французы по-прежнему настаивали на принципиальной ликвидации карательных мер против английских католиков и разрешении им спокойно исповедовать их веру. Однако и король, и принц обещали последнему парламенту, что никаких законов в пользу католиков приниматься не будет. Считалось, что, в конце концов, лучше воевать без помощи французов, чем провоцировать конфликт между короной и парламентом.

Теперь пришлось применять все возможные дипломатические приемы. Английский посол при дворе Людовика XIII намекнул Якову, что французские требования составлены исключительно «ради собственной репутации» и «во власти вашего величества делать то же самое на свое усмотрение». Это была политика лицемерия и уловок, но ничего более. Бекингем тоже был уверен в успехе. Он настолько стремился к воинской славе в протестантском крестовом походе, что

[18] Примечания: 18

With pleasant subtlety and bewitching courtship… / To many a soul I have let in mortal poison / Whose cheeks have cracked with laughter to receive it; / I could so roll my pills in sugared syllables / And strew such kindly mirth o'er all my mischiefs, / They took their bane in way of recreation.

побуждал короля принять условия французов. Яков не очень хотел уступать, но был готов написать Людовику личное письмо с обещанием, что его подданные католического вероисповедания «получат все возможности и свободу приватно исповедовать свою религию, как даровалось брачным договором, заключенным с Испанией. Этого было не вполне достаточно. Французы настаивали на своих изначальных требованиях при активной поддержке Бекингема. В итоге король уступил с оговоркой, что подпишет письмо, а не договорное обязательство. Теперь было необходимо предотвратить вмешательство парламента, поэтому обещанную сессию отложили с поздней осени на следующий год.

Брачный договор подписали 12 декабря 1624 года; руки короля так покалечила подагра, что ему пришлось ставить печать, а не подпись. Карл приложил к документу секретное обязательство: «Я обещаю всем католикам — подданным короны Великобритании полную свободу и право во всем, что касается их вероисповедания…» Через двенадцать дней судам запретили преследовать рекузантов в уголовном порядке; всех католиков, осужденных за веру, выпустили из тюрем Англии.

В этом месяце король написал Бекингему грустное письмо.

Я не могу быть доволен, не отправив тебе это короткое письмецо. Молю Бога о том, чтобы он послал мне радостную и приятную встречу с тобой, чтобы мы могли заключить на Рождество новый брачный союз и сохранить его навсегда. Ибо, да любит меня Господь так, как я желаю жить на этом свете только одним тобой и предпочел бы быть изгнанником в любой части земли с тобой вместе, чем вести печальную жизнь вдовца в одиночестве. Да благословит тебя Господь, мое милое дитя и жена, да дарует Он, чтобы ты всегда был утешением твоему отцу и мужу.

Король Яков

Это было последнее письмо, которое Бекингем получил от короля.

Война надвигалась. Эрнст фон Мансфельд, главный немецкий союзник Фридриха, приехал в Англию набирать войска. Солдаты прошлого лета, с перьями на шляпах, в безрукавках из толстой кожи, были добровольцами. Теперь чиновникам графств следовало призывать на военную службу местных жителей, и, естественно, они предпочитали выбирать тех, в ком нуждались меньше

всего. Некоторые призывники решались на радикальные действия, чтобы избежать военной службы. Кто-то повесился от страха, кто-то бросился в Темзу и утопился; один отрубил себе все пальцы на правой руке, другой выжег солью один глаз. Свидетель событий написал, что «такой толпы ободранных тощих разбойников и близко еще не видели, а двигались они настолько неохотно, что приходилось скорее гнать их, чем вести».

Говорили, что англичанин не способен воевать, не имея трех вещей[19], а именно кровати, мяса и эля. На этот раз всех трех отчаянно не хватало. Дувр не располагал существенными запасами, а для транспортировки рекрутов прибыло ничтожно мало судов. В любом случае конечный пункт доставки еще не определили. Яков хотел, чтобы солдаты высаживались во Франции, втягивая таким образом Людовика XIII в войну с Испанией и империей; Людовик отказывал в такой возможности. В итоге в конце января фон Мансфельду пришлось отплыть во Флиссинген и начинать марш через Голландию. Его людям предстояло идти на помощь голландскому городу-крепости Бреда, который осаждали испанцы.

---

[19] Примечания: 19
В ориг. *three Bs*, то есть *bed, beef* и *beer*.

Однако английские войска были плохо обучены и недостаточно оснащены; у них не хватало провианта, а совсем скоро начались сильные морозы. Холод провоцировал распространение инфекционных заболеваний. «С утра до вечера, — писал один из военачальников лорд Кромвель, — мы ищем провизию и хороним наших мертвых». К концу марта армия в 12 000 человек сократилась до 3000 вооруженных людей. Тем не менее в недомыслии обвиняли не столько фон Мансфельда, сколько Бекингема, чья заинтересованность в войне не включала в себя внимания к политическим частностям и планированию операций. Постигшее англичан бедствие не предвещало ничего хорошего ни командованию, ни более общим боевым действиям, которых король уже не застанет.

Яков преодолел подагру, которая мучила его в начале года. Однако 5 марта 1625 года его поразила, как тогда называли, трехдневная лихорадка. Симптомы этой болезни — озноб, жар и обильный пот. Король боялся худшего, но отказался следовать советам медиков. Вместо того он понадеялся на горячий поссет из молока с алкоголем и пряностями, который порекомендовала от простуды мать Бекингема. Напиток, похоже, не

принес облегчения. Пошли слухи, что она фактически отравила короля по наущению своего сына. Женщина пала на колени у постели Якова и попросила защиты от этих обвинений. «Отравила меня?» — испуганно спросил Яков и потерял сознание.

Теперь конец был совсем близко. 25 марта короля разбил паралич, который затронул лицо и челюсть. Сообщалось, что его язык так распух, что речь невозможно понять. Кроме того, Якова мучили постоянные приступы дизентерии, из-за которых он мок в собственных испражнениях. Через два дня король покинул этот мир. С прославленными лордами и прелатами королевства вокруг него и, согласно последующей хронике, «совсем без сильной боли или судорог *dormivit Salomon* (Соломон заснул)». В отличие от своих матери и сына Яков умер в собственной постели, а не на плахе, стоя на коленях. Хирурги, вскрыв тело, следов отравления не обнаружили. В письме того времени преподобный Джозеф Мид сообщал, что все жизненные органы короля были здоровы, «как и его голова, полностью заполненная мозгом; но кровь короля удивительным образом была испорчена меланхолией».

Смерть Якова не вызвала в народе особого

волнения или скорби. Его внешняя политика полностью провалилась, отношения с парламентом были в лучшем случае натянутыми, финансы расстроены, а сексуальные скандалы его правления стали достоянием молвы. День погребения короля омрачила настолько скверная погода, что каждый очевидец процессии наблюдал лишь закрытые коляски и горящие факелы. Его уход встретили, пожалуй, с облегчением. Была вероятность, что новый король поведет протестантское дело более энергично и решительно. Сэр Джон Элиот писал, что «всеми овладело ощущение новой жизни».

Существовало и другое представление о правлении покойного короля. На заупокойной службе в Вестминстерском аббатстве 7 мая епископ Линкольнский Джон Уильямс прочитал проповедь, в которой высоко оценил деятельность Якова по руководству религиозной жизнью страны. Библия короля Якова — надежное свидетельство его успеха. Епископ также отметил, что «в стране ежедневно создаются новые производства, заметно увеличился экспорт товаров, мирно определились границы Шотландии…». Кроме того, при правлении Якова англичане добрались до Вирджинии и Новой Англии; английские тор-

говцы посетили порты Африки, Азии и Америки. Конечно, главное достижение Якова — это мир, единственное условие жизни страны, которое король усердно старался сохранить. Один придворный, сэр Энтони Уэлдон, совсем не лестно отзывался о Якове, он считал его нерешительным и малодушным. Именно этот человек высказал мнение, что король был «самым ученым дураком во всем крещеном мире». Тем не менее он добавил к своему описанию одобрительное замечание, что «Яков жил в мире, умер в мире и оставил свое королевство в мирном состоянии». Сын короля не удостоится подобной эпитафии.

10. Интерлюдия

В начале 1625 года, когда отец еще страдал от подагры, Карл организовал, по словам венецианского посланника, «роскошное представление маски с большим количеством механизмов и великолепными декорациями». Принц и его товарищи танцевали до четырех утра, возможно, в предвкушении грядущего королевского блеска.

Маска была крупным церемониальным событием при дворе, маски устраивались один-два раза в год и стали отличительной чертой эпохи правления Стюартов. Группа аристократов выходила на специально построенную сцену в богато украшенных замысловатых костюмах, которые великолепно сочетались с искусно выполненными декорациями. Золотое символизировало совершенство, белое служило цветом верности, а синее представляло безграничные небеса; стыд обозначал малиновый, а вожделение — алый. При свете свечей особенно хорошо выглядели белый, розовый и цвет морской волны. Чтобы придать зрелищу яркости, применяли масляные лампы и свечи из отбеленного воска. По сути, в

1619 году огонь уничтожил старый Банкетинг-Хаус, когда вспыхнули «промасленная бумага» и другие горючие материалы, использовавшиеся при увеселении.

Единственным постановщиком и сценографом придворных масок был Иниго Джонс, и он привносил в эти творения всю изысканность своего таланта. В его оформлении театральных представлений торжествовали упорядоченность и правила присущего ему архитектурного стиля. Особую изобретательность Джонс проявлял в создании всяческих механических устройств для театральных эффектов, «машин», которые были чудом для того времени. «Если бы математики утеряли пропорцию, — говорили об одной из его постановок, — здесь они смогли бы ее найти». Иниго Джонс стремился к гармонии в спектакле так же, как в своей архитектуре он воплощал гармонию из камня.

Тексты масок обычно сочинял Бен Джонсон, который предпочитал облекать нравственные утверждения и чувства в благозвучные, тщательно проработанные стихи. Однако эти два человека не были настоящими партнерами, и Джонсон скоро устал от формы, в которой зрелище оказывалось важнее смысла. В стихотворении

«Увещевание Иниго Джонсу» он горько сетует, что слова не имеют значения в этих «государственных представлениях».

О зрелища! Зрелища! Могучие зрелища!
Красноречие масок! Какая нужда в прозе,
Или стихах, или смысле, чтобы выразить бессмертие?
Вы — государственные представления![20]

Иниго Джонс и сам признавал, что эти маски были «не чем иным, как картинами с театральным освещением и движением».

Оформление сцены создавало иллюзию бесконечной перспективы, уводя короля и зрителей из реальности в идеализированный мир, где все находится на своем специально отведенном месте. Построенная по законам перспективы сценография была для Англии совершенно новым словом в театральном деле, открывавшим незнакомые правила симметрии и порядка. Власть искусства представляла искусство власти. Маска разыгрывалась в правильном пространстве, в котором законы природы могли меняться и подчиняться

[20] Примечания: 20
O shows! Shows! Mighty shows! / The eloquence of masques! What need of prose / Or verse, or sense t'express immortal you? / You are the spectacles of State!

королю, сидевшему в точке перспективы, откуда все прекрасно просматривалось. Только в его присутствии времена года могли чудесным образом переходить из одного в другое, деревья — танцевать, а цветы — превращаться в людей.

Это было великолепным дополнением к доктрине священного права королей, которую Яков утверждал в начале своего правления. Он сидел в центре зрительного зала, специально сконструированного таким образом, чтобы взгляд присутствующих падал на его величество не меньше, чем на само представление. Король уже написал в своем наставлении старшему сыну *Basilikon Doron* («Дар венценосцу»), что король «подобен находящемуся на сцене актеру, чьи жесты и малейшие действия с большим вниманием рассматривают все люди». Иниго Джонс тоже писал, что «в героической добродетели воплощается королевское величество, которое в этом отношении так же возвышается над обычными людьми, как они стоят выше животных».

Сцена в маске делилась на три обитаемые части. На высшем уровне располагался метафизический мир, населенный богами или аллегорическими героями. Ниже находился мир королевского двора, в котором монарх символизировал поря-

док и власть. Под этими двумя мирами лежала обычная действительность, которая со своими образами Порока и Хаоса, а также различными «низкими» персонажами давала материал для «антимаски». Антимаски представляли изменчивость и непостоянство; они воплощали угрозу беспорядка, замечательно изгнанного из мира идеализированного королевского двора. Король победил всех, кто был опасен и оскорблял его. Это откровенно описано в маске Уильяма Давенанта *Salmacida Spolia*.

Все это сурово, все это грубо,
Они твоей гармонией покорены;
И все же так в повиновение приведены,
Будто не принуждены к нему, а обучены[21].

Декорации быстро менялись. Дворец мог превратиться в беседку, где эльфы сражаются с троллями и другими злобными существами; Оберон мог появиться в колеснице, которую везут два белых медведя, а потом подняться в воздух; шелковое перо могло стать облаком дыма в нескольких постоянно двигающихся кругах света. Действие могло происходить во внутреннем

[21] Примечания: 21
All that are harsh, all that are rude, / Are by your harmony subdu'd; / Yet so into obedience wrought, / As if not forc'd to it, but taught.

дворике или в темнице, в спальне или в пустыне. Все обрамлялось портальной аркой, прямым предшественником современного театрального пространства. Именно поэтому английская драма предпочитала действие во внутренних помещениях.

Придворный и дипломат Дадли Карлтон оставил свидетельство, что в ранней постановке маски 1605 года «в ближнем углу зала стоял удивительный прибор. Он включался, а в нем были изображения морских коньков и других страшных рыб, на них верхом ехали мавры… в дальнем конце находилась огромная раковина в форме гребешка с четырьмя местами; на нижних сидела королева с миледи Бедфорд, на остальных размещались фрейлины… их одеяния были богатыми, но слишком легкомысленными для таких знатных дам». Яков никогда не участвовал в представлениях, но его жена и дети играли с большим удовольствием. Они репетировали свои роли по два месяца, тем самым подчеркивая значение, которое они придавали этому занятию.

Роли со словами исполняли профессиональные актеры, тогда как музыку и пение обеспечивали придворные музыканты; танцоры и маски, среди которых были члены самой королевской семьи,

оставались безмолвны. В конце действия они выходили на танцевальную площадку перед королем и приглашали избранную публику принять участие в танцах. В результате музыкальная гармония завершала представление, в котором вместе выступали добродетели разума, порядка и надлежащего правления.

Танцоры маски, соответственно, прославляли восстановление идеального порядка, и этот магический ритуал имел целью подчеркнуть точку зрения Стюарта на королевскую власть и ее преемственность. Жанр маски поэтому стал известен в качестве «придворной аллегории». Немаловажно, что неотъемлемую часть публики составляли послы иностранных государств, поскольку маски были также и формой скрытой дипломатии. Зрелище это роскошью постановки было призвано создать впечатление богатства и щедрости английского монарха: чем больше тратилось денег, тем больше триумфа и восхвалений. В 1618 году Яков спустил на одно представление беспрецедентную сумму в 4000 фунтов стерлингов. Для другой маски четырнадцати придворным дамам потребовалось на костюмы 713 метров шелка. К тому же маски доставляли удовольствие не только взору, но и желудку. Обильное пиршество

под музыку нередко предшествовало зрелищу или сопровождало его.

Это была эпоха музыки. В период с 1587 по 1630 год вышло более 90 собраний мадригалов, арий и песен. Мадригалы представляли собой произведения для нескольких голосов без инструментального сопровождения, а арии — для сольного исполнения с музыкальным аккомпанементом. Мадригал был наиболее сложным жанром и поэтому считался самым восхитительным. Каччи пели мужчины в тавернах, ткачи за станками и медники в мастерских. Человека, который не мог поучаствовать в исполнении мадригала или сыграть на лютне, считали недоделанным. Лютни и цитры лежали в парикмахерских, чтобы ожидающие клиенты могли развлечься. После ужина на стол обычно приносили нотные тетради.

Никакой другой период в истории английской музыки не знал подобного разнообразия талантов, которые расцвели в ту эпоху. Это было время Доуленда и Морли, Кэмпиона и Бёрда, Булла и Гиббонса. К тому же это была эпоха таких песен, как «Lady, Lie Near Me», «If All The World Were Paper», «New, New Nothing» и «Punk's Delight». При Якове Британские острова полнились звуками и замечательными ариями.

В последние месяцы 1611 года частный театр «Блэкфрайерс» откликнулся на пристрастия публики. Шекспировская *«Буря»* была написана для музыкального театра, в постановке играли профессиональные певцы и оркестр из разных инструментов. Ремарки полно указывают обстоятельства и настроение, запрашивая «торжественную и холодную музыку», «нежную музыку», «странный глухой и беспорядочный гул». «Ариэль, невидимый, играет и поет. Появляется Фердинанд». Фердинанд спрашивает: «Откуда эта музыка? С небес или с земли?» Она была везде, лилась из разных частей сцены. В этой пьесе Стефано распевает шанти, песни британских моряков, а Калибан — каччи, песни захмелевших охотников. Музыка звучала в антрактах между действиями, в финале все актеры исполняли ритуальный танец. Музыкой также сопровождались сцены чудес и сильных чувств в соответствии с мнением Просперо, что «торжественная музыка врачует Рассудок, отуманенный безумьем».

Голоса инструментов были разнообразны. Нежные печальные звуки блок-флейты сопровождались струнной группой, куда входили виолы, лютни и цитры. Орган подходил для

торжественной музыки чудесного изменения и пробуждения. Ариэль часто появляется с дудкой и барабаном. Соответственно, Калибан рассказывает:

Бывает, словно сотни инструментов
Звенят в моих ушах; а то бывает,
Что голоса я слышу…[22]

Последнюю песню в пьесе поет Ариэль. Слова Шекспира, музыку на них немного позднее написал Роберт Джонсон, придворный композитор короля. Ясно, однако, что размер Шекспир почерпнул из фольклора и баллад, которые витали в воздухе того времени.

Буду я среди лугов
Пить, как пчелы, сок цветов;
Ночью лютик даст мне кров,
Там засну под крики сов[23].

Это песня свободы. Ариэль поет ее незадолго до того, как Просперо освобождает его от службы. Вероятно, в завершение пения дух танцевал. Роль

---

[22] Примечания: 22

Sometimes a thousand twangling instruments / Will hum about mine ears; and sometimes voices…

[23] Примечания: 23

Перевод М. Донского.

Ариэля исполнял мальчик или певец со звонким голосом, возможно, играл семнадцатилетний «Джеки Уилсон», который впоследствии написал к ней музыку. «Блэкфрайерс» назывался «частным» театром, потому что имел крышу и стены; в таких условиях музыка, должно быть, производила более сильное и глубокое впечатление.

«Буря» также была сыграна перед королем в Уайтхолле 1 ноября 1611 года и поэтому частью своей церемониальной и благозвучной мелодики обязана жанру придворной маски. Актеры труппы Шекспира тоже играли в представлениях при дворе. В первые годы XVII века существовал отдельный культурный, или аристократический, стиль.

Великие произведения зрелого Шекспира были написаны в период правления Якова, среди них «Отелло», «Король Лир», «Мера за меру», «Антоний и Клеопатра» и «Зимняя сказка». Появлению в «Макбете» ведьм в некоторой степени поспособствовал собственный интерес Якова к этому феномену. Король Яков более активно покровительствовал драматическому искусству, чем Елизавета. Через шесть дней после своего прибытия из Шотландии в Лондон он собрал Шекспира со всей труппой «Слуг лорд-камергера» и выдал

им королевский патент, позволяющий выступать под названием «Слуги короля». Несколько месяцев спустя актеров королевской труппы пожаловали чином «слуг королевских покоев».

Эпоха Якова I дала толчок развитию разных жанров драмы. На сцену выходит кардинал, одетый в пурпурный шелк с накидкой, отделанной соболем. Он размышляет над книгой.

Кардинал
Запутался в вопросах ада я.
В трактате сказано, что там горит
Один огонь, но в то же время жжет
Он грешников по-разному. К чертям!
Отложим книгу. Ах, как тяжко жить,
Когда нечистая нас мучит совесть!
Иной раз я в саду своем гуляю,
И кажется, что кто-то из пруда
Грозит мне вилами[24].

Кардиналу не приходит в голову, что, возможно, это его отражение.

«Герцогиня Амальфи» Джона Уэбстера — характерное произведение для своего времени, одно из ряда пьес, которые впоследствии объединили

[24] Примечания: 24

Здесь и далее цитаты из «Герцогини Амальфи» даются в переводе П. В. Мелковой.

под общим названием «якобитская трагедия». Поскольку это единственный литературный жанр, несущий название своей эпохи, наверное, он важен для общего понимания этого периода. Он отражает меланхолию, болезненность, беспокойство, нарастающий гнев, нетерпение, презрение и негодование: он представляет ужас жизни. Изобильность и оптимистичная изобретательность елизаветинских времен исчезли. Ушла радость. Жизнеспособность становится опасной, и красноречие вызывает отвращение.

Сама герцогиня спрашивает: «Кто же я?» И в ответ слышит: «Ты — ящик для разведения червей, в самом лучшем случае — целебная мазь из зеленой мумии. Что такое твоя плоть? Немного свернувшегося молока и кусочек слоеного теста. Тела наши менее прочны, чем бумажные темницы, которые делают мальчишки для мух, и более презренны, так как им назначено стать прежде всего вместилищем их незрелых отпрысков. Видела ли ты когда-нибудь жаворонка в клетке? Вот так же заключена в теле и наша душа». Наверное, это квинтэссенция стиля якобитской трагедии, которая слышится и в стихах Джона Донна того же времени:

Плоть — скисшее, дрянное молоко,

Отродье жалкое, щенок негодный[25].

«Герцогиня Амальфи» была написана для труппы Шекспира. Премьера состоялась в конце 1614 года в театре «Блэкфрайерс» перед респектабельной публикой, готовой понимать аллюзии к пьесам и стихам своего времени. В сценическом мире смертей и убийств, могил и усыпальниц музыка опять становилась важным элементом создания ощущения тревожного напряжения.

Сюжет пьесы сам по себе довольно примитивен. Овдовевшая герцогиня хочет выйти замуж за своего управляющего. Этот брачный союз, по мнению других, мог нанести урон чести рода. Два брата герцогини — Фердинанд, герцог Калабрии, и второй, которого называют просто Кардиналом, — замышляют отомстить сестре за свой позор. При помощи наемного шпиона и убийцы Босолы они пленяют герцогиню и подвергают ее разным душевным мучениям, чтобы свести с ума: преподносят отрубленную руку мужа; приводят к ней толпу сумасшедших; отдергивая занавеску, показывают трупы мужа и детей. Залу становится известно, что это восковые фигуры, но уже после того, как нервная дрожь от этого

[25] Примечания: 25
Перевод Д. Щедровицкого.

зрелища немного схлынет. Герцогиню в конце концов душат, но сначала ей показывают веревку, которая ее убьет.

Герцогиня
Пусть веревкою задушат –
Не все ль равно? А если перережут
Алмазом драгоценным горло мне?
Иль ароматом кассии отравят?
Застрелят пулями из серебра?

При виде мертвого тела герцогини Фердинанд произносит самые известные слова пьесы:

В глазах мутится. Ей лицо закрой!
Да, молодою умерла она…

Испытывая страшное чувство вины, он впадает в отчаяние и сходит с ума.

Два дня тому назад был пойман герцог
За церковью Святого Марка в полночь,
Он на плече нес ногу мертвеца,
И страшно выл, и говорил, что волк он.

Финальная сцена завершается кровавой дракой, в которой убивают и Босолу, и Кардинала, а общий счет смертей в пьесе доходит до десяти. Наверное, процитированного достаточно, чтобы

представить себе эмоциональный строй людей и вкусы публики того времени.

Это мир заговоров и безумия, в котором персонажи прячутся и ждут. Герцогиня вздрагивает, заметив чье-то отражение в зеркале. Звучат обрывочные фразы: «Что?», «Что там?», «О ужас!». Обычное восклицание — «Ба!». Излюбленные слова Уэбстера — «грязный», «мгла» и «навозная куча». Диалог, когда он не украшен самым фантастическим образом, ясен и стремителен, почти намек. «Понимаешь?» — «Нет». — «Тогда не спрашивай».

Пьесу можно было бы назвать кровожадной и лишенной логики, своего рода английским вариантом жанра «ужасов», если бы не тот факт, что она наполнена бурной, почти неистовой энергией. Эта энергия — часть безрассудства действующих лиц, их жизнестойкости и страданий, которые вплетаются в пугающие картины нервного возбуждения и смерти. Персонажами, кажется, управляют скорее воля и страсть, чем вера; они объединяются только стремлением выжить в нестабильном мире. Они бегут к мраку. Это, по сути, важнейший образ той эпохи, и именно к нему, как мы увидим далее, обращен «Левиафан» Гоббса. На самом деле это мир,

покинутый Богом, и все находится во «мгле». Похоже, что нет никакого смысла в бездне мрака, которая открывается под ногами людей. К тому же в это самое время в работе Фрэнсиса Бэкона мир природы лишается связи с Божественным присутствием.

Там, где люди, подобные Бэкону, усматривали возможности прогресса в естественных науках, другие считали, что мир катится к пагубному упадку. Когда в 1612 году Галилео Галилей обнаружил на поверхности Солнца пятна, этот факт сочли свидетельством того, что даже небеса находятся в состоянии разложения.

Однако доказательства распада встречались и поближе: атмосфера «Герцогини Амальфи» в значительной степени создается изображением безнравственного двора.

Двор короля источнику подобен,
Откуда льется чистая вода
Серебряной струей. Но, если чей-то
Дурной пример отравит сей родник,
Болезнь и смерть в страну проникнут вмиг.

Это, похоже, намек на королевский двор Якова I: о продажности придворных уже ползли слухи. Потеря власти или отказ от нее — обстоя-

тельства дезориентации и неуравновешенности, охватывающие всех персонажей. Вот почему пьеса полна скептицизма, разочарования и недовольства, которые соединяются в сокрушительный пессимизм.

Радость жизни, что это? Лишь перерывы
В лихорадке…

На обложке этой пьесы можно поместить фигуру меланхолии. Меланхолия была предметом восхищения того времени, его главным божеством. Она имела собственные темные одежды и свою музыку в сочинениях Джона Доуленда, таких как «В темноте позвольте мне остановиться» (In darkness let me dwell) и «Лейтесь, мои слезы» (Flow my tears). В правление Якова это печальное, напуганное и слезливое состояние получило наиболее полное распространение и торжество с публикацией «Анатомии меланхолии» Роберта Бёртона. Бёртон был знатоком меланхолии во всех ее ипостасях и аспектах. Его огромный труд — более 1200 страниц в современном виде — впервые вышел в 1621 году и переиздавался шесть раз еще при жизни автора.

Бёртон утверждал, что «весь мир печален или безумен, он впадает в старческий маразм, и так

же каждый представитель мира». Мы чувствуем в этой цитате своеобразие языка прозы Бёртона, одновременно четкого и расплывчатого: это типичная черта эпохи Якова I. Меланхолия — болезнь, мучительная и широко распространенная. Бёртон описывает ее как «вид безумия без горячки, который обычно сопровождается страхом и грустью без видимого повода».

Итак, Бёртон прослеживает все особенности меланхолии, ее перепады, пики и переходы. Он создает три «части» с большим разнообразием разделов и подразделов, на которые делит разные виды и формы меланхолии. Есть разделы под названиями «Страдания образованных», «Сила воображения», «Бедность и нужда», «Несчастливый брак» и «Старость». Отдельные пассажи посвящены симптомам меланхолии у девственниц, монахинь и вдов. Сотни страниц занимает анализ любовной и религиозной меланхолии. Безумие, если такова меланхолия, могут вызывать звезды и духи, качество мяса и вина, простуда и запор, испорченный воздух и чрезмерная физическая нагрузка, праздность и уединение, гнев и досада, бедность, неволя и позор.

Все годилось для обширного труда Бёртона, и он включает в свое повествование бытовые

истории, забавные случаи, лирические отступления, цитаты, афоризмы и самые красочные детали. «Молодой торговец, отправившись на ярмарку в Германию, за десять дней ни разу не опорожнил свой кишечник. По возвращении он впал в черную меланхолию, считая себя ограбленным, и никто не мог разубедить его в том, что все деньги пропали… один еврей во Франции (по рассказу Людовика Вивеса) случайно в темноте благополучно прошел по сложному переходу через ручей, фактически по простой доске. На следующий день, осознав, какой опасности он подвергался, человек упал и умер».

Бёртон описывает внутреннюю работу навязчивых страстей, которые, «по мнению людей, очень важны и сильны, до такой степени, что постоянно занимают их разум, — страх, подозрение, чувство оскорбленного достоинства, ревность, страдание, досада, тяжелые испытания, несбыточные мечты, фантазии, прихоти, выдумки, приятные иллюзии и все, что угодно». Он нагромождает кучи слов и бросает себя в их гущу; у него разные голоса и различные интонации; он досконально изучает тему и затем классифицирует свои изыскания; он может быть непоследовательным и даже противоречивым.

Когда в конце концов вы заканчиваете чтение этого труда, вам кажется, что вы знаете все или не знаете ничего.

Он анализирует себя и признается, что «пишет о меланхолии, чтобы, заняв себя, справиться со своей меланхолией». Бёртон оставался студентом оксфордского колледжа Крайст-Черч до самой смерти; сам рассказывал, что «вел тихую, малоподвижную, уединенную частную жизнь, *mihi et musis* [для себя и муз] в университете, почти так же долго, как Ксенократ в Афинах…». Он со страстью погружался в чтение, его библиотека в 1700 томов забытого классического знания служила ему и прибежищем, и вдохновением. Бёртон был увлеченным ученым, хранителем мирового знания, владыкой книг, который надеялся, что, собрав вместе ссылки, аллюзии и цитаты, он будет способен соткать материю настолько прочную, что сможет ею укрыться. Он упоминает более 1250 авторов. Его трактат — труд во славу книг и литературной фантазии, во славу чтения. Он желал создать заклинание для избавления от меланхолии. Книга завершается афоризмом «Не будь одиноким, не будь праздным» и имеет эпиграф:

SPERATE MISERI

CAVETE FELICES

Несчастные, надейтесь. Счастливые, остерегайтесь.

Теперь коснемся религиозных настроений того времени. Ланселот Эндрюс, епископ Винчестерский, много раз читал проповеди в присутствии Якова в королевской часовне и был хорошо известен королевскому двору, когда поднялся на кафедру Уайтхолла. Высокий, стройный человек с удлиненным узким лицом и выразительными руками; его отличали аккуратно подстриженная бородка и высокий лоб. Зимой 1622 года он прочел проповедь на текст из Евангелия от Матфея о волхвах *Vidimus enim stellam Ejus* («Потому что мы видели звезду Его»): «*Vidimus stellam.* Нам понятно, что любой, кто поднимет взгляд, может увидеть звезду. Но как они могли видеть, что звезда была *Ejus* (Его)? Или она принадлежала кому-то, или именно Он имел к ней отношение. Это превыше любого знания: никакая наука о звездах не могла указать им этого. Своим искусством и наблюдением астрономы в состоянии обнаружить лишь то, что представляет природа. Однако то рождение было выше природы. Никакое расположение звезд, никакая экзальтация не могли его вызвать. Бессмысленно его объяснять.

Не звезда принадлежала Ему, а Он принадлежал звезде, если все было так. Тогда они видели особенный свет от звезды Его».

Стиль Эндрюса усложнен и эллиптичен, почти мучителен в своем медленном разворачивании смысла. Для него характерны повторения и аллитерации, сравнения и противопоставления. Он запутан и тяжел, едва ли слушатель мог в полной мере понимать проповедника. Тем не менее это религиозный стиль якобитского периода, полностью усвоенный королем, который гордился собственной эрудицией и начитанностью. Эндрюс работает над каждым словом, даже слогом, постепенно проясняя их смыслы; он постоянно сомневается, совершенствует и находит новые формы выражения. Он описывает не мысль, а, скорее, сам мыслительный процесс; он разыгрывает действо, искусство творческого размышления. Его тексты — пышная этимология учености времен Якова I, по напряженности сходная с прозой Фрэнсиса Бэкона.

«Наконец, примем во внимание момент их прихода, время года, когда им пришлось идти. Тогда было не лето. Они шли зимой, в самое худшее время для похода, особенно дальнего. Дороги плохие, погода суровая, дни короткие, солнца не

видно в *solsitio brumali* (в глухую зиму)». Изложение последовательное и строгое, проявляющее четкость мысли и выражения, а также великую силу упорядоченного анализа. Возможно, в нем нет вдохновенного красноречия или страсти проповедников елизаветинских времен, однако его отличает то, что Томас Элиот назвал «стройностью, ясностью и важной глубиной». Эндрюс продвигается вперед как бы импульсами света; он останавливается и повторяет фразу для дополнительной ясности; он всегда добивается полного раскрытия внутреннего смысла. Сочетание слов определяет ход мысли, приманивая и приручая самую суть слова; а смыслы, таким образом извлеченные, могут «привести любого человека в экстаз».

Высокий темп и яркая эмоциональность, характерные для проповедей Джона Донна, могут показаться проявлением иной стихии в сравнении с гармоничным воздействием слов Эндрюса; однако речи каждого из них не так уж далеки друг от друга. 13 ноября 1622 года, за месяц до того, как епископ Винчестерский в присутствии короля прочел проповедь о приходе волхвов, Джон Донн, настоятель собора Святого Павла, поднялся на кафедру лондонского собора. «Первое слово

текста — слово-управитель, слово-стержень, вокруг которого поворачивается весь текст. Первое слово «но» есть «но», наводящее на цель и все остальные слова. Прежде всего это исключающее слово: нечто, в чем Апостолы нуждаются, а еще не имеют; не теперь. И это включающее в себя слово: нечто, что Христос был рад дать Апостолам, о чем они не думали, не теперь; не то, чем бы вы теперь победили, *но, но еще*… еще нечто иное, нечто лучшее, что есть у вас теперь, то, что следует иметь».

Стремительные ассоциации похожи на быстрый перезвон колоколов.

Для Донна проповедь была разновидностью выступления ученого, представлением, подобным якобитским трагедиям, которые удивляли и потрясали публику. Он должен был напоминать своим слушателям о проклятии — «навечно, навечно, навечно выпасть из взгляда Господня». Ему требовалось потрясать и управлять их чувствами — или он считал, что не достиг цели. Именно поэтому Донн пользуется всей силой ужаса, который столь характерен для творений Джона Уэбстера. Так, в одной из своих проповедей Донн напоминает слушателям: «Нет в природе вещи столь же тошнотворной, столь же вонючей,

как выделяемая слизь, из которой изначально сделано твое тело, и то, во что твое тело разлагается в конце концов».

Непоколебимые истины средневековой веры совершенно исчезли. Теперь приходилось доказывать и убеждать — тут Ланселот Эндрюс и Джон Донн были едины, даже если это и означало, что иной раз приходилось подвергаться мучительным испытаниям собственного духа. То были скептичные, полные сомнений, противоречивые времена, по крайней мере в сравнении с предыдущими эпохами, и оба проповедника шли против веяний эпохи.

Синтаксические параллелизмы и парадоксы обоих священников отражают стремление выделить индивидуальные истины и несомненные факты из смутной сущности. Им требовалось не только убедить, но и вдохновить своих слушателей. Тем не менее для их проповедей характерна язвительная риторика, что в значительной степени стало приметой времени. Донн проповедовал, что «секты не церкви, а гнилые ветки, омертвевшие конечности, обломочные осколки, отделенные их духом противоречия, отвалившиеся под тяжестью собственной гордыни…». Прямота и жесткость языка при неровном рит-

ме также свойственны светской поэзии Донна. К тому же в ней можно отметить пессимизм и меланхолию, о которой говорилось в начале этой главы, что тоже характеризует его мирскую жизнь. В одной из своих медитаций Донн вопрошает об источнике своей болезни: «Говорят, что виной моя меланхолия. Разве я вливаю ее в себя, пью? Это моя склонность к размышлениям, но разве я не был создан, чтобы мыслить? Это моя научная работа, но разве мое призвание не требует этого?» Вот подлинно звучащая нота эпохи Якова I, которая теперь подошла к концу.

11. Да здравствует король!

Карл Стюарт стал королем Англии в возрасте двадцати четырех лет. Его провозгласили монархом уже в день кончины отца, 27 марта 1625 года. Один его ровесник в Кембридже написал: «В тот день у нас раздался гром, сразу после провозглашения. Это было холодное время года, но все страхи и печали поглотила радость от такого многообещающего наследника». Разве новый король не встал во главе антииспанского альянса в Англии?

Карл был строже и сдержаннее своего отца, склонен к порядку и соблюдению формальностей. Вскоре стало очевидным изменение обстановки при дворе. Король объявил, что во время правления его «дражайшего венценосного отца» королевский двор заполонили праздные, бесполезные люди, которые принесли «массу позора». Больше не должно было быть никаких непристойностей, тем более содомии. Нового короля впечатлила благопристойность испанского двора, при котором он провел несколько месяцев, бережное отношение к неприкосно-

венности личной жизни королевской семьи, а также церемониал ведения дел. Этот молодой человек, которого приводили в смятение распущенность и разврат отцовского двора, весьма ценил добронравие. Он стал одеваться в черное. В преамбуле к своим приказам королевскому двору он объявил, что его цель — «ввести управление и порядок при дворе, который отсюда может распространить исправное положение дел на все части королевства». Однако подобное искусство власти прекрасно выглядело в теории, но не на практике.

Венецианский посол отметил, что после вступления на престол «король твердо придерживается правил большого этикета. Знать не входит в его апартаменты в беспорядке, как было раньше, а каждый чин занимает свое определенное место». Посол также докладывал, что король разработал правила и нормы, по которым его день после подъема с постели делится на отдельные части: определялось время на молитву и время на физические тренировки, время на дела и время на аудиенции, время на еду и время на сон. Он не желал, чтобы подданных приводили к нему без предварительного согласования, их должно было только вызывать. Слуги подавали ему еду

коленопреклоненно, а протокол королевского обеда был таков, что король в итоге редко — если вообще когда-либо — получал на стол горячую пищу: требовалось слишком много времени, чтобы ее подать. Каждый раз, когда король мыл руки, части полотенца, к которым он прикасался, поднимались над головой церемониймейстера, и тот уносил полотенце.

В начале апреля Карл серьезно приступил к делам. Он попросил Бекингема и других сановников проанализировать все аспекты внешней политики. Плохие отношения с Испанией и возможный союз с Францией следовало рассматривать в свете желания Карла возвратить Пфальц мужу сестры. Несколькими днями позже был создан комитет для руководства обороной государства в случае войны. Затем новый король образовал еще две комиссии: для расследования финансовых злоупотреблений сборщиков налогов и для экспертизы торговли Ост-Индской компании с Россией. Это было дельной инициативой, но, как зачастую случается с работой комитетов и комиссий, результаты оказались незначительными.

Бекингем по-прежнему оставался главным советником, как и во времена правления Якова. Он проводил с королем весь день и спал в ком-

нате рядом с королевской спальней. Он имел золоченый ключ, позволявший ему входить во все помещения дворца. Казалось, что ничто не делалось без его участия. У него был статус практически вице-короля, что позволяло ему частично компенсировать неумение Карла убеждать и администрировать.

Карл заикался. Заикание вместе с желанием короля нормально говорить однажды заставили его осознать свой недостаток. «Я знаю, что не слишком хорош в разговорах», — признал он. В детстве доктора в качестве лекарства от этой проблемы клали ему в рот маленькие камешки, но их метод результатов не принес. Карл пытался до произнесения продумывать завершенные предложения в мозгу, но дефект сохранялся. Он всегда говорил робко и с запинками. Поэтому со слугами при дворе он общался при помощи жестов не меньше, чем при помощи слов.

Граф Кларендон, впоследствии ставший одним из основных королевских советников, заметил, что тревожность Карла заставляла его принимать предложения или уступать влиянию людей, которые на самом деле были менее даровиты, чем он сам. Карл никогда по-настоящему не понимал истинных достоинств и недостатков тех,

кто его окружал. Он имел тенденцию доверяться обычным хвастунам или авантюристам, но не замечать людей, реально достойных, пусть и немногословных. Королевский совет составляли компетентные придворные, многие из которых были приближенными отца Карла, а другие — друзьями и доверенными чиновниками. Однако главные решения передавались из полного Совета на рассмотрение выбранных небольших групп или комитетов, поэтому при дворе распространялись подозрительность и ревность.

Первое публичное появление Карла состоялось в апреле в порту Блэкуолл на северном берегу Темзы. Король посетил королевский флот. Он был небольшого роста, немногим выше 1,5 метра, и выглядел скорее хрупким, чем атлетичным. Однако он развивал и закалял себя физическими упражнениями, поэтому его худощавая внешность производила обманчивое впечатление. Бледный цвет длинного лица Карла в юности оживляли вьющиеся каштановые волосы, серые глаза и полные губы. Привычки нового короля отличались умеренностью, богатым ароматом винам он предпочитал обычное пиво; имел, по всей видимости, сдержанный холодный нрав; услышав непристойный разговор, всегда краснел.

Однако если бы он был в состоянии контролировать собственные чувства, то смог бы управиться и со страстями в своем государстве. Карл собирал изречения стоиков и неостоиков о том, как избегать давления обстоятельств. Однажды он сказал: «Мы научились владеть собой, уходя в себя». Проницательные наблюдатели, например портретисты, чувствовали в нем загадку, скрытую напряженность. Его походка была стремительна и тороплива.

Потенциально опасный вопрос брака Карла с французской католической принцессой Генриеттой Марией вскоре стал главной темой лондонских слухов. Многие при дворе (и в стране) скорбели о союзе с последовательницей Рима. Возродились прежние страхи по поводу папского господства. Однако Карл не желал принимать во внимание никакие предостережения. Его отец был шотландцем, мать — датчанкой, а бабушка, королева Шотландии Мария Стюарт, — наполовину француженкой. Он сам собственной персоной служил идеальным доказательством того, что представители королевских семей Европы совсем не обязательно националисты или религиозные фанатики.

Брак заключили по доверенности 1 мая 1625

года перед западным входом в собор Парижской Богоматери. В тот же день король издал декларацию, что «все виды преследований» против католиков надлежит «отложить и не рассматривать при условии, что они будут вести себя сдержанно». Преследования католиков стали камнем преткновения на переговорах с испанцами в предшествующие годы, и современник событий Джон Чемберлен теперь жаловался: «Мы в печи даже без сковородки». В середине месяца Бекингем сам отправился в Париж, чтобы сопроводить Генриетту Марию через Ла-Манш и поторопить создание альянса между Англией и Францией. Он рассчитывал убедить французского короля относиться к своим подданным-протестантам, гугенотам, с тем же тактом, какой сейчас проявлял Карл к католикам. Кроме того, он хотел вовлечь французов в открытую войну с испанцами. И в том, и в другом случае его усилия оказались безуспешными: стиль поведения, а вернее, надменность Бекингема пришлась не по вкусу Людовику XIII. Говорили, что англичанин носил белый атласный камзол, весь покрытый брильянтами, и флиртовал с женой французского короля, к тому же танцевал перед ней сарабанду в костюме Панталоне.

12 июня Генриетта Мария в конце концов прибыла в Дувр. Ее повезли в замок, где Карл верхом выехал к ней навстречу. Она казалась выше, чем он ожидал, и принцесса заметила, что Карл разглядывает ее ноги, не носит ли она обуви на каблуках. «Сэр, — сказала Генриетта Мария, — я стою на своих ногах, безо всяких ухищрений. Вот такого я роста, не выше, не ниже». У нее, судя по всему, был характер. Один современник, Джозеф Мид, написал, что она «находчивая и остроумная… одним словом, храбрая леди». Тогда ей было пятнадцать лет. Вскоре после прибытия она оказалась в жарко натопленном помещении, окруженная слишком большим количеством людей. Мид сообщил: «Одним движением глаз… она выдворила всех нас из комнаты. Полагаю, бросить такой взгляд не удалось бы никому, за исключением настоящей королевы».

Первостепенную важность для нового правления имел созыв нового парламента. Карл с радостью созвал бы прежний состав, поскольку тот благоволил к его антииспанскому делу, однако его проинформировали, что с кончиной Якова закончились и полномочия парламента. Ему следовало самому изучить этот элемент конституционной практики. Парламент созвали на май,

но начало эпидемии чумы в тринадцати районах города заставило отложить парламентскую сессию на месяц. Карл открыл заседание речью, в которой настаивал на выделении средств для возвращения Пфальца. Однако, похоже, парламентарии не хотели быть втянутыми в войну на континенте, вместо того они стремились сосредоточиться на внутренних проблемах. По соблюдении постного дня члены парламента подали королю «Религиозную петицию», в которой требовали немедленного исполнения «всех существующих законов против католических “отказников” и проповедников». Король женился на католической принцессе и, вопреки мнению своей страны, даровал толерантность ее единоверцам. Тогда гнев палаты общин пал на одного из королевских капелланов Ричарда Монтегю, который в богословском трактате практически отрицал кальвинистское понятие о предопределении. Книгу Монтегю объявили противоречащей утвержденным парламентом «Статьям вероисповедания», а несчастного священника арестовали.

Только после этого парламент приступил к рассмотрению вопроса королевских финансов. К просьбе короля о военных расходах отнеслись

не слишком серьезно на том благовидном основании, что не было представлено ни должных планов, ни обоснованной стратегии. Некомпетентность Бекингема при плохо спланированном по времени и неудачно осуществленном походе на Бреду в конце предыдущего правления парламентарии тоже не забыли: зачем же давать деньги неумелым военачальникам? «Нам еще не известно ни о какой войне, — сказал сэр Роберт Фелипс, — и ни о каком противнике». Парламент предложил выделить королю всего одну десятую той суммы, на которую тот рассчитывал, и, вдобавок к этому оскорблению, таможенные пошлины на тоннаж и вес товара установили всего на один год. Все предшественники Карла, еще со времен Генриха VI (1421–1471), получали их на все время своего правления. Вероятно, сборы на год были лишь временной мерой, до того момента, когда у парламента появится возможность обсудить постоянное соглашение. Однако «эта сессия создала прецедент. Сопротивление увеличению налогообложения и противодействие политике короля в религиозных вопросах станут главными движущими силами дальнейшего недовольства.

Карла возмутило такое решение, но у него не было плана работы с парламентской оппозицией:

он просто ожидал, что его приказы будут исполняться. В любом случае, прежде чем удалось предпринять какие-либо попытки увещевания, в дело вмешалась чума. Один придворный говорил сыну: «Я… честно, изумляюсь, как человек в здравом уме может сейчас оставаться в Лондоне». Звуки окрестных колоколов были хорошо слышны в палате общин. 2 июля Джозеф Мид написал одному из своих корреспондентов, что, «когда милорд Рассел собирался в парламент, его сапожник, надевая ему туфли, упал и умер от чумы у него на глазах». 11 июля работу парламента прервали, решив снова собраться в Оксфорде в начале августа.

Изменение места заседания ничуть не ослабило нарастающую враждебность парламентариев к королю и придворным. По предложению сэра Эдварда Кока в начале сессии были тщательно изучены денежные ассигнования королю, таким образом намекалось, что парламент имеет возможность в любое время регламентировать королевские доходы. Другой член парламента поднялся, размахивая помилованием, которое король даровал одному иезуиту всего через день после того, как обещал одобрить «Религиозную петицию» против католиков. Все замолчали. Это

затрагивало неприкосновенность и честь монарха. Было решено, что следует подождать ответа Карла. Король дал противоположные обещания французскому королю и английскому парламенту. Какое из них будет нарушено в первую очередь?

Через три дня из Вудстока прибыл Карл и встретился с членами парламента в зале университетского колледжа Крайст-Черч. Он больше думал о делах финансовых, чем религиозных. Ему требовались деньги на флот, который собрал Бекингем, а казна была пуста. Король обнаружил, что на сегодняшний момент его «кредита» не хватит, «чтобы отправить в плавание военные корабли, которые сейчас оснащаются». На слова Карл, как обычно, был скуп: сказал, что ответит на «Религиозную петицию» в течение двух дней.

По-прежнему оставалось неясным, сколько требуется денег и на что они будут потрачены. Планируется ли война с Испанией на море? Или на помощь Пфальцу предстоит доставлять армию? Никто из администрации не говорил ничего определенного. Зачем же членам палаты общин поддерживать политику, которую они не понимают и по поводу которой с ними не консультировались? Было объявлено, что парламент

лучше займется внутренними и финансовыми делами, в которых разбирается, чем будет беспокоиться по поводу проблем за границами своего государства.

Теперь под удар попал Бекингем. Его обвиняли в том, что он не способен руководить государством или организовать сколько-нибудь надежную военную экономику. Звучали обвинения, что он и его господин никогда по-настоящему не верили в религиозную терпимость саму по себе, а использовали ее как уловку, чтобы расположить к себе сначала испанцев, а затем французов. Предполагали, что Бекингем считает составленный с Людовиком XIII церковный договор проформой, листком бумаги для умиротворения папы римского. Король, при поддержке Бекингема, был готов пойти навстречу палате общин в вопросе отношения к католикам.

«Если вы имеете в виду ввести в действие принятые законы, — сказал Бекингему посланник французского двора отец Берюлль, — то я не могу и не хочу мириться с этим, под каким бы соусом вы ни подали дело».

«Убирайтесь, — говорят, ответил ему Бекингем. — Я знаю, вам уютно только с вашим требником и мессой».

Однако очевидная беспринципность и непоследовательность герцога совсем не обязательно обеспечивали ему любовь парламента. Он собрал флот, чтобы продемонстрировать, что стоит за популярное в народе дело войны с Испанией, но не было денег полностью его оснастить. Его считали слишком молодым, чрезмерно опрометчивым и недостаточно опытным. В последовавших дебатах сэр Фрэнсис Сеймур призвал: «Давайте обвинять того, кто виноват». А затем назвал герцога Бекингема. Сэр Эдвард Кок, отметив плохое государственное управление и корыстных чиновников, объявил, что «наш корабль дал течь». Все это слишком затрагивало короля. 11 августа он со своим Советом решил, что не стоит продолжать сессию парламента. Чуму, неуклонно пожирающую Оксфорд, использовали в качестве предлога для спасения Бекингема от возможной отставки. Если Карл полагал, что защищает честного, преданного министра, то парламентарии считали, что охраняют страну от себялюбивого некомпетентного фаворита. Оксфордский парламент проработал одиннадцать дней. Карл возложил вину за беспорядки на нескольких смутьянов и «бунтарей». Подобные просчеты он будет допускать и в последующие годы.

Уже можно сделать некоторые выводы о характере короля. Он искренне верил, что королевская власть абсолютна, а парламент просто дополнительный инструмент финансирования его потребностей в военное и мирное время. Одного объявления его королевского желания должно было быть достаточно, чтобы внушить покорность. На государственных документах он обычно наспех писал: «Пусть будет так». У него были определенные твердые убеждения, которые не могли изменить ни доводы, ни события. Если человек соглашался с ним, он был другом, но все, кто подвергал сомнению его решение, с этого момента навсегда становились врагами. Однажды сформулировав линию поведения, он следовал ей до конца. Он не мог представить себе иной точки зрения, кроме своей, и такой недостаток воображения в один прекрасный день лишит его трона.

Карл был настолько убежден в правоте своего дела, что так и не приобрел непринужденности и дружелюбия своего отца и сына. Для большинства английских подданных он оставался холодным и необщительным. Венецианский посол писал, что «этот король так создан природой, что никогда не делает одолжений другому, ни словом, ни делом». В последующие годы он запутается в политиче-

ских проблемах, вызванных его неспособностью договариваться. Однажды он сказал священнику, что никогда не смог бы стать адвокатом, потому что «не в состоянии защищать злое дело или отступаться в добром». Другими словами, он был слишком праведным и для собственного блага, и для блага своего королевства.

В начале осени 1625 года официально объявили войну Испании, тогда же Англия и Голландская республика заключили договор. Тем не менее продолжительная проблема финансов еще не разрешилась, и в качестве крайней меры было предложено продать драгоценности короны. В армию набрали солдат, но жалованья не выплачивали. Они слонялись по Плимуту, а жители Южного Девоншира не хотели или не могли поставлять им провиант. Соответственно, оголодавшие солдаты забивали попадавшихся им на глаза овец и более крупный скот. Трех их вожаков звали Кошелек, Повар и Любовь. Вскоре разошлась шутка, что они Кошелек без денег, Повар без мяса и Любовь без милосердия. В какой-то момент по стране поползли слухи, что король подхватил чуму. Молва была недостоверной, но она свидетельствует о царившей в то время атмосфере неопределенности.

Английский флот после многочисленных неудачных попыток отплыть при ветре и дожде в конце концов покинул гавань 8 октября. Командовал им сэр Эдвард Сесил, который поступил на службу еще при королеве Елизавете. Главную цель похода еще не определили, за исключением того, что будет нанесен удар по испанскому побережью. Когда корабли уже ушли в море, собрался военный совет, на котором решили, что атаку будут предпринимать по Кадису. Настроение английских моряков повысилось, когда при приближении англичан испанские суда покинули театр действий. Крепость Пунтала, прикрывавшую вход в бухту Кадиса, взяли, но атака на нее предупредила испанские власти города об опасности.

Пока организовывали блокаду Кадиса, до Сесила и его командиров дошло известие, что на спасение города движется крупный испанский отряд. Английские солдаты высадились на берег и поспешили навстречу опасности, однако донесение оказалось ложным. Противник не приближался, а марш-бросок под палящим испанским солнцем оставил англичан без провианта. В окрестных селениях насобирали бочки с вином, и солдаты напились до бесчувствия.

Говорили, что каждый солдат стал сам себе виноделом. Испанские защитники Кадиса напали на них и устроили жестокую резню. Соответственно, осада Кадиса и оккупация Пунтала завершились позорным провалом.

Английские суда также имели задание перерезать маршруты доставки серебра из Мексики, однако их состояние не позволяло им противостоять никому. Гнилые корпуса, слабый такелаж. То ли по недосмотру, то ли из-за злоупотреблений припасы провианта на кораблях с самого начала были неудовлетворительными. Алкоголь (вероятно, разбавленное водой вино) был отвратительный; еда воняла «так, что ни одна собака в Пэрис-Гардене не стала бы ее жрать». Пэрис-Гарден был частью зловонного лондонского предместья Саутуарк. В середине ноября Сесил отдал приказ своему флоту возвращаться в Англию. Поход обернулся полным и унизительным фиаско. Началось расследование, но доказательства были столь противоречивыми, а свидетельские показания настолько предвзятыми, что посчитали наилучшим не предавать это дело огласке.

Затем последовала попытка избежать народного гнева. В начале ноября снова ввели в действие законы против католиков; штрафы и конфис-

кации надлежало использовать для обороны королевства. Говорили, что в Уайтхолле «холодно относятся к папистам». Однако самым убежденным папистом была королева. Разочарование Карла в Людовике XIII за то, что тот не поддержал английского короля, теперь, похоже, распространилось и на его сестру, а особенно на окружавших королеву монахов-капуцинов. Их обряды и молитвы не приветствовались при английском дворе, где Бекингем по-прежнему надеялся возглавить протестантский союз против испанцев и притязаний Священной Римской империи.

Карл и Генриетта Мария вместе сидели за обеденным столом, когда ее католический духовник попытался предвосхитить произнесение молитвы протестантским священником. Он, по словам Джозефа Мида, начал произносить молитву на латинском языке громким голосом и «так неловко, что король в сильном душевном волнении немедленно поднялся из-за стола и, взяв за руку королеву, удалился в спальню. Разве это не свидетельствовало о религиозном выборе короля?» Говорят, Карл утверждал, что мужчина должен быть хозяином в своем доме. Однако ему также требовалось доказать, что он хозяин в своем королевстве.

12. Падение

День официальной коронации Карла пришелся на Сретенье, 2 февраля 1626 года, прошло немногим меньше года с момента его вступления на престол. Генриетта Мария отказалась сопровождать супруга на этом, по ее мнению, еретическом богослужении, так что он отправился один. Королева наблюдала за частью событий из помещения у входа во двор дворца. Однако Карл не участвовал в традиционной процессии по улицам Лондона, а после церемонии не было ни торжественного банкета, ни представления: чума по-прежнему накладывала свой отпечаток. На самом богослужении не чувствовалось ликования. Когда только что коронованного короля представили народу, люди по большей части никак не реагировали. Тогда лорд-маршал граф Арундел приказал всем кричать «Боже, храни короля Карла!», и послышались немногочисленные выкрики почтения.

Король надел мантию белого цвета, а не королевского алого; многие сочли это неуместным нововведением в старинный ритуал. Коронаци-

онная клятва тоже была осторожно изменена епископом Сент-Дэвида Уильямом Лодом. Тогда это не сочли предосудительным, но впоследствии Лода обвинили в даровании королю абсолютной власти в ущерб народу. В тот период враждебность и негодование направлялись в основном на Бекингема, а не на его господина.

Парламент собрался через четыре дня, охваченный бурным негодованием по поводу того, что Бекингем плохо организовал экспедицию на Кадис. Вероятно, он пытался отвести от себя обвинение, заявляя, что в тот момент находился на дипломатических переговорах в Гааге, но это не удовлетворило разгневанных парламентариев. Сэр Джон Элиот, депутат от Сент-Джерманса в Корнуолле, был свидетелем возвращения флота в Плимут после поражения. Он сам видел, как больные и полуголодные солдаты нетвердой походкой сходили на берег. Он также видел, что некоторые из них умирали на улицах, смертельно заражая жителей города. Он не забыл их страданий и всю вину возложил на непредусмотрительного и надменного королевского фаворита.

Король открыл заседание привычной краткой и прямой речью. «Я намерен показать, что буду говорить, — заявил он, — делами». Он не

извинялся, не объяснял случившегося, он просто попросил еще денег. Поднялся Элиот и потребовал не выделять дальнейших ассигнований, пока не будет получено отчета за предыдущие суммы. Он призвал провести ревизию в Адмиралтействе, к которой он как вице-адмирал от графства Девоншир был однозначно подготовлен.

При этом он высказал королю более широкие претензии: «Сэр, заклинаю вас, откройте глаза! Посмотрите, в каком мы положении! Подумайте, какие мы понесли потери! Взвесьте опороченную честь нашего государства!» Элиота можно назвать одним из первых великих парламентариев в истории Англии, который был готов ограничить злоупотребления королевской прерогативы. Он продолжил свою речь следующими словами: «Наша честь поругана, наши корабли потоплены, наши солдаты погибли. И причиной тому не меч, не противник и не случайность, а, как заранее было ясно, те, кому мы доверяем». Внешнеполитические перспективы выглядели мрачно. Католические силы Священной Римской империи продвигались по Богемии и Германии, французских протестантов запугивал и даже уничтожал король Франции.

Была создана комиссия, чтобы разобраться с

проблемами государственных финансов, но ни к каким согласованным выводам она не пришла. Поэтому 10 марта Карл объявил, что желает немедленного обеспечения государственных потребностей без дальнейших вопросов к его прошлому или будущему управлению. Это заявление повысило градус дебатов. Депутат от Боробриджа сэр Фердинанд Ферфакс написал отцу: «Если мы ничего не дадим, то не только приведем в ярость короля, который по своей природе чрезвычайно упрям, но и, в соответствии с положением вещей на сегодняшний день, создадим угрозу разрушения державы; а если дадим, то средства, весьма вероятно, пойдут не на дело. И чем дальше мы расходимся во мнениях, тем больше будем желать перенести решение вопроса на другое время».

Широко распространенным было мнение, что причина всех неурядиц — это герцог Бекингем. Он назначил неумелых офицеров и поэтому несет ответственность за катастрофу в Кадисе. Он роздал королевские земли своим друзьям и родственникам. Он продал многие государственные посты и занял другие для собственного карьерного роста. Его мать и отчим — рекузанты и должны считаться врагами страны. Бекингем

стал человеком, против которого следовало выдвинуть обвинение.

Пять дней спустя в Уайтхолле Карл ответил парламентариям речью, в которой объявил: «Не хотел бы, чтобы палата общин допрашивала моих слуг, тем более столь близких ко мне». И добавил: «Я бы желал, чтобы вы поторопились с выделением ассигнований, в противном случае вам же будет хуже. Если что-то пойдет не так, думаю, я буду последним, на ком это отразится». Сэр Джон Элиот, обращаясь к коллегам через два дня после слов короля, обсудил жесткую позицию. «Нам явили большую угрозу, — сказал он, — но, надеюсь, это не омрачит наш разум». Король снова приказал парламентариям отступиться. «Помните, — заявил им Карл, — что созыв, работа и роспуск парламентов всецело находятся в моей власти. Соответственно, в зависимости от того, нахожу я результаты полезными или вредными, я буду решать, продолжаться работе парламентов или нет».

Палата общин, теперь не настроенная отступать, по-прежнему преследовала герцога. Парламентарии превратились в спущенных с привязи гончих, еще более уверенных в себе, потому что знали, что члены палаты лордов

их поддерживают. Аристократы тоже устали от самонадеянного фаворита. Древнее пэрство возмущалось его контролем над распределением бенефиций и влиянием на короля. Граф Бристоль, который был английским посланником при дворе Испании и наблюдал поведение Бекингема в Мадриде, дал показания против королевского фаворита. Граф поставил ему в вину попытку изменить вероисповедание принца; показал, что Бекингем коленопреклоненно поклялся «дать испанцам надежду на переход принца в католическую веру». В сущности, он обвинил Бекингема в измене.

Короля взбесило то, что он посчитал гордыней обеих палат. Однако парламентариев было не остановить. 10 мая они избрали депутацию для разработки статей импичмента Бекингема. Один из членов выбранной группы, сэр Дадли Диггс, утверждал, возможно, в беспрецедентных выражениях: «Законы Англии научили нас, что король не может внушать дурные или незаконные вещи. И если дурные деяния уже произошли, исполнители должны за них ответить». Диггс к тому же сравнил Бекингема с кометой, извергнутой «низменной прогнившей материей». Однако, когда члены депутации явились к Бекингему, он,

говорят, рассмеялся им в лицо. Герцог знал верность, или неуступчивость, короля. Карл никогда бы не отказался от него.

День дебатов по импичменту стал поводом для выплеска страстей практически в театральном противостоянии. Когда один из членов депутации, Джон Гленвилл, огласил вступление речи в пользу парламента, Бекингем «язвительно высмеял» его. «Милорд, — ответил Гленвилл, — вы потешаетесь? Здесь есть над чем смеяться? Я, милорд, могу указать вам человека более знатного происхождения, чем ваша светлость, такого же высокого положения и близости к королю, как у вас, которого повесили за наименьшее преступление из перечисленных в этих статьях».

Поднялся сэр Джон Элиот, чтобы произнести общую обличительную речь против фаворита: «Какие баснословные драгоценности он получил! Какие несметные деньги и бескрайние земли!» Пиршества, дворцы, наряды, золото и серебро были зримыми свидетельствами его алчности; богатство Бекингема держало короля и Англию в нищете. Затем Элиот намекнул на широко распространенный слух, что герцог и его мать отравили Якова I. Джон Элиот сравнил фаворита с мифологическим зверем (древние называли

его *Stellionatus*), который был «так грязен, так испорчен», что его переполняли нечистоты. Эта экстраординарная речь, естественно, чрезвычайно оскорбила короля.

На следующий день, 11 мая, король прибыл в палату лордов, где попытался оправдать Бекингема по всем статьям обвинений, предъявленных ему палатой общин. «Я могу дать показания, — сказал Карл, — чтобы снять с него подозрения по каждому из обвинений». В тот же день нижняя палата в смятении прекратила работу, когда стало известно, что сэра Джона Элиота и сэра Дадли Диггса отправили в Тауэр. Когда 12 мая спикер поднялся, чтобы начать заседание, ему сказали «сидеть». «Никакого заседания, пока не будут восстановлены наши привилегии». Посол Франции предупредил короля, что, если его власть не восторжествует, он окажется бессилен, как дож Венеции, который ничего не в состоянии предпринимать без одобрения сената.

Парламент держался твердо и в итоге добился своего. Через неделю и Диггса, и Элиота отпустили на свободу. Это стало плохим прецедентом для короля, который казался решительным, но все же отступил. Затем Карл компенсировал оскорбление, назначив Бекингема главой уни-

верситета в Кембридже. Неудовольствие палаты общин было таково, что парламентарии составили общую петицию за отстранение Бекингема от общественной жизни.

Словесные баталии теперь усилились. Карл ответил требованием, чтобы парламент немедленно приступил к работе и принял закон о субсидии, обеспечивающий ему больше средств, или он будет вынужден «применить другие способы». Палата общин обсудила вопрос и решила, что сначала следует выразить протест, а уже потом переходить к субсидиям. Парламентарии по сути не подтвердили выдвинутых Бекингему обвинений в продажности и коррупции, но теперь стали настаивать, чтобы он подал в отставку на том единственном основании, что палата общин утеряла к нему доверие. Если бы они достигли своей цели, то авторитет парламента превысил бы власть самого монарха.

С другой стороны, если бы парламент отступил и предоставил Карлу деньги без удовлетворения претензий, создался бы прискорбный прецедент, что король всегда побеждает народ. Парламентарии, говоря современным языком, не желали дать потомкам основания проклинать их. Королевский двор и парламент, имея взаимо-

исключающие цели, оказались в тупике. Повсюду живо обсуждали подслушанный разговор короля с Бекингемом. «Я, похоже, потерял любовь моих подданных», — говорят, сказал Карл Бекингему. «Что ты хочешь, чтобы я сделал?» 14 июня король вынес решение распустить парламент. Палата лордов попросила два дня на урегулирование ситуации. Карл достаточно быстро ответил: «Ни единой минуты».

За день до роспуска, как говорили, «великого, горячего, сердитого парламента» на Темзу в районе Вестминстера обрушилась гроза с громом, молниями и градом, затем поднялся «водяной смерч», или «водяной столб». Вода превратилась в водяную пыль и образовала большую вращающуюся воронку около 27,5 метра в ширину и 3 метра в высоту; внутренняя часть воронки была полой и белой от пены. Это чудо природы пересекло Темзу и стало биться о стены сада Йорк-Хауса, резиденции герцога Бекингема. Ударившись о кирпичи, воронка превратилась в густой дым, как будто вышла из трубы, поднялась высоко в небо и исчезла из вида под два-три раската грома. Все сочли это знамением и, возможно, предзнаменованием самому герцогу.

По улицам Лондона разлетелись листовки,

отпечатанные в тайных типографиях.

Кто правит королевством? — *Король.*

Кто правит королем? — *Герцог.*

Кто правит герцогом? — *Дьявол.*

Через три дня после роспуска парламента король приказал уничтожить все экземпляры парламентской Ремонстрации против Бекингема. Продолжая благоволить герцогу, Карл спровоцировал организацию в парламенте непреклонной и шумной оппозиции. Противостояние еще непосредственно не задело личности самого короля, однако там были отдельные люди, мечтавшие о возможных переменах в устройстве общества. Выдающийся историограф Леопольд фон Ранке однажды предположил, что надвигающийся конфликт короля с парламентом явился результатом «исторической необходимости». Согласны мы с его мыслью или нет, по крайней мере очевидно, что существовали движущие силы, которые было нелегко сдержать или повернуть в другое русло.

В ходе работы этого парламента, среди треволнений внутренних дел страны, епископат тоже не оставлял в стороне вопросы религии. В частности, епископы обсуждали расхождения между пуританскими членами Церкви и теми, кого уже называли «арминианцами». Эти представители

духовенства верили в примат иерархии и церемониала в традиционных обрядах, выступали против предопределения и отстаивали таинства. Семь лет назад они заслужили осуждение кальвинистов на Дордрехтском синоде. Некоторых из них лишили приходов как папистов просто под другим названием, однако в действительности католики так же отвергали их, как и пуританская паства. Арминианцы желали очищения национальной Церкви, и их самым значительным сторонником уже был Уильям Лод, видный епископ, теперь пользующийся королевским расположением. Английских арминианцев, в свою очередь, стали называть «лодианцами» с одним из главных принципов о «красоте святости», под которым они понимали коленопреклонения и поклоны, а также яркие изваяния. Требовалось даже отдельное помещение для сосуда с ладаном.

Во время предыдущего правления арминианцы находились в сомнительном положении из-за остаточных симпатий Якова к кальвинистским взглядам и его нежелания поощрять доктринальную полемику. Его сын был сделан из более твердого, более несгибаемого материала. В течение нескольких недель после кончины Якова

епископ Лод подготовил новому королю список высших священнослужителей, пометив их имена буквами «О» и «П»: «О» означала «ортодокс», «П» — «пуританин». Таким образом, границы были проведены.

Мощное тяготение к «поклонению», со всей ритуальностью и церемониалом, которые оно подразумевает, было свойственно молодому королю. Карл уже ввел у себя при дворе определенную систему и церемониал; он обожал маски и для религии тоже желал великолепия мистерии. В любом случае Карл испытывал глубокую антипатию ко всем формам пуританства, которое он связывал с неповиновением и ужасным понятием «демократии». При этом слове в его голове всплывали сапожники, портные и язвительные догматики. Более всего он хотел четко организованной и дисциплинированной Церкви, которая бы придерживалась определенного курса и общих традиций, а епископы были бы ее главными представителями. Она должна была бы стать его оплотом в защите стабильности государства. Лод и сам частенько цитировал выражение *stare super antiquas vias* — было важно твердо придерживаться путей, проверенных временем.

В проповеди, произнесенной летом 1626 года,

Лод нанес по пуританам прямой удар, заявив, что кальвинисты, по существу, против авторитаризма и, следовательно, против монархии. В следующем году Джорджа Эббота лишили власти в качестве архиепископа Кентерберийского, заменив комиссией епископов, настроенных против кальвинизма. Когда один кальвинистский епископ, Давенант Солсберийский, прочел проповедь в защиту доктрины предопределения, его вызвали в Тайный совет. Карл дал прелату приложиться к королевской руке, а затем проинформировал, что «ему не стоит затрагивать и обсуждать столь серьезный вопрос тем или иным образом, поскольку он слишком сложен для человеческого понимания». После 1628 года ни один проповедник-кальвинист не допускался на кафедру у собора Святого Павла, главную лондонскую площадку для проповедей. Вскоре появилась шутка с вопросом об убеждениях арминианцев.

— Чего придерживаются арминианцы?

— *Наилучших мест в Англии.*

Тем не менее кальвинисты и пуритане не отошли с кротостью в сторонку. Победа дела лодианцев в Королевском совете более чем что-либо другое подогрела антагонизм между

противоборствующими религиозными группировками, отметивший последние годы правления Карла. Эти доктринальные разногласия не задерживались в головах большинства низшего духовенства и их паствы, посещавшей церковь по привычке, а просто приняли форму отношения к евангельскому чтению и заповедям.

Через несколько недель после роспуска парламента Карл окончательно решил удалить священников и фрейлин супруги от своего двора. Когда парламент еще заседал, духовники королевы посоветовали ей, босой, совершить паломничество в Тайберн, чтобы помолиться о душах католиков, которых там казнили. Вскоре поползли слухи, что она вознесла молитвы за дело убитых предателей, а не мучеников.

Между мужем и женой уже возникла обида и даже раздражение. Королева была вполне весела со своими французскими слугами, а в присутствии короля становилась угрюмой и сердитой; она, совершенно очевидно, не находила радости в его компании. Они поссорились из-за ее желания подарить часть своих земель и домов свите.

— Оставьте свои земли себе, — говорил ей Карл, по его словам.

— Если я не могу отдать это, кому хочу, то мне

не надо ваших земель и домов. Дайте мне, что подобает, в виде пенсии.

— Не забывайте, с кем говорите, — ответил король. — Вы не должны так со мной обращаться.

Они продолжали препираться, и тогда, как вспоминал ситуацию сам король, он «заставил ее и услышать меня, и прекратить этот разговор». У придворных тоже были уши.

В начале августа, после заседания Тайного совета, Карл послал за королевой. Она отклонила приглашение, сославшись на зубную боль. Тогда вместе с членами Совета король прошел в ее личные покои, где, согласно письму современника событий мистера Поури, обнаружил, что французские приближенные Генриетты Марии «непочтительно танцуют и скачут в присутствии королевы». Карл тут же закончил вечеринку, забрал Генриетту Марию в свои апартаменты и сказал, что отправляет французских слуг обратно в Париж «ради ее блага и блага страны». Королева на минуту пришла в замешательство, а потом в порыве ярости или расстройства голыми руками разбила окно комнаты, чтобы поговорить со своими людьми, которые стояли во дворе под окном. После этого женщины «рыдали и причитали, как будто отправлялись на казнь».

Но даже самые громкие протесты не могли сломить волю разгневанного короля. Несколько дней французы отказывались покидать двор королевы. Тут Карл потерял всякое терпение. Он приказал Бекингему «завтра выслать из города всех французов. Если сможешь, мягкими средствами, но не трать много времени на дискуссии, в противном случае заставь силой, гони их, как диких зверей, на корабли, и черт с ними! Мне нужен только один ответ — полное исполнение моего приказа». Он мог говорить повелительным тоном даже со своим фаворитом.

В итоге под конвоем дворцовой стражи французы погрузились на корабли для возвращения домой. Когда они проходили по Темзе мимо пристаней Денмарк-Хауса, толпы лондонцев улюлюкали и издевались над ними; кто-то бросил камень и сбил шляпку с головы мадам де Сен-Жорж. Вся история разгневала короля Франции, тот заявил английскому посланнику, что с его сестрой поступили жестоко. Это был неподходящий момент для нанесения обид Людовику XIII.

Роспуск парламента, например, неизбежно вел к срочным попыткам найти деньги на войну короля с Испанией. У лондонских оптовиков попросили заем в 100 000 фунтов под залог королевских

регалий. Запрос отклонили. В следующем месяце было предложено, чтобы фригольдеры различных графств предоставили короне «свободный дар»; духовенству приказали «вдохновлять людей всех сословий на выражение преданности Богу и своему долгу королю». Карл также решил, что должен продолжать взимание налогов на «груз и вес», несмотря на то что парламент не давал своего согласия. Когда уже намеревались собрать «свободные дары», в Вестминстер-Холле вдруг раздался клич «Парламент! Парламент!». За август и сентябрь отказ жертвовать в королевскую казну стал повсеместным. Тогда было решено, что следует продать королевскую золотую и серебряную посуду.

В середине августа 200 отчаявшихся солдат и моряков отправились в утомительный поход из Портсмута в Лондон, чтобы потребовать деньги, которые им до сих пор не выплатили. Случайно или намеренно они наткнулись на коляску герцога Бекингема, остановили и стали просить расплатиться с ними. Бекингем пообещал заняться их делом в течение дня, но ускользнул по Темзе и вернулся под защиту Йорк-Хауса. В любом случае это было время больших финансовых затруднений у простого народа. Видный

специалист XIX века по экономической истории Англии Торолд Роджерс утверждал, что, «сопоставив заработки, арендную плату за жилье и цены, можно убедиться: тот период был временем чрезвычайной бедности большинства; временем, когда немногие могли разбогатеть, а многие скатывались в безысходную и практически постоянную нужду». Некоторым тогда казалось, что поправить положение Англии невозможно. Один современник вопрошал: «Не пора ли уже молиться?»

13. «Избави нас от этого слизняка»

Война против Испании и имперских войск продвигалась неважно. Датский король Кристиан зависел от финансовой поддержки своего племянника Карла, но деньги, естественно, не поступили. 27 августа 1626 года армии Католической лиги разгромили деморализованные войска Кристиана под Луттером в Нижней Саксонии. В результате протестанты Северо-Западной Европы могли оказаться добычей имперской армии. Получив известие о битве при Луттере, Карл прервал свою летнюю поездку по стране и возвратился в Лондон, где сказал датскому послу, что будет защищать короля Кристиана, «даже рискуя собственной короной и подвергая опасности свою жизнь». Королевский совет хотел направить в Данию четыре полка численностью по 1000 человек, но чем было им заплатить?

После провала предложенного королю «свободного дара» и незначительной выручки от продажи его столовых предметов пришло время более серьезных и решительных мер. Осенью

1626 года Карл ввел по сути принудительный заем и потребовал от графств сумму, в пять раз превышающую парламентские субсидии. Такое решение было частично вызвано его сильным нежеланием созывать новый парламент. Он хотел бы управлять своими финансами без вмешательства склочных парламентариев. Карл написал различным лордам-наместникам английских графств, распорядившись, чтобы они назвали имена местных аристократов, указав объемы сумм, которые им по карману; он также написал обращения к пэрам с просьбой проявить щедрость в финансовой поддержке. Король осудил тех, кто выступал против займов, как «злонамеренных субъектов». Он заявил, что должен иметь средства для содержания двора и вооруженных сил, и долг всех верных подданных, в отсутствие парламентского соглашения, «соблюдать закон в себе». Карл мог бы добавить, используя выражение того времени, что «нужда не знает закона».

Реакция страны в целом, кажется, в кои-то веки была благоприятной. Тяжелое положение королевства и вероятное поражение протестантского дела побудили большинство общин внести свою лепту. Считалось, что в случае крайней

необходимости король имеет право обратиться за дополнительной помощью. Например, жители города Тетфорд в графстве Норфолк «все с готовностью заплатили». К ноябрю принудительный налог принес около 250 000 фунтов стерлингов — достаточно для удовлетворения неотложных потребностей короля. Сам Карл признал, что деньги собрали «быстрее, чем я мог ожидать в эти бедственные времена».

Однако судейский корпус был неуверен в законности любого принудительного займа и отказался подписать документ о согласии на его наложение. Король вызвал председателя Верховного суда и освободил его от должности в качестве предупреждения и ободрения другим. Карл пригрозил убрать со своих постов всех непокорных судей-магистратов, но этим поступком он только нанес ущерб авторитету и судейской власти, и своей. Говорили, что с этого момента судьи больше не считались беспристрастными и бескорыстными. В памяти людей долго сохранялось, что король требовал отставки тех, кто не уступал его требованиям. Если судья имел собственное мнение, его следовало игнорировать.

Некоторые все же не желали платить принудительную подать. Более богатых упрямцев

вызывали на Тайный совет, где их либо отправляли в тюрьму, либо помещали под домашний арест вдали от семейств. Тех, кто победнее, заставляли идти в армию или на флот, где они отдавали жизни вместо денег. Среди тех, кто отказался платить, было пять рыцарей, которые решили оспаривать законность королевского займа в судах и впоследствии попали в тюрьмы графств. Их судьба вызовет широкое недовольство королем.

Позже большую популярность приобретет еще один несогласный. Джон Хэмпден, землевладелец из Бекингемшира и бывший член парламента, был вызван в суд в конце января 1627 года для объяснений своего отказа выплачивать принудительный заем. «Я мог бы согласиться дать взаймы, — ответил он, — да боюсь навлечь на себя проклятие из Великой хартии вольностей, которое следует читать дважды в год против тех, кто ее нарушает». Другими словами, он заявлял, что король поставил под сомнение основные права и свободы своего народа. Хэмпдена на год отправили в тюрьму Гейтхаус в Вестминстере и содержали так сурово, что, по рассказу современника, «потом он уже никогда не выглядел прежним человеком». Пятнадцать лет спустя в той же тюрьме Ричард Лавлейс напишет, что:

Не стены делают тюрьму,
Не стражи на стене...[26]

Взгляды Хэмпдена остались свободными. Он стал прославленным военачальником парламентаристских войск во время гражданской войны.

Гневный настрой Карла, по всей видимости, начал сказываться на его рассудительности. На основании срочных докладов герцога Бекингема теперь было предложено начать военно-морской поход против Франции, чтобы помочь гугенотам, поднявшимся на борьбу с Людовиком XIII. Несколько месяцев между двумя странами шла необъявленная морская война, захватывались товары и корабли, взаимное противостояние нарастало. В начале декабря 1626 года вышел приказ захватывать все французские суда, обнаруженные в английских водах. Через три недели обнаружилось, что шесть или восемь кораблей, закупленных Людовиком в Нидерландах, находятся в Гавре, готовые выступить против Англии; их требовалось либо захватить, либо уничтожить.

Король в тот момент обдумывал войну и с Францией, и с Испанией. Воевать с одной державой

---

[26] Примечания: 26
Перевод В. Ключанского.

уже достаточно трудно, но вести войну с двумя одновременно — уже безумие. Весной 1627 года в Портсмут отправили новых рекрутов. Началась старая история. Многие из них выглядели как «грязные животные»; для них не хватало обмундирования, а военным врачам не платили. Их светлости в Тайном совете с удовольствием отдавали общие приказы, не заботясь об исполнении; они были не способны оценивать военные расходы и зачастую плохо ориентировались в географии. Они отправили полки на постой, не сообщив об этом соответствующим властям графств. Они готовились посылать пшеницу в предполагаемую армию во Франции, но не обеспечили средств для ее помола. Отсутствие сколько-нибудь работающего государственного аппарата оказалось фатальным. Неразберихи удавалось избежать только в том случае, когда органы местного самоуправления так или иначе участвовали в осуществлении набора в армию. Как можно было вести войну в Европе силами солдат и административного аппарата округов и графств? Государственной армией, собранной для войны за рубежом, может управлять только какая-то форма центральной администрации. Условия Англии Стюартов делали это невозмож-

ным. Предсказуемо наступил хаос. В Портсмуте появились странно одетые люди:

В старом пестром пальто и с красным носом,
В старой куртке с отвисшими рукавами
И в старых сапогах, натянутых без чулок,
Набитых тряпками там, где должны быть пальцы ног[27].

Разговор о новом походе на Францию означал, что Лондон, по свидетельству Эдварда Хайда, графа Кларендона, «наводнили солдаты и молодые джентльмены, собиравшиеся поступить в солдаты; все стало дозволено — любая одежда, какая угодно еда, разнообразные азартные игры». Столица стала городом игральных костей и шлюх.

11 июня король лично произвел смотр флота в Портсмуте и отобедал на борту адмиральского судна. Царило всеобщее веселье. Несмотря на поражение при Кадисе, сохранялось представление о превосходстве Англии на море. 27 июня 1627 года английский флот отправился в плавание, имея перед собой две главные задачи. Первая состояла в том, чтобы сорвать замысел выдающе-

[27] Примечания: 27
With an old motley coat and a malmsey nose, / With an old jerkin that's out at the elbows, / And with an old pair of boots drawn on without hose, / Stuffed with rags instead of toes.

гося министра Людовика XIII герцога де Ришелье сделать своего монарха властелином морей. Эта роль отводилась Англии. Второй целью предприятия было доставить несколько полков в порт Ла-Рошель на Атлантическом побережье Франции; гугеноты этого города взяли в свои руки городское управление и вступили в борьбу за свободу вероисповедания с французским королем. Близлежащий остров Иль-де-Ре уже находился во власти короля. План Бекингема подразумевал захват той части острова, которая контролирует подходы к Ла-Рошели.

Соответственно, в полдень 12 июля солдаты погрузились в лодки под прикрытием артиллерийского огня своих кораблей. Бекингем носился среди них, подбадривал и подгонял их вперед. Однако его бравады не хватало. Сами солдаты были плохо подготовлены, и далеко не все из них стремились в бой: одни затягивали посадку, другие не занимали отведенных им позиций. Те, кто добрался до берега, не торопились наступать на противника. Бекингем палкой пытался поднять их в атаку, но все напрасно.

Французы воспользовались своим шансом и напали на английские отряды, угрожая сбросить их в море. Тем не менее линию обороны удалось

укрепить, и французские силы, находясь на труднопроходимой болотистой местности, решили отступить к безопасным укреплениям форта Сен-Мартен. Тогда Бекингем приказал взять форт в осаду.

Осада превратилась в блокаду, но страдания умножились на обеих сторонах. Женщины и дети внутри крепости молили о милосердии и сострадании, где их просто не было, а солдат Бекингема изнуряли болезни и недоедание. Герцог слал в Лондон срочные послания с просьбой направить дополнительные войска и припасы, но государственная казна была, как всегда, пуста. С приближением зимы английские силы слабели; теперь они практически не имели еды, денег и боеприпасов. Сообщалось, что английские офицеры на Иль-де-Ре «просмотрели все глаза», разглядывая в бинокли морские дали в поисках кораблей из Англии.

Был произведен последний отчаянный штурм форта, но длина штурмовых лестниц оказалась недостаточной. Оставалось только отступить. Однако даже отступление прошло неудачно. 30 октября англичане готовились перейти по деревянному мосту на небольшой островок, с которого собирались грузиться на свои корабли,

но не организовали достаточной обороны моста. Под продолжительным артиллерийским огнем пехота и кавалерия пришли в замешательство. Одних перестреляли, других утопили. По приблизительным подсчетам, погибло 4000 человек, выжившие в итоге проделали утомительный путь обратно в Портсмут или Плимут. Осаду Ла-Рошели снять не удалось. Современник событий Дензил Холлис отметил: «Каждый знает, что, с тех пор как Англия стала Англией, она не получала столь позорного удара». Винили Бекингема, называя его «слизняком»:

А теперь, Боже праведный, я смиренно молюсь:
Избави нас от этого слизняка[28].

Это было второе за два года значимое военное поражение под командованием герцога. Его знамена теперь висели в соборе Парижской Богоматери как символ национального позора. Народ вскоре стал неприлично называть его «герцог Хукингем». Тем не менее король встретил своего фаворита улыбкой на лице и фактически принял вину на самого себя. «В этой экспедиции вы

[28] Примечания: 28
And now, just God, I humbly pray / That thou wilt take that slime away.

покрыли себя славой, — сказал ему Карл, — весь позор должен пасть на нас, тех, кто оставался дома». Бекингем действительно не был виноват во всем целиком и полностью. Он проявлял отвагу, но не стратегическое мышление, причем этот его недостаток дополнялся недостаточным вниманием к деталям. Однако значительную часть вины нужно возложить на органы управления внутри Англии, которые полностью провалили обеспечение армии необходимыми деньгами и припасами.

Король собрал военный совет, где настаивал на выделении денег для финансирования новой экспедиции к Ла-Рошели. Защитить этот город он считал делом своей чести. Его советники снова порекомендовали созвать парламент. Это был единственный способ получить деньги без многочисленных протестов и судебных исков. Несмотря на то что Карл ожидал от членов парламента только возражений, споров и петиций, он позволил себя убедить.

Атмосфера парламента 1628 года не обещала ничего хорошего. В начале февраля, за месяц до начала сессии, король выслал письма с объяснением необходимости «корабельных денег» для оснащения нового флота. «Корабельные деньги»

— средневековый механизм, с помощью которого в кризисные моменты военный флот пополнялся судами из морских городов; теперь Карл хотел распространить этот сбор на всю страну и собирать его деньгами, а не кораблями. Он приказал соответствующим властям графств «приступить к работе, исходя из истинной стоимости землевладений и имущества жителей». Новая попытка взимать налоги на основании сомнительного правового принципа вызвала яростное сопротивление. Многие города и графства отказались платить. Линкольншир отверг «дополнительный и непредвиденный налог»; Сомерсет отговорился тем, что это «станет прецедентом сбора, которого ни они, ни их предки никогда не платили». Несколько дней спустя Карл, осознав, что его волю будут открыто презирать и его приказам не подчинятся, отказался от этого дела. Король решил «полностью положиться на любовь народа в парламенте».

Он заблуждался. В Вестминстере наблюдалась явная нехватка любви. Король со своим фаворитом не подготовили нужным образом почву для дальнейших притязаний на ресурсы нации, а королевский двор не приложил достаточных усилий, чтобы в кризисный момент наполнить

палату общин искренними союзниками. Значительное количество собравшихся 17 марта 1628 года были местными хозяевами с местными претензиями; например, те, кто отказался поддержать принудительный заем, почти наверняка получали место в парламенте. В одном из избирательных округов в депутаты выдвинули вассала герцога Бекингема сэра Роберта Пая. Раздались крики: «Пай! Пай! Пай!»[29] На что его противники стали отвечать выкриками: «Пудинг! Пудинг! Пудинг!» — а другие присоединились, выкрикивая в рифму: «Лай! Лай! Лай!»[30] Все считали, что «патриоты» подавят «дворцовую партию» и парламент не проработает и восьми дней. Некоторые даже предполагали, что Карл и Бекингем сами подстраивали такой результат. Если парламент не санкционирует средства для короля, он его распустит и обвинит в слабости и несостоятельности перед лицом угрозы национальной безопасности.

На открытии парламентской сессии король объявил, что «пришло время действовать»; ему нужны деньги, и его не интересуют «утоми-

---

[29] Примечания: 29

В английском языке фамилия Пай (Pye) — омофон слова pie («пирог»).

[30] Примечания: 30

Lie (*англ.*) — ложь, обман.

тельные консультации». Затем он нанес новое оскорбление, заявив, что не собирается угрожать им, «потому что считает ниже своего достоинства угрожать тем, кто ему не ровня». Становилось ясно, что в этот раз главное противостояние будет происходить не с Бекингемом, объектом атаки предыдущего парламента, а с самим королем.

Настроение палаты общин усугубляло тюремное заключение пяти рыцарей, которых в прошлом году арестовали за отказ выплачивать королю принудительный заем. От их имени заявлялось, что отклонять незаконный заем — не преступление; а если нет преступления, то их нельзя держать в тюрьме. Рыцари подали прошения о выдаче приказов хабеас корпус (*habeas corpus*), чтобы освободиться из-под незаконного ареста, заявляя, что в соответствии с Великой хартией вольностей «ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму иначе, как по законному приговору равных и по закону страны».

Защитники короля, в свою очередь, утверждали, что рыцари арестованы по специальному распоряжению их сюзерена и никакого другого основания не требовалось. Далее последовало довольно невнятное рассмотрение дела судьями.

Они постановили отказать рыцарям в передаче на поруки, но напомнили королевскому обвинению, что на определенном этапе следует указывать причину их дальнейшего заключения. Решение допускало двоякое толкование, однако современники расценили его как победу короля. Теперь он будет иметь возможность сажать подданных в тюрьму без надлежащей причины. Никакое предъявление регрессного иска против королевской воли не разрешалось.

По этой причине сэр Эдвард Кок внес на рассмотрение закон, запрещающий держать человека в заключении без суда более двух месяцев, но этого не хватило, чтобы унять растущее недовольство палаты общин. Если король может арестовывать подданных за то, что они не дают ему в долг, как Карл поступил в истории с несогласными рыцарями, то где же заканчивается королевская власть? «В этом споре, — заявил Элиот, — затрагиваются не только наши земли и имущество, но и все, что мы называем своим. Под сомнением оказались те права, те привилегии, которые сделали наших отцов свободными людьми». Томас Вентворт, который вскоре станет одним из самых известных людей своего времени, поднялся, чтобы доказать, что больше не должно быть

незаконных арестов, насильственной отправки солдат на службу за границей, принудительных займов и расквартирования войск по не желающим того домохозяйствам.

В начале апреля комитет палаты общин согласовал три резолюции для представления королю. Ни один свободный человек не может быть отправлен в тюрьму без оснований; каждому должно быть гарантировано применение принципа личной свободы хабеас корпус; каждый заключенный подлежит освобождению или передаче на поруки, если не будет предъявлено причины для его задержания. Король терял терпение. Он хотел, чтобы парламентарии без промедления проголосовали за королевские субсидии. Он не понимал, почему они настаивают на своих так называемых свободах. «Ради всего святого, — сказал Карл, — зачем кому-то препятствовать их свободам?» Парламент не поверил. Парламентарии решили принять закон о праве человека и собственности до перехода к рассмотрению финансовых вопросов.

Карл, казалось, решил, что это уже не просто дело об обидах, которые следует разрешать по древним законам, а попытка ограничить королевскую власть. Палате общин сообщили о

словах короля, что «этот парламент выступает не против злоупотреблений власти, а против самой власти». «Власть» — важнейшее слово, но что оно означало? Дебаты продолжились, а король намекал, что все будет хорошо только в том случае, если будут предоставлены финансовые ассигнования. Возник вопрос, можно ли полагаться на «слово и обещание его величества». 5 мая королю представили парламентскую Ремонстрацию по спорным вопросам. В качестве ответа Карл был готов дать обещание, что не будет действовать как прежде, но отказался допустить, что какие-либо его действия в будущем могут определяться парламентом. Другими словами, использование «власти» можно сократить, но сама его «власть» целиком останется в его руках.

Это решение оказалось неудовлетворительным. Обещания короля звучали слишком расплывчато. Не были согласованы фундаментальные принципы. По-прежнему оставалось неясным, находится ли король под законом или закон под королем. Парламент создал комитет для разработки «Петиции о праве», которая по сути стала серьезным утверждением конституционного принципа. Видный историк Томас Бабингтон Маколей назвал этот документ «вто-

рой Великой хартией вольностей Англии». В петиции обобщались законы, принятые в правление Эдуарда I и Эдуарда III; высказывалось осуждение того факта, что «в разных частях королевства подданных собирали и приказывали им ссужать определенные суммы денег» его величеству; и формулировалось требование, чтобы «ни один свободный человек не заключался под стражу» без должной правовой процедуры. В нем также порицалось, что «большие отряды солдат и матросов распределялись в разные графства королевства». На самом деле эта петиция не содержала ничего нового или радикального, хоть и задела автократические чувства короля. Наиболее точно документ можно расценивать как подтверждающий то, что многие считали старинной конституцией страны. Однако совершенно очевидно, что Карлу доверяли значительно меньше, чем его предшественникам на троне Англии.

В конце мая после горячих дискуссий петицию приняли обе палаты парламента. Чтобы подсластить горькую для монарха пилюлю, также было решено предоставить Карлу пять субсидий. При других обстоятельствах король, вне всякого сомнения, отверг бы эту петицию как полную отмену его прав и налогов, но во внешней по-

литике Карла имелись серьезные проблемы. Ла-Рошель до сих пор не получила от Англии помощи, несмотря на обещания короля, а сдача ключевых немецких городов силам Священной Римской империи означала, что вмешательство англичан в дела Северо-Западной Европы фактически бесславно закончилось.

Соответственно, король крайне нуждался в деньгах от парламента, чтобы сохранить хотя бы остатки престижа на внешней арене. И все же Карл говорил уклончиво. Он задал судьям по поводу петиции несколько главных вопросов, на которые они дали осторожные ответы. «Джентльмены, — сказал король собравшимся парламентариям перед тем, как объявить им свой ответ, — я пришел сюда, чтобы исполнить свой долг. Думаю, никто не может посчитать, что я затянул с этим, поскольку мне не понадобилось столько же дней для обдумывания ответа на петицию, сколько недель вам потребовалось на ее составление…» Его раздражение было недвусмысленно. Когда он находился в тяжелом финансовом положении, когда его зарубежные планы терпели крах, все эти люди только обсуждали и обсуждали «права» народа. Затем король огласил свой ответ на петицию. Он за-

ключался единственно в том, что «право должно реализовываться в соответствии с законами и традициями королевства». Его слова никого не успокоили, поскольку решать, что на самом деле подразумевают «законы» и «традиции», по-прежнему оставалось привилегией короля.

Члены парламента остались в недоумении. Собравшись обдумать свой ответ, они некоторое время сидели в полном и скорбном молчании; когда некоторые парламентарии наконец поднялись для выступлений, их речи часто прерывались слезами. Сэр Джон Элиот обобщил всеобщее настроение жестким утверждением, что внутри страны и за ее пределами все в хаосе и неопределенности. Наши друзья за границей разбиты, а наши враги празднуют победу. Дело протестантов в Германии и возвращение Пфальца принесены в жертву одержимости Карла войной с французским королем. Один из парламентариев, Хамфри Мэй, попытался перебить его, но остальные члены парламента закричали Элиоту: «Продолжайте! Продолжайте!» «Если он продолжит в том же духе, — воскликнул Мэй, — думаю, я сам могу уйти!» Тут раздались выкрики: «Убирайтесь! Прочь!»

Однако Мэй остался дослушать яркую речь

Элиота. «Вспомните [поход] на Кадис! Вспомните следующий! Вспомните, что случилось в Ильде-Ре! Вспомните последний! И я молю Господа, чтобы нам не пришлось переживать новых подобных походов!.. Вспомните все! Какие потери мы понесли! Как мы ослаблены в снаряжении, в кораблях, в живой силе!» В заключение своей страстной речи Элиот призвал сформулировать королю Ремонстрацию, торжественный документ с перечислением всех претензий к властям.

Похоже, что он намеревался объявить Бекингема причиной всех королевских проблем, но спикер не позволил ему сделать этого: король уже направил парламенту послание, категорически запрещающее дальнейшее обсуждение государственных вопросов под угрозой немедленного роспуска. Перед лицом этой директивы, затрагивающей права парламента, одни депутаты друг за другом стали подниматься для выступлений, а другие сидели на скамьях и заливались слезами. Джозеф Мид, очевидец тех событий, писал: «Произошел взрыв страстей, какой редко случался в подобном собрании: кто-то рыдал, кто-то протестовал, кто-то предрекал неминуемую гибель нашего королевства… Один парламентарий сказал мне, что было больше сотни заплакан-

ных глаз; многим, кому предоставляли слово, не позволяли говорить их чувства». Это было время впечатлительности и печали, когда политические и религиозные разногласия не отделялись от личных переживаний. В конце концов встал сэр Эдвард Кок и вопросил: «Почему мы не можем назвать тех, кто является источником всех наших бед? Герцог Бекингем! *Этот человек — причина из причин наших несчастий».* При этих словах палата общин взорвалась шумным одобрением. Как говорится, когда одна хорошая гончая берет след, остальные с лаем пускаются за ней.

7 июня Карл, теперь осознавая, какая угроза нависла над его фаворитом, и четко понимая, что финансовые потребности нужно удовлетворить, занял свое место на троне в палате лордов. В присутствии пэров и членов палаты общин он отменил свой предыдущий неопределенный ответ на «Петицию о праве» и произнес новый вердикт: *Soit droit fait comme il est desire.* Это была традиционная формулировка согласия, подтверждающая законность парламентских мер: «Пусть право будет обеспечено в соответствии с желаемым». Затем он добавил: «Теперь я выполнил свою часть обязательств. Если этот парламент не получит благополучного завершения, вина ваша.

Я умываю руки». Ликование воцарилось и в самом парламенте, и на улицах Лондона: звонили колокола, горели костры.

Тем не менее общая радость не помешала парламенту продолжить дальнейшее давление на короля. 17 июня Карлу подали Ремонстрацию против Бекингема. Его ответ ограничивался несколькими словами: он рассмотрит претензии парламентариев, «как они того заслужат». Самого Бекингема не встревожили выдвинутые против него обвинения. Он, говорят, сказал: «Не имеет значения, что делает палата общин или парламент, потому что без моего позволения и указания они и собаку погладить не решатся».

Тогда палата общин, не удовлетворенная тем, как король отреагировал на их Ремонстрацию, отправилась в комитет по вопросу о королевских финансах. Карл предписал, что парламент должен закончить свою сессию на следующей неделе. После чего началась подготовка второй Ремонстрации о том, что взимание королем таможенных пошлин и других налогов без согласования с парламентом — это «нарушение фундаментальных свобод нашего королевства». Однако, прежде чем депутаты смогли приступить к дебатам, Карл объявил перерыв в работе

парламента.

Так завершилась эта парламентская сессия. Иной раз ее рассматривают как одну из самых значительных в истории английского парламента. Депутаты напомнили королю, что ему не дозволяется нарушать свободы своих подданных, и им удалось добиться от короля признания тех прав, которые они считали самыми важными. Тем не менее ликование на городских улицах было, судя по всему, преждевременным. Через три дня после закрытия работы парламента король распорядился отозвать свой второй ответ. Он также приказал переиздать свой первый неудовлетворительный ответ вместе с серией пояснений ко второму ответу. В заключительной речи к парламенту Карл сказал, что «имел в виду… не даровать новые привилегии, а возродить старые», что могло означать все что угодно или ничего.

Он изворачивался в своей обычной манере, поэтому в результате подорвал тот авторитет, который имел. Теперь было сложно верить в его честные намерения. Один из современников, Джон Раус, отметил в своем дневнике, что «действия нашего короля заставляли умы людей вскипать от ярости, неистовствовать и думать

недоброе». В защиту короля можно сказать, что он просто отстаивал власть и привилегии монарха. Среди членов того парламента был и молодой депутат от города Хантингдон — Оливер Кромвель.

Вечером 13 июня, за тринадцать дней до объявления о перерыве в работе парламента, врача и астролога Бекингема заметили на выходе из театра Fortune в северном предместье Лондона. Его звали доктор Лэмб. Толпа подмастерьев узнала его и стала кричать: «Дьявол герцога! Дьявол герцога!» Они гнались за ним до судовой кухни на улице Мургейт. Там Лэмб заплатил группе морякам, чтобы они его защитили. К тому моменту, когда он вышел из кухни, толпа увеличилась в размерах. Он крикнул, что «заставит их плясать голыми», явно имея в виду «на конце веревки». Люди все равно последовали за ним, но на улице Олд-Джуэри охрана доктора отбила толпу. Теперь же масса людей была готова к насилию. Тесня Лэмба к таверне «Ветряная мельница» на улице Лотбери, они забили его палками и камнями до потери сознания. Лэмб лежал на мостовой с выбитым глазом. Доктора занесли в маленькую тюрьму на Поултри, где он на следующее утро скончался.

Вскоре повсюду повторяли двустишие:

Пусть Карл и Джордж [Бекингем] болтают что хотят,

Но Джордж умрет, как умер доктор Лэмб[31].

Когда эти строчки нашли в бумагах одного писца, он признался, что услышал их от некоего Дэниэла Уоткинса, который, в свою очередь, слышал, как их декламировал неграмотный ученик пекаря. Клирик из Саффолка вспоминал, что «примерно 3 сентября постоянно повторял эту глупую и опасную рифмовку, плод заднего ума». То есть стишки и баллады, обычно известные как *libels* («пасквили»), распространяли по всему королевству; их часто оставляли на ступеньках зданий, цепляли к входным дверям или воротам. Когда главный прокурор обвинял группу менестрелей за исполнение оскорбительных баллад о Бекингеме, он называл эти сочинения «заразной болезнью наших дней». Они служат свидетельством политического самосознания нации «низшего сорта», которое иначе остается в основном неуслышанным. Даже ученик пекаря имел собственное мнение о короле и «Джордже».

Накал страстей в народе также подогрева-

[31] Примечания: 31

Let Charles and George [Buckingham] do what they can / Yet George shall die like Dr Lambe.

ло увеличивающееся количество печатных «курантов» («корантов»). Это были регулярно выходящие новостные листки (newsletters) или «новостные брошюры» (news pamphlets), которые разносились по тавернам и на ярмарках вместе с «пасквилями», каждое значительное событие в делах государства сопровождалось их появлением. Часть из них выходила в печатном виде, а часть — в рукописном. Рукописные варианты считались надежнее, наверное, потому, что казались более свежими или, возможно, свою роль играл авторитет автора. Один из создателей таких изданий называл себя «ваш преданный Novellante», или сплетник; этот псевдоним, безусловно, производное от слова *novel* («роман, новелла»).

В обратном движении информации любое значимое изменение в главных городах графств тоже доходило до столицы страны. Нередко новостные листки намеренно возбуждали разногласия и противоречия: так, например, нарастающее противостояние между «королевским двором» и «страной», между «придворными» и «патриотами» сообщения их сторонников могли только накалять. В маске Бена Джонсона «Новости из нового мира, обнаруженного на Луне» изображен

автор новостных листков, заявляющий, что у него «есть друзья всех сословий и вероисповеданий», которым он рассылает «свои пуританские новости, свои протестантские новости и свои папские новости».

В то время выходили также рукописные копии протоколов заседаний и прений парламента 1628 года, известные под названием «сепараты», вероятно первый пример парламентских отчетов. Таким образом, замечательные речи сэра Джона Элиота и других депутатов стали общедоступны, а это укрепляло людей во мнении, что парламент действительно выражает волю народа и представляет голос нации. Имеет значение и то, что эти документы нередко встречались в библиотеках джентри.

После перерыва в работе парламента Карл отдал приказание взять под королевский контроль весь находящийся в Лондоне порох. В следующем месяце впечатление чрезмерного применения власти, близкого к деспотизму, еще больше усилилось с назначением Уильяма Лода на должность епископа Лондона. Его возвеличивание власти монарха, его требование строгого следования догматам Англиканской церкви отталкивали от него «патриотов» королевства,

которые стремились ограничить королевскую прерогативу.

Кроме того, Карл возвел в пэры сэра Томаса Вентворта. Ранее Вентворт участвовал в работе парламента, но после оглашения «Петиции о праве» он разделил позицию короля в отношении верховенства власти; он пришел к выводу, что палата общин не место для управления делами государства. Вентворта заклеймили за отказ от своих принципов, но он считал, что изменился не он, а парламент. Вскоре Томас Вентворт скажет в своей речи, что «королевская власть — это замковый камень, который держит арку порядка и государства». Имея рядом таких людей, как Лод и Вентворт, какие ограничения мог признавать над собой король? Атмосфера в столице была напряженной. Говорили, что горожане испытывают тревогу и активно вооружаются, чтобы защитить себя. Ходили слухи, что герцог Бекингем и король изготовились дать бой своим врагам. Никто не знал, что случится далее.

14. «Это сделал я»

После вынужденного отступления английской армии от Ла-Рошели войска Людовика XIII по-прежнему держали город в осаде. Положение там было крайне тяжелым. Жители уже ели траву и вареную воловью кожу. Доходили сообщения, что для поддержания жизни горожане вырезали куски из тел покойников, похороненных на церковном кладбище. Ради поддержания чести короля и Бекингема требовалось снова выступить на помощь городу. Соответственно, весной и летом 1628 года в Плимуте снаряжался флот. Последовали стандартные проволочки. «Мне кажется, — писал Бекингем, — нет ничего более трудного и запутанного, чем готовиться здесь к походу на Рошель». Его так презирали в Англии, что герцога попросили надевать доспехи, чтобы подстраховаться от покушений. Он ответил, что «кольчуга будет слишком слабой защитой от народного гнева. Что же касается нападения отдельного человека, то, думаю, мне ничего не угрожает. Уже не осталось римского духа».

Утром 23 августа герцог находился в доме ка-

питана Мейсона на главной улице Портсмута. Мейсон был не только офицером, но и военно-морским управленцем. Бекингем позавтракал вместе с сослуживцами и несколькими представителями от Ла-Рошели. После завтрака герцог спустился вниз, в прихожую дома. Он остановился поговорить с одним из своих офицеров, когда стоявший в коридоре человек выступил вперед и вонзил ему в грудь нож со словами «Да смилуется Господь над твоей душой!». Бекингем отшатнулся, но, выкрикнув «Негодяй!», сумел вынуть нож из раны. Герцог попытался преследовать нападавшего, однако споткнулся о стол и упал на пол.

Неистовый гнев охватил присутствовавших. Заподозрили иностранцев, приближенные выкрикнули: «Француз! Француз!» Другие кричали: «Где негодяй? Где убийца?»

«Это сделал я. Я здесь». Джон Фельтон, держа в руках шпагу, вышел вперед. Его убили бы на месте, но несколько офицеров Бекингема загородили убийцу. Жена и невестка бросились к телу герцога. «Ах, бедняжки, — сообщил королеве Дадли Карлтон, — они так вопили, рыдали и предавались горю, что я никогда в жизни не видел ничего подобного и, надеюсь, больше не увижу».

Известие доставили королю во время молитвы

в королевской часовне. Когда ему прошептали на ухо, лицо Карла не отразило никаких эмоций, и он оставался на своем месте, пока не закончил молитву. Затем король поспешил в свои личные апартаменты, закрыл двери и залился слезами. Сообщалось, что Карл обычно говорил о Бекингеме «мой мученик». Другими словами, король считал, что его любимца убили за то, что он выполнял королевские приказы.

На следствии выяснилось, что Джон Фельтон участвовал в злополучной экспедиции на Ильде-Ре и Бекингем отказал ему в повышении. Оскорбление усугублял тот факт, что Фельтону так и не выплатили жалованья. Когда он спросил герцога, как же ему жить, Бекингем будто бы ответил, что он может повеситься, если не имеет средств к существованию. Фельтон вернулся в Лондон, где размышлял над своими несчастьями. Он читал последние брошюры, в которых обвиняли Бекингема в отравлении предыдущего короля и называли герцога причиной всех бед королевства. За четыре дня до покушения Фельтон купил в магазинчике на Тауэр-Хилл нож длиной 7,5 сантиметра; потом зашел в церковь на Флит-стрит и попросил священника помолиться за «человека с мятущейся душой». Затем Джон Фельтон до-

брался до Портсмута, преимущественно пешком, и там совершил свой геройский поступок. В тулью шляпы он вшил несколько записок, в одной из которых объявлял себя скорее палачом, чем убийцей: «Он недостоин называться дворянином и солдатом, потому что боится жертвовать жизнью во имя Бога, своего короля и отечества». Джон Фельтон считал себя праведным убийцей подлеца, который нес угрозу Карлу и Англии.

В этом мнении его поддержала практически вся нация. Смерть Бекингема праздновали долго и повсюду. В лондонских тавернах поднимали тосты за здравие Фельтона и передавали из рук в руки поздравительные стихи. Когда его везли через Кингстон в Тауэр, одна старая женщина выкрикнула: «Благослови тебя Господь, маленький Давид!» Когда повозка подъехала к самому Тауэру, там уже собралась большая толпа и приветствовала Фельтона криками: «Помоги тебе Господь! Помилуй тебя Бог!» Карла глубоко оскорбляли такие выражения общественного мнения, и он еще больше укрылся за маской холодной властности.

За день до того, как Фельтона привезли в Тауэр, в Вестминстерском аббатстве состоялись похороны Бекингема, торопливые и, по всей видимости,

лишенные какой-либо торжественности. На похоронах присутствовало около ста человек. Однако и эта церемония была не более чем чистым представлением. Тело герцога тайно закопали еще накануне, чтобы избежать враждебных выпадов лондонской толпы против погребения. Поэт и драматург Джеймс Ширли написал герцогу соответствующую эпитафию:

Здесь лежит лучшая и худшая судьба — тот,
Кого любили два короля и ненавидел весь народ[32].

После должного судебного разбирательства Фельтона казнили в Тайберне. Его тело в цепях выставили в Портсмуте, одетым в ту же одежду, в которой он убил Бекингема.

Теперь король единолично управлял делами страны. Королевские секретари сообщали, что за две недели он сделал больше, чем Бекингем успевал за три месяца. Карл сказал Тайному совету, что отложит открытие парламента до следующего года. Он оставил тех же министров, что работали раньше, но, конечно, доверял им не так безоговорочно, как герцогу Бекингему.

---

[32] Примечания: 32
Here lies the best and worst of fate, / Two kings' delight, the people's hate.

Больше у короля не будет любимцев, возможно за исключением Генриетты Марии. У нее после смерти Бекингема сложились значительно более близкие отношения с мужем: вскоре стало ясно, что первоначальные разногласия преодолены, и королевская чета наконец обрела семейное счастье. Поэт и придворный Томас Кэри утверждал, что Карл «всецело отдался любви к своей жене и им больше не угрожает появление нового фаворита». Друг Кэри Уильям Давенант написал тогда один диалог для пьесы под названием «Трагедия Альбовина, короля Ломбардии»:

— Король теперь влюблен.
— В кого?
— В королеву.
— Влюблен в собственную жену?! Да при дворе распространяется инцест[33].

За восстановлением отношений последовало шесть детей.

Бекингем не отплыл к Ла-Рошели, но в начале осени того же года к осажденному городу отправили третью экспедицию. Она оказалась не более успешной, чем две предыдущие. Английский

[33] Примечания: 33
'The king is now in love'. / 'With whom?' / 'With the queen'. / 'In love with his own wife! That's held incest in court'.

флот не рискнул захватить инициативу, брандеры англичан были потоплены артиллерией французов. Когда англичане в конце концов высадились, им не удалось подавить упорное сопротивление осаждающей стороны. Обещания Карла оказать поддержку единоверцам закончились ничем. В итоге в октябре 1628 года власти города подписали соглашение о капитуляции с французским королем. Крепостные стены города были срыты. Сразу после этих событий Людовик XIII объявил политику терпимости к своим подданным протестантам, им даровалась свобода отправления религиозных обрядов на территории всего королевства. Опасения протестантов строились на ошибочном предположении, что их вере угрожает искоренение, и можно говорить, что внешняя политика Карла I отражала полное непонимание курса Людовика XIII.

Без Бекингема король стал еще более неуверенным и нерешительным, чем прежде. Заключать ему союзный договор с Францией против Испании или с Испанией против Франции? О полномасштабной войне с любой из этих держав не могло быть и речи. Король не имел для этого ресурсов и никаких реальных перспектив добыть деньги другими средствами. В любом случае в

англичанах стремительно убывало желание воевать. С подписанием важных договоров можно было повременить, а вот период мира стал совершенно необходим.

На следующий день после убийства Бекингема видный придворный сэр Фрэнсис Недерсол заметил, что «когда камень обиды убран рукою Господа, стоит надеяться на приход полного согласия между королем и народом». Тем не менее начало работы парламента в январе 1629 года не сулило национальной гармонии. Камнем преткновения по-прежнему оставался религиозный вопрос. Во время парламентских каникул вышла королевская декларация о том, что «церковь имеет право определять ритуалы и располагает властью разрешать религиозные противоречия». Но какая именно церковь? Уильям Лод, теперь епископ Лондона, помогал составлять эту декларацию, и тогда же несколько его сторонников назначили в освободившиеся епархии. Все они были арминианцами, или представителями «высокой церкви», которые отрицали заповеди и практики кальвинизма.

Парламент воспринял это как прямой вызов старой вере отцов. Сэр Джон Элиот сказал своим парламентским коллегам, что прелаты с согласия

короля могут «приказывать что хотят и таким образом привнести папизм и арминианство, которому нам велят подчиниться». Другой член парламента, Кристофер Шерланд, говорил об арминианцах, что «они лезут в уши его величества и убеждают, что те, кто выступает против них, на самом деле выступают против его величества…».

Соответственно, противостояние возникло между кальвинистами старой Церкви и арминианскими епископами новой. Недавно назначенные прелаты утверждали, что именно они представляют истинную Англиканскую церковь, и клеймили своих оппонентов как пуритан, что означало — фанатики и отступники. Заявлялось, например, что кальвинисты готовы поставить личное сознание выше заповедей принятой веры и прерогативы монарха. Арминианских епископов, в свою очередь, оппоненты обвиняли в проповедовании абсолютной покорности и божественного права королей. Кальвинисты верили в предопределение, благодать и Евангелие; арминианцы — в свободу воли, таинства и почтение к обрядам. Никто из современников не понимал, что такие споры могут вызвать гражданскую войну, однако именно в этот момент члены парламента и члены дворцовой партии начали

расходиться по разные стороны баррикад.

Вдохновленная речами Элиота и других парламентариев, палата общин заявила, что только ей принадлежит право определять государственную религию. Джон Пим, который уже однажды вызвал глубокое возмущение короля, утверждал, что «в обязанности парламента входит установление истинного вероисповедания и наказание ложного». Общины решили, что вера, которую они поддерживают, это та, что была согласована в правление королевы Елизаветы, и отвергли «толкование иезуитов и арминианцев». Король (возможно, не без оснований) посчитал такое решение нарушением своей прерогативы в духовных делах — он ведь считался «верховным главой» Англиканской церкви. Палата общин также отложила рассмотрение потонного и пофунтового таможенных сборов, предназначенных для королевского кошелька, таким образом лишая Карла традиционного дохода. 25 февраля король приостановил работу парламента на неделю. Обе стороны фактически соперничали за главенство.

Это был момент, когда Элиот решил воззвать к стране перед лицом неприкрытой угрозы. Если король предпримет дальнейший шаг и разгонит

парламент, будущее института представительства народа станет сомнительным. Если он сможет получить свои доходы без санкции парламента, вообще не останется причины, зачем ему собирать парламентариев вновь. Во всяком случае, Карл уже был сыт по горло парламентом; он уничижительно называл его «этот гвалт». Арминианцы тоже страстно желали избежать парламентов, не сомневаясь, что депутаты будут их порицать; подозрения арминианцев были обоснованными. Элиот уже говорил, что «арминианцы стремятся ликвидировать парламенты, чтобы парламенты не ликвидировали их».

Дело шло к окончательному разрыву. 2 марта спикер сэр Джон Финч объявил палате общин, что король желает, чтобы они сделали перерыв на следующие восемь дней. В прошлом с такой просьбой всегда соглашались. Теперь же депутаты вскочили на ноги с криками: «Нет! Нет!» Финч попытался подняться из председательского кресла, таким образом резко заканчивая сессию, но несколько депутатов загородили ему дорогу и толкнули обратно. «Богом клянусь, — заявил ему Дензил Холлис, — вы будете сидеть, пока мы не захотим подняться». Затем Элиот отчеканил, что члены палаты получат право разойтись на

каникулы после того, как он зачтет декларацию об их намерениях.

«Что бы вы сделали, — спросил Финч, — если б находились на моем месте? Пусть мое желание честно служить вам не приведет меня к гибели». Он попал в безвыходную ситуацию, учитывая невозможность совместить лояльность к парламенту с лояльностью к королю. Несколько парламентариев, понимая опасность надвигающейся конфронтации, поднялись, чтобы уйти. Однако парламентскому приставу приказали закрыть двери; когда он заколебался, другой депутат сам закрыл двери и выбросил ключ.

Элиот снова потребовал зачитать подготовленную им декларацию. «Я такой же слуга королю, как и вам, — ответил спикер. — Я не скажу, что не поставлю чтение этого документа в повестку дня, но я должен сказать, что не отважусь». Тогда Элиот обрушился с беспощадной критикой на порочных советников, которые окружают короля; он также атаковал арминианство как открытую дверь в папизм.

Послышался стук во входную дверь. Король приказал парламентскому приставу вынести жезл — символ власти палаты общин, таким образом лишая заседание полномочий. Тогда сэр

Питер Хеймен сказал Финчу: «Прошу прощения, должно быть, вас превратили в инструмент для полного уничтожения свобод человека… Спикер палаты общин — это наш голос, и, если наш голос будет молчать, не станет звучать, когда есть что сказать, зубам следует его наказать, чтобы показать пример; что касается меня, то я думаю, не подобает отпускать вас, не наложив соответствующего взыскания со стороны палаты». Это стало одним из первых проявлений деспотических авторитарных порывов некоторых парламентариев.

Разговор о взыскании, однако, не имел смысла. Прошел слух, что король выслал конвой, чтобы прорваться в зал заседаний и закончить сессию. Соответственно, Дензил Холлис быстро предложил три резолюции. Всякий, кто попытается проповедовать папизм или арминианство в королевстве, будет считаться смертельным врагом государства. Всякий, кто поддержит взимание таможенных пошлин, не одобренных парламентом, также будет считаться вне закона. Если какой-либо коммерсант добровольно согласится выплачивать потонный и пофунтовый сбор, он будет «считаться предателем вольностей Англии и ее врагом». Резолюции тут же были приняты.

Произнеся послание нации, Холлис попросил палату теперь объявить перерыв в своей работе. Его призыв сразу поддержали выкриками «За! За!». Двери открыли, и торжествующие парламентарии повалили вон разносить новости. В следующий раз они соберутся только через одиннадцать лет.

Два дня спустя король объявил о роспуске парламента и одновременно арестовал девять представителей палаты общин. Сэр Джон Элиот вызывал особый гнев короля: Карл считал его яростные тирады против Бекингема причиной гибели своего любимца. В речи перед палатой лордов Карл не осуждал большинство представителей общин, а приберег свое раздражение для «нескольких гадин среди них, которые внушили другим непослушание и безрассудство». Говорили, что после этой речи король пребывал в приподнятом настроении.

Через несколько дней он обнародовал «Декларацию Его Величества о причинах, побудивших короля распустить последний парламент». Король заявил, что арестованные люди имели «более тайные замыслы, которые бы только ввергли наши дела в отчаянное состояние, ослабили бы власть короны, навлекли бы позор на

наше правление, и в конце концов все могло бы погрузиться в анархию и хаос». Так думал не только король. Многие полагали, что депутаты в своем противодействии королю зашли слишком далеко. Даже страстно преданный протестантизму член парламента Симондс Д'Эвес считал, что события 2 марта представляли собой «самый удручающий, прискорбный и самый зловещий день для Англии за последние пятьсот лет»; он также винил за создавшееся нарушение порядка «разнообразные несдержанные настроения в палате общин».

Непосредственным следствием роспуска парламента стали смятение и замешательство. Большинство коммерсантов отказывались платить налоги, опасаясь, что следующий парламент признает их предателями королевства; поэтому они просто перестали торговать. Их неподчинение продолжалось два месяца, пока угроза собственного финансового краха не ослабила их решимость.

Девять парламентариев, арестованных после возмущений в зале заседаний, оставались в тюрьме. Они больше не имели возможности обращаться к палате лордов или палате общин, но могли апеллировать к закону в фундаменталь-

ной попытке поставить под вопрос полномочия короля. Они ссылались на парламентскую неприкосновенность, и в особенности на «свободу слова во время дебатов», которая отстаивалась спикером с конца шестнадцатого века. Четверо из арестованных, включая Элиота, отказались отвечать на любые вопросы, касающиеся работы парламента. Король хотел, чтобы их судили за измену и заговор, однако судьи сопротивлялись. Вопрос привилегий вызывал беспокойство, и Карл в итоге попросил судейский корпус перестать говорить загадками.

В начале мая арестованные депутаты предприняли попытку получить освобождение на основании хабеас корпус, согласно принципам «Петиции о праве». После продолжительных обсуждений судьи решили, что заключенные действительно имеют право быть переданными на поруки. Тогда король потребовал, чтобы они не выносили вердикта, пока не проконсультируются с коллегами по судейскому корпусу. По существу, это было призывом к отсрочке, потому что последовали долгие судебные каникулы и люди томились в тюрьме в течение всего лета. В начале октября пленников доставили из Тауэра в Сержентс-Инн, где им пообещали освобождение

при условии подписания обязательства о хорошем поведении. Большинство из них отказались подписывать документ на том основании, что это косвенно оправдает их незаконное тюремное заключение в течение прошедших восьми месяцев. Они стремились создать максимальные затруднения королю и его чиновникам.

Венецианский посол писал, что «дела ухудшаются с каждым днем, и этими конфликтами король дал основания своим подданным думать, что он может сделать значительно больше того, что они в состоянии себе представить». Арестованные парламентарии шаг за шагом проверяли, как далеко зайдет Карл. Когда старший судья казначейства ясно дал понять, что намерен поддержать парламентскую неприкосновенность, король снял его с должности, — было очевидно, что вину заключенных требовалось просто предположить. Этот поступок короля помог оставшимся судьям сформулировать свое мнение. Они объявили, что по закону обвиняемые действительно заслуживают наказания.

Арестованные члены парламента дошли до финала юридического процесса. Троих из них, включая Элиота, снова посадили в тюрьму по желанию короля; остальных недолгое время

подержали под стражей, а затем освободили. Теоретически король победил, однако это нанесло значительный ущерб и его власти, и доброму имени. Карл показал себя склонным применять деспотические и, возможно, беззаконные средства, чтобы обеспечить верховенство своей власти; он усматривал измену и заговор в том, что другие считали допустимым расхождением во мнениях; он был несговорчивым и даже безжалостным. Тем не менее те, кто поддерживал короля, вкладывали иной смысл в его поступки. Карл, по их мнению, действовал как истинный монарх: он решил править страной, пресекая вмешательство врагов и мятежников. Его вел Господь. Эту идею можно рассматривать как несущую конструкцию всего последующего периода правления Карла I.

15. Трубный глас

После разгона парламента в марте 1629 года Карл вступил в эпоху единоличного правления, которая продлилась одиннадцать лет. Фактически он начал эксперимент по абсолютной монархии с надеждой на покладистый народ, повинующийся его повелениям. Нельзя сказать, что он был плохо подготовлен к такой роли. Знаменитый юрист сэр Роберт Холборн отметил, что «король умел донести суть дела более четко, чем любой из членов его Тайного совета». Однако на практике Карл поручал значительную часть своей работы разным чиновникам, а сам предпочитал охоту миру реальных вопросов.

В определенном смысле это было время тишины: никаких споров в парламенте, никаких замысловатых деклараций или воззваний от трона. Как в театре маски, королю не требовалось говорить — само его присутствие обеспечивало величественность и гармонию. И так же, как в маске, он мог управлять машинерией на великой сцене мира. Карл имел достаточно высокое мнение о своем верховном положении, не без

самодовольной уверенности в собственной праведности, чтобы считать это мнение справедливым.

В отсутствие парламента и при соответственно послушной судебной системе права подданного в известной степени зависели от мнения и доброй воли монарха. Народ Англии просто попросили верить в его добрые намерения. Действительно, во многих отношениях он был мягким королем, во время правления которого не состоялось ни одной политической смертной казни. Тем не менее некоторые люди считали его тираном, подавляющим свободы народа и парламента. В качестве доказательства приводили продолжающееся тюремное заключение сэра Джона Элиота и двух его коллег.

Беспарламентское правление само по себе было не таким уж непродуктивным. В это время развивали транспортную систему, ремонтировали дороги и рыли новые каналы; усовершенствовали национальную почтовую службу, организовав постоянные почтовые отделения на основных дорогах вместо нерегулярной системы перевозчиков; при отсутствии чрезвычайного положения укрепили и расширили администрацию местных органов власти. Однако мир внутри страны за-

висел от спокойствия в мире. Карл не имел денег для войны, но, пока он мог собирать достаточные деньги для своего правления в виде штрафов и налогов, не было необходимости созывать парламент.

Внешняя политика Англии, таким образом, в известном смысле складывалась сама собой. Весной 1629 года заключили мир с Францией, а через девятнадцать месяцев — договор с Испанией. По мирному договору с Францией Карл должен был отказаться от поддержки французских протестантов — гугенотов при условии, что не требуется строгого соблюдения условий брачного договора, заключенного с Людовиком XIII, например предоставления свободы вероисповедания католикам.

В мирном договоре с Испанией не оговаривалось возвращение Пфальца сестре и зятю Карла; судьба этого региона стала теперь предметом обещаний и выражения добрососедских намерений. В другой статье документа согласовывалось, что испанские серебряные монеты можно чеканить в Англии перед отправкой морем в Антверпен, где испанцы воевали с голландскими протестантами. Вопрос о том, не встретят ли такие альянсы с католическими державами противодействия в Англии, оставался открытым. Одни считали,

что народ жизнерадостен и покладист; другие предполагали, что настоящее недовольство и даже враждебность к королю не выставляются напоказ.

Однако реакция на оба пакта оказалась слабой. Дело не вызвало заметного интереса. По существу, Карл не имел европейской стратегии, за исключением желания как-то вернуть сестру с мужем в Пфальц; но, не располагая ни армией, ни финансами, чтобы реализовать желаемое, он был обречен на бездействие. Деньги составляли ключевую проблему. Говорили, что сама Генриетта Мария была вынуждена закрывать двери своих личных апартаментов, чтобы посетители не видели потертые покрывала на ее постели. Наступили времена, когда, взволнованный мольбами европейских протестантов о помощи, король спросил свой Совет, что он может сделать. Ему ответили, что для получения средств потребуется созывать новый парламент. Об этом не могло быть и речи. Соответственно, делать не стали ничего. Французский посол отметил, что недостаточный доход превратил Английское королевство в такое, «от которого друзья не могут ждать помощи, а враги не имеют оснований ждать вреда».

Неловкость положения Карла усугубилась, когда в Европе появился новый протестантский герой, который поднялся на борьбу с успехами имперцев в Польше и Богемии, Австрии и Баварии, Фландрии и в долине Рейна. В 1629 году король Швеции Густав Адольф высадился в Германии и начал военный поход, столь же неожиданный, сколь и беспрецедентный. Шведский канцлер писал, что «все порты Балтийского моря, от Кальмара до Данцига, на всем протяжении Ливонии и Пруссии, находятся в руках Его Величества». Густав Адольф создал новую Шведскую империю и тем самым надел на себя мантию протестантского Мессии, Льва Севера.

Как же английскому королю следовало строить отношения с таким человеком? Густав Адольф запросил солдат и оружия у собрата — протестантского короля. Но если Карл вступит в союз с королем Швеции, то его важной дружбе с Испанией придет конец, а торговля с Испанией имела огромное значение. Если Карл откажется от союза с Густавом Адольфом, то он потеряет уважение и влияние в случае окончательной победы шведов.

Соответственно, Карл извернулся и предпринял половинчатые меры, чтобы поддержать свою

честь на обеих сторонах. Он согласился, что частная армия из 6000 шотландцев под командованием маркиза Гамильтона может присоединиться к шведским войскам. Однако эта экспедиция обернулась бедой, которую усугубили массовые болезни и нарушения субординации. Тогда Карл направил к шведскому королю делегацию, чтобы «вступить в лигу… для помощи в критической ситуации». Это могло означать что угодно или совсем ничего — и на деле оказалось ничем. В какой-то момент Карл запретил сообщать в новостных листках о победах шведов, потому что они подчеркивали его бездействие.

Удачи короля Швеции закончились в сражении под Лейпцигом, где его тело нашли в куче раздетых трупов. Английский король не предпринял ничего, чтобы помочь собрату. Пассивность, или бездействие, Англии породила политику, которую один анонимный автор в «Обычае государей» назвал «испанизированной, офранцуженной, католической или полностью безопасной». Тем не менее, возможно, в ней была и своя польза. Одна неделя войны могла свести на нет созданное за десять лет мира. Англия в результате такой политики избежала разорения, нанесенного Центральной Европе.

По-прежнему требовалось тем или иным способом пополнять казну. Более активно взимали штрафы за неправомерное огораживание общественных земель. Король также получил солидные деньги от грандиозного проекта по осушению болот Восточной Англии. Продавались монопольные права на производство товаров повседневного спроса, монополисты затем могли устанавливать на них свои цены; к ним относились столовые приборы и соль, игральные карты и перья, крахмал и табак, морские водоросли и очки, расчески и черный порох, шляпы и хмель. Также можно было купить патенты на разработку торфа или взвешивание сена и соломы, на «калибровку копченой селедки» и сбор тряпья. В одной антимаске того времени актер выходил на сцену с пучком моркови на голове, представляя «прожектера», или дельца, «который просил монопольный патент как первый изобретатель искусства откармливать каплунов морковью». Король потребовал от компании виноделов Vintners сбор по 4 фунта с каждой тонны вина; когда они отказались выплачивать новый налог, суд Звездной палаты запретил им готовить и подавать клиентам мясо. Потери заставили компанию прийти к «взаимопониманию» с судом,

которое стоило ей 30 000 фунтов стерлингов в год.

С мылом тоже произошел курьезный случай. Компания мыловаров в 1631 году получила монопольное право на производство мыла из местных ингредиентов, например растительного масла, вместо импортных китового и рыбьего жира. За это компания согласилась выплачивать королю ежегодный налог в 20 000 фунтов.

Прежних производителей мыла за продажу старого продукта Звездная палата преследовала в судебном порядке; многих из них оштрафовали, некоторых посадили в тюрьму, а их мыловаренные котлы и баки разбили. Они, конечно, пришли в ярость от потери средств к существованию, но многие домохозяйки тоже жаловались, что новое мыло отмывает не так хорошо, как старое. В Англии XVII века даже бытовые споры приобретали религиозный аспект. Люди считали, что Компанией мыловаров на самом деле управляют католические друзья Генриетты Марии; а о некоторых новых монополистах говорили, что их финансируют иезуиты. Поэтому многие протестантские домохозяйства не принимали нового мыла по религиозным соображениям. Его стали называть «папистским мылом».

Власти даже устроили публичную демонстрацию эффективности нового сорта мыла. В лондонской ратуше Гилдхолл, под надзором лорд-мэра, членов городского управления и лейтенанта Тауэра, две прачки стирали конкурирующими продуктами в расположенных рядом корытах. Предполагалось доказать, что новое мыло очищает и пенится лучше старого, но этот опыт, похоже, не убедил жителей Лондона. Восемьдесят знатных дам подписали свидетельство, что их служанки предпочитают новое мыло. Это тоже не произвело заметного эффекта. Старое мыло по-прежнему хорошо продавалось из-под прилавка. Другое публичное выступление прачек в Бристоле имело целью доказать, что белье после стирки новым продуктом «такое же белое… такое же душистое и даже душистее», чем после стирки старым. Такое мероприятие можно считать предтечей современных рекламных кампаний. Однако оно тоже не произвело большого впечатления. Старое мыло все равно производили и, вследствие его недостатка, продавали значительно дороже.

Король установил и персональные поборы. С людей требовали уплаты налогов, которые раньше и в голову никому не приходили. На-

пример, в 1630 году была создана комиссия для штрафования дворян, которые не приобрели рыцарского звания во время коронации Карла. Это было законное требование, о котором забыли. Всех, кому вручили приказ о явке в суд, огорчил неожиданный штраф, и большинство пыталось оправдаться. Тем не менее они не преуспели. Таким образом король получил желаемые деньги, однако ценой потери расположения и лояльности части своих подданных.

Практиковались и другие приемы. Были восстановлены королевские права на лесные угодья; на нарушавших лесные границы налагались крупные штрафы. Штрафовались также построившие дома в Лондоне «на новых фундаментах». Например, мистер Мур возвел сорок два новых дома в пригороде Сент-Мартин-ин-де-Филдз, его оштрафовали на 1000 фунтов и приказали снести дома. Когда он отказался, судебные исполнители разрушили дома и продали материалы в счет штрафа.

Какова же тогда была общая позиция короля в отношении собственности его подданных? Мог ли он отнять ее по своему усмотрению? Если он позволяет себе облагать народ новыми налогами без обращения к суду или парламенту, разве он

не может избавить корону от ее традиционных обязательств? Многие полагали, что король действительно имеет право устанавливать налоги, не получая согласия, и что общественное благо превалирует над правом частного лица. Другие, в свою очередь, утверждали, что право собственности на имущество и недвижимость английского подданного безусловно и оно не может быть отторгнуто ни судом, ни монархом. Общественное спокойствие внутри страны также поколебал роковой неурожай 1630 года. Цены на зерно подскочили с 4 до 14 шиллингов за бушель. Перспектива голода взволновала многие общины, голодные бунты начались в Кенте, Гэмпшире и других графствах.

Беспокойная атмосфера того времени проявилась и в действиях королевского двора в отношении выдающегося библиофила и собирателя древностей Роберта Коттона. Его библиотеку опечатали, полагая, что в ней хранятся старинные трактаты и брошюры, выражающие позицию парламента против короля. Историю требовалось подчистить. Нашли один труд, по свидетельству архиепископа Йоркского, «содержащий план, как принц может превратить себя в абсолютного деспота». Коттона арестовали. Звездная палата

провела дознание и освободила коллекционера. Все же его научная жизнь фактически закончилась. Ему больше не позволялось заходить в свою библиотеку, а ученым людям рекомендовалось отказаться от визитов к нему. Коттон сказал одному из своих друзей, что его «сердце разбито». Он так измучился от тоски и печали, что, по словам Симондса Д'Эвеса, «его лицо, прежде здорового цвета и покрытое румянцем, как изображено на портрете… теперь полностью приобрело страшную сероватую бледность, напоминающую образ и оттенок лица покойника». Вскоре Роберт Коттон скончался, пав жертвой нервозного кипучего времени.

В конце 1629 года Уильям Лод, с согласия короля, составил «Декларацию о догматах вероисповедания». Цель декларации состояла в том, чтобы ввести порядок и единообразие в Англиканскую церковь, устанавливая формы богослужения, тексты молитв и даже жестикуляцию духовенства. Всем клирикам предписывалось принять письмо «39 догматов». Это требование фактически запретит любые дискуссии кальвинистов по таким проблемам, как предопределение; епископ Чичестерский осудил их как «сложные и малопонятные вопросы, которые в последнее

время смущали и тревожили мир». Декларация полностью отвечала духу Карла, который ставил порядок превыше всего остального. В связи с этим сведущие люди сделали вывод, что Церковь и государство будут сведены к единообразию.

В столице Лода считали не более чем папистом, влюбленным в обряд и церемониал. На улицах Лондона разбрасывали листовки с текстом: «Лод, поберегись. Будь уверен, твоя жизнь под угрозой, потому что ты — источник всей скверны. Раскайся в своих чудовищных грехах, прежде чем тебя сотрут с лица земли». Лод не засомневался в своих действиях. «Господи, — записал он в дневнике, — я большой грешник; но молю Тебя, спаси мою душу от тех, кто питает ко мне ненависть без всякой причины». Оппонент Лода по имени Александр Лейтон, написавший обращение к парламенту под названием «Сионская жалоба на епископальное управление» (Sion's Plea against the Prelacy), был приговорен к пожизненному заключению в лондонской Флитской тюрьме. Кроме того, сначала его привезли к позорному столбу в Вестминстере, выпороли, отрезали одно ухо, обрезали одну сторону носа и поставили на лице клеймо «S. S.», что означало «подстрекатель к мятежу» (Sower of Sedition). Затем его вернули

в тюрьму для восстановления сил, а потом снова выпороли и отрезали второе ухо. После чего он должен был быть «закрыт в одиночной камере на всю оставшуюся жизнь». Приговор частично смягчили ради приличия, но выпустили из тюрьмы только в 1641 году, когда Лейтон уже не мог ни видеть, ни слышать, ни ходить.

По сообщению репортера в марте 1630 года, жену Лейтона тоже быстро арестовали «за ее невоздержанный язык», а также «пуговичного мастера за то, что он приставил рот к замочной скважине камеры, где лежал Лейтон, и громко кричал: “Держись, доктор, не сдавайся!” — и тому подобное». В следующем месяце за неортодоксальные взгляды на церковную комиссию вызвали одного производителя овсяной муки. Епископ Винчестерский, другой сторонник Лода, порицал обвиняемого как «бешеного, глупого малого». Мукомол ответил: «Придержи свой язык, ты — хвост зверя на дальнем конце стола».

Однако король выразил свое одобрение деятельности Лода, летом 1630 года назначив его канцлером Оксфордского университета. Лод немедленно занялся восстановлением порядка и благопристойности в старинном учебном заведении. Прежде студенты почитали Бахуса и Венеру,

которые, как писал Лод, были «причиной всех бед в Церкви и государстве». Требовалось установить дисциплину и таким образом поддерживать порядок и гармонию. Экстравагантные наряды и длинные волосы запретили, работу пабов регламентировали. За время канцлерства Лода были построены новые здания, а в учебный план внесены новые предметы, которые преподавали сведущие клирики. Город, так сказать, украсили яркими церковными облачениями.

Величие Карла I тоже прославляли. В 1630 году лорд-казначей Ричард Уэстон заказал конную статую короля; она была величественным украшением сада в его поместье в Рохамптоне. Вскоре этот образ стал неизменным олицетворением правления Карла. В 1633 году Ван Дейк написал портрет короля верхом на лошади в момент проезда через триумфальную арку в классическом стиле: король становится римским завоевателем. Два года спустя тот же художник создал картину «Карл I на коне», на которой король невозмутимо и без усилий направляет своего коня. Образы рыцарей, прежде всего христианских, отождествлялись с образами порядка.

Этот портрет также изображает человека как властелина неразумной животной природы. Он

обуздывает силу и мощь коня собственной волей и желанием. Испанский посланник однажды польстил Карлу в том же духе, заметив, что лошади, на которых он садится, «в его присутствии забывают всю свою естественную и неразумную ярость». Конные портреты, соответственно, отражают образ действий, при котором разум в состоянии контролировать чувство. Это совпадает с собственным представлением Карла о своем правлении и его явным убеждением, что он обязан укротить свой нрав ограничениями и правилами, прежде чем сможет должным образом править всем королевством. Для короля искусство было одним из самых великих символов власти. Однако оно значило много больше.

Люси Хатчинсон обратила внимание, что «люди умелые и талантливые во всех областях искусства уважались и поощрялись королем, который был наилучшим ценителем и большим любителем живописных, резных, гравировальных работ и разных других произведений…». Карл видел художественное богатство королевского двора в Мадриде и хотел достичь того же уровня величия. К тому же он был знатоком и имел природное чутье на живопись и скульптуру; если бы он не родился королем, то стал бы экспертом. Карл с

первого взгляда мог узнать художника, другими словами, «узнать руку». Он понимал, где стоит искать *gusto,* страсть и стиль. Король делал заказы Рубенсу, Митенсу, Иниго Джонсу и Ван Дейку. К концу своего правления Карл собрал около 500 картин и гобеленов, среди которых девять работ Корреджо, тринадцать — Рафаэля и сорок пять — Тициана. Голландцы однажды прислали ему пять картин, чтобы склонить к разрешению спора по поводу промысла сельди; а город Нюрнберг преподнес две работы Дюрера. Кроме того, он коллекционировал монеты и медали; с наслаждением сочинял музыку. Его любовь к порядку проявлялась во всем. Когда в Уайтхолл доставили коллекцию бюстов сенаторов и императоров Древнего Рима, он лично постарался расставить их в хронологическом порядке.

Один папский курьер в Англию вспоминал случай, когда королю — а он был в компании Иниго Джонса — доложили, что из Ватикана прибыла партия картин. Карл «бросился смотреть картины, позвав с собой Джонса… как только Джонс увидел произведения, он сразу очень одобрил выбор, а чтобы изучить их получше, сбросил камзол, надел очки, взял свечу и вместе с королем начал внимательно рассматривать, сильно вос-

хищаясь...». В подарок входили работы Леонардо и Андреа дель Сарто. Это душевное волнение показывает монарха далеким от привычного для него образа холодного и сдержанного человека. Рубенс рассказывал о дворе Карла, что он замечателен «не только великолепием внешней культуры», но и «потрясающим качеством превосходных картин, скульптур и старинных гравюр»: «Признаю, что никогда не видел ничего в мире более редкостного».

Авторитет короля поддерживала его плодовитость. Весной 1630 года Генриетта Мария подарила ему сына и наследника, которого тоже назвали Карлом. Королева писала другу во Франции, что ее ребенок «настолько серьезен во всех своих делах», что она не может «не считать его много умнее себя». Дитя никогда не сжимало кулачки, поэтому предсказывали, что он будет очень милостивым королем. К тому же мальчик отличался завидным здоровьем и силой, в четыре месяца выглядел так, будто ему уже год. Таким образом, начало сулило прекрасное будущее. Кроме того, младенец Карл первым в английской истории родился как наследник трех королевств.

Томас Кэрри, джентльмен личной спальни короля, говорил графу Карлайлу, что король и ко-

ролева «так нежны друг с другом, что он кажется заново влюбленным, а она будто бы больше рада принимать его ласки, чем он их — дарить». Карл писал своей теще Марии де Медичи: «Единственно, о чем мы теперь спорим, так это о том, кто из нас больше любит другого». И, что еще важнее, рождение сына, казалось, означало, что династия Стюартов продлится на века.

16. Козявка

Все, казалось, утихло. Видимое спокойствие было обманчивым, но все же можно говорить о достаточно мирном периоде в сравнении с жестокими годами, которые ждали впереди. Эдвард Хайд, 1-й граф Кларендон, в своей «Истории мятежа и гражданских войн в Англии» (History of the Rebellion and Civil Wars in England) писал о периоде единоличного правления Карла, что «такого мира, достатка и всеобщего спокойствия в течение десяти лет никогда не знало ни одно государство». Другой историк, сэр Филип Уорик, в своих «Воспоминаниях о правлении Карла I» (Memoirs of the Reign of Charles I) утверждал: «С 1628 по 1638 год Англия, я полагаю, больше, чем когда-либо, наслаждалась миром, достатком и имела благочестивую власть».

9 января 1631 года в пьесе-маске Иниго Джонса и Бена Джонсона «Триумф любви» (Love's Triumph) представили Генриетту Марию как Королеву любви в Каллиполисе, или «городе красоты и добродетели». Когда сцена разошлась, появилась «морская перспектива», и в нее вступил

сам король в облике Нептуна, его сопровождали морские божества и купидоны. Затем к нему обращались как к «средоточию гармонии, безмятежности и изящества». В финале представления «трон исчезает, и на его месте распускается пальма с имперской короной на вершине».

В том же месяце по королевскому распоряжению опубликовали «Книгу приказов» (book of orders). В ней постановлялось, что двум мировым судьям надлежит каждый месяц проводить судебные заседания, чтобы поддерживать работу местных властей. Приходские попечители по призрению бедных должны обеспечить бедным детям распределение в ученики. Констеблям и церковным старостам приходов предписывалось наказывать нарушителей порядка и изгонять бродяг. В обязанность двух мировых судей также вменялся контроль за надлежащим содержанием дорог и в целом за соблюдением закона и порядка. Они были обязаны представлять в Лондон доклады относительно того, «как, по их мнению, управляются графства».

Хотя король, по всей видимости, лично не писал этих постановлений, они несут в себе все признаки его отеческой власти и склонности к порядку. Карл также решил, что местным джен-

три и дворянам следует играть активную роль в управлении своими округами; вышла прокламация, приказывающая, чтобы все, кто еще пребывает в Лондоне, возвращались в родные места. Спустя недолгое время новое королевское распоряжение объявило, что городские виноторговцы должны прекратить продавать табак, а трактирщики — готовить и подавать дичь. Считалось, что такой прием поможет сделать город менее привлекательным для сельских джентри.

Служащие короны занялись делами. В начале марта в соборе Святого Павла Уильям Лод прочел проповедь по случаю шестой годовщины восшествия Карла на престол. Он отметил, что «некоторые люди так настроены жалить, что им нравится только, когда ругают правительство», и добавил в нравоучительной манере: «Надеюсь, я никого не обижу, если помолюсь за нашего короля».

Второго влиятельного советника короля, сэра Томаса Вентворта, отправили в Йорк в качестве лорд-правителя Севера с целью подавить беспорядки. В начале 1632 года его повысили до лорд-лейтенанта Ирландии, где бы ясно была видна его деятельность по установлению «достойного и спокойного управления». Он был

человеком железной воли и властного характера. Вентворт безоговорочно верил в королевскую власть и общественный долг. Он сказал одному из своих родственников, что «жизнь в трудах и заботах» есть его истинное предназначение. На портрете работы Ван Дейка он выглядит поглощенным долгом, а может быть, и пребывающим в созерцании.

Лод и Вентворт разделяли сходные принципы и серьезное отношение к делу, которые они объединяли в понятии «основательность». Для них оно означало ответственный и энергичный отклик на проблемы королевства. Их было невозможно отвлечь от решения возложенной на себя задачи, и они презирали государственных чиновников, которые проявляли расхлябанность, малодушие или заботились только о собственном обогащении. Администрации короля и его советникам — парламент сбрасывался со счетов — следовало обеспечить возможность проводить политику, соответствующую общественным интересам. Для очищения королевства первостепенную важность приобретал союз Церкви и короны.

Лорд-казначея, графа Портленда, они называли «леди Мора» или «леди Промедление»; а канцлера казначейства лорда Коттингтона Лод звал

«фрейлиной леди Мора», которая «ходит немного быстрее своей госпожи, но столь же неуклюже». Тут ясно видно различие между услужливыми советниками и самоотверженными реформаторами.

Вентворт, как и Лод, считал, что только королевская верховная власть может преобразовать хаос в порядок и анархию в дисциплину. Соответственно, на посту лорд-лейтенанта Ирландии Вентворт был намерен преодолеть любое сопротивление, утвердить власть короля и привести людей (в особенности недавних пересенцев из Англии) к смирению и повиновению. Он был полон решимости восстанавливать полномочия короля, по его словам, посредством «незначительного насилия и значительных средств». С его точки зрения, он преуспел, однако заплатил за успех возросшей враждебностью к нему и даже ненавистью. Вентворт привнес в дело малоприятное сочетание суровости и неуступчивости. В «Собрании историй и замечательных характеров» (A Collection of Anecdotes and Remarkable Characters) говорилось, что «его дурной и надменный характер» приводил к тому, что он ожидал «к себе большего почтения, чем был способен оказывать другим».

Лод был более реалистичным, чем витающий в облаках Вентворт. Епископ писал лорд-лейтенанту: «На самом деле, милорд, для страны я готов идти до конца… но пройти эту дорогу в одиночку мне не дано». Лод добавил: «К тому же личные цели людей представляют собой очень серьезные препятствия на общем пути, и их так много, что вы можете обещать что хотите, а я должен делать что могу, и ничего больше». Тем не менее Вентворт был непреклонен, и, когда впоследствии его судили, он сказал на суде, что «всегда хотел лучшего, никогда не удовлетворялся сделанным, а желал сделать больше».

Тогда же постановления Тайного совета получили силу закона. Советники могли устанавливать правовые нормы по таким вопросам, которые существующие суды, действовавшие по нормам статутного и общего права, игнорировали или избегали. Другие высшие чиновники королевства уделяли главное внимание исполнению закона и порядка. Лондонский репортер Джон Поури сообщал, что «в воскресенье, в полдень и после ужина до полуночи, наш лорд-мэр посещал таверны и предупреждал виноторговцев не допускать пьянства в своих заведениях ни днем, ни вечером. В тот же день он проехал через Мурфил-

дс и пресек драки между жителями западных и северных районов, которые обычно происходили в этом месте в воскресные дни». Звездная палата тоже активно применяла новые полномочия, настаивая на исполнении своих постановлений и преследовании их нарушителей.

Один из самых известных таких нарушителей, Уильям Принн, уже вызывал полемику своими пуританскими взглядами. Он бесконечно писал трактаты и памфлеты, а его слуга каждые три часа приносил ему лепешку и кувшин пива; Принна называли «книжным червем». Джон Обри писал, что он «имел странный мрачный вид», а Кристофер Рен говорил, что у него лицо ведьмы.

Поздней осенью 1632 года Принн в работе «Гистриомастикс: Бичевание театральных актеров» обрушился в целом на спектакли и актеров Лондона, а особенно резкой критике подверг практику исполнения юношами женских ролей и самих женщин, выходящих на сцену. Он писал, что актрисы — «известные шлюхи», и вопрошал, как может «христианка быть настолько бесстыдной, чтобы что-то представлять и публично говорить со сцены (тем более в мужском наряде и с подстриженными волосами) в присутствии разных мужчин и женщин».

К несчастью для Принна, всего за несколько недель до публикации его трактата королева Генриетта Мария приняла участие в театральной пасторали под названием «Пастуший рай». Пьеса отличалась исключительной благопристойностью и хорошим вкусом. Один из зрителей записал после: «Лорд — управляющий двором сказал, что ни одна фрейлина не должна войти сюда, пока ее величество восседает на основании своего высочайшего тела, скрестив при этом ноги». Постановка была серьезным предприятием, настолько сложным, что представление продолжалось около восьми часов.

Нападки Принна на женщин-актрис истолковали как атаку на саму королеву. К тому же он осуждал танцы в общественных местах как постыдное и безнравственное дело, а было хорошо известно, что королева обожает танцы. Принна отправили в Тауэр, где он предстал перед судом Звездной палаты и высокой комиссией по делам религии. Его приговорили к пожизненному заключению, штрафу в 5000 фунтов и исключению из юридической школы Линкольнз-Инн, где он преподавал общее право. Суровость наказания увеличило жестокое предписание отрезать ему уши у позорного столба. Приговор был приведен

в исполнение надлежащим порядком. Одно ухо ему отрезали в Вестминстере, второе — в Чипсайде.

Другой борец с партией двора, сэр Джон Элиот, умер в заключении в конце 1632 года. Неприязнь короля к нему достигала такой степени, что, несмотря на все обращения по поводу состояния его здоровья, Элиоту так и не позволили покинуть Тауэр в течение всего срока его тюремного заключения. Он посылал прошение королю, в котором указывал, что «по причине дурного воздуха опасно заболел»; он также заявлял, что «всем сердцем сожалеет, что разгневал Ваше Величество». Король ответил, что прошение недостаточно смиренно. Унижение Элиота продолжилось и после смерти. Его сын просил короля позволить перевезти тело отца для погребения в Корнуолл. Карл нацарапал в нижней части листка с просьбой: «Пусть останки сэра Джона Элиота будут захоронены в церкви того прихода, где он скончался». Другими словами, его оставили в земле Тауэра.

Переписка между членами семьи Баррингтон в первые месяцы 1632 года хорошо передает атмосферу того времени. Томас Баррингтон в письме из Холборна сообщает своей матери, что

«женщины жестокосердны в этом году, Сатурн свирепствует: еще одна жена одарила мужа порцией расплавленного свинца, просто за то, что он вернулся домой пьяным». Его жена, Джудит Баррингтон, написала свекрови: «Все мои друзья болеют или умирают, потому что воздух здесь совсем скверный… Новостей почти нет, многое ожидается в конце этой недели… Сегодня в Смитфилде сожгли бедную женщину, которая отравила своего мужа. Казнь, удивляющая жестокостью, ведь была масса причин проявить к ней милосердие». Примерно через неделю она сообщила: «Здесь так быстро распространяется оспа, что лучше бы мы оставались с вами». В мае Томас Баррингтон написал, что «новости Лондона идут столь разными и противоположными курсами, что мы не знаем, которому из них верить». Лондон был городом болезней, жестокости и ложных слухов.

Весной 1633 года король вернулся в родные места. Он отправился в неспешное путешествие на север и прибыл в Эдинбург к середине июня. В прошлом его отношения с Шотландией были не совсем безоблачными. В начале своего правления он затребовал реституции церковных земель в королевское владение, в конце концов от этой меры

отказались, но она породила сильную неприязнь. Когда несколько шотландских лордов пришли защитить новых землевладельцев, король сделал характерное замечание. «Милорд, — сказал Карл главе депутации, — пусть лучше подданный немного пострадает, чем все будет находиться в беспорядке». Сам король, похоже, недолюбливал шотландцев, а особенно шотландских горцев, про которых говорил, что это «порода людей, которые в прежние времена доставляли много проблем». Тем не менее в целом он испытывал к ним скорее безразличие, чем враждебность.

18 июня в аббатстве Холируд Карла возвели на престол короля Шотландии. Отмечалось, что он был рад повременить с этой привилегией восемь лет. Такая задержка показывала, что его не переполняло желание расположить к себе свой народ. Сама коронация, естественно, прошла со всем подобающим церемониалом, который, впрочем, не произвел нужного впечатления на местных жителей: для большинства шотландцев, воспитанных в пресвитерианской вере, он отдавал прелатством и папизмом.

Один из протестов, выдвинутых шотландцами, касался введения в богослужение английского обряда, однако главный поборник этого обряда

находился на пороге получения самого высокого назначения. Когда епископ Лод впервые после поездки в Шотландию предстал перед глазами короля, его ожидало непривычное приветствие: «Добро пожаловать, ваша милость архиепископ Кентерберийский». Карл только что узнал о кончине Джорджа Эббота, предыдущего архиепископа.

Будучи епископом Лондона, Лод был основным советником короля по религиозным вопросам, но его полномочия оставались неопределенными. Теперь же на посту архиепископа он стал пропагандистом английского вероисповедания, с энергией и целеустремленностью, которыми сам король не обладал. Однако в начале своего пастырства Лод испытывал тревогу. Он писал Томасу Вентворту: «От меня ожидают больше, чем безумие [шаткость] этого времени позволит мне совершить». Тем не менее, подобно Сизифу, он был готов подставить свои плечи под этот огромный камень.

Уильям Лод был человеком вспыльчивым, невысокого роста, раздражительным и не переносил возражений. Его резкость и строгость быстро обеспечили ему врагов, особенно среди пуритан, которых он жестко критиковал. Его

называли «козявкой», «крохотным гоблином» и «маленьким надоедливым фокус-покусом». Королевский шут Арчи скаламбурил перед обедом короля: «Вознесите большое восхваление Богу и маленькую хвалу [лод (laud) — омофон фамилии Лод] дьяволу». Однако никто не мог сомневаться в искренности или честности нового архиепископа. Английский дипломат сэр Томас Роу говорил королеве Богемии, что Лод «очень благочестивый, неподкупный… человек редкой среди советников порядочности».

Томас Карлайл описывал его так: «Неистовая, с визгливым голосом личность, уверенная в собственной правоте, какими быстро могут стать самые ограниченные натуры. Человек не бесчувственный, но не имеющий достаточного общества для развития чувств, университетский монах: по характеру резкий, неуравновешенный, порывистый, с несколько женскими проявлениями эмоций, способный на самое истеричное упрямство, обычно присущее женщинам». Он представлял собой нечто среднее между оксфордским преподавателем и чиновником. Его портрет кисти Ван Дейка показывает чудаковатого аскета. Должно быть, он не слишком верил в художника и называл его живопись «тщеславной тенью».

Лод был крайне суеверен, даже записывал свои тревожные сны. Ему снилось, что он дает королю питье в серебряном кубке, а Карл отказывается и просит стеклянный. Он видел сон, что епископ Линкольнский запрыгнул на коня и ускакал. В другой раз он написал: «Я видел во сне, что у меня цинга: мои зубы стали шататься, один зуб в нижней челюсти почти выпал, и я едва смог удержать его пальцем, пока не позвал на помощь».

Достаточно скоро влияние Лода проявилось ощутимо. В октябре 1633 года они с королем распорядились переиздать «Декларацию о спортивных развлечениях» короля Якова, которая разрешала определенные развлечения в воскресные дни. «Доброму народу» короля теперь не запрещались танцы и стрельба из лука, а также состязания по прыжкам в длину и высоту; «майские празднества с небольшим количеством эля и народными театрализованными танцами моррис, как и установка майского дерева» стали вполне приемлемыми для властей. Это было похоже на возвращение к более красочному вероисповеданию прежних веков. Кальвинисты и строгие протестанты считали эту декларацию вредоносным документом, нацеленным на разрушение истинной веры. Историк XVII века

Томас Фуллер писал: «Многие считали, что такое нарушение святости Дня Господня, Воскресенья, стало главной причиной Божьего гнева, который обрушился на страну в виде долгой и кровопролитной гражданской войны». Викарий Анмора в графстве Сомерсет объявил на проповеди: «Что бы король ни пожелал сделать, Царь Небесный повелевает нам соблюдать святое Воскресенье».

Тогда же было определено, что простой церковный престол следует передвинуть из центра храма в восточную часть и закрыть от глаз; в этом случае он больше напоминал алтари старой веры. Священники теперь совершали поклоны в сторону престола, а некоторые и благословляли его крестным знамением. Уильям Принн уже высмеял обряд причащения в сатирическом произведении: «Священник приблизился к хлебу, который был нарезан на маленькие кусочки и лежал в красивой салфетке, слегка приподнял край означенной салфетки и смотрел внутрь, пока не увидел хлеб (как мальчишка, который разглядывает птичье гнездо в кустах), затем снова опустил салфетку, отпрянул на пару шагов и трижды низко поклонился хлебу… потом он положил руку на позолоченный сосуд… немного пододвинул сосуд к себе, но тут же оставил его в покое, отступил и

опять поклонился ему три раза».

Это была острая карикатура на богослужения, введенные Лодом.

Архиепископ стремился прибавить красоты и святости церковным обрядам, чтобы вызвать почтение, если не благоговение. Прежде он сетовал, что «в наши дни считается предрассудком входить в церковь с большей почтительностью, чем заваливается в пивную жестянщик со своей сукой». Скоро для чиновника стало серьезным нарушением не склонять голову при произнесении имени Господа. Мальчики-певчие входили в храм парами, их учили никогда не поворачиваться к алтарю спиной. В кафедральные соборы вернулась музыка.

Лодианизм, однако, не был папизмом. Архиепископ Лод питал к католичеству искреннее отвращение. Он надеялся создать истинно национальную церковь, избавленную от фанатизма и нетерпимости пуритан, а также от мариолатрии и религиозных предрассудков католиков. Он не чувствовал ни вкуса, ни склонности к теологическим дебатам и в бесконечной дискуссии о свободной воле и предопределении сказал только, что «нечто в этом противоречии непостижимо в земной жизни». Лод был равнодушен и к

Женеве, и к Риму, он смотрел только на короля.

Кроме того, архиепископ Лод старался придать церковным преобразованиям структурный характер: он назначал только тех епископов, которые разделяли антикальвинистские убеждения. Сам Карл считал, что епископат составляет фундаментальную опору его верховной власти; как говаривал его отец: «Нет епископа — нет короля». Объединения кафедральных городов призывали назначать клириков на посты мировых судей, а тех обязывали посещать воскресные службы в своих судейских мантиях. Вскоре в Королевском совете к Лоду присоединились еще два епископа. Епископ Лондонский Джаксон, который всего два года тому назад был королевским капелланом, стал лорд-казначеем королевства. Последний раз клирик занимал этот пост в правление Генриха VII (1485–1509). Можно было подумать, что Англия возвращалась в мир средневековой церковной иерархии.

Последовала череда «инспекций» различных приходов с целью расследовать случаи церковного несогласия и неповиновения. Например, в Манчестере двадцать семь священников обвинялись в том, что они не преклоняли колена в момент богослужения. Ричард Мэзер из Токс-

тета, неподалеку от Ливерпуля, признал, что никогда не носил саккос. «Что? — воскликнул инспектор. — Служить пятнадцать лет и ни разу не надеть саккос?! Да лучше бы он наделал семь внебрачных детей!»

Вернулись также старинные шествия и празднества. С переизданием «Декларации о спортивных развлечениях» пришло общее смягчение общественной жизни. Лондонские приходы вскоре стали проводить обряд «отбивания границ»; опять стали отмечать такие религиозные праздники, как День Всех Святых. Возродилась традиция распорядителя рождественских увеселений «Князя беспорядка» с характерной атмосферой групповых игр, танцев и употребления пряного эля. От этих праздников никогда не отказывались полностью, но в обстановке антипуританизма они приобрели особый размах.

Король продолжил проверять лояльность народа. Осенью 1634 года опять вышел королевский приказ о взимании корабельного налога, впервые в мирное время. В предыдущий раз корабельные деньги собирали в 1626 и 1627 годах, когда висела угроза одновременной войны с Францией и Испанией; люди выражали недовольство налогом, но заплатили, поэтому показалось разумным

использовать его повторно. Непосредственной причиной очередного установления корабельного налога стала перспектива образования новых союзов в Европе. Французы и голландцы вступили в малоприятный альянс, чтобы контролировать континент. Предполагалось, что Англии понадобится тайный договор с Испанией.

Однако не было никакой надежды, что члены собственного Тайного совета короля смирятся с тем фактом, что английская армия встанет на сторону испанцев против голландцев: как может король стать союзником большой католической державы, воюющей с протестантской республикой? И снова Карл рассчитывал на интригу с любой или каждой партией, которая покажется согласной поддержать короля. Ему требовалось скрыть свой союз с Испанией и сделать вид, что корабли снаряжаются для обороны от внешнего врага. Говорили, что английская торговля нуждается в защите от Туниса и Турции, так же как от Франции и Испании. Таким образом король заявил о собственном верховном праве во всех своих водах, включая Ла-Манш и Северное море.

Сначала корабельный налог распределили только по портовым и прибрежным городам. Им приказали предоставить сумму, достаточную для

оснащения определенного количества кораблей, а также их содержания вместе с командами в течение шести месяцев. Деньги должны были передаваться коллектору, назначенному короной. Только Лондон попытался выступить против корабельного налога (на него наложили одну пятую общей суммы), но выступления быстро подавили угрозами и разговорами об измене. Венецианский посланник говорил о корабельных деньгах, что «если даже они совершенно не нарушают законов королевства, как некоторые все-таки думают, то, несомненно, противоречат традиции и установленному порядку, существующему на сегодняшний день».

И все же для чего готовился этот флот? Что король собирался делать со своими заново оснащенными кораблями? Достаточно ли того, что они укрепят его господство в морях, гарантируя, что проходящие мимо английские суда будут приспускать свои флаги и топсели? Весной 1635 года флот, выстроенный на корабельные деньги, наконец вышел в море. Это была первая партия: сорок два корабля, девятнадцать из которых водоизмещением более 50 тонн, отплыли с приказами обуздать пиратство, защищать английские торговые суда, не позволять голландцам вести

рыбный промысел в английских водах и, согласно репортеру Эдварду Россингему, «охранять суверенность Ла-Манша и Ирландского моря от французского короля, который давно имел план отнять их и поэтому завел очень большой военный флот». Другими словами, английский флот получил приказ делать все — и ничего.

Итак, корабельные деньги действительно были выплачены, из страха или из лояльности, а успех этого налога обеспечил его продолжение: в следующем году корабельный налог распространили на всю страну. Заявлялось, что поскольку графства и городские объединения заинтересованы в своей «чести, безопасности и процветании», то будет справедливо, если «все примут участие в этом деле». Призыв сработал, и налог 1635 года послужил образцом на следующие пять лет, за которые было фактически собрано 80 % необходимых денег.

В 1634 году на улицах Лондона разрешили работу наемных экипажей. Новшество породило обычный ужас и негодование. Одни предполагали, что экипаж можно будет нанять на поездку не менее 5 километров, ибо слишком много экипажей, отправляющихся на небольшие расстояния, создадут на улицах пробки, повредят мостовые

и поднимут цены на сено. Другие считали, что холостые джентльмены должны ездить в наемных экипажах только в сопровождении своих родителей.

17. Неожиданные молнии

Летом 1636 года Карл и Генриетта Мария посетили Оксфорд, теперь, по сути, университет Лода. Однако почести королевской чете оказали только академические власти. Когда король с королевой проезжали по улицам городка, никто не крикнул «Боже, храни короля!». Студенты, как и горожане, хранили молчание. Это не сулило ничего хорошего, а служило полезным напоминанием, что Карл неизменно дает своим подданным основания для недовольства.

В среде аристократии и крупных джентри, например, большое раздражение вызывали взыскания различных судов, созданных Карлом для вымогательства денег, — главными из них были Суд по делам опеки и Суд по лесному праву. О первом из них говорили, что даже тех, кто предан короне, закон скорее разорит, чем защитит. Второй штрафами за вторжение в королевские лесные угодья, согласно Кларендону, «нанес больше ущерба репутации двора и вызвал больше недовольства королем со стороны значительной части знати и джентри Англии, чем любое дру-

гое действие, предпринятое по воле и желанию короля».

Карл восстанавливал против себя подданных во всех частях страны. Он без обсуждений опубликовал свод «канонов» для Шотландской церкви. Сами шотландцы считали эти требования не чем иным, как чуждыми правилами, которые налагают на них иностранцы. Получать причастие можно только стоя на коленях. Мужчинам нельзя находиться на богослужении с покрытой головой. Никто не может молиться на свое усмотрение. Священники не должны позволять частные собрания для толкования Священного Писания. Все эти совершенно новые предписания вызывали массу волнений, которые довольно скоро приведут к бунту.

Реакция пуритан в Англии на лодианскую ортодоксию была не менее активной, хотя и более тщательно скрываемой. В Лондоне, например, возникла тайная сеть собраний нонконформистов и дискуссионных групп, которые поддерживали друг с другом связь при помощи рукописных трудов и записей проповедей, а также встреч и «бесед» за закрытыми дверями. Это был мир постов, молитвенных собраний и обсуждений Библии в таких центрах сектантства, как столич-

ные Колмен-стрит и Фрайди-стрит.

Леди Элеанор Дэвис, среди набожных жителей Личфилда имевшая репутацию пророчицы, в конце 1636 года в один из дней Святого причастия появилась в городском соборе со щеткой и котелком. Она объявила, что пришла окропить своей святой водой занавеси и недавно украшенный престол. Эта святая вода состояла из смолы, дегтя и грязной воды, которые дама щедро разбрызгивала со щетки вокруг себя. Ее сочли безумной и отправили в Вифлеемскую больницу для умалишенных. По любопытному совпадению Карл и Генриетта Мария посещали это заведение всего несколько месяцев назад, где, согласно Эдварду Россингему, «зрелище сумасшедших людей их очень развлекло. Каждый человек был в своем расположении духа. Две безумные женщины непристойностью своих речей практически заставили их величества вместе со свитой покинуть здание».

Леди Элеанор Дэвис была не одинока в своем отвращении к нововведениям Лода. Пуританский автор Джон Баствик сетовал, что «в Церкви сейчас столько ритуалов, сколько у пса блох». Оливер Кромвель, оглядываясь назад в конце жизни, в речи к парламенту отметил, что Лод и

его сторонники хотели «вводить нам новшества в религиозных вопросах до такой степени, чтобы выесть суть и силу, сердце и жизнь нашей веры своими многочисленными пагубными папистскими обрядами…». Обстановка была, говоря словами того времени, «слишком горяча, чтобы ее стерпеть».

Летом 1637 года трое религиозных фанатиков предстали перед судом Звездной палаты по обвинению в клевете на английских епископов. Уильям Принн был хорошо известен судьям, четыре года назад он потерял уши и находился под арестом в Тауэре. Тем не менее каким-то непостижимым образом ему удавалось писать в тюремной камере памфлеты, которые потом тайно выносили дружественно настроенные к нему охранники.

Вместе с ним под судом Генри Бертон и Джон Баствик. В «Литании Джона Баствика» (The Litany of John Bastwick) автор написал: «Боже правый, избави нас от чумы, мора и голода, от епископов, священников и диаконов!» Когда председательствующий судья увидел Принна, он попросил судебного исполнителя отодвинуть его волосы назад, чтобы разглядеть шрамы после отрезания ушей. «Я думал, у мистера Принна

нет ушей, — сказал судья, — но мне кажется, там что-то осталось». Палач выполнил свою работу не так свирепо, как мог бы, что открыло возможность снова грозить обвиняемому физическим насилием. Приговоры оказались такими же жестокими, как и ожидаемыми: отрубание ушей и пожизненное заключение всем троим.

Многие современники тем не менее не сочувствовали осужденным. Репортер Джон Бёрг написал, что «они безнадежно безумные фанатики и жаждут стать мучениками пуританства или, по крайней мере, прославиться гонениями за свою веру». В этом ожидании осужденные не обманулись. Предыдущий приговор Принну привели в исполнение без очевидных знаков общественного негодования. Теперь же троих страдальцев приветствовали на всем протяжении пути к позорному столбу, им под ноги бросали цветы и травы. У позорного столба они стояли два часа. Никто не бросил в них ни единого камня. Они откровенно и охотно разговаривали с окружившей толпой, некоторые встречали их слова аплодисментами и криками одобрения. Жена Бертона отправила ему записку, что «в этот день она была счастлива куда больше, чем в день своей свадьбы».

После двух часов у позорного столба наступило время более сурового наказания. Палач начал отрезать уши Бертону, удаление каждого уха исторгало вопль страдания у толпы, настолько сильно люди сопереживали жертвам. Когда на эшафот хлынула кровь, присутствовавшие стали обмакивать в нее свои платки. Пеньки ушей Принна обрубили до конца самым оскорбительным и бесчеловечным образом. Так же обошлись и с Баствиком. Сила духа пуритан, не дрогнувших в момент сурового испытания, вызвала глубокое восхищение.

Пленников вывезли из Лондона для последующего заточения в замках Карнарвон, Лонсестон и Ланкастер. Когда Принн со своими тюремщиками ехал по Великой Северной дороге, его приветствовали криками сострадания. Когда Бертон выехал из Лондона по Западной дороге, вокруг него раздавались крики: «Благослови тебя Господь!» Баствика сопровождала процессия, очень напоминающая триумфальную. Происходящее было нельзя назвать победой архиепископа Лода. Суровость наказания не устрашила толпу, и Вентворт сказал архиепископу, что «правитель, который не предостерегает своими наказаниями, а лишь теряет при этом силу, теряет вдобавок и

наибольшую часть своих владений». Судьба этих троих только еще больше укрепила в мнении тех, кто считал, что Лод и король становятся бременем для государства. Собственный духовник архиепископа Питер Хейлин впоследствии писал, что вся эта история «очень тяжело отразилась на умах многих весьма умеренных и хорошо настроенных людей». Тогда широко бытовало выражение «разбить яйцо топором».

Из Эдинбурга приходили еще более тревожные вести. Весной 1637 года король издал новый требник для Шотландии. В него вошла значительная часть английской Книги общих молитв вместо содержания служебника Шотландской церкви Джона Нокса. В сущности, это было еще одно английское установление, несущее на себе все признаки вмешательства архиепископа Лода. Впервые новый требник опробовали в соборе Святого Эгидия (Сент-Джайлс), который незадолго до этого момента стал кафедральным собором Эдинбурга. Декан поднялся на кафедру, но, когда он начал зачитывать текст из новой книги, женщины прихода стали выкрикивать ругательства: «Нам устраивают мессу!» «В церкви — Баал!» Епископ Эдинбургский выступил вперед, чтобы успокоить разгневанных женщин, и попросил

их воздержаться от поношения «священной земли». Такие слова не стоило произносить перед пуританским собранием, на него посыпались новые оскорбления: его объявили «пронырой, развратником, чревоугодником». Одна из женщин бросила в него стул, который хоть и не попал в цель, но пролетел опасно близко от головы декана.

Тогда вызвали судей магистрата, чтобы очистить церковь, однако уже изгнанные женщины окружили здание: они стучали в большие двери храма и бросали в окна камни, пока продолжалось неудачное богослужение. Раздавались выкрики: «Папа, папа, антихрист, забейте его камнями, стащите его с кафедры!» Когда епископ вышел, женщины закричали: «Вырвите ему глотку!» и «Перережьте ему горло!». Он едва спасся. Однако эта ситуация была не спонтанным выступлением разгневанных верующих, а тщательно организованной атакой на требник. Некоторые пуританские джентри и духовенство планировали бунт около трех месяцев, хотя масштаб волнений, возможно, и стал неожиданностью. Этот инцидент стали называть «Каменным воскресеньем».

Получив известия о волнениях в Эдинбурге,

король приказал немедленно подавить бунт. В городе, где большинство населения стояло на стороне бунтовщиков, выполнить королевский приказ было непросто. Лод спросил шотландских епископов, готовы ли они «вылить молоко, которое им дали, потому что несколько молочниц на них обиделось»: «Надеюсь, их поставят на место». Однако архиепископ не мог решить дело самостоятельно. Члены городского магистрата Эдинбурга постановили, что никто из духовенства не может вести литургию по новой книге. Большинству чиновников не нравилось ее содержание, и все они опасались дальнейших выступлений.

Изо всех районов Шотландии начали поступать петиции против папистских реформ нового требника, столь далеких от прежнего порядка и богослужения Шотландской церкви. Совет Шотландии написал королю, что «ропот и обида» по поводу нововведений беспримерны. Увещевания людей стали особенно необходимы после того, как в Эдинбурге случился второй бунт, потому что прошел слух, что лорд-провост, мэр города, пытается не допустить, чтобы петиция против англиканского молитвенника дошла до Лондона. Теперь петиционеры, как их стали называть, уже составляли огромное большинство горожан.

Умеренный пресвитерианский священник Роберт Балли признался в своем дневнике, что «только Бог знает, как пойдут дела… весь народ считает, что папизм на пороге. Возмутительные памфлеты, которые каждый день приходят из Англии, добавляют масла в огонь. Никто не может и слова громко сказать в защиту короля, чтобы самому не стать жертвой в один прекрасный день».

Карл не знал, что делать. Он не был готов к такому неприятному акту открытого неповиновения. Говорят, что его первыми словами стали: «Я думал, мне повинуются». Однако каким образом он мог навязать подданным свою волю? У него не было армии, а только неохотная поддержка отдельных людей в Шотландии. Тогда члены шотландского Тайного совета предложили выход из сложившегося тупика. Петиционеры покинут Эдинбург и разойдутся по домам, оставив группу уполномоченных говорить и действовать от их имени. Было ясно, что эти уполномоченные станут голосом Шотландии.

По сути, волнения в Эдинбурге были прелюдией к более фатальным столкновениям, приведшим собственно к гражданской войне в Англии, однако в то время никто не мог предвидеть подобного

исхода. Одно событие всего лишь следовало за другим в явно случайном или, по крайней мере, несвязанном порядке, и только впоследствии стало возможным разглядеть эту связь. Например, какое-то время спустя Генриетта Мария назвала новый молитвенник для Шотландии «эта роковая книга». Но кто бы подумал, что женщина, бросившая стул, знаменует начало большой войны?

Шотландия показала пример открытого сопротивления, на который в Англии взирали с восхищением. Карл правил тремя королевствами, кровно связанными, как части тела; волнение в одной из них отражалось на спокойствии всего организма. Следующий крупный вызов королевской власти произошел уже в Лондоне. Летом 1637 года король решил призвать в Суд казначейства Джона Хэмпдена за отказ выплачивать корабельные деньги. Хэмпден уже провел в тюрьме десять лет за отказ от принудительного займа, но сей опыт, как видно, не сломил его воли.

В начале года двенадцать старших судей постановили, что в условиях угрозы государству король имеет полное право приказать своим подданным финансировать подготовку флота. Кроме того, они объявили, что в случае отказа выплачивать налог король уполномочен прибегать к принуж-

дению. Леопольд фон Ранке считал, что «судьи не могли вынести более важное решение. Это одно из важнейших событий в истории Англии». Королевская прерогатива стала основой и краеугольным камнем государства. Симондс Д'Эвес писал, что если этот налог действительно можно взимать на законных основаниях, то «король под тем же предлогом имеет право накладывать в десять, двенадцать, в сто раз и так до бесконечности большую сумму на любое графство тогда и так часто, как ему захочется; а поэтому в итоге ни один человек ничего не стоит». Это был мощный аргумент, который предстояло проверить в суде над Джоном Хэмпденом.

Судебный процесс продолжался с ноября 1637 года до следующего лета, за ним с огромным интересом следил народ всего королевства. Это была борьба за право между сюзереном и подданным, дело считали самым важным из когда-либо представленных на суд. Обвинение, по существу, строилось на двух пунктах. Корона утверждала, что во всех прецедентах, со времен англосаксов, королю разрешалось собирать деньги на военный флот. Хэмпден, в свою очередь, заявлял, что предыдущие системы налогообложения не имеют ничего общего с последними королевскими

приказами о корабельных деньгах, разосланными в удаленные от моря графства. Корона также отстаивала обоснованность своего требования о финансовой помощи перед лицом иностранной угрозы: к тому времени как удастся собрать парламент для обсуждения этого вопроса, страну уже могут атаковать и даже захватить. Хэмпден аргументировал тем, что приказы были разосланы за шесть месяцев до того, как был снаряжен первый корабль, и поэтому было достаточно времени для созыва сессии в Вестминстере. Приказы в любом случае противоречили законам, запрещающим установление налогов без одобрения парламента.

Зал суда был переполнен людьми. Один сквайр из Норфолка специально приехал в Лондон, чтобы присутствовать на судебном разбирательстве, но, когда он подошел «на рассвете дня», уже собралась такая огромная толпа, что он смог встать только в 1,8–2,7 метра от дверей суда. Те, кому удалось попасть внутрь, в основном разделяли позицию Хэмпдена. Когда один из его адвокатов, Оливер Сент-Джон, приступил к защите, ему, по словам пуританского мемуариста Роберта Вудфорта, «много аплодировали и громко выражали одобрение присутствовавшие, хотя милорд

Финч [председательствующий судья] обозначил свое неудовольствие таким поведением», по окончании выступления Сент-Джона «все снова рискнули одобрительно загудеть». Обсуждение продолжилось за пределами зала суда, где споры между противоположными сторонами могли принять весьма горячий характер. Викарий из Килсби, Нортгемптоншир, убеждал свою паству «уплатить сборы его величества»; на что констебль прихода сказал ему, что королевские налоги хуже, чем фараоновы взимания с израильтян. Разговоры подобного рода велись по всему королевству.

Судьи посовещались и в итоге вынесли решение в пользу двора, семью голосами против пяти. Это был наименьший из возможных перевес для короля. Тем не менее слова председательствующего судьи в его поддержку повторяли во всей стране. Финч объявил, что «акты парламента, умаляющие королевскую власть в защите королевства, не имеют юридической силы». Или, как сформулировал другой судья, *rex est lex* — «король есть закон». Старинные свободы англичан не имеют никакого значения, а декларации Великой хартии вольностей и «Петиции о праве» несущественны. Ни закон, ни парламент не могут

ограничить власть короля. Кларендон в своей «Истории мятежа» констатирует: «Вне всякого сомнения, речь милорда Финча заставила возненавидеть корабельные деньги больше, чем все предписания Тайного совета и все описи имущества, составленные английскими шерифами, вместе взятые».

Когда судья на сессии в Мейдстоне зачитывал решение лондонского суда, люди, по свидетельству современника событий сэра Роджера Твиздена, «действительно слушали с большим вниманием, а когда чтение завершилось», он «к печали своей, увидел на их лицах выражение полной подавленности…». Мировой судья из Кента написал в служебной записке, что «это было самое значительное дело, по общему мнению всего мира, об английском парламенте. А простые люди так же не хотят терять свободы, как и расставаться со своими деньгами». Сопротивление корабельному налогу стало еще активнее, чем раньше. Некоторые из тех, кто отказывался платить, теперь цитировали аргументы, которые приводили судьи, стоявшие на стороне Джона Хэмпдена.

В середине судебного процесса, 9 февраля 1638 года, король направил в Шотландию декларацию,

в которой заявил: «Мы полагаем, что нашей королевской власти нанесен значительный ущерб», и объявил, что все протесты против новой молитвенной книги будут считаться изменническими. Ответ короля был весьма характерным. Любая попытка ограничить его власть, конечно, казалась ему изменой, и он верил, что если пойдет на компромисс или примирение, то неизбежно окажется ослаблен. Он не желал становиться столь же бесправным, как венецианский дож, и сообщил своему представителю в Шотландии, маркизу Гамильтону, что «настроен скорее подвергнуть опасности собственную жизнь, чем отказаться от своей прерогативы». Он имел в виду не просто свою власть, а концепцию «права» как такового. Однако в то же время он был способен проявить хитрость и сдержанность, поэтому сказал Гамильтону, что «я даю вам разрешение польстить им любыми надеждами на свое усмотрение». Поскольку предводители восстания против молитвенной книги были, в сущности, изменниками, по мнению Карла, их можно было безнаказанно соблазнять и обманывать.

В ответ в Эдинбурге уполномоченные, представлявшие петиционеров, составили Национальный ковенант, в котором восстановили

заповеди Шотландской церкви. В одной статье Ковенанта указывалось, что нововведения в англиканскую молитвенную книгу «ощутимо ведут к восстановлению католицизма и тирании, к подрыву и разрушению истинной реформатской веры, наших законов и вольностей». На самом деле люди восстали не против самого короля, а против альянса светской и церковной власти, который он стал представлять. Теперь петиционеры связали себя с Богом священным договором, как когда-то народ израильский, приняв на себя недвусмысленные моральные обязательства следовать воле Божией. «Ходи предо Мною и будь непорочен… и поставлю завет Мой между Мною и тобою» (Быт. 17:1–2). Национальный ковенант торжественно пронесли по улицам города в сопровождении толпы женщин и детей, которые то радовались, то рыдали.

Шотландцы, вслед за жителями Эдинбурга, сотнями и тысячами подписывали Ковенант, заявляя, что предпочтут умереть, чем принять новую литургию. Они поднимали правую руку к небесам и только после этого брались за перо. Многие ортодоксальные шотландские епископы бежали в Англию, вместе с архиепископом Сент-Эндрюса Джоном Споттисвудом, горестно

стеная, что все их «труды за последние тридцать лет теперь пошли прахом». Причиной стала попытка короля руководить подданными теми же средствами, что он управлял своим конем.

Реакция людей была разной. Великий французский министр Ришелье проявил готовность поддержать и даже помочь шотландским мятежникам, исходя из того, что чем больше проблем у короля Англии, тем лучше для Франции. Карл, в свою очередь, не хотел, чтобы мир считал, будто часть его подданных отвергает его власть: всю свою жизнь он боялся показаться слабым. Английские оппозиционеры, уже взвинченные судом над Джоном Хэмпденом, приветствовали дерзкие действия шотландцев. Многие из них надеялись, что шотландскому примеру последуют и у них дома. В памфлетах и листовках, разлетавшихся по лондонским улицам, можно было прочесть самые пылкие порицания политики короля.

Лод писал Вентворту: «Моя душа тревожится и предчувствует, что нас ждут немалые беды». Сам Вентворт побуждал короля предпринять более жесткие меры. Он считал, что если не «наказать должным образом» самонадеянность и браваду шотландцев, то никто не знает, как широко мо-

жет распространиться болезнь неповиновения. Некоторые уже подозревали, что столкновение близко. Когда в 1638 году один религиозный человек в деревеньке Холт графства Уилтшир обнаружил у своих дверей нищего, он отказался подать ему милостыню, сказав: «Скоро тебя призовут на войну, и ты будешь сражаться против нас».

В конце ноября в кафедральном соборе Глазго состоялась Генеральная ассамблея пресвитарианской церкви Шотландии. Епископов обвинили в превышении правомочий. Маркиз Гамильтон присутствовал на ассамблее как представитель короля. Он сообщил своему монарху, что его «душа никогда не печалилась так сильно, как при виде этого зрелища: ни одной мантии во всем собрании, много мечей, но еще больше кинжалов — большинство из них оставили дома свои ружья и пистолеты». Проголосовали, естественно, против приказов и пожеланий короля. Гамильтон сразу распустил ассамблею, но, после того как он покинул храм, делегаты продолжили дебаты. Они также приняли резолюцию, объявляющую, что Шотландская церковь отделена от светской власти, лишая таким образом Карла верховной власти в отношении религии, на которую он

ранее претендовал.

В течение следующих трех недель делегаты ассамблеи пересмотрели весь обряд шотландской веры, установленный для них в последнее время: новую литургию отменили, епископов отлучили от Шотландской церкви. Шотландия не признала королевский приказ.

Теперь подготовка к войне активизировалась. Король приказал отправить конвой с военными поставками из Тауэра в Халл, хотя маркиз Гамильтон советовал ему взять под контроль также укрепления Бервика, Карлайла и Ньюкасла. Лорд-лейтенантам графств приказали провести смотры местного ополчения, чтобы привести в готовность к боевым действиям. Командиры шотландцев, в свою очередь, разделили страну на семь военных округов для сбора рекрутов. Уполномоченные также предписали шотландским солдатам, сражающимся в наемных отрядах за дело протестантства в Германии, вернуться домой на более важную для своей родины войну. Их генерал Александр Лесли понимал, что они принесут с собой новые формы военной подготовки и знания, полученные от голландских и шведских командиров. Предполагалось, что шотландцы соберут значительно более профессиональную

армию, чем их английские противники.

Были замечены и различные предзнаменования. Дворянин из Йоркшира сэр Генри Слингсби записал в своем дневнике старинное пророчество о том, что после побед над саксами и норманнами шотландцы следующими одолеют англичан. Люди видели необычные вихри и молнии. Генри Гастингс сообщал своему отцу, что однажды в восемь часов вечера облака разошлись и открылись видения, похожие на «солдат с копьями и мушкетами, но вдруг картина стала меняться: они возникли в виде двух отрядов вооруженных людей, послышался грохот, засверкали молнии, и из облаков поползли полосы дыма». Собирались духи войны.

18. Всё на карту

В начале 1639 года Карл разослал солдатам своего государства приказы собраться к нему в Йорк. Пэрам королевства следовало явиться лично вместе со свитами, подобающими их положению. Подготовленным отрядам (местное ополчение, составленное из горожан) Севера требовалось прибыть под командованием лорд-лейтенантов своих графств. Остальные солдаты были мобилизованы в основном в центральной части страны. Раньше они были пахарями, возчиками, кровельщиками и не испытывали никакого желания воевать. Необученных и неэкипированных, их посылали в незнакомые районы страны бороться за дело, о котором они знали мало или вовсе ничего.

Солдаты, призванные из Херефордшира, напали на офицеров, ранили их, а потом разошлись по своим городам и деревням. Другие новобранцы принялись грабить селения, через которые проходили. Они сносили ненавистные изгороди, разделявшие прежде общую землю; они сжигали тюрьмы и освобождали заключенных, многие

из которых сидели в тюрьме за отказ платить налоги королю; она нападали на студентов Оксфорда; те, кто были пуританами, разрушали в церквях алтари и алтарные преграды. Они, как сформулировал военачальник роялистов лорд Конвей, «больше подходили для Бедлама или Брайдуэлла» (то есть «для психиатрической больницы или тюрьмы»), чем для королевской военной службы.

Пэры и дворяне, связанные с королем старыми ленными обязательствами, тоже не желали рисковать собственной жизнью за дело короля. Многие из них сослались на болезнь, но большинство все-таки отправилось в Йорк, хоть и неохотно. Если король потерпит поражение, шотландские ковенантеры, возможно, пощадят их имения и саму жизнь; если же король победит и станет абсолютным монархом, то их вольности окажутся в еще большей опасности. Перспектива созыва нового парламента, например, будет еще более туманной. Пуританская партия в особенности не имела оснований и желания воевать против шотландских единоверцев. Это было бы актом предательства беспримерного масштаба. Многие из них считали, что эта война ведется в интересах епископства, что ее главная цель

заключалась в восстановлении полномочий епископов в Шотландии. Война получила название *Bellum episcopale* (Епископская война) и по этой причине стала еще более ненавистной всему народу.

Тем не менее ненависть прежде всего вызывало то, что это было непривычное и нежелательное вмешательство во внутренние дела страны. Англия много лет избегала зарубежных войн и наслаждалась миром внутри своего государства; в стране не прозвучал ни один выстрел, не забил ни один военный барабан. Однако теперь спокойствие находилось в опасности. Сэр Генри Слингсби писал: «Самое ужасное, что нам придется вести войну друг с другом, нашей злобой разъедать и уничтожать себя». Продолжительный период мира, кроме прочего, означал, что и орудия войны потеряли цену. Мечи, мушкеты и копья без употребления покрылись ржавчиной или сломались. Лошадей не хватало.

В конце марта 1639 года король прибыл верхом в Йорк к своей армии. Карл с основными офицерами разместился в резиденции лорд-президента северных графств Кингс-Хаус, а другие офицеры и джентри расселились по различным постоялым дворам города, типа «Тальбот» и «Дракон». Ко-

роль весьма благосклонно наблюдал за своими так называемыми кавалерами, упражняющимися в верховой езде на лугах, которые в Шотландии называли «ингами». Кавалеры составляли значительную часть офицеров, преданных делу короля. Некоторые из них были уже опытными воинами, которые участвовали в европейских войнах, а другие — сыновьями знатных семейств, ищущими боевой славы. Многие, однако, имели репутацию бахвалов и задир, придерживались антипуританских взглядов, предавались пьянству и азартным играм. Согласно памфлету того времени «Старые сведения снова актуальны» (Old News Newly Revived), за кавалера мог сойти любой, обладающий «развевающимся плюмажем, ярким париком, кожаным дублетом и мечом, длинным, как дрын». Они вполне созрели для войны с теми, кого один из членов «королевской рати», сэр Фрэнсис Виндебэнк, в свою очередь, называл «эта жалкая, непотребная, грязная, отвратительная, вшивая, чесоточная, шелудивая, вонючая, немытая, сопливая, тупая, скандальная, наглая, кичливая, нищенская, нелепая, смехотворная, свинорылая, гнусная, варварская, скотская, коварная, лживая, беспринципная, дьявольская… мерзкая, безбожная, пуританская

шайка шотландских ковенантеров».

Король, по-видимому, предполагал, как сформулировал Кларендон в своей «Истории мятежа и гражданских войн в Англии» (History of the Rebellion and Civil Wars in England), что, собрав вместе всех пэров королевства с их свитами, он одним «великолепием зримого присутствия всей знати сразу напугает и усмирит шотландцев». Его предположение оказалось безосновательным. Карл не мог положиться даже на саму знать. Обеспокоенный разговорами о тайном соглашении с ковенантерами, король потребовал, чтобы лорды и джентри принесли в Йорке присягу на верность. Двое из них отказались. Лорд Генри Брук и виконт Сай обосновали свое решение тем, что неконституционно требовать присяги, которая не утверждена парламентом. Сай добавил, что, поскольку королевства Англии и Шотландии теперь объединены, он не может посягнуть на жизнь шотландца. Карл гневно указал ему: «Милорд, есть люди не менее достойные, чем вы, которые не откажутся дать присягу, а вы выступаете против любых моих действий». Король приказал взять под стражу обоих.

По городу поползли слухи, и все они сходились в том, что пэры пострадали от королевского своево-

лия. Вскоре Карлу объявили, что не было ничего противозаконного в отказе приносить присягу; и, к своей огромной досаде, королю пришлось освободить арестованных. Его авторитету был нанесен и еще один серьезный удар. Довольно скоро выяснилось, что виконт Сай действительно вел тайные переговоры с предводителями ковенантеров. Он также был пуританином, и это тайное сотрудничество сыграет важную роль в событиях последующих месяцев.

1 мая Карл выступил на Дарем. Его представитель в Шотландии, а теперь командующий английскими военными кораблями маркиз Гамильтон писал королю: «Дела Вашего Величества в отчаянном состоянии. Восставшие здесь дошли до точки кипения и со слепым повиновением идут, куда им укажут их вероломные предводители… Вам будет очень сложно и дорого усмирить шотландцев силой, их мощь нарастает, их армия сильнее, чем можно себе вообразить». Гамильтон, сам по крови шотландец, заявил, что «ненавидит эту страну почти как ад». Неловкость положения Гамильтона усугубляла угроза, полученная маркизом от матери, что, если он вернется на родную землю с оружием, она сама его застрелит.

Карл не мог позволить себе «затрат» любого

рода. По самым лучшим оценкам, у него имелись деньги на содержание армии до конца лета, но не дольше. Однако в конце мая государственный казначей известил, что казна пуста. Рыцарь-маршал сэр Эдмунд Верней написал своему сыну, что «наши солдаты совершенно необучены, оружие всех видов совсем скверное, провиант скуден, а с фуражом для лошадей дело обстоит еще хуже».

Шотландцы быстро активизировались. Утром и вечером били барабаны, созывая солдат на молитву; каждый день они слушали две проповеди в поддержку правоты своего дела. Когда воины не были заняты военной подготовкой, они изучали Священное Писание, пели христианские гимны или вслух молились. Это была грозная сила. В начале июня они разбили военный лагерь у городка Келсо на шотландской границе. Король приказал графу Холланду вести на север 3000 солдат и выбить шотландцев из приграничного лагеря. Граф повел вперед свою кавалерию, чтобы проверить намерения шотландцев. Англичане поднялись на холм, с которого могли разглядеть противника у подножия холма. Холланд изготовился дать приказ об атаке, как показалась туча пыли, которая очень быстро приближалась; ее сочли признаком движения более крупной

шотландской армии. Англичане отступили организованно, но поспешно; осторожность, как и во многих других случаях, победила отвагу. Говорили, что их избавили от резни пресвитеры ковенантеров, которые всего лишь хотели, чтобы чужестранцы покинули их землю.

Это фиаско было двойным ударом по английским силам. Они не только потерпели унижение от шотландцев, но и шотландский полководец Александр Лесли, похоже, заранее знал об операции отряда Холланда. Выглядело так, будто в рядах англичан имелся шпион или предатель. Сэр Эдмунд Верней еще раз написал сыну: «Думаю, что король не дерзнет выйти из своих окопов. К каким советам он прислушается и что будет делать, я не могу предугадать». Всем стало ясно, что шотландская авантюра — огромная ошибка.

5 июня Александр Лесли подошел с армией в 12 000 тысяч человек и встал лагерем на холме примерно в 17,7 километра от позиции короля. Карл не испытывал страха да и других эмоций, за исключением разве что любопытства; он осмотрел шотландские силы в подзорную трубу. «Пойдемте ужинать, — сказал король, — их численность незначительна». Тем не менее он не мог позволить себе сразиться с противником.

Шотландцы были дисциплинированны и готовы идти в бой за «Корону Иисуса и Ковенант»; а Карл располагал лишь плохо организованной и в основном апатичной армией, уже мучительно осознавшей недостаток провианта.

Королю требовалось выиграть время, чтобы лучше подготовиться к вооруженному противостоянию. Шотландцы, в свою очередь, не хотели вторгаться в Англию; настроение взбудораженного народа в таком случае сделало бы их победу проблематичной. Можно было бы созвать парламент и удовлетворить материальные потребности короля. Война обещала быть тяжелой. Таким образом, сложились условия для перемирия и заключения договора. 11 июня шесть уполномоченных шотландцев и шесть представителей короля сели за стол переговоров в Бервике, в палатке графа Арундела, к ним присоединился сам Карл.

Один шотландский историк описал ковенантеров как «людей, не достигающих небес, но слишком высоких для земли». Однако на этот раз они желали по меньшей мере договориться с королем. Но переговоры в Бервике не принесли существенного результата. Неопределенности, неясности и оговорки были сутью всего разгово-

ра, и в конце, согласно Кларендону, «не нашлось и двух присутствующих, кто бы истинно соглашался с другим по поводу сказанного и сделанного…». Никто не говорил того, что имел в виду, или не имел в виду того, что говорил. Подписанный договор стал просто миром на бумаге, и в течение шести месяцев противники готовились к следующему, более серьезному конфликту. Первая Епископская война, война без назначенного сражения, подошла к концу.

Карл I рассчитывал повести блистательную армию к победе, но вместо того оказался вынужден заключить соглашение с народом, который фактически стал отдельной нацией, не подчиняющейся его власти. Шотландцы приобрели репутацию, которую сам он утратил. Терять власть ему было больнее, чем расстаться с жизнью. Он пришел к осознанию, что многие пэры и джентри не желают присоединяться к нему в этой распре. В итоге он распустил армию, не сказав ни слова благодарности никому из командиров, которые понесли убытки, приведя своих людей, и не воздав почестей преданным сторонникам. Графа Эссекса, одного из родовитых аристократов, которым король перестал доверять, без объяснений освободили от должности. Довольно скоро

он превратится в главного противника короля.

Карл испытывал тревогу и досаду. Когда шотландцы опубликовали документ с содержанием предмета договора, в Лондоне эту бумагу сжег городской палач. Однако ковенантеры заявили, что, отстаивая свои права, сражаются и за вольности англичан: они давали понять, что запрет их вероисповедания неизбежно приведет к уничтожению протестантизма в Англии.

Многие англичане соглашались с шотландцами в этом отношении, к ним принадлежали, например, Пим и Хэмпден. Таких англичан вдохновляло шотландское сопротивление упрямому и авторитарному королю. «Мятежники», или «недовольные», как называл их король, обеих стран вели переписку, надеясь разработать общую стратегию для защиты своей веры. Граф Нортумберлендский писал, что «Север теперь место рождения всех наших новостей». Театр действий трех королевств на тот момент переместился в Эдинбург, английская политика тесно переплелась с делами Шотландии.

Король также утратил и господство на море. Осенью 1639 года голландская эскадра заметила в Ла-Манше испанский флот и бросилась его преследовать. Испанцы укрылись на рейде у во-

сточных берегов графства Кент. Карл за хорошие деньги предложил взять испанцев под защиту и сопроводить их к берегам Фландрии, однако голландцы не желали терять свою добычу. Они получили подкрепление, атаковали испанские суда и потопили многие из них. Английский флот под командованием вице-адмирала Пеннингтона просто наблюдал, как нарушается неприкосновенность их вод. Морской путь в Дувр называли «имперскими покоями английского короля», но этот конкретный король не смог выполнить свою первейшую задачу по их защите.

Полное бессилие Карла было частью значительно более широкой проблемы внешней политики, где нуждающийся в деньгах и поглощенный шотландским вопросом английский король вынужден натравливать одну партию на другую, надеясь, что что-нибудь изменится. Требовалось одинаково потакать и Франции, и Голландии, и Испании.

27 июля, незадолго до отъезда из Бервика, Карл вызвал к себе эмиссара, посланного Томасом Вентвортом из Ирландии. Они имели продолжительную конфиденциальную беседу о делах, которые король не пожелал доверить бумаге. Вентворт уже говорил Карлу, что следует за-

ключить перемирие и отложить наступление на шотландцев до того момента, пока не будет полной уверенности в возможности их разбить. Теперь же король просто написал лорд-лейтенанту: «Приезжайте, когда захотите, вас примут с радостью». Карл уже начал разрабатывать план действий.

Вентворт возвратился из Дублина осенью того года и сразу занял место ближайшего советника короля. Он обладал уверенностью в себе и энергией, которых не хватало самому Карлу. Один придворный, сэр Филип Уорвик, сообщал, что «когда он двигался или сидел, задумавшись, выражение его лица было хмурым, но когда он говорил, не важно, серьезно или шутливо, то становился оживленным и очень обходительным».

Вентворт побуждал Карла взять шотландские дела в собственные руки и вдобавок созвать парламент, чтобы получить финансовые средства. Король, разумеется, ощущал не доверие, а отвращение к депутатам в Вестминстере, но Вентворт полагал, что сможет организовать дворцовую партию, которая будет в состоянии преодолеть сопротивление со стороны таких дерзких подозрительных фигур, как Пим и Хэмпден. Король к тому же избавится от обвинений в стремлении к

абсолютизму, в желании править без парламента и снова заслужит одобрение народа. Если же члены палаты общин не удовлетворят с готовностью его требования в условиях очевидной угрозы со стороны шотландцев, то весь мир будет видеть, кто виноват. В ближайшие же месяцы Вентворт получил титул графа Страффорда.

Итак, в конце 1639 года объявили о созыве парламента. Те, кто опасался полного отказа от конвенционного правления, встретили эту новость с облегчением. Однако другие не испытывали особого оптимизма, и венецианский посол доложил дожу, что «давно заржавевшие ворота парламента невозможно открыть без затруднений». Члены Королевского совета считали, что вновь избранный парламент, потрясенный наглостью шотландцев, поддержит своего монарха.

Всеобщие выборы прошли быстро, все стороны и группировки неформальным образом старались оказывать всяческую помощь выборному процессу. Только на шестьдесят два места происходили конкурентные выборы, остальных кандидатов выдвигали основные землевладельцы местности и муниципалитеты малых и крупных городов. Кроме того, членов парламента выбирали отдельные руководители, обладавшие

правом выдвижения. Конкурентные выборы считались признаком неспособности местной элиты решать дела удовлетворительным образом.

Выборы на конкурентные места были ареной поистине невиданного разделения голосов: такой состязательности в Англии не знали уже одиннадцать лет. Как только вышли распоряжения о выборах, двор направил списки желательных для него кандидатов. Местные пресвитеры энергично наставляли свою паству голосовать за пуританских кандидатов, а пэры, поддерживающие двор, частенько пытались подкупать или запугивать избирателей своих округов. Информационным листкам и речам не было числа, как и более туманным слухам и сплетням. Насилие и угрозы стали обычным явлением.

Естественно, партий в современном смысле слова не было, были отдельные люди с разными интересами и принципами, которые могли или не могли установить связь с теми, кто в значительной степени разделял их позиции. Некоторые из них представляли себя как «настоящих государственников», или «патриотов», которые играли на страхах людей по поводу налогов и папизма. Другие кандидаты пытались сплотить избирателей вокруг дела короля и стра-

ны — но общее настроение масс им не отвечало. Дворянин из Кента, сэр Роджер Твизден, сказал, что «простой народ так пострадал от корабельного налога, что теперь питает неприязнь к любому придворному»; в Лестершире составлявшие электорат фригольдеры выступали против одного кандидата, потому что «он придворный, стал шерифом и собирал корабельные деньги».

По известным оценкам, из примерно шестидесяти кандидатур, выдвинутых или поддерживаемых королевским двором, прошло только четырнадцать человек. Однако следует отметить, что большинство выбранных в парламент кандидатов вовсе не считали себя приверженцами короны в каком-либо конкретном смысле: это были люди, которые пришли в Вестминстер с живым пониманием местных проблем, а собравшись вместе, по-видимому, обнаружили, что имеют общие основания для недовольства.

И даже в это время продолжалась подготовка к следующей войне с Шотландией. Планировалось мобилизовать 30 000 пехотинцев из графств к югу от Хамбера, поскольку северные графства уже участвовали в предыдущей войне. Шотландские ковенантеры тоже не сидели сложа руки и готовились объявить призыв к оружию. Каза-

лось, войны не избежать. Группа ковенантеров приехала в Лондон, по слухам, для секретных переговоров со своими английскими союзниками.

Вновь избранный парламент приступил к работе 13 апреля 1640 года, в обстановке большого возбуждения. Чтобы посмотреть на происходящее в Вестминстере, супруге графа Бриджуотера посоветовали занять место у окна в шесть часов утра: позже толпы народа на улицах не позволили бы ей добраться до здания. Джон Финч, недавно назначенный на должность лорда — хранителя Большой государственной печати, от имени короля произнес вступительную речь, в которой сделал упор на угрозе королевству со стороны шотландцев: король для защиты страны вынужден мобилизовать армию и на ее содержание требуются деньги. Финч объявил, что уже подготовлен билль, где указаны все необходимые меры; парламенту остается только его принять. Тогда, и только тогда, можно будет перейти к обсуждению претензий отдельных членов палаты. Он заявил, что «король нуждается не в их советах, а лишь в немедленном голосовании по субсидиям». Финч ни единым словом не упомянул об основном источнике недовольства — корабельном налоге, который опять начали собирать.

Парламентарии не задержались с ответом на речь лорда — хранителя печати. В первый же день сессии граф Нортумберленд писал: «Их ревнивая подозрительность проявляется по каждому поводу. Боюсь, не удастся быстро заставить их поверить в прекрасные и милостивые обещания, которые дает король». В этом отношении граф был совершенно прав. Депутат от города Колчестер Харботтл Гримстон в своей речи заявил, что покушение на права людей внутри страны опаснее, чем амбиции любого внешнего врага. На следующий день в палату общин представили петиции разных графств с жалобами на незаконные поборы.

17 апреля Джон Пим взял слово и заговорил о природе парламентской власти. Он утверждал, что «полномочия парламента служат этому политическому органу как мыслительные способности душе человека». Он настаивал не только на традиционных парламентских правах, он очертил то, что представляло собой новую теорию управления государством без упоминания божественного права королей. Затем Пим перешел к религиозному вопросу и заклеймил новшества, введенные Лодом и его соратниками: они лишь создали «новые возможности для

дальнейшего раскола» и привели в смятение «истинно верующих людей». Недовольство, накопившееся за одиннадцать лет молчания, теперь излилось в виде критики корабельных денег, монополий, лесного законодательства и других предпринятых королем действий. Когда Пим опустился на свое место, его приветствовали криками «Прекрасная речь!».

В этом парламенте была одна группа, или фракция, которая помогла придать форму всей этой сессии. Компания The Providence Island изначально создавалась в помощь эмиграции «благочестивых» переселенцев на остров у побережья современной Никарагуа. Расчет был на то, что затем там сложится небольшое республиканское содружество, которое будет существовать на доходы от табака и хлопка. Среди инициаторов этого проекта были самые знаменитые пуритане страны, в том числе Оливер Сент-Джон, Джон Пим, Джон Хэмпден, виконт Сай и лорд Генри Брук; однако первым среди равных был граф Уорвик. Теперь все эти люди заняли места в обеих палатах парламента, где могли разрабатывать свою стратегию сообща. У них имелись как семейные, так и религиозные связи, что обеспечивало им единство и идейную силу практически

беспрецедентного уровня. Дворцовую партию, напротив, раздирали разногласия по поводу персоналий и общей политики.

21 апреля король собрал представителей обеих палат в Уайтхолле и потребовал предоставить ему финансовые субсидии. Два дня спустя палата общин посовещалась и запросила встречи с палатой лордов на том основании, что, «пока не будут определены права парламента и королевства, они не знают, чем могут распоряжаться». Подобный акт неповиновения привел Карла в большое раздражение. 1 мая палата общин подавляющим большинством решила вызвать на свое заседание клирика, который утверждал, что король имеет право устанавливать правовые нормы без парламента. Двор посчитал такое решение новым свидетельством неподчинения. На следующий день король потребовал немедленного ответа на свой запрос о субсидиях, реакция была уклончивой. 4 мая Карл направил новое послание, в котором дал согласие отказаться от взимания корабельного налога взамен на двенадцать субсидий общей суммой примерно в 850 000 фунтов стерлингов. Комитет палаты общин опять закончил работу без определенных результатов. Один из королевских советников,

сэр Генри Вейн, сказал королю, что теперь нет надежды, что они «дадут хоть пенни».

Для дворцовой партии стало ясно, что палата общин на самом деле не имеет желания поддерживать войну короля с Шотландией; предполагалось даже, что, возможно, общины испытывают симпатии к шотландским ковенантерам. Король пять раз просил субсидий — и пять раз получил отказ. Он дважды лично встречался с парламентом и не добился ощутимого результата. Он сделал попытку договориться, но его предложения молча отвергли. Он настаивал на безотлагательности принятия решений из-за неминуемого вторжения с Севера, но парламент проявлял медлительность и уклончивость.

Тут до короля дошли слухи, что под влиянием Пима теперь составляется петиция с просьбой заключить соглашение с шотландцами. Карл вызвал спикера и запретил ему на следующий день занимать свое место, чтобы исключить возможность провести дебаты. Затем король поспешил в палату лордов и 5 мая без долгих рассуждений распустил парламент. Поскольку этот парламент протянул всего три недели, его стали называть «Мертворожденным парламентом», а последующие поколения окрестили его «Корот-

ким». «Короткий парламент» ничего не добился, но изменил все. Он выразил разочарование и недовольство страны действиями короля, он превратился в народный форум, которого раньше не существовало.

Вновь избранный член парламента Эдвард Хайд, позже ставший более известным как лорд Кларендон, был безутешен. Он поддерживал короля, но не знал, что ждет его в будущем. Позже он написал про одного из лидеров парламентского мятежа, Оливера Сент-Джона: «Заметив мою печаль, он стал меня ободрять, говорить, что все будет хорошо, потому что дела всегда идут хуже, прежде чем пойти на лад». Сент-Джон добавил: «Мы должны не только чисто вымыть дом внизу, но и вымести всю паутину, которая накопилась наверху и по углам». Он рассчитывал, что кризис — или беда — изменит привычный порядок.

Здесь будет уместно представить еще одного депутата. Сэр Филип Уорвик попал в парламент осенью того года и «обратил внимание на незнакомого дворянина, весьма посредственно одетого: на нем был сюртук из гладкокрашеного сукна, сшитый, казалось, плохим сельским портным; белье простое и не слишком свежее»: «Я помню пару пятен крови на его галстуке, слишком

большом по размеру для воротника; его шляпа не имела ленты. Он был хорошего телосложения и с клинком на боку; лицо опухшее и красноватое; голос резкий, неприятный, но говорил он со страстью».

Таков был молодой Оливер Кромвель, просидевший незамеченным на парламентских сессиях 1628 и 1629 годов. Теперь он обрел голос.

Сразу после объявления о роспуске парламента собрался Королевский совет. Недавно пожалованный граф Страффорд, согласно записям того времени, посоветовал королю «продолжать решительную войну, как вы изначально планировали, не считаясь с правилами управления в условиях крайней необходимости. Необходимо сделать все, что позволяет власть». Он добавил: «У вас есть армия в Ирландии, которую вы можете использовать здесь, чтобы усмирить королевство». Было не вполне ясно, какое «королевство» требовалось усмирить, и эта неясность очень дорого обойдется графу Страффорду.

Роспуск парламента вызвал широкое недовольство нации. Созыв первого за одиннадцать лет парламента приветствовали как достижение, как освобождение из неволи, однако он закончился провалом. Кларендон вспоминал, что «нельзя

было себе представить большего разочарования, охватившего весь народ». Король винил «коварство немногих мятежников», он искренне верил, например, что члены компании The Providence Island совместно с шотландскими врагами старались нанести ему поражение.

Однако многие в Лондоне и по всей стране были готовы возлагать вину на короля и его советников, а прежде всего на графа Страффорда и архиепископа Лода. Страффорд получил прозвище «Черный Том Тиран», ненависть к нему соединялась с подозрением, что он действительно замышлял привести ирландскую армию на подавление недовольства в Англии. Тем не менее главной целью по-прежнему оставался Уильям Лод. По мнению многих, именно он имел тайную власть при королевском дворе.

7 мая, через два дня после роспуска парламента, в Тайный совет вызвали лорд-мэра Лондона вместе с членами городского управления и приказали им предоставить королю заем в 200 000 фунтов. В случае отказа они должны были в трехдневный срок вернуться в Совет со списком самых богатых лондонцев, которые могут обеспечить необходимую сумму. 10 мая они явились, но список не принесли. «Сэр, — сказал королю

Страффорд, — вы никогда не научите хорошему жителей Лондона, пока не преподадите урок нескольким членам городского управления. Если не повесить несколько человек, никто ничего не поймет». Король не стал казнить, но четверых отправил в тюрьму. Этот шаг добавил масла в огонь, который уже стремился выплеснуться на улицы города.

На Королевской бирже и в других местах появились плакаты, призывавшие подмастерьев собраться в Саутуарке на Сент-Джордж-Филдс и «поохотиться на лиса Уильяма, разрушителя парламента». Вечером 11 мая толпа в 500 человек попыталась атаковать дворец архиепископа в Ламбете, протестантов отогнал огнестрельным оружием правительственный отряд. Через три дня тюрьмы, в которых содержались некоторые мятежники, были разбиты, а арестованные освобождены. В столицу вызвали военные отряды из Эссекса, Кента и Хартфордшира, и они успешно восстановили видимость мира. Однако были и жертвы. Одного из захваченных подмастерьев по приказу короля пытали на дыбе в тщетной надежде, что он назовет своих сообщников. Его преступление состояло в том, что он бил в барабан в авангарде мятежников. Это был последний

случай пыток по закону в английской истории. Одного моряка признали виновным в государственной измене за попытку открыть ломом ворота дворца в Ламбете. Его повесили, выпотрошили и четвертовали в качестве наказания за столь ужасное преступление.

Гнев в отношении архиепископа усиливали дискуссии по поводу Конвокации. Этот орган высшего духовенства всегда собирался во время работы парламента, но на этот раз его не распустили после резкого завершения последней короткой сессии. Конвокация продолжала заседать, выделила субсидию королю и ввела семнадцать новых канонов, прославляющих власть монарха. Священникам было приказано четыре раза в год читать проповедь на тему божественного права. Кроме того, вышло распоряжение, что весь клир должен дать клятву поддерживать и доктрину, и дисциплину государственной церкви и не допускать изменений в ее управлении «архиепископами, епископами, деканами, архидиаконами и т. д.». Клятву иронически назвали «Клятва и т. д.». Как могли клирики подчиняться постановлению, содержание которого было так неопределенно? В любом случае без одобрения парламента это решение оставалось незаконным.

Когда канцлер епископа Лондонского вошел в одну из церквей, чтобы потребовать принесения клятвы, а перед ним внесли большой жезл власти, церковный сторож остановил его со словами: «Мне нет дела ни до вас, ни до вашего артишока». Новые каноны высмеивали таким же образом. На рисунке Венцеслава Холлара изображалось, как несколько священников стоят вокруг неисправной пушки, а Лод ее поджигает. Подпись под рисунком обещала, что выстрел убьет самих стреляющих:

Эта пушка запечатана, хорошо выкована, а не сделана из свинца.

Поджигай! О нет, она взорвется, и огонь поразит нас насмерть[34].

Шотландцы с воодушевлением воспринимали события в Англии. В начале июня в Эдинбурге собрался парламент, несмотря на все усилия Карла отсрочить его работу. Члены парламента теперь знали, что английский народ больше не намерен поддерживать короля. Вопреки королевскому желанию они придали силу закона различным актам, которые удаляли епископов из Кирки

[34] Примечания: 34

This cannon's sealed, well forg'd, not made of lead / Give fire. Oh no, 'twill break and strike us dead.

(Шотландской национальной церкви) и фактически сокращали власть короля. Это подразумевало объявление войны.

Однако что же мог сделать король? Он не сформировал армейского пополнения, войска по-прежнему стояли в Ньюкасле и после последнего вооруженного противостояния не получили ни дополнительной подготовки, ни дополнительного снабжения. Карл снова потребовал от Лондона корабельные деньги. Шерифы ходили из дома в дом, чтобы собрать налог, но лишь один человек во всей столице согласился его заплатить. Планы получить займы от Франции и Генуи провалились.

Английских рабочих и ремесленников опять заставляли идти в королевскую армию, чтобы сражаться за дело, которое их мало волновало. Из большинства южных графств поступали донесения о беспорядках, один из первых открытых бунтов случился в Уорвикшире. Несколько солдат из Девона, стоявших в Веллингтоне, Сомерсетшир, убили лейтенанта католического вероисповедания, который отказался идти с ними в церковь. Когда все эти озлобленные, недовольные, против воли призванные новобранцы прибыли в Селби, Северный Йоркшир, их коман-

дир назвал их «главными негодяями страны». Так началась Вторая Епископская война.

19. Большая и опасная измена

В июле 1640 года командующий силами ковенантеров Александр Лесли начал создавать ядро армии, чтобы дать бой уже на территории Англии, вначале он планировал захватить Ньюкасл. Шотландский военачальник не сомневался, что, овладев минеральными ресурсами Ньюкасла, сможет оказать давление на Лондон, зависящий от «морского угля» как основного топлива. Лесли полагал, что не встретит сопротивления со стороны северных графств: разгон парламента и общая уверенность в существовании «папистского заговора», возглавляемого Лодом, положили конец желанию англичан воевать с Шотландией. Агенты шотландца в Англии фактически убедили его, что следующий парламент, когда соберется, будет требовать заключения мира; в противном случае он не санкционирует финансовой поддержки королю. Возможно, у него были и более тесные связи. Весьма вероятно, что лидеры «благочестивого» дела в Англии фактически побуждали шотландцев к вторжению, чтобы ограничить или уничтожить власть авторитарного короля.

Соответственно, поход Лесли одни бы приветствовали, а другие восприняли бы спокойно.

Утром 20 августа король отправился из Лондона к своим войскам на севере. Той же ночью шотландская армия в 25 000 человек форсировала реку Твид. Как только шотландцы вступили на английскую территорию, их пресвитеры образовали авангард, держа в руках Библии. Вышла декларация, что они идут не на англичан, а на папистов, арминианцев и прелатов. Они останутся в Англии, пока новый парламент не услышит их обиды.

Кроме того, шотландцы сообщили жителям Нортумберленда, что не возьмут ни еды, ни питья, не заплатив за них должную цену: они вели себя дисциплинированно и уважительно. Томас Вентворт, граф Страффорд, рассчитывал, что один вид захватчиков приведет в бешенство всех добропорядочных англичан, но этот расчет не оправдался. Английский командующий на севере, виконт Конвей, отмечал, что «население на самом деле оказывает им всю возможную помощь. Многие местные дворяне посещают шотландцев, развлекают и угощают их». В Лондоне после отъезда короля воцарилось полное замешательство. Сэр Николас Байрон, придвор-

ный, писал: «Мы здесь и везде в таком смятении, будто вот-вот наступит Страшный суд». Коменданту Тауэра приказали подготовить крепость к возможной осаде. Тем временем шотландцы спокойно продвигались на юг.

Виконт Конвей получил приказ укрепиться на берегах реки Тайн и защищать Ньюкасл. Две трети войск он оставил для обороны города, а остальные поставил примерно в 6,5 километра выше Ньюкасла, у брода на реке Ньюберн. Шотландцы заняли господствующую высоту на северном берегу реки, откуда обстреливали противника. Английские солдаты, не привыкшие к артиллерийскому огню, бежали, как только появились первые убитые. Кавалерия тоже беспорядочно отступила. Это была первая крупная победа шотландцев над англичанами за прошедшие 300 лет. Карл I потерпел поражение на поле боя — самое значительное пятно для чести любого короля. Битву при Ньюберне можно также считать первым боем гражданской войны, поскольку две противоборствующие партии сражались на английской земле.

После позорного разгрома английская армия отступила к границам Йоркшира, оставив графства Дарем и Нортумберленд в руках неприятеля.

Ньюкасл уже находился в осаде. Из городка Норталлертон в графстве Северный Йоркшир, куда он приехал к отступающей армии, граф Страффорд написал своему другу сэру Джорджу Рэдклиффу: «Пожалей меня, потому что еще никому не доставалось такого безнадежного дела. Наша армия совершенно беспомощна и не обеспечена самым необходимым… Конница вся труслива; земля от Бервика до Йорка во власти шотландцев; царит всеобщий ужас; повсеместная неприязнь к королевской службе, никто не осознает своего позора. Одним словом, я здесь один сражаюсь со всеми этими изъянами, ни на кого нельзя положиться. Господь милосердный, избавь меня от этой самой большой беды моей жизни».

Известие о поражении короля под Ньюберном в Лондоне отметили торжествами. Двенадцать пэров пуританского вероисповедания, в том числе графы Уорвик и Бедфорд, в традиционной манере подали монарху петицию, в которой призывали дать возможность парламенту разрешить претензии и беды государства. Они утверждали, что «все королевство наполнилось страхами и недовольством». Петиционеры следовали тщательно разработанной стратегии. Если Карл откажется последовать их совету, они изготови-

лись сами созвать парламент, точно так же, как угрожали пэры Генриху III почти 400 лет назад.

Король отреагировал совершенно средневековым образом. Он получил петицию, будучи в Йорке, и тут же созвал большой совет пэров. Наверное, он надеялся получить от них крупные суммы денег без помощи парламента, однако этой его надежде не суждено было оправдаться. Архиепископ Лод отличался более реалистичной позицией и считал, что большой совет неизбежно приведет к созыву нового парламента, что не сулит ничего хорошего.

Так, 24 сентября английские пэры собрались в зале настоятеля собора в Йорке. Они представляли собой огромную общественную силу: не только управляли местным населением, но и обладали политической властью, оказывая влияние на выборы в графствах и городах. Во вступительной речи к аристократическому собранию король объявил, что действительно созовет парламент в начале ноября. Предполагалось, что после такого обещания финансовые и коммерческие круги Лондона будут готовы ссудить ему деньги. Далее Карл сказал, что в королевстве находится «армия бунтарей» и он ждет от пэров рекомендаций, как «справедливо осуществить наказание такой

дерзости».

В последовавших дебатах было решено, что следует направить уполномоченных на переговоры с мятежниками. Шотландцы уже потребовали денег от северных графств, куда пришли. Теперь они настаивали, чтобы выплаты поддержали ведущие представители джентри, а Карл созвал парламент, на котором можно будет согласовать мирный договор. Другими словами, Шотландия доверяла больше парламенту, чем королю. На этих условиях шотландцы соглашались остаться там, где находятся сейчас, и не продвигаться дальше в несчастное и разобщенное королевство.

Переговорщики обеих сторон встретились в городке Рипон, где постановили, что король будет выплачивать шотландцам 25 000 фунтов стерлингов в месяц до заключения мирного договора. По-видимому, предполагалось, что только парламент в состоянии предоставить подобную сумму. Пэров в Йорке спросили, принимать или отвергнуть достигнутое перемирие. Естественно, споров не последовало. Королю ничего не оставалось, как пойти на условия захватчиков и созвать парламент. Эксперимент по абсолютной монархии подошел к концу.

В дневниковой записи за 30 октября Джон

Ивлин отметил: «Я видел, как Его Величество (возвращаясь из северной экспедиции) ехал верхом торжественно и под своего рода аплодисменты, со всеми признаками удачного мира, восстановивший к себе любовь народа. Его сопровождала по улицам Лондона великолепнейшая кавалькада». Эдвард Россингем написал виконту Конвею: «Мы здесь все сходим с ума от радости, что Его Величество все-таки созывает парламент и передает шотландское дело в руки лордов, которые, как все надеются, заключат мир при любых условиях». Граф Нортгемптон считал «слово из трех слогов», то есть парламент, «подобным райской свежести».

Другие не испытывали такого оптимизма. За несколько дней до прибытия короля в Лондон архиепископ Лод вошел в свой кабинет за какими-то документами и обнаружил, что его портрет кисти Ван Дейка валяется на полу лицом вниз. Он был очень суеверным человеком. «Почти каждый день мне угрожают крахом в парламенте, — признался он в своем дневнике. — Дай Бог, чтобы это не было дурным предзнаменованием».

«Благочестивые» парламентарии хорошо подготовились. Они собрались в доме Джона Пима, неподалеку от Грейз-Инн, где детально обсудили

свои планы. Их стали называть кликой во главе с Пимом в палате общин и представителем графом Бедфордом в палате лордов. Они знали диспозицию шотландцев, а ковенантеры, в свою очередь, рассчитывали на помощь английских друзей в парламенте во внесении необходимых изменений в религии. Таково было «Протестантское дело».

Голосование на выборах в парламент приняло исключительно боевой характер: восемьдесят шесть конкурентных мест за пределами привилегированного магического круга с единственным назначаемым парламентарием. Королевская партия снова оказалась в невыгодном положении, поскольку придворные и их приспешники не отвечали местным и религиозным интересам. Например, из двенадцати юристов, выдвинутых королем на выборы, назначили только троих. 3 ноября Карл отправился в новый парламент по воде, чтобы избежать публичности. Посол Венеции отметил, что отсутствие церемониала «ярче другого показывает подданным, что король соглашается присутствовать только по принуждению… а не по собственной доброй воле, чтобы порадовать свой народ». Кто мог предположить, что этот парламент проработает, пусть и с пере-

рывами, почти двенадцать лет?

Как только парламентарии собрались на дебаты, члены палаты общин представили перечень претензий к поведению королевских советников, главным образом Страффорда и Лода. Роспуск «Короткого парламента», который не успел согласовать никаких реформ, не улучшил настроя его членов: 60 % из них заседали в предыдущем созыве и теперь были как никогда воинственны. Однако самую большую группу в палате общин по-прежнему составляло поместное дворянство, чрезвычайно консервативное и не склонное к новациям. Они не хотели разрушать королевскую власть, или ортодоксальную структуру. Они хотели восстановить прежнюю модель правления. Тем не менее их тоже прискорбно разочаровали. Они видели, что король проиграл войну. Они отметили, что он отворачивается от своих настоящих приверженцев. Они замечали его в обществе папистов, окружавших королеву. Они лицезрели нарушение законности и порядка в своих регионах.

Теперь все парламентарии осознали собственную мощь. Они поняли, король уверен в том, что его выручат из затруднительного положения: если парламент не выделит ему субсидии, он не

сможет выплатить шотландской армии оговоренные деньги. Тогда Александр Лесли может пойти и на Уайтхолл, раз уж не будет английской армии, чтобы помешать его наступлению. Следовательно, пока шотландцы остаются в Англии, парламент играет главную роль.

В дебатах, последовавших после открытия сессии, один член палаты отметил как общеизвестный факт, что судьи сокрушили судебную процедуру, а епископы — литургию. Другой упомянул, что некоторые из приближенных короля подготавливают папистский заговор. Еще один поднялся с претензией, что существующее правительство самое слабое за несколько поколений и не принесло ничего, кроме национального позора; прозвучало мнение, что те, кто громче остальных превозносили королевскую власть, как раз и пускали на ветер деньги короны.

Когда со своего места встал Джон Пим, члены палаты уже находились в большом возбуждении. Пим начал речь словами, что «беды нашего времени всем хорошо известны». Основную часть горечи он приберег для самого Страффорда, которого считал автором «умысла изменить закон и вероисповедание». Многие современники и коллеги принимали позицию Пима. Шотландцы

полагали, что именно Страффорд спровоцировал войну между двумя народами. Пуритане искренне ненавидели графа. Представители Сити, теперь как никогда могущественные, помнили, как он угрожал повешением членам их городского управления, олдерменам. В период своего пребывания на посту наместника Ирландии граф Страффорд ввел там единоначалие, и люди не сомневались, что он хочет повторить этот эксперимент в Англии.

Страффорд осознавал риски своего положения. Он мог бы оставаться в Йорке, вне досягаемости парламента, но король настоял, чтобы он присоединился к нему в Уайтхолле. Карл заверял Страффорда, что «не пострадает ни его персона, ни честь, ни состояние». Обещания короля в данном случае ничего не стоили. Страффорд написал, что «завтра в Лондоне я, полагаю, буду иметь больше опасностей, чем кто-либо видел в Йоркшире…».

Джон Пим, в свою очередь, тоже имел основания опасаться Страффорда. Когда 9 ноября граф прибыл в Лондон, он посоветовал королю представить доказательства, изобличающие Пима и его соратников в предательских контактах с шотландцами. Эти свидетельства, вероятно пере-

хваченные письма, так никогда и не всплыли. До Вестминстера дошли слухи, что Страффорд готов «обвинить в государственной измене разных членов обеих палат парламента»; в их число, несомненно, войдут Уорвик, Сай и Генри Брук из палаты лордов вместе с Пимом, Хэмпденом и другими из палаты общин.

Король и его советники решили, что следует немедленно усилить укрепления Тауэра; эти действия рассматривались как предупреждение для представителей Сити. Тауэр был вероятным местом назначения для тех, кого готовились арестовать. Приводили слова Страффорда, что «он рассчитывает быстро подавить Сити». Ждали, что 11 ноября король приедет в Тауэр инспектировать гарнизон.

В тот день молва о неудавшемся перевороте достигла Вестминстера. В палате общин приказали удалить из вестибюля всех посторонних. Страффорд занял свое место в палате лордов, но ничего не говорил — он ждал удобного момента. Однако Пим знал об обвинениях против него и его товарищей. Ему требовалось устранить Страффорда, пока Страффорд не уничтожил его. Как говорится, или я тебя, или ты меня.

В речи, произнесенной в палате общин, Пим

обрушился на одного из самых видных союзников Страффорда, сэр Фрэнсиса Уиндебэнка, за умалчивание папистского заговора. Можно было воспринимать эту атаку как нападение на самого Страффорда или нет, но то был способ, которым Пим мог проверить готовность коллег к действиям против его врагов. Теперь другой парламентарий, Джон Клотуорти, предположил или намекнул, что Страффорд планировал использовать ирландскую армию, «готовую идти куда угодно», в подавлении недовольства в Англии.

Тут же внесли предложение создать комиссию для консультаций с палатой лордов по поводу этих обвинений. Комиссию наполнили врагами Страффорда, быстро составили и представили палате общин «обвинение» против графа. Некоторые члены палаты настаивали на осмотрительности и отсрочке атаки на Страффорда, но Пим ответил, что любое промедление «может, вероятнее всего, разрушить все наши надежды».

После этого Пим в окружении других членов палаты отправился в палату лордов, чтобы обвинить Страффорда в государственной измене и рекомендовать «изолировать его от парламента». Если лорды пожелают узнать основания такого серьезного обвинения, то «конкретные

статьи и пункты» против него будут доставлены им в скором времени. Страффорду рассказали о происходящих событиях. «Я пойду, — сказал он, — взгляну в лицо моим обвинителям». Нужно сказать, что и сами лорды имели массу претензий к заносчивому, неприятному советнику короля и, когда Страффорд вошел, приказали ему удалиться. Затем был принят приказ о передаче Страффорда под надзор герольдмейстера палаты лордов. Графу сказали войти в зал и, стоя на коленях, выслушать решение лордов. Он попросил разрешения высказаться, но получил отказ; прежде чем вывести, у него забрали оружие.

В «Истории мятежа» Кларендон написал, что толпа взирала на Страффорда без тени сочувствия, «никто не снимал перед ним головной убор в знак уважения, тогда как еще утром самые знатные люди в Англии сделали бы это без всяких размышлений».

Кто-то спросил Страффорда: «Что произошло?»

«Пустяк, уверяю вас», — ответил он.

На его слова тут же отозвались: «Да, конечно, государственная измена совсем пустяк».

Страффорда фактически удалили из общественной жизни, Карл лишился своего главного советника. Широко распространилось мнение,

что этим сделано большое дело. Королю пришлось выводить гарнизон, который он ввел в Тауэр, и снимать недавно установленные орудия. Его попытка принудить своих противников к повиновению или внушить им благоговейный страх потерпела крах, он получил еще один из тех унизительных ответных ударов, что стали характерны для его правления.

Ликвидировав угрозу роспуска или государственного переворота, парламент смог начать работу, как он считал, по всеобъемлющему восстановлению страны. 17 ноября объявили общенародный пост, чтобы заручиться помощью Бога в этом деле. Было создано около шестидесяти пяти комиссий для расследования всех случаев злоупотреблений и коррупции. Одна из комиссий занималась розыском и смещением «преследовавших за веру, вводивших неподобающие реформы и скандальных» чиновников, мировых судей и других королевских служащих. Когда члены комиссий запросили «информацию от всех сторон» для помощи их делу, в Вестминстер пришли сотни людей с собственными конкретными жалобами.

Тогда была создана отдельная комиссия для рассмотрения их претензий. Руководили работой

этой комиссии Уорвик, Генри Брук, Эссекс, Бедфорд, Сай и их соратники. Комиссия расположилась в Расписной палате и стала альтернативным судом, действующим по нормам статутного и общего права, который рассматривал все аспекты деятельности правительства. Прежде парламент собирали только для того, чтобы провести деловые операции короля, теперь же он занялся государственными делами, никак не учитывая короля.

Доказательства против Страффорда представили 24 ноября 1640 года, они были сформулированы в первой статье официального обвинения. Палате общин предлагали объявить, что «Томас, граф Страффорд, вероломно пытался низложить основные принципы права и управления королевствами Англии и Ирландии и вместо них установить произвольное деспотическое правление вопреки закону». В речи к палате общин Пим утверждал, что свидетельств достаточно для обвинений в большой, опасной измене, вдохновляемой злым умыслом и нацеленной на огромный ущерб. Он обвинил графа в стремлении посеять вражду между королем и его подданными. Стало ясно, что нельзя позволить Страффорду остаться в живых; если он избежит обвинения

в измене, то может превратиться в средоточие роялистских надежд и даже предвестие восстановления беспарламентского правления.

В конце ноября три фанатика, которых искалечили и посадили в тюрьму по указанию архиепископа Лода, — Принн, Бертон и Баствик — с триумфом возвратились в столицу; на шляпы они прикололи розмарин и лавр, под ноги им летели цветы. Розмарин символизировал память, а лавр — победу. Для Генри Бертона, пуританского пресвитера, это был «добрый славный день, момент, когда поднимающееся над Англией солнце праведности готовилось пролить на нас свой свет». Этот яркий рассвет все еще зависел от ковенантеров на севере, и в первые дня декабря парламент проголосовал за выделение субсидий для шотландской армии.

Обсуждение религиозных вопросов было главным в первой сессии этого собрания, которое известно под названием «Долгий парламент». Они перевешивали все проблемы светского управления. Благочестивые уже пустились преследовать арминианцев. Толпа лондонцев ворвалась в собор Святого Павла, разбила престол и разорвала книгу с новой литургией. На Стаурбриджской ярмарке проповедник возмутил толпу, выкрикивая

«Простите! Простите! Простите!» за идолопоклонническую мессу, предписанную властью. В городе Брислингтон графства Сомерсет смещенный с должности пресвитер проповедовал своей пастве на улице в тени деревьев, теперь же приход вернул его в церковь и вручил ему ключ.

11 декабря жители Лондона обратились в парламент с петицией «реформировать церковное управление». В обращении заявлялось, что «управление архиепископов и лордов-епископов, диаконов и архидиаконов и т. д. … пагубно и очень опасно как для Церкви, так и для государства»; таким образом, требуется ликвидировать это церковное управление «со всеми его пристройками, корнями и ветвями». Пятнадцать сотен поддерживающих петицию лондонцев собрались во дворе Вестминстера, хорошо одетые, дисциплинированные и уравновешенные. Передав петицию, они мирно разошлись по домам. «Основательную петицию», как стало известно, Пим передал в комитет, где она пролежала несколько месяцев.

Под рукой имелись более экстренные средства. 16 декабря парламент признал незаконными каноны, принятые Конвокацией весной того года, среди них и «Клятву и т. д.». Теперь пришло

время атаковать самого архиепископа. 18 декабря Лоду предъявили обвинение и арестовали. Его обвинили в продвижении догматов, поддерживающих произвол королевской власти, а также в использовании судов как для навязывания нововведений в богослужение, так и для подавления истинно верующих. Один из членов парламента, Харботтл Гримстон, назвал Лода «корнем и почвой всех наших невзгод и бедствий». Вскоре к Лоду в Тауэре присоединились и другие епископы. Епископу города Или Мэтью Рену придется провести в заключении семнадцать лет. Парламенту дозволялось быть не менее мстительным и деспотичным, чем король, наверное, потому, что обе партии верили, будто исполняют волю Божью.

На двери часовни Святого Стефана кто-то нацарапал призыв «Помните о судьях». Их время тоже было не за горами. Все, кто в своих судебных решениях поддерживал короля, попали под следствие или под арест. Многие королевские придворные бежали от надвигающейся бури. Сэра Фрэнсиса Уиндебэнка, которого Пим обвинил в замалчивании католического заговора, ночью на веслах перевезли через Ла-Манш. Лорд — хранитель печати Финч бежал из страны в Голландию

в тот день, когда ему предъявили обвинение.

Члены парламента теперь решили нарастить свои возможности. 24 декабря было предложено, чтобы ответственными за выплату денег шотландцам стали «английские лорды-уполномоченные», что фактически означало «лорды-пуритане», которые летом подали петицию о созыве парламента. Через пять дней Пим выступил за то, чтобы таможенные чиновники, которые были главными финансовыми агентами короля, «воздерживались от любых выплат» в казну до санкции парламента, — предложение Пима приняли единогласно. Теперь король не имел средств на оплату даже собственных домашних расходов.

Кроме того, на последней неделе декабря парламент согласовал, что должен собираться в фиксированные сроки при содействии или без такового со стороны короля. Был принят «Трехгодичный акт», чтобы обеспечить созыв парламента не реже одного раза в три года. Венецианский посол докладывал, что «если этот механизм будет введен, то бразды правления полностью перейдут к парламенту, а королю, лишенному денег и всей власти, останутся только представительские функции и симуляция деятельности». Оставалось

посмотреть, готов ли Карл уступить свою власть. Борьба только начиналась.

20. Безумие и ярость

Новый, 1641 год стал для благочестивых временем ликования. Это был год, когда, по выражениям того времени, за периодом «большой скорби» последовала эпоха «своевременных милостей». Некоторые писатели датировали свои сочинения *annus mirabilis* (судьбоносный год) или *anno renovationis* (год возрождения). Это был золотой год, в который страна удостоилась Божьей доброты и милосердия. Памфлетист Джон Бонд в «Ликовании Англии на возвращение парламента» радовался, что «паписты трепещут… арминианцы повержены… жрецы Баала стенают о своей судьбе». Однако роялистам этот год принес массу бедствий, которые начались с битвы при Ньюберне.

Король оказался в отчаянном положении: его власть и государственные доходы были под угрозой, а главные советники томились в Тауэре. Генриетту Марию приводила в ярость ситуация при королевском дворе, она продолжала настаивать на более решительных мерах в отношении врагов ее супруга. Королева даже отправила в

Ватикан просьбу о крупном займе, по-видимому с намерением собрать армию.

Сам Карл не капитулировал перед угрожающей ему катастрофой. Он пребывал в добром здравии и не был склонен к тревожности, соблюдал ежедневный распорядок молитвы и физических упражнений, наслаждался прекрасным аппетитом. Король ничуть не сомневался в том, что враги помазанника Божия в конце концов падут и все изменники со временем предстанут перед судом.

23 января Карл собрал обе палаты парламента в Банкетинг-Хаусе, Уайтхолл, и произнес речь, в которой посетовал по поводу помех, воздвигаемых на его пути теми, кто «не видит разницы между усовершенствованием формы правления и ее деформацией». Тем не менее он желал бы найти компромисс и пообещал вернуть законы о религиозном устройстве к «чистейшим временам правления королевы Елизаветы». Далее он заявил: «Если какая-либо часть моего дохода будет найдена незаконной или тяжелой для подданных, я с готовностью соглашусь на снижение». Король в самом деле отменил взимание корабельного налога и сократил все другие сомнительные меры извлечения средств из населения.

Положение самого преданного слуги короля по-прежнему оставалось нерешенным. При дворе уже ходили разговоры, что Страффорду придется рассчитывать на собственные заявления о невиновности, а если не получится, то на помилование парламента. Карл был не склонен сражаться за своего бывшего советника; король, по-видимому, понял, что только смерть Страффорда может стать прологом к желаемому примирению с народом. В конце месяца графу предъявили обвинения. Двадцать восемь отдельных статей, покрывающих четырнадцать последних лет его карьеры, заняли более двух сотен листов бумаги.

В начале февраля палата общин проголосовала за выделение 300 000 фунтов стерлингов шотландцам, назвав эти деньги «братской помощью». Нельзя было разобщать два народа, в данный момент они нуждались друг в друге ради противостояния с королем. Им также требовался «Трехгодичный акт», который гарантировал созыв парламента на регулярной основе. Этот закон наносил тяжкий удар по королевской прерогативе, и Карл очень не хотел его утверждать: его власть будет ограничена, а авторитет поставлен под сомнение. Тем не менее 16 февраля его убедили пойти на уступки в этом вопросе.

Определенную роль сыграло напоминание, что в случае отказа он не получит никаких денег. Тогда король в старой нормандской манере объявил: *Le roi le veut* («Король этого желает»). Душу его разъедала ярость. Этот акт ставил его в зависимость от парламента и придавал собранию постоянный статус, чего никогда раньше не было. В Лондоне звонили колокола. Граф Лестер записал в своем цитатнике, что теперь «парламент как институт никогда не умирает и не прекращает свое существование со смертью короля, то есть королевская кончина не означает роспуска парламента, и совсем не похоже, что парламентарии устанут от своего бессмертия».

Уже пошли разговоры, что вот-вот появится новый Тайный совет, который будет отвечать желаниям как короля, так и палаты общин. Графу Бедфорду предстояло стать государственным казначеем, его помощнику в палате общин Джону Пиму — канцлером казначейства, а графу Бристолю — лордом — хранителем Малой печати. 19 февраля семь членов пуританской фракции назначили в тайные советники, в том числе виконта Сая и графов Эссекса и Бедфорда. Кларендон в своей «Истории» писал, что все они были «персонами, в тот момент настроенными

очень хорошо к английскому и шотландскому народам… всех недолюбливали при дворе, а большинство из них находилось в явной немилости».

Король косвенно объявил себя человеком умеренных взглядов, готовым простить бывших врагов, а также скорректировать политику в свете предъявленных ему претензий. Однако в то же время ему удалось расколоть ряды оппозиции. Многие в парламенте не разделяли энтузиазма шотландских ковенантеров и не имели желания видеть, как английскую церковь будут изменять в угоду их требованиям; других уже начинали раздражать суммы, которые тратились на содержание шотландской армии в английских северных графствах. Если Карл смог бы добиться поддержки таких людей, он бы получил в парламенте опору для борьбы с оппозицией.

Компромисс с пуританами парламента в итоге не сложился. Король настаивал на том, что для получения государственных должностей, которые он им пообещал, они должны согласиться оставить епископов в палате лордов и сохранить жизнь Страффорду. Они, в свою очередь, требовали сначала провести назначение на должности. Большое урегулирование оказалось невозможным.

24 февраля Страффорда доставили из Тауэра в зал заседаний палаты лордов для дачи ответов на выдвинутые ему обвинения. С удивлением было замечено, что король занял свое место на троне, обозначив таким образом поддержку графу. Однако, когда Карл в конце концов удалился, лорды приняли решение, что слушание придется начать сначала. Страффорд защищался красноречиво и с остроумием, что ставило под большое сомнение исход судебного заседания. Через несколько дней поступило сообщение, что парламентские лидеры не знают, как вести это дело. Объявить Страффорда изменником не составляло труда, гораздо труднее было доказать обвинение в открытом слушании.

Суд над Страффордом открылся 22 марта. Его на барже доставили из Тауэра в Вестминстер-Холл. Он был драматически одет во все черное в качестве знака скорби, да и сам зал участники процесса стали называть «театром». Это был спектакль, который мог бы предвосхитить судьбу страны, поскольку обвиняемый сражался за собственную жизнь и дело короля. Переговоры, естественно, продолжались и за кулисами. Пуританские вельможи были готовы сохранить Страффорду жизнь, например если бы король

согласился даровать им важнейшие государственные должности.

В первый день судебного заседания пэры заполнили места по обе стороны зала; с каждой стороны от пэров располагались места для членов палаты общин. Комиссия палаты лордов уже приняла решение, что не подобает королю лично присутствовать в суде, поэтому в северном конце импровизированного зала суда стоял пустой трон, а король с королевой на самом деле сидели позади трона, как в театральной ложе. Страффорду пришлось стоять на помосте в южном конце зала лицом к членам обеих палат парламента. Зрительный образ, задуманный Иниго Джонсом, создавал впечатление, будто один человек противостоит всем представителям страны. Зал был битком забит зрителями, которые сильно шумели и «грохотали». Один свидетель, Роберт Балли, отметил, что многие «открыто ели, причем не только сладости, но и хлеб с мясом, часто передавали друг другу бутылки с пивом и вином без всяких бокалов».

Когда Страффорду зачитали двадцать восемь статей обвинения, он улыбнулся: ему уже были ясны юридические сложности, стоящие перед обвинителями. Они пытались доказать измену,

соединив несколько отдельных пунктов обвинения. В те времена говорили: вы с первого взгляда понимаете, высок человек или низок, нет необходимости измерять в дюймах. При предполагаемой измене Страффорда потребуется тщательно подсчитать каждый дюйм. По одному из пунктов Страффорд сказал: «Точка зрения может породить еретика, но что она может породить изменника, я до сих пор не слышал». Дни проходили за днями со свидетелями, допросами и спорами, в процессе которых Страффорд, казалось, наслаждался, превосходя в уме адвокатов обвинения; их, в свою очередь, считали напыщенными грубиянами.

Вскоре членам оппозиции стало понятно, что дело можно проиграть, и они начали подозревать, что большинство пэров в действительности тайно или открыто поддерживают Страффорда. Когда 10 апреля лорды разрешили объявить перерыв, чтобы обвиняемый мог просмотреть свои записи перед заключительной речью, общины яростно запротестовали. Они в ужасе повскакивали со своих мест. Некоторые из них, согласно парламентским протоколам Симондса Д'Эвеса, закричали: *Withdraw! Withdraw!* («Уходим!»), а другим послышалось *Draw! Draw!* («Оружие из

ножен!»), и их руки потянулись к эфесам клинков в предчувствии боя. Эта путаница порадовала Страффорда до такой степени, что «он не смог скрыть своего восторга». Король, в ложе позади трона, смеялся в голос. Между двумя палатами парламента возникли разногласия.

Общины после обеда вернулись в свою палату, и в этот удобный момент всплыли подходящие записи, сделанные на предыдущем заседании Тайного совета. На этом Совете Страффорд сказал королю: «У вас есть армия в Ирландии, вы можете применить ее здесь для подавления этого королевства». Обвинители графа решили, что слово «королевство» означает скорее Англия, чем Шотландия, а это, конечно, было изменой. Палата общин с готовностью приняла их истолкование. Вспомнили Билль об опале, средневековый механизм, по которому обе палаты могут судить и приговаривать врага королевства без формальностей судебной процедуры. Кроме того, это был способ убедить лордов проголосовать за смерть Страффорда, не отягощаясь юридическими доказательствами.

19 апреля король приказал всем офицерам незамедлительно возвратиться в свои полки. Через два дня на аудиенции с королем переговор-

щик из Шотландии проговорил, что «он, похоже, обдумывает некий проект, который скоро здесь реализуется». Кроме того, ходили слухи, что подстрекаемые королевой французы готовятся к вторжению в Англию. Лидеры оппозиции больше всего боялись роспуска парламента, что привело бы к немедленной отмене и суда, и предложенного Билля об опале. Благочестивые воззвали к своим сторонникам, и у Вестминстера собралась многотысячная толпа, уверенная, что опасные меры будут вот-вот предприняты. 19 апреля общины применили Билль об опале в отношении графа Страффорда. Те из членов палаты, которые не поддержали это решение, высмеивались как «страффордианцы или враги своей страны»; списки их имен расклеивались на столбах и в других заметных местах города. Члены партии благочестивых не брезговали запугиванием и нарушением прав парламентариев.

Когда палата общин приняла Билль об опале, король написал Страффорду, чтобы еще раз подтвердить свое обещание, что его жизнь, честь и состояние не пострадают. В последний день рассмотрения дела в Вестминстер-Холле, 29 апреля, Страффорд, казалось, пребывал в хорошем расположении духа. Затем поднялся Оливер Сент-Джон

и произнес против обвиняемого трехчасовую тираду, настолько красноречивую, что она серьезно повлияла на намерения лордов. Когда Сент-Джон закончил говорить, зрители в зале разразились аплодисментами. Два дня спустя король обратился к обеим палатам, сидя на троне. В своей речи он подчеркнул, что никогда не пойдет против собственной совести. Эти слова истолковали как предупреждение, что он наложит вето на Билль об опале против своего советника. Пусть они признают Страффорда виновным только в незначительном проступке, и король согласится. Карл также отказался распускать ирландскую армию, которая, в свою очередь, вызывала страхи по поводу возможности военного решения проблемы.

По окончании выступления король выждал некоторое время, ища поддержки, однако, по словам Симондса Д'Эвеса, «в ответ на его речь не прозвучало ни малейшего звука, ни намека на аплодисменты, и, подождав немного, Карл неожиданно вышел». Все посчитали, что он вмешался в дело, которое еще обсуждалось парламентом, что, с точки зрения палаты общин, стало «беспрецедентным нарушением парламентского права в истории». Казалось, что конфронтация между королем и парламентом просто неминуема.

Вскоре повсюду распространились слухи о заговорах и контрзаговорах. Несколько недель в Темзе стояло судно, зафрахтованное помощником Страффорда. Корабль легко мог доставить во Францию бежавшего подсудимого. Некоторые слухи подтверждались. В воскресенье 2 мая сэр Джон Саклинг, придворный и военачальник, поэт и игрок, собрал шестьдесят человек в таверне «Белая лошадь» на Брэд-стрит. Они были одеты в военную кожаную одежду, имели при себе мечи и пистолеты. Предполагалось, что они проникнут в лондонский Тауэр под видом пополнения, где сразу перебьют охрану и освободят Страффорда. Это был нелепый замысел, совершенно невыполнимый, учитывая зрелище шестидесяти вооруженных людей, которые топчутся посреди Лондона. Об их существовании быстро стало известно, и новость немедленно сообщили лидерам парламента. У Тауэра собралась шумная толпа лондонцев, чтобы защитить крепость от любого проникновения.

Разговоры о военном мятеже и планах на побег Страффорда основательно озаботили лондонцев. В понедельник у входа в палату лордов собралась новая толпа. Люди требовали казнить Страффорда; некоторые из них кричали, что если они не

могут получить жизнь графа, то возьмут жизнь короля. В парламентском дневнике за тот день о членах оппозиции сказано, что они «убедили множество возбужденных людей, вооруженных мечами и дубинами, прийти к Вестминстеру, заполнить двор дворца и все подходы к обеим палатам, громко, яростно требовать быстрого и справедливого приговора графу». Было ясно, что Страффорд умрет. Один из парламентских лидеров, Оливер Сент-Джон, сказал, что стрелять в голову волкам и лисицам вполне разумно. Вспоминали и поговорку «мертвые молчат».

Когда собралась палата общин, сэр Джон Пеннингтон заговорил о провалившемся сборище Саклинга. Томас Томкинс добавил, что «недавно в Лондон прибыло много папистов». Короля сбили с толку коварные советники, высказался Джон Пим, «он обманут, хотя еще не понимает этого». Парламент посчитал своим долгом открыть королю глаза.

Поступило предложение выпустить религиозный манифест. Составленная палатой общин Великая ремонстрация была до известной степени английской версией шотландского Ковенанта, связывающей подписавших документ клятвой, что они будут хранить верность «истинной рефор-

матской протестантской вере» и не поддаваться «папизму и папистским нововведениям». В Ремонстрации заявлялось, что во время этой сессии парламента его члены «боролись с опасностями и страхами, тяжкими невзгодами и бедствиями, волнениями и беспорядками, которые не только весьма угрожали всем, но и подрывали и сокрушали свободы, покой и процветание нашего королевства». Документ напечатали и распространили по всей стране, по замыслу и побуждению, как теперь говорят, парламентской партии.

5 мая палата общин, опасаясь папистского восстания, приказала поселениям, городам и графствам держать наготове оружие и боеприпасы. В этих обстоятельствах «папистский заговор» означал «заговор сторонников короля», роялистов. В этот же день был принят новый билль, разрешающий парламенту продолжать работу, пока он не проголосует за самороспуск. Именно в этот момент преобразование превратилось в революцию: оно лишило монарха права управлять страной.

Палата лордов приказала войскам взять под контроль Тауэр, лишив таким образом короля ответственности за военные вопросы. Это был

новый удар по королевской власти. Граф Стамфорд внес предложение «вознести хвалу Господу за наше великое освобождение, которое больше спасения от «Порохового заговора» [5 ноября 1605 года]. Потому что, если бы этот заговор не был раскрыт, порох витал бы вокруг в здании парламента, а нас превратили бы в рабов». Угроза применения военной силы напугала лордов не меньше, чем общины; 8 мая верхняя палата приняла Билль об опале против Страффорда.

Теперь делегация от обеих палат парламента доставила документ об опале в Банкетинг-Хаус на подпись королю. Членов парламента сопровождала толпа примерно в 12 000 человек, которые выкрикивали»: «Справедливость! Правосудие!» Король, естественно потерявший присутствие духа, сказал, что даст ответ в понедельник утром. Такая отсрочка не понравилась толпе, люди снова быстро собрались у дворцовых ворот. Предполагалось, что, если король откажется подписать опалу, на дворец пойдут в атаку и захватят короля и королеву.

Карл обсудил ситуацию с епископами и членами Тайного совета, большинство из них высказались за подписание билля, приговаривающего Страффорда к смерти. Архиепископ

Йоркский сказал королю, что «существуют личная и государственная совесть; его совесть как короля может заставлять его делать то, что не принимает его личная совесть как человека». Не сразу и очень неохотно, но король согласился. Он обещал защитить жизнь и состояние графа, однако сейчас из государственных соображений ему пришлось нарушить свое слово. Это дело унизило и опустошило Карла практически полностью. Пим, получив известие о капитуляции короля, восторженно воздел руки и объявил: «Он отдал нам голову Страффорда? Тогда он больше не откажет ни в чем!»

12 мая Страффорд отправился навстречу смерти на Тауэр-Хилл на глазах, как говорили, самой огромной массы народа, какая когда-либо собиралась в Англии. Толпа в 200 000 человек наблюдала за ним посреди всеобщего карнавала и праздника. Комендант Тауэра предложил ему доехать из тюрьмы до эшафота в экипаже, чтобы избежать народного гнева. Страффорд, как говорят, ответил: «Я не боюсь смотреть в лицо смерти, надеюсь, что люди тоже. Не беспокойтесь, что мне достанется: мне все равно, как я умру — от руки палача или от безумства и ярости народа». Он посмотрел в окно камеры, в которой находил-

ся Лод, и увидел, что архиепископ ожидает его. Граф попросил «помолиться и благословить», но клирик потерял сознание.

В речи с эшафота граф Страффорд провозгласил: «Я хочу, чтобы каждый человек положил руку себе на сердце и серьезно подумал, должно ли всенародное счастье начинаться с росписи кровью». Полчаса он молился на коленях, а потом лег на плаху. Потребовался один удар. Очевидцы побежали по улицам Лондона, размахивая шляпами и выкрикивая: «Голова слетела! Его голова слетела!» Несколько дней спустя архиепископ Лод в тюрьме заметил, что Страффорд служил «мягкому и милосердному государю, который не знал, как быть или сделаться великим».

21. Время перемен

Пока продолжался суд над Страффордом, палата общин, казалось, не понимала, как ей вести другие государственные дела. Парламент ничего не предпринимал, как говорили в то время, просто «толок воду в ступе». Один раз после вознесения молитвы члены палаты общин вдруг замолкли и только смотрели друг на друга: они не знали, за что приниматься. В другой раз, по сообщению современника, спикер поднялся и спросил, какой вопрос он должен поставить на рассмотрение, но ответа не последовало. Потеря инициативы в деле реформ стала одной из причин объявления в апреле государственного поста.

Однако смерть графа, похоже, дала толчок к дальнейшим действиям. Вид крови возбудил аппетит, и в июле парламентарии обсудили и согласовали целый ряд новых законодательных инициатив. Казалось, король стал совершенно не нужен для восстановления королевства. Ему предоставили привычный налог на объем и вес, но при условии, что все его предыдущие поборы были незаконными. Никаких новых денег ко-

ролевскому двору нельзя было передавать без разрешения парламента. Самому парламенту, конечно, тоже требовались средства на расходы внутри страны и для выплаты шотландцам. Чтобы получить дополнительные доходы, на графства наложили новое ассигнование и ввели подушный налог.

Старые органы королевской власти были упразднены. Суд северных графств, церковный суд Высокой комиссии и Звездная палата — все исчезло. Корабельный налог осудили как противоречащий закону. Королевские лесные угодья признали в границах, определенных в двадцатый год правления Якова I. Роспуск Звездной палаты, в частности, снял последнюю преграду для публичных высказываний. Этот орган четыре года назад постановил, что нельзя издавать книги без специального разрешения; теперь закон был отменен. Еще до роспуска Звездной палаты аппетит к новостям удовлетворяли памфлеты и брошюры, которые передавались из рук в руки. Большинство из них предсказывали большие перемены в Церкви и государстве. В 1640 году вышло 900 таких публикаций, в 1641 году — 2000, а в 1642-м — 4000.

В этом десятилетии вдвое увеличилось количе-

ство типографий, но к ним присоединились, как было написано в одном сатирическом памфлете, «новые книготорговые заведения, конные книжные лавки и орущие книготорговцы». Разносчики книг и брошюр обычно выкрикивали: «Подходите купить новую книжку! Новая книжка, только поступила». Изобиловали брошюры с такими названиями, как «Обращение к парламенту», «Сон, или Новости из ада» и «Падение выжидающих поэтов». Больше не нужно было идти в книжные киоски у собора Святого Павла или здания Биржи, чтобы найти новостные листки. Их продавали на лондонских улицах. Лист большого формата стоил пенни, восьмистраничные брошюры — один-два пенса. Один комментатор высмеивал «двухпенсовые речи» Пима. Член конгрегации в Рэдвинтере графства Эссекс бросил в своего викария религиозной брошюрой со словами: «Вот для вас работа, почитайте». Смесь информации и слухов несли в себе пьесы, баллады, игральные карты, граффити, прошения и гравюры.

Ведущие члены палаты общин публиковали свои речи, которые, как написал в автобиографии пуританин Ричард Бакстер, «со рвением ругали по всей стране, что значительно усилило у людей предчувствие опасности». Сам король решил

написать против этих «отравителей умов слабых подданных. Он поражался, чьими глазами они смотрят на вещи, чьими ушами слушают». Однако написания брошюр было недостаточно для благочестивых людей в парламенте. Распространялись также поучения главных проповедников. С церковных кафедр звучало множество заявлений и осуждений, однако кафедры служили и местом распространения новостей. Клирик мог разъяснять события дня или недели, комментировать их своей взволнованной пастве. Пресвитер Роберт Балли говорил, что «многие горести и мужчин, и женщин наполняют наши проповеди». Потом слова из церкви звучали при спорах в тавернах и магазинах, на улицах и рыночных площадях.

Тем не менее брошюры были не просто направлены против той или иной группировки, которая отвоевывала тогда свое место под солнцем. Они составляли часть решительного спора идей и идеалов политической и религиозной жизни. Каковы основы справедливой монархии? Действительно ли это древнее установление? Как связаны король, парламент и народ? Публикация и распространение таких представлений, по существу, помогали воспитывать и воодушевлять

политический дух нации. Радикалы использовали печатные станки для внедрения собственных взглядов на Церковь и государство, заставив Джона Мильтона провозгласить, что Лондон стал «резиденцией свободы», а его жители «сидят у своих светильников, учась, обдумывая, исследуя новые идеи и понятия, чтобы с почтением и преданностью приближать реформацию».

Однако роялисты отбивались своими памфлетами. Ричард Картер в «Заклейменном схизматике» нападал на несогласных проповедников, которые даже и в то время собирали толпы у Вестминстера и в его окрестностях. «И вместо ортодоксальных священников они ставят всяких ремесленников — сапожников, портных и перчаточников… эти проповедники-ремесленники и несдержанные парни на своих кафедрах странно жестикулируют, трясут головой, руками и плечами так и эдак, сопят, пыхтят, скалят зубы и строят рожи». На улицах повторяли нескладные вирши:

Когда женщины проповедуют, а сапожники читают молитвы,

Злодеи в аду устраивают праздник[35].

---

[35] Примечания: 35

When women preach, and cobblers pray, / The fiends in hell make holiday.

Церковные приходы Лондона на самом деле были переполнены диссентерами самого разного толка. В доме на Гоут-Элли, неподалеку от улицы Уайтскросс, устроилась одна сепаратистская конгрегация; люди приходили по двое или по трое, а один человек караулил у дверей, чтобы предупреждать о подходе чужих. Человек, выбранный проповедником, стоял в центре комнаты, остальные собирались вокруг него. Среди таких мирских проповедников были, согласно продаваемой на улицах политической сатире, «шляпник Грин, конюх Спенсер, пивовар Квартермайн и несколько других больших специалистов в новом виде разговорного ремесла, которое многие невежественные фаты называют проповедничеством».

Традиционное духовенство Англиканской церкви на улицах осмеивали, иной раз даже, подбегая сзади, срывали с них стихари. Звучали выкрики: «Вот идет иезуит, жрец Баала, монастырский увалень, кентерберийское отродье…» Когда один епископ поднялся на кафедру церкви Святого Олафа в еврейском квартале Лондона Олд-Джури, несколько сотен «диких негодников» закричали: «Папа римский! Папа! Папа!»

В такой нервной обстановке вихрем распро-

странялись слухи разнообразного толка. Говорили, что в пещерах графства Суррей укрыли папистскую конницу; рассказывали, что подготовлен план черным порохом взорвать русло Темзы и затопить Лондон. Один из соратников Пима сэр Уолтер Эрл повествовал в палате общин, что раскрыт заговор с целью разрушить парламент. Разволновавшиеся члены палаты со своих мест потянулись вперед, чтобы лучше его расслышать, и часть пола на балконе провалилась. Один парламентарий воскликнул, что чувствует запах пороха, а другой, соскочив со своего места, закричал, что «стало горячо, и внутри большой огонь». Новость быстро разлетелась, к Вестминстеру понеслась толпа. Тревога, конечно, оказалась ложной, но стремительная паника свидетельствует о неспокойном состоянии жителей столицы.

То было время перемен; как сказал парламенту король в начале года: «Вы приняли дела в расстроенном состоянии». Опубликованный в 1641 году диалог «Братья по оружию» был посвящен «переворотам и революциям в государствах и состоянию людей в эти последние дни мира». «Революция» в традиционных терминах означает «возвращение в исходное положение», или

«циклическое движение»; в те годы слово стало ассоциироваться с более приземленным «нарушением порядка». Все считали, что наступили плохие времена; многие испытывали страх и даже отчаяние. Роялистка Бриллиана Харли в одном из писем высказала мнение, что «дела сейчас в таком состоянии, что, если Господь не протянет руку помощи, его несчастные дети погибнут».

В течение нескольких недель после казни Страффорда казалось, что король смирился с потерей власти. Он подписал закон об упразднении таможенного налога с объема и веса, сказав обеим палатам парламента, что «всегда имел только одну цель — завоевать любовь своего народа». Он назначил ведущего пуританина графа Эссекса своим управителем двора. Однако на самом деле Карл пытался выиграть время.

Уже начала складываться королевская партия из тех людей, кого возмущали притязания парламента подчинить себе исполнительные органы и идея передать контроль над государственной Англиканской церковью из рук епископов назначенным уполномоченным. Партия «корней и ветвей», которая выступала за такие перемены, по-прежнему находилась в меньшинстве. В тот год в Вестминстер поступило много петиций от

тех, кто желал сохранить Англиканскую церковь и защитить Книгу общих молитв от новых изменений. Некоторые поддерживали сохранение епископата на том основании, что система хороша, хотя в ней есть посредственные люди. Например, даже из Хантингдона, графства, откуда родом был Оливер Кромвель, писали, что «обряд богослужения, отображенный и содержащийся в Книге общих молитв, для них самый лучший. Податели петиций хотели обуздать радикальных ожесточенных реформаторов, которые только провоцировали волнения и беспорядок в церквях страны.

Таким образом, вовсе не удивительно, что люди, придерживающиеся в своей вере умеренных или традиционных взглядов, начали вставать на сторону короля. Они полагали, что навязываемое парламентом политическое урегулирование зашло слишком далеко. Вместо облегчения и свободы парламент принес страх и разногласия. Введение налогов тоже не улучшило настроения народа. Леди из Йоркшира Маргарет Эвр писала: «Я так страшно злюсь на парламент, что ничто меня не успокоит. Они обещали нам, что все будет хорошо, если падет голова милорда Страффорда, а с того времени дела ничуть не улучшились,

более того, думаю, нас просто погубят налогами». Многие соглашались, что королю следует собрать мудрый Тайный совет, но только единицы допускали, что у парламента есть силы выбрать достойных людей. Кроме того, сохранялась возможность, что король еще сумеет разобщить две палаты парламента; в июне 1641 года лорды отклонили законопроект об исключении епископов из состава палаты. Они были не готовы рассматривать «дальнейшую реформацию».

В том же июне Джон Пим внес документ, известный под названием «Десять пропозиций», в котором предлагались меры для повышения парламентского контроля над королевским двором и Советом. Одна из пропозиций предусматривала удаление всех священников и иезуитов из свиты королевы. Генриетта демонстративно не подчинилась: она сказала, что покорилась бы своему супругу, но не 400 его подданным. Другая пропозиция требовала, чтобы король сместил своих «порочных» советников и в будущем назначал только тех, которым «его народ и парламент имел бы обоснованные причины доверять». Армии Шотландии и Англии предлагалось распустить как можно скорее. Король в расчет не брался. Это можно рассматривать как шаг к республиканско-

му правлению, хотя и тщательно скрываемый риторикой лояльности.

К составлению «Десяти пропозиций» парламентариев в определенной степени подтолкнуло недавнее твердое решение короля ехать в Шотландию. Были опасения, что на самом деле его целью станет Йорк, а не Эдинбург, где Карл сможет взять в свои руки руководство стоящими там английскими войсками; отсюда и возник призыв распустить английскую и шотландскую армии. Но если он все-таки поедет в Эдинбург, тогда что? Он мог бы, например, уговорить своих шотландских подданных подняться против Вестминстера. Если король согласится даровать шотландцам «чистое» вероисповедание, которого они требуют, и позволит им восстановить свои заслуженные свободы, то они вполне могут вернуться к своей прежней лояльности Стюартам; Карл уже написал графу Аргайлу, главе клана Кэмпбеллов, обещая «вернуть себе любовь народа». Если бы шотландская и английская армии объединились под командованием короля, они представляли бы собой почти неодолимую силу.

Теперь Джона Пима и его соратников охватила тревога. В начале августа они даже созвали парламент в воскресное утро, чтобы обсудить

вероятность этой новой угрозы. Они умоляли короля отложить поездку, и Карл согласился задержаться на один день. Этот день он провел в переговорах с шотландскими уполномоченными, и, согласно венецианскому посланнику, шотландцы похвалялись, что «они сделают все, что в их силах, чтобы снова вернуть короля к власти. Когда он появится в Шотландии, все политические разногласия разрешатся, и они, как один, помогут своему урожденному государю в этом деле».

Когда король приготовился к путешествию, в Вестминстере собралась толпа, умоляя его не уезжать. Может, его присутствие в Лондоне ободряло людей во время великого беспорядка, а может, кто-то из этой толпы догадывался о его намерениях. Утром в день отъезда Карл пошел в парламент в настроении плохо скрываемой враждебности и нетерпения. Он назначил комиссию из двадцати двух человек, которые будут вести дела в его отсутствие; среди назначенных был граф Ньюкасл, известный враг парламентского дела.

Палата общин немедленно удалилась в свой зал заседаний и обсудила средства «поставить королевство в оборонительную позицию». Приняли ордонанс, первый в своем роде, предписываю-

щий нескольким ключевым парламентариям сопровождать короля в Шотландию. Они, конечно, были больше шпионами, чем партнерами, и рассчитывали следить за действиями Карла. Ордонанс в Средние века был указом, которым король мог сделать заявление без согласия парламента; теперь же парламент издавал ордонансы без согласия короля. Новое столкновение казалось неизбежным.

В Эдинбурге Карла приветствовали со всем возможным жаром. Он сразу приступил к завоеванию расположения шотландцев. Король ходил на службы Шотландской церкви с подчеркнутой набожностью и согласился с требованием ковенантеров убрать епископов из реформатской церкви. Он посетил заседания парламента Шотландии и принял условия Англо-Шотландской унии, которая серьезно ограничивала его властные полномочия над парламентом и армией. В Вестминстере некоторые посчитали, что смогут получить такие же преимущества, но другие догадались, что Карлу просто удалось исключить участие шотландцев в будущих конфликтах.

В эти месяцы парламент начал свое правление. Парламент платил армии и отдавал приказы королевским служащим, например коменданту

Тауэра. Парламент издал декреты о литургии и формах богослужений. Лода осудили и посадили в тюрьму, а Страффорда казнили; различные предполагаемые «порочные советники», в том числе лорд — хранитель Большой печати Финч, бежали из страны. Судей и шерифов, которые поддерживали королевские поборы, вызвали в парламент и потребовали объяснить свое поведение. Звездную палату, Северный совет и Высокую комиссию — административные органы Карла — упразднили. Жертв преследований Лода, таких как Принн и Баствик, освободили и с триумфом вернули в Лондон. И что самое важное, парламент принял закон, что его работу нельзя прервать без его согласия.

Однако можно посмотреть на эти преобразования и с другой стороны. Парламент действовал по-диктаторски и вне рамок закона. Он неверно истолковал форму устройства и неписаный закон страны, присвоил себе властные полномочия, которых никогда раньше не имел. Он без законной процедуры казнил Страффорда, тайно провел переговоры с врагами короля и иностранной армией. Парламент собирал толпы людей для устрашения своих оппонентов и собирался навязать новую церковную систему не желавшим

того людям. Он принял закон, обеспечивающий собственную стабильность. За это время короля лишили прав сюзерена, государь потерпел жестокое поражение во всех делах, которые касались его самым непосредственным образом. Карл обычно говорил, что враги хотят низвести его до положения венецианского дожа. Он не ошибся.

22. Новости всё страшнее и страшнее

20 октября 1641 года парламент возобновил свою работу. Парламентарии были настроены добиться от короля тех же уступок, какие он сделал парламенту Шотландии. В этот период титул «король Пим» стал общеупотребительным. Джон Пим начал карьеру — неожиданно — как получатель земель короны, и в целом оказался одаренным предпринимателем. Он прекрасно вел дела парламента, обладал способностью приводить к соглашению разных людей и различные фракции; убедительно, если не красноречиво, выступал в прениях; однако его истинная сила состояла в умении управлять парламентскими комиссиями. Используя эти органы, он фактически доказал, что парламент может править не менее искусно, чем король. В палате общин Пим сидел неподалеку от спикера вместе с другими парламентскими лидерами, говорили, что «спикер усердно заглядывает в глаза Пиму».

Пим отличался умом и неутомимостью, горячо ненавидел папизм и был искренне предан тому,

что считал истинной верой. Его первая речь в парламенте посвящалась осуждению одного из парламентариев, который назвал Закон о воскресном дне «пуританским», а в другой речи он заявил, что «нет бремени тяжелее, чем то, что налагается на душу». У Пима было круглое лицо, пухлые губы и обвисшие щеки; к тому же он носил подкрученные вверх усы и короткую бородку клином. При этом он не всегда находился в суровом расположении духа, его знали как общительного и веселого человека.

В начале этой сессии парламента, когда он сидел на своем месте в палате общин, ему доставили письмо. Какой-то дворянин нанял на Фиш-стрит-хилл рассыльного и заплатил ему шиллинг за доставку послания. Когда Пим распечатал его, оттуда вывалился лоскут, по словам Кларендона «запачканный гноем чумных язв»: это была тряпка, которой бинтовали больного чумой. Прилагалось письмо, в котором Пима обвиняли в государственной измене и угрожали, что если его не убьет чума, то кинжал сделает это наверняка. Письмо заканчивалось словами: «Покайся, изменник».

Пим и его соратники теперь настроились лишить Карла его прерогативы, а именно права

назначать должностных лиц и советников без согласования с парламентом. Однако сначала требовалось лишить верхнюю палату роялистского большинства, поэтому общины внесли предложение изгнать из парламента входивших туда тринадцать епископов. Палата общин приняла закон, запрещающий духовным лицам выполнять светские функции, но, вполне естественно, палата лордов отложила рассмотрение этого закона.

Пим попытался поднять градус дебатов известием о новом военном заговоре и скандале в Эдинбурге, где три лорда-ковенантера покинули королевский двор, опасаясь за свою жизнь. Это событие стало известно как «инцидент». Король тогда пылко заявлял шотландскому парламенту, что не участвовал ни в каком заговоре с целью их убийства, и попросил «играть по правилам». Тот факт, что главным заговорщиком был Уилл Мюррей, джентльмен при королевской спальне, ставил под сомнение правдивость заверений короля в непричастности к делу. Правдивые или нет, слухи только усилили тревогу парламентариев по поводу намерений короля. Они просто подтвердили факт, и без того всем известный, что ему нельзя доверять. Однако, в свою очередь, по-

чему он должен был доверять тем, кто устраивал заговор против него? В первые дни работы парламента по-прежнему казалось весьма вероятным, что любая попытка провести более радикальную реформу ничего не даст. Многие члены парламента теперь считали, что изменения в церковной жизни в особенности идут чересчур быстро. Это был явный успех королевской партии.

Именно в этот момент, в самом начале ноября, парламент получил известие о том, что в Ирландии произошло восстание. Информацию доставили в палату общин семнадцать тайных советников, и Кларендон сообщил, что «наступила глубокая тишина… своего рода оцепенение». Ирландское восстание возбудило все страхи английских протестантов. Эдвард Николас, придворный, которого попросили оставаться в Вестминстере и докладывать о делах в парламенте, написал королю в Эдинбург, что «вероятность католических заговоров пугает здешний народ больше всего на свете». Говорили, что паписты пополняют вооружение и запасают порох. По рукам ходил памфлет с вопросом «Послушайте, вы, кровожадные паписты, чего вы хотите?». Восстание разразилось как внезапная катастрофа, однако условия для него складывались годами.

В ирландском обществе сосуществовали три четко разграниченные группы. Новые англичане — протестантские колонисты, приехавшие в Ирландию после Реформации; они контролировали Дублинский парламент и намеревались навязать местным жителям английские «стандарты». Старые англичане приехали сюда до Реформации, некоторые еще в XII веке, и настолько приспособились, что отождествляли себя скорее с Ирландией, чем с Англией; многие из них исповедовали католичество, хотя публично некоторые и подчинялись правилам протестантской церкви Ирландии. Им принадлежала примерно треть лучших земель. Третья группа — хозяева называли их «простые ирландцы» или «местные» — составляла самую большую часть населения, но, как большинство притесняемых на свете, оставила мало свидетельств о своих взглядах и пристрастиях.

Ирландцы и старые англичане имели массу оснований для претензий. В предыдущие годы корона конфисковала четверть земель, принадлежавших англо-ирландским и ирландским джентри. При Якове I было решено, что землевладелец не мог получить титул по своим землям, не подтвердив право на феодальное владение долж-

ным образом. Если документов не было, земли могли конфисковать и заселить новыми английскими или шотландскими переселенцами. Так Яков подарил жителям Лондона 162 квадратных километра земли в графстве Дерри, поэтому эту территорию стали называть Лондондерри. Шесть графств провинции Ольстер в основном тоже уже перешли в руки шотландских пресвитериан. Печальное положение церкви Ирландии и усердная работа иезуитских миссионеров в любом случае содействовали католическому делу. Католики имели серьезные причины для обиды: им запрещалось давать образование своим детям, их священники, не получая бенефиций, были вынуждены существовать на пожертвования прихожан. На тех, кто не посещал протестантские богослужения, могли наложить штраф.

Таким образом, в восстании соединились различные силы. Ирландские католические лидеры — среди них были и старые англичане — выпустили Ремонстрацию, в которой заявили, что поднимаются на борьбу, чтобы сохранить свою веру и защитить собственную жизнь и имущество. Они знали о действиях английского парламента и уступках короля шотландским пресвитерианам, поэтому особенно остро ощущали

несправедливость отношения к своей исконной вере. Они также опасались, что реформаторы из «пуританской клики Англии» настолько глубоко ненавидят католичество, что наложат на них еще больше ограничений и новых налогов. Они могли пойти еще дальше, и в ирландском заявлении предполагалось, что шотландцы и англичане вместе могут «прийти в Ирландию, с Библией в одной руке и мечом в другой, чтобы навязать нам свою пуританскую анархическую веру и таким образом окончательно уничтожить нас». Почему же ирландцам не подняться на свою защиту, пока не стало слишком поздно? Это был парадокс того времени: результатом переговоров между Англией и Шотландией стало восстание в Ирландии. По существу, Карл не справился с управлением тремя королевствами, каждое из которых клялось в верности своей отдельной вере.

23 октября 1641 года ирландцы восстали против английских хозяев. Накануне мятеж в Дублине частично раскрыли и подавили, однако волнения распространились на всю Ирландию. Отряды вооруженных людей опустошали хозяйства англичан, а затем возвращались домой; другие активно вытесняли английских владельцев и заменяли их предыдущими собственниками.

Английские беженцы укрывались в ближайших армейских гарнизонах, где и оставались в страхе и ужасе.

Наиболее радикальные члены палаты общин уже готовили Ремонстрацию королю с целью усилить общественную поддержку, когда известия о так называемой ирландской «резне» придали их усилиям новую актуальность. До них дошли ужасающие сообщения. Утверждалось, что много тысяч протестантов убито, что женщин насиловали и пытали, а младенцев бросали в огонь. В памфлете «Новости из Ирландии всё страшнее и страшнее» приводился список военных преступлений. В письме, зачитанном в палате общин, голословно заявлялось, что ирландские мятежники в провинции Мюнстер «совершают самые разные зверства, соревнуются, кто будет самым изобретательным в варварском мучении бедных протестантов. Куда бы они ни приходили, людям отрезают половые органы, уши, пальцы и кисти рук, выдавливают глаза, бросают маленьких детей в кипяток на глазах матерей, а потом выпускают им внутренности, раздевают женщин донага и стоят около них, пока они рожают, родившихся младенцев сразу убивают, а матерям вырывают матку…».

Более справедливая информация свидетельствовала, что было убито около 5000 английских протестантов, а в процессе английской контратаки такое же количество ирландских католиков.

5 ноября Пим выступил с клятвой положить свою жизнь и имущество на дело подавления ирландского восстания, но добавил, что, «если король удалит от себя порочных советников и назначит на их место тех, кого может одобрить парламент, мы посчитаем себя освобожденными от этого боя». Затем был принят билль, в котором «просили» короля назначать только приемлемых для парламента людей. 8 ноября Пим заявил палате лордов, что, если король отвергнет их просьбу, ему и его коллегам придется «решить вопрос о защите Ирландии от бунтовщиков таким образом, чтобы обеспечить и нашу безопасность». Другими словами, парламент возьмет на себя ответственность создать и направить собственную протестантскую армию, которую, в свою очередь, можно будет применить и для защиты своих интересов. Король станет просто номинальной главой, фетишем.

Это предоставило повод для дебатов по документу, который впоследствии стал известен под названием Великая ремонстрация: пространный

трактат примерно в 204 статьи, где анализировалась история злоупотреблений близкой к королю «злонамеренной партии». Порочные советники воплощали «зловредный план разрушить фундаментальные законы и принципы управления, на которых зиждется вера и правосудие нашего королевства». Это был перечень проступков и преступлений, нацеленных на разжигание недовольства народа, чтобы таким образом не допустить восстановления лояльности к королю.

Против этого практически манифеста зазвучали яростные возражения. Одни считали его актом предательства по отношению к королю, а другие думали, что палата общин не имеет права выпускать подобную Ремонстрацию без согласования с палатой лордов. Сэр Эдвард Деринг, роялист, депутат от Кента, сказал: «Когда я впервые услышал о Ремонстрации, то немедленно представил, что, как преданные советники, мы должны поднять бокал за здоровье его величества… Мне и в голову не могло прийти, что мы будем протестовать, рассказывать народу небылицы и говорить о короле в третьем лице».

Пим чувствовал, что роялистская партия набирает поддержку. Он признал, что определенные статьи следует отредактировать или убрать, но

«наступило время говорить прямо, иначе последующие поколения решат, что Англия была растеряна и никто не осмелился сказать правду». Заключительные дебаты состоялись 22 ноября, они шли весь зимний день и продолжались при свечах до часу ночи. По результатам голосования Пим одержал победу одиннадцатью голосами. Говорили, что дело решалось как в суде «голодных присяжных», намекая на традицию не давать присяжным мясо и вино, пока они не вынесут вердикт. Однако малое преимущество в голосах свидетельствовало, что король создал существенную партию.

Как только объявили результаты, некоторые сторонники короля разразились возражениями. Сэр Джеффри Палмер назвал большинство «кучкой ничтожных личностей, которыми манипулируют мошенники из оппозиции». Когда прозвучало предложение опубликовать Ремонстрацию немедленно, страсти противостоящих сторон взыграли. Одни стали размахивать шляпами, а другие, согласно Симондсу Д'Эвесу, «поснимали оружие в ножнах с перевязей и держали в руках за рукояти, уперев нижней частью в пол». Сэр Филип Уорвик написал: «Казалось, мы вступили в сумрак долины смерти, потому

что все, как воины Иоава и Авенира, вцепились друг другу в волосы и наставили мечи в животы». Значение этого события отмечено Оливером Кромвелем. Покидая зал заседаний, он сказал: «Если бы Ремонстрацию не приняли, то на следующее утро я продал бы все, что имею, и навсегда покинул Англию».

В первый день дебатов, 8 ноября, Эдвард Николас написал королю: «В документе перечисляются все ошибки управления и неприятные дела, совершенные дурными советниками (как они это называют)… Если Ваше Величество не отправится немедленно [из Эдинбурга в Лондон], боюсь подумать, чем это закончится». Так Карл через семнадцать дней вернулся в Лондон из Эдинбурга. На въезде в Сити его встречала кавалькада всадников. Он сказал собравшимся, что будет поддерживать старые добрые законы и протестантскую веру. Он сделает это, «если потребуется, рискуя собственной жизнью» и всем, что ему дорого.

Похоже, что радушный прием в Сити шел от сердца. «Прежние возмущения и беспорядки», как называл их Карл, были для коммерческой деятельности не лучше, чем новые налоги, наложенные парламентом на торговых и деловых

людей. Запас лояльности к королю также существовал и у богатых, которым не нравился радикализм его противников. У них вызывал неприязнь вид подмастерьев и мелких лавочников, цитирующих им Священное Писание, и они страшились восстания простонародья. Венецианский посланник уже сообщал, что на улицах расклеивали анонимные листовки, в которых лордов пуританской оппозиции называли изменниками и подстрекателями к бунту.

Карл возвел в рыцарское звание лорд-мэра Лондона под крики: «Боже, храни короля Карла и королеву Марию!» — этим именем часто звали Генриетту Марию. После этой церемонии король верхом в сопровождении 1000 вооруженных всадников отправился в резиденцию лорд-мэра Гилдхолл, где его ждал большой банкет. На улицах Сити Корнхилл и Чипсайд из фонтанов било красное вино, звонили колокола и горели праздничные костры. Это была церемония древнего происхождения, она подчеркивала добродетели традиционного порядка. Никаких гостей из палаты общин на пир в Гилдхолле не пригласили.

Горячий прием в Сити и тот факт, что так много членов палаты общин не поддержали Ремонстрацию, обнадежили короля. Настроенный больше

ничего не сдавать, Карл решил искоренить своих врагов по какой-либо правовой норме. Парламент казнил Страффорда, осудив его за государственную измену, он тоже мог использовать такой же или подобный способ.

Прямо перед отъездом из Шотландии Карл тоже получил известие, что его ирландские подданные подняли восстание. Он только умиротворил одно свое королевство, как взорвалось другое. Его первой реакцией была надежда, что мятеж «может помешать каким-то глупостям в Англии». Возможно, он имел в виду, что ужасные вести могут привести парламент в чувство, но не исключался и более зловещий смысл. Разве нельзя рассматривать ирландцев как угрозу пуританам?

Пим и его соратники были склонны винить Карла за восстание в более прямом смысле. Некоторые ирландские мятежники заявляли, что имеют королевское поручение, скрепленное Большой печатью, «арестовывать и захватывать имущество, поместья и слуг всех английских протестантов». Это было ложное утверждение, но в тот момент Пим поверил, что король намеренно разжег беспорядки, чтобы собрать армию против парламента, что он хотел разрешить католичество в Ирландии в обмен на поддержку

старых англичан в его борьбе с парламентом. Об ирландских мятежниках говорили, что Англия «для них давно желанный лакомый кусок, и они точат на него свои острые зубы».

Возникли глубокие разногласия по поводу масштаба и командования военной кампанией в Ирландии. Король говорил, что один человек лучше, чем четыре сотни командующих, пригоден для управления армией; оппозиция, естественно, не соглашалась, заявляя, что Карл не может собрать армию без одобрения парламента. В последние два месяца года граф Уорвик начал формировать фактически парламентские вооруженные силы. Карл хотел полностью добровольную армию, составленную его сторонниками, а оппозиция настаивала на призыве солдат на военную службу. На каждом этапе этого процесса палата общин небольшим большинством против короля противостояла палате лордов.

В итоге в конце года в Ирландию отправили всего один полк, через пять месяцев туда прибыло пополнение в 5000 человек. По существу, английские войска в Ирландии оставили сражаться самостоятельно. Можно предположить, что Пим с соратниками хотели накопить ресурсы для конфликта рядом с собственным домом.

23. Время оскорблений

В конце 1641 года роялистский парламентарий сэр Генри Слингсби писал: «Не могу сказать, что у нас было веселое Рождество, оно было самым безумным в моей жизни». И добавлял: «Я никогда не видел при дворе такое количество людей с оружием… Обе группировки отчаянно хвастаются; глядя на их горячность, удивляешься, что до сих пор не пролилась кровь». В Вестминстер приходили горожане с клинками на боку, готовые встать на защиту пуританских парламентариев. Джон Венн, один из лондонских членов парламента, говорил в магазине у Чипсайда, что «нужно идти в парламент с оружием, потому что партия, лучшая для государства, вот-вот останется в меньшинстве». Сам парламент много раз предупреждал об угрозах своей деятельности и даже существованию.

21 декабря в Лондоне прошли выборы в муниципальный совет, результаты оказались в пользу пуританского дела. В этот день король сместил с должности коменданта Тауэра сэра Уильяма Бэлфура и назначил на его место Томаса Лансфорда.

Лансфорд был известен как пылкий, а иной раз и яростный сторонник короля, поэтому ему не очень доверяли. Если кого-либо из членов парламента или представителей городских властей арестуют, он, естественно, будет содержать их самым строгим образом. Симондс Д'Эвес писал: «Все стремительно скатывается к беспорядку и катастрофе, я не вижу никакой человеческой возможности выбраться из нее — ни для бедной Церкви, ни для королевства».

Удар молнии ожидал тринадцать епископов, которые заседали в палате лордов; они обеспечивали королю большинство голосов, способное отвергать все законопроекты и декларации палаты общин. Когда в конце декабря лорды собрались в Вестминстере, толпа подмастерьев и иже с ними начала выкрикивать: «Нет епископам! Нет папистским лордам!» Архиепископ Йоркский кинулся на одного из самых крикливых участников, но его самого начали толкать и разорвали мантию. Тогда палата лордов пригласила палату общин совместно издать декларацию против массовых беспорядков, на что Пим ответил: «Господь запрещает палате общин таким способом ослаблять волю людей отстаивать свои права». Он был на стороне толпы, угрожавшей епископам.

В городе тем временем собрали альтернативную армию, состоявшую из профессиональных военных-добровольцев и наемников. Они пришли служить королю в Ирландии и любом другом месте, однако их можно было использовать и против толп, поддерживающих парламент. Также они были бы полезны, если король попытается осуществить *coup d'etat* (государственный переворот). Лондонский журналист Джон Диллингхем сообщал, что солдаты «предлагали Их Величествам разрубить этот узел», что означало — «решать вам».

В это время в широкое употребление вошли названия «круглоголовые» и «кавалеры», имеющие в виду короткую стрижку горожан и длинные волосы роялистов. Слово «кавалеры» (от названия испанских войск *caballeros*) выбиралось как оскорбление, но очень быстро оно стало ассоциироваться с честью и галантностью. Следует помнить, что лидеры парламентского дела (и в палате общин, и в палате лордов) тоже носили длинные волосы, что подобало людям их социального положения.

При неуклонном формировании антагонистических сил пошли разговоры о гражданской войне. Споры и разногласия возникали повсюду.

Через два дня после Рождества вокруг Вестминстера снова собрались толпы, чтобы потребовать ответа палаты лордов на новую петицию против епископов. На них напал отряд солдат, однако горожане отбивались с яростью, подогреваемой страхом. Они атаковали войска с кольями, камнями, дубинами; к ним присоединились несколько моряков с дубинками; солдаты были побеждены и отступили. Группу подмастерьев арестовали и поместили под стражу в таверну «Русалка». Их товарищи взяли таверну штурмом и освободили арестованных. Следующим утром солдаты заняли Вестминстерское аббатство, атаковали горожан с холодным и огнестрельным оружием; днем они порубили группу подмастерьев. В отместку горожане угрожали закрыть свои лавки и прекратить торговлю.

Епископы вместе сидели в палате лордов при свете факелов, прислушиваясь к яростным крикам и угрозам толпы. Им пришлось покидать палату, прибегая к ухищрениям: кто-то ушел под защитой высокопоставленных лордов, других направили к тайным выходам из здания. Граф Хантингдон сообщил: «Между Йорк-Хаусом и Чаринг-Кросс было десять тысяч подмастерьев с алебардами, палками, а некоторые и с клинками.

Они стояли так плотно, что было очень сложно проехать в экипаже, и темной ночью от бесчисленного количества факелов было светло как днем. Они кричали: “Нет епископам, нет папистским лордам!”, заглядывали в наши экипажи, нет ли внутри епископов, так что мы подвергались большой опасности».

На следующее утро горожане и подмастерья вернулись в Вестминстер с твердым намерением убить любого епископа, который отважится прийти. Заметив лодку епископа, идущую через Темзу, они кричали: «Епископ! Епископ!» — и не давали ему пристать к берегу. Вероятно, хотя и не доказано, что эти беспорядки на самом деле планировались и организовывались парламентской партией, чтобы оказать дополнительное давление на короля.

29 декабря группа из двенадцати епископов подала жалобу на то, что их «жестоко запугивали, унижали и оскорбляли», а принятые во время их вынужденного отсутствия решения палаты лордов не имеют законной силы. Это было равносильно утверждению, что без епископов парламент незаконен. Члены палаты общин пришли в ярость от того, что они посчитали заносчивостью: на следующий день епископов

обвинили в государственной измене и отправили в Тауэр, а ночь стояла снежная и морозная. Теперь высшие сановники Англиканской церкви, включая обоих архиепископов, находились под замком. Появилась возможность, что в их отсутствие пуританская оппозиция сможет наконец провести свои радикальные меры через палату лордов. Король отнюдь не был одинок в попытках применения силы и тайного сговора.

На следующий день во дворе и в окрестностях Вестминстера увидали большое количество старых военных офицеров короля, которых Симондс Д'Эвес описал как «отчаянных и распущенных малых». Джон Пим приказал держать закрытыми двери своей палаты. Затем он объявил, что раскрыл заговор, устроенный с целью до наступления ночи разогнать палату общин, — еще одна пролитая в огонь капля масла.

В первый день нового, 1642 года дела дошли до точки кипения. Комиссии палаты общин и остатки палаты лордов собрались в Гилдхолле, чтобы обсудить общую стратегию. Было согласовано, что следует собрать отряды обученных военных под властью парламента; на этой встрече также было решено обвинить королеву в связях с католическими мятежниками в Ирландии, — ве-

роятно, чтобы спровоцировать короля на резкие шаги. Подготовленные парламентские отряды действительно сформировали, практически отдав Лондон под их контроль. Мобилизовывать вооруженные силы без разрешения короля было актом измены, но, похоже, никого это больше не заботило.

В любом случае Карл уже готовил планы обвинить в измене конкретных членов парламента: он уже заявлял, что об их переписке с шотландцами, да еще в военное время, «забывать нельзя». 3 января палате лордов зачитали обвинения против лорда Мандевилла, Джона Пима, Джона Хэмпдена, Артура Хейзелрига, Дензила Холлса и Уильяма Строда. Пим на следующий день направил делегацию в муниципальный совет Лондона с просьбой о помощи; совет недавно избрали с пуританским большинством, и в этот день он сформировал для города «комитет безопасности».

Это было вовремя, поскольку король приготовился нанести удар уже во второй половине этого дня. Пима предупредили об атаке, по всей видимости, шпионы при дворе, и он подготовил красочный спектакль. Сразу после полудня обвиняемые королем парламентарии заняли

свои места в палате общин, прекрасно зная, что королю сообщат об их присутствии. В три часа дня Карл выступил из Уайтхолла с вооруженной охраной в 300 человек и проследовал в Вестминстер. Как только известие достигло палаты общин, обвиняемые выскользнули из помещения и укрывались в Суде королевской скамьи, пока их не вывезли в Сити. Когда они уже удалялись, по лестнице в вестибюле прозвучали шаги королевского отряда. Король вошел в палату общин один, но двери оставались открытыми, чтобы парламентарии могли видеть ожидающих вооруженных людей.

«Господа, — сказал Карл, — сожалею, что пришел к вам по такому поводу». Он попросил выдать ему членов палаты, против которых выдвинуты обвинения. Тут он понял, что его заставили раскрыть карты. Он осмотрелся и увидел, что они ушли. «Я не вижу их, — прошептал король, — мне следовало помнить, с кем я имею дело». Он добавил вслух: «Я пришел сказать вам, что должен взять их при любых обстоятельствах. Господин Пим здесь?» Ответа не последовало. «Так, так! Это не имеет значения. Думаю, мои глаза не хуже других». Затем он попросил спикера помочь ему найти нарушивших порядок членов парла-

мента.

«Если будет угодно вашему величеству, — ответил Лентхолл, — пока я нахожусь на месте спикера, у меня нет глаз, чтобы видеть, и нет языка, чтобы говорить что-то иное, кроме того, что прикажет мне парламент, слугой которого я здесь являюсь; и я покорно прошу меня простить, что не могу дать иного ответа на требование вашего величества».

Тут наступило то, что современники называли «долгой паузой» или «мертвой тишиной». «Хорошо, — в конце концов произнес король, — поскольку я вижу, что все птички улетели, надеюсь, вы пришлете их ко мне, как только они вернутся. Если нет, я найду всех сам, потому что их измена отвратительна, причем она такого свойства, что вы будете благодарить меня за ее раскрытие. Даю слово короля, что не намереваюсь применять силу, а буду преследовать их законным и справедливым образом, потому что никогда не имел в виду ничего другого». Карл вышел в большом смущении под раздающиеся отовсюду громкие крики: «Привилегия! Привилегия!»

Члены королевской партии в палате общин сразу поняли, что он совершил грубый, а возможно, фатальный просчет; его авторитет на

ближайшее будущее потерян, и в состоянии понятного смятения они смиренно покорились решению парламента для большей безопасности переместиться в зал одной из лондонских гильдий. В вечер провалившейся попытки взять обвиняемых парламентариев весь город приобрел вид военного лагеря. Поперек главных дорог возвели баррикады и повесили цепи; жители предместий и самого города предложили парламенту свою помощь в случае, если на них пойдет армия Карла. Женщины грели воду, чтобы обливать кипятком наступающих кавалеров. Скрывающихся от короля членов парламента надежно укрыли в доме на Колман-стрит, известном центре радикальных схизматиков. Кто-то уже кричал, что король недостоин жизни. Карл фактически потерял столицу.

Однако Лондон был не единственным местом, где звучало недовольство. На следующий и в последующие дни тысячи людей из Кента и Бекингемшира, Нортгемптоншира и Лестершира, Эссекса и Сассекса, верхом и пешком двигались в Вестминстер с петициями к парламенту. В основном они жаловались на упадок в торговле, вызванный разногласиями и беспорядками в королевстве. Стране в результате политического

кризиса угрожал стремительный экономический спад. Потеря доверия ограничила торговлю, розничные и оптовые торговцы Лондона припрятывали деньги до лучших времен. Большинство людей жаждало мира. Важно отметить, однако, что петиции из Кента и всех остальных мест адресовались парламенту как центру власти в стране.

10 января король уехал из Лондона в Хэмптон-Корт, появившись там настолько быстро и неожиданно, что во дворце не успели приготовить постели для него и его семьи. Карл сказал голландскому посланнику, что опасался за безопасность супруги в столице. Он снова увидит Лондон только через девять лет, когда вернется туда пленником. На следующий день члены парламента, которых король обвинял в государственной измене, вернулись по воде в Вестминстер, где их приветствовали ликующие толпы.

Военный арсенал страны располагался в Халле, там хранилось 20 000 единиц оружия и 7000 баррелей пороха. Король назначил графа Ньюкасла комендантом порта и арсенала, однако его опередили оперативные действия молодого парламентария Джона Хотэма, который убедил мэра

Халла впустить его солдат. Затем комендантом города назначили отца этого парламентария сэра Джона Хотэма.

Палата общин издала обращение к властям всех графств, побуждая их «занять оборонительную позицию», а через день-два их попросили назначить своих наместников вместо тех, кто лоялен только к королю. Тогда король направил в парламент послание, в котором предложил сохранить привилегии его членов и защитить интересы истинной религии в обмен на обязательство сохранить его власть и доходы. Палата лордов хотела отправить простой ответ с благодарностью, но палата общин ответила требованием передать все крепости и армию для охраны порядка в руки своих сторонников.

В конце января Карл призвал всех верных ему лордов собраться в Виндзоре, куда он к тому времени перебрался. К нему присоединились четырнадцать пэров, таким образом большинство оставшихся в Вестминстере оказалось на стороне пуританской оппозиции. Лорды пуританской коалиции теперь могли большинством голосов своей палаты проводить все необходимые законопроекты. Так, 5 февраля палата общин представила лордам билль об исключении епи-

скопов из парламента. Темп событий ускорился. В середине месяца Карл и Генриетта Мария находились в Кентербери, на пути в Дувр, откуда королева должна была отплыть в Голландию. Она ехала, якобы сопровождая дочь на оговоренную свадьбу с принцем Оранским, но у нее были и более секретные цели: королева прилагала усилия к поиску военных наемников и *materiel* (оснащение), поскольку, как она сказала венецианскому послу, «чтобы уладить дела, нужно сначала их расстроить».

Тут королю доставили законопроект об исключении епископов из парламента. Ему говорили, что если он не даст королевского согласия на этот документ, то сторонники парламента могут помешать отъезду королевы; тогда и королева добавила свой голос за утверждение закона. Поскольку дело касалось ее самой, епископами можно было пренебречь. Соответственно, Карл согласился, несмотря на то что в своей коронационной клятве обещал сохранять все привилегии священнослужителей. Возможно, он рассчитывал, что позже сможет аннулировать свое решение в более благоприятных обстоятельствах.

Возвращаясь во дворец в Гринвиче, он по-

слал за старшим сыном. Король решил держать принца Уэльского при себе в качестве гарантии сохранности королевской семьи. Отец и сын будут вместе последующие три года во всех превратностях войны. Теперь члены парламента попросили Карла оставаться в окрестностях Вестминстера; его присутствие где-нибудь еще могло стимулировать конфликт и опасность. Он ответил так: «Что касается моего пребывания поблизости от вас, то я бы хотел, чтобы оно было так безопасно и почетно, что у меня не было бы причин уезжать из Уайтхолла. Спросите себя, почему мне пришлось так поступить». Другими словами, он не чувствовал себя в безопасности вблизи парламента и жителей Лондона.

На следующий день Карл отправился в роялистский Йорк, а не в столицу. По пути, в Ньюмаркете, к нему явилась парламентская делегация с тем, чтобы представить свои доводы: они зачитали декларацию, в которой подробно описывались все действия короля, включая последнюю попытку арестовать пять членов палаты общин. Король был очень раздражен. «Это неверно, — сказал он по одному из пунктов. — Это ложь!» Ответ Карл дал на следующий день: «Что я вам сделал? Разве я нарушил ваши законы? Разве я отверг

какой-то закон, направленный на обеспечение покоя и безопасности моих подданных?» А потом добавил: «Я не спрашиваю, что вы сделали мне».

Граф Пембрук, член пуританской оппозиции, убеждал короля вернуться и высказать свои требования или пожелания. «Я бы выпорол мальчика в Вестминстер-скул, — сказал Карл, — который не смог бы понять этого из моего ответа». Тогда Пембрук попросил его передать командование армией в руки парламента. «Избави Бог, — воскликнул Карл, — ни на одну минуту!» И добавил: «Вы попросили от меня того, чего никогда не просили ни у одного короля». Никакой король не передал бы свои войска тому, кто фактически был его врагом.

16 марта члены палаты общин выпустили прокламацию, наделяющую парламент высшей властью в стране. Когда палаты лордов и общин «объявят закон, ставить его под сомнение и обсуждать, опровергать и призывать ему не подчиняться является грубейшим нарушением привилегии парламента». Тогда же парламентарии приняли ордонанс, по которому они взяли на себя право назначать командующих местными правоохранительными отрядами; эти люди, в свою очередь, будут собирать войска в интересах

парламента. А потом внесли закон о наложении новых налогов, к большому ужасу местных общин.

Члены парламента теряли популярность. Кларендон написал, что «их действия настолько печально известны и страшны, что ко всем, кто к ним нехорошо относится, подсылают шпионов и устраивают допросы по поводу всех личных, несущественных, случайных разговоров». Многим казалось, что они стали деспотами, а не представителями народа, инквизиторами, а не защитниками прав и свобод. Как сторонник короля Кларендон, возможно, был необъективным свидетелем, но он упоминает случай с одним из членов палаты общин, которого исключили из парламента и отправили в тюрьму за слова, что парламент не может предоставить себе охрану без согласия короля.

Пока еще необходимости в военных действиях не возникло. Местные общины жили мирно; городские суды, суды письменного производства и суды квартальных сессий по-прежнему собирались. Хлеб взвешивали, качество эля контролировали. Широким слоям населения еще казалось, что можно достичь политического соглашения. Ни одна из сторон, похоже, не имела

ни силы, ни ресурсов, чтобы сформировать и использовать армию. Никто не хотел быть виноватым в развязывании гражданской войны. Аристократы с обеих сторон искренне желали какого-то компромисса.

Король вместе с сыном не спеша ехал в Йорк. В Кембридже Карл посетил богослужение, студенты кричали ему *Vivat rex!* («Да здравствует король!»); шериф, однако, не вышел приветствовать короля. Принц Уэльский рассказал сестре, что отец был «печален и встревожен». То, как короля принимали в Йоркшире, тоже не вдохновило Карла. Он прибыл в Йорк в сопровождении всего тридцати девяти дворян и семнадцати человек охраны, но джентри не стекались под его знамена. Архивариус Йорка в своем приветственном обращении побуждал короля «прислушаться и снизойти» к своим парламентским оппонентам. Маргарет Эвр, йоркширская леди, о которой мы уже упоминали, выразила свое пожелание: «О, если бы милосердный парламент пришел с предложением мира! Мы очень напуганы; лично я даже скрип двери принимаю за барабанный бой. Дела здесь настолько плохи, что мы не можем заработать на наших угольных копях». Можно считать эти слова обобщением настроения нации

— смесь страха и смятения. Никто не был в состоянии до конца понять, что происходит. Неужели нельзя найти решение? Участники действа, как сомнамбулы, двигались навстречу беде.

Сам король по-прежнему изображал определенный оптимизм, говоря, что легко может собрать армию в 16 000 человек. Он объявил, что наберет войска в Чешире и ударит по мятежникам в Ирландии. Карл написал парламенту, что «твердо решил со всей возможной скоростью идти на Ирландию, чтобы покарать этих злобных и мерзких бунтовщиков». Он добавил, что для этой цели намерен сформировать силы в 2000 пеших и 200 конных солдат, которых следует вооружить «из моего склада в Халле». Конечно, он мог иметь в виду и другого противника.

Вот здесь была проблема. Халл находился в руках парламента, представленного комендантом города сэром Джоном Хотэмом. Хотэм знал, как и все остальные, что королю, возможно, требуется оружие для борьбы со «злобными и мерзкими бунтовщиками» много ближе к дому, чем Ирландия. Он также знал, что Карл скоро явится и потребует повиновения. Члены парламента предвидели такой поворот событий и приказали Хотэму открывать городские ворота только по

их распоряжению. Они не могли объявить яснее, кто теперь хозяева положения.

На последней неделе апреля Карл добрался до Халла в компании 300 конников, предварительно передав послание, что едет пообедать с комендантом. Сэр Джон Хотэм решил не организовывать триумфального въезда. Когда король подъехал, ворота были закрыты, разводной мост поднят, а на крепостном валу стояла охрана. Карл потребовал обеспечить ему проезд как их законному государю, но Хотэм объяснил: «Я не осмеливаюсь открыть ворота, потому что перед парламентом отвечаю за безопасность города». Король возразил: «Полагаю, у вас нет приказа от парламента закрывать ворота передо мной и не пускать меня в город». На что Хотэм ответил, что его отряд настолько велик, что «если его впустить», то он не сможет «эффективно контролировать город». Похоже, позже Хотэм сказал королю, что готов его впустить в сопровождении двенадцати человек. Карл не принял этого условия как оскорбляющего королевскую персону и под звуки трубы объявил Хотэма изменником. Его королевская гордость и чувство собственного достоинства были глубоко оскорблены.

Возвратившись в Йорк, он написал письмо

в парламент, где известил парламентариев об оскорблении, нанесенном ему Хотэмом, который «имел наглость утверждать, что парламент приказал ему отказать во въезде Его Величества». Обе палаты в ответ констатировали, что «сэр Джон Хотэм лишь подчинялся распоряжениям парламента», а «объявление предателем члена палаты общин, каковым он является, есть грубое нарушение привилегии парламента». Они также отдали приказ шерифу Йоркшира «пресечь» дальнейшее формирование королевских войск. Обе стороны стремились в долину скорби.

24. Ни жарко ни холодно

Весной 1642 года обе палаты решили, что «король, обманутый порочными советниками, намеревается начать войну против парламента». Соответственно, они начали готовить солдат и оружие. В мае объявили набор 16 000 рекрутов. На военную службу призвали правоохранительные силы Лондона, они собрались на смотр на Финсбери-филдз. Оружие из Халла перевезли в Тауэр. Принудительный заем с доходом в 8 % помог пополнить сейфы казны парламента деньгами и столовым серебром. Во время этой весенней сессии парламент назначил графа Уорвика лорд-адмиралом английского флота. Граф быстро приобрел преданность моряков, и корабли, поддерживающие короля, были захвачены и разоружены. Позже Кларендон отметил, что «потеря всего флота имела исключительно плохие последствия для положения короля». Монарх Англии без господства на море едва ли вообще мог считаться королем.

Люди и деньги прибывали и к Карлу в Йорк. Представители аристократии и духовенства,

джентри и ученых обоих университетов посылали ему драгоценности, столовое серебро и наличные деньги. Королева отправила из Голландии судно с боеприпасами и шестнадцатью пушками, однако оно попало в руки противника у берегов Ярмута. Чтобы мобилизовать войска, парламент выпустил «Ордонанс о милиции», а Карл, в свою очередь, возродил «патенты на набор» для формирования добровольной армии. Такие патенты (официальный документ, написанный на латинском языке и скрепленный Большой печатью) рассылались в каждое графство и каждый город страны; в них назывались конкретные командиры, которые будут охранять свою территорию для короля и одновременно собирать людей и деньги на его дело. Тем не менее в этот конкретный момент обе стороны набирали солдат как бы не для боевых действий: войска можно было использовать, чтобы удержать противную сторону от насилия или как аргумент на последующих переговорах.

Противоположные распоряжения «Ордонанса о милиции» и патентов на набор создавали людям много проблем. Когда майским утром сэр Томас Найветт, известный умеренными взглядами бывший военный, прогуливался в Вестминстере,

к нему подошли два человека от парламента с приказом «на основании ордонанса снова взять на себя командование ротой». Он рассказывал жене, что «не знал, что делать — соглашаться или отказаться»; однако согласился, потому что Вестминстер — «не место для пререканий». Несколько часов спустя он «столкнулся с заявлением, что король выступает категорически против парламентской армии». Найветт обсудил с товарищами затруднительное положение, и все они согласились, что в этом случае должны следовать собственной совести. Тем не менее Томас Найветт написал: «В такие опасные времена я считаю разумнее и спокойнее держать свою роту как можно ближе к себе и стараться быть подальше от новых хозяев, пока не закончатся первые проверки». Это слова сдержанного и относительно непредвзятого человека, который оказался между двух огней. Его голос, как и голос многих других разумных людей, скоро заглушат все более грозные интонации тех, кто призывал к суровым действиям против оппонентов. Одному лондонцу, который отказался следовать директиве парламента, посоветовали «уехать из города, пока парни на улице не вышибли ему мозги».

Теперь события развивались по инерции:

каждое действие вызывало противодействие, и каждый слух порождал дальнейшую реакцию. Сторонник парламента Балстроуд Уайтлок позже обратил внимание: «Удивительно, как незаметно мы скатились к началу гражданской войны — одна непредвиденная случайность за другой, как волны на море, завели нас весьма далеко». Много книг посвящено социальным и религиозным «предпосылкам» или «причинам» этой войны, но одним из главных мотивов, возможно, был банальный страх. Пим и его соратники не сомневались, что, если победит король, их неизбежно ждет смерть за государственную измену.

Один из сторонников парламента, лорд Уортон, в июне 1642 года написал главному судье, который находился с королем в Йорке. Он спросил судью, как получилось, что в нашем королевстве не осталось ни одного человека со здравым смыслом и умением «предотвратить надвигающуюся катастрофу?». Среди его коллег в Вестминстере не было изменников, и он знал, что люди, оставшиеся с королем, «хотят примирения и стремятся к компромиссу». Так почему стороны не могут достичь соглашения? Два года спустя Томас Найветт пришел к выводу, что «наилучшим образом наше тогдашнее поведение объясняется каким-то

умопомрачением».

В начале июня парламент, под внимательным и эффективным управлением Пима, разработал для короля «Девятнадцать предложений»; среди них было пожелание, или приказ, распустить свои войска и признать законность «Ордонанса о милиции». Монарху предлагалось согласиться на церковные реформы, обрисованные членами парламента, и убрать пэров-папистов из палаты лордов. Основных министров следовало назначать только с одобрения парламента, и все важные государственные решения обязательно обсуждать в обеих палатах. Этот документ стал, по словам парламентария Эдмунда Ладлоу, «главным основанием для надвигающейся войны». Ладлоу сформулировал, что вопрос вылился в следующее: «Либо король правит своей волей, как Бог, и народом управляют силой, как животными, либо люди подчиняются законам, которые установили сами, и живут при правительстве общего согласия».

Карл, естественно, решительно отверг эти требования, сказав: *Nolumus leges Angliae mutari* («Мы не желаем изменения законов Англии»). Он заявил, что принятие парламентских предложений превратит его «всего лишь в номинальную

фигуру, всего лишь в изображение, всего лишь в символ короля». Эти предложения представляли собой «издевательство» и «насмешку». Тем не менее некоторые люди все же не хотели конфронтации. Член парламента сэр Гилберт Пикеринг писал тогда другу, что «есть определенные попытки договориться… и большинство людей полагает, что чувствуется дуновение мира. Однако все готовятся к войне». Семнадцать графств подали петиции о достижении «договоренности» между двумя сторонами.

В начале июля пришло сообщение, что роялисты набрали армию в графствах Херефордшир, Вустершир и Уорвикшир; скоро стало известно, что Карл возглавил кавалерию. 11 июля парламент заявил, что король уже начал войну, таким образом снимая с себя ответственность за развязывание вооруженного конфликта. На следующий день графа Эссекса поставили во главе парламентской армии, а король тут же объявил его государственным изменником. Первая кровь пролилась через три дня, когда житель Манчестера умер от ран, нанесенных ему группой роялистских солдат. Теперь две стороны состязались за контроль над боеприпасами местного ополчения.

Парламент образовал Комитет безопасности, который летом и осенью начал собирать солдат, вооружение и налаживать поставки; в определенном смысле этот комитет стал верховным командованием, поскольку он контролировал военную стратегию и обеспечивал связь между парламентом и командирами на местах.

Противостоящие стороны начали приобретать очертания. Первые сторонники короля вдохновлялись идеей лояльности монарху и пониманием природы повиновения. Наилучшим образом это выразил сэр Эдмунд Верней, сказав о короле: «Я ел из его рук, служил ему тридцать лет и никогда не опущусь столь низко, чтоб отречься от него». Верней погиб вскоре после того, как написал эти слова, в первом большом сражении гражданской войны. Его чувство чести перевесило все остальные соображения. Это был принцип, называемый «славной службой» или «добрым старым делом».

Большинство пэров и крупных землевладельцев поддержало короля, поскольку его власть гарантировала их привилегии. Две трети семейств джентри тоже встали на сторону короля. Пуританские джентри, естественно, были сторонниками парламента. Пуританский богослов Ричард Бакстер тщательно проанализировал

сложившуюся ситуацию. Он утверждал, что, «по мнению некоторых, в большинстве графств на стороне парламента была меньшая часть джентри, но большая часть лавочников, свободных землевладельцев и ремесленников среднего уровня, особенно в тех общинах [городках] и графствах, которые зависят от изготовления одежды и подобных производств». Элемент народного, или простонародного, роялизма, который по-прежнему ощущается и сегодня, был очевиден в рвении за дело короля среди грузчиков, лодочников, мясников и чернорабочих в более крупных городах; язык улицы нередко осуждал «парламентских собак» и «парламентских шлюх». В знак своей верности они носили на головных уборах красные ленточки.

Разумеется, церковные диссентеры с жаром приняли сторону парламента, а католики и традиционные протестанты поддержали короля или, из боязни расправ, соблюдали нейтралитет. Университетские и кафедральные города были главным образом за короля, хотя духовенству часто противостояли члены местных советов, а вот основные портовые города и верфи — за парламент. Однако значительное количество городов в целом не хотело вмешиваться в конфликт.

В самых общих чертах: север и запад страны сочувствовали королю, а юго-восток, в частности Лондон, поддерживал парламент. Однако во всех графствах существовал раскол. Например, север Линкольншира был преимущественно роялистским, тогда как юг графства большей частью выступал за парламент. О Дербишире сообщалось, что «пояс железа и угля» в восточной части графства — роялистский, а «свинцовые районы» на севере — за парламент. Скорее всего, это объяснялось больше особенностями строения общества, чем геологией: в районах добычи свинца жило много независимых мелких хозяев, а месторождения угля и железа зависели от более крупных предприятий, которые контролировал один хозяин или землевладелец. В других графствах в лесах располагались многочисленные изолированные самодостаточные приходы, верные делу пуританства, а в совместных поселениях, где вели «общее» хозяйство, люди принимали сторону короля.

Проводились и более скрупулезные исследования. Подсчитали, что роялисты были несколько моложе сторонников парламента. Такой статистике содействовал тот факт, что многие молодые люди присоединялись к королю из чувства бра-

вады, а также патриотизма; в самом парламенте роялисты были в среднем на одиннадцать лет моложе своих пуританских коллег. Понятно, что судьи страны тоже разделились во мнениях, некоторых из них беспокоили конституционные претензии короля, а служащие различных государственных учреждений скорее были активными сторонниками парламента. Юристы тоже имели долгую историю вражды с придворными.

Большинству населения было ни жарко ни холодно. Вероятно, людей не интересовали взгляды сторон, но их тревожили и пугали перемены, которые произошли в королевстве. Рьяные поборники обеих сторон провоцировали конфликт, и именно они его закончат. Остальные держались в сторонке и ждали. Их не волновала форма правления, пока, по словам члена парламента Артура Хейзелрига, «они могли пахать и ходить на рынок». Некоторые говорили, что дело следует решить, подбросив монету.

Сэр Уильям Воллер, генерал парламентской армии на западе, написал своему роялистскому коллеге сэру Ральфу Хоптону: «Мои чувства к вам настолько неизменны, что сама по себе война не может разрушить мое дружеское расположение к вашей персоне; но я должен быть честен в от-

ношении дела, которому служу». Он заявил, что ненавидит войну без настоящего врага, но «рассматривает ее как *opus domini* [Божье дело]»: «Мы оба на сцене и должны сыграть роли, назначенные нам в этой трагедии. Давайте сделаем это с честью и без личной вражды». Это одна из самых благородных позиций, прозвучавших в то время.

Не осталось ни города, ни графства, которые бы не разошлись во мнениях: везде — от крупнейшего города до самого скромного прихода — чувствовался раскол. Некоторые охотники называли свои своры охотничьих собак круглоголовыми или кавалерами, а дети на улицах играли в войну, разделяясь на тех и других.

Многие семьи тоже расходились в убеждениях, хотя иногда считалось, что это удобный прием сохранить семейную собственность в случае окончательной победы той или иной партии. Старшие сыновья чаще становились роялистами, а младшие оставались «нейтральными» или «сомневающимися». Тем не менее не все семейные разногласия улаживались мирным путем. Сэр Джон Огландер, не принимавший участия в конфликте, записал в своем дневнике: «Ты счел бы странным, если бы я сказал, что в Англии были времена, когда братья убивали братьев, кузены

— кузенов и друзья — своих друзей».

Днем 22 августа Карл верхом въехал в Ноттингем, там сняли с замка королевский штандарт и закрепили на земле рядом с монархом. Это был шелковый флаг с королевским гербом и девизом «Воздайте кесарю кесарево», он свисал с длинного шеста, который в верхней части был покрашен в красный цвет и, как говорили, напоминал так называемое майское дерево[36]. Король быстро просмотрел объявление войны и поправил несколько слов. Затем зазвучали трубы, глашатай нетвердым голосом зачитал текст объявления, и все стали бросать в воздух шляпы и кричать: «Храни Господь короля Карла! На виселицу круглоголовых!» Той ночью в разгар бури штандарт сдуло. Кларендон сообщил, что «общая печаль накрыла весь город, сам король казался более меланхоличным, чем был обычно». Гражданская война началась.

[36] Примечания: 36

Майское дерево (maypole) — украшенный столб, вокруг которого в Англии танцуют в майский праздник, знаменующий начало весны. Отмечается в первое воскресенье мая.

25. Врата ада

В конце лета 1642 года королю удалось собрать армию из правоохранительных отрядов графств, сохранивших ему верность, и готовых к действию добровольцев, вдохновляемых верноподданническими чувствами, корыстолюбием и склонностью к мародерству. К тому моменту как Карл выступил из Ноттингема, под его знаменами находилось семь или восемь пехотных полков, затем, уже на марше, у нему подошло несколько полков кавалерии. В целом он имел под своим командованием примерно 14 000 человек.

Вскоре и другим могла прийти в голову мысль поспешить навстречу королю, поскольку в начале сентября парламент объявил, что все, кто не согласен с его намерениями, «преступники» или «злобные зловредные личности», чью собственность можно конфисковать. Люди, которые поддерживали короля, ничего для него не предпринимая, и те, кто соблюдал нейтралитет, теперь ощутили себя в опасности. Декларация парламента еще больше разделила нацию на партии. Многие землевладельцы и вельможи,

прежде не принимавшие участия в борьбе, решили набрать отряды для короля, чтобы защитить свои жизни и поместья. Сторонник парламента Симондс Д'Эвес признал, что эта декларация «повергла в отчаяние не только конкретных представителей аристократии и других слоев общества, но и целые графства». Короля весьма ободрила ошибка его противников, он уверенно ожидал, что в его войска вольется много свежих сил. Эта надежда оправдалась.

9 сентября граф Эссекс выехал к своей армии в Нортгемптон. Он взял с собой гроб и саван в знак своей верности делу до конца жизни. Граф командовал армией в 20 000 человек, и все полагали, что он легко победит короля. Кларендон писал о нем, что «его гордыня возмещала недостаток трудолюбия: он сердился, когда видел, что другому человеку выказывают больше уважения, чем ему, потому что думал, будто заслуживает этого в большей степени, и всегда старался отомстить». Он был очень богат и влиятелен. Ему нравилось, чтобы к нему обращались «ваше превосходительство» и считали равным только королю. Он имел привычки и манеры лорда по рождению, сродни тем, что участвовали в войнах Алой и Белой розы. Однако пока было неясно,

великий ли граф военачальник. Весьма вероятно, что его сдержанный и надменный стиль поведения ошибочно принимали за мудрость. Он не был мятежником по природе своей и во главе парламентской армии ощущал себя весьма неуютно. Казалось, его конечная цель состояла в том, чтобы оторвать короля от «злонамеренных советников» и привезти обратно в Лондон в качестве конституционного монарха, работающего заодно с парламентом. Его же парламентским друзьям требовалось совсем другое.

В течение той осени под ружье поставили примерно 40 000 человек, к лету 1643 года это количество увеличилось до 100 000. Противостоящие армии во многих отношениях совпадали. Подавляющее большинство солдат в них полагало, что война продлится недолго и они вовремя вернутся на свои поля, чтобы убрать следующий урожай. Широко бытовало мнение, что дело решит одно большое сражение. Многие солдаты были из бедных, их заставили идти в армию лендлорды или работодатели.

Из одной деревни в графстве Шропшир в королевскую армию попали задолжавший фермер, сын человека, которого повесили за конокрадство, больной ткач, бродячий портной и семья

из отца и трех сыновей, ютившаяся в пещере. Солдат обеих сторон иной раз презрительно называли «отбросами общества». Людей выпускали из тюрем и принудительно отправляли на военную службу. Бытовало мнение, что лучшие рекруты — это мясники, привыкшие к виду крови. Для некоторых людей война стала желанным избавлением от суровых житейских тягот, и они жадно искали возможности разжиться деньгами или имуществом. Один ветеран, полковник Берч, вспоминал: «Когда я был в армии, некоторые говорили: «Давайте не пойдем туда, чтобы война не кончилась слишком скоро». К тому же солдатам выдавали пайки более сытные, чем еда, которой они питались дома: обычный рацион на день составлял 2 фунта хлеба или сухого печенья и 1 фунт мяса или сыра, а также бутылку вина или две бутылки пива.

Роялистские войска часто обвиняли в пьянстве и распутстве, в первые месяцы войны сообщалось, что в Лестершире группа королевских солдат убила женщину на восьмом месяце беременности. Пуританский ремесленник из Истчипа Нехемия Валлингтон писал, что «они угрожают, кричат, богохульствуют и командуют, грабят, мародерствуют и делают всяческое зло».

Однако злоупотреблениями занимались не только кавалеры. Роялисты, возможно, разносили питейные заведения, но сторонники парламента оскверняли церкви. Атмосфера войны превращает людей в животных. Говорили, что, когда солдат ставили на постой в церкви или общественном здании, они оставляли после себя ужасающую вонь, испражняясь в углах помещения. Нередко войска приносили с собой инфекционную болезнь, которую стали называть «сыпным тифом».

Многие солдаты пошли в армию добровольно, по искреннему убеждению. Парламентские солдаты на марше часто пели псалмы, а пресвитеры читали им проповеди по таким текстам, как 67-й псалом «Да воскреснет Бог, и рассеются враги его…». Более мирское соперничество тоже воодушевляло их: рассказывали, что солдаты из Херефордшира особенно яростно сражались с глостерширцами, а ланкаширцы — с нортумберлендцами.

Солдаты несли пики и мушкеты, но некоторые по-прежнему были вооружены луками со стрелами по старому образцу. Пика изначально предполагалась длиной 5,5 метра со стальным наконечником. Но многие солдаты укорачивали

ее как слишком громоздкую, кроме того, пикинеры также имели короткий клинок. Мушкеты заряжались слабым порохом, и солдатам советовали стрелять только с близкого расстояния; поскольку не было патронов, мушкетеры держали две-три пули во рту или за поясом. Чтобы выстрелить, им приходилось заряжать мушкет, а потом поджигать порох с помощью горящего шнура, который называли спичкой. Некоторые предпочитали стрелять из своих мушкетов стрелами. Они носили кожаные куртки и шлемы, похожие на железный горшок.

Однако не все солдаты были необученными и плохо экипированными. Среди них были и профессиональные люди, которые воевали во Франции, Испании и Нидерландах. Обе стороны использовали наемников. Многие командиры послужили в материковой Европе, они хорошо изучили «Военные инструкции» (Warlike Directions) и «Наставления по личному составу и оружию» (Instructions for Musters and Arms) и обычно давали базовую подготовку своим подчиненным: «Поверните мушкеты прикладом вправо… Положите мушкеты, как надо, на плечо… Возьмите спичку. Поджигайте. Вставьте… Товсь. Огонь!»

Первая стычка — или столкновение — произошла недалеко от Вустера. Эссекс повел армию на город, а король, узнав об этом, отправил в поддержку роялистов Вустера принца Руперта. Руперт Рейнский приходился королю племянником и в возрасте двадцати трех лет уже имел репутацию одаренного военачальника. Его умения и опыт считались бесценными. Он отличался жизнерадостностью и бесстрашием, но также безрассудством и торопливостью. Однако в этом случае, в бою ограниченных масштабов, он разгромил парламентскую кавалерию, большинство офицеров противника погибло.

Кларендон писал, что это событие «вселило в королевские войска отвагу, имя принца Руперта стало вызывать ужас, а противник получил сильный шок»; к тому же «с этого времени парламент начал понимать, что дело не закончится так легко, как началось». Оливер Кромвель сам имел серьезные претензии к поведению парламентской армии. Он говорил своему кузену Джону Хэмпдену, что его «солдаты в своем большинстве представляют собой развращенных слуг, буфетчиков и тому подобное, а у них [роялистов] в армии дети дворян, младшие сыновья благородных семей, приличные люди». Кромвель считал,

что для победы парламента нужно сформировать новые, более достойные вооруженные силы.

Наверное, еще оставался один способ предотвратить гражданскую войну. Вельможа из Вустершира, сторонник парламента лорд Генри Брук, заявил, что желает «не допустить кровопролития». Он предложил своему коллеге в графстве, стороннику короля графу Нортгемптону, «сразиться холодным оружием один на один». Исход боя чести, таким образом, определил бы победившую сторону. Неплохое средневековое средство разрешать проблемы, но само по себе предложение подчеркивает, до какой степени эта война еще воспринималась как схватка баронов. Однако общество и политически, и социально сильно изменилось с XV столетия.

Король подвинул свою армию к Шрусбери, всего в 80,5 километра от парламентских сил. Три недели противники стояли рядом, но не предпринимали никаких действий. Никто не хотел вступать в бой. Карл решил поторопить события и начал наступление в направлении Лондона. Эссекс был обязан воспрепятствовать движению королевских сил. Граф также желал представить петицию королю, но Карл отказался от встречи. Зачем ему вступать в переговоры с изменником?

Король медленно продвигался к Лондону, Эссекс же шел за ним. Первое сражение гражданской войны состоялось при Эджхилле в Южном Уорвикшире, где силы роялистов остановились на отдых вечером 22 октября. Парламентская армия находилась совсем близко, и Карл решил атаковать с высоты гряды холмов, что обеспечивало ему преимущество. Исход сражения был неоднозначным: кавалерия Руперта какое-то время побеждала, но пехота парламентаристов удержала свои позиции. Обе стороны заявили о своей победе, но на деле не одержал верх никто. Количество погибших составило немногим больше 1000 человек. Один солдат написал матери, что «то поле ночью принесло нам много печали и боли».

Для большинства участников сражения это был первый боевой опыт, который стал полезным потрясением. Солдатами плохо управляли, а кавалерия Руперта вообще вышла из-под контроля. Многие рядовые и некоторые командиры, испытывавшие усталость и омерзение от резни, разбежались по домам. Король, никогда раньше не участвовавший в боевых действиях, и сам пришел в ужас от гибели нескольких своих самых преданных командиров. Казалось, что его также

привела в смятение численность противника: перед сражением он прошептал, что не ожидал увидеть так много людей, поднявших на него оружие. Граф Эссекс тоже испытал не меньшее потрясение. Он надеялся, что дело решится одним большим сражением, но результат оказался кровопролитным и неопределенным. Вдруг это предвестие войны? Однако он поднял свой штандарт против монарха, и больше легкого пути вперед нет.

Руперт убеждал короля немедленно наступать на Лондон, но вместо того Карл прошел с войсками 32 километра на юг в Оксфорд, где решил установить свою штаб-квартиру. Именно оттуда в начале ноября он предпринял атаку на столицу. Узнав о приближении короля, напуганные горожане взяли в руки все оружие, которым располагали. Парламент направил в королевский лагерь делегацию для переговоров, однако король, произнеся милостивые слова, все равно продолжил наступление. Принц Руперт атаковал силы парламента у Брентфорда почти в 13 километрах от Лондона, а затем поджег несколько домов в городе; с тех пор в английский язык вошло слово *plunder* («мародерство, опустошение»). Принц будет применять этот метод на протяже-

нии всей войны.

Жители Лондона во исполнение приказов парламента решили дать отпор войскам короля. На поле Челси у деревеньки Тернхем-Грин, в лондонском предместье Чизвик, собрались солдаты — и необученные, и подготовленные — числом около 6000 человек. Граф Эссекс отправился в город и просил выставить больше людей, пока наконец разрозненная армия в 24 000 лондонцев не вышла к Тернхем-Грину, близко к войскам роялистов. В воскресенье 13 ноября две силы стояли лицом к лицу, не уступая друг другу. Испугавшись больших потерь, король ушел к Ханслоу. Даже самые горячие его сторонники засомневались бы, прежде чем пойти на штурм самого города. Тем не менее Карл упустил свой лучший (и последний!) шанс разбить своих врагов. Однако ему не поставят в заслугу такое милосердие, а отвод войск в последнюю минуту посчитают публичным унижением. Именно так событие было представлено, по крайней мере, в подконтрольной парламенту прессе.

Во время перерыва в военных действиях со стороны разных кругов раздались призывы к примирению и договоренностям. Парламент предложил вниманию короля четыре предложе-

ния, зная, что монарх их отвергнет. У городского совета Лондона собралась толпа жителей, выкрикивая: «Мир и правда!» — но кто-то крикнул: «К черту правду! Мы хотим мира любой ценой!» Требования положить конец военному противостоянию часто звучали на протяжении всей войны, но на каждой стадии процесса сторонники активных действий брали верх над своими более осторожными коллегами. Например, воинственные члены парламента считали, что замирение с королем будет равносильно капитуляции. Они, напротив, начали искать подходы к Шотландии, стремясь добиться от нее военной поддержки.

Также было важно собрать дополнительные деньги. 25 ноября парламент согласовал наложение налога на Лондон, но это было только начало. В последующие несколько недель и месяцев Джон Пим работал над тем, чтобы провести законы по поводу налогообложения земли, общей оценки, конфискаций, налогов на имущество и повышения акцизных сборов. Всех состоятельных людей обязывали делать взносы в государственные фонды, при том условии, что они в итоге вознаградятся «общественным доверием» — непонятное и, по-видимому, бессмысленное словосочетание.

Дополнительные налоги оправдывались хорошо знакомыми причинами необходимости и нависшей опасности. В следующем году вышло предписание, что тех, кто не делал добровольных взносов, будут штрафовать на одну пятую дохода с земли и одну двадцатую стоимости личного имущества.

В Оксфорде король со своим двором разместился в колледже Крайст-Черч, а принц Руперт въехал в колледж Сент-Джонс. Колледж Всех душ праведных стал арсеналом, Королевский совет собрался в колледже Ориел. Облик университета странным образом изменился. Главный двор Крайст-Черч превратился в загон для скота. Также он стал некоторым суррогатом королевского двора, где в том числе из рук в руки передавались сатиры и любовные поэмы.

Обе стороны уже продумали свою стратегию предстоящего конфликта. План роялистов заключался в том, чтобы медленно надвигаться на Лондон с севера и запада, а принц Руперт с его кавалерией будет оказывать поддержку наступлению из Оксфорда. Портовые города Плимут и Бристоль на западе, а также Халл на северо-востоке предполагалось отбить у парламента, чтобы они не угрожали флангам передвигающихся

армий. Парламент, в свою очередь, уже контролировал Лондон и графства, расположенные в юго-восточной и центральной части страны; он решил сформировать из них «ассоциации», чтобы им было легче объединяться и взаимодействовать перед лицом противника.

Оливер Кромвель не отказался от высказанного кузену Джону Хэмпдену намерения сформировать полк, который не уступит «джентльменам» противной стороны. Он выбрал трудолюбивых и деятельных людей разных профессий, которых Ричард Бакстер, лидер пуритан, считал «более смекалистыми, чем обычные солдаты». Если кто-то из них божился, его штрафовали на шиллинг; если напивался, то сажали в колодки. Их стали называть — иногда в похвалу, а иногда иронично — «божьими» или «драгоценными» солдатами.

Первые результаты были благоприятны для Карла и роялистских сил. Один из командующих, граф Ньюкасл, взял Йорк и, казалось, твердо контролировал северные графства. Сам король штурмовал Мальборо и выбил оттуда войска парламента. По словам французского посланника, Карл «не жалел своих сил… чаще передвигался верхом, чем в коляске, с утра до вечера был на марше со своей пехотой». Пленных сторонников

парламента часто отправляли под вооруженную охрану в Ковентри; отсюда в английском языке появилось устойчивое выражение «посылать в Ковентри» — «подвергать остракизму, бойкоту».

Многие по-прежнему полагали, что все скоро кончится. Их уверенность укрепили начавшиеся в феврале 1643 года переговоры между сторонами в Оксфорде. Парламент представил несколько предложений для заключения мира; в частности, королю вменялось в обязанность соблюдать все законы, уже принятые парламентом, и разрешить судить определенных «правонарушителей». Хотя представленные условия совсем не понравились королю, он утверждал, что «исполнит свою роль и извлечет из бочки дегтя столько меда, сколько сумеет». В частной переписке, однако, он писал, что сам Бог не в состоянии «вытянуть мир из этих статей». Карл ответил списком условий, первое из которых предусматривало возвращение ему фортов, доходов и кораблей. Через несколько дней парламент постановил, что ответ короля — вовсе не ответ. Надежды на мир оказались призрачными.

Темп войны ускорило возвращение королевы Генриетты Марии. Из недолгой ссылки она везла с собой деньги и современное оружие. В море ее

захватил сильный и продолжительный шторм. «Успокойтесь, мои дорогие, — сказала королева своим спутникам, — английские королевы никогда не тонут». Когда она сошла на берег в городке Бридлингтон графства Йоркшир, несколько кораблей сторонников парламента обстреляли из пушек дом, где остановилась Генриетта Мария, ей пришлось укрываться за насыпью на поле. Затем парламент разрушил ее часовню во дворце Сомерсет-Хаус, а картину кисти Рубенса, висевшую в ней над главным престолом, выбросили в Темзу. Однако «Ее Величество Генералиссимус», как она себя величала, не испугалась. Из Йорка она отправилась к мужу в Оксфорд, имея с собой 3000 пехотинцев, тридцать кавалерийских эскадронов и шесть пушек.

В начале весны 1643 года Джон Ивлин записал в своем дневнике, что вся Южная Англия наблюдала в небе явление. Это было сияющее облако в форме меча, конец которого указывал на север, «светясь, как луна».

В последующие месяцы преимущество в войне, казалось, склонялось в пользу роялистов, но определенности еще не наступило. Боевые столкновения происходили, но незначительного масштаба и зачастую с неясным исходом,

локальные победы одерживали обе стороны. Лучшими бойцами, естественно, оказывались те, кто сражался за свою землю, и никакое крупное сражение не изменило хода войны.

Войну вели уже по всей стране без серьезного общего плана и контроля. Например, роялистам пришлось брать Лидс, чтобы помочь графу Ньюкаслу, который затем мог бы оказать поддержку графу Дерби, испытывавшему затруднения в графстве Ланкашир. Войска короля осаждали Глостер, но армия лондонцев под командованием Эссекса освободила город. Роялисты делали успехи на севере, однако потеряли ключевой город Рединг. Кавалеры овладели Тонтоном, но парламентский флот отстоял Плимут. Почти во всех графствах разгорелись локальные конфликты. Жители одного городка могли предоставить отряд парламенту, а соседние поместья собирали войска для короля. Военные действия не координировались должным образом. Противоборствующие армии обычно атаковали друг друга, не сообразуясь с общим планом кампании. Никто не знал, что происходит на самом деле.

Лондон захлестнули страхи и слухи, в столицу стекались беженцы из разных районов военных действий. Весной 1643 года вокруг города начали

возводить огромные оборонительные земляные укрепления, многие дома на окраинах снесли, чтобы обеспечить свободную линию стрельбы из двадцати восьми фортов, сооруженных вдоль вала. Его насыпали за рвом шириной 2,7 метра, высота укреплений в некоторых местах достигала 5,5 метра, окружность стены вокруг города составляла 17,7 километра. Большую ее часть за три месяца построили сами горожане. Венецианский посол полагал, что в этой работе участвовали 20 000 мужчин, женщин и детей. «Неистовые и усердные» люди, как описал их Джон Ивлин, проявляли такой энтузиазм, что работали даже по воскресеньям. Сегодня от этой великой стены Лондона не осталось и следа.

Город требовалось защищать и от внутреннего врага. Считалось, что треть населения по-прежнему поддерживает короля, а многие роялисты просочились в ряды правоохранительных отрядов. В начале июня был раскрыт роялистский заговор с целью захватить власть в городе и арестовать ведущих сторонников парламента: длинные языки некоторых из заговорщиков привели всех к задержанию и допросам. В городе был и еще один внутренний враг. Вышел приказ убрать Чипсайдский крест с того места, где он

простоял 350 лет; все другие «папистские памятники» тоже подлежали сносу.

В мае 1643 года произошла небольшая стычка, получившая в ретроспективе серьезное значение. Оливер Кромвель с небольшим отрядом кавалеристов в 3,2 километра от Грэнтема натолкнулся на дивизию роялистов. Кромвель в два раза уступал неприятелю по численности, но немедленно подал сигнал к атаке. Стремительность и внезапность всегда оставались его излюбленными приемами ведения военных действий. Ряды роялистов расстроились, и они побежали с поля боя, или, как сформулировал сам Кромвель, «этой горсткой Господь пожелал решить исход дела». Маленький отряд «божьих» людей, вдохновляемых своим командиром, разбил более мощного противника.

В начале июля настало время навести порядок в духовном мире. В Вестминстере собралась ассамблея служителей церкви, чтобы произвести тщательную чистку основ вероисповедания и системы обрядов, религиозных порядков и общего управления. Делегатам предстояло разработать «руководство» вместо Книги общих молитв и составить «исповедание», которое должны будут разделить все люди. Это играло главную роль в

недавно начавшемся гражданском противостоянии. Поначалу духовенство заседало в часовне Генриха VII, но, поскольку погода ухудшилась, ассамблея переместилась в относительный комфорт Иерусалимской палаты. Работа продолжалась пять лет, состоялось более 1000 заседаний с девяти часов утра до часу-двух пополудни.

Делегаты рыдали, постились и молились. Роберт Бейлли, один из присоединившихся позднее представителей Шотландии, описывал, что «после того, как доктор Твиссе начал с короткой молитвы, мистер Маршал очень истово молился целых два часа. После часовой проповеди мистера Эрроусмита спели псалом, потом мистер Вайнз около двух часов читал молитву; час проповедовал мистер Палмер, два часа мистер Симэн читал молитву, а затем псалом. После чего мистер Хендерсон провел с ними краткий приятный обмен мнениями о групповой исповеди и других видимых ошибках, которые следует исправить, а также о благоприятной возможности проповедовать против всех сект, в особенности против баптистов и антиномистов».

Возможно, стиль изложения хромает, однако усердие очевидно. Когда они не молились, обсуждалось предопределение, предназначение,

подтверждение и лишение спасения. Рассматривались и политические проблемы. Должно ли государство устанавливать одну форму вероисповедания, или следует предоставить человеку свободу самому решать этот вопрос? Должно ли государство преследовать тех, кто исповедует веру, отличную от веры большинства нации? Около месяца они определяли роль отдельных общин в широком сообществе пресвитерианской системы. Что говорится по этому поводу в Священном Писании? В каких отношениях находилась Антиохийская церковь с церковью Иерусалимской? Таким образом, они торжественно полемизировали друг с другом. Шотландские пресвитерианские богословы спорили со своими английскими пуританскими коллегами. Все англичане выступали за «гражданский союз», который оставит «открытой дверь в Англии для независимости», а шотландцы предпочитали «церковный Ковенант». Однако никогда не возникало впечатления, что англичане примут всю строгость шотландского пресвитерианства или согласятся на подчиненность национальной Церкви парламенту. Сам Оливер Кромвель был видным индепендентом, поддерживающим терпимость и плюрализм; многие командиры армии

парламента разделяли его взгляды.

Через несколько дней после официального открытия Вестминстерской ассамблеи Эссекс выдвинул ошеломляющий план. Он предложил еще раз представить Карлу прежние условия перемирия. Если король снова их отвергнет, то он должен будет уйти с поля боя, чтобы две армии могли решить дело одним генеральным сражением. Это был вариант дуэли. Предложение Эссекса невозможно воспринимать серьезно, но оно подчеркивает приверженность графа старым законам рыцарства. Однако век рыцарей давно прошел. Пим объявил эту идею «полной риска и опасности». То было первое серьезное свидетельство слабости Эссекса и его сомнений по поводу победы в войне, и оно вызвало массу опасений. Теперь его, согласно газете Parliament Scout, «оскорбляли в карикатурах, не упоминали с трибун, позорили в застольных беседах простых людей».

Несколько провалов напугало парламент. У местечка Раундуэй-Даун в графстве Уилтшир парламентскую армию разгромили, а тех, кто выжил, взяли в плен. Среди пленных были всадники тяжелой кавалерии, воевавшие в полных доспехах, известные как «лобстеры». При Чалг-

роуве в Оксфордшире роялисты снова победили, а Джон Хэмпден умер от ран. Принц Руперт взял штурмом Бристоль, второй город королевства. За этой победой последовали капитуляции Пула и Дорчестера, Портленда и Уэймута. Вскоре будут потеряны Гейнсборо и Линкольн.

Теперь в палате лордов выросла «партия мира», основательно взволнованная известиями о поражениях, но Пим и его когорта подавили их выступления с помощью устрашения толпами лондонцев. Однако настроения народа подвижны. На второй неделе августа 2000–3000 женщин вышли на Вестминстер с белыми лентами на шляпах. Симондс Д'Эвес написал, что они «нагрянули в большом смятении, навалились на самые двери палаты общин и там кричали, как и в других местах: "Мира, требуем мира!"». Он добавил, что они «нападали на тех, у кого были короткие волосы, с криками "Круглоголовый! Круглоголовый!"».

Парламент стал еще ненавистнее народу после введения нового налога, «акцизного сбора», с единой ставкой на такие товары, как мясо, соль и пиво. Король, в свою очередь, собрал деньги через добровольные пожертвования и налог на роялистские графства, известный как контри-

буция; тем не менее королевские резервы были значительно ниже парламентских.

Карл снова пошел в наступление и двинулся на Глостер. Кромвель написал парламенту, что «нужно действовать активно! Не позволяйте себе отвлекаться! Применяйте все возможные средства!». 10 августа армия роялистов подошла к городу. Карл предложил властям Глостера подчиниться, а когда те отказались, окружил город и держал осаду три недели, но так и не взял его. 5 сентября к театру военных действий подошли парламентские силы под командованием графа Эссекса, и перед лицом провала истощенные войска Карла отступили.

Это был первый крупный успех парламента за многие месяцы, в Лондоне и Вестминстере царило ликование. В своей истории гражданской войны Кларендон написал, что «парламент имел время восстановить потрепанные силы и еще более подорванный боевой дух и, возможно, осознал масштаб власти, к которой впоследствии будет стремиться». Он также написал, что в стане роялистов царило «только уныние ума, недовольство и тайный бунт». Во время отступления из Глостера принц Уэльский спросил отца, идут ли они домой. «У нас нет дома», — отвечал ему

Карл.

Силы графа Эссекса не могли оставаться в Глостере бесконечно, поскольку были нужны в других местах. Армия роялистов ждала поблизости, когда они окончательно оставят город, рассчитывая отрезать их от Лондона. Несколько дней войска разворачивались и маневрировали, двигались и возвращались, причем обе стороны держали курс на Лондон. Люди короля провели неприятную ночь под ветром и дождем, прежде чем догнали противника уже у города Ньюбери в Западном Беркшире. 20 сентября последовало сражение, которое продолжалось целый день. Парламентские силы медленно наступали на роялистов, преодолевая извилистые тропы и изгороди. Солдаты короля держали свои позиции, не пуская врага на дорогу к Лондону, но вечером в конце концов отошли. Они чрезвычайно обессилели, и, весьма вероятно, у них закончились боеприпасы. Это сражение нельзя назвать замечательным по тактике или стратегии, скорее это была жестокая и кровопролитная патовая ситуация: все зависело, по выражению того времени, от «рукопашного боя». Обе стороны, естественно, заявили о своей победе.

Легко перечислять названия и даты сражений,

но гораздо сложнее описывать их суть. В действительности они состояли из сотен отчаянных схваток отдельных солдат, которые понятия не имели, что происходит вокруг них. Возникали волны панического ужаса, когда людей охватывал страх смерти и они бежали с поля боя. Командиры не имели возможности управлять ходом сражения, помогали разве что удачное стечение обстоятельств или неожиданная интуиция. Это была молотящая, содрогающаяся, неустойчивая масса людей и лошадей. Победа или поражение в значительной степени зависели от случая.

Ужас и неразбериха достигали такого уровня, что обе стороны думали, будто вступают в горящие врата ада. Капитан роялистов Ричард Аткинс вспоминал об одном из боев: «В воздухе стоял такой пороховой дым, что, думаю, целую четверть часа мы не видели света, только вспышки от залпов выстрелов; это был наибольший хаос, виденный мной в жизни: я не знал ни куда двигаться, ни что делать. В мою лошадь сразу попали две-три мушкетные пули, она сильно задрожала подо мной, и я едва смог шпорами не позволить ей лечь на землю. В конце концов она вынесла меня к идущему впереди коню и тогда пала».

Более известный командир роялистов Уильям Кавендиш вспоминал: «Две основные силы, сойдясь, произвели такой шум выстрелами и криками, что мы потеряли слух, а пороховой дым достиг такой густоты, что мы не видели света, только вспышки из жерл орудий». Хаос усиливался. Дикие крики, вопли раненых и умирающих наполняли дымный воздух.

26. Женщины на войне

Читатель, должно быть, подустал от мужских дел, сопровождающихся бряцанием оружия. Но если женщины и не полностью невидимы во времена гражданской войны, они все же находятся в явно невыгодном положении для истории — сравнимо с мужчинами. Однако бывают и исключения. Летом 1638 года Люси Эпсли вышла замуж за Джона Хатчинсона, в начале войны срочно мобилизованного в парламентскую армию. Хатчинсон был индепендент, вроде Кромвеля, — стало быть, пригоден для назначения командующим; в 1643 году он был поставлен комендантом замка Ноттингем. Хатчинсон был из тех, кто в конце концов подписал смертный приговор королю. Через несколько лет после окончания войны Люси Хатчинсон написала для старшего сына воспоминания о том несчастливом времени, опубликованные впоследствии под названием «Мемуары о жизни полковника Хатчинсона».

Эта книга — не история гражданской войны в стиле Кларендона, а скорее живой и глубоко

личный рассказ о событиях того времени с точки зрения заинтересованного участника. Хотя Люси Хатчинсон якобы пишет панегирик жизни и карьере своего мужа, на бумагу постоянно прорываются ее характер и взгляды. Она даже дает краткую зарисовку своего детства, в котором подчеркивается, как сильно она отличалась от своих сверстников. Люси не любила заниматься обязательным рукоделием и уклонялась от игр с другими детьми. Когда ее заставляли общаться с юными ровесниками, она читала им лекции и всячески показывала, что недовольна их компанией. Она презирала игры в «дочки-матери» с куклами. Девочка явно предпочитала «серьезные беседы» взрослых, запоминала и повторяла их разговоры. Время, отводимое для игр, она посвящала чтению.

Таким образом, описание гражданской войны выходит из-под пера яркого, примечательного человека. Это не список сражений и осад, а по большей части собрание портретов людей и непосредственных рассказов о жизни на поле боя. Она рисует эти портреты как «отступления», но, по сути, они представляют человеческое лицо войны, со всеми его опасностями, подозрительностью, лицемерием и ложью. Она, например,

отказывается называть своего мужа круглоголовым на том основании, что у него на голове более чем достаточно волос. Однако из-за того, что он не делал короткую стрижку, его пуританские товарищи относились к нему с недоверием.

Мемуары Люси Хатчинсон ярко раскрывают взаимные подозрения и конфликты между членами пуританской партии. Джон Хатчинсон, например, не ладил с военным советом Ноттингема, члены парламента и армия постоянно находились в контрах. Даже командиры различных парламентских соединений относились друг к другу «с такой ревностью, так не воспринимали приказов и настолько тщательно следили за точностью соблюдения почитания чинов», что удивительно, как они могли вместе выходить на одно поле боя.

Джону Хатчинсону поступил приказ из Вестминстера собрать всю свободную кавалерию на освобождение замка Монтгомери, он, соответственно, отправился обсудить дело с политическим комитетом из местных членов парламента, контролирующих Ноттингем. Люси Хатчинсон сообщает, что ее супруг спросил, сколько солдат можно выделить для этой задачи, на что получил ответ: «Нисколько». Взбешенный Хат-

чинсон напомнил комитету, что прямой приказ парламента требуется исполнять. Она описывает членов комитета как «мелких, строптивых людишек», порождающих пререкания, распри, проволочки и скандалы. Их поведение только усиливало хаос войны.

Сама Люси в критические моменты проявляла мужество. За несколько месяцев до того, как ее муж возглавил Ноттингем, он подвергся преследованиям в Лестере, где уже было выдано королевское разрешение на его арест. Внезапный звук трубы сообщил ее семье о появлении солдат короля, но Хатчинсон «не стал их дожидаться и вышел через черный вход, когда они уже входили в дом». Он, по всей вероятности, ускользнул в одни из городских ворот или, возможно, через пролом в стене. Люси Хатчинсон, тогда на большом сроке беременности, осталась встречать офицеров.

Капитан. Жаль, вам достался муж, настолько недостойный вас, что предпочел присоединиться к бунтовщикам, не имея смелости остаться с вами.

Люси Хатчинсон. Вы ошибаетесь, сэр. Мой муж не стал бы прятаться от вас, у него хватает смелости показать свое лицо.

Тогда Люси солгала. Она позвала своего деверя Джорджа Хатчинсона и объявила капитану, что этот человек и есть ее супруг. Уловка сработала: Джону Хатчинсону удалось ускользнуть, а Джорджа в конце концов освободили. Однако это предприятие нельзя назвать безопасным, и оно показывает, на какой серьезный риск готова была идти Люси Хатчинсон.

Она довольно подробно рассказывает об осаде Ноттингема королевской армией, осаде, отмеченной не серьезной стратегической инициативой, а бесконечными ссорами и спорами среди тех, кого осаждали.

— Какое мне до всего этого дело, — спрашивал один доктор Джона Хатчинсона, — если все мое достояние погибнет?

— Вы можете избежать такой опасности, если разместите свое имущество в крепости.

— Мне жалко портить вещи. Пусть лучше они достанутся врагу, чем их повредят при перевозке.

Впоследствии этот доктор упрекал Хатчинсона «за сочувствие к религиозным горожанам», которых сам называл «пуританскими голоухими негодяями». Он явно предпочитал малигнантов, или роялистов.

Когда Джона Хатчинсона после войны в итоге обвиняли в участии в заговоре с целью казни короля, Люси Хатчинсон написала подложное письмо от его имени спикеру палаты общин с просьбой, чтобы не сажали в тюрьму, а вызывали на допрос, когда понадобится. Обман удался. Она была потрясающей женщиной. Однако ее муж в конце концов умер в тюрьме за соучастие в другом заговоре. Он производит впечатление импульсивного и конфликтного мужчины, которого поддерживала женщина решительного ума и твердых принципов. Сложно представить, как много отношений подобного типа цвело во времена гражданской войны. Тем не менее факты (от деяний Люси Хатчинсон до толп женщин, часто собиравшихся у Вестминстера) свидетельствуют, что отвага женщин поддавала огня в костер противостояния. Баллады того времени повествуют о дамах, переодевавшихся в мужское платье, чтобы воевать в армии и на той, и на другой стороне.

Конечно, Люси Хатчинсон принадлежала к довольно привилегированной среде и в этом смысле ее нельзя назвать типичной представительницей своего пола, однако древние глубокие корни женской свободы были по-прежнему живы. Само по себе пуританство однозначно допускало

права женщин и активно поощряло партнерство полов в религиозных делах и обрядах. Многие пуританки стали частью неформальной системы общения, например обмениваясь манускриптами и трактатами с соседями. Письма, рукописи и дневники свидетельствуют о существовании определенного религиозного и интеллектуального женского сообщества.

Жены некоторых лидеров баптистов и левеллеров разделяли веру мужей до такой степени, что оказывались в тех же тюремных камерах. Другие женщины решительно защищали свои дома, когда оказывались в осаде. Леди Элизабет Доудолл по собственной инициативе обороняла замок Килфени в Лимерике, хотя ее муж тоже находился там. Она писала: «9 января шериф и все власти графства с тремя тысячами солдат пришли, чтобы взять меня в осаду. Они привезли против меня две пушки и тридцать штурмовых лестниц. Они написали мне много писем, пытаясь убедить сдаться, на которые я отвечала с презрением и пренебрежением».

Другие роялистские женщины играли собственную роль в гражданской борьбе. Леди Энн Фэншоу была дочерью сэра Джона Харрисона. Ребенок аристократического происхождения получил

традиционное женское воспитание, включая иголку, нитку, клавесин и лютню, но более всего она любила верховую езду: «Я была дикаркой до такой степени… Я была той, кого мы, люди степенные, называем непоседливой девчонкой». Все клише и стереотипы детства отступают перед лицом непосредственных фактов. Были ли девочки и женщины настолько покорными и домашними, как им предписывалось правилами этикета? Может, все эти добропорядочные романы, семейные портреты, сентиментальные стихи живописуют их недостаточно достоверно? Пожалуй, театральные пьесы той поры с их необузданными и озорными героинями куда более верно изображали женщин.

Фэншоу происходила из семьи, искренне преданной королю. С начала военных действий ее брат присоединился к королю в Ноттингеме. Ее отцу угрожала депортация на «плантации», парламент конфисковал все его имущество. Отец находился под домашним арестом, но сумел бежать и добраться к королю в Оксфорд. Дочь бежала с ним, по ее словам, «из удобного английского благородного дома… в жилище булочника на темной улице». Однако она приняла и перенесла скученность, болезни, страдания,

недостаток еды и общий ужас катастрофы. Таков был Оксфорд военного времени.

В 1644 году Энн вышла замуж за своего троюродного брата сэра Ричарда Фэншоу, который даже тогда входил в совет при принце Уэльском в должности военного секретаря. В этом качестве он со своей семьей передвигался вместе с двором принца. Энн Фэншоу редко пишет о самой войне, она приберегает свои комментарии для описания жизни на перекладных, которую ей пришлось терпеть. Она умела выходить из трудного положения. При посредничестве «влиятельного члена парламента, чьей жене наше семейство когда-то оказало услугу» она выхлопотала проездной документ для своего мужа. Ей удалось избежать досмотра и вывезти из Лондона в Париж 300 фунтов стерлингов. Королевский двор переехал в Корк, наверное, чтобы получить деньги или поддержку, а в начале октября 1649 года Энн «при падении с запнувшейся лошади сломала левое запястье (при том будучи беременной)».

Той ночью она лежала в постели с перевязанной рукой, когда ее подняли известием, что ирландцы поджигают город, уже взятый Кромвелем. Ее муж уехал по делам в Кинсейл, и Энн, беременная, с больной рукой, собрала бумаги

мужа, боясь, что они попадут в руки врага, и сумела упаковать все свои годные к перевозке вещи, включая одежду и постельное белье, в деревянные ящики. Ей также удалось спрятать 1000 фунтов золотом и серебром, что для пуританских солдат было бы богатством в цену человеческой жизни. В три часа ночи она в сопровождении единственного слуги и горничной вышла в предрассветном сумраке на переполненную базарную площадь, где столкнулась с «буйными мятежниками с клинками в руках».

Довольно смело она потребовала отвести ее к главнокомандующему протестантскими войсками. По счастливой случайности оказалось, что этот человек когда-то служил с сэром Ричардом Фэншоу. Вняв ее просьбам и видя положение женщины, он выдал ей разрешение на безопасный проход. С этим документом она благополучно дошла «сквозь тысячи обнаженных мечей» до Ред-Эбби, августинского монастыря XIV века, тогда бывшего точкой сбора для беженцев. Там она достала несколько монет и наняла местную повозку, погрузила в нее свое имущество и отправилась к мужу в Кинсейл. Эта история по отваге ее героини не уступит тем, что рассказывали боевые солдаты каждой из сторон.

В другой раз Энн вместе с мужем находилась на борту голландского судна, когда к ним направилась турецкая, хорошо оснащенная галера. Капитан приказал ей спуститься вниз, потому что если турки увидят женщину, то подумают, что судно торговое, и атакуют их. Если же разглядят только мужчин, то есть вероятность, что посчитают корабль военным парусником. Спустившись вниз, Энн позвала юнгу и за полкроны купила его одежду. Изменив нужным образом внешность, она вернулась на палубу к мужу.

Похоже, Энн Фэншоу была специалистом в переодеваниях. В другой раз она оделась как «простая» и «скромная» женщина, чтобы получить разрешение на выезд в Париж. Она пришла в парламентский военный штаб в Уоллингфорд-Хаусе в Уайтхолле.

— Женщина, кто твой муж и как его имя?

— Сэр, он молодой торговец. Меня зовут Энн Харрисон.

— Хорошо, плати одну крону.

— Это для меня большие деньги, но, пожалуйста, впишите моего слугу, горничную и троих детей.

— Малигнант дал бы мне пять фунтов за такой выезд.

Получив документ, она сумела искусно изменить фамилию с «Харрисон» на «Фэншоу». Дальше не было необходимости скрываться под другим именем, поскольку досмотрщики в Дувре уже знали ее по предыдущей поездке.

«Мадам, — сказал ей один из досмотрщиков, — я не думал, что они дадут разрешение такому известному малигнанту, особенно в столь сложное время, как сейчас».

Даже в военные времена некоторые известные противники могли по-прежнему уезжать и приезжать, когда им было нужно.

Энн Фэншоу писала свои воспоминания в 1670-е годы, когда муж уже умер, для удовольствия и пользы собственного семейства. Это значительное дополнение к литературе о гражданской войне, а кроме того, ее книга проливает косвенный, но желанный свет на жизнь женщин в военное время, о которой в противном случае мы бы ничего не узнали.

27. Лик Божий

В середине ноября 1643 года парламент объявил себя верховной властью в стране, узаконив использование Большой печати вместо королевской. На одной стороне печати изображались гербы Англии и Ирландии, на другой — палата общин. Однако один из самых важных членов этой палаты уже не принимал участия в заседаниях парламента. Джон Пим был ключевым стратегом парламентского дела: тихий революционер, он разыгрывал свои карты в основном за сценой, использовал временные отступления и победы, а также частично контролировал лондонскую толпу. Осмотрительно и неспешно он поддерживал направление и силу движения против короля.

Его смерть от рака кишечника только усилила разногласия и деление на фракции в Вестминстере, где одни хотели почетного соглашения с королем, а другие требовали полной победы. Распри существовали и при королевском дворе в Оксфорде, там яростно обсуждали вопросы ближайшей тактики и общей стратегии. Одни, например, выступали за наступление на Лондон,

а другие считали необходимым захватить юго-западные графства. Придворный короля Эндимион Портер заметил, что потребуется вмешательство Господа, чтобы излечить все противоречия между сторонниками короля. Как очень часто бывает, самые ожесточенные сражения происходили между теми, кто находился на одной стороне.

В конце января 1644 года Карл созвал в Оксфорде парламент из своих приверженцев. На заседание собралось подавляющее большинство палаты лордов и примерно треть палаты общин. Теперь в королевстве было два борющихся за власть парламента. Церемония открытия парламента в Оксфорде состоялась в большом зале колледжа Крайст-Черч. В своем традиционном обращении король сказал, что «желает получить от парламентариев совет, что, по их мнению, необходимо для исправления печального и расстроенного положения дел королевства». В качестве меры предосторожности он также привел из Ирландии несколько армейских полков, которые раньше были выделены для подавления мятежников.

В следующем месяце Вестминстерский парламент сформировал «Комитет обоих королевств». В один из самых ответственных моментов войны в середине января 20 000 шотландцев уже

перешли границу для поддержки дела парламентаризма. После продолжительных переговоров со своими английскими союзниками они явились защищать общую протестантскую веру в форме «Торжественной лиги и Ковенанта» между двумя народами. В начале февраля парламент проголосовал, что этот договор должны признать под присягой все англичане старше восемнадцати лет. Имена тех, кто откажется присягать, следовало сообщать в Вестминстер. Новый Комитет, состоящий из английских и шотландских представителей, будет направлять ход войны. Среди членов комитета были граф Эссекс и Оливер Кромвель.

Впервые военное преимущество оказалось на стороне парламента. В сражении у деревеньки Черитон в графстве Гэмпшир силы роялистов потерпели сокрушительное поражение, теперь парламентская кавалерия ни в чем не уступала роялистской. Оливера Кромвеля произвели в генерал-лейтенанты Восточной ассоциации, где он приступил к организации из кавалеристов семи графств единой боевой силы. Финансовые ресурсы парламента, учитывая контроль над Лондоном и многими портами Англии, в любом случае превышали возможности короля. Карл

располагал армией, примерно в половину меньшей армии противника. Многие люди на обеих сторонах понимали, что с продолжением войны положение короля будет усугубляться.

В начале лета того года две парламентские армии под командованием графа Эссекса и сэра Уильяма Воллера пошли в наступление на Оксфорд, чтобы взять его в тиски. Королю удалось уйти из города с 7000 солдат: 6 июня он ускользнул в Вустер. Карл также получил известие об осаде роялистского Йорка. Из Вустера Карл написал принцу Руперту «о крайней необходимости». Король настаивал, чтобы его племянник двигался на освобождение Йорка.

Принц Руперт подошел к Йорку в последние дни июня, но обнаружил, что войска парламента сняли осаду. Побуждаемый бравадой или верой в собственную стратегию, он преследовал противника до болот Марстон-Мура на севере графства, где состоялась, по всей видимости, финальная схватка. Парламентские солдаты с белыми платками или кусочками белой бумаги на шлемах представляли собой мощную силу. Они первыми перешли в наступление с господствующей высоты, и их стремительная атака рассеяла роялистов. Очевидец события Артур Тревор написал, что «с

обеих сторон было много дезертиров, задыхающихся, безгласных, исполненных ужаса, ничуть не похожих на людей».

В этом самом крупном в истории сражении на английской земле полегло 4000 королевских солдат, его армия была разбита. В письме к родственнику Валентину Уолтону Кромвель написал о противнике, что «Господь дал их жнивьем под наши мечи». Принц Руперт, более с насмешкой, чем с восхищением, нарек победоносных командиров противника «железнобокими». Города Йорк и Ньюкасл сдались. Это была значительная победа для парламента, и именно она, если оглянуться назад, ознаменовала перелом в ходе гражданской войны.

Победа Кромвеля при Марстон-Муре подняла его авторитет в парламенте не меньше, чем на поле боя. Один из его самых известных противников, граф Кларендон, признал, что Кромвель обладает «сильным духом, поразительными осторожностью и прозорливостью, а также наиблагороднейшей твердостью». Он был решителен и бесстрашен — достойный противник для любого короля.

В свои юные годы Кромвель ничем не выделялся среди сверстников и, казалось, был вполне

доволен, управляя хозяйством на юго-восточных землях Центральной Англии. Однажды он сказал о себе: «Рожденный джентльменом, я жил, не занимая значительного положения, но и не в полной безвестности». Он был одним из тех, кого называли «средним классом». Тем не менее, находясь в таком вполне завидном положении, он терзался суеверными страхами и в первые годы семейной жизни обращался к лондонскому психиатру, который записал в своем журнале посетителей, что Кромвель *valde melancholicus;* под этими словами доктор подразумевал, что его пациент был нервозен и депрессивен в крайней степени. Другой врач предположил, что он страдает ипохондрией и в состоянии стресса или нервного возбуждения будет время от времени болеть.

Религиозность Кромвеля была главной особенностью его натуры. Угнетенное состояние духа послужило питательной средой или катализатором для внезапного откровения (и мы не знаем, когда именно оно снизошло), что он один из «избранных». Ослепительный свет благодати Божией окружил его, и он преобразился. Кромвель писал своей кузине Элизабет Сент-Джон: «Я живу (вы знаете где) в Мешеке, который, говорят, сим-

волизирует «продление», в Кедаре, что означает «мрачность», но Господь еще не оставляет меня». Это отсылка к 120-му псалму: «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских». Аллюзии на библейские тексты и истинная набожность составляли основу веры Кромвеля.

Он знал, что был спасен милостью Божией, и уверенность в искуплении лежала за всеми его решениями; он безоговорочно верил в силу воли Божией управлять поступками людей. Он ждал и молился о знаке. Он писал: «Мы следуем за Господом, который указывает нам путь». Он искал божественного значения в происходящих вокруг него событиях и рассматривал все в контексте вечного бытия Бога. Поскольку он имел свое понимание того, что он называл «истинным знанием» и «вечной жизнью», его раздражали религиозные дебаты и доктринальные тонкости. Что они значат перед всеподавляющей силой Господа? Как-то Кромвель сказал: «Я скорее согласился бы, чтобы у нас разрешили магометанство, чем позволил бы хоть одному из детей Божиих терпеть гонения».

В первые годы в парламенте он не был особо успешным: его считали убедительным и страстным, но не изрядным оратором, иной раз его речь

была нескладной и непривлекательной. Однако при его родственных связях в Вестминстере (пуританская партия в определенном смысле представляла собой широкий круг родственников) Кромвель настойчиво и неутомимо сражался за парламентское дело. Он умело работал в комитетах и тонко разбирался в человеческих характерах. При этом он утверждал, что старается не для собственного блага, а для дела, которое выбрал.

Кромвель отличался своеобразной внешностью. Лондонский доктор, у которого он консультировался, отметил, что у него на лице прыщи. На лбу и подбородке их замещали бородавки. Густые каштановые волосы Кромвель всегда носил длинными, выпущенными поверх воротника, у него были тонкие усы и пучок волос прямо под нижней губой. Нос был настолько выдающимся, что один из его офицеров, Артур Хейзелриг, однажды сказал ему: «Если вы обманете, я больше никогда не поверю человеку с большим носом». Глаза Кромвеля, серо-зеленого цвета, по словам Эндрю Марвелла, излучали «проницательную доброжелательность». Ростом он был почти 1,8 метра, и тело, согласно его камергеру, имел «хорошо сложенное и сильное». Кромвель был

«вспыльчив», но отходчив, и «участлив… почти по-женски». В компании часто бурно веселился, проявляя склонность к грубому народному юмору. Случалось, что Кромвель, по словам Ричарда Бакстера, вел себя чересчур «оживленно, весело и деятельно, как с другими людьми бывает, когда они выпьют лишнюю кружку».

Кромвель, как и его противники-роялисты, страстно любил охоту с ловчими птицами и гончими собаками, увлеченно играл в шары. Он очень любил музыку. Его товарищ Балстроуд Уайтлок вспоминал, что «иногда он весело проводил время с нами и, забывая о своем высоком положении, вел себя совсем по-дружески, для развлечения мы обычно сочиняли стихи, и каждый должен был проявить фантазию. Как правило, он заказывал табак, трубки и свечу, время от времени сам брал табак, а потом снова погружался в свои серьезные большие дела».

В конце 1644 года его большое дело состояло в том, чтобы продолжать войну, пока король не капитулирует, однако эту цель не поддерживали другие командиры парламентской армии. В частности, граф Эссекс и граф Манчестер хотели каким-либо образом достичь компромисса с Карлом; поэтому некоторые и подозревали, что

они не усердствуют в наступлениях. Манчестер часто повторял, что начать войну легко, но никто не может сказать, где она завершится. Он командовал Восточной ассоциацией, в состав которой входил генерал-лейтенант Кромвель, и стремление графа к урегулированию конфликта привело к полной потере доверия между ними. Манчестер особенно нетерпимо относился к сектантам, называл их «фанатиками» и причислял к ним самого Кромвеля.

На одном из заседаний военного совета произошел следующий диалог.

Манчестер. Пусть мы хоть девяносто и девять раз победим короля, он все равно король, и его потомки тоже будут королями; но, если король однажды победит нас, мы пойдем на виселицу, а наши дети станут рабами.

Кромвель. Милорд, если все обстоит таким образом, зачем мы вообще взялись за оружие? Значит, нам совсем не следует сражаться. Если так, давайте заключим мир на любых условиях.

Кромвель уже писал своему родственнику, что «некоторые люди в наших рядах чрезвычайно медлительны».

Конфликт между двумя военачальниками до-

стиг апогея после безрезультатного сражения с королем при Ньюбери, где показалось, что Манчестер сознательно отвел свои войска. Считается, что он сказал одному из своих офицеров, который настаивал на немедленных действиях: «Вы кровожадный человек. Господь посылает нам мир, потому Бог никогда не помогает нам превращать наши победы в сокрушительные». Кромвель и прочие сочли, что Манчестер изменил общему делу.

Ближе к концу ноября Кромвель явился в палату общин, чтобы обвинить Манчестера: «затягивание всех действий» графом и его «уклонение от боев» исходят из нежелания вести войну «до полной победы». Соответственно, его верность делу находится под подозрением. Через три дня Манчестер нанес Кромвелю ответный удар в палате лордов и обвинил своего противника в нарушении субординации и клевете. Кромвеля осуждали за слова, что он предвкушает тот день, когда в Англии не останется аристократов. «Партия мира» с парламентской стороны рассматривала возможность обвинить Кромвеля в измене, но парламентариев убедили в неразумности такого шага. На улицах города обнаружили листовку с нападками на Эссекса и Манчестера со словами:

«Увы, бедный парламент, тебя предали!»

9 декабря Кромвель добился преимущества. Он заявил в палате общин: «Наступило время либо говорить, либо навсегда умолкнуть. Теперь речь идет о спасении обескровленной, почти умирающей страны, о выводе народа из того положения, в которое его уже поставила продолжительная война. Не предприняв стремительных, эффективных и решительных действий… мы заставим королевство потерять терпение и возненавидеть парламент». Он понял, что только полная победа над королем принесет результат.

Восточная ассоциация уже проинформировала «Комитет обоих королевств», что местных взносов недостаточно для содержания войск, и Комитет в связи с этим решил «рассмотреть модель постоянной милиционной армии». Это была благоприятная возможность для Кромвеля. Пришло время реорганизовать различные подразделения на разной основе, а Кромвель считал самой разумной модель собственного полка «благочестивых» солдат. Он говорил, что лучше будет иметь дело «с простым капитаном, который знает, за что он сражается, и любит то, что знает, чем с тем, кого вы называете джентльменом и который ничего больше из себя не представляет».

Сразу после выступления Кромвеля поднялся другой член палаты общин, Зуч Тейт, и предложил полную реорганизацию армии. Во-первых, надлежало сместить таких ненадежных и слабых командующих, как Эссекс и Манчестер. Так, Тейт, вне всякого сомнения по согласованию с Кромвелем, призвал принять так называемый Билль о самоотречении, по которому члены парламента не могли занимать командные посты в армии и официальные должности в государстве. Это позволило сразу убрать из руководства высшую знать. Теоретически под закон попадал и Кромвель, однако многие справедливо полагали, что для такого успешного военачальника сделают исключение. Таким образом, можно подумать, что Кромвель затеял это предприятие, чтобы получить единоличное командование.

На этой же сессии парламента отменили празднование Рождества. Палата общин сочла традиционный праздник поощряющим «свободу плотских удовольствий», вместо того этот день должен был стать временем поста и покаяния.

Кромвель заявил коллегам, что, пока «вся армия не будет построена заново на основе строгой дисциплины», решительной и полной победы не получится. В итоге силы парламента полу-

чили название «Армия нового образца», а враги дали ей прозвище «Новая башка». Фактически это была регулярная армия, из которой удалили всех командиров аристократического происхождения. Никогда раньше английская армия не создавалась на подобных принципах. Она строилась на государственной основе и содержалась за счет нового государственного налога; боевой дух солдат, таким образом, поддерживало регулярное жалованье. Это была профессиональная, дисциплинированная и целеустремленная армия. Главнокомандующим назначили сэра Томаса Ферфакса по прозвищу «Черный Том» за смуглый цвет кожи, раньше он командовал Северной армией парламента.

Конечно, новую армию не набирали, а составили из прежних полков, однако сформировали как цельную, более решительную силу с одной целью — победить короля в сражении. Именно поэтому Эссекса и Манчестера отстранили от командования. В полученных Ферфаксом указаниях не содержалось упоминания о старом положении, что он обязан оберегать безопасность короля на поле боя. Были изготовлены новые мушкеты, мечи и пистолеты; мундиры для пехотинцев сшили из красного сукна, они стали стандартной

формой английского солдата на последующие 200 лет.

Некоторые офицеры свято верили в свою религиозную миссию. Полк Кромвеля, например, считал свое формирование «соединенной Церковью». «Идите, — объявил один проповедник, — и сражайтесь во славу Господню!» Маловероятно, что остальная часть армии разделяла эту религиозную цель, но, возможно, их вдохновляло рвение более благочестивых товарищей.

Однако что же на тот момент подразумевалось под благочестивостью? Кромвель и его коллеги разделяли позицию индепендентов в религиозном вопросе, фактически поддерживая в Англии веротерпимость; а граф Манчестер и его сторонники принимали пресвитерианство, не оставляя места другим конфессиям и группам. В этом стремлении их поддерживали шотландские союзники. Когда парламент еще обсуждал план устройства новой армии, Книгу общих молитв уже отменили и вместо нее утвердили пуританское «Руководство по богослужению». Новый текст должна была донести народу национальная пресвитерианская система. Просуществовать этой системе предстояло недолго.

Одного из главных истолкователей Книги

общих молитв теперь отправили на плаху. 10 января 1645 года архиепископ Лод был взят из Тауэра для казни на Тауэр-Хилл. Он сказал собравшимся там людям, что «это очень неудобное место». Встав на колени перед палачом, он громко помолился о «милости раскаяния всем кровожадным людям, но, если они не покаются, Боже, разрушь все их замыслы». Эссекс горевал о гибели старика. «Неужели это та свобода, — спрашивал он, — которую мы обещали отстоять собственной кровью?» Основатель политической философии Томас Гоббс писал, что «это было сделано в угоду шотландцам». В тот год пролилось очень много крови.

Хотя теперь обе стороны проявляли мало стремления к компромиссу, в феврале 1645 года в Аксбридже все-таки прошли короткие переговоры. Две группы переговорщиков поделили город: парламентская команда разместилась в одной гостинице, а делегация роялистов — в другой. Разумеется, ни о чем не договорились, однако король по-прежнему сохранял оптимизм по поводу собственных шансов. Несмотря на катастрофу Марстон-Мура, он еще не был окончательно разгромлен и рассчитывал, что разногласия в стане противника между индепендентами и пресвите-

рианцами дадут ему преимущество. Он проявлял спокойствие и упорство, уверенный, что никто не может тронуть помазанника Божия. Его командиры и его войска по-прежнему достойно противостояли парламентской армии.

Кроме того, Карл получил радостные известия из Шотландии, где его главный сторонник граф Монтроз уже одержал значительные победы над шотландскими ковенантерами. «Позвольте мне, — писал ему Монтроз, — покорнейше заверить Ваше Величество, что по милости Божией я имею наилучшие надежды привести королевство к покорности Вашему Величеству». Этот поворот растревожил армию ковенантеров на севере: они стали думать, не стоит ли уйти из Англии, чтобы сражаться за родную землю. Короля твердо заверили, что военная удача от него не отвернется.

Новая кампания началась весной 1645 года. В первых числах мая Армия нового образца под командованием сэра Томаса Ферфакса готовилась осадить Оксфорд. В процессе этой операции главнокомандующий получил из Вестминстера сообщение, что Карл без промедления отвел свою армию в восточную часть центральных графств Англии, где взял штурмом и разграбил парламентский городок Лестер. Теперь Ферфакс

решил преследовать короля, Оливер Кромвель был заместителем Ферфакса.

Откладывать большое столкновение уже не представлялось возможным. 14 июня две армии сошлись в полях у деревни Нейзби в графстве Лестершир, парламентарии обладали значительным преимуществом в численности. Когда парламентские силы предприняли тактическое отступление к холмам, принц Руперт попался на их уловку и бросился со своей кавалерией в погоню. Кромвелю удалось отбить нападавших, а затем атаковать конницу роялистов. Королевская пехота какое-то время оказывала сопротивление, но потом под совместными ударами Ферфакса и Кромвеля рассредоточилась и в хаосе отступила. Парламентские солдаты преследовали роялистов 22,5 километра, пока те не укрылись в Лестере.

Сражение при Нейзби стало сокрушительным поражением короля. Его пехота была уничтожена, 5000 его солдат и 500 офицеров попали в плен, оружие и артиллерия оказались захвачены. С женщинами из лагеря роялистов победители обошлись с редкой жестокостью: ирландкам «проломили головы», англичанок изуродовали, изрезав кинжалами лица. После битвы Оливер Кромвель объявил, что «это не что иное, как

рука Господа, и только Ему одному принадлежит слава победы». Кларендон сделал вывод, что при Нейзби «король и королевство были утрачены».

Для короля к ужасу добавилось унижение. Среди захваченных в сражении фургонов находился и тот, в котором хранилась вся его личная переписка. Когда шкатулку короля открыли, вскрылись его интриги с ирландскими католиками в попытках получить от них подкрепление солдатами, всплыли планы использовать французских и шведских наемников ради своего дела. Теперь можно было утверждать, что Армия нового образца на самом деле государственная армия, готовая защищать Англию, и при Нейзби она решительно доказала свою пригодность для этой цели. Армия нового образца также продемонстрировала, какую силу на тот момент приобрели индепенденты. Кромвель был человеком, избранным для будущей славы, и, согласно Балстроуду Уайтлоку, «он начал становиться великим, вызывая зависть многих других людей». Многие поверили, что Бог именно с ним.

Большинство сторонников и советников короля считали, что роялистское дело безнадежно и ему следует уступить необходимости договариваться с парламентом. Сам Карл время от

времени боялся худшего и в тайном письме сыну написал: «Если меня когда-либо возьмут в плен мятежники, приказываю тебе… никогда не принимать условий, которые унижают твою честь, опасны для твоей жизни и умаляют королевскую власть». Тем не менее он отказался держать возле себя «унылых людей». Карл предпочел занимать себя охотой и развлечениями. Он прогуливался по окрестностям между Херефордом, Оксфордом и Ньюарком, тремя из последних оставшихся в его королевстве крепостей.

Принц Руперт, чья неосмотрительность, возможно, стоила Карлу сражения при Нейзби, теперь поспешил в Бристоль. Ему требовалось защитить город от вражеской армии, которая могла обрушиться на него в любой момент. Из Бристоля он написал товарищу: «Его Величеству не осталось иного способа сохранить свою династию, королевство и дворянство, кроме переговоров». Когда Карлу показали это письмо, он пришел в ярость. В ответе он писал, что как солдат и государственный деятель «должен сказать, что для этого нет иного шанса», кроме его гибели, но как король и христианин он знал, что «Господь не позволит преуспеть мятежникам и предателям».

Но вышло по-иному. В Ленгпорте, южнее Бри-

столя, 10 июля 1645 года Армия нового образца, отдохнув после победы при Нейзби, нанесла решительное поражение юго-западной армии роялистов. Кавалерия короля была ликвидирована, и его последняя надежда победить в этой войне, казалось, окончательно исчезла. Кромвель ликовал. «Разве видеть это, — сказал он, — не значит узреть лик Божий?»

28. Дворец свободы

На фоне описания военных побед и поражений прошло незамеченным одно парламентское событие. 14 июня 1643 года парламент принял закон для «предотвращения и пресечения бесцензурной печати». Было объявлено необходимым запретить «большие злоупотребления последнего времени и частые беспорядки при печатании многочисленных лживых, подложных, возмутительных, мятежных, очерняющих и запрещенных газет, брошюр и книг к великому поношению религии и правительства». Соответственно, создали комиссию цензоров для лицензирования новых публикаций и изъятия всего, что печатается незаконно.

Один республиканец горько сожалел об этом возвращении к порочной практике прошлого; по его мнению, ей не должно было быть места в новой жизни, наступления которой он столь сильно желал. Пресвитерианские члены парламента, в большинстве своем стоящие за этой мерой, могут с таким же успехом «убить человека, как и уничтожить хорошую книгу; тот, кто убивает

человека, убивает разумное существо, созданное по образу Божию, но тот, кто уничтожает хорошую книгу, убивает сам разум, убивает сам образ Божий. Многие люди своей жизнью только обременяют землю, а хорошая книга — драгоценный жизненный сок творческого разума, накопленный и сохраненный для следующих поколений». Невозможно не узнать в этих словах стиль Джона Мильтона.

Мильтон был лондонцем, вдохновляемым страстью к исследованиям и сознанием своего дарования. С юных лет он сидел над книгами при свече на Брэд-стрит, обдумывая легенды и истории, пока не получил достаточно знаний и времени, чтобы писать легенды и историю своей страны. Он родился республиканцем, питал антипатию к власти и дисциплине в любой их форме. Придет время, когда он обличит Карла I на латыни, которую услышит весь мир. Мильтон заявил, что Англия — «богоизбранная нация». Его пророчество поддержали другие священнослужители того периода, подчеркивая таким образом тысячелетние чаяния XVII века.

В 1637 году, на двадцать девятом году своей жизни, Мильтон написал в письме: «Мой талант таков, что ни отсрочка, ни отдых, ни забота, ни

праздная мысль не отвлекают меня, пока я не дойду до цели и не завершу значительный период своей работы». Он читал так, как если бы это было необходимо для жизни; для него это и *было* жизнью. Однако волнения окружающего мира вскоре на время затмят ту яркую, особенную звезду, которой направлялось его плавание.

Мильтон отучился в Кембридже, а после остался при университете еще примерно на восемь лет, интенсивно продолжая образование частным образом. От природы обладающий превосходной внешностью и не менее превосходным умом, он отправляется в путешествие по Европе, посещая талантливых ученых и знающих поэтов. Его полная замечательных открытий поездка прервалась в 1639 году, когда ему пришлось вернуться в Лондон во время Епископской войны.

Он учился с чрезвычайным усердием, став поэтом, которого окружающий мир не смог бы не заметить при всем желании. Однако отчаяние того времени заставило его перейти от поэзии к прозе, к языку людей в споре и конфликте. В 1641 году он начал писать памфлеты против епископов, чем удовлетворил свой вкус к полемике во времена заблуждений и разногласий. В работе «Рассуждение об управлении церковью»

Мильтон порицал тех прелатов, которые «насытили свои неблагодарные утробы» «порочными и раболепскими догматами»; они были вскормлены «тощими и противоречивыми лекциями… банальным курсом литературы» и наполнены «проституточной лестью… разлагающими мерзкими притираниями». Они — отбросы, блудницы, гробы отверзнутые. Язык улицы, кокни, который он слышал вокруг себя, явственно отражен в этих метафорах.

Свой трактат «Ареопагитика» Мильтон написал на Олдерсгейт-стрит, однако маленькая брошюра стала известна всему миру как самое яркое и вдохновенное выступление в защиту свободы самовыражения. Эту речь, утверждающую свободу слова и печати, Мильтон построил в стиле аттических ораторов, которые некогда выступали перед афинским народом; Ареопаг — это холм, где заседал суд последней инстанции. Мильтон ясно обращает внимание на республиканский и даже демократический характер английского парламента, называя его «высоким достойным судом». Он пишет пышно и изящно, строя предложения, подобные барочным дворцам, однако стиль его постоянно поверяется безотлагательностью и серьезностью пуританского дела.

«Ареопагитика» была подготовлена к печати осенью 1644 года, через два-три месяца после победы Кромвеля при Марстон-Муре. Надежды индепендентов парили высоко, и сам Мильтон также поддался вдохновению момента. На титульном листе брошюры значилось:

AREOPAGITICA
A SPEECH OF MR JOHN MILTON
For the Liberty of UNLICENC'D PRINTING,
To the PARLIAMENT OF ENGLAND[37].

Страстное выступление Мильтона за свободное выражение мнений, свободу мысли и сознания при построении нового мира стало мощным отрезвляющим средством для всех схоластов и доктринеров парламента, которые до некоторой степени захватили главенство с подписанием «Торжественной лиги и Ковенанта» с шотландцами в предыдущем году. Мильтон обрушился с критикой на невежд, большинство которых и составляли пресвитериане. Цензура и лицензирование, по мнению Мильтона, может «остановить ход истины». Народ Англии пострадает от такого закона, потому что «притупленная простота и

[37] Примечания: 37

Ареопагитика / Речь Джона Мильтона / За свободу печати от цензуры, / Обращенная к парламенту Англии (*англ.*).

ограниченность нашего знания» неизбежно приведут к «покорному единообразию» и «строгому внешнему формализму».

Мильтон настаивал, что «мы не должны уподоблять все знания нашей страны товарам, маркировать и лицензировать их, подобно тканям и тюкам с шерстью». Он вспоминал свое путешествие в Италию, где встречался с Галилео Галилеем, «состарившимся в тюрьме инквизиции». Если над Англией также должна сгуститься тишина единообразия, то «скоро станет бесспорным, что епископы и пресвитеры для нас суть одно и то же по имени и по существу». Что, если пресвитериане не лучше, чем церковь Лода с ее строгими предписаниями?

Чего же опасались цензоры и противники свободы? «Только тот, кто способен понимать и судить о пороке со всеми его приманками и мнимыми удовольствиями и тем не менее воздерживаться от него, отличать и предпочитать настоящее добро, — только тот есть истинный воин Христов. Я не могу воздавать хвалу той трусливой монашеской добродетели, которая бежит от испытаний и воодушевления, никогда не идет открыто навстречу врагу и незаметно уходит с земного поприща, где венок бессмертия

нельзя получить иначе, как подвергаясь пыли и зною». Фразы Мильтона вздымаются, как набегающие на берег волны, а внутри эти волны бурлят поэзией. Предложения сложные, звучные и торжественные, но время от времени их стройность нарушают ирония и острое слово.

В «Ареопагитике» Мильтон обращается к гражданам с панегириком, который свидетельствует о чрезвычайной серьезности момента. «Лорды и общины Англии! Подумайте, к какому народу вы принадлежите и каким народом управляете: это не ленивая и тупая нация, а народ, обладающий живым, изобретательным и острым умом, способный создавать новое, тонко и сильно рассуждать, подниматься до высших ступеней человеческих способностей». Это великолепная дань интеллектуальным возможностям страны в период конфликта и разногласий. Мильтон считал Англию благословленной, как он говорил, «благоволением и любовью Неба». Именно эта вера придавала сил и оптимизма пуританскому делу.

Он пишет также, что маяк этого дела — Лондон. «Посмотрите теперь на этот огромный Город; Город-прибежище, дворец свободы, окруженный Его покровительством… Из мифического страха

перед сектами и расколом мы вредим искренней и пламенной жажде знаний и разумения, которую Господь поселил в нашем Городе». Мильтон полагает, что нет ничего страшного в распространении схизматиков: все они — часть славы Божией.

Из всех писателей того времени Мильтон лучше других был способен воплотить значимость и решимость протестантства. В возвышенности его мыслей, в достоинстве и великолепии его величавых фраз мы можем прочувствовать неотъемлемое благородство той эпохи. «Мне представляется, что славный и могучий наш Народ поднимается, как сильный человек после сна, и сбрасывает с себя тяжкие оковы. Мне представляется, что он, будто орел, вновь молод и зорко видит при ярком свете полуденного солнца, очищая и усиливая свое давно помраченное зрение в самом источнике небесного сияния…»

В последующие годы, во время протектората, Мильтон служил у Кромвеля секретарем со знанием латинского языка. И в этой должности старался быть полезным пуританскому делу так же глубоко, как прежде. Тем не менее довольно скоро его постигло крушение иллюзий, а там последовали обиды и отчаяние. Как многих пред-

ставителей его поколения, к концу правления Кромвеля и по возвращении короля Мильтона ждали невзгоды и одиночество, разочарование и скорбь.

29. Новая игра

В последние двенадцать месяцев войны события происходили весьма беспорядочно. Никто не знал, когда и как закончится эта война. У короля уже не оставалось ресурсов на крупные сражения. Он удерживал несколько городов, как, например, Бристоль и Вустер, однако его силы, по существу, ограничивались гарнизонами отдельных крепостей. Началась осадная война, войска парламента подходили к одному роялистскому оплоту за другим. Правила осады были хорошо известны всем участникам. После того как обороняющиеся дадут бой, на который способны, они могут требовать «переговоров» и обсуждать условия сдачи; если они капитулируют, им сохраняют жизнь. Если они отказываются сдаваться, то, скорее всего, происходит штурм и их уничтожают со всей жестокостью.

В эти тяжелые и кровавые времена появились отряды мужчин и женщин, готовые сопротивляться и дать бой любой из сторон, чтобы спасти свой район. Их называли «дубинниками» по оружию, которым они часто сражались. Например,

фермеры и йомены графств Уилтшир и Дорсет еще раньше создали дозорные отряды, чтобы захватывать солдат на мародерстве и доставлять их в соответствующие лагеря для наказания. Они не знали, кто побеждает и кто проигрывает. Они не знали о сражениях при Нейзби и Ленгпорте. Они просто защищали свою жизнь и собственность.

Теперь сельские жители, вооруженные дубинами, серпами и косами, перешли в наступление. Они объединялись для охраны своих урожаев и сараев, заявляя следующее:

> Если идете воровать и забирать наш скот,
> Будьте уверены, мы дадим вам бой[38].

Если дубинники и имели другое желание, то такое: чтобы обе стороны пришли к согласию и закончили войну. Выступления дубинников происходили в разных графствах, от Сассекса до Южного Уэльса, но особенно в тех районах, где, как сказал один из их предводителей, «сильнее… ощущались муки этой ненормальной междоусобной войны». У них отбирали деньги и продукты; к ним, не спрашивая согласия, ставили на постой солдат; местная власть зачастую переставала су-

---

[38] Примечания: 38

If you offer to plunder and take our cattle / You may be sure we'll give you battle.

ществовать. Они хотели возвращения к порядку и «привычным законам».

Неуравновешенное состояние страны, наверное, можно усмотреть и в большом количестве процессов над ведьмами в тот период. Через три дня после сражения при Нейзби на выездной сессии суда присяжных в Эссексе рассматривалось тридцать шесть дел предполагаемых ведьм, и всех, кроме одной, казнили по обвинению в черной магии и связи с дьяволом. По оценкам, тем летом казнили около сотни женщин, молодых и старых. Мир был исполнен тревоги.

Действия короля теперь сократились до ограниченных вылазок, чтобы снять осаду здесь или поддержать город там, однако он жил в страхе, что какая-либо из парламентских армий нападет на него. Он волновался, что если попадет в плен, то пострадает от рук пуританских солдат. Некоторое успокоение Карлу принес тот факт, что шотландцы, казалось, готовы были вступить с ним в переговоры. Они хотели порвать с парламентом, поскольку тот начинал склоняться к Кромвелю и позиции индепендентов. Парламентарии обвиняли шотландцев в том, что они мало делают после своего прибытия в Англию, и задерживали выплаты.

Однако эту маленькую надежду для роялистского дела практически обрушило известие о потере Бристоля: принц Руперт подписал договор о капитуляции. В конце августа сэр Томас Ферфакс окружил город и начал осаду. В начале сентября Руперт понял, что больше не может держаться. У него было недостаточно солдат, чтобы оборонять городские стены, жители дошли до отчаяния. Терпение Ферфакса заканчивалось, и он приказал штурмовать один из участков роялистской обороны; когда все защитники там полегли, он выслал противнику условия сдачи. Принц их принял и 11 сентября вывел из Бристоля войска.

Потеря второго по величине города королевства стала для Карла тяжелым ударом, он тут же заподозрил подкуп. Король даже допускал возможность, что Руперт готовился предпринять военный переворот, сместить его с трона, а затем начать переговоры с парламентом о перемирии. «Племянник! — написал он в гневе. — Хотя потеря Бристоля и огромный удар для меня, но то, каким образом ты капитулировал, столь огорчительно, что заставляет не только забыть о самом городе, но и подвергает великому испытанию приязнь, которую я испытывал к тебе; и что же делать, когда тот, кто так близок мне, совершает столь

подлый поступок?» Карл сместил Руперта с поста и посоветовал ему возвращаться домой. Принц не пользовался популярностью в народе; когда он уходил из Бристоля, горожане кричали: «Не давайте ему пощады! Не давайте ему пощады!»

Два-три дня спустя дело короля получило еще один удар: пришло известие, что войска Монтроза в Шотландии потерпели поражение и граф бежал обратно в горные районы Северной Шотландии. Надежда короля испарилась. В это время парламент распорядился снести «дощатый театр масок в Уайтхолле», а все, что там находилось, продать. Дни кавалеров были сочтены.

В октябре принц Руперт приехал в замок Ньюарк, где тогда находился король. Он явился к дяде и сказал, что прибыл отчитаться о своих действиях в Бристоле. Карл не захотел говорить с ним и сел ужинать, во время которого игнорировал племянника. В конце концов король разрешил Руперту дать показания военному совету, члены которого постановили, что принц не виновен в измене. Ему оставалось либо сдаваться, либо допустить полное уничтожение своих солдат и города. Карл с неохотой принял их вердикт, оговорясь, что племянник, по его мнению, был в состоянии держать Бристоль дольше. Через

несколько дней король покинул Ньюарк для ставшего теперь опасным путешествия обратно в Оксфорд.

Доведенный до крайности король начал переговоры с разными партиями. Он уже велел сыну плыть во Францию и оставаться под защитой матери, которая летом отправилась туда же из Фалмута. Теперь Карл пытался разобщить две основные группы парламента, имея дело отдельно с индепендентами и пресвитерианами. Он, казалось, хотел даровать первым свободу совести, хотя тяготел ко вторым на том основании, что армия стала слишком демократичной. Король говорил супруге: «Я имею серьезные причины рассчитывать, что одна из этих фракций обратится ко мне таким образом, что я без осложнений смогу достичь своих справедливых целей». Карл также начал предварительные переговоры с шотландцами и по-прежнему продолжал попытки договориться с ирландцами.

Боевые действия в последние несколько месяцев войны стали спорадическими и беспорядочными. Принц Руперт из Оксфорда начал кавалерийские рейды, но добился немногого. На границе Уэльса и Англии роялистские войска отчаянно старались удержать Честер и его порты,

надеясь на прибытие туда ирландской армии. Армия так и не появилась, а Честер в конечном итоге пал. Сэр Томас Ферфакс вел военную кампанию в западной части страны с разобщенным и дезорганизованным противником. На борьбу с Ферфаксом была собрана роялистская армия, но при Торрингтоне она распалась на части.

В последнем крупном сражении большой гражданской войны в графстве Глостершир, недалеко от деревеньки Стоу-он-Волд, роялистские силы потерпели поражение и массово сдавались. Командир роялистов сэр Джейкоб Эстли, когда его брали в плен, сказал своим врагам: «Вы сделали свою работу и теперь можете отдохнуть, если не передеретесь друг с другом, конечно». Именно этим они и занялись.

Король, теперь уже под угрозой краха, старался выиграть время, выдвигая различные предложения, тайные и публичные. Он предложил приехать в Вестминстер, но его инициативу отвергли: сочли вероятным, что он попытается отделить одну из фракций парламента и возглавить ее. Сам Карл писал, что «их не устроит ничего, кроме гибели, и не только нашей, наших детей и друзей, но и самой монархии». В итоге Карл решил бежать к шотландцам; в конце

концов, он их урожденный король, и они не разделяли уравнительных принципов его главных парламентских противников. Там он будет в безопасности, убережет свою совесть и честь; к тому же он окажется под защитой большой армии.

Самим шотландцам требовалось действовать осторожно, потому что они вовсе не хотели восстанавливать против себя Вестминстер, который выплачивал им деньги. Им нужно было принять короля, так сказать, случайно. 27 апреля 1646 года Карл покинул Оксфорд, переодевшись слугой, и окольным путем добрался до шотландской армии в Ньюарке. Шотландские командиры говорили своим английским союзникам, что для них это стало «полной неожиданностью».

Довольно скоро Карл понял, что он скорее пленник, чем гость. Когда он попытался отдать приказ своей охране, его перебил главнокомандующий шотландской армией Александр Лесли: «Я более опытный солдат, сэр. Вашему величеству лучше оставить эти обязанности мне». Похоже, что шотландцы желали держать своего короля в заложниках, пока парламент не выплатит им положенные деньги. Они привезли Карла в Ньюкасл, где практически сразу выставили ему свои требования. Он должен подписать Ковенант.

Он должен ввести пресвитерианство для всех своих подданных. Он должен отказаться от Книги общих молитв. Когда один пресвитер сказал королю, что его отец Яков VI одобрил бы такое решение, Карл ответил ему: «Я имел счастье знать своего отца гораздо лучше, чем вы». «До сей поры я и не знал, — писал он жене, — что такое на самом деле жестокое обращение». Тем не менее король делал вид, что идет на компромисс, выигрывая время. Он надеялся, что его противники еще больше рассорятся, и верил, что получит подкрепление из Франции, Ирландии, с севера Шотландии или откуда-нибудь еще.

В конце июля парламент выслал королю несколько предложений, на которые он должен согласиться, если желает сохранить трон. Ему следовало принять пресвитерианство и ликвидировать епископат, подвергнуть гонениям индепендентов и католиков, а также отказаться от своей армии на двадцать лет. Карл поклялся себе, что не уступит «ни на йоту», но в публичном ответе он согласился обдумать требования в спокойном и мягком духе. Он тайно написал жене, что ему придется дать «любезный отрицательный ответ» — разочаровывающий отклик, который не оттолкнет его «тюремщиков». Все

секретные письма были написаны шифром и контрабандой вывезены из его апартаментов.

Побег короля в расположение шотландской армии ускорил окончательный разрыв между войсками его врагов. Шотландская армия и парламент теперь глубоко не доверяли друг другу, а их расхождения отражались в открытых разногласиях между пресвитерианами и индепендентами в Вестминстере. Не важно, будем мы считать их религиозными сектами или политическими партиями; теперь они были и тем и другим. Их называли «фракциями», «кликами» или «группами».

Пресвитерианское дело в идеале предполагало, что их Церковь должна главенствовать по неотъемлемому праву как дарованная Богом форма религиозного правления, а все другие церкви и вероисповедания должны быть запрещены. Дело индепендентов строилось на веровании, что истинная Церковь представляет собой добровольное объединение верующих и каждая община имеет право на самоуправление; они тяготели к кальвинизму, но поддерживали веротерпимость. Кромвель говорил: «Я хотел бы, чтобы тот, кто рискует жизнью во имя свободы своей страны, доверил Богу свободу своей сове-

сти». Однако один пресвитерианский богослов утверждал, что «позволить людям проводить богослужения согласно собственным убеждениям — значит изгнать одного беса, чтобы пустить семь других, еще худших». Другой сторонник пресвитерианства, Томас Эдвардс, опубликовал труд под названием «Гангрена» (Gangraena), в котором перечислил ереси радикальных схизматиков, каждую из которых следовало раздавить в зародыше, «до того, как она вырастет в летучего змея-искусителя». В этом тогда заключалось их главное расхождение. В самом широком светском понимании пресвитериане поддерживали парламент, а индепенденты — армию.

В парламентских дебатах часто возникали споры и конфликты. Однажды палата общин весь день обсуждала религиозные проблемы, пока в зале заседаний не начало темнеть; было выдвинуто предложение принести свечи, но и по этому поводу тоже возникли разногласия. Когда по вопросу проголосовали, было уже слишком темно, чтобы подсчитать голоса, поэтому для определения результата голосования предложили внести свечи. Но можно ли принести свечи до того, как парламент принял официальное решение их запросить? Таким же образом рассматривались

и государственные дела. Наступила новая эра политической жизни.

Окончательный отказ короля принять Ковенант подорвал его значимость для шотландских пресвитериан, теперь они решили, что выгоднее заключить сделку с парламентом. По получении причитающихся им денег они возвратят монарха; возможно, в этих обстоятельствах Карл начнет обсуждать соглашение с их союзниками в Вестминстере. Таким образом, короля сдали за сумму в 400 000 фунтов стерлингов. Однако споры о деньгах дискредитировали шотландцев, и граф Лодердейл предсказал, что за этот поступок «все прочие народы их освищут: да, все уличные собаки будут на них мочиться». Когда шотландские войска выходили из Ньюкасла, оставляя короля, городские торговки рыбой кричали им: «Иуды! Изменники!» Сам король сказал, что в этой сделке они продешевили.

В начале февраля 1647 года Карл отправился под парламентский надзор почти как герой-победитель: толпы людей приветствовали его на протяжении всего пути. В Рипоне он накладывал руки на страдающих золотухой, демонстрируя свою божественную власть над болезнью. В Ноттингеме главнокомандующий Армиией нового

образца сэр Томас Ферфакс спешился и поцеловал монарху руку. В середине февраля короля доставили в Холмби-Хаус в графстве Нортгемптоншир. Там он оставался пять месяцев. Много времени проводил в своей комнате, или «кабинете», играл в шары и совершал прогулки верхом в окрестностях поместья.

Теперь пресвитериане и их сторонники в Вестминстере начали планировать расформирование Армии нового образца и ее замену менее религиозными и более надежными для них войсками. Кроме того, они игнорировали требования английской армии погасить задолженности по жалованью и предоставить защиту от преследований за действия, совершенные во время войны. Между армией и парламентом назревал опасный конфликт. В это время Оливер Кромвель был болен почти смертельно, страдая от «абсцесса в голове»; это была своего рода опухоль или нарыв, частью, возможно, спровоцированный нервным напряжением.

Фанатики и сторонники армии, или, как они называли себя, «непреклонные люди», отправили в парламент «Большую петицию», в которой утверждали верховную власть народа. Они также требовали, чтобы лорды и общины ис-

ключили «вопросы религии и богослужения из компетенции принудительной запрещающей власти любой администрации на земле». Среди этих пылких верующих сложилась группа так называемых левеллеров. Новостные листки роялистской направленности дали им такое название, поскольку «они стремились всех просветить, установить в королевстве равноправие и единство». Мы, наверное, можем описать их сторонниками духовного равенства.

Левеллеры представляли собой главным образом группу лондонцев, они выпустили несколько сотен трактатов и смогли привлечь к себе, судя по всему, еще столько же сторонников. Маркером своего движения они выбрали цвет морской волны, используя в повседневном костюме шарфы и ленточки этого цвета. Один из их неформальных лидеров, Джон Лилберн, написал Кромвелю в тот год, что он сам и его единоверцы видят в нем «самого честного великого деятеля в Англии, не запятнанного собственными корыстными интересами».

Сама армия находилась в волнении, близком к бунту, и солдаты подали петицию с жалобой сэру Томасу Ферфаксу. Парламент, в свою очередь, принял декларацию, осуждающую «врагов госу-

дарства и нарушителей мира». Армию, которая спасла парламент, фактически заклеймили как врага, что, в сущности, стало объявлением войны. В опубликованном в начале мая «Извинении солдат перед своими офицерами» говорилось, что их намерения «безобразно и подло переврали», и задавался вопрос: «Неужели такие вещи сделаны парламентом… не лучше ли погибнуть как солдаты, чем стать рабами и быть повешенными, как собаки?»

В такой обстановке народ Англии терпел лишения. 1646 год стал первым в череде шести неурожайных лет, когда цена на хлеб поднялась в два раза, а на мясо больше чем в половину. Сельское хозяйство составляло основу жизни Англии, значительный упадок этого сектора экономики, соответственно, потряс и без того уже бедствующее королевство.

В войска Армии нового образца, стоявшие в Саффрон-Уолдене, прибыли уполномоченные парламента вербовать солдат для службы в Ирландии; их встретили жалобами и вопросами. Солдаты в особенности хотели знать, когда им будут выплачены долги по зарплате; вразумительного ответа не последовало. Тогда восемь из десяти кавалерийских полков избрали предста-

вителей для защиты интересов армии, агентов, которых со временем их противники станут называть «агитаторами». Кромвель просил о компромиссе, утверждая, что, если власть парламента «сходит на нет, последовать может только беспорядок». Однако парламент был решительно настроен уничтожить эту армию, исходя из утверждения: «или они потопят нас, или мы потопим их». Уже поползли слухи, что армия ищет примирения с королем, чтобы с его помощью попытаться разрушить замыслы пресвитериан. Ферфакс объяснял, что Карл превратился в «яблоко раздора между двумя партиями». В какую сторону покатится он или же покатят его?

Предводители армии считали, что парламент собирается создать новую армию во главе с королем, поэтому они начали действовать первыми. В шесть часов утра 4 июня 1647 года король выехал из Холмби-Хауса и столкнулся с отрядом в 500 конных, построенных аккуратными шеренгами. Отрядом командовал корнет Джойс. Джойс попросил соизволения сопроводить Карла в другое место. Король попросил показать ему письменное предписание, но Джойс увильнул.

— Прошу вас, господин Джойс, говорите прямо, какой приказ вы имеете.

— Вот мой приказ.

— Где?

Джойс повернулся и жестом указал на построенных всадников:

— Он стоит за мной.

— Это самый прекрасный приказ, — усмехнулся король, — причем самый великолепно написанный из всех приказов, что я видел в своей жизни: давно я не встречал такой компании красавцев и настоящих джентльменов.

Армия нового образца доставила короля в деревеньку Чилдерли в окрестностях Кембриджа. Карла не особенно волновало, в чьем лагере он находится. Ему было достаточно, как он сформулировал, посеять раздор в стане его противников. Однако с королем в руках армия теперь стала не только военной, но и политической силой. Роль Кромвеля в истории с Холмби-Хаусом осталась неизвестной; Джойс виделся с ним за пять дней до операции, и маловероятно, что они обсуждали искусство верховой езды. Когда Кромвель сказал королю, что Джойс действовал совершенно по собственной инициативе, Карл парировал: «Не поверю, пока вы его не повесите». Надо сказать, что Джойс получил повышение по службе и щедрую пенсию.

Через день после того, как Карла привезли в Чилдерли-Холл, полки собрались около Ньюмаркета, чтобы составить «торжественный договор», в котором поклялись оставаться вместе, пока их законные требования не будут удовлетворены. «Все так считают?» — «Все, все». Раздавались также выкрики: «Справедливости, справедливости, мы требуем справедливости!» Был создан новый «генеральный совет армии», в него вошел и Кромвель. Он прискакал в штаб армии в Ньюмаркете из Лондона, услышав молву, что пресвитериане готовятся заключить его в Тауэр. Он прилагал все усилия, чтобы сохранить мир между двумя противоборствующими фракциями, но теперь официально встал на сторону армии в качестве ее главного представителя.

Получив известие о захвате короля, парламент собрался и поспешно предоставил Армии нового образца все задержанные деньги. Члены городского управления Лондона потребовали собрать кавалерийские силы для обороны столицы. Армия находилась на марше, приблизилась к Лондону на 11,3 километра, подошла к Трипло-Хит и начала движение к столице. Кромвель обратился к гражданским властям с письмом, предлагая справедливое установление свобод народа под

эгидой парламента; однако предупредил, что, если армия встретит активное сопротивление, она не будет нести ответственность за «все разрушения, которые могут постичь столь большой и многолюдный город».

Когда армия достигла Сент-Олбанса, находящегося менее чем в 32 километрах от Лондона, была опубликована «Декларация армии». В ней предлагалось созывать на более короткий срок более представительный парламент, недоступный знати и королю; и никакая сила в государстве не должна иметь «неограниченной власти». Автором декларации был сэр Генри Айртон, зять Кромвеля. Декларация сопровождалась обвинениями против одиннадцати названных пресвитерианских членов парламента. Им вменялись изменнические отношения с роялистами и внутри страны, и за ее пределами. Парламент, казалось, хотел и имел возможность защитить их, но 26 июня 1647 года эти одиннадцать человек посчитали благоразумным ретироваться из Вестминстера и в конце концов бежали за границу. Это было время, когда в английский политический язык вошло слово «чистка». Великий конституционный историк Генри Галлам писал, что в этот день, «можно сказать, пала за-

конодательная власть и гражданское правление Англии».

На протяжении всего июня армейские лидеры постоянно и учтиво общались с королем. Достаточно очевидно, что они по-прежнему желали достичь соглашения, которое позволит ему сохранить трон при ограниченной власти. Он был единственной силой, предположительно способной объединить страну, теперь опасно разобщенную между армией и парламентом. Тем не менее с него не снимали обвинений в лицемерии и двурушничестве. Однажды король сказал Генри Айртону: «Мне нужно как можно лучше сыграть свою роль», на что Айртон ответил: «Раз уж ваше величество играет свою игру, то позвольте и нам играть нашу».

Армия нового образца теперь продвигалась к Рединг у, который открывал более удобный путь на Лондон. Наиболее радикальные «агитаторы» требовали завершающего броска на столицу, но Кромвель предпочитал ждать и вести переговоры. Айртон разработал программный документ «Пункты предложений», который фактически повторял предложения, представленные в «Декларации армии», включая двухлетний парламент и новый Государственный совет.

Парламент, заметно более умеренный или более напуганный после изгнания одиннадцати членов, проголосовал за принятие этих предложений. Они, в частности, согласились, что контроль над городской милицией следует вернуть прежним комитетам милиции, что по сути означало передачу городских сил под командование господствующей теперь армии. Однако палаты лордов и общин не учли яростную реакцию пресвитериан в самом Лондоне, которые боялись за свою жизнь и собственность, если к власти придет армия. Одна толпа горожан с подмастерьями в сопровождении депутации лондонцев осадила палату лордов, выкрикивая, что «они никогда не выйдут», если не изменят своего решения. Другая толпа ворвалась в палату общин и потребовала, чтобы они отменили свое недавнее постановление: «Голосуйте! Голосуйте!» Члены палаты были слишком запуганы, чтобы не подчиниться. Парламент продемонстрировал, что им может управлять любая сильная группировка и поэтому он не способен осуществлять никакую законодательную власть. Шестьдесят человек из членов парламента, принадлежащих к индепендентам, вместе со спикером тогда для безопасности бежали к армии в Рединг. Они при-

дали дополнительную законность солдатскому делу.

«Пункты предложений» представили на рассмотрение королю. Некоторые пункты были достаточно умеренными. Епископат не упразднялся, а лишался возможности применять принуждение; прежний порядок богослужения и новый Ковенант будут одинаково законны в широком контексте религиозной свободы и веротерпимости. Армия и флот будут возвращены королю по прошествии десяти лет. Только пять роялистов не получат прощения. Если бы Карл принял эти условия, то мог бы возвратиться на трон без ущерба для чести. Однако король отверг документ, даже не дав себе труда серьезно подумать. Его сохранившийся в истории ответ гласит: «Вы не в состоянии существовать без меня. Вы погибнете, если я вас не поддержу». Один из королевских советников, сэр Джон Беркли, прошептал Карлу: «Сэр, ваше величество говорит так, будто вы располагаете тайной силой и властью, о которой мне неизвестно». Люди умеренных взглядов по обе стороны конфликта начали терять последнюю надежду.

Устрашение парламента лондонской толпой и провал переговоров с королем подтолкнули

Армию нового образца наконец двинуться на Лондон. Ночью 3 августа кавалерийская бригада взяла Саутуарк, и, проснувшись, гражданские власти города обнаружили, что центральная улица столицы, идущая через Лондонский мост, находится в руках тех, кого теперь надо называть врагами. Согласно Кларендону, внезапный захват «выбил у них почву из-под ног» и «положил конец всем разговорам об обороне». Теперь единственной их целью стало умиротворить тех, кого они раньше обидели, и не позволить армии поджигать и разграблять их особняки.

Вся армия в 18 000 человек под командованием сэра Томаса Ферфакса вошла в столицу. Во главе кавалерии скакал Кромвель, а Ферфакс сидел в экипаже рядом с женой Кромвеля. В Гайд-парке Ферфакса встречали мэр и члены городского управления Лондона, они принесли официальные извинения и подали ему золотой кубок. Главнокомандующий отказался принять подношение и прогнал их. Имея с собой спикера и членов палаты общин, Ферфакс, казалось, теперь представлял законную власть страны. Один из жителей Лондона, пуританин Томас Джаксон, увидев солдат, марширующих по улицам столицы, написал: «Примечательно, что армии

никогда не приходило в голову заходить так далеко; но ее привели к такому решению, шаг за шагом, и все интригами ее противников». Армия нового образца также позаботилась снести большую оборонительную стену, которую возвели лондонцы в начале войны. Однако Ферфакс не планировал военной оккупации города, он разместил штаб-квартиру армии примерно в 9,7 километра от Лондона в местечке Патни.

Карл, теперь пребывающий в Хэмптон-Корте, милостиво соглашался выслушивать предложения, выдвигаемые Кромвелем и другими армейскими лидерами, однако твердо отстаивал свои интересы и отказывался идти на компромисс. Многие индепенденты желали и даже настаивали на том, чтобы обойтись без короля. Они подозревали Кромвеля в преследовании собственных корыстных интересов при продолжении переговоров с Карлом: ходили слухи, что он готовится получить титул графа Эссекса.

Однако в действительности Кромвеля раздражали и выводили из себя постоянные увиливания и отказы короля. Он начал всерьез сомневаться в искренности Карла. В какой-то момент, ближе к концу октября, Кромвель отказался от дальнейших поездок в Хэмптон-Корт. Те, кто прислуживал

королю, теперь начали замечать изменения в поведении и отношении приставленных к нему солдат. Королевская стража была удвоена.

30. Убить короля

Армия теперь переваривала завоеванные ею власть и положение. Первыми свой вклад в обсуждение вопроса внесли левеллеры, когда в октябре опубликовали документ «Правдивое изложение состояния армии», где потребовали более репрезентативного парламента. Они утверждали революционную для того времени идею, что власть принадлежит «изначально и по сути всем людям нашей страны». Соответственно, не было никакого упоминания короля и лордов. Левеллеры имели поддержку среди наиболее радикально настроенной части солдат, которые соглашались с их призывом к национальному обновлению. За «Делом армии» быстро последовала конституционная программа «Народное соглашение», в которой утверждался новый политический порядок, основанный на записанной конституции. Оба набора предложений, казалось, сподвигали армию к установлению республики.

Некоторые ведущие офицеры, в том числе Кромвель, не одобряли наиболее крайние из обсуждаемых мер, поэтому было предложено

рассмотреть аргументы сторон в открытой дискуссии. Обсуждение началось в конце октября в церкви Святой Марии на южной стороне моста Патни и продолжалось три недели. Там собралось несколько генералов и по четыре представителя от каждого из тридцати двух полков. Важность процедуры понимали все участники, и Патнийская конференция 1647 года, несомненно, остается одним из самых значительных проявлений английской политической мысли.

В первый день заседаний Эдвард Сексби, один из представителей солдат, высказал упрек: «Мы старались угодить королю, но, думаю, пока мы не перережем друг другу глотки, нам не удастся его удовлетворить». Тогда Кромвель заметил, что радикальное «Народное соглашение» наивно составлено с надеждой на то, что новую конституцию можно разработать, не принимая во внимание английскую традицию и прецеденты. Ему говорили, что вера преодолеет все трудности, но «все мы склонны взывать к этой вере, которая, весьма вероятно, может быть всего лишь бренной фантазией и бренными же рассуждениями». Он намекал, что в основе политической революции может лежать выгода и самообман. Он также высказывал критические замечания более

практического свойства. Весь этот сдвиг должен был осуществиться во имя народа, но Кромвель задавал вопрос: «Готовы ли дух и характер людей нашей страны принять перемены и согласиться с ними?»

Определяющий момент дебатов наступил, когда Томас Рейнзборо, один из представителей движения левеллеров, заявил: «Беднейший из англичан имеет такое же право на жизнь, как и самый богатый, и потому также должен иметь право голоса». На это требование не будет ответа до 1918 года. Генри Айртон отверг идею избирательного права для всех взрослых мужчин. Он доказывал, что право голоса следует предоставлять людям, которые владеют землей, состоят в корпорациях и занимаются торговлей. Другими словами, только те, кто имеет финансовый интерес в государстве, должны определять направление его развития.

В какой-то момент дискуссии у Кромвеля возникло желание заявить, что «фундамент и верховная власть находится в народе, исключительно в нем», но он также доказывал, что высшая власть должна принадлежать парламенту, какой бы он ни был. В это нестабильное время власти, безусловно, требовалась сила. Кромвель

сравнил себя с утопающим человеком: «Если он имеет лишь обличье власти, если даже он только заяц, переплывающий Темзу, я все равно скорее ухвачусь за него, чем дам ему уплыть». Более зловещий для короля сигнал прозвучал, когда капитан Бишоп заявил, что несчастья нации исходят из «готовности сохранить этого кровопийцу», имея в виду Карла. Капитан намекал на строки 16-й главы Второй книги Царств: «И вот, ты в беде, ибо ты — кровопийца».

Завершающий ряд предложений, выдвинутых на Патнийской конференции, не касался требований левеллеров и споров относительно будущего короля; они предназначались только для сохранения единства Армии нового образца. Рекомендовалось расширение права участвовать в выборах, но поддерживалась старая структура «король — общины — лорды» с реальным контролем в руках палаты общин. Затем армейские командиры прекратили дебаты, приказав участникам конференции возвращаться в свои полки. Частичные волнения в некоторых наиболее радикальных подразделениях были быстро подавлены. Перестройка армии в следующем году позволила командующим удалить из своих рядов солдат с сомнительными взглядами.

Тут король привел всех в замешательство, ускользнув из Хэмптон-Корта. Он спустился по какой-то неизвестной лестнице и, встретившись с двумя сторонниками, скрылся в южном направлении. По-видимому, Карл не имел определенного плана, куда двигаться, но в итоге решил направиться на остров Уайт, где у него под рукой было бы море. Он оставил несколько документов, в том числе анонимное письмо, в котором его предупреждали об опасности покушения на его жизнь. Кроме того, монарх написал письмо к парламенту, просил, чтобы ему «обеспечили свободу, уважительное отношение и безопасность», тогда он незамедлительно вырвется «из завесы уединения» и покажет себя «готовым быть *pater patriae* — отцом отечества».

Комендант острова Уайт Роберт Хэммонд принял этого отца нации с немалым опасением. Он состоял на службе в армии и не имел желания проявлять неповиновение начальству, однако яростно противодействовал левеллерам и был в состоянии защитить короля от их посягательств. Вероятно, и Кромвелю было удобно оставить Карла на этом острове: там он был вне досягаемости и для более кровожадных левеллеров, и для шотландцев, которые могли возобновить

с ним переговоры. При наилучшем стечении обстоятельств король даже мог выйти в море и отправиться в ссылку во Францию.

Карл теперь находился под охраной в замке Кэрисбрук. Он был тогда чем-то вроде аукционного лота, за который могли сразиться самые разные участники торгов. Кромвель вполне еще мог пойти на компромисс с королем. Несмотря на все усилия Роберта Хэммонда, шотландцы также могли найти способ связаться с ним. Практически сразу после того, как короля устроили в замке, Карл пустил в ход различные ухищрения: прятал записки за подкладкой перчаток, вел тайные разговоры со слугами, разрабатывал замысловатые планы отправлять и получать секретные письма.

Именно в это время Кромвель открыто порвал с королем и резко выступал против него на заседаниях Совета армии. Существует история, хоть окончательно и не подтвержденная, что Кромвель перехватил тайное письмо к королеве, в котором Карл сообщал, что скорее договорится с шотландцами, чем с армией. Скоро в Вестминстере стали поговаривать, что пребывающий в Кэрисбруке Карл бросил кость между двумя спаниелями и теперь потешается над их грызней.

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы восстановить Кромвеля против короля. Теперь он начал симпатизировать позиции более радикальных солдат, твердых антимонархистов. Кромвель заметил, что «если мы не в состоянии привести представителей армии к нашему пониманию ситуации, то сами должны перейти к их пониманию дела».

Вскоре подозрения Кромвеля получили подтверждение. Ближе к концу декабря после тайных переговоров с шотландскими эмиссарами король подписал с ними соглашение, известное как «Обязательство». Он дал обещание ввести пресвитерианство в качестве государственной религии на ближайшие три года, утвердить «Торжественную лигу и Ковенант» в английском парламенте, но не принуждать своих подданных принимать присягу. В свою очередь, шотландцы взяли на себя обязательство поддерживать требование Карла о личном мире и роспуске всех английских армий; затем шотландская армия отправится в Лондон, чтобы содействовать «полноценному и законному парламенту». Документ скрепили печатью и зарыли в саду замка. После этого король отказался иметь дело с парламентской депутацией, в ответ полковник Хэммонд удалил

королевских слуг и удвоил его стражу.

Карл. Будет ли у меня возможность гулять на свежем воздухе?

Хэммонд. Нет. Я не вправе этого разрешить.

3 января 1648 года палата общин большинством в пятьдесят голосов приняла постановление о «Недопущении обращений». Больше никаких контактов и никаких предложений королю не будет. Кромвель полностью поддержал это решение, потому что люди не должны «больше ожидать защиты и руководства от упрямого человека, которому Бог ожесточил сердце». Совет армии тоже высказался за королевство и парламент «без короля и против него».

Но на последовавшем затем обеде армия по-прежнему продемонстрировала раскол. Командиры спорили друг с другом о сравнительных достоинствах «монархической, аристократической и демократической форм правления», но не пришли к окончательному решению. В конце дискуссии Кромвель в истерическом приступе, какие и вообще отмечали его карьеру, запустил диванной подушкой в одного из своих приверженцев, Эдмунда Ладлоу, после чего сбежал вниз по лестнице; тот устремился за Кромвелем и, в

свою очередь, поколотил подушкой его самого.

Когда полковника Хэммонда уведомили, что королем был подписан договор с шотландцами, он принял решение найти этот документ. Полковник без предупреждения вошел в королевскую спальню, Карл в тревоге встал с постели и надел халат. Хэммонд приступил к обыску его карманов, и тут король ударил его. Докладывали, что вопреки всем прецедентам полковник ответил на удар ударом.

Тот факт, что короля лишили свободы, возмутил сторонников роялистского дела. В Ипсвиче и Кентербери произошли массовые беспорядки. Один лондонский журналист сообщил, что «графства полны недовольства, в последнее время начались восстания, даже вблизи столицы». Большинство газет и памфлетов решительно поддерживали короля, а в годовщину восшествия Карла на престол, 27 марта, Лондон озарился праздничными кострами. Пассажиров экипажей, которые ехали по улицам, заставляли пить за здоровье короля. Столичные мясники заявляли, что если бы поймали полковника Хэммонда, то «порубили бы его так мелко, как никогда не рубили мясо на продажу».

В начале апреля лорд-мэр Лондона отправил

несколько отрядов милиции на разгон толпы подмастерьев в Мурфилдсе. Толпа переключилась на милиционеров, захватила их оружие и удалилась с криками «За короля Карла!». Просители, снова желающие королевского правления, стекались в Лондон из Кента, Эссекса и Суррея. Кавалеры торжествовали, а пресвитериане опять взяли под контроль парламент. В апреле палата общин приняла ходатайство, призывающее к договору с королем.

Снова проявились признаки гражданской войны. Первые действия состоялись в Уэльсе, где в апреле роялистский командир оккупировал замок Тенби. Достаточно скоро весь Южный Уэльс заявил о том, что поддерживает короля. Лидеры армии провели день в слезах и молитвах. Как случилось, что в страну вернулись кровь и столкновения? Неужели предыдущая война велась напрасно? На собрании Армии нового образца в Виндзоре было решено, что «наш долг, если когда-нибудь Господь вернет нам мирное время, призвать к ответу этого кровопийцу Карла Стюарта за пролитую им кровь».

Затем военный совет приказал Кромвелю войти в Южный Уэльс с двумя конными и тремя пешими полками. Чтобы разбить мятежников,

ему потребовалось шесть недель. Антипарламентские силы поднимались по всей стране, ими руководило не столько рвение выступить за короля, сколько тревога из-за налогов и навязанных парламентом комитетов в графствах. Недовольные взяли Бервик и Карлайл; Понтефракт тоже захватили внезапной атакой, и Скарборо выступил за короля. Солдаты Эссекса маршировали под знаменем, поднятым роялистским командиром генералом Горингом. Часть флота у берегов Даунса тоже перешла на сторону короля и присоединилась к солдатам Кента в их выступлении. Кроме того, стало ясно, что шотландская армия собирается на границе, чтобы выступить за короля Карла.

Ситуация представляла серьезную угрозу для власти парламента, но эта Вторая гражданская война, как ее стали называть, тоже закончилась победой Армии нового образца. Шотландская армия пересекла границу только в июле, а к этому времени большинство восстаний в Англии и Уэльсе уже было подавлено превосходящими военными силами армии. Кромвель действовал на севере, Ферфакс — на юге. По сути, это была не война, а серия разрозненных мятежей и вооруженных выступлений без серьезных по-

пыток скоординировать то, что могло бы стать успешным восстанием. Без общей стратегии мятежники были не ровней Армии нового образца. Они тщетно ждали шотландцев, пока не стало слишком поздно, чтобы организовать существенное сопротивление.

Вторая гражданская война имела кровопролитное завершение на двух основных фронтах. Шотландская армия под командованием герцога Гамильтона медленно продвигалась в южном направлении под дождем и ветром нехарактерно холодного лета. Плохо подготовленная, значительно меньшая по численности, чем ожидалось, эта армия не поддерживалась великой целью, и, как следствие, боевой дух солдат был низок. Армия нового образца, по крайней мере, твердо знала, что сражается с интервентами.

17 августа две стороны сошлись в напряженной битве у стен Престона. Пехота обеих армий сражалась упорно, но в конце концов атака шотландцев была отбита, они потеряли 1000 человек. Кромвель пустился преследовать остатки шотландской армии и в итоге заставил их, потрепанных и разобщенных, сложить оружие. В этом сражении он впервые осуществлял общее командование, то есть для него это была самая

знаменательная победа.

Все уцелевшие на юго-востоке роялисты бежали за стены Колчестера. Там в середине июня сэр Томас Ферфакс изготовился взять их в длительную осаду. Она стала самым отвратительным и постыдным событием всей гражданской войны. Ферфакс решил заставить город сдаться голодом, он держал осаду, пока не наступило время, когда городские обитатели, съев всех собак и кошек, были вынуждены глотать мыло и свечи. Сообщалось, что роялистские солдаты предлагали горожанам есть детей. Тогда командир роялистов граф Норидж выпустил из города 500 женщин и детей, но Ферфакс отказался принять их и угрозами вернул всех обратно за городские стены. В конце августа подавленные, как говорили, «капитаном *Штурмом* снаружи и капитаном *Голодом* внутри», роялисты сдались. Двух из их командиров сразу поставили перед расстрельной командой. Второй этап гражданской войны был значительно жестче и напряженнее первого; времени на милосердие больше не оставалось.

В победе у Престона Кромвель снова увидал длань Божью. Он верил, что выполняет работу, предначертанную ему Господом; и именно потому ждал, что Промысел Божий направит его

действия и укажет путь вперед. Он ощущал себя слепым кротом, ищущим благодати Божией. Временами его окружала тьма, но вера в Провидение была для него спасением. Кромвель писал другу и коллеге Филипу Уортону: «Мое сердце смеется и поет, когда я говорю об этих вещах».

Сражение у Престона фактически ознаменовало завершение Второй гражданской войны — и беспорядка, разорявшего королевство с того момента, как король впервые поднял штандарт шесть лет назад. Считается, что в ходе этого конфликта погибло 100 000 военнослужащих и мирных граждан, в процентном отношении население страны сократилось больше, чем в результате Первой мировой войны 1914–1918 годов. По этой причине гражданскую войну справедливо называют самой кровопролитной войной в английской истории. Значительный ущерб понесли сто пятьдесят городов и пятьдесят деревень; было разрушено 10 000 домов.

В течение Второй гражданской войны Карл несколько раз пытался бежать из Кэрисбрука. Он не оставлял попыток устроить заговор и разрабатывал уловки, дабы обмануть тюремщиков. Король, например, прятал зашифрованные записки в каблуках обуви своих слуг. Какие-то

сторонники ухитрились передать ему напильник и запас азотной кислоты — тогда ее называли *аквафортис*, — чтобы справиться с железной решеткой на окне, однако злой умысел был раскрыт и закончился ничем. В другой раз Карл попытался протиснуться между прутьями, но застрял и освободился с большим трудом.

Тем не менее после окончательной победы парламент по-прежнему хотел договориться с королем, не принимая во внимание позиции армии, чьи лидеры уже осудили его как «кровопийцу», фактически спровоцировавшего Вторую гражданскую войну. Большинство членов и палаты лордов, и палаты общин вместе с огромной частью населения страны теперь мечтали о мире любой ценой. По этой причине короля освободили из заключения в замке и поселили с друзьями и слугами в городе Ньюпорт, куда явились представители парламента. Карл в окружении советников сидел под королевским балдахином, парламентская делегация расположилась напротив него.

Карл находился в более податливом расположении духа, вне всякого сомнения, потому, что победа Армии нового образца положила реальный конец его сопротивлению. Он хотел

договориться с парламентом на том серьезном основании, что боялся армии значительно сильнее, чем парламента. Таким образом, в течение нескольких дней король согласился на тридцать восемь парламентских условий, взамен делегация приняла четыре предложения Карла. Король в значительной степени уступил религиозным требованиям парламентариев и отказался от контроля над милицией на двадцать лет. Нет сомнений, что парламентские переговорщики понимали, что он может отречься от этих обещаний, если когда-либо восстановит полную власть.

Сам же король написал своему советнику сэру Уильяму Хопкинсу: «Большие уступки, на которые я пошел сегодня, — Церковь, милиция и Ирландия — были сделаны только ради моего побега… моя единственная надежда состоит в том, что теперь они думают, будто я не осмелюсь отказать им ни в чем, и поэтому будут меньше заботиться о страже». Однако в то же время Карл постоянно думал о том, что его, возможно, ожидает и другая судьба. Он может оказаться королем, который ограничил королевскую власть. Его могут осудить на пожизненное тюремное заключение. Он может сложить голову на плахе. Кроме

того, он боялся покушения со стороны военной клики и в Кэрисбруке пребывал в постоянном страхе, что его отравит Хэммонд или еще кто-то из его тюремщиков.

Один из королевских секретарей, сэр Филип Уорвик, видел короля стоящим в проеме окна: за ним расположились парламентарии, а по лицу Карла текли «самые крупные слезы», какие тот «только видел в жизни». С того времени, как удалили слуг, король перестал обращать внимание на собственный внешний вид: борода оставалась неподстриженной, одежда износилась и выцвела. Его некогда роскошные волосы почти полностью поседели, придавая ему меланхоличный вид.

Армия, все больше недовольная переговорами в Ньюпорте, в ноябре выпустила Ремонстрацию, призывающую «судить по заслугам» отъявленного кровопийцу. Армейские предводители требовали казнить короля. Кроме того, войска, закончив на севере свои дела с шотландцами, начали марш обратно к Лондону.

В первый день декабря короля вывезли с острова Уайт и доставили в замок Херст на побережье графства Хемпшир. Кромвель и его товарищи беспокоились (совершенно справедливо), что парламент вынашивает план пригласить Карла

обратно в Вестминстер. Они также опасались какого-либо официального соглашения между двумя партиями. Кромвель объявил, что любой договор, заключенный в Ньюпорте, останется лишь «клочком бумаги». Он написал Хэммонду, что король «проклятое существо», с которым невозможны никакие договоренности.

5 декабря парламент решил поладить с королем на основе условий, заключенных в Ньюпорте. На следующий день полковник Томас Прайд встал на входе в палату общин со списком имен. Когда какой-то член палаты подходил к дверям, Прайд сверялся со списком. Кому-то позволял пройти внутрь, а других задерживали и арестовывали солдаты, стоявшие рядом с полковником. Парламентариев-пресвитериан, выступавших за Ньюпортский договор, и других сторонников короля удалили без долгих рассуждений. Это был первый и последний военный *coup d'etat* (государственный переворот) в английской истории. Похоже, что переворот устроил Генри Айртон, а не Оливер Кромвель, но когда той ночью Кромвель вернулся в Лондон из Йоркшира, он заявил: «Я не был знаком с этим планом, однако, поскольку дело сделано, я рад и поддерживаю его». Что до него, так все промыслы Божьи сходятся без его

притязаний на ответственность за них.

В мрачном замке на краю покрытого галькой морского берега король был заточен две недели — туманное сырое место, куда наплывали тяжелые испарения с окружающих болот. В маленькой и темной комнате Карла свечи зажигали даже днем. В узкую щель окна он мог видеть пролив Те-Солент. Солдаты с непокрытой головой вносили ему еду. Говорят, что он спросил: «Есть ли на свете что-либо более презренное, чем презираемый государь?»

Должно быть, он знал или догадывался, что все надежды рухнули: армия — хозяин королевства и теперь, конечно, должна добиваться его смерти. Тем не менее, как и Кромвелем, им владело чувство предназначения и религиозного замысла: он верил, что достоин судьбы мученика за праведное дело. Карл размышлял о страданиях и позоре, которые, вероятно, падут на него, и укрепился в решении противостоять миру. Так же как Кромвель, он ценил собственную жизнь меньше, чем принципы, которые отстаивал. Поэтому даже в такой крайней ситуации король сохранял спокойствие и даже бодрость.

После «Прайдовой чистки», как стали называть эту операцию, из прежнего собрания палаты

осталось примерно 200 членов; тем не менее теперь они составляли палату общин и в конце концов получили название «Охвостье парламента», или, как Кларендон истолковал это выражение, «бесполезный остаток давно вышедшей из употребления конструкции». Некоторые из них остались на своих местах не именно для того, чтобы поддержать армию, а скорее чтобы предотвратить перспективу прямого военного правления вообще без всякого парламента.

19 декабря короля перевезли в Виндзор, где по приказу армейских офицеров его будут «содержать, чтобы вскоре передать в руки правосудия». Однако природа этого «правосудия» оставалась неясной. Многие в армии не желали смертного приговора. Несмотря на гневные слова по поводу кровопийцы, Кромвель, похоже, тоже разделял эту позицию. Карл на данный момент, возможно, так отчаялся, что прекратит сопротивление. Таким образом, армия и, наверное, вновь избранный парламент смогут обрести законность и авторитет, если встанут у власти с согласия короля. В случае, если Карла будут судить и признают виновным, его можно будет низложить, а не казнить. Смерть Карла пока отнюдь не была необходимостью.

Кромвелем двигало и еще одно соображение. Король отправил в Ирландию представителя с целью собрать армию; если отговорить Карла от этого проекта, будет снята дополнительная угроза. Вероятности столкнуться с роялистской Ирландией было достаточно, чтобы убедить Кромвеля предпринять последнюю попытку урегулировать ситуацию.

Тогда армейские лидеры отправили в Виндзор уполномоченного, чтобы обсудить условия возможного соглашения, но король отказался встречаться с ним на том основании, что он уже «уступил слишком многое, но все равно не удовлетворил их, и теперь король решил, что скорее умрет, чем возьмет на свою совесть новый груз». Таким образом, перспектива умереть стала для Карла еще реальнее. Отказ короля идти на дальнейший компромисс, казалось, склонил Кромвеля к тому, что его действительно нужно судить и казнить. Он сказал в палате общин: «Поскольку Божественное Провидение возложило на нас эту миссию, мне остается только подчиниться воле Божией».

1 января 1649 года «Охвостье парламента» единогласно проголосовало за указ о суде над королем на том основании, что он имел «злой

умысел полностью уничтожить древние основные законы и вольности нашей нации», желал стать абсолютным монархом и для этой цели вел жестокую и кровопролитную войну. Палата лордов отвергла указ, после чего палата общин приняла резолюцию, что «народ, находящийся под Богом, является источником всякой справедливой власти», а они представляют этот самый народ. Таким образом, палата общин объявила себя верховной властью в государстве. Общины также приняли закон об учреждении нового Верховного суда правосудия в составе 135 членов. В итоге в назначенный день суда над королем явились только 52 человека. Совет армии тоже разошелся во мнениях. Один из его представителей утверждал, что короля Англии не может судить никакой английский суд. Кромвель ответил: «Обещаю вам, мы снесем ему голову вместе с короной!»

19 января Карла должны были доставить из Виндзора во дворец Сент-Джеймс. Когда королю объявили о предстоящей поездке, он сказал: «Господь пребывает всюду». Суд начался на следующий день. Солдаты несли Карла из дворца в Уайтхолл в закрытых носилках, а затем везли в Вестминстер на барже с занавешенными окна-

ми. Началась перекличка судей; когда назвали имя сэра Томаса Ферфакса, одна женщина выкрикнула, что «он слишком умен, чтобы быть здесь», — то был голос его жены.

Короля ввели в Вестминстер-Холл и усадили на предназначенное ему место без малейших признаков смущения. По словам Кларендона, все судьи «разглядывали его, не выказывая никакого уважения». Затем генеральный прокурор Джон Кук приступил к чтению текста обвинения. «Постойте», — сказал король. Он постучал Джона Кука по плечу тростью с серебряным набалдашником, но тот не обратил никакого внимания. Когда король стукнул его еще дважды, набалдашник отвалился и покатился по полу. Никто не поднял вещицу, чтобы подать королю. Несколько дней спустя он признался, что на него «это произвело огромное впечатление». Происшествие это также можно было рассматривать и как предзнаменование, что ему отсекут голову. Когда Джон Кук назвал его «тираном и изменником», Карл громко рассмеялся. Как можно обвинять сюзерена в измене, если измена — это преступление против сюзерена? Он не понимал, что теперь это слово означало выступление против суверенной власти народа и парламента. Королевство,

внешней формой сохранное, было превращено в «государство».

После того как зачитали обвинительный акт, председатель суда Джон Брэдшоу предложил Карлу ответить на выдвинутые обвинения. Брэдшоу восседал перед королем в красном бархатном кресле, за ним находились судьи; стража располагалась слева, справа и позади подсудимого. Зрители сидели на галереях по обе стороны зала или стояли в дальнем его конце.

«Я хотел бы узнать, — спросил король, — по какому праву я приведен сюда?» Это был главный вопрос. Он добавил, что «на свете много незаконных властей, есть грабители и разбойники». Ему удалось преодолеть свое обычное заикание.

Карла проинформировали, что он приведен в суд «именем народа Англии, избранным королем которого он является, чтобы ответить перед ними».

«Англия никогда не была выборной монархией, это наследственная монархия последнюю тысячу лет».

Диалог продолжался еще какое-то время, пока Брэдшоу не прервал заседание. Когда король проходил мимо большого меча правосудия, стоящего на столе секретаря, было слышно, как он сказал:

«У меня нет страха перед этим».

На второй день судебного заседания король опять отказался отвечать на обвинение. Он не признал законности этого суда. Брэдшоу приказал увести его.

— Я настоятельно требую представить свои обоснования.

— Сэр, заключенные не имеют права требовать.

– Заключенные?! Сэр, я не простой заключенный.

В третий день Карл снова отказался отвечать суду, заявив, что он «отстаивает право английского народа». Его просили ответить в общем сорок три раза, но он не желал признавать над собой власти парламента. 27 января судьи на закрытом заседании в Расписной палате Вестминстера признали короля «тираном, изменником, убийцей и врагом государства», заслуживающим казни «посредством отделения головы от тела». Прежде чем приговор объявили ему в суде, Карл заявил, что дело настолько серьезно, что его следует рассматривать на общей сессии обеих палат парламента. Некоторые судьи, желая снять с себя ответственность за цареубийство, поддержали эту идею. «Вы сошли с ума? — шикнул Кромвель на одного

из них. — Не можете посидеть тихо и спокойно?» Предложение короля было отвергнуто.

После того как Брэдшоу объявил смертный приговор, Карл попросил разрешения говорить.

— Нет, сэр, с вашего позволения, сэр. Стража, уведите заключенного.

— Я могу говорить после приговора. С вашего позволения, сэр, в любом случае есть последнее слово. — Стражник грубо повел его на выход, а он продолжал выкрикивать: — С вашего позволения, подождите! Этот приговор, сэр… вот что, сэр, я скажу… мне не дают сказать. Подумайте, какой это пример правосудия для других.

Солдаты и зрители вокруг него кричали: «Правосудие! Правосудие! Правосудие!»

На самом деле суд и казнь короля организовало небольшое, хоть и убежденное, меньшинство, никоим образом не выражавшее настроений народа. Два голландских посланника просили сохранить жизнь королю. Сэр Томас Ферфакс обратился с такой же просьбой к Совету армии. Принц Уэльский прислал чистый лист бумаги с подписью и печатью, чтобы парламент вписал условия, какие пожелает. Этих ходатайств оказалось недостаточно. В частности, Кромвель и Айртон стояли на своем: король должен умереть.

В обратном случае не будет безопасности ни для них, ни для нового государства.

Последние дни жизни короля для тех, кто находился рядом с ним, были торжественны и печальны. 29 января он сжег свои документы и зашифрованную переписку. Двоим из его младших детей, Елизавете и Генриху, по-прежнему находившимся в руках врагов короля, позволили повидаться с ним. Увидев отца, они оба разразились слезами. Карл сказал тринадцатилетней дочери, что готовится принять славную смерть за свободу страны и сохранение истинной веры. Десятилетнему сыну он завещал, чтобы мальчик не позволял военным возложить на его голову корону, пока еще живы старшие братья. Генрих ответил: «Пусть лучше сначала разорвут меня на куски!» Королевская стража рыдала. То было время слез.

В последнюю ночь своей жизни, 29 января 1649 года, король крепко спал примерно четыре часа. Проснувшись, он говорил личному камердинеру, что «наступил день его второй свадьбы», и попросил две рубашки, потому что «если я буду дрожать от холода, мои враги отнесут это на счет страха». Несколько пехотных рот сопровождали короля из Сент-Джеймса в Уайтхолл; они так громко

стучали в барабаны, что короля не было слышно. Его поместили в спальню, где он дожидался, пока парламент примет резолюцию, запрещающую провозглашение любого наследника трона. Карл отказался от обеда, взял только кусок хлеба и бокал вина. В назначенное время его сопроводили в большой Банкетинг-Хаус.

Стоял такой мороз, что Темза замерзла. Он вышел из окна первого этажа прямо на низкий эшафот, задрапированный в черное. На эшафоте стояли два тщательно замаскированных палача. Их личности так и остались нераскрытыми. Кавалерийские шеренги окружали улицу с обеих сторон, вооруженная охрана держала людей на расстоянии. Зрители заполнили крыши, балконы домов и саму улицу. Король попытался обратиться к людям, но они находились слишком далеко. Поэтому он продиктовал свои последние слова стенографисту и двум помощникам. Среди этих слов была декларация, что «подданный и монарх совсем не одно и то же». Перед тем как положить голову на плаху, он заявил, что «умирает как мученик за народ». С ним был епископ Лондонский.

Епископ. Остался всего один этап; он сложный, но короткий. Он вознесет вас с земли на небо, а

там вы найдете счастье и утешение.

Король. Я иду от короны временной к короне вечной.

Епископ. Вы меняете земную корону на небесную — удачный обмен.

Один удар отправил Карла в мир иной. Главный палач поднял голову и традиционно объявил: «Смотрите, вот голова изменника!» В этот момент, по словам очевидца Филипа Генри, «разнесся такой стон тысяч присутствующих, какого не хотелось бы слышать больше никогда».

31. Дом сдается

Казнь короля нанесла смертельный удар по государственному устройству, но, как сформулировал журналист Марчмонт Нидхэм, «старая зависимость отменена, и мы обречены принять новую». Но была работа, которую нужно было закончить. «Охвостье парламента» приняло постановление о «продаже вещей и движимого имущества покойного короля». Изображения Карла удалили из всех общественных зданий, а его изваяние у Биржи разбили на куски, на освободившемся месте написали слова *Exit tyrannus, regum ultimus* — «Тирана нет, последнего из королей».

В начале февраля палату лордов и королевские органы власти официально упразднили, монархию объявили «лишней, обременительной и опасной для свободы, безопасности и общественных интересов нации». Теоретически «Охвостье парламента» теперь имело неограниченную власть, однако оно едва ли представляло весь народ. В нем состояло примерно девяносто членов, поскольку остальные избранные

парламентарии были либо «вычищены», либо добровольно сложили свои полномочия. Часть депутатов вернулись в парламент позже, когда их уже нельзя было бы обвинить в причастности к казни короля, но, естественно, все они расходились во взглядах и убеждениях. Тем не менее под давлением недавних событий они оставались относительно единым органом. Только впоследствии станет ясно, что от них невозможно ожидать последовательной идеологии. Они были скорее реформаторами, чем революционерами, они следовали за событиями и обстоятельствами. «Охвостье парламента» было по сути импровизированным, а не спланированным, оно родилось из необходимости и целесообразности.

Однако армия в новом государстве тоже стала серьезной силой. Кромвель был членом парламента и ведущим военачальником. Так в чьих же руках находилась реальная верховная власть? Если правит меч, ответ очевиден. Однако главные участники процесса публично утверждали, будто считают, что создали конституционный порядок под эгидой парламента. Господствовала политика неопределенности, сложилась ситуация, в которой единственная и основная власть так и не была обозначена.

Для определения политики страны учредили Государственный совет из сорока одного члена, из них тридцать один человек были членами парламента. Председателем Совета стал Кромвель. Создали постоянные парламентские комиссии для армии, военного флота, Ирландии и иностранных дел в целом. Самый неотложный вопрос составляли финансы, для содержания и оплаты армии в 70 000 солдат отчаянно требовались деньги. Члены Совета прибегли к новым налогам, обращениям за займами к Сити и конфискациям имущества роялистов. Это не помогло, поскольку в тот год случился страшный неурожай, в результате которого масса жителей Ланкашира и Вестморленда погибла от голода. Балстроуд Уайтлок докладывал, что магистраты Камберленда подтверждают, что 30 000 человек «не имеют ни хлеба, ни зерна на посев, ни средств на закупку того или другого». Однако у Совета были и другие серьезные задачи: от него ждали объединения трех королевств, чтобы утвердить господство страны на море и защитить торговлю.

Члены Совета, столкнувшись с такими сложностями и заботами, казалось, проявляли незаурядную активность и эффективность. Посол Франции, направленный кардиналом Мазарини

разведать обстановку в стране, писал, что «они не только влиятельны на море и на земле, но и живут без парадной показухи, без роскошеств и соперничества между собой. Они экономно тратят силы на личные дела и щедро отдаются общественным задачам, для решения которых каждый из них трудится как на себя. Они имеют в руках огромные суммы денег, которыми распоряжаются самым честным образом, соблюдая строгую дисциплину. Они хорошо награждают и сурово наказывают». Докладывали, что в этот период Оливер Кромвель и Генри Айртон были «очень довольны» ходом дел. У каждой революции есть свои ранние, героические дни.

В середине марта Совет избрал Кромвеля главнокомандующим армией, поставив ему основной задачей усмирить роялистскую Ирландию. Шотландия тоже представляла проблему. Ее правительство, получив известие о казни короля, немедленно объявило его восемнадцатилетнего сына королем Карлом II. Однако наибольшая угроза исходила от Ирландии, где командовал роялистский генерал-лейтенант герцог Ормонд. Он объединился для поддержки нового короля с конфедератами-католиками, под властью которых после восстания 1641 года находилось две

трети страны. Скоро Кромвель снова отправится на войну.

В мае «Охвостье парламента» провело последний акт, который объявил Англию свободным содружеством. Королевство стало республикой. Все действия теперь должны были быть направлены на так называемое «общее благо», и, разумеется, все действия могли быть оправданы ссылкой на то самое благо. Как сформулировал Мильтон, «более справедливо, если уж доходит до применения силы, что меньшинство заставляет большинство сохранять свою свободу», чем если большинство вынуждает остальных быть их рабами. С этого времени, например, мы можем датировать появление фискального государства с общим налогообложением и общественными расходами в качестве основных видов деятельности.

Кроме того, год стал, согласно надписи на новой Большой печати, «первым годом свободы, восстановленной Божьим благословением». Революция в общественных делах теперь придала дополнительную энергию и целеустремленность религиозным энтузиастам и радикалам всякого рода. Наступило время для нового неба и новой земли. Одна женщина поднялась среди паствы в

часовне Уайтхолла и разделась с криком «Встречайте Воскресение!».

Рентеры верили, что для чистого человека все чисто. Лоренс Кларксон, «лидер рентеров», утверждал, что «грех имеет смысл только в воображении». Они обычно безнаказанно клялись, пили, курили и прелюбодействовали. Никакой земной судья не мог их тронуть.

Люди Пятого Царства, мужчины и женщины, активно готовились к царству Христа и Его святых, которому суждено наследовать четырем царствам Древнего мира. Наступление правления Христа ожидалось в 1694 году. Они обычно хлопали в ладоши и подпрыгивали, выкрикивая: «Явись! Явись! Явись!»; к ним часто присоединялись странствующие музыканты и певцы, когда они пребывали в эмоциональном угаре.

Маглтониане тоже имели апокалиптические склонности. Они верили, что душа умирает вместе с телом и воскреснет вместе с ним во время Божьего суда и что Бог не обращает внимания на земные поступки. Они также утверждали, что Небеса начинаются выше 10 километров над землей, а Господь был от 1,5 до 1,8 метра ростом.

16 апреля несколько диггеров явились на холм Святого Георгия, где начали вскапывать и за-

севать общинную землю. Один из них, Уильям Эверард, провозгласил, что ему было видение, в котором он получил повеление копать и пахать землю. Диггеры верили в некую форму аграрного коммунизма, при котором англичане наконец освободятся от «норманнского ига» землевладельцев и помещиков, а потом «навсегда сделают землю общей сокровищницей».

Квакеры, или члены «Религиозного общества Друзей», считали, что не требуется никакого специального храма, а Божественное Откровение дается каждому человеческому существу: Христос может войти в душу и возжечь внутренний огонь. Квакеры требовали упразднения юристов и университетов, они отказывались платить церковную десятину и снимать шляпу в присутствии «вышестоящих». Было известно, что они нарушают традиционные церковные обряды. Они именовали друг друга «праведниками» или «друзьями истины», но из-за трепета и дрожания во время богослужений стали известны под названием, которое употребляется сейчас.

В начале мая из печати вышел перевод Корана. Религиозная свобода была заразительна. За два месяца до того Джон Ивлин посетил англиканскую службу в церкви Линкольнз-Инн.

Политические радикалы, как и религиозные, тоже усиливали свое влияние. Джон Лилбёрн, один из левеллеров, который помогал возбуждать волнения в Армии нового образца, выступил против новой администрации. В памфлете «Новые цепи Англии» он разносил в пух и прах Кромвеля вместе с армейскими лидерами за непорядочность и лицемерие; обвинял их в том, что они были «просто политиками», желающими возвеличиться, делают вид, что «ждут Провидения, а под прикрытием веры могут обмануть еще сильнее». В памфлете «Охота на лис» Лилбёрн сетует, что «вряд ли удастся поговорить с Кромвелем — он положит руку на сердце, возведет взгляд к небу и призовет Господа в свидетели. Он будет лить слезы, стенать и сокрушаться, даже нанося вам резкий удар под пятое ребро».

Эти памфлеты приводили Кромвеля в ярость. Стало известно, что он высказался на заседании Государственного совета: «Говорю вам, с этими людьми можно справиться только одним способом — полностью уничтожить… если вы не уничтожите их, они уничтожат вас». В конце марта Лилбёрна и его старших товарищей отправили в Тауэр по обвинению в измене. Однако левеллеры сохраняли у лондонцев популярность

за то, что говорили горькую правду о положении страны. Когда тысячи женщин стеклись к Вестминстеру протестовать против тюремного заключения Лилбёрна, солдаты предложили им «отправляться домой мыть посуду после еды», на что собравшиеся кричали в ответ, что у них «не осталось ни посуды, ни еды». В мае среди солдат начались выступления в защиту дела Лилбёрна. Кромвель и Ферфакс подавили волнения, троих офицеров расстреляли. Как сказал Кромвель в другом случае: «Не обижайся на способ действий Господа, возможно, другого выхода не оставалось».

Оскорбления наносились и с противоположной стороны. Роялистские памфлеты и журналы скорбели по поводу «кровавого убийства», оплакивали «тяжелую потерю милостивого короля» и заявляли, что «палачи короля активно творят зло, как и подобает ворам и убийцам». Теперь власти осознали ущерб от свободы слова и печати, и летом того года остатки парламента приняли акт, поясняющий, какие именно преступления считаются государственной изменой. Кроме прочего, к ним отнесли и «объявление правительства тираническим, узурпаторским или незаконным; утверждение, что заседающая в парламенте

палата общин не является верховной властью английского народа». Никакой эгалитарной или либертарианской революции места уже не осталось. Тогда же Государственный совет подготовил Акт о неразрешенных и возмутительных книгах и памфлетах, имеющий целью запретить любые памфлеты, газеты и книги, изданные «зловредной партией». Кроме того, «Охвостье парламента» проголосовало за то, что любой проповедник, упомянувший Карла Стюарта или его сына, будет считаться преступником.

Во вторник 10 июля Кромвель покинул Лондон и отправился на запад в коляске, запряженной шестеркой лошадей. Он ехал в Ирландию. Сначала Кромвель колебался, не желая оставлять свою страну, находящуюся в беспорядке и сомнениях. Но, приняв решение или сделав вид, будто верит, что его направил Бог, действовал очень твердо. «Не имеет значения, кто наш главнокомандующий, — однажды сказал Кромвель, — если с нами Бог». Армейские лидеры боялись вторжения роялистов из Ирландии, хотя в реальности шансов на то было немного. Тем не менее они не могли оставить врага у английских берегов: это представляло очевидную и серьезную угрозу для новой республики.

Кромвель прибыл в середине августа, в самый подходящий момент: корабли содружества разгромили флот роялистов на море, а парламентская армия внезапной атакой практически уничтожила сухопутные войска герцога Ормонда вне стен Дублина. Кромвель написал с корабля, что «поразительна милость Божья». Веря в то, что он действительно избранный слуга Господа, он после сошествия на берег в порту Дублина в конце штормового плавания поклялся выступить Крестовым походом на «диких и кровожадных ирландцев». В глазах Кромвеля они очень уступали англичанам и по крови, и по вере. Он относился к ирландцам как к недочеловекам.

Кромвель рассчитывал выполнить свою работу быстро и эффективно, однако, несмотря на войско в 20 000 солдат, полевых сражений не было. Вместо того он приступил к покорению противника серией осад. Сначала он подошел к городу Дрохеда, в 48,3 километра к северу от Дублина, и предложил роялистскому губернатору сдаться. На следующий день, 11 сентября, не дождавшись официальной капитуляции, Кромвель атаковал. В результате нескольких кровопролитных штурмов и боев оборону сокрушили. Согласно четкому приказу Кромвеля, всех, кто держал в

руках оружие, предали мечу. Таков был закон войны: 3000 солдат гарнизона, а также все священники и монахи погибли. «Я убежден, — писал Кромвель, — это справедливая Божья кара диким мерзавцам». Воспоминания о той резне хранятся в памяти народа Ирландии и по сей день.

Из Дрохеды Кромвель с парламентской армией отправился к Уэксфорду, примерно в 113 километрах южнее Дублина, где во имя Бога убили еще больше людей. Город не требовалось штурмовать, поскольку перед лицом неминуемой атаки ворота города были открыты; тем не менее, войдя в город, солдаты парламента начали яростно убивать жителей, многие из которых тщетно молили о пощаде. Сообщалось, что на месте, где сейчас находится Булл-Ринг, было убито 200 женщин. Там установлена мемориальная доска в память о кромвелевской резне.

Кромвель задержался в Ирландии еще на девять месяцев. Все надежды на то, что ирландцы капитулируют после показательных кровопролитий в Дрохеде и Уэксфорде, скоро рухнули, и он оказался втянутым в ряд сражений с упорно сопротивляющимся противником. В начале декабря Кромвель прекратил осаду Уотерфорда под проливным дождем: «Это был самый ужасный

марш за всю мою жизнь». Как только парламентская армия двинулась вглубь острова и отошла от побережья, климатические условия и особенности местности ослабили англичан быстрее, чем противник. На них обрушились дожди и туманы, и дизентерия с малярийной лихорадкой добавили проблем. Трудности снабжения тоже снижали боевой дух солдат.

Война длилась еще два года. Она приобрела характер своего рода партизанской войны, отряды местных жителей изматывали армию захватчиков короткими набегами и быстрыми стычками. Тем не менее стремительным карательным рейдом Кромвель выполнил поставленную парламентом задачу: лишить роялистов возможности напасть на Англию.

Потенциальный противник теперь находился на севере. Шотландцы уже пригласили короля Карла II в их королевство, а в марте между двумя сторонами начались переговоры в Бреде, городе на юге Нидерландов, где тогда пребывал молодой король со своим двором. Парламент и Государственный совет основательно обеспокоились перспективой такого союза, и Кромвель скоро понял, что Англии необходимо его присутствие. В конце мая 1650 года он отплыл домой, оставив

Генри Айртона главнокомандующим в Ирландии. Когда Кромвель сходил на берег в Бристоле, его встречали как героя.

Карл II искал любой поддержки, и упускать шанс опереться на шотландскую армию не следовало. Поэтому, поднявшись на борт корабля 23 июня, непосредственно перед отплытием в Шотландию, он подписал торжественное обещание одобрить Национальный ковенант и гарантировал, что пресвитерианство будет государственной религией не только в Шотландии, но и в Англии. Он дал заведомо ложную клятву, нимало не заботясь о пресвитерианах или их противниках, для него больше значили его сиюминутные интересы. Один шотландский переговорщик, Александр Джеффрей, позже заключил, что «он аморально согласился на то, что мы совершенно аморально ему навязывали». Король научился, как и его отец, искусству притворяться и лицемерить. Тем не менее эта подпись означала, что война теперь неизбежна.

Сэр Томас Ферфакс отказался вести английскую армию в Шотландию на том основании, что вторжение нарушит «Торжественную лигу и Ковенант», подписанные двумя странами семь лет назад и на тот момент не аннулированные.

Кромвель возразил вопросом: «Не лучше ли вести войну внутри другой страны, чем в собственной?» Его довод прозвучал убедительно, и именно он снова возглавил армию. Ферфакс, сомневаясь в направлении развития содружества и совершенно не желая полностью свергать короля, подал в отставку с поста главнокомандующего. Его сменил Кромвель.

23 июля Кромвель пересек границу с 11 000 кавалеристов и пехотинцев, однако противника не встретил. Командующий шотландскими силами Дэвид Лесли предпочел выматывать врага, отрезав Кромвеля от коммуникаций с Англией, вместо того чтобы дать открытый бой. Он преуспел в этом отношении. Кромвелю пришлось отступить к прибрежному городу Данбар, в 48,3 километра к востоку от Эдинбурга. Тогда Лесли совершил бросок вперед и лишил Кромвеля средств снабжения армии. Командиры с обеих сторон верили в Божественное Провидение и справедливость своего дела. Обе стороны постились и молились, их пресвитеры произносили долгие проповеди. По выражению того времени, гвоздь можно вытащить только еще более крепким гвоздем.

У Данбара Лесли посчитал, что англичане за-

перты между его армией и морем. Он выжидал на возвышенности, однако шотландские пресвитеры убедили его идти вниз на врага. Кромвель увидел маневр шотландцев и воскликнул: «Бог доставляет их в наши руки, они идут к нам». Так и случилось. Англичане кричали: «Господь воинств!», а боевым кличем шотландцев был «Ковенант!». После недолгого сопротивления шотландцев обратили в бегство: 3000 погибли, 10 000 попали в плен. Потери англичан были незначительны. Очевидец сообщил Джону Обри, что после сражения Кромвель «хохотал громко, словно пьяный; его глаза искрились радостью». Вся южная часть Шотландии перешла в руки англичан. Другие последствия не заставили себя ждать. При очевидном решении Господа не в их пользу пресвитерианские проповедники потеряли значительную часть своего авторитета; больше никогда ковенантеры не будут иметь прежней власти над Шотландией.

Молодой король оказался в отчаянной ситуации. Уступив пресвитерам в начале лета 1650 года, он находился в Перте во власти «Комитета статей», который управлял Шотландией, когда не заседал парламент. Карл ненавидел Шотландию и презирал пресвитеров, которые увещевали и

поучали его; его раздражало их, по его мнению, притворство, и он скучал по простому благочестию Англиканской церкви. Узнав о поражении Лесли, он попытался бежать от своих угнетателей, но солдаты «Комитета статей» перехватили его и уговорили вернуться, обещая, что он получит больше власти. В первый день 1651 года Карла возвели на королевский престол Шотландии в Сконе. Это средневековое поселение было традиционным и священным местом коронации.

После победы при Данбаре Кромвель оставался в Эдинбурге почти год, пока Лесли укреплял остатки своей армии менее чем в 64 километрах северо-западнее, в Стерлинге. Однако никакой возможности двум армиям сойтись в окрестностях не было: характер местности и суровая зимняя погода делали любую кампанию маловероятной. В любом случае в феврале 1651 года Кромвель опасно заболел. Он страдал от «болотной лихорадки». Вероятно, он подхватил болезнь в Ирландии и усугубил кампанией в Шотландии. Через день после Данбара он говорил жене: «Я старею и чувствую, как возрастные немощи постепенно овладевают мной». Три раза Кромвель находился на грани смерти, и парламент в тревоге отправил к его постели двух врачей. Сам он

был убежден, что Господь наслал на него болезнь, чтобы испытать крепость его веры.

Однако к началу лета Кромвель полностью восстановился. Он посчитал, что был спасен для какой-то цели, и почти сразу воспользовался более благоприятной погодой, чтобы возобновить военную кампанию. Серией маневров он так организовал дело, что для сил роялистов остались открытыми дороги на юг, в Англию. Это могло казаться непростительным просчетом, но на самом деле Кромвель хотел удалить шотландские войска из Шотландии там, где другим способом выбить их с позиции было невозможно. Он подготовил ловушку, в которую теперь заходил Карл. Кромвель предупредил спикера «Охвостья парламента», что он «понимает — если неприятель придет в Англию, находясь в нескольких днях марша впереди, это взволнует некоторых людей и может создать некоторые неудобства». Однако он верил, что все будет хорошо и пройдет как задумано.

Король, надеясь, что английские роялисты побегут под его знамена, перешел границу по направлению к Карлайлу. В первые дни докладывали об определенных «панических настроениях» и заговорах. Недовольные роялисты собирались

на скачках или в тавернах, чтоб поговорить о своих планах, но без слаженного руководства все замыслы остались на бумаге. Правительство также засылало к ним агентов-провокаторов, известных как «подсадные утки». Весной того года в Лондоне раскрыли роялистский заговор, в котором участвовало несколько пресвитерианских проповедников. Один из них, Кристофер Лав, умер на плахе. Некоторые посчитали это событие оскорблением веры, но другие, например Джон Мильтон, отмечали его как удар по неповиновению и измене.

Совсем немного сторонников присоединилось к королю во время его марша на юг, главным образом потому, что в Англии не любили шотландцев. Англичане не могли поддержать старинного врага, даже если тех вел вперед их законный король. Сам Дэвид Лесли испытывал печаль, и, когда король спросил его, почему он так подавлен при том, что солдаты весьма воодушевлены, Лесли спокойно ответил: «Я действительно грущу, потому что знаю: эта армия, как бы хорошо она ни выглядела, сражаться не станет». Тем не менее король продолжил путь по северо-западным графствам через Камберленд, Чешир и Стаффордшир. Он не мог подумать об изменении курса на

Лондон, поскольку полки противника уже преследовали его. Стратегия Кромвеля полностью оправдалась.

Карл наконец нашел прибежище в неизменно роялистском Вустере. «Для меня, — сказал король, — здесь либо корона, либо гроб». На этот раз у Кромвеля не хватило терпения для осады, он решил атаковать сразу с обеих сторон города по реке Северн. Учитывая, что роялистская армия по численности вдвое уступала противнику, результат не вызывал никаких сомнений. Карл, наблюдая за сражением с колокольни кафедрального собора, предпринял последнюю попытку объединить свои силы в бою, который продолжался уже три часа. Когда он попробовал взбодрить нескольких солдат для новой вылазки, они бросили оружие на землю. «Они скорее убили бы меня, — сказал он, — чем позволили увидеть горькие результаты этого дня». Однако прекрасных слов было недостаточно, и в середине дня 3 сентября 1651 года армию роялистов полностью разгромили. Молодой король скрылся в лесной чаще среди птиц и лисиц, его не нашли. То было последнее сражение Оливера Кромвеля, ставшее для него, как он писал, «венчающей милостью Божьей».

Скитания молодого короля вошли в легенду. Он скрытно пробирался через Англию сорок два дня, его прятали в восьмидесяти двух разных тайниках. Минимум сорок пять человек знали, кто он и где находится. Однако ни один из них не предал его. Образ короля по-прежнему ярко горел в некоторых преданных сердцах. Отмечалось, что многие из тех, кто сберег его, были католиками.

Во время странствий его переодевали в работника; он прятался в амбаре, в лесу и на ферме. Он принимал вид сына фермера-арендатора, но его и без слов узнал дворецкий поместья, где он отдыхал. Он укрывался в «убежище священника», предназначенном, чтобы прятать от английских властей приезжающих иезуитов, и таился среди ветвей дуба на землях Боскобел-Хауса. Он одевался, как сельский житель, в изношенный кожаный дублет и, как слуга, в серый плащ. По деревням и торговым городам расклеивали плакаты, в которых просили схватить «высокого, темного мужчину ростом выше двух ярдов»[39]. Под словом «темный» имелся в виду несколько смуглый цвет лица. Один раз его удивил колокольный звон и зарево больших костров после ложного

[39] Примечания: 39
1,8 метра. — *Прим. ред.*

известия о его смерти.

В городе Бромсгроув графства Вустершир один кузнец сказал ему, что короля нужно повесить за то, что он привел в страну шотландцев. В Бридпорте, переодетый слугой, он въехал на улицу, наполненную ищущими его солдатами. Он спешился и повел лошадь под уздцы, как будто собирался поставить ее в конюшню. В Брайтоне трактирщик встал на колени и поцеловал ему руку, сказав, что «не будет спрашивать, кто он, но просит Бога благословить его путь». Одна попытка бежать морем не удалась, но 14 октября он отплыл из Шорхэма в относительно безопасную Нормандию. По прибытии во Францию молодого короля спросили, вернется ли он когда-либо в Шотландию, на что он ответил, что пусть лучше его повесят. Французский двор увидел его еще более грязным и оборванным после всех этих приключений.

Кромвель победоносно возвратился в Лондон, ведя за собой, как римский император, взятых в плен противников. Его наградили доходом в 4000 фунтов стерлингов в год и даровали дворец Хэмптон-Корт. Без сомнений, он был первым человеком государства.

Однако Кромвель вернулся в город, который

сильно отличался от того, который он покинул в начале ирландской кампании. Первый «год свободы» после впечатляющих дней Государственного совета никак нельзя было назвать славным. «Охвостье парламента» не справилось с давлением коммерсантов. Оно учредило комиссии по правовой и церковной реформам, но ничего не сделало, чтобы воплотить решения комиссий в жизнь. Нередко слышались обвинения в фаворитизме и даже коррупции. Многие считали, что парламентарии заботятся только о собственном выживании.

Однако парламент принял несколько законов, изданных для всеобщего благосостояния; например, закон, объявляющий прелюбодеяние преступлением, караемым смертной казнью. Он не получил широкого применения. Казнили четырех женщин и ни одного мужчины. Во всех других отношениях парламентарии, казалось, погрузились в состояние, близкое к пассивности. Сообщалось, что в провинциях органы управления доведены до «жалкого существования».

А вот успехи Кромвеля были очевидны. Шотландия захвачена и контролируется одним из ключевых кромвелевских генералов Джорджем Монком, там на следующие одиннадцать лет

введен военный режим. Кромвель заметил: «Я думаю, шотландцы повержены полностью». Ни один из английских королей никогда не завоевывал Шотландию. Ирландия находилась в таком же положении. После отъезда Кромвеля другой генерал, Эдмунд Ладлоу, практически завершил покорение страны. Акт о заселении Ирландии, принятый летом 1652 года, обрекал землевладельцев-католиков на полную или частичную конфискацию участков, а те, кто активно поддерживал Ирландское восстание, теоретически приговаривались к смертной казни. Кромвель совершил беспримерный подвиг установления господства над тремя королевствами.

Когда он возвратился после победы при Вустере, ему сказали, что в мирное время ждут от него великих дел не меньше, чем в военное. Согласно направленному ему письму, перед ним стояли задачи «облегчить положение задавленных бременем, освободить пленников из пут и помочь семьям бедняков с хлебом». Достичь этих похвальных целей Кромвель мог только с помощью «Охвостья парламента». Однако парламентарии, казалось, вовсе не собирались подчиняться его приказам с той же быстротой, как солдаты Армии нового образца. Те парламентарии, что состояли

в Государственном совете, по-прежнему проявляли сознательность и добросовестность, но другие не так легко вдохновлялись кромвелевским рвением и его взглядом на происходящие события.

Кромвель настаивал на немедленном роспуске парламента, чтобы освободить дорогу новой законодательной власти, которая решит насущные проблемы до победного конца. Члены парламента увиливали и дискутировали, но в итоге согласились распустить свой созыв не позже ноября 1654 года, давая себе еще три года отсрочки. Армия к этому моменту совершенно разочаровалась в тех парламентариях, которые, похоже, стремились препятствовать и затягивать принятие необходимых законов. Более активные солдаты считали их приспособленцами и даже хуже, безразличными к делу «Божьего народа».

Действительно, «Охвостье» по существу было консервативным органом, а армия по своей природе стремилась к радикальным решениям. Конфликт между ними казался неизбежным. Однако сам Кромвель не был так уверен в этом курсе; он хотел благочестивого реформирования общества, но также чувствовал себя обязанным на этом этапе действовать конституционными методами. Он не желал устанавливать так назы-

ваемого «правления мечом». Другая возможность тоже таила риски. При современном состоянии мнений общества существовала вероятность, что, несмотря на тщательную организацию новых выборов, может вернуться роялистское меньшинство. Этого допустить было нельзя.

Положение дел в Англии само по себе вызывало смятение. Последние войны нанесли большой ущерб торговле, результатом чего стал резкий подъем уровня безработицы. Группы нищих бродили по стране в количествах, невиданных с прошлого столетия. Сельских джентри и других землевладельцев разоряли различные налоги. Тем, кто поддерживал монархию, угрожала конфискация или продажа земель. Тюрьмы были переполнены должниками. В Церкви царила растерянность, радикальные сектанты и ортодоксальные верующие по-прежнему выдвигали обвинения и подавали жалобы. Епископат ликвидировали, но его место не заняла новая форма национального церковного управления. Говорили, что масса народа не могла найти священников, чтобы их окормляли. Многие совершенно безуспешно призывали законодательно упразднить обременительные налоги, упростить и усовершенствовать судебные процедуры, облегчить

государственный долг и понизить стоимость жизни.

Однажды вечером осенью 1652 года Кромвель прогуливался по Сент-Джеймсскому парку с членом Государственного совета Балстроудом Уайтлоком. Кромвель спросил у своего спутника совета по поводу положения дел, заметив об «Охвостье парламента», что «мало надежд на то, что они добьются хорошего урегулирования, на самом деле таких надежд нет вообще». Уайтлок тогда ответил: «Мы сами признали их верховной властью».

Кромвель. А что, если какой-то человек примет на себя королевскую корону?

Уайтлок. Такое лекарство будет страшнее самой болезни.

Кромвель. Почему?

Уайтлок. Что касается лично вас, то титул короля не добавит преимуществ, потому что вы уже имеете полноту королевской власти надо всем, включая милицию, и вы генерал.

Кромвель продолжил размышлять, по крайней мере согласно записи в дневнике Уайтлока, что «королевская власть настолько велика и сильна», что «наделенный ею может в значительной мере

защитить себя»; она была бы особенно полезна для обуздания «наглости и сумасбродств тех, кого современные власти контролировать не в состоянии». Возможно, этот разговор возник в воспоминаниях Уайтлока при оценке прошедших событий, но его смысл подтверждает замечание Кромвеля на состоявшемся ранее собрании офицеров и парламентариев, что «какое-то монархическое правление было бы весьма эффективно, если бы его можно было ввести без угрозы для свобод народа». Кромвель верил, что военные победы даровал ему Господь. Почему же теперь его судьба должна находиться в руках «Охвостья»? Он мог бы терпеливо дожидаться знамения Божия, но честолюбивые замыслы и ощущение собственной миссии (то и другое работало в паре) вскоре повлекут его вперед.

Армия уже представила в парламент петицию, в которой предлагалось заменить злодеев на властных позициях «людьми веры, которые боятся Бога и ненавидят корысть». Это было классическое вступление, основанное на стихе 18:21 Исхода. Далее перечислялось много необходимых реформ, которые следовало произвести «безотлагательно и эффективно». Члены «Охвостья» обещали принять это дело «к рассмотрению».

Кромвель старался служить связующим звеном между офицерами и парламентариями, хотя и считал, что члены «Охвостья» в основном руководствуются гордыней и своекорыстием. Он говорил товарищам, что его действиями руководят соображения, от которых «волосы на голове встают дыбом». Обычно он уходил в себя, погружался в самоанализ, прежде чем переходить к стремительным и решительным шагам.

Первую неделю 1653 года офицеры Армии нового образца посвятили молитве и посту, ища совета у Бога. С того времени члены парламента боялись какого-то военного вмешательства. Ходили разговоры, что парламент готовит закон для новых выборов силами своих членов, который разрушит надежды армии на благочестивые преобразования; также говорили, что парламент собирается сместить Кромвеля с поста главнокомандующего.

20 апреля Кромвель вошел в палату общин, одетый во все черное, и занял свое место. У дверей палаты и в холле он оставил группу мушкетеров. Он снял шляпу и поднялся. Сначала Кромвель похвалил палату общин за прежние усилия в работе над реформами, а потом стал упрекать за последующие проволочки и глупости. Он вышел

в середину зала и указал на отдельных членов как на «распутников», «пьяниц» и «обманщиков». Он несколько раз повторил, что «это вы вынудили меня так поступить, потому что я денно и нощно молил Господа лучше лишить меня жизни, чем ставить на это дело». Он говорил, по словам одного свидетеля, «с такой страстью и возбуждением, будто был не в себе». Он кричал и топал ногами.

В заключение Кромвель крикнул: «Вы не парламент! Я положу конец вашему собранию». Затем он позвал мушкетеров и, указав на лежащий на столе парламентский скипетр, сказал: «Что нам делать с этой безделушкой? Уберите ее». Позже он говорил, что не планировал, не продумывал заранее своего вмешательства, что «его охватили чувства и он вовсе не советовался с плотью и кровью». Наверное, это слишком удобное объяснение, чтобы быть правдой. Он разогнал парламент, который, в той или иной форме, продержался почти девятнадцать лет с перерывами. «Долгий парламент», последней частью которого было «Охвостье», стал свидетелем попытки Карла I схватить пять его членов, а затем всего хода гражданских войн; он видел, как часть его членов «вычистили» и увезли. Это был не собственно крах, а крах того краха. «Долгий

парламент» закончил бесчестьем, его не хотели, и о нем не скорбели. Впоследствии Кромвель заметил, что из-за его разгона не тявкнула даже собака. На следующий день на дверь палаты общин повесили объявление: «Дом сдается, не меблирован».

32. Страх

Самый яркий образ той эпохи после пресечения династии Тюдоров — общество без божественной поддержки. В первые десятилетия XVII века якобитская трагедия, как мы видели, допускала мир без Бога, в котором мужчины и женщины боролись за выживание. Гражданские волнения 1640-х годов придали картине хаоса дополнительную остроту. Из этого страха и чувства надвигающейся опасности выросла книга, которую называют единственным шедевром политической философии на английском языке.

Томас Гоббс не выказывал признаков выдающихся способностей. Получив традиционное гуманитарное образование в Оксфорде, он стал наставником и компаньоном Уильяма Кавендиша, второго сына 1-го графа Девоншира. С этим джентльменом Гоббс совершил практически обязательное путешествие по Европе. Во время следующего путешествия в Женеву он пережил откровение. Ему случилось открыть экземпляр «Начал геометрии» Евклида, и его сразу поразило, каким образом греческий математик приходит к

выводам через определения и аксиомы: именно метод дедукции, а не содержание книги вдохновило Гоббса. В этом духе он стал размышлять над природой человеческого общества.

В конце 1640-х годов Томас Гоббс начал свой трактат «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Труд в итоге вышел из печати в 1651 году. Таким образом, он начал работу во время беспорядочной гражданской войны, продолжал писать в период суда и казни короля, а завершал, когда политическому эксперименту с «Охвостьем парламента» бросали вызов различные религиозные течения и интересы. Где искать уверенность или безопасность? Сам Гоббс по натуре был робким и боязливым. В возрасте восьмидесяти четырех лет он писал: «Мы родились близнецами — я и страх».

Итак, «Левиафан» появился из самих обстоятельств эпохи или того, что Гоббс называл «бунтарским ревом потревоженной нации». Он не читал других политических и философских мнений. Гоббс считал, что «на свете не может быть ничего настолько абсурдного, что есть в книгах философов». Он следовал собственной четкой линии мысли по логическим цепочкам.

Обычно он взвешивал и размышлял, потом набрасывал фразы и выводы, к которым приходил. Одна аксиома вела к другой, затем к следующей, и так они неотвратимо приводили его к собственному пониманию мира.

Четкость цели и точный метод позволили Гоббсу пройти сквозь все политические повороты того периода. Именно его всеобъемлющий скептицизм помогал постигать религиозные банальности и ложные обобщения, трюизмы и солецизмы, которые всегда сопровождают рассуждения о политике. Он развивал только главные законы, поддающиеся ясному определению и вескому доказательству. Гоббс утверждал, что «для умных людей слова — это игральные фишки, они ими считают, а для дураков слова — сами деньги».

Итак, Гоббс приступил к изложению своей теории. Не имея закона и защиты, люди враждуют друг с другом в «постоянном соперничестве за славу, богатство и власть». Побуждением к действиям и конфликтам становится «вечная и не дающая покоя жажда власти». Сила одного человека более или менее равна силе другого человека, что ведет к вековечной войне всех против всех. Когда крайне затруднительная си-

туация осознается, можно найти выход посреди вражды. Страх смерти стимулирует благоразумие и стремление к самосохранению: законы мышления могут, таким образом, применяться при поисках мира, при желании жить, а не умирать. Люди могут заключить своего рода договор, когда «каждый человек довольствуется такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую готов позволить им в отношении себя». Каждый соглашается, что не будет делать того другим, чего не хочет, чтобы делали ему.

Инстинкт самосохранения, таким образом, становится ключевым элементом метафизики Гоббса, поскольку «человека, который заглядывает слишком далеко вперед в заботе о будущем, постоянно гложет страх смерти, обнищания или другой беды — он не знает отдыха от своей тревоги, разве что во сне». Это основа его теории государства.

Договор между людьми есть начало здравого смысла. Как его поддерживать? Это невозможно возложить на самих людей. Такую функцию следует передать «установленной над ними общей власти, которая при помощи закона и силы способна заставить его выполнять». Должна быть сила, способная контролировать постоянное

исполнение общественного договора. Высшая власть требует высшей силы и, как формулирует Гоббс, «договоренностей без меча, а на словах». Чтобы избавиться от страха и трепета, людям, таким образом, нужно договориться между собой о создании системы такого властного контроля, которая не допустит ни отклонений, ни разночтений, ни беспорядков, ни причин для беспорядков. Они передают собственную осторожность и благоразумие этому новому образованию, этому живому абсолюту, которого Гоббс называет «великим Левиафаном». Акт наделения полномочиями есть взаимный отказ от естественных прав каждого человека, чтобы создать суверенную власть, которая будет руководить людьми и защищать их.

Левиафан введет государственную религию, исключая, соответственно, противоречия, которые Гоббс наблюдал повсюду. Не будет таких понятий, как свобода совести, которая просто порождает беспорядок, а в случае Англии и кровопролитие. Справедливость и истина должны определяться гражданской властью, а не личным выбором. Справедливость — это то, чего требует закон.

Не имеет значения, кто представляет всесильную власть — король, победивший завоеватель

или магистрат. Важно только, что она существует и имеет полномочия действовать и желать вместо того, чтобы действовал и желал каждый отдельный человек. Только таким образом можно поддерживать надлежащий порядок. Именно поэтому одни критики обвиняли Гоббса в согласии с доктриной божественного права королей, а другие критиковали за поддержку содружества Кромвеля.

В предисловии к переводу своего трактата на латинский язык он написал, что «этот великий Левиафан, которого называют Государством, дело рук человеческих. Это искусственный человек, созданный для защиты и спасения настоящего человека, просто более грандиозный и мощный». Гоббс считал, что раскрыл истинные императивы гражданского общества. Он был также убежден, что писал на благо человечества, и в последней фразе своего труда иронически заметил, что «истина, не имеющая отношения к выгоде или удовольствию отдельного человека, приветствуется всеми людьми».

«Левиафан» стал сенсацией своего времени. Говорят, что эта книга породила вселенский ужас. Палата общин намеревалась предать ее огню, а один епископ предлагал отправить на костер

самого Гоббса. Книга настолько последовательна, так убедительна в своей логике, так доступна в доказательствах, что было сложно возражать, не прибегая к политическим разглагольствованиям и лицемерию, которые Гоббс уже раскритиковал.

Тем не менее его осудили как атеиста и материалиста. Понятно, что он не слишком верил в человеческую натуру и описывал сердце человека как «слабое и сбитое с толку… с неискренними, лживыми, фальшивыми и ошибочными догмами». Он утверждал, что «ценность, или СТОИМОСТЬ, человека, как и всех других вещей, — это его цена; то есть она составляет ровно столько, сколько заплатят за использование его силы». Он добавил, что «подчиняться — значит уважать, потому что никто не подчиняется тем, кто, с их точки зрения, не имеет силы помочь или нанести вред». Его четкость мышления порой ужасна, ему присуща жестокость настоящего моралиста, и «Левиафана» следует считать одним из наиболее значимых высказываний английского XVII века.

33. Исцеление и умиротворение

Фактически Кромвель совершил вторую революцию. Теперь силой оружия он стал бесспорным главой государства и единственным источником власти. Армейские офицеры завершили переворот панегириком: «С этими мыслями в критической ситуации мы смиренно склоняемся к ногам вашего превосходительства». Пресвитеры Ньюкасл-апон-Тайн принесли свои «покорнейшие приветствия его благочестивой мудрости». Однако Кромвель не намеревался и не хотел становится диктатором, его по-прежнему заботила конституционная законность своего исключительного положения.

Он назначил реформированный Государственный совет с собой в качестве особого участника, однако тринадцать остальных членов совета оказались в затруднительном положении. Им требовалось, не имея прецедента, создать конституцию из ничего. Часть армии желала правления самого Государственного совета с вероятным содействием ему тщательно подобранного парламента; другие настаивали на всеобщем

избирательном праве для мужчин; а третьи требовали создать Совет праведных мудрецов по примеру еврейского Синедриона.

Восемь дней Кромвель провел в дискуссиях со своими советниками, и в результате родилась совершенно новая форма парламента. Было решено, что члены новой ассамблеи будут или назначаться различными индепендентскими конгрегациями, или выдвигаться армией и выдающимися личностями; избранные должны были быть «известными лицами, честными и богобоязненными людьми». Один из выбранных в законодательное собрание благочестивых людей был Исаак Прейзгод Бербоун (Хвали-Бога Кожа-да-кости), торговец кожами и проповедник из Лондона, который на своем складе на Флит-стрит объявил о предстоящем пришествии Иисуса Христа. Его яркое имя и характер привели к тому, что этот назначенный парламент стали называть «парламентом Бербоуна». В нем состояло 144 человека, поэтому он также получил название «Малый парламент»: он действительно по сей день остается самым малочисленным парламентом из всех когда-либо заседавших в Вестминстере.

Однако было бы несправедливо делать вывод,

что все его члены были зилотами: подавляющее большинство составляли люди, принадлежавшие к высшим классам общества, в их число входили виконт и барон, несколько баронетов и рыцарей, а также ректор Итона и директор школы при соборе Святого Павла. Неудивительно, что в дискуссиях доминировали радикальные элементы: те, кто больше всех горел, воодушевлял остальных. Никто не хотел прослыть равнодушным или вялым. Во вступительном обращении к ним Кромвель отметил: «Мы находимся в преддверии», а «вы — на острие обещаний и пророчеств». Предполагалось, что этот парламент отметит собой начало новой эры.

Члены нового собрания были усердны и деятельны, но, возможно, недостаточно мудры, чтобы предвидеть последствия своих решений. Они, например, решили упразднить Канцлерский суд и радикально упростить судебную систему; некоторые требовали по сути аннулировать общее право и заменить его законом Моисея. Они ставили на голосование отмену церковной десятины, что могло в итоге привести к отделению Церкви от государства и нарушению всех прав собственности.

Тревога и опасения нации скоро стали оче-

видны, и Кромвель понял, что пришло время заканчивать эксперимент, который продолжался ровно пять месяцев. Говорят, будто он сказал, что дураки теперь ему мешают больше, чем ранее — негодяи. «Парламент святых» перестарался. Кромвель вынес урок, что невозможно создать инструменты власти по собственному желанию: не имея под собой твердого основания, законодатели бросались из стороны в сторону. В декабре более консервативных и умеренных парламентариев убедили предпринять упреждающий переворот, проголосовав на ранней утренней сессии за сложение полномочий; радикалы в тот момент находились на молитвенном собрании. Спикер поднял жезл и повел всех проголосовавших процессией к Уайтхоллу, где Кромвель ждал парламентариев, чтобы поприветствовать. Позже он заявлял, что удивился их приходу, но верится с трудом.

Несколько особо богобоязненных человек оставалось в зале заседаний. Один армейский офицер вошел и осведомился, чем они тут занимаются.

— Ищем Господа.

— В таком случае вы можете идти в любое другое место, ибо я точно знаю, что здесь Господь не появлялся уже двенадцать лет.

Роспуск «Малого парламента» с огромным облегчением встретили все, чьему образу жизни он угрожал. Праздновали юристы, и, по словам одного проповедника индепендентов, «большинство людей по поводу роспуска воспользовались случаем поорать».

И повод действительно был. Говорили, что, положив конец «парламенту Бербоуна», Кромвель снял корону с Христа и возложил ее на собственную голову. Его армейский товарищ генерал Джон Ламберт составил так называемое «Орудие управления», согласно которому Кромвель получал власть как лорд-протектор Британской республики. Это «Орудие» стало первой, и последней, письменной конституцией Англии. Однако предложенная в конституции система сдержек и противовесов, включая Совет, не рассеивала впечатления, что Кромвель теперь де-факто стал единоличным властителем. Кларендон отметил, что «этот удивительный человек, не имея никакой другой причины, кроме того, что он так решил… возвел себя на трон трех королевств, не назвавшись королем, но забрав больше власти и возможностей, чем когда-либо имел или требовал любой король».

16 декабря 1653 года Оливер Кромвель встал

возле кресла правителя в зале Вестминстера. На нем был костюм из черного бархата и ботфорты, на шляпе поблескивала золотая лента. Он взглянул вверх и поднял правую руку, давая клятву соблюдать все статьи новой конституции; затем Джон Ламберт преклонил колено и подал ему вложенный в ножны государственный меч как символ мирного правления. При объявлении действий государственной власти его теперь величали «Оливариус Протектор», как «Каролус Рекс». Его проход по улицам сопровождали солдаты. Кромвель настоял, чтобы серию из девяти полотен Андреа Мантенья «Триумфы Цезаря» не продавали, а оставили в его апартаментах в Хэмптон-Корте. Ритуалы его двора, как, например, прием послов, напоминали церемониалы Карла I. Его сына Генриха Кромвеля во время увеселений на Спринг-Гарденсе приветствовали криками «Дорогу принцу!». Люси Хатчинсон писала, что для семьи Кромвеля имитировать королевское поведение было так же нелепо, как рядить обезьян в пурпур.

Многие бывшие сторонники теперь ругали Кромвеля за предательство дела благочестивой Реформации. Его обвиняли в том, что он из тщеславия пожертвовал общественным благом, и

осуждали как «коварного клятвопреступного негодяя». Его поносили библейскими оскорблениями «старый дракон», «малый рог», «антихрист» и «презренный» из Книги пророка Даниила (11:21). С кафедры, установленной у Блэкфрайерс, проповедник Кристофер Фик заявил, что «он обманул народ Господа», и добавил: «Ему недолго царствовать, он кончит хуже, чем последний протектор Англии, этот горбатый тиран Ричард. Пойдите, передайте ему мои слова». Фика доставили в Совет и посадили в тюрьму. Комендант замка Честер полковник Роберт Дакенфилд выразился несколько деликатнее, написав Кромвелю: «Надеюсь, что корни древа и само дерево благочестия живы в душе вашей светлости, хотя листья его из-за массы искушений и лести, как мне кажется, заметно увяли в последнее время».

В известном смысле революция завершилась — со всеми попытками радикальных реформ при ее окончании. Кромвель начал правление покоя, при котором состоятельные люди могли чувствовать себя в безопасности; в сущности, он установил республику джентри. Нельзя сказать, что новое управление встретили с большим энтузиазмом, тем не менее для многих это, должно быть, стало облегчением после беспорядка по-

следних лет. Были и те, кому все равно.

В первые восемь месяцев у власти лорд-протектор и Совет в отсутствие парламента приняли более восьмидесяти указов. Шотландия и Ирландия стали составными частями единого содружества. Канцлерский суд был реформирован. Дуэли запретили, петушиные бои пресекли, скачки прекратили на неопределенный срок. Публичное пьянство и богохульство стали наказывать штрафами или поркой. В Лондоне разрешили работу более 200 наемных экипажей. Почтовую службу преобразовали, а тюрьмы и крупные дороги общественного пользования усовершенствовали. Реорганизовали государственное казначейство. Это была администрация с весьма практическим подходом к делу.

Не менее прагматично Кромвель и Совет действовали и в международных делах. Европейские державы были уступчивы, вероятно опасаясь возрождающегося английского военного флота, который не так давно был вызван к бою и разгромлен голландцами. С протестантскими государствами был заключен мир, в том числе со Швецией и Данией. Испания и Франция соперничали друг с другом за расположение протектората, в этом уравнении Кромвель склонялся

к французской стороне: он хотел исключить влияние Карла II на французский двор.

Кромвель также стремился к равновесию в делах Церкви. Весной 1654 года вышел ордонанс об учреждении комиссии «трайеров» для проверки годности и квалификации предполагаемых церковных служителей. Летом того же года в каждое графство назначили уполномоченных «эжекторов» для удаления пресвитеров, виновных в невежестве, некомпетентности или постыдном поведении. Кромвель поддерживал религиозную свободу всех, за исключением сторонников папы римского и епископов. Теоретически к англиканам относились не лучше, чем к католикам, но на практике их молчаливо принимали.

Руководствуясь политикой милостивого игнорирования, Кромвель создал смешанную Церковь, состоящую из пресвитериан, индепендентов и баптистов. Доктрина значила для него меньше, чем дух: догма не заботила его, пока он мог создать сообщество, в котором был, как он выражался, «корень». Это сообщество описывали не столько как государственную Церковь, сколько как союз христианских течений. Некоторые из наиболее убежденных англикан уехали в изгнание, как они говорили, «ожидая нужного

момента», когда Карл II сможет заявить свои претензии на престол. Однако многие вообще отошли от церковной жизни. В дневниковой записи от 11 мая 1654 года Джон Ивлин заметил: «Женщины начинают краситься. Раньше это считалось постыдным занятием, к нему прибегали только проститутки».

Небольшие группы роялистов часто собирались в определенных тавернах Лондона и провинциальных городов, где обсуждали заговоры против протектората. Однако там, где есть тайные организации, должны быть также осведомители и провокаторы. В феврале 1654 года в Лондоне в таверне «Корабль» на Олд-Бейли арестовали одиннадцать человек. В процессе следствия выяснилось, что влиятельная группа роялистов готовилась спровоцировать народное восстание. Организация называлась Общество запечатанного узла. Король в изгнании поддерживал постоянную тайную переписку со своими сторонниками и был особенно заинтересован в заговоре с целью убийства Кромвеля. Протектора должны были застрелить, когда он воскресным утром направится из Уайтхолла в Хэмптон-Корт.

Однако Кромвель создал очень эффективную секретную службу под командованием госу-

дарственного секретаря Джона Тёрло, и детали заговора стали известны практически сразу, как только они были сформулированы. Получив предупреждение от шефа секретной службы, Кромвель в то утро отправился в Хэмптон-Корт по реке и избежал покушения. Вскоре после провала заговора власти провели облавы в тавернах и частных домах Лондона. В ходе этой операции арестовали 500 человек. Двух руководителей казнили, а остальных отправили в ссылку на Барбадос. Старого католического священника тоже схватили и казнили.

Однако преследования не отпугнули других заговорщиков, которые вскоре опять попытались организовать восстание. Кромвелю представили копию письма нового короля, в котором Карл советует своим приверженцам «обсудить с теми, кому вы осмелитесь довериться, и, если вы готовы, назначить время…». Теперь Кромвель всегда носил с собой оружие. Через несколько месяцев в результате несчастного случая во время верховой езды пистолет в кармане выстрелил, и рана уложила протектора в постель на три недели.

Теперь, в соответствии с «Орудием управления», наступило время для созыва парламента. 4 сентября 1654 года в Расписной палате Вестмин-

стера Кромвель обратился к новому собранию. Он сидел в государственном кресле, члены ассамблеи — на скамьях вдоль стен. «Джентльмены, — говорил он им, — вы собрались здесь по случаю самого великого события в истории Англии». Три часа Кромвель говорил о различных проявлениях Божьего Провидения, его речь перетекала от мессианского воодушевления к толкованиям выдержек из Священного Писания. Это он созвал парламент, но его «призыв исходил от Бога». Он таким образом подтверждал вновь — но на собственный лад — божественное право королей. Он был над парламентом. Однако пришел к ним сегодня не как господин, а как слуга, такой же, как все. Пришло время для «исцеления и умиротворения».

Однако новый парламент был не то чтобы покладист. Несколько дней парламентарии вели дискуссии и так и не пришли к решению, следует ли им поддержать протекторат. 12 сентября перед ними закрыли двери зала заседаний и пригласили снова собраться в Расписной палате, где к ним желает обратиться протектор. Кромвель осудил парламентариев за пренебрежение к государственным интересам, которые они «так мало ценят и так сильно не уважают», и объявил,

что не позволит продолжать заседания, пока они не примут присягу «установленной форме правления». Все члены парламента должны были согласиться с условием, что «избранные члены не будут иметь права изменять форму правления, которая теперь представлена одним человеком и парламентом». «Извините, — сказал он, — извините еще раз, и я мог бы извиняться до самой смерти за то, что появились основания для такого шага. Однако основания есть…»

Некоторые члены парламента выразили протест и отказались подписывать документ, но большинство либо согласилось, либо по крайней мере подчинилось. Кромвель по-прежнему не пытался руководить дебатами, однако его все больше раздражал характер парламентских дискуссий. Сообщалось, что он говорил в тот период: «Лучше бы я пас овец, чем имел дело с управлением людьми». Овцы, по крайней мере, подчиняются. Парламентарии решили ограничить власть протектора до права вето; они также постановили, что их решения выше по значению, чем постановления Государственного совета. Другими словами, они считали, что парламент должен по-прежнему оставаться верховной властью государства. Кромвель так не думал. Изо дня

в день они обсуждали каждую статью «Орудия управления» с явным желанием заменить его на собственную конституцию. 3 января 1655 года они проголосовали за подтверждение ограничений веротерпимости; через два дня решили урезать денежное довольствие в армии, тем самым ударив по основному электорату Кромвеля. 20 января они начали обсуждать создание милиции, подконтрольной парламенту.

Два дня спустя Кромвель сказал «хватит». Он резко раскритиковал их за зря потраченное время на ничтожные и ненужные разговоры, когда им следовало рассматривать практические меры общего преобразования страны. Он говорил: «Я не знаю, чем вы занимались. Я не знаю, были ли вы живы или уже отдали Богу душу». Он счел, что для благоденствия государства и общего блага народа нельзя позволить им продолжать свою деятельность; и поэтому — прощайте. Первый парламент Протектората был распущен. Однако одна важная проблема осталась без внимания. А может ли вообще представительный парламент сосуществовать с формой правления, которая главным образом была военной диктатурой?

Кромвель и Государственный совет снова правили без вмешательства со стороны, одна-

ко ценой власти стала вечная бдительность. Распуская парламент, Кромвель предупредил, что «партия кавалеров планировала заговор и готовилась опять погрузить страну в кровавый хаос» совместно с «людьми, которых называют левеллерами». Сторонники роялистов из Общества запечатанного узла действительно выжили, несмотря на депортации и казни, и, похоже, вступили в нежелательный союз с радикальными республиканцами, которые разделяли их заинтересованность в отстранении Кромвеля от власти. Для приверженцев идеи равенства Кромвель был значительно хуже Карла: он использовал их, потом предал и сделал себя деспотом. Однако роялисты не могли договориться даже между собой. В 1654 году они планировали шесть разных региональных заговоров, но только в юго-западной части Англии восстание состоялось, да и то было непродолжительным и плохо организованным. Шеф шпионов Тёрло хорошо сделал свою работу.

Кромвель обдумывал возможную дружбу или альянс с Испанией, несмотря на тот факт, что как католическая держава она, конечно, была мерзким чудищем. Он сказал испанскому послу, что альянс возможен при условии, что англичане получат свободу вероисповедания в испанских

доминионах и беспошлинную торговлю между Англией и Вест-Индией. Посол ответил, что это все равно что «просить себе оба глаза моего господина».

В отсутствие соглашения Кромвель считал возможным проверить испанскую мощь в спорном районе Вест-Индии. Он убедил себя, что такие действия суть часть крестового похода против католицизма, и полагал, что война не распространится в Европу. Он ошибался или был введен в заблуждение и в том, и другом отношении. В конце 1654 года адмирал Уильям Пенн и генерал Роберт Венейблс отплыли на Барбадос с приказом «извлечь выгоду в испанской части Вест-Индии». Весной следующего года они довольно благополучно добрались до места, но результаты экспедиции нельзя назвать успешными.

Английские силы направились к острову Эспаньола, чтобы подчинить город Санто-Доминго и захватить его богатства. Солдаты четыре дня продвигались по пересеченной местности под палящим солнцем, имея с собой мало питьевой воды. По всей видимости, это были неопытные люди, не имевшие ни малейшего представления об условиях, с которыми столкнутся. Обессиленные и деморализованные, они стали легкой

добычей для испанцев, верховых и скотоводов, которые внезапно атаковали их из засады. Остальным участникам экспедиции, по-прежнему под командованием Венейблса, удалось отплыть на Ямайку, где они смогли оккупировать остров. Однако тогда это казалось слабым утешением, к тому же появился дополнительный риск, что Испания может теперь объявить старому врагу полноценную войну.

Известие о провале захвата Санто-Доминго Кромвель получил в конце июля. Он на весь день закрылся в своей комнате. Протектор рассчитывал взять под контроль торговые и серебряные маршруты испанцев, но ему крепко дали по рукам. Раньше новая республика еще не знала военных поражений. Он видел себя защитником интересов протестантов, однако десница Божия, похоже, была против него. Кромвель говорил тем, кто изначально ставил под сомнение разумность этой экспедиции: «Господь привел нас туда, где мы есть, думая о работе, которую мы можем сделать в мире, а не только дома». Однако Бог не благословил эту его работу в мире, что заставило Кромвеля горько задуматься о своем правлении и породило страхи и сомнения, которые будут сопровождать последние годы его Протектората. В

чем он провинился? А может, это сам английский народ вызвал гнев Божий?

И никак не может быть случайностью, что вскоре после катастрофы в Вест-Индии в Англии ввели систему благочестивого управления. Страну разделили на одиннадцать округов, или групп графств; во главе каждого округа поставили генерал-майора строгих пуританских убеждений. Военные командиры, находящиеся на этой должности, получили инструкции поднять налоги и возродить местную милицию, контролировать поведение духовенства и учителей, арестовывать подозрительных личностей и предотвращать дальнейшие восстания роялистов. Они содержались за счет специального налога, наложенного только на роялистов. Этот налог называли «десятинным сбором», взимая одну десятую доходов малигнантов с земли: их заставили безропотно подчиниться этой несправедливости. Газеты и периодические издания запретили, и никакую информацию нельзя было опубликовать без разрешения Джона Тёрло.

Кромвель попытался произвести исправление нравов, которого совершенно очевидно не смог добиться последний парламент. Генерал-майорам полагалось «поощрять и поддерживать

благочестие и добродетель», и в результате увеселения народа были в значительной степени пресечены. Полковник Прайд, который возглавлял чистку парламента семь лет назад, провел облаву в лондонском Бенксайде, где развлекались травлей медведей. Он самолично убил всех медведей, а потом приказал своим солдатам свернуть шеи боевым петухам в других районах Лондона. По всей стране закрывались питейные дома, запрещались театральные представления, а также другие «празднества и праздники».

Один из генерал-майоров, Уильям Боутлер, доложил Тёрло, что он посадил в тюрьму «пьяниц» и других, «подозреваемых в грабежах на больших дорогах». Обвиняемых в незаконном пивоварении и содержании «непристойных домов» тоже отправляли под арест. Тех, кто праздно шатался в воскресенье, могли посадить в колодки или в клетку; имевших «половые сношения» вне брака мужчин и женщин могли отправить в исправительный дом; на сквернословящих и богохульствующих накладывали крупные штрафы.

Народные нравы эти меры улучшили, однако народные симпатии режим Кромвеля потерял. Люди не хотели, чтобы ими управляли, чтобы

их исправляли военные чиновники со штатной командой тайных агентов и доносчиков. Джентри считали некоторых генерал-майоров выскочками низкого происхождения, и тех, кто были главами своих графств по праву рождения, не радовала потеря власти. Страну невозможно привести к процветанию при помощи диктата и государственных надзирателей. Военный опыт генерал-майоров, со всей кавалерийской ратью, стоящей у них за спиной, также способствовал нарастанию ненависти к регулярной армии.

Этот эксперимент не продлился долго: генерал-майоров направили в графства осенью 1655 года, а весной следующего года отозвали обратно в Вестминстер для консультаций. Большая война с Испанией казалась все более вероятной, и срочно требовались новые источники дохода. Судя по всему, генерал-майоры убедили сопротивлявшегося Кромвеля созвать парламент, а не вводить дополнительное налогообложение собственным декретом. Таким образом, они сами себе устроили отставку. Было понятно, что представители народа, по какой бы системе их ни избирали, не станут терпеть продолжения «благочестивого управления».

После нападения Пенна и Венейблса на испан-

ские колонии в Карибском бассейне Испания объявила Англии войну. Это было естественное и практически неизбежное следствие тех событий. Вест-индская авантюра создала в Европе щекотливую ситуацию с крайне опасными вариантами развития. Однако Испания и Франция давно враждовали, и Кромвель теперь склонился на сторону молодого Людовика XIV.

Осенью 1655 года с Францией было подписано торговое соглашение, в котором содержались и секретные статьи относительно изгнания Карла II с французской территории. На самом деле английский король уже уехал в Спа и Ахен. Карл тогда сразу подготовил соглашение с Испанией, позволявшее ему жить в Испанских Нидерландах (теперь это Бельгия и часть Северной Франции). Он пообещал, что после вступления на престол вернет испанцам Ямайку. Карл пребывал в унынии, постоянно нуждался в деньгах, его окружали недовольные придворные. В отсутствие реальных перспектив на возвращение трона ничто не могло облегчить его депрессии.

Кромвель тоже находился не в лучшем состоянии. Провал экспедиции в Вест-Индию и начало войны с Испанией вызвали у него болезнь, которую французский посланник описал

как «желчную колику, которая время от времени вызывает сильные головные боли». Он добавил, что «тоска часто терзает его сильнее, чем то и другое, потому что его душа пока не приучена терпеть позор». Кромвель выжил, но стал еще яснее осознавать, до какой степени содружество зависит от его присутствия. Кто другой в состоянии защитить единство и устойчивость государства? Возраст и тревоги уже давали себя знать; рука тряслась, когда он держал шляпу. «Постоянно учись быть непорочным, — говорил он сыну Генриху. — Моли Бога, чтобы Он даровал тебе чистое прямодушное сердце».

Кромвель с советниками полностью погрузились в составление планов нового парламента и подготовку к войне. Венецианский посол заметил, что «они так сильно заняты, что только успевай поворачиваться, а протектор не имеет и минуты, чтобы подумать о собственных делах». Кромвель не ждал от парламента ничего хорошего. Возможно, он понимал, что далекая от «исцеления и умиротворения» деятельность генерал-майоров возбудила новое недовольство. Он опасался, что объединенная оппозиция республиканцев и скрытых сторонников королевской власти может получить большинство. Впослед-

ствии Кромвель объяснял: «То было против моих убеждений, но я не мог обрести спокойствие, пока не довел дело до конца».

Ход выборной кампании требовал больших усилий. Тёрло писал Генриху Кромвелю, что «за попадание в парламент соперничают больше, чем обычно». Раздавались призывы против представителей военного режима: «Нет воякам! Нет сборщикам десятины!» То был дополнительный знак, что страна недовольна и неспокойна. Однако Государственный совет принял свои меры: он исключил из состава парламента около ста избранных членов за «безнравственность» и «преступность», явив дополнительный пример применения грубой военной силы. Это вызвало большое возмущение. Разве можно называть такой парламент избранным свободно?

17 сентября 1656 года Кромвель открыл заседания нового парламента предупреждением об ополчившихся на страну силах. Англия ведет войну против Испании, а испанский король даже в этот момент готовится помогать Карлу Стюарту осуществить вторжение из Фландрии. «Почему ж, в самом деле, — говорил он с присущим ему эмоциональным построением фразы, — испанец ваш большой враг? Но он — враг. Это враг при-

родный, и он от природы таков». А что касается внутреннего врага, то левеллеры и кавалеры замышляют захватить морской порт, чтоб королю с войсками было куда пристать.

В ходе долгой и путаной речи Кромвель защищал генерал-майоров, ибо они подавляли порок и утверждали истинную веру. И разве не справедливо заставить роялистов платить налог на их содержание? «Если все делать только по закону, то стране могут перерезать глотку, пока мы будем собирать людей, чтобы обсудить и утвердить закон». Кромвель и прежде говорил, что правительство следует оценивать по тем его делам, что полезны для народа, а не по тем, которые нравятся народу. По своей природе он был сторонником авторитарной власти.

В день открытия парламента три заговорщика собрались, чтобы убить Кромвеля при входе в здание, — левеллеры, желающие вернуться к прежней форме пуританской республики. Они арендовали дом, стоящий у восточного входа в Вестминстерское аббатство, и планировали застрелить протектора, когда он выйдет оттуда, направляясь в Расписную палату. Однако, оказавшись на виду у толпы, они оробели и разбежались. Это была только первая попытка из

тех, что предпримет лидер группы Майлз Синдеркомб. Кромвель между тем относился к таким угрозам как к «мелким пустяковым вещам». Вскоре пришло известие, которое могло порадовать и парламент, и страну. В начале октября Тёрло объявил парламенту, что адмирал Блейк захватил несколько испанских кораблей с серебром на пути в Кадис. Это можно было рассматривать как знак, что Господь не отвернулся от Англии. Парламент назначил день для всеобщего благодарения.

В это время в Англию прибыл новый венецианский посол Джованни Сагредо. Он писал, что встретил «не элегантных кавалеров, а кавалеристов и пехотинцев; вместо музыки и балетов у них звуки труб и барабанный бой; они говорят не о любви, а о делах Марса… никаких мушек на лице, только мушкеты на плечах; они не отказываются от сна ради развлечений, но их суровые правители и вовсе не дают спокойно уснуть своим противникам. Одним словом, тут кругом презрение, подозрения и мрачные, грозные лица…».

Парламент, кроме государственных дел, постоянно занимался личными обращениями и законопроектами по частным вопросам. Один

из парламентариев сетовал, что «одно дело теснит другое». Казалось, что, как и предыдущий парламент, он не сделает ничего существенного. Однако религиозное рвение членов парламента проявилось в полной мере, когда на рассмотрение поставили дело Джеймса Нейлора. Он был квакером, чьи проповеди пробуждали в его последователях апокалиптические устремления. Его называли «надеждой Израиля» и «Агнцем Божиим». Летом того года ему устроили вход в Бристоль, подобный входу Христа в Иерусалим: две женщины вели под уздцы его лошадь, а другие кричали: «Осанна, осанна, осанна, Господь Бог Израилев». Нейлора арестовали и предали суду парламента. На допросе он сказал: «Я послан как знамение, чтобы собрать наш народ».

После появления Нейлора девять дней шли дебаты, на которых решили, что такое ужасное кощунство более опасно для страны, чем любой испанский военный корабль: оно бьет по самому дорогому, в самое сердце отношений народа с Богом. «Давайте все закроем уши, — предложил один парламентарий, — и забросаем его камнями». Неясно, имел ли парламент судебные полномочия наказывать этого человека, однако члены парламента проголосовали за то, чтобы

поставить Нейлора к позорному столбу, бичевать на всем пути, проткнуть язык раскаленным железом, выжечь на лбу клеймо в виде буквы «Б» как богохульнику, а затем отправить в тюрьму на неопределенный срок.

Суд Божий над телом пророка состоялся в конце года. Томас Бертон записал в своем дневнике, что «сумасшедший торговец Рич все время с непокрытой головой сидел у ног Нейлора. Время от времени он пел, плакал, гладил его волосы и лицо, целовал руку и поцелуями снимал жар с его лба». Нейлор терпеливо сносил страдания, очевидцы сочувствовали жертве гнева парламента. Кромвель и сам хотел знать «основания и причину» для такой узурпации судебной власти, однако так и не получил ответа просто потому, что приговор был и деспотическим, и безосновательным. Некоторые современники предупреждали, что если парламент считает возможным осудить и наказать одного заблудшего человека, то как остальные могут чувствовать себя в безопасности?

В начале 1657 года встал вопрос о продлении «десятипроцентного налога» на содержание генерал-майоров. К удивлению многих, зять Кромвеля Джон Клейпол выступил против этого

билля. Почти все посчитали сей факт свидетельством того, что протектор потерял поддержку «божьих» полевых командиров. Сам парламент в значительной мере составляли люди из общин, подвергшихся суровым взысканиям генерал-майоров, и билль отклонили большинством в тридцать шесть голосов. «Благочестивый» эксперимент был завершен.

Был поднят и другой вопрос о власти. Не стоит ли Кромвелю теперь стать королем и заменить династию Стюартов династией Кромвелей? Возврат к традиционной форме правления отвечал желанию многих людей. Если бы Кромвель стал королем, он, возможно, смог бы обуздать притязания парламента, который уже вышел за пределы своей компетенции. Газеты предвкушали скорое «изменение формы правления». 19 января 1657 года один из членов парламента, Джон Эш из Фрешфорда, предложил, чтобы Кромвель «принял на себя правление согласно древней конституции».

23 февраля сэр Кристофер Пэк представил документ под названием «Смиренная петиция и совет», в котором говорилось, что Кромвель должен взять «наименование, образ, титул и достоинство короля» и восстановить палату лордов.

Ярость противников монархии, прежде всего в военной среде, не знала границ. Генерал Джон Ламберт заявил, что такой возврат к прошлому будет противоречить принципам, за которые сражались он и его товарищи солдаты. Монархия настолько запачкана в крови, что ее нельзя восстанавливать. Это были не только слова. Кромвелю доложили, что группа солдат дала клятву убить его, если он примет королевский титул.

Через четыре дня после подачи «Смиренной петиции» сотня представителей армии явилась в Уайтхолл к Кромвелю. Они просили его не поддаваться на это предложение. Кромвель объяснял им, что корона нравится ему не больше, чем им; что она всего лишь погремушка или перо на шляпе, а затем напомнил историю последних нескольких лет, когда он точно следовал совету армии. Он говорил, что «они превратили его в своего раба для тяжелых работ во всех сложных ситуациях», но все равно не добились успеха. Ни один из парламентов, ни одно из конституционных предложений не сработали. Он говорил им, что «наступило время прийти к соглашению». Палата лордов, например, нужна, чтобы уравновешивать притязания палаты общин. Они своей яростью «сильно ослабили» его, и через

несколько дней другая делегация от армии заверила Кромвеля, что они согласятся на все, что он предпримет «на благо наших народов».

Дебаты в парламенте продолжались больше месяца, потребовали двадцати четырех заседаний, некоторые из них длились по целому дню. В итоге в конце марта Кромвеля официально попросили принять корону. Он ответил, что последнюю часть своей жизни жил «в огне, в буре треволнений», и попросил дополнительного времени на размышление. Все думали, что он согласится на роль короля, просто чтобы объединить по большей части консервативную страну, но на самом деле его обуревали мучительные сомнения. Он знал, что старшие армейские офицеры всем сердцем против такой перемены, но он также знал, что, наверное, это его последний и наилучший шанс вернуть страну на привычный путь. В его возможностях оказалось создать условия для законной и устойчивой власти.

Дело было не в личных амбициях: Кромвель много раз говорил, что корона и скипетр мало для него значат. Он уже имел больше власти, чем любой английский король. И он боролся с собой. Тёрло говорил, что у Кромвеля «большие трудности в собственной голове»: «Он скрывается от

всех, кого я знаю». Когда в середине апреля к нему пришла делегация парламента, Кромвель «вышел из комнаты полуодетым, в халате, с черным платком, обернутым вокруг шеи». Нет сомнений, что он непрерывно молился о божественном знаке, надеясь, что, как и в прошлом, решение будет даровано ему актом Господней милости.

Он усмотрел руку Провидения в английских делах, когда ему сообщили, что адмирал Блейк успешно держит осаду испанского побережья и потопил еще несколько кораблей с ценным грузом, подорвав авторитет Испании как морской державы. Англия теперь практически контролировала открытое море, такого могущества страна не знала за всю свою прежнюю историю. Колонии на Ямайке и Барбадосе, Виргиния в материковой части Америки: Кромвель стал первым государственным деятелем со времен Уолсингема, который созерцал английскую мировую империю. Как писал об этом Эдмунд Уоллер:

Иным великий океан — проезжая дорога,
Но англичанам, только им, он словно дом родной[40].

---

[40] Примечания: 40

Others may use the ocean as their road / Only the English make it their abode.

В годы правления Карла II, вовсе не исполненные силой духа, Пипс отмечал, что «удивительно, как все теперь одобрительно вспоминают Оливера, говоря о том, какие смелые поступки он совершал и как заставлял соседних правителей бояться его».

Тем не менее по самому острому вопросу монархии Кромвель не мог — или не осмеливался — принять решение. 3 апреля он объявил парламентской делегации, что не может выполнять обязанности «под этим титулом». Через пять дней парламент снова убеждал его пересмотреть свое решение, и в этом случае, говорят, он произнес «такую запутанную речь, что никто не понял, согласится он или нет». Возможно, он по-прежнему ждал божественного указания. Он знал, что это правильно и целесообразно, что ему следует принять корону, но, как он выразился: «Я не хотел бы воздвигать то, что Провидение разрушит и развеет в прах. Я не стану строить Иерихон». На первой неделе мая он будто бы сказал группе членов парламента, что решил принять титул. Тем не менее Кромвель в очередной раз передумал.

8 мая он заявил парламенту, что не может и не будет становиться королем Оливером I. «В лучшем случае, — говорил он, — я сделаю это с

тяжелым сердцем. А свершенное так — свершено неправедно». Возражения армейских офицеров в конечном итоге оказались убедительными; двое из них, Флитвуд и Дезборо, были его зятьями. Они сказали ему, что если он наденет корону, то они подадут в оставку и ограничатся частной жизнью. Другие офицеры, которые были рядом с самого начала и прошли с ним огонь и воду, тоже выразили категорическое неодобрение. Это решило дело. Не мог он в конце жизни бросить товарищей и сослуживцев; не мог он предать их доверие и обмануть их надежды. Соответственно, его окончательный ответ парламенту прозвучал так: «Я не могу взять на себя правление с титулом короля».

Единственным выходом из положения оставался компромисс. Даже если Кромвель не станет королем, он может принять другие конституционные меры, рекомендованные парламентом; в частности, казалось справедливым и необходимым восстановить палату лордов для контроля за законодательной деятельностью. 25 мая была заново представлена «Смиренная петиция», в которой Кромвеля называли главным магистратом и лорд-протектором. Он принял это назначение как «одну из самых великих задач, которые

когда-либо ложились на плечи человеческого существа». 26 июня 1657 года Оливера Кромвеля одели в пурпур и горностай для введения в должность протектора по новой конституции. Церемония состоялась в Вестминстер-Холле. На столе перед троном лежали государственный меч и скипетр из чистого золота. Звуки труб возвестили правление Кромвеля. Должность не была объявлена наследственной, но ему дали право называть преемника; практически все считали, что это будет один из его сыновей. Так начался второй протекторат, который теперь во всем, кроме названия, превратился в восстановленную монархию.

34. Возможно ли?

Появилось время для торжеств. В конце 1657 года одна из дочерей Кромвеля, Фрэнсис, вышла замуж за Роберта Рича, внука графа Уорвика, и празднество соответствовало статусу молодой пары. Музыка и песни слышались в коридорах Уайтхолла в честь бракосочетания; в оркестре было сорок восемь скрипок и пятьдесят труб. Орудия Тауэра палили, как когда-то во время королевских свадеб. Были даже «совместные танцы» мужчин с женщинами, которые продолжались до пяти часов утра следующего дня. В состоянии бурного веселья Кромвель расплескивал сэк-поссет, насыщенный и густой напиток, на платья дам и пачкал стулья, на которых они должны были сидеть, растаявшими сладостями. У него было почти деревенское чувство юмора. Позже на бракосочетании другой дочери, Мэри, свадебная церемония в Хэмптон-Корте включала представление маски, в которой Кромвель исполнил бессловесную роль Юпитера. Поразительное возвращение к традициям Стюартов.

Французский посол сообщал, что широко рас-

пространился «новый дух», и «проповедники прежнего времени отходят от дел, потому что их считают слишком мрачными». Когда Кромвель устраивал торжественные обеды в честь иностранных послов, обязательной частью приема была «замечательная музыка», и в большом зале Хэмптон-Корта установили два органа, на которых играл постоянно проживавший во дворце органист. Заслугой Кромвеля также стало знакомство Англии с оперой. Протектор слыл большим любителем созвучий, как инструментальных, так и вокальных.

Сразу после введения в должность Кромвель распустил парламент до следующего года. Когда он снова соберется, то будет состоять из двух палат, как положено по старой конституционной форме. Кромвель назначил новый Совет. В него вошли все прежние члены, за исключением Джона Ламберта, который ушел в отставку со всех постов с большой пенсией. Когда-то он думал, что станет преемником протектора, но теперь понял, что им станет другой, более молодой Кромвель.

Одной из главных задач вновь созданного Совета было определиться по поводу характера новой верхней палаты, однако некоторые заседания состоялись в отсутствие протектора. Кромвеля

теперь называли (даже близкие друзья) «стариком»; его подпись уже выглядела нечеткой, неровной. Значительную часть лета он проводил в целительном воздухе Хэмптон-Корта, но постоянно страдал от мучительных простуд.

Вторая сессия второго парламента протектора открылась 20 января 1658 года, и немедленно начались атаки на военный режим. Члены новой палаты лордов в основном выбирались из самых верных сторонников Кромвеля, и в результате в палате общин образовалось враждебное большинство. Некоторые из наиболее ярых противников Кромвеля, которых не допустили к предыдущей сессии за «безнравственность» и «преступность», возвратились в Вестминстер и сразу поставили под вопрос полномочия «другой палаты».

Через пять дней после первого заседания Кромвель собрал обе палаты в Банкетинг-Хаусе и призвал к верности правому делу. Однако его вмешательство не оказало существенного влияния: настрой палаты общин остался враждебным, как и раньше. Один из наиболее грозных представителей общин, сэр Артур Хейзелриг, произнес речь, в которой высмеял действия палаты лордов в прошлом. «Зачем нам растравлять

старые раны, — вопрошал он, — если они уже давно забыты?» Мемуарист, служивший при дворе Кромвеля, отметил, что претензии палаты общин и противоречия между двумя палатами вызывали у протектора «ярость, взрыв чувств сродни безумию». Его гнев усиливал тот факт, что представители армии, по сути, поддерживали палату общин в утверждении ее верховенства.

Холодным утром 4 февраля Кромвель поднялся рано и объявил о намерении отправиться в Вестминстер. Он не мог ехать по замерзшей Темзе и под влиянием настроения взял первый наемный экипаж, какой попался на его пути. Когда он вошел в совещательную комнату палаты лордов, его зять и близкий товарищ по оружию Чарльз Флитвуд стал возражать, узнав о его намерении. «Трус! — воскликнул Кромвель. — Видит Бог, я разгоню этот парламент». И приступил к выполнению своего решения.

Он говорил палате общин, что они «растревожили не только себя, теперь растревожена вся страна». При угрозе вторжения извне и вероятности восстания внутри государства они ничего не предприняли. «Я заявляю вам здесь, что распускаю парламент. И да рассудит нас Господь». На этот праведный порыв некоторые парла-

ментарии выкрикнули: «Аминь!» Последний конституционный эксперимент Кромвеля провалился. Ни один из его парламентов не преуспел — явный знак, что военное правление страной суть в корне неправильная система. Теперь же его открыто критиковали. Посол из Венеции докладывал, что народ «тошнит» от теперешнего правительства; голландский посланник тоже отмечал, что дела Кромвеля «в неспокойном и опасном положении», а один приезжий из Массачусетса заметил, что многие люди «громогласно обвиняют его».

Агент роялистов в Лондоне Аллан Бродерик сообщал Эдварду Хайду, что армия «заражена подстрекателями к бунту», казна пуста, европейские страны ведут себя как «заклятые друзья или близкие враги», а народ Англии мучается от «неослабного тревожного духа нововведений». Однако о самом Кромвеле Бродерик сказал, что «этот человек явно в безвыходном положении, любой другой в его ситуации был бы абсолютно обречен, но игру богов никогда нельзя сбрасывать со счетов, и есть в судьбе этого злодея нечто, что часто делает счет “десять против одного” ничего не значащим».

Это послание предназначалось для того, чтобы

ободрить Карла Стюарта. Сообщалось, что изгнанный король ждет во Фландрии с армией в 8000 человек, готовой нанести удар при первой благоприятной возможности. Следующее роялистское выступление планировалось на весну, но заговорщиков в очередной раз предали и схватили; четверых из них обнаружил полковник Баркстед, помощник коменданта Тауэра, в, как он сказал, «отъявленно малигнантском пабе». Часть роялистов обезглавили или повесили, утопили или четвертовали, но большинство отправили в тюрьму.

А Кромвелю снова улыбнулась удача. В начале лета того года французы совместно с англичанами разбили испанцев у Дюнкерка в «Битве в дюнах». Принадлежавший Испании Дюнкерк сдали Англии. Это был первый кусочек территории континентальной Европы, попавший в английские руки со времен Кале. Поскольку в состав испанской армии входили роялисты, победа показалась Кромвелю еще слаще. Король Франции теперь провозгласил его «самым непобедимым из правителей». Тем не менее эта похвала скрывала горькую правду, что расходы протектора значительно превосходили его доходы. В казне часто не было денег, и жалованье солдатам задерживали.

Говорили, что министрам Кромвеля приходилось «попрошайничать» у торговцев Сити.

Кроме того, в воздухе носилась болезнь. Появилась очень опасная лихорадка, ее называли «новая болезнь». Весной 1658 года началась новая эпидемия, по словам современника доктора Уиллиса, «как будто ее наслали звезды». Кромвель измучился под бременем личного правления до такой степени, что, как сказал его слуга Джон Мейдстоун, «оно выпило его силы». В начале августа личные страдания протектора усилила смерть его самой любимой дочери Элизабет Клейпол. Она скончалась от неизвестной или нераспознанной болезни. Это событие, хоть и давно ожидаемое, произвело на Кромвеля ужасное впечатление. Тёрло сообщал, что «он лежит, сильно мучаясь подагрой и другими расстройствами, из-за долгой болезни миледи Элизабет, которая очень его огорчает». Кромвель опасно заболел, но потом восстановился достаточно, чтобы верхом отправиться в парк Хэмптон-Корта.

Однако, когда один из руководителей квакеров, Джордж Фокс, посетил Кромвеля, он говорил, что «увидел и почувствовал дыхание смерти… Он выглядел как умирающий человек». На последней неделе августа Кромвель снова слег. У

него началась, как тогда называли, «трехдневная лихорадка» — форма малярии с приступами каждые три дня. Приступ начинался ознобом и ощущением холода, затем следовала стадия сухого жара и, наконец, пот ручьем.

Его привезли обратно в Уайтхолл, где, по словам Тёрло, «опасения превышали надежды». По всей столице устраивали молебны. Его состояние менялось от небольшого улучшения к рецидиву, с каждым разом он становился все слабее, но говорили, что он молился за «Божье дело» и «Божьих людей». Протектор спросил одного из своих докторов, почему тот выглядит таким печальным.

— Как я могу выглядеть по-другому, когда на мне лежит ответственность за вашу жизнь?

— Вы, доктора, думаете, что я умру. — Жена Кромвеля сидела у его постели, и он взял ее за руку. — Говорю вам, я не умру от этого приступа; уверен, что не умру. Не думайте, что я сошел с ума. Я говорю вам правду. — И потом сказал изумленному доктору, что таков ответ Господа на его молитвы.

Он также спросил одного из своих капелланов:

— Скажи мне, возможно ли лишиться благодати Божией?

— Это невозможно.

— Тогда я в безопасности, потому что знаю, что некогда имел ее.

Его всегда поддерживало представление, что он избран: его гордость и набожность объединились, давая неодолимую силу устранять любые препятствия на своем пути. В те дни, когда не знал, как поступить (а их бывало множество), он ждал знамения. И сказал однажды, что никто не поднимается так высоко, как тот, кто не знает, куда идет. Кромвель непреклонно шел к апогею власти сквозь мглу коварства и тьму случайностей. Никто не мог предугадать последовательность шагов и контршагов, которые привели его к господству. Не важно, что он был противоречив, метался меж республиканской формой правления и авторитарной, пока с ним пребывала сила праведности. Он верил прежде всего в Провидение как в причину и оправдание всех своих дел.

В четверг 2 сентября стало ясно, что Кромвель умирает. Один из его врачей предложил ему снотворное, но он ответил, что «в его планы не входит пить или спать, его план — побыстрее уйти». Пять вызванных к его постели офицеров засвидетельствовали, что он объявил своим преемником старшего из живых сыновей Ричарда

Кромвеля. Он умер в полдень 3 сентября. Эту дату Оливер Кромвель называл своим «счастливым днем» как годовщину побед при Данбаре и Вустере. Теперь его сражения завершились.

Когда в 1650 году после успешной кампании в Ирландии Оливер Кромвель возвратился в Англию, его приветствовала «Горацианская ода на возвращение Кромвеля из Ирландии». Это произведение называют величайшей политической поэмой на английском языке, однако оно не самое понятное. В то время Эндрю Марвелл как поэт не пользовался особым авторитетом. Он получил хорошее образование и совершил обязательное путешествие по Европе. Он должен был стать священником или секретарем у какого-то великого человека; вместо того он жил на деньги от продажи кое-каких земель на севере и вращался в литературных кругах Лондона.

Похоже, поначалу он примкнул к поэтам и графоманам роялистских убеждений, но решающие победы Кромвеля и казнь короля заставили его задуматься. Возможно, наступило время поискать покровителей среди новых правителей страны, и тогда он написал свою «Оду». Однако его слова, выпаренные до прозрачности, словно в перегонном кубе, говорят об отсутствии в нем

подлинной непреклонности. Разум его столь замечательно отстроен, что может принадлежать и роялисту, и республиканцу в равной степени; он открыт для всех вероятных точек зрения и поэтому находит невозможным выбирать между ними. Он стоит на позиции того, кто, приходя к решению, понимает в то же время, что и противоположное также справедливо. Мы можем упомянуть здесь о Марвелле как о примере замешательства, которое, должно быть, испытывали многие во времена конфликтов и перемен. Поэма сочинялась в перерыве между возвращением Кромвеля из Ирландии и его последующей кампанией в Шотландии.

Во вступительных строках «Оды» Кромвель — человек, который идет «к своей звезде не в мирном книжника труде»[41], а «выбрав путь кровавый Войны и бранной славы». Это вовсе не обязательно истолковывать как комплимент, Марвелл воздерживается и от похвалы, и от осуждения. Он продолжает объявлять, что:

Безумство — порицать иль клясть
Небес разгневанную власть,
И мы — к чему лукавить —

---

[41] Примечания: 41
Здесь и далее «Ода» цитируется в переводе М. И. Фрейдкина.

Должны теперь прославить.

Это равносильно тому, что сказать: Кромвеля в любом случае не следует отторгать или проклинать. Он, возможно, появился как часть неумолимого движения времени или исторической необходимости, и в этом отношении его личные недостатки не имеют никакого значения. Это был его жребий (счастливый или нет) «в горниле плавки страшной расплавить мир вчерашний».

Напрасно вопиет закон
К правам прадедовских времен:
Права сегодня в силе,
А завтра — их забыли.
Зияний жизнь не признает,
И место слабого займет
Могучий духом гений.

Другими словами, Кромвель — могучий человек, чья сила и есть его награда. Если в этом процессе закон приносится в жертву, то это необходимое и неизбежное следствие изменения. Кромвель в любом случае человек «Судьбы», а не «Справедливости», решительный и склонный к переменам. Правитель может быть одновременно и спасителем, и деспотом. Такое нередко

происходило в мировой истории, современники Марвелла хорошо знали историю Юлия Цезаря.

То есть это поэзия сомнений и неопределенности, а не восхвалений и утверждения, что вполне может отражать и недоверие широких масс населения, и их неуверенность по поводу побуждений Кромвеля в те критические годы. Единственное, что можно подтвердить, так это то, что:

Пускай рука его сильна —
Она *Республике* верна,
И все его правленье —
Пример повиновенья.

Никто не поспорит: Кромвель не стал тираном. Марвелл не встает на ту или иную сторону, потому что ему некуда вставать, а нам впору вспомнить высказывание Т. С. Элиота о Генри Джеймсе: «Его ум настолько рафинированный, что никакая идея не в силах его запачкать». Почти непостижимая осторожность Марвелла и его желание остаться в тени тоже очевидны. Он не высказывает собственного мнения и, кажется, готов замолчать почти в любой момент. Весьма вероятно, в условиях превосходства Кромвеля эту позицию разделяли многие его современники.

Четыре года спустя Марвелл снова обратился

к феномену Оливера Кромвеля в поэме «ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА правления О. К.». Это значительно более позитивный рассказ о правлении Кромвеля, однако тут мы видим панегирик форме протектората, а не самому протектору. Кромвель сравнивается с Амфионом, который вместе с братом возвел город Фивы при помощи музыки. Кромвель восхваляется за возведение здания государства, которое будет стоять долго, как Фивы. Он оказывается способен создать уникальную форму руководства, которая достойно заменила королевскую власть. Этот строй породил систему управления, избегающую крайностей свободы и угнетения. В результате Англию стали уважать и бояться все соседние народы.

В поэме, можно сказать, излагается «политический курс» сторонников Кромвеля. Строки, возможно (а может, и нет), отражают и собственные мысли Марвелла по этому вопросу. Сложности положения Кромвеля как протектора и появление разных противников его правления автор не упоминает. Однако Марвелл выражает мнение многих людей, которые считали, что протектор правит более эффективно, чем парламент. Стиль здесь исключительно плавный и изощренный; четкий, но не резкий, твердый, но не скованный,

красноречивый, но не поверхностный.

Последняя поэма Марвелла о Кромвеле наиболее личная. К этому времени поэт уже хорошо познакомился с семьей протектора. Его просили сочинить песни для свадьбы Мэри Кромвель с лордом Фоконбергом, Кромвель заказывал ему стихи для Кристины Шведской. В 1657 году Марвелла взяли помощником Джона Мильтона на посту правительственного секретаря для корреспонденции на латинском и других иностранных языках. Таким образом, написанная в 1658 году «Поэма на смерть О. К.» была последним подарком поэта своему работодателю, которого он, возможно, полюбил и оценил. Вероятнее всего, ему позволили войти в спальню и увидеть тело Кромвеля:

Его я видел мертвым, вечный сон
Сковал черты низвергнувшего трон,
Разгладились морщинки возле глаз,
Где нежность он берег не напоказ.
Куда-то подевались мощь и стать,
Он даже не пытался с ложа встать,
Он сморщен был и тронут синевой,
Ну, словом, мертвый — это не живой![42]

---

[42] Примечания: 42
Перевод А. Сендыка.

35. Молодой человек

Некоторые считали, что после смерти Оливера Кромвеля ткань содружества будет разорвана, центр не выдержит натяжения краев. Однако переход власти к Ричарду, его старшему сыну, осуществился без каких-либо волнений. Большой народной скорби смерть отца не вызвала, но и значительных дебатов по поводу роли или наследственного права сына тоже не возникло. Джон Ивлин видел похороны протектора, на которых «никто не выл, кроме собак, которых с диким шумом прогоняли солдаты, шедшие по улицам, попивая и покуривая».

Ричард Кромвель был сдержанным, мягким человеком, не имевшим ни тени природной внушительности и повелительности своего отца. В дополнении к энциклопедии Джеймса Макинтоша «Выдающиеся британские государственные деятели» о нем написано — «личность весьма искусная в охоте, скачках и других спортивных занятиях и играх»: аллюзии на «Куин Дик», то есть «совсем неподходящий к этой роли». Вскоре после вступления в должность Ричард заметил:

«Наверное, Господь был бы рад, да и страна тоже, выбрать для этой работы человека более подходящего, чем я».

Тем не менее практически сразу его вовлекли в определяющий вопрос времени: кто, армия или парламент, будет управлять новой буржуазной республикой? Некоторые армейские офицеры уже требовали назначить главнокомандующим не протектора, а другого человека, что фактически означало выход армии из-под власти гражданского государства. Эти офицеры обычно встречались в Уоллингфорд-Хаусе, резиденции генерал-майора Чарльза Флитвуда, который и был их признанным лидером. Ричард Кромвель, или «молодой человек», как его называли некоторые из них, не согласился на это требование.

Положение протектора укрепили результаты выборов в новый парламент, состоявшиеся в начале 1659 года. Большинство избранных парламентариев оказалось людьми умеренных и консервативных взглядов, они поддерживали правительство протектората и не одобряли претензий армии. Некоторые из них были тайными монархистами. Им придавало сил ощущение, что народ на их стороне. Парламент потребовал прекратить в армии всю политическую дея-

тельность, и это немедленно вызвало активный протест Флитвуда и его сторонников. Солдаты отказались подчиняться этому приказу и покинули тех немногих полковников, которые поддержали решение парламента. Флитвуд вместе с полками, стоявшими в Сент-Джеймсе, затребовал незамедлительного роспуска парламента.

Создавшаяся тупиковая ситуация могла стать сигналом к началу очередной войны, и Ричард Кромвель испугался подобной перспективы. Он будто бы сказал: «Ради сохранения своего высокого положения (пусть оно для меня и бремя) я не пролью ни капли крови». Поэтому он распустил парламент, а затем, ближе к концу мая, сложил с себя полномочия протектора. Джон Ивлин записал в своем дневнике, что «несколько претендентов и партий бросились в борьбу за власть. Кругом анархия и беспорядок. Господи, помилуй нас!».

Лидеры армии против всех правил решили возродить «Охвостье парламента», которое весной 1653 года разогнал Оливер Кромвель. Изначально в него входило около 200 человек, теперь же количество членов сократилось до 50. Однако, собравшись снова, они не устрашились армейского начальства и начали восстанавливать

свою власть, передав Офицерскую комиссию под начало спикера, а не Флитвуда. Открытый раскол между двумя конкурирующими силами невозможно было затягивать.

Восстание против армии, организованное коалицией роялистов и недовольных пресвитериан, в течение лета эффективно подавил генерал Джон Ламберт. Он вернулся из уединения, чтобы еще раз сыграть ведущую роль в военных делах, однако через два месяца парламент уволил его и восемь других офицеров за представление петиции, которую сочли бунтарской. Тогда Ламберт, в свою очередь, изгнал «Охвостье» и ввел недолгое военное правление. Был сформирован «Комитет безопасности» из двадцати трех офицеров, предназначенный руководить без правления «одного человека» и палаты лордов.

Теперь раскололась уже сама армия. Один из самых авторитетных военачальников, генерал Джордж Монк, был поставлен Оливером Кромвелем управлять Шотландией. Из этой удобной позиции он внимательно и настороженно наблюдал за событиями в Англии. Он думал поддержать Ричарда Кромвеля, но потом отошел в сторону. Некоторые считали генерала тайным роялистом. Теперь же он отказался поддержать Ламберта

и Флитвуда и, напротив, потребовал вернуть парламент, который только что разогнали.

Казалось, страну охватила анархия, однако страна двигалась своим путем. Один современник, процитированный в «Государственных документах Кларендона», заметил, что в Лондоне «при всем этом переполохе улицы полны людей, все идут по своим делам, как будто их это совсем не касается, а когда парламент попросил город вступиться, они ответили, что не будут вмешиваться в их споры». Джон Мильтон не был так оптимистичен и написал, что ситуация «абсолютно беззаконная и постыдная; боюсь, варварская, да и у варваров едва ли найдется пример, чтобы оплачиваемая армия… таким образом свергла верховную власть, которая ее же и содержала».

Ламберт тоже столкнулся с расколом в рядах своих солдат: они объявили, что сами не будут воевать с Монком или кем-то другим, а отведут командирам место, чтоб биться один на один, выясняя свои разногласия. Войска, размещенные в Плимуте, и весь флот тогда заявили, что «Охвостье» — наименьшее зло в сравнении с неконституционным военным правлением. Они хотели законного правительства, а также свободы вероисповедания. 24 декабря Флитвуд,

утверждая, что «Господь плюнул ему в лицо», передал ключи от парламента спикеру Уильяму Лентхоллу.

В этот день лояльные парламенту войска подошли к дому Лентхолла на Чансери-Лейн, где дали клятву жить и умереть с собранием в Вестминстере. Ободренный таким образом, Лентхолл решил снова собрать парламент 26 декабря. Армейские командиры уже не имели ни желания, ни оснований разубеждать его. 4 января 1660 года Ламберт, сделав безуспешную попытку выдвинуться на север и сразиться с Монком, был вынужден подчиниться восстановленному парламенту. Парламентарии приказали ему отправляться «в один из своих домов подальше от Лондона ради спокойствия и мира в содружестве». Беспорядок и неопределенность стали непосредственным результатом неспособности Оливера Кромвеля создать устойчивую систему правления. Сторонник роялистов Хартджилл Бэрон писал, что «все дела здесь настолько запутанны, что самые зоркие и мудрейшие из живущих не в состоянии найти концы». И множество людей, таких же как он, ждали теперь возвращения изгнанного короля как избавления от окружающего хаоса.

В конце 1659 года генерал Монк двинулся из

Эдинбурга на юг с 8000 солдат. Его намерения было неясны, возможно, даже ему самому; он только сказал, что вступил на английскую землю, чтобы поддержать содружество. Наверное, он считал, что захват власти армией был ошибкой, однако генерал отличался молчаливостью и замкнутостью, поэтому сложно утверждать даже это. Пипс описывал Монка как «туповатого, тяжелого человека».

Когда в начале февраля генерал добрался до Лондона, многие горожане требовали «свободного парламента». Это означало убрать «Охвостье» и вернуться к должным образом избранной власти, чистку которой произвел полковник Прайд одиннадцать лет назад. Парламент отреагировал, приказав Монку вступить в город, чтобы восстановить общественный порядок и арестовать главных оппонентов. 9 февраля Монк подчинился. Он снес все городские ворота, опускающиеся решетки, столбы и цепи, которые олицетворяли неприступность города. Лондонцы решили, что их предали, и впали в ужас и смятение. Возможно, Монк намеренно продемонстрировал, как далеко зайдет парламент, чтобы защитить свою власть, и таким образом хотел привлечь людей на свою сторону, но определенно сказать это

затруднительно.

Однако два дня спустя непостижимый Монк написал «Охвостью» письмо с приказом самораспуститься и потребовал новых выборов. Эффект послания оказался незамедлительным и мощным: согласно памфлетисту Роджеру Лестрейнджу, люди «на каждой улице во множестве разводили большие праздничные костры, в каждой церкви звонили в колокола и раздавалось столько радостных восклицаний, что трудно описать». На каждом перекрестке жарили куски охвостья коровьих туш; охвостья привязывали к палкам и носили по улицам; на Ладгейт-Хилл большое охвостье крутили на вертеле. Пипс сообщал, что мальчишки «вместо “поцелуй меня в зад” теперь кричат “поцелуй меня в парламент”, настолько широкое и глубокое презрение заслужило “Охвостье парламента”…». Десять дней спустя Монк пошел кратчайшим путем, допустив до заседаний всех членов «Долгого парламента», которых ранее исключили. Это были по большей части пресвитериане, их и исключили именно за желание договориться с Карлом I.

Восстановленный состав парламента тут же решил ликвидировать все акты, принятые после «Прайдовой чистки», в частности вернуть себе

власть пойти на соглашение с королем. Ламберта отправили в Тауэр вместе с другими деятелями предыдущего режима. 6 марта Пипс отметил, что «теперь все без страха пьют за здоровье короля, тогда как раньше человек решался на это только втайне».

Карл II по-прежнему пребывал в сомнениях. Он не был уверен в намерениях Монка и боялся, что генерал еще может объявить себя лорд-протектором; существовала также вероятность, что Ричарда Кромвеля попросят вернуться на прежний пост. Соратники короля не доверяли Монку и полагали, что он будет говорить одно, а делать другое. Король столько раз обманывался, что теперь ему оставалось только ждать. Если же он выступит преждевременно, то может погубить все дело. Монку и самому требовалось действовать очень осторожно. Если генерал и предполагал, что реставрация монархии будет лучшим из возможных исходов дела, пока он не мог полностью отвечать за настроения народа. Нужно было сохранить единство армии, не допустив отчуждения тех, кого еще называли «солдатами содружества». Монк не хотел, чтобы на этом этапе его заподозрили, что он, так сказать, «носит короля в своем сердце». Пару месяцев

спустя говорили о том, что Монк принял решение либо своими руками вернуть короля на престол и получить за то все надлежащие почести, либо не допустить возвращения Карла.

В середине марта 1660 года парламент самораспустился и подготовил страну к новому собранию в следующем месяце. Работа «Долгого парламента» наконец завершилась после девятнадцати лет правления, пусть с перерывами и разными происшествиями. В том же месяце известного сторонника монархии сэра Джона Гренвилла тайно доставили в Сент-Джеймс для секретного разговора с Монком. Генерал не хотел ничего доверять бумаге, но через посредника намекнул Гренвиллу, что хорошо бы королю прислать ему письмо с изложением намерений роялистской партии. Монк будет считать его обязательством и в нужный момент раскроет содержание письма. С помощью этой уловки он сможет облегчить королю путь в Англию. При следующей встрече по сему секретному делу Гренвилл вручил генералу письмо от Карла, в котором король предлагал Монку высокий пост в королевской администрации. Генерал ответил, что всегда намеревался восстановить Карла на троне. Каковы бы ни были точные обстоятельства, ясно, что король и гене-

рал пришли к взаимопониманию.

В начале апреля в Нидерландах, в своей временной резиденции в городе Бреда, король издал декларацию. Нет сомнений, что во время секретных переговоров он обсудил с Монком его пожелания и предложения. В Бредской декларации Карл пообещал амнистию всем, кто присягнет короне, за исключением тех, кто голосовал за казнь короля. Это был единственный способ положить конец обсуждению наследия гражданской войны. Среди других положений документа было обещание религиозной терпимости ко всем мирным христианам. Только так можно было разрешить распри между англиканами, пресвитерианами и сектантами. Однако окончательное решение король оставил за парламентом. Многие посчитали это жестом примирения, но он также означал, что теперь именно парламент, а не король будет отвечать за последствия.

Итак, все было готово, ожидался первый за почти двадцать лет по-настоящему избранный парламент. Его назвали Конвентом, поскольку теоретически нельзя было созывать парламент без королевского приказа по этому поводу. Скоро стало понятно, что в составе собрания присутствует много людей роялистских убеж-

дений: в Вестминстер вернулись друзья короля. Декларацию Карла зачитали обеим палатам парламента, она вызвала всеобщее воодушевление. Утром 1 мая палата лордов, в которую по приказу генерала Монка снова включили многих пэров роялистских настроений, объявила, что «согласно древним основным законам нашего королевства правительство составляют, как и должно быть, король, лорды и общины». Палата общин одобрила это решение в середине дня. Теперь практически все считали, что устойчивое парламентское правление может быть установлено только при королевской власти. Республика осталась в прошлом, устремления армии потерпели крах.

В Майский день по всей стране ставили некогда запрещенные майские деревья, украшенные шесты. Когда вице-канцлер и жезлоносцы Оксфордского университета попытались спилить дерево, установленное у гостиницы «Медведь», толпа напала на них и заставила отступить. Пипс сообщал, что «вчера весь день в Лондоне было большое празднество, ночью наблюдалось как никогда много праздничных костров, колокольного звона, люди на улицах, стоя на коленях, пили за здоровье короля, что, как мне кажется,

несколько чересчур».

Карл II переехал в Гаагу, где шесть членов палаты лордов и двенадцать человек из палаты общин получили его аудиенцию. Они передали покорнейшее приглашение и просьбу парламента к Его Величеству вернуться и взять управление королевством в свои руки. Они также вручили ему 50 000 фунтов стерлингов на дорожные расходы. Затем вперед выступили четырнадцать лондонцев и передали ему еще 10 000. В прошлом город не поддерживал роялистов, так что это покаяние было приятным вдвойне. Король сказал горожанам, что испытывает особую любовь к Лондону как месту своего рождения и жалует в рыцари всех его граждан.

Карл отплыл в Англию 24 мая на борту судна, недавно получившего название «Принц». Рано утром 26 мая он прибыл в Дувр, где, сойдя на берег, встал на колени, чтобы вознести благодарение небу. Монк ожидал его коленопреклоненным. Мэр Дувра преподнес Карлу Библию, и тот принял подарок, сказав, что «вот то, что он любит превыше всего на свете». Простим ему, пожалуй, попытку сыронизировать.

Монк и король вместе отправились в Кентербери. Там Карл посетил в кафедральном соборе

англиканскую службу по Книге общих молитв. На всем пути следования короля сопровождали толпы людей. Он нашел время, чтобы написать младшей сестре Генриетте Анне: «Я так оглох от воплей народа, что и не знаю, пишу я дело или безделицу». Оттуда король поехал прямо в Лондон, чтобы подтвердить и отметить свершившуюся реставрацию династии Стюартов.

36. «О, поразительная перемена!»

Возвращение Карла II приветствовали с ликованием, по большей части искренним. В Блекхите, непосредственно перед въездом в столицу, его встретили, как написала одна газета, «своего рода сельским торжеством: пастушки, танцующие моррис под старинную музыку волынок и тамбуринов». Люди верили, что с реставрацией монархии придет возрождение прежних обычаев и традиций народа.

Посреди этого великолепия Карл ехал верхом от Стрэнда к Вестминстеру, одетый в темное, то и дело приподнимая свою шляпу с малиновым плюмажем. Улицы были усыпаны цветами, дома снаружи украшены гобеленами, звуки колоколов и труб сливались с приветствиями толпы. Джон Ивлин отметил в записи от 29 мая 1660 года: «Я стоял на Стрэнде, смотрел и благодарил Бога. И все это было сделано без единой капли крови и той самой армией, которая восстала против него. Это деяние Божие, потому что о такой реставрации не упоминалось ни в какой истории, ни древней, ни современной, со времен возвраще-

ния иудеев из Вавилонского плена. Не видели такого радостного яркого дня и в нашей стране».

Проезжая в ворота Банкетинг-Хауса, король бросил взгляд на место казни отца, и на глазах его выступили слезы. Когда его посадили под государственный балдахин, волнение и смущение охватили всех, сам же король как будто оцепенел. Однако он быстро взял себя в руки и с улыбкой заметил, что ему следовало приехать пораньше, раз его приветствуют со столь великой радостью и восторгом. Юмор человека, не имеющего иллюзий по поводу человеческой натуры.

Карлу было тридцать, но выглядел он старше. Волосы уже тронула седина, а мужчины тогда еще не носили париков. За годы ссылки он похудел, что подчеркивало его рост почти в 1,9 метра. Один современник, сэр Сэмюэл Тьюк, заметил, что «его лицо скорее серьезное, чем суровое, которое сильно смягчается, когда он начинает говорить. Цвет лица несколько смугловатый, но его осветляют живые искрящиеся глаза». Крупный нос и тяжелая челюсть делали его некрасивым. Он выглядел печальным, даже, пожалуй, мрачным, слегка рассеянным и чуть жестковатым. «Плоть Христова, — говаривал он, — да я уродлив».

В то время он дружелюбно общался со всеми,

с кем сталкивался, даже с теми, кого подозревал в тайной враждебности к себе. Тем не менее за превосходным чувством юмора скрывалась расчетливость и даже коварство. Карл прошел суровую школу изгнания и, как он обычно говорил, готов расплатиться чем угодно, лишь бы снова не «отправиться в путешествие». Свои первые решения он принимал, исходя из политических соображений касательно былых врагов в большей степени, нежели из благодарности друзьям. Он верил, что все люди руководствуются исключительно личными интересами, и потому всегда принимал во внимание свои.

Когда король вернулся в Уайтхолл, он нашел дворец почти таким же, как во времена его детства: то был лабиринт комнаток, кладовок, черных лестниц, коридоров, потайных уголков и внутренних дворов. Дворцовый комплекс нарастал постепенно, кусочек к кусочку: жилые помещения и встроенные часовни, теннисные корты и лужайки для игры в шары. Уайтхолл занимал территорию в 93 000 квадратных метров и вмещал примерно 2000 комнат. Некоторые из них заливало водой, когда Темза поднималась слишком высоко. Однако король любил это место и редко покидал его весь первый год своего

правления. Огромный двор, а также несколько террас и галерей были фактически открыты для публики, и там толпились посетители в надежде заслужить расположение короля, а кто-то приходил, просто чтобы узреть блеск его величия.

Король публично обедал в полдень, но дела вел в уединении своей спальни. За спальней был также потайной кабинет, куда допускались очень немногие; довольно скоро это будет свидетельствовать о склонности короля к тайнам и интригам. Маркиз Галифакс отмечал, что «у него есть черная лестница для доставки ему информации, а также других дел». Можно делать предположения, что это были за дела.

Во дворце хватало места для всех советников короля. Главное место среди них занял человек, который оставался рядом с Карлом все годы ссылки. Эдвард Хайд (позже он станет 1-м графом Кларендоном и автором монументальной «Истории мятежа») был аскетичным и трудолюбивым, несмотря на то что, как писал он сам, «по натуре имел склонность к гордости и страстям». Он высоко ценил свой ум и нравственность, настолько высоко, что позволял себе отчитывать своего господина за недостатки. Его статус вскоре еще повысился, когда его дочь, Мэри Хайд, вышла за-

муж за брата короля, Якова, герцога Йоркского, — обнаружилось, что она уже от него беременна. Этот факт побудил Сэмюэла Пипса вспомнить, как один остряк однажды заметил, что «тот, кто делает девке ребенка, а потом женится на ней, похож на человека, который накладывает в шляпу и надевает ее себе на голову».

Хайд как лорд-канцлер входил в группу из шести приближенных, составивших так называемый «тайный комитет», который, по словам самого Хайда, был назначен королем «для обсуждения всех его дел, прежде чем они поступят на публичное рассмотрение». Им помогал Тайный совет в количестве от тридцати до сорока человек, двенадцать из которых поднимали оружие против отца короля. Карл решил приспособиться к недавнему прошлому.

Поначалу король усердно занимался делами, но вскоре потерял интерес к деталям управления. Ему быстро становилось скучно на заседаниях Совета, и он не любил работать с документами. Маркиз Галифакс рассказывал, что министрам «приходилось давать ему дела, как доктора дают лекарства: заворачивать их во что-то, чтобы сделать менее неприятными». Также это был удобный способ сложить с себя ответственность

за некоторые меры. Как Карл сказал однажды, «мои слова принадлежат мне, мои действия — министрам».

Проблемами, остро требующими решения, были вопросы продажи и владения землей. Многие роялисты были вынуждены продать свои поместья, чтобы выплатить штрафы или «десятинный налог». Теперь они просили вернуть им земли, но парламент решил, что не в его власти отменить теоретически добровольные продажи. Это решение вызвало большую обиду и чувство, что король отвернулся от своих давних приверженцев.

Чувство это усилилось с одним из решений Конвента. Был принят закон «Об освобождении от уголовной ответственности и амнистии», по которому любое преступление или измена, совершенное «под знаменем» парламентской или королевской власти в последние двадцать два года, «прощается… и попадает под полную амнистию». Все треволнения прошлого полагалось простить или как минимум забыть. Эта мера разгневала тех роялистов, которые считали себя пострадавшими от действий военного режима, говорили, что король согласился простить своих врагов и забыть своих друзей.

Цареубийцы, подписавшие смертный приговор покойному королю, под амнистию не попали. Осенью того года одним из немногочисленных актов отмщения, предпринятых новой администрацией, стала казнь десяти из этих преступников. Их вешали, топили и четвертовали. Они встретили смерть с презрением, а одному из них хватило сил, когда его обнаженное тело разрезали перед потрошением, ударить своего палача. Ричард Кромвель уже бежал из Англии в Европу, чтобы благопристойно жить в безвестности. Однако Карл был склонен к милосердию, и, когда готовили суд над девятнадцатью другими палачами короля, он писал Кларендону: «Должен признаться, я устал от повешений, разве что за новые вины. Оставим прошлое в покое».

С армией тоже обошлись аккуратно. Под командованием Монка она помогла посадить короля на трон, но так же хорошо могла бы и скинуть его оттуда. Снова ввели подушный налог, чтобы профинансировать выплату задолженностей солдатам, и к осени всех демобилизовали. Они возвращались, если это было возможно, к своим старым домам и занятиям. Однако им разрешалось оставить при себе оружие, и наиболее радикальные из них по-прежнему поддерживали

«доброе старое дело» республики. В конце года специальной декларацией им запретили собираться в Лондоне, но на самом деле солдаты не представляли серьезной угрозы. Большинство рассеялось по стране, что побудило проповедника Ричарда Бакстера заметить: «Господь лучше поучаствовал в роспуске этой армии, чем в любой из ее самых больших побед».

Однако на первом месте, как всегда, оставался религиозный вопрос, со всеми распрями между теми, кто стоял на позициях Англиканской церкви, и теми, кто принял пуританство или пресвитерианство. «Защитник веры» не давал прямого указания. По-прежнему сложно высказаться с какой бы то ни было ясностью по поводу религиозных убеждений короля Карла II. Он умер католиком, и возможно, тайно принял католичество еще в изгнании. Но, судя по всему, Карл не имел достаточно твердой веры, чтобы придерживаться какой-либо определенной конфессии: он был политик, а не благочестивец. Различия в вероисповеданиях совсем его не интересовали, и он частенько поддразнивал брата Якова, ярого католика, по поводу скандальной жизни римских пап. О собственных сексуальных шалостях он говорил, что Бог не проклянет мужчину за

небольшое удовольствие. У него был легкий нрав и спокойная совесть.

Тем не менее уже через месяц после возвращения в Англию Карл широко применял церемонию «королевского наложения рук», посредством которой с Божией помощью мог исцелять больных золотухой, называемой «королевской хворью», — поразительный пример Божьей благодати, подтверждавший, что король есть помазанник Божий, и Карл охотно этим пользовался в подтверждение права на трон. Раз в месяц, до самого конца его правления, сотни золотушных людей стекались в Банкетинг-Хаус, где терпеливо, с достоинством король прикасался к их язвам.

Старый порядок вроде бы вернули, однако глубоко под ним скрывались серьезные изменения. Французский посол, например, писал Людовику XIV, что «это государство имеет монархическую наружность, потому что король наличествует, но по своей сущности оно очень далеко от монархии». Власть парламента после его успеха в гражданской войне неизмеримо возросла; король теперь не имел возможности ни собрать деньги с подданных, ни арестовать кого-то без согласования с парламентом. В финансовом отношении Карл теперь тоже зависел

от субсидий, ежегодно выделяемых ему парламентариями в Вестминстере.

Власть короля сократилась и в других отношениях. Суд Звездной палаты не восстановили. К попыткам создать крупную постоянную армию относились с большим подозрением. Возросло также влияние Сити, и с событий тех лет мы можем отсчитывать начало функционирования государства коммерсантов, ориентированного на тех, кто продает и покупает.

Власть, прежде сосредоточенная в руках одного человека, без разницы — Стюарта или Кромвеля, стала более сбалансированной и распределенной. Были учреждены департаменты двух государственных секретарей, занимавшиеся внутренними и иностранными делами; были созданы постоянные комиссии для таких дел, как распределение и сбор налогов. Государственное казначейство вывели из-под контроля короля и возложили на него обязанность санкционировать все выплаты. Вскоре заработали тридцать комитетов, а во второй половине 1660 года к ним добавились Совет по торговле и Совет по заморским колониям.

Тем не менее эта система не была бюрократической в современном понимании, поскольку

она строилась на патронате и щедрых даваемых и получаемых «вознаграждениях» за оказанные услуги. Многие из служащих формально не были государственными, а оплачивались вышестоящими чиновниками. Более важные должности считались личной собственностью, занимались пожизненно и потом продавались близкому родственнику или лицу, предложившему наивысшую цену. Не стоит считать эту систему коррупционной, поскольку она стала единственным вариантом обеспечения функционирования правительства.

Главные различия между эпохами республики и реставрированной монархии меньше бросались в глаза. Люди перестали верить в бумажные конституции, подобные тем, что вводил Кромвель; религиозная сторона государственных дел потеряла прежнюю значимость, и вера в конце концов стала личным делом. В Вестминстере больше не будет фанатиков. Политическая теория становится собственностью философов, таких как Локк и Гоббс, а не богословов. Возможно, поэтому многие тогда говорили, что и сама вера пошла на спад. Томас Спрэт, писавший историю Королевского научного общества, отметил, что «влияние, которое христианство некогда оказывало на умы

людей, теперь поразительно ослабло».

Уверенность, с которой велись прежние религиозные войны — да будет позволено их так назвать, — стала исчезать в публичных беседах Нового времени, в них предпочитались рассудительность и вежливость. Теперь человек мог формировать свое мнение скорее в кофейне, чем в церкви или на тайном собрании (в год реставрации монархии впервые среди напитков упоминаются чай, кофе и шоколад). Как видно из дальнейшего, парламент обязал короля сделать Англиканскую церковь государственной, но пуритан и диссентеров невозможно было подавить до конца. Принуждение в итоге пришлось заменить убеждением.

Официальную коронацию Карла II отложили и назначили на День святого Георгия 23 апреля 1661 года, ровно за две недели до открытия его первого парламента. Карл II стал последним монархом, который при полном параде проехал верхом по улицам Лондона накануне торжественного события. Он прекрасно знал, что церемониал составляет основу королевского величия. Карл приказал тщательно изучить старинные документы, чтобы полностью воспроизвести церемонию коронации. После казни его

отца все королевские регалии разбили и продали, но он распорядился сделать копии, повторяющие прежние до мельчайших деталей. На нем были золотые и серебряные одежды и головной убор из малинового бархата, отделанный мехом горностая. Проданные в качестве сувениров первые коронационные кружки свидетельствуют о популярности события в народе. Сам день выдался хорошим и ясным, но Пипс записал в дневнике, что сразу после церемонии «пошел дождь с громом и молниями», какого он «не видел уже несколько лет». Само собой разумеется, делались соответствующие предсказания.

Парламент собрался 8 мая. Соседство по времени этих двух событий стало данью понятию «корона в парламенте» — наименование верховной власти в Англии. Поскольку половина новых парламентариев происходила из семейств, пострадавших за дело короля, его стали называть «Кавалерским парламентом». Это были по большей части молодые люди, но король заметил, что «будет держать их, пока у них не отрастут бороды». Карл сдержал обещание, сохраняя этот состав парламента следующие восемнадцать лет.

Они, разумеется, поддерживали дело короля

и епископов, но больше всего стремились защищать права джентри, к которым в основном принадлежали сами. Пресвитериане составляли незначительное меньшинство и не имели возможности сдержать или ограничить условно консервативную волну. В течение пяти лет парламент серией законов усилил верховенство англиканства в стране. Через две недели после начала работы парламента документ «Торжественной лиги и Ковенанта» (договора, который обязал страну к пресвитерианскому соглашению с Шотландией) без долгих размышлений сжег городской палач в Вестминстере и в других местах города. Джон Ивлин заметил: «О, поразительная перемена!»

По Закону о корпорациях 1661 года в муниципальные советы городов и поселений могли войти только лица англиканского вероисповедания; от майоров и олдерменов также требовалось принесение клятвы верности королю и согласие на то, что они не имеют права поднимать оружие против короля. Закон задумывался с целью удалить сектантов, чья лояльность подвергалась сомнению.

В следующем году парламент принял «Акт о единообразии», который ограничил рамки духо-

венства только теми людьми, кто был посвящен в сан епископом и принимает положения Книги общих молитв. Эти условия эффективно вывели из рядов священников 1700 пуританских пресвитеров, таким образом изгнанных из их приходов. Это было самое стремительное преобразование в религиозной истории страны. Кто-то говорил, что оно было актом отмщения англиканцев после гонений на них в дни содружества, однако нельзя исключать, что такими средствами джентри роялистских убеждений восстанавливали контроль над церковными приходами своих земель.

Некоторых отстраненных священников доводили до нищеты и самого бедственного положения. Один из их числа, Ричард Бакстер, вспоминал, что «прихожанам тогда было чем заняться… вызволять пастырей из тюрем или поддерживать в тюремном заключении». Джона Баньяна, например, взяли под стражу в Бедфорде за сектантские проповеди. Он писал: «Расставание с женой и несчастными моими детьми часто терзало меня там, как сдирание мяса с костей»; однако в своей тюремной камере грезил о вечной жизни.

Широко распространилось глумление над благочестивыми пуританами. На улицах их проповедников провожали улюлюканьем. Воз-

обновили постановку комедии Бена Джонсона «Варфоломеевская ярмарка», в которой резко высмеиваются пуритане, и она привлекала массу зрителей. Особенно жестко относились к квакерам, за время правления Карла 4000 из них попали в тюрьму. Кларендон говорил, что они «тот сорт людей, на который совсем не распространяется милосердие и сострадание».

Однако в некоторых районах страны избегали суровости нового закона. Многие пресвитериане и «церковные пуритане» более гибко подходили к соблюдению законов. Духовенство этих общин могло сохранять свои посты, соглашаясь на незначительные компромиссы. Часть местных властей ни в каком случае не желала исполнять этот закон, церковные суды не всегда действовали эффективно.

Также в двух законах последующих лет устанавливалось тюремное заключение за посещение молитвенных собраний вместо богослужений государственной Церкви, а пуританские священнослужители и учителя лишались права подходить к большим и малым городам ближе чем на 8 километров. Такие меры не соответствовали обещанию короля терпимо относиться ко всем честным христианам, которое он закрепил в

Бредской декларации перед отплытием в Англию, но, по всей вероятности, на него давили молодые парламентарии. Он уступил их требованиям, потому что не хотел лишаться их поддержки при одобрении финансирования расходов короны.

В конце концов окажется невозможным подчинить всех людей, исповедовавших другие формы христианства, которых теперь объединили общие гонения. Пытаясь навязать англиканскую конфессию, члены «Кавалерского парламента» создали пропасть между англиканством и другими вероисповеданиями, которую больше не удастся преодолеть. Неофициальная сеть собраний свела вместе индепендентов, баптистов и пресвитериан, находившихся в остром конфликте с государственной Церковью. Никакого национального религиозного умиротворения достигнуто не было, и вскоре настанет время столкновения англиканской и неангликанских конфессий.

В напряженных парламентских сессиях разработали и другие меры. Весной 1662 года приняли так называемый налог на очаги с уплатой 1 шиллинга за каждый очаг дважды в год; возмущение в ответ на него было немедленным и громким. На улицах Лондона заговорили, что «епископы полу-

чили все, придворные все растратили, горожане за все платят, король все игнорирует, а дьявол все забирает». Парламент также одобрил «Лицензионный закон», который запрещал издавать книги без разрешения официального цензора. Он был направлен прежде всего против еретических произведений: теперь печать оказалась под надзором епископа Лондонского и архиепископа Кентерберийского. Атмосфере свободных дискуссий, свойственной значительной части периода правления Кромвеля, наступил конец.

Меры против «терпимости» обошлись недешево. Пипс сообщал, что все «фанатики очень недовольны», а «король фактически отнял у них свободу вероисповедания». Пипс осуждал «высокое положение епископов, которые, я боюсь, снова все разрушат». Пуританским священнослужителям было приказано оставить свои приходы 24 августа 1662 года, в День святого Варфоломея, и во многих местах собралось большое количество прихожан, чтобы послушать их «прощальные проповеди» и погоревать. Ожидали и более ярких протестов. С самого приезда короля в Англию мир нарушали небольшие выступления «фанатиков», но весной и летом 1662 года возникли опасения относительно согласованного пуританского

противостояния. Предполагалось, что общее восстание назначено на август, со всех концов страны приходили донесения о мятежных собраниях и изменнических речах. Лорд Фоконберг, наместник короля в Норт-Райдинге графства Йоркшир, утверждал, что в Ланкашире «ни один человек из всего графства не собирается подчиниться установленным правилам». Подобные донесения поступали и из его графства Йоркшир, и со всей Юго-Западной Англии, а Лондон вообще считался гнездом фанатизма и сектантства. Наместникам короля в различных графствах поступили приказы вести наблюдение за «всеми известными членами республиканской партии».

Однако мрачные предчувствия не имели под собой оснований. Англиканская церковь теперь играла главенствующую роль под руководством человека, который в 1663 году был рукоположен в сан архиепископа Кентерберийского. Гилберт Бернет писал об архиепископе Шелдоне, что «он, казалось, не имел глубокого религиозного чувства, если вообще у него было таковое, и говорил о вере чаще всего как об инструменте управления и деле политическом». Епископов, к примеру, вернули в палату лордов, где они могли оказывать значительное влияние на национальное зако-

нодательство. Тем не менее именно парламент, а не Церковь контролировал вид и направление развития государственной религии.

Реальные религиозные убеждения людей находились, как никогда, в запутанном, бесформенном состоянии. Ланкастерский подмастерье Роджер Лоув записал в 1663 году: «Я задумался и загрустил, пошел на городской луг и молился Богу. Надеюсь, Господь услышал меня».

На заседании Совета, сразу после созыва парламента, Карл сообщил советникам, что решил жениться на португальской инфанте Екатерине Браганца. Ранее он уже объявил о своих предпочтениях, сказав, что ненавидит «немок и принцесс из холодных стран». Мать предполагаемой невесты, королева-регентша Португалии, предложила также 800 000 фунтов стерлингов и две колониальные территории, Бомбей и Танжер, чтобы подсластить сделку. Кроме того, английские купцы получали разрешение свободно торговать по всей Португальской империи, тем самым выигрывая в давнем соперничестве с голландцами. В ответ Португалия хотела вербовать английских солдат для войны с соседней Испанией, которая стремилась вернуть ее мятежную провинцию. Брак мог оказаться весьма

полезным.

Еще один брачный союз дополнил то, что условно можно назвать внешней политикой Карла. Его сестра Генриетта вышла замуж за гомосексуального брата Людовика XIV и помогла установить более близкие отношения между Францией и Англией, которые в итоге стали даже чересчур близкими. Людовика XIV боялись и подозревали в попытках возвысить себя как «всемирного монарха» в условиях упадка влияния Испании; однако Карл восхищался его абсолютистским централизованным режимом, не имея надежды добиться подобного сам.

Король отправился в Портсмут встретить невесту и доложил Кларендону, что «лицо ее не настолько совершенно, чтобы назвать красивым, однако глаза прекрасны, и в ней нет ничего, что могло бы шокировать даже в малейшей степени». Не то чтобы это громкое одобрение, но для королевского союза вполне достаточно. Ее передние зубы немного выступали, а волосы были уложены на одну сторону по португальской моде. Говорят, в узком кругу король заметил: «Джентльмены, вы привезли мне летучую мышь». Сначала Екатерина попросила чашку чая, тогда это было новинкой. Вместо чая ей предложили бокал эля.

С ней приехали, как описал их граф де Грамон, «шесть страшилищ, которые называли себя фрейлинами, и дуэнья, тоже уродка, принявшая титул наставницы этих выдающихся красавиц». Массу насмешек вызывали также их огромные юбки с фижмами на китовом усе.

Екатерина имела серьезную конкуренцию. Король славился как ненасытный заядлый волокита. Пипс подсчитал, что еще до Реставрации у него было семнадцать любовниц. Джон Драйден в поэме «Авессалом и Ахитофель» пишет, что он щедро «разбрасывал свое семя по всей земле»[43]. А граф Рочестер в своих стихах прямо пишет, что «веселый король переходил от шлюхи к шлюхе безостановочно»[44].

От бывшей любовницы Люси Уолтер Карл имел сына, который в 1663 году станет герцогом Монмутом. Теперь место его фаворитки занимала Барбара Палмер, чей муж был пожалован в графы Каслмейн. Леди Каслмейн скоро стала необходимой для удовольствий его величества. Пипс

---

[43] Примечания: 43

Then, Israel's monarch, after Heaven's own heart, / His vigorous warmth did variously impart / Oh, prodigious change! / To wives and slaves: and, wide as his command, / Scatter'd his Maker's image through the land.

[44] Примечания: 44

Restless he rolls from whore to whore, / A merry monarch, scandalous and poor.

сообщал, что она властвовала королем, используя «все трюки Аретино [поэт непристойности]… в которых он был весьма ловок, имея большой…». Дальнейшее — молчание. Леди уже была на сносях к моменту приезда Екатерины в Англию.

Влечение короля к леди Каслмейн было так сильно, что он назначил ее фрейлиной при спальне своей жены. Екатерина возразила против столь удобной схемы, гнев ее привел к отчужденности в отношениях королевской четы. Новая английская королева принимала гостей в Хэмптон-Корте, когда ее муж ввел в комнату леди Каслмейн. Екатерина, по-видимому, не расслышала названного имени, поскольку встретила ее достаточно спокойно, но осознав, кто перед ней находится, королева разрыдалась и упала в обморок. Король пригласил Кларендона в качестве посредника, и в итоге королева отступила и пригласила свою соперницу.

На самом деле она полюбила своего мужа и ни в коем случае не хотела охладить его чувства к себе. Однако она не смогла выполнить свою главную роль: оказалось, что она не способна выносить ребенка, и не потому, что не пыталась. Итальянский путешественник при английском дворе Лоренцо Магалотти слышал, что королева

была «необыкновенно чувствительна к удовольствию» и после соития «из ее детородных органов шла кровь в таком большом количестве, что не останавливалась несколько дней».

Со временем король завел другую возлюбленную, Фрэнсис Стюарт. О ней граф де Грамон говорил, что трудно вообразить меньше ума в сочетании с большей красотой. Снабженная шлемом и трезубцем, она стала моделью для изображения Британии на английских монетах. Карл постоянно влюблялся то в одну, то в другую. От семнадцати известных любовниц он имел тринадцать внебрачных детей, некоторые из них стали герцогами или графами.

Сам королевский двор превратился в объект многочисленных сплетен и злословия. Маколей в эссе для журнала Edinburgh Review изложил безусловно преувеличенный случай: «Во дворце обнаружен мертвый ребенок, отпрыск какой-нибудь фрейлины от некоего придворного, а возможно, и самого Карла. На него слетается целая стая шутов и несет его в королевскую лабораторию, где его величество, после отвратительной остроты, препарирует его на потеху собравшихся, и, вероятно, отца ребенка среди всех прочих».

Правление святых сменило правление грешников, которые, казалось, соревновались друг с другом в пьянстве и распутстве. Когда епископ в королевской капелле наставлял против «неправильных увеселений», паства хохотала ему в лицо. После посещения двором Оксфорда ученый Энтони Вуд отметил, что «они вели себя как мерзкие животные, после своего отъезда в каждом углу оставили экскременты: в каминах, кабинетах, на угольных кучах, в винных погребах. Невежественные, невоспитанные развратники; самодовольные, пустые, легкомысленные». И конечно, в моральных устоях и манерах они следовали за своим королем. Нет сомнений, что и в других королевских дворах процветало расточительство и разврат — сразу вспоминается двор Вильгельма II, — но никогда они так не выставлялись на всеобщее обозрение и осуждение.

Вокруг короля сложился кружок «острословов»; среди них были Джордж Вильерс, герцог Бекингем и сэр Чарльз Седли. Обычно они собирались в апартаментах последней любовницы короля или в жилище печально известного Уильяма Чиффинча, который стал «хранителем личного кабинета короля». Наиболее значительный вклад умников в жизнь королевского двора составля-

ли крайне непристойные стихи и рассказы. Их остроумие проявлялось в словесной экстравагантности и мастерстве, каламбурах и намеках, или, как сформулировал Роберт Бойль, «тонкости понимания вещей… быстроте и ясности их выражения».

А предметов для насмешек находилось немало. Летом 1663 года Седли голым вышел на балкон гостиницы «Петух» на Боу-стрит и принялся, по словам Сэмюэла Пипса, изображать «все позы похоти и содомии, какие только можно себе вообразить, оскорбляя Священное Писание». Он произнес издевательскую проповедь, в которой объявил, что «продает такой порошок, который заставит бегать за ним всех сук города». После этого «он взял стакан вина, прополоскал в нем свой член, а потом выпил; затем взял еще один стакан и выпил за здоровье короля». Потом он начал «испражняться».

На следующий день его доставили к главному судье, который спросил, читал ли Седли наставление Генри Пичема для юношей «Совершенный джентльмен». Затем его обязали не нарушать покой короля под залог в 500 фунтов стерлингов, после чего Седли заявил, что «он первый человек, который платит за собственные фекалии».

Залог был внесен деньгами, взятыми у самого же короля.

37. На дороге

Во время пути Верный и Христианин встретили Краснобая, человека, который «издали выглядел приятнее, чем вблизи». Он вступил в беседу с друзьями-попутчиками.

Краснобай. Я могу поговорить о небесном и земном, о морали и евангельском, о духовном и мирском, о прошлом и будущем, о жизни за границей и дома, о важном и случайностях; главное — чтобы нам это пошло на пользу.

Он немного отошел от них, и Христианин с Верным начали обсуждать нового попутчика.

Верный. Так ты его знаешь?

Христианин. Как не знать! Лучше, чем он сам себя знает.

Верный. И кто же он?

Христианин. Его зовут *Краснобай.* Он из нашего города. Странно, что ты его не знаешь, хотя, конечно, город наш немаленький.

Верный. Из какой он семьи? И где живет?

Христианин. Он сын Болтуна, а живут они на Завиральной улице. Все, кто с ним знаком,

называют его *Краснобаем* с *Завиральной улицы*. Несмотря на хорошо подвешенный язык, это жалкий, дурной парень.

Верный. Да ну? А кажется очень приятным человеком.

Христианин. Так кажется, пока не узнаешь его получше. Это он чужим пускает пыль в глаза, а со своими ведет себя как скотина.

«Путешествие пилигрима» (The Pilgrim's Progress) Джона Баньяна нередко называют первой английской повестью. В этом произведении автор как будто видит в своем воображении реальных персонажей и просто записывает, что они говорят. Кроме того, он использует обычную речь своего времени, причем в таком объеме, что читатель может слышать, как говорят друг с другом простые люди конца XVII века. Однако «Путешествие пилигрима» больше чем повесть.

Джон Баньян родился в Бедфордшире в 1628 году, в детстве учился мало и, по всей вероятности, в основном самостоятельно. Он основательно знал английский перевод Библии и «Книгу мучеников» Фокса, но в юности любил читать баллады и романсы своего времени. В пятнадцать лет Баньян вступил в Армию нового образца, через три года демобилизовался, однако неизвестно,

принимал ли он участие в военных действиях.

После женитьбы на бедной девушке у него начался период духовных борений, отраженных в «Преизобилующей благодати» (Grace Abounding), он впал в отчаяние и ужас, а потом прельстился ложной надеждой. Все еще пребывая в тревоге и унынии, в 1655 году Баньян присоединился к баптистской церкви в Бедфорде. Он начал проповедовать перед паствой и постепенно обрел силу и уверенность. Его паства расширялась, и по этой причине он вошел в конфликт с властями. В 1661 году его посадили в бедфордскую тюрьму, где, отказавшись отречься от права проповедовать, он провел следующие одиннадцать лет. За это время Баньян написал много книг и трактатов, но самой популярной и значительной работой осталось «Путешествие пилигрима».

С одной стороны, произведение можно прочесть как рассказ о путешествии в XVII веке по ухабистым дорогам с грязью и лужами, через трясины и канавы, ямы и ямищи. Иной раз путешественникам приходится преодолевать крутые холмы, где они могут «поскользнуться пару раз». Время от времени они «сбиваются с дороги», а после «поворотов» и «разворотов» теряют друг друга из виду; «поэтому, встретившись наконец

под небольшим укрытием, они садятся там до рассвета и от усталости засыпают». Мы слышим лай собак при их приближении. Если не повезет, их могут принять за бродяг и посадить в колодки или в клетку. Если удача улыбнется, они найдут кров во время путешествия, где их спросят: «Что вы будете есть?»

Им, конечно, придется столкнуться с грабителями, ожидающими их на дороге: «Они подошли к нему и угрожающими словами заставили остановиться. *Маловерный* побледнел от страха, у него пропали силы и сопротивляться, и бежать. Тогда *Трус* сказал ему: “Доставай твой кошелек…” Уже потом *Маловерный* завопил: “Воры! Грабят!”»

Перед лицом таких опасностей путешественники собирались в компании, ради дружбы и безопасности.

— Тогда, я надеюсь, мы сможем насладиться вашим обществом.

— С радостью составлю вам компанию.

— Ладно, давайте пойдем вместе…

Такие фрагменты разговоров нередко звучат на дороге. Люди стремятся встретить друг друга и, опираясь на свои посохи, начинают беседу.

— Эта дорога ведет к Небесному граду?

— Вы стоите на верном пути.

— Далеко ли еще идти?

— Откуда вы родом?

— Вы нашли нужный путь?

Один приветствует другого вопросом «С кем вы встречались?» или «Что удалось увидеть?».

— Куда держите путь?

— Назад, обратно.

Некоторые путешественники не прочь «сократить путь и перебраться через стену». Какая разница, каким образом они достигнут своей цели? «Если мы вошли, мы здесь».

Живость прозы проистекает из ее непосредственности и современности. «Я однажды увидел его на улице, — рассказывает *Верный* о *Сговорчивом*, — но он сразу перешел на другую сторону, как будто стыдясь того, что сделал; так и не получилось поговорить с ним». *Христианин* спрашивает человека: «Кто ты?» — и слышит ответ: «Я тот, кем никогда не был». Он говорит *Надежде*: «Я бы, как говорится, дал за жизнь свою разве что единое пенни… этот человек был слаб и поэтому пошел к стене… А когда человек раздавлен, что он может еще сделать-то?» Простота и сила слога проходили проверку в суровых жизненных испытаниях, но рождались из чтения английской Библии. Слова являлись к нему как будто безот-

четно, но впитали ритм и образы Евангелий.

Кроме того, эти слова рождает личность Баньяна как кальвиниста. Читать «Путешествие пилигрима» — значит возвращаться в мир борьбы и горячих споров, где глубокая твердая вера была единственной опорой против мрака. Баньян совсем не похож на сатирические образы пасторов в драме XVII века *Tribulation Wholesome* (Горе Нравственное), *Snarl* (Путаница) или *Zeal-of-the-Land-Busy* (Занятый-благочестивымрвением-всей-страны). Он слишком безрассуден и целеустремлен, чтобы быть таким. *Христианин* решает отправиться в путешествие в одиночку, потому что «никто из моих соседей не понимал, что он в опасности, до такой степени, как понимал я». В этом суть, в осознании неминуемого саморазрушения. Это источник того, что он называл «хандрой», другими словами, отчаяния и помрачения рассудка, тоски, близкой к сумасшествию, которая поражает тех, кто считает, что ему угрожает духовное разрушение. Этот страх вдохновляет на жизнь все XVII столетие. Это страх того, что Баньян называет «бездонной бездной… из жерла которой с ужасающими звуками вырывается масса дыма с языками пламени». Чтобы быть спасенным безграничной и неожиданной

милостью Божией, пусть ты ее и недостоин, нужно пережить преобразование своей души. Вот он, взгляд мельком в сердцевину страстной духовности Англии XVII века.

38. Встать и помочиться

Состоятельный лондонец обычно носил дублет из сукна, расстегнутый спереди, чтобы показать рубашку и батистовый шейный платок; штаны длиной до колена, чулки и башмаки с пряжками завершали ансамбль. На улицу он надевал парик, шляпу с конусообразной тульей, короткий плащ, на боку у него виднелась шпага. Его жена, естественно, носила платье из шелковой парчи, присборенное, чтобы продемонстрировать стеганую нижнюю юбку; шею и плечи ее покрывала косынка, на голове — чепец по французской моде того времени.

Дом, в котором жили в период правления Карла I и Кромвеля, на современный вкус, наверное, показался бы скучным и незамысловатым: полы из гладкого дерева, некоторые стены обшиты панелями, потолки тоже закрыты дубовыми панелями. Комнаты солидные, хороших пропорций, но тесноваты, да и света там мало; полы в них скрипят на каждом шагу. Только ближе к концу XVII века светлые и легкие интерьеры стали популярны в обществе.

В домах тех, кто принадлежал к так называемому среднему классу, было от трех до семи комнат; семья обычно включала от четырех до семи человек, считая прислугу. В более богатых домах на первом этаже располагались прихожая, гостиная и кухня, а на втором — одна-две спальни. Излишеств было совсем не много. Изредка на окнах висели шторы, ковры и кресла использовались нечасто. Часы, зеркала и картины по-прежнему оставались относительно редкими в хозяйстве вещами, но ближе к концу века стали появляться чаще, тогда же приобрела популярность и профессия краснодеревщика, работающего с мебелью из ореха и красного дерева. Более состоятельные семьи могли позволить себе украсить некоторые стены гобеленами.

Их мебель нельзя назвать удобной. Она состояла из стульев с высокой спинкой, табуретов, сундуков и скамеек, иногда с несколькими подушками, чтобы не так жестко было сидеть на твердом дереве. Обеденный стол обычно не имел украшений, столовые приборы современного типа не использовались, посуда была чаще оловянная, чем керамическая. На буфете могли устроить выставку тарелок, но иного хвастовства наблюдалось мало. Комнаты отапливали углем.

Канализация находилась в самом зачаточном состоянии, лишь изредка встречаются упоминания об оловянном ночном горшке или «горшке, помещенном в стул». Свидетельств о каких-либо приспособлениях для мытья вообще нет.

Уважаемый горожанин мог заниматься торговлей как купец или коммерцией как лавочник, но ясного различия между разными городскими занятиями не существовало. В правление Карла II на Королевской бирже дела вели 3000 торговцев. В это время и внешняя торговля, и отечественная промышленность, и судоходство — все переживало бурный рост накануне периода, который историки XX века назовут Промышленной революцией. В опубликованном в 1670 году «Трактате о торговле» (A Discourse of Trade) Роджер Кук утверждал, что «торговля теперь стала той дамой, которую в наше время больше чем когда-либо обхаживают и прославляют все правители и владыки мира». В список импортируемых товаров входили табак, сахар, индиго и имбирь из колоний, а также индийские хлопчатобумажные ткани. Значительная часть этих товаров затем реэкспортировалась на английских судах в континентальную Европу.

Нельзя забывать о джентри и местных вождях

графств, поскольку в этот период они осуществляли полный контроль над своими территориями. Это было время, когда укрепились старые принципы социальной иерархии. «Кавалерский парламент» распространил власть местной аристократии на такие дела, как контроль над милицией и реализация Закона о бедных. Мировые судьи вели практически все местные дела, от заключения под стражу бродяг до наложения штрафов на приходских служащих за нарушения в работе.

Мелкопоместное дворянство после неудачного эксперимента с республикой вновь обрело свою роль в качестве лидеров местного общества, но, похоже, не вернулось к прежнему благодушию. Многие из них обратили пристальное внимание на новые агротехнические приемы. Даже фермеры занялись так называемыми усовершенствованиями, которые повышали производительность земли. В этот период страна была в состоянии экспортировать зерно в материковую Европу.

Тогда же возник большой класс «специалистов»; основными среди них были юристы и врачи, но бухгалтеры и профессиональные управляющие поместьями тоже встречались. Лучшим в этом классе стал для потомков Сэмюэл Пипс, в

своем дневнике он в определенном смысле дает отражение своей эпохи. В момент первой записи ему двадцать шесть лет, он живет с женой в Экс-Ярде недалеко от Даунинг-стрит, его вот-вот назначат секретарем лорд-адмирала Эдварда Монтегю. Это было время, когда снова собралось «Охвостье парламента», а генерал Монк начинал свой марш из Шотландии.

Итак, мы читаем, что 3 января 1660 года «мистер Шепли, Холи и Мур обедали со мной говядиной с капустой и соленой свининой». Мясо было главным продуктом питания в то время, и примечательно, что у Пипса на столе два вида мяса. Обедали тогда в полдень. В другой раз Пипсу подавали блюдо с мозговыми косточками и баранью ногу, филей телятины и блюдо из птицы вместе с двумя дюжинами жаворонков. Были и рыбные обеды, но, когда ему предложили блюдо из осетрины, «я увидел много маленьких ползущих червячков, думаю, из-за несвежего маринада».

Пил он эль и «крепкую воду», по всей видимости джин. После обеда нередко устраивалась «сумасшедшая суета» с играми и фантами. Спортивные игры были самые разные, включая ту, которую Пипс называл «метание в петухов»: нужно было попасть палкой в птицу, привязанную

за ногу. Тому, кто оглушал птицу, разрешалось ее приготовить и съесть. Кроме того, он посещал петушиные бои на новой арене у Шу-Лейн. Из его записей становится известно и о других событиях того времени. Осенью 1661 года появилась новая болезнь с «лихорадочным ознобом и жаром».

Чистоплотность той эпохи, по всей видимости, весьма сомнительна. Запах стоял, «будто на здании ведомства лежала лопата дерьма». Пипс пошил костюм из плаща, который вонял, «будто на него нагадили с год назад». «Этой ночью мне приснился сон, что я описался, проснулся — так и есть». Направляясь в Гилдхолл, он «по дороге зашел опорожниться в дом мистера Ролинсона». Однажды он забыл взять на ночь горшок, «поэтому пришлось встать и помочиться в камин». В театре «одна дама по ошибке наплевала» на него, «не заметив». Иногда он мылся теплой водой, иногда мыл ноги, но такие события случались достаточно редко, судя по тому, что они удостаивались упоминания. Его жена Элизабет сходила в общественную баню, после чего Пипс написал: «Она считает, что теперь никакая грязь к ней не пристанет, — могу только гадать, как долго это продлится». Понятное дело, что в следующий раз «она мылась целый день, после четырех-пяти

недель в постоянной грязи». Однако два месяца спустя появилась следующая запись: «Она обнаружила, что я завшивел, найдя у меня на голове и теле больше двадцати вшей, маленьких и больших».

Он был разборчив в одежде. Пипс заказал бархатный камзол, который называл «цветным костюмом до колен» с чулками того же цвета, поясом и новой шпагой с золоченым эфесом, а также черный костюм на белой подкладке. Осенью 1663 года он купил новое мохнатое пальто, отделанное золотыми пуговицами, и два парика. Потом он решил, что постижер должен остричь ему волосы и сделать из них еще один парик: «Затем я приказал всем моим служанкам посмотреть на меня в этом парике, и они пришли к выводу, что парик мне идет». Вскоре после того он приобрел еще и черный костюм из сукна, отделанный пурпурной тесьмой, и плащ на бархатной подкладке. «Одежда, — писал он, — великое дело». Он выходил на улицу, «конечно, чтобы немного побахвалиться своим новым костюмом». Бедняга тот, «кто ходит без перчаток».

Это было общество, жившее напоказ, в котором главные фигуры тоже были актерами. В ярком костюме и новом парике Пипс мог совершать

променад с женой в определенных элитных местах, например в районе Грейз-Инн, а их вещи за ними «несла женщина». Было совершенно обычным делом остановить и спросить «простого» человека, не готов ли он или она за небольшую плату сделать то или это. В отношении к слугам могли проявлять суровость, даже в относительно миролюбивой семье Пипса. Пипс иногда бил своего мальчика, пока у него не начинала болеть рука, а Элизабет была обязана «бить маленькую девочку»: «Потом мы запирали ее в подвале, и там она сидела всю ночь».

Достаточно хорошо известны его приключения с женщинами. Когда в окне винного магазина заметили, что он целует женщину, кто-то с улицы крикнул: «Сэр, почему вы так целуете благородную даму?» — и бросил в окно камнем. Он решил присоединиться к приходу церкви Святого Диониса в лондонском Сити после того, как заметил, что «туда ходит много прекрасных женщин». Он всегда с вожделением смотрел на них и старался прикоснуться. Одна молодая леди, из прихода другой церкви, достала из кармана несколько булавок, чтобы колоть его, если он будет приставать. О своих сексуальных опытах он писал шифром: «mi cosa голый», например, значило

«мой обнаженный пенис». Он «продвигался» и «получал», как он говорил, много раз. Однако мог удовлетвориться и меньшим. «Я сел в экипаж, где была миссис Книпп, и взял ее к себе на колени (в экипаже не было свободных мест), ласкал ее грудь и напевал».

Насилие на улицах не было редкостью. При одной ссоре он дал своему противнику «пару хороших пощечин, а увидев, что он не отвечает, добавил еще одну». Констебль с караульным ходили по улицам, чтобы предотвращать озорство и нарушения порядка. Однажды они заметили, что на заднем дворе Пипса не закрыта дверь, «и поэтому вошли, чтобы проверить, в чем дело».

Пипс «увлекался картами». Карты и азартные игры в целом были популярным развлечением того времени. Играли все классы общества, лотереи использовались для пополнения общественных финансов. Однажды Пипс заплатил 18 пенсов, чтобы вступить в «кофейный клуб» острова Рота, члены которого встречались в таверне «Голова турка» на Джеррард-стрит. Кофейни появились в Лондоне восемь лет назад и сразу стали очень популярны среди торговцев и юристов Лондона. Однако торговцы и юристы не остались в одиночестве. Роджер Лестрейндж

сетовал, что «каждый извозчик и грузчик теперь государственный деятель, и, конечно, кофейни вполне им подходят». Никакого внимания не обращалось на «положение и чины», и в кофейне, согласно автору сатирической поэмы «Гудибрас» (Hudibras) Сэмюэлу Батлеру, вместе сидели «джентльмен, ремесленник, лорд и разбойник».

В городе, где главную роль играли беседы и размышления, новости и слухи, кофейни были единственным важнейшим общественным местом отдыха и сбора информации. Лондон описывали по кофейням, стало обычным делом адресовать письма лондонцу «в “Греческую”» или «в “Радугу”». Маколей сказал, что кофейни практически превратились в политический институт. Однако в них обсуждали не только «свежие новости». Один раз Пипс «долго сидел с несколькими джентльменами за хорошей беседой о Римской империи». В конце 1664 года он заглянул в кофейню, чтобы попробовать новый напиток «шоколад»: «очень вкусно».

А затем «после обеда мы очень славно попели хором, а один из нас, Хазард, спел соло на старинный манер». Музыка и пение раздавались повсюду. Устраивались «песни по кругу». Ожидая адвоката, Пипс «сидел в его кабинете и пел». Пе-

ред сном Пипс часто играл на лютне. В одном из залов кофейни он слышал разные итальянские и испанские песни, а также канон для двух голосов на слова *domine salvum fac regem*. Зайдя провести время в «Эпсом Уэлс», он заметил нескольких горожан, которые, случайно встретившись, вместе пели хором. Пипс со своим молодым слугой привыкли вместе исполнять псалмы и церковные песнопения. Во время эпидемии чумы он нанял лодку, где уже был один пассажир, чтобы «вместе петь всю дорогу».

Как многие его современники, Пипс, похоже, без предвзятости смотрел на превратности веры и религиозного рвения. Одним воскресеньем он «вышел на улицу и заглянул в несколько церквей». Если ему нравилась проповедь, он мог остаться до конца, но несколько раз случалось, что во время молитвы он погружался в сон. Когда изобретатель сэр Сэмюэл Морланд и его жена вошли в церковь с двумя лакеями в ливреях, паства обратила «на них большое внимание», особенно «провожали взглядом до кареты после проповеди». Он отметил также: «Я рассматриваю религию, будь она чем хочет, как причуду… и поэтому ценю ее, как все остальные вещи». Однако находилось место и суевериям. Он носил с

собой заячью лапку как амулет, защищающий от болезней, но его товарищ заметил, что действие амулета не распространяется на других. Как только он потрогал лапку, его «живот начал бурлить и пускать газы».

При работе в Военно-морском ведомстве было обычным делом принимать подарки от различных претендентов на должность или привилегии. Однажды ему в оплату за «любезность» по очереди поднесли рапиру, бочку вина, халат и серебряную ленту для шляпы. Его начальник Монтегю говорил Пипсу: «За это время я сделаю для тебя все, что в моих силах, чтоб ты заработал». Он жаждал извлечь прибыль из найма нескольких судов для службы в Танжере; он получил долю от выручки, «которой не требовал, но с которой молча согласился». Когда ему вручали пакет с деньгами, он вынимал золотой или несколько монет серебром, все время отводя взгляд, будто намекая: «Я могу сказать, что не видел денег в бумагах, если меня когда-нибудь об этом спросят». Коммерция любого рода составляла суть государства, и Пипс стремился найти своему брату хорошую жену, «стоимостью в двести фунтов в живых деньгах». При дворе, писал он, царили «похоть и выгода».

У него было несколько любопытных знакомств. Он записал, как один джентльмен в течение одного 1659 года служил восьми разным правительствам, «и он действительно перечислил все, а потом с девятым, к сожалению, потерпел неудачу, а именно с тем, которое пришло с королем». Пипс находился рядом с королем, когда одна женщина из квакеров передала ему петицию. Карл заспорил с ней, а «она только повторяла “О король!”» и все время «тыкала» ему. Пипс имел беседу с экспериментатором Джоном Спонгом, который рассказал ему, что «с помощью микроскопа собственной конструкции обнаружил, что крылья у моли устроены так же, как перья крыла птицы». Пока Пипс и Спонг беседовали, нескольких сектантов арестовали за посещение тайного молитвенного собрания. Пипс добавил, что «они шли, как овцы, не оказывая никакого сопротивления». Тогда было обычным для мужчин и женщин лить слезы и от радости, и от горя.

Это была эпоха научных наблюдений и экспериментов. Один знакомый притащил в дом Пипса 12-футовое стекло, через которое они пытались разглядеть Луну, Сатурн и Юпитер. На улице Пипс случайно встретил Роберта Гука, и экспериментатор сказал ему, что может подсчитать количество

взмахов, которые муха делает своими крыльями. До этой встречи Пипс ходил на лекцию Гука по искусству сбивать войлок. Во время путешествия на лодке из Ротерхита в Грейвсенд он читал книгу Роберта Бойля «Гидростатические парадоксы» (Hydrostatical Paradoxes).

Пипс обратил внимание на «замечательную редкость: рыбок, которые живут в стеклянном сосуде с водой». Когда он купил часы, они ему так нравились, что он постоянно держал их в руке и «по 100 раз смотрел, сколько сейчас времени». Он посетил загородный дом ювелира сэра Роберта Вайнера. Там «он показал своего черного мальчика, который умер от туберкулеза; после смерти он приказал высушить тело в печи, и теперь мальчик лежит в ящике целый». Стало очень модно иметь чернокожих слуг, рабов, привезенных из Западной Африки.

В День благодарения, 14 августа 1666 года, на праздновании недавней морской победы над голландцами, семья и друзья Пипса очень веселились, «кидая фейерверки и поджигая друг друга и людей по другую сторону улицы». Потом они начали «мазать друг друга свечным жиром и сажей, пока большинство… не стали похожи на чертей». Они пили, танцевали и наряжались в маскарад-

ные костюмы. Один мужчина нарядился в слугу и танцевал джигу; Элизабет Пипс с подругами надели парики. Пипс время от времени замечал, что без компании мало удовольствия.

Об этой эпохе напоминают несколько устойчивых выражений, например «он говорил, как свинья» (he talked hoghigh). «Я как на сносях…» (I am with child that) или «Я изболелся из-за…» (I am in pain for) означают «Я с нетерпением жду чего-то или надвигающегося события». Чьи-то нелепые выходки «заставят смеяться только собаку». «Я смеялся так, что чуть не взорвался». «Если поставила тесто, то пусть спечет».

Однажды зимней ночью, пишет Пипс, под его окном прошел ночной сторож, он звонил в колокольчик и кричал: «Час ночи, холодно и ветрено». Пора в постель.

39. «Еще не умер?»

Надежды, сопровождавшие правление Карла в самом его начале, рассеялись. Стало ясно, что он не идет ни в какое сравнение с Оливером Кромвелем. Былых кавалеров глубоко возмущали безнравственный двор и скверное управление страной. Государственные доходы тратились неразумно, а сам король проводил время за карточным столом и, как сказал Джон Ивлин, «самодовольно проматывал горы золота». Важнейшие вопросы политики и религии не могли получить решения в атмосфере свар между кликами, коррупции, цинизма, постоянных склок; единственное, что объединяло королевских министров, — взаимная ненависть. Королю не хватало терпения или ума, чтобы разработать четкий политический курс или сформулировать хотя бы идеи этого курса. Он был немногословен и скрытен, избегал лишний раз высказывать свое мнение о людях и их делах. В 1662 году Кларендон писал герцогу Ормонду: «Самое ужасное, что король как никогда раздражен, мало занимается делами. Это разбивает мне сердце, заставляет ме-

ня и других ваших друзей чувствовать усталость от жизни».

Однако и самого Кларендона, наиболее значительную и лояльную фигуру режима, тоже резко критиковали. Осенью 1662 года выяснилось, что именно он сыграл главную роль в продаже французам Дюнкерка. Солдаты Кромвеля отбили крепость у испанцев, а теперь единственное английское владение в континентальной Европе надо передать старому врагу страны. Для продажи существовали основательные причины: содержание порта обходилось недешево, а существенного значения для национальных интересов он никоим образом не имел, однако его сдачу (именно так называли это решение) расценили как акт предательства. Кларендона обвинили в том, что он принял от французов взятку, и большой особняк, который он тогда строил в Лондоне, прозвали «Дюнкерк-Хаус». Торговцы особенно опасались, что Дюнкерк превратят в базу для каперов и будут захватывать их корабли. Когда известие о продаже распалило толпы лондонцев, городские ворота закрыли и удвоили караулы в разных очагах напряженности.

В конце года король попытался успокоить религиозные противоречия в стране принятием

«Декларации о веротерпимости», в которой выразил сожаление, что не смог установить «свободу умиротворенной совести». Он предложил парламенту предоставить ему право освободить часть подданных от исполнения «Акта о единообразии» и начать отменять уголовное преследование тех католиков, которые «будут жить мирно, скромно и без скандалов». Это самое очевидное из возможных свидетельств, что парламент слишком далеко зашел в навязывании Англиканской церкви всему королевству. За эти действия он мог также винить Кларендона. Лорд-канцлер тогда мучился подагрой, находился дома и не имел возможности возразить.

Однако обращение короля было проигнорировано. Когда в феврале 1663 года открылась четвертая сессия «Кавалерского парламента», палата общин отказалась ратифицировать его декларацию. Королю пришлось прекратить обсуждение этого дела, чтобы избежать возможной конфронтации. На самом деле это было знаменательным поражением, поскольку он оказался не способен обеспечить королевскую прерогативу в религиозном вопросе. Весной 1663 года был принят новый «Закон о милиции», по которому местная милиция реформировалась и переда-

валась под контроль лорд-лейтенантов каждого графства; им предоставлялись достаточные средства, чтобы рекрутировать большее количество людей. Сообщалось, что эта мера необходима для борьбы с постоянной угрозой заговоров и подстрекательств к бунту, но некоторых всерьез пугала вероятность, что король может использовать войска в других целях.

Однако приоритетом был военный флот, а не армия. Когда парламент снова возобновил работу весной 1664 года, одной из его первых мер стало принятие декларации или «резолюции о торговле», направленной против голландцев. В декларации высказывалось недовольство тем, что «подданные Соединенных провинций» нарушают королевские права в Индии, Африке и других местах, нападая на английских купцов, и ближе к дому также наносят тем «ущерб, обиды и телесные повреждения». Считалось, что голландцы хотят установить торговую монополию по всему известному миру, что было не менее опасно, чем «всемирная монархия», к которой стремится Людовик XIV.

Поэтому Голландскую республику рассматривали как угрозу английским кораблям и английской торговле, но, разумеется, и само

существование республиканского строя могло считаться серьезной опасностью для Английского королевства. Религия врага была по характеру кальвинистской, и существовали опасения, что голландцы будут поддерживать дело своих единоверцев в Англии; в связи с этим они могут внести разлад между королем и государственной религией. «Торговая резолюция» представляла собой проявление англиканского роялизма, который отстаивали и палата лордов, и палата общин. Рвению палаты общин, в частности, соответствовали и ее действия. Общины согласились выделить королю беспрецедентную сумму в 2,5 миллиона фунтов стерлингов на ведение военных действий.

Официальное объявление войны состоялось в феврале 1665 года, после многомесячной подготовки. Дело, похоже, получило большую поддержку, насколько можно судить о таких вещах, особенно среди тех купцов и торговцев, которые получили бы выгоду от проблем голландской коммерции. Одним из заинтересованных лиц был брат короля Яков, герцог Йоркский. Он руководил Королевской Африканской компанией, которая специализировалась на работорговле, вкладывал деньги и в другие коммерческие пред-

приятия. Конфликт, таким образом, описывали как первую чисто торговую войну в английской истории. Один торговец пенькой, капитан Кок, сформулировал так: «Мировая торговля слишком мала для нас двоих, поэтому один должен потонуть».

В начале июня англичане под командованием герцога Йоркского одержали большую победу у Лоустофта: было захвачено или потоплено двадцать шесть голландских судов. Оба флота шли кильватерными колоннами, стреляя из пушек в борта и такелаж кораблей противника, пока один или более кораблей не «нарушали строй», — в этом случае поврежденные суда брали на абордаж или топили брандерами. Сражение шло несколько часов.

Звуки орудийных выстрелов долетали даже до Лондона. Джон Драйден в своем эссе вспоминал, что «грохот пушек обоих флотов достигал наших ушей по всему городу, поэтому каждый человек пребывал в тревоге, в ужасном ожидании исхода события, которое тогда имело решающее значение. Каждый шел за звуком туда, куда вело его воображение…». Успех мог бы быть еще более впечатляющим, если бы один придворный, пока герцог Йоркский спал в своей каюте, не приказал

прекратить преследование уцелевших голландских кораблей — то ли из страха разбудить герцога, то ли снова договорившись с неприятелем, неизвестно. В любом случае победный напор не развернули в большую войну.

В августе эскадра английских кораблей атаковала торговый конвой, но атака была отбита. В том же месяце флотилия под командованием графа Сэндвича задержалась у берегов графства Саффолк в результате плохо налаженного снабжения продовольствием, а затем провела следующие несколько недель, выслеживая голландские корабли в условиях шторма и дождя. Несколько кораблей захватили, но, когда трофеи распределили между адмиралами, в адрес Сэндвича посыпались обвинения в обмане и воровстве. Ему так никогда и не удалось доказать ложность обвинений, да и весь военный флот, казалось, погряз в коррупции. Графа сняли с должности и отправили в качестве посла в Испанию. Позже, в том же году, когда английские корабли стояли на ремонте, несколько голландских судов вошли в устье Темзы и заблокировали его. Блокаду сняли только тогда, когда болезни и нехватка продовольствия заставили голландцев вернуться домой. Эта блокада отразилась на

величине налогов и нестабильности торговли, которые уже затронули коммерсантов. Внешняя торговля серьезно сократилась вследствие войны в открытых морях, торговля на Балтике упала практически до нуля. Производство шерсти, главного продукта английского экспорта, тоже снизилось. Война, начатая ради торговли, превратилась в войну, губительную для торговли.

Однако на улицах Лондона объявилась куда более страшная опасность. В дневниковой записи от 7 июня 1665 года Сэмюэл Пипс описал «самый рискованный день в [его] жизни»: «Сегодня, совсем того не желая, я увидел на Друри-Лейн два или три дома, отмеченные красным крестом на дверях и надписью “Господи, помилуй нас” — знак весьма печальный. Мне впервые в своей жизни довелось видеть такое, насколько помню. Я сразу стал думать, а не болен ли я и как я пахну, поэтому пришлось купить табаку, чтобы нюхать и жевать. Это избавило от опасений».

В Лондон вернулась чума. Инфицированные дома закрыли, жертвы зачастую оставались внутри, и на дверях рисовали красный крест высотой в 0,3 метра. Пипс купил табак в качестве терапевтической меры предосторожности.

Наступило время риска и жуткого страха. Пер-

выми признаками болезни были «пятна» на коже, через три-четыре дня на теле появлялись «бубоны», или карбункулы, и, если они не нагнаивались, смерть становилась неизбежной. Многих больных привязывали к постели, когда они начинали бесноваться.

«Чумные подводы» ездили по улицам и переулкам с грудой трупов, чтобы выгрузить их в одну из многих ям, выкопанных для этой цели. Сообщалось, что еще живые страдальцы сами бросались в эту кучу мертвых. Некоторые лежали на улице, мертвые и умирающие. Другие, стеная, уходили в поля, окружавшие Лондон. Кто-то запирался дома, а те, кто рисковал выйти на улицу, со страхом смотрели друг на друга: «Еще не умер?» — «До сих пор жив?» Одни отчаянно пели, танцевали и пьянствовали в разнообразных сборищах. Другие, напротив, впадали от отчаяния в ступор. Ходили слухи, что повсюду бродят демоны в человеческом обличье (их называли «пустыми людьми») и все, кого они встретят, скоро умрут.

По улицам шатались предсказатели и фанатики, выкрикивая свои угрозы и предостережения. Один из них ходил голым с кастрюлей горящих углей на голове и призывал на грешный город кару Господню. В обжигающе жаркие июль и август

чума еще сильнее распространилась. Главные дороги Лондона заросли травой. В сентябре трое суток поддерживали горение костров из угля, по одному на каждые двенадцать домов. Однако это не принесло результата. Каждую неделю списки погибших пополнялись на 10 000 человек. Казалось, вскоре в городе никого не останется. Но в начале декабря эпидемия отступила, и новый год ознаменовался возвращением многих лондонских семей, которые в панике покинули город. По разным подсчетам, умерло около 100 000 горожан.

Новый, 1666 год сулил несчастья. Это число давно считали угрожающим, возвещающим о пришествии Антихриста; для некоторых оно означало пламя Апокалипсиса. В своей латинской форме MDCLXVI число уникально, поскольку включает по одному разу каждую римскую цифру в обратной последовательности. Солнечное затмение в начале июля того года убедило многих, что приближается конец света.

Прогнозы нигде не предвещали ничего хорошего. Король Франции подписал договор с голландцами и в начале года объявил войну Англии. На самом деле он не помогал своему новому союзнику, но французское вмешательство усили-

ло тревогу общества по поводу ведения военных действий. Денег не было, и государственный казначей, 4-й граф Саутгемптон, спросил Сэмюэла Пипса, служащего Военно-морского ведомства: «Что вы хотите, чтобы я сделал? Я за свою жизнь отдал все, что мог. Почему бы народу не дать взаймы свои деньги? Почему бы им не поверить королю, как когда-то Оливеру?» Упоминание об успехе Кромвеля любопытно. Страна не получила пользы, не приобрела существенных выгод от безрезультатных и бесславных сражений с голландцами.

В любом случае голландцы по-прежнему оставались грозным противником. Битва в начале июня у фламандского и английского берегов продолжалась четыре дня, и в результате англичане потеряли вдвое больше кораблей и людей, чем неприятель. Обе стороны довели друг друга до истощения, и, как сказал один английский командир, «они были так же рады освободиться от нас, как мы от них». Это был отчаянный и кровавый бой, в котором погибло 6000 англичан. Многих из них нашли плавающими в море. Они были одеты в темные «воскресные одежды» — вербовщики забрали их в солдаты на выходе из церкви с воскресной службы.

Неделю спустя пришли известия, что французы захватили колонию Сент-Китс. Людовик XIV решил принять более активное участие в морской борьбе и приказал своему флоту выходить в море. Такое развитие событий убедило многих, что правительство и король находятся на грани свержения. Однако сражение в конце июля предоставило возможность для некоторого торжества: английский флот преследовал убегающих голландцев в Северном море около тридцати шести часов. Перед началом схватки раздался клич: «Если мы не разгромим их сейчас, то не сделаем этого никогда!» Но все участники уже устали от войны, которая будет продолжаться еще целый год.

Лондон не избежал нового кошмара. После беды с чумой небольшая труба пекарни на Паддинг-Лейн дала начало катастрофической силы пожару, который пожрет огромную часть города. Было самое начало сентября 1666 года. Необычно жаркий август высушил соломенные крыши и дерево остовов городских домов, юго-восточный ветер сносил огонь к Лондонскому мосту и Фиш-стрит.

Пожар неумолимо съедал город в западном направлении. Джон Ивлин отметил, что «шум, треск

и гул стремительного пламени; визг женщин и детей; суета людей; обрушение башен, домов и церквей — все вместе было похоже на ужасный ураган, а воздух вокруг настолько раскалился, что в последний момент стало невозможно приблизиться к пожару». Расплавившийся свинец с крыши собора Святого Павла тек по улицам, по словам Джона Ивлина, «сверкая огненно-красным цветом». Гилдхолл стоял, охваченный пламенем, как горящий уголь. Люди направлялись к воде или бежали в поля на севере города, ища убежища от искр, которые дождем сыпались на них. Дым от пожара растянулся на 80,5 километра. Однако не все в ужасе убежали. Король и его брат, Карл и Яков, сами созывали людей на защиту города и даже присоединились к тем, кто старался сдержать распространение огня.

Пожар стих через три дня, уничтожив пять шестых города, оставив после себя полосу разрушения и опустошения полторы мили в длину и полмили в ширину. Когда Джон Ивлин пробирался среди развалин, земля под ногами была еще горяча, он часто не понимал, где находится. Однако жизнеспособность города серьезно не пострадала. В течение года восстановился обычный ритм торговли и коммерции, началось восста-

новление домов в кирпиче и камне. За два года после Большого лондонского пожара было построено 1200 домов, а в следующем году еще 1600. К 1677 году большинство городских зданий снова стояли на своем месте. Говорили, что Лондон вырос почти так же быстро, как и разрушился.

Однако роковой год, похоже, оправдывал дурные предзнаменования. Через месяц после пожара парламент собрался в состоянии мрачной тревоги. Повсюду ходили толки о заговоре французов и голландцев. Католиков и квакеров тоже обвиняли. Один из вернувшихся в парламент, Роджер Пипс, двоюродный брат Сэмюэла, пророчил, что «нас всех очень скоро разорят». Всей стране объявили общий пост в качестве епитимьи за то, что Джон Ивлин описал как «нашу чудовищную неблагодарность, нестерпимые страсти, распутный двор, нечестивую и гадкую жизнь». Тогда же король предписал изгнать из двора все французское и вместо того носить простой «персидский» камзол и кафтан. Этот жест задумывался, чтобы продемонстрировать стремление к бережливости, но по сути свидетельствовал о его легкомыслии; в любом случае от «персидского» стиля скоро отказались.

После активных дебатов и тщательного иссле-

дования расчетов, представленных Военно-морским ведомством, королю выделили солидные средства на еще один год войны, однако разгорелись жаркие споры, как обеспечить получение ассигнованных средств. Ввести налог на очаги или подушный налог? Ответа не знал никто. Пока парламентарии обсуждали этот вопрос, поползли слухи, что французы готовят вторжение, но слухи сочли уловкой правительства, чтобы ускорить принятие решения.

Размер налогообложения в итоге определили в середине января 1667 года, но денег, естественно, не собрали. В следующем месяце Военно-морское ведомство объявило герцогу Йоркскому: «Мы осознаем абсолютную невозможность исполнить то, что его величество и ваше королевское высочество, по всей видимости, ожидают от нас». Верфи стояли без материалов и не работали. Моряков, лишенных заработной платы и даже самого необходимого для жизни, несколько раз подбивали на мятеж. Финансисты Сити отказались давать заем, казна была пуста.

Наступило время договариваться о мире. Король и его Совет осторожно начали переговорный процесс с голландцами, а сам Карл одновременно вступил в личные переговоры с королем Фран-

ции. У них не было причин воевать друг с другом, и в итоге они согласовали, что стоит воздержаться от взаимных враждебных действий. Карл также надеялся, что его собрат монарх сможет убедить или заставить своих союзников голландцев подписать подобное соглашение. Карл и Людовик передавали письма через Генриетту Марию, соответственно мать и тетку по отцовской линии двух королей. Король Англии держал это дело в секрете даже от самых приближенных советников, подчеркивая таким образом свою склонность к закулисной игре.

Тем временем, чтобы сократить расходы, Тайному совету оставалось только сократить масштаб военно-морских операций. В море выйдут только «летние конвои» военных кораблей для охраны торговых судов. Считалось также, что, поскольку война идет к концу, активные действия скоро прекратятся. Такое снижение боеспособности прямо привело к одному из самых унизительных эпизодов в английской военно-морской истории.

В начале мая 1667 года в городе Бреда началась большая конференция между воюющими сторонами. Однако вскоре голландцам стало понятно, что англичане не готовы проявлять чрезмерную

щедрость на переговорах. Соответственно, они решили в последний раз применить силу, чтобы добиться уступок и ускорить переговорный процесс. В следующем месяце голландцы предприняли рейд в устье Темзы. Они разгромили оборонительные сооружения Чэтемской гавани, сожгли четыре корабля, а затем увели с собой неповрежденным самый большой корабль английского флота «Король Карл».

На улицах Лондона поднялась паника. Говорили, что голландцы наступают, на защиту города созвали милиционные отряды. В самом деле, флот противника без особых сложностей мог дойти до Лондонского моста. Поступали сообщения, что Харидж, Колчестер и Дувр уже сожгли. Эти сообщения не соответствовали действительности, но события в Чэтеме были и символическим, и также военно-морским бедствием. Член парламента Джон Рашуорт писал, что «люди готовы рвать на себе волосы». Сэр Уильям Баттен, судовой эксперт военно-морского флота, воскликнул: «Черт подери! Это дьявол гадит за голландцев!»

Теперь голландцы находились в выигрышном положении, и король, униженный и дома, и за границей, уступил некоторым из их требований. Переговоры строились на принципе *uti possidetis*,

по которому стороны сохраняли за собой то, что захватили в ходе конфликта. В результате Англия отдала значительную территорию Вест-Индии Франции, а драгоценный остров мускатного ореха, Рун, часть Индонезии, — Голландии. Однако, в свою очередь, она сохранила за собой Новые Нидерланды, колониальную провинцию, в которую входили будущие штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавэр и Коннектикут. Однако на тот момент выгоды не компенсировали утрату национального престижа.

После бедствия в Чэтеме в воздухе опять начали носиться разговоры о коррупции и заговоре. Одни обвиняли католиков, другие — даже епископов. Говорили, что, когда напали голландцы, король ловил ночную бабочку в апартаментах леди Каслмейн. Многие предполагали, что, поскольку король так плохо управляет страной, она снова восстанет против Стюартов и станет республикой. Карлу не доверяли, его не любили, существовали опасения, что он вместе с Людовиком XIV устраивает какой-то папистский заговор с целью установить абсолютную монархию. Во времена опасностей и несчастий страх становится заразной болезнью.

Тем не менее общественное мнение обрати-

лось прежде всего против Кларендона, которого обвинили (совершенно несправедливо) в плохом ведении войны. В действительности он с самого начала возражал против войны, но в итоге стал удобным козлом отпущения. Кларендона всегда недолюбливали мужчины и женщины, окружавшие короля (Джон Ивлин называл их «шутами и *девушками*»), хотя при всех их попытках обвинить его в каких-то преступлениях он уже получил титул графа Бристоля и место в палате лордов. Однако теперь канцлер находился в гораздо большей опасности. Говорили, что сам король ополчился на него. Карлу не нравилось, когда ему читали нотации или относились к нему свысока; он вообще испытывал неловкость в присутствии людей серьезных. Не то чтобы Кларендон раздражал короля, он ему надоедал. Парламент не любил Кларендона за горячую поддержку прерогативы короля, диссентеры — за столь же страстное покровительство государственной Церкви. Историк своего времени Гилберт Бернет писал, что «его самой большой ошибкой было то, что он взял на себя слишком многое и во все совал свой нос».

Теперь враги Кларендона объединились, чтобы покончить с ним. В начале августа у него умерла

жена, и подлинное горе не оставило сил активно защищать себя. Отсутствие Кларендона на заседаниях Тайного совета позволило другим советникам возвысить на него голос. Королю сказали, что Кларендон не позволял словам других советников достигать его ушей, а на самих заседаниях Тайного совета вообще не допускал свободной дискуссии. Таким образом, все беды королевства, в той или иной форме, можно было возложить на голову Кларендона. Если его убрать, враждебность в отношении королевской администрации может утихнуть. Его отставка, конечно, порадует палату общин, которая давно презирает Кларендона; возможно, это поможет смягчить настроение на следующей сессии.

В середине августа король отправил герцога Йоркского к лорд-канцлеру с предложением подать в отставку. Кларендон неблагоразумно отказался, и через неделю, 25 августа, поступило более категоричное требование незамедлительно отдать должностные печати. Кларендон опять отказался. Это дело стало главной новостью королевского двора, и Карлу требовалось доказать свою власть перед этим слишком самоуверенным советником. Король с удвоенной яростью затребовал печати, и в конце концов они были

отданы.

Король сказал одному из друзей Кларендона, герцогу Ормонду: «Его поведение и характер стали настолько непереносимы и для меня, и для всех остальных, что я больше не мог этого терпеть, невозможно было жить с этим, и пришлось нам с парламентом сделать то, что должно; в противном случае правительство было бы потеряно». Тем не менее дело было не таким уж и ясным. Пипсу говорили, что тут есть много причин, о которых не стоит «говорить вслух». Король мог искренне верить, что лорд-канцлер уже не справляется с делами, но существуют версии, что Кларендон каким-то образом помешал личной жизни короля: к примеру, поспособствовал неожиданному замужеству одной из королевских любовниц. Спустя века невозможно распутать бесчисленные сети придворных интриг.

Свора изо всех сил пустилась в погоню за Кларендоном. Теперь, когда он лишился расположения монарха, все посчитали, что король сам очень заинтересован в судебном преследовании бывшего наперсника. Среди обвинений, выдвинутых против Кларендона палатой общин, были незаконное тюремное заключение подозреваемых, намерение установить военное правление

и продажа французам Дюнкерка. Поскольку лорд-канцлер всегда оставался приверженцем автократии, обвинения, скорее всего, были в основном справедливыми. Однако палата лордов постановила, что Кларендона нельзя предавать суду; они, похоже, пришли к заключению, что не стоит обвинять одного из собратьев по прихоти нижней палаты. Король громко поинтересовался, почему бывший главный министр до сих пор находится в стране, и в конце ноября пошли разговоры, что Карл соберет трибунал лордов, готовый судить и казнить Кларендона. Теперь граф прислушался к советам близких людей и тайно сел на корабль во Францию — с этого началось изгнание, в котором он напишет, наверное, самую интересную историю своего времени.

Теперь уместно отметить, что после вынужденного сложения полномочий лорд-канцлера управление королевскими делами стало как никогда непрозрачным и коррумпированным. В отсутствие Кларендона старшими советниками стали Клиффорд, Арлингтон, Бекингем, Эшли Купер и Лодердейл, чьи инициалы на английском языке складывались в слово *cabal* («кабала»), и весь Совет стали называть «Кабальным»; с того момента это слово используют для обозначения

скрытной своекорыстной администрации. Они представляли собой элементарный союз и на самом деле были абсолютными нулями в политической игре; их стратегия не принесла никаких результатов, а главная цель заключалась в том, чтобы добыть для себя на службе как можно больше денег, пока колесо Фортуны не повернулось в другую сторону. Клиффорд, в частности, получил прозвище «генерал — мастер взяток».

Однако они устраивали короля, потому что тот мог ими манипулировать. Джордж Сэвил, 1-й маркиз Галифакс, писал, что «Карл жил с министрами, как со своими любовницами: использовал их, но не любил». Теперь король отвечал за все дела и без вмешательства Кларендона мог обустроиться как пожелает. Так наступил один из самых непорядочных и нелогичных периодов в истории Англии.

Поначалу общепризнанным первым министром был Джордж Вильерс, 2-й герцог Бекингем, описанный Гилбертом Бернетом как человек, который «никогда не говорит правду ни о вещах, ни о людях, а бросает всех и отступает от всех принципов, иногда из-за легкомыслия и нестабильности склонностей, иногда из абсолютного вероломства». Это была подходящая компания

для любого короля. Он уже всплывал при дворе как один из круга острословов, но теперь возжелал быть не только язвительным человеком, но и государственным деятелем.

Он был сыном несчастного 1-го герцога Бекингема, убитого Джоном Фельтоном в начале правления Карла I. Соответственно, он рос в королевской семье в компании Карла II и делил с молодым королем многочисленные деяния; рядом с ним он сражался при Вустере. Однако его возвышение после падения Кларендона все равно поражало, за все предыдущее время он приобрел лишь чин королевского конюшего. Теперь король обсуждал с ним все важные дела, а иностранные посланники обращались к нему за советом, прежде чем получить королевскую аудиенцию.

Если Бекингем и имел какой-то один постоянный принцип, так это религиозная терпимость: у него было столько собственных причуд и фантазий, что он с радостью предоставлял свободу мысли и другим. В любом случае нонконформисты теперь находились в более безопасном положении, чем раньше. Боязнь папистского двора и католической королевы, а также преобладающее мнение, что Большой лондонский

пожар устроили католики на службе у французов, обеспечили сектантам и диссентерам новую ауру благонадежности.

Квакеры начали проводить собрания в Лондоне, и довольно скоро ежемесячные встречи возобновились во всей стране; теперь они чувствовали себя в безопасности, как никогда раньше. Снова собрались баптисты Бристоля. Закон о тайных собраниях 1664 года фактически перестал действовать, а в 1668 году его аннулировали официально. Некоторые пресвитерианские пасторы готовили почву для учреждения отдельной Церкви, на случай, если не смогут приспособиться к государственной. На заседаниях и выездных сессиях судов присяжных всего королевства большей частью рассматривали дела католических рекузантов, чем нонконформистов.

В 1666 году епископ Нориджа произнес проповедь, в которой объявил, что «это честь, которую образованные люди оказывают друг другу, — позволить другому разойтись с тобой во мнениях по вопросам убеждений». Эта свобода уже была несомненна, она обеспечила выживание браунистов, людей Пятого Царства, адвентистов Седьмого дня, маглтониан, рентеров, анабаптистов, общих баптистов, частных баптистов и фамилистов. Можно

процитировать слова Джона Баньяна: «Я проповедовал то, что я сам чувствовал, действительно чувствовал». Они не составляли силу, способную потягаться с широко распространенным, официальным англиканством, но некогда строгие законы против них теперь не исполнялись или применялись с большой нерешительностью. В работе того времени «Трактат о религии Англии, 1667 год» отмечается, что нонконформисты «распространены в городах и сельской местности; они составляют немалую часть всех слоев общества и всех категорий людей. Они есть среди аристократии, немало их среди джентри, но среди торговых людей они составляют важнейшую часть». Вот почему Лондон был городом несогласных.

С этого времени можно проследить появление доктрины латитудинаризма, предлагающей широкое понимание и терпимость по всем проблемам вероучения и богослужения. Латитудинарии подчеркивали силу разума как «свечи Бога» и считали, что такие вопросы, как литургия, ход богослужений и подробности обрядов, «не имеют значения». Их позиция стала, можно сказать, неписаным законом англиканства XVIII века. Общение с Богом и христианство в целом перестали быть священнодействием.

40. Истинная сила

В начале осени 1664 года молодой ученый побывал на Стоурбриджской ярмарке недалеко от Кембриджа и купил там призму. Он принес прибор в свою комнату в Тринити-колледже, там «закрыл ставни на окнах, проделал в них маленькую дырочку, чтобы пустить подходящий луч солнечного света, и поместил на его пути призму так, чтобы луч смог преломиться на противоположную стену». Таким способом Исаак Ньютон провел эксперимент по изучению «замечательного феномена разложения света».

В том же году ученый ставил опыты и на себе. Он вдавливал шпильку «между глазом и костью глазной впадины, как можно ближе к задней стороне глазного яблока». Рискуя собственным зрением, он хотел изменить кривизну сетчатки и проследить результаты. Это были подготовительные шаги к его теории цвета, которая произведет революцию в оптике. Именно он совершил открытие, что белый свет не был основным цветом, а представляет собой сочетание всех остальных цветов спектра. Этот вывод настолько противо-

речил принципам здравого смысла, что раньше никому это и в голову не приходило.

Так начиналась карьера самого выдающегося математика XVII века и ученого, который внес наибольший вклад в формирование представлений современного мира. Ученые НАСА в Соединенных Штатах до сих пор пользуются расчетами Исаака Ньютона. Следующие два года после того, как он купил призму на Стоурбриджской ярмарке, были годами его славы, в течение которых он проник в тайны света и гравитации. Не важно, насколько правдива история о падающем яблоке, но совершенно точно, что в возрасте двадцати трех лет Ньютон приступил к изучению загадки силы, которая удерживает наш мир в границах вселенной. Джон Мейнард Кейнс назовет Ньютона «последним чародеем».

Затем наступило время выйти в публичный мир науки XVII века, и в конце 1671 года Ньютон позволил себе продемонстрировать 6-дюймовый зеркальный телескоп членам Королевского научного общества. Ньютон самостоятельно изготовил прибор, приспособив для этой цели имеющиеся у него инструменты. Рефлектор вызвал восторг, им восхитился и Карл II. Ньютона надлежащим образом избрали в члены Королев-

ского общества, где он и состоял всю оставшуюся жизнь.

Королевское общество можно считать украшением правления Карла II. В конце ноября 1660 года группа медиков и ученых-естественников объявила о создании «коллегии для поддержки исследований в области физико-математического экспериментального знания». Они частично вдохновлялись образом «Дома Соломона» из утопии Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» и разделяли страсть Бэкона к экспериментальной и теоретической науке. Это были прагматичные люди, интересующиеся также агрономией, навигацией, промышленностью и медициной. Все вопросы политики и религии исключались из круга интересов членов этого общества, и на самом деле их стремление к практическим исследованиям в некоторой степени было призвано усмирить «страсти», отвлечь от религиозных споров, которые помогали готовить почву для недавних гражданских войн. Каждую неделю они встречались в Грешэм-колледже в Бишопсгейте и читали доклады о последних открытиях и экспериментах. Именно в этой компании сэр Исаак Ньютон впервые выступил со своей теорией света.

В последние четыре десятилетия XVII века действительно чрезвычайно повысился интерес к научным экспериментам, причем до такой степени, что в 1667 году историк Королевского научного общества Томас Спрэт уже смог отметить тот факт, что «всеобщее рвение к развитию таких проектов распространилось не только при нашем дворе и в стенах университетов, но и в мастерских наших механиков, на полях наших дворян, в домах наших фермеров и на кораблях наших купцов».

Все больше людей разделяли интерес к исследованиям и изобретательству, поэтому все области человеческого знания стали полем изысканий. Члены Королевского общества обсуждали метод вырабатывания воздушного потока при помощи падающей воды, они изучали жало пчелы и лапки насекомых, им демонстрировали бароскоп для измерения изменений атмосферного давления и гигроскоп для измерения влажности воздуха, они провели исследование состояния английского сельского хозяйства и изучили способы добычи олова в Корнуолле. Они проводили эксперименты по пару, вентиляции, газам и магнетизму; им представляли термометры, помпы и вечные двигатели. Истоки Промышленной и Сельскохо-

зяйственной революций, условно относимых к XVIII веку, находятся в предыдущем столетии. В XVII веке, начало которого осветил гений Фрэнсиса Бэкона, мы находим общее стремление, как пишет Спрэт, к «истинному познанию вещей».

На заседании общества в первые месяцы 1684 года Эдмунд Галлей, Кристофер Рен и Роберт Гук обсуждали динамику движения планет. Галлей поставил перед ними вопрос: может ли сила, заставляющая планеты двигаться вокруг Солнца, уменьшаться пропорционально квадрату расстояния? Рен и Гук согласились, что это весьма вероятно, но пока никто не смог доказать эту точку зрения. Галлей тогда отправился в Кембридж, чтобы обсудить с Ньютоном проблему Солнца и вращающихся планет. Ньютон с готовностью подтвердил гипотезу Галлея.

— Как вы узнали?

— Да просто вычислил.

Этот ответ, по словам Галлея, вызвал у него «восторг и изумление». Еще никто никогда так не делал. В конце того года Ньютон возвратился к своим расчетам и написал небольшой трактат *De motu corporum in gyrum* («О движении тел по орбите»), в котором разобрал и математически обосновал движение небесных тел по орбите.

Он активно продолжил свои размышления и в течение восемнадцати месяцев завершил трактат, который принесет ему шумное одобрение ученых всего мира. Ньютон сформулировал три закона движения, которые составляют основу теории всемирного тяготения. Этот революционный закон объявляет, что вселенную связывает вместе одна сила, которую можно математически вычислить и оценить. Это было великое открытие XVII века. Ньютон осмыслил вселенную и сделал ее подвластной человеческим законам. Это действительно была сила, что движет Солнце и светила. «Теперь установлено, — писал ученый, — что эта сила есть сила тяготения, и поэтому впредь мы будем называть ее гравитацией».

Со временем Ньютона избрали председателем Королевского общества, и последние двадцать лет своей жизни он руководил научными заседаниями несколько напыщенно и серьезно. Он повелел, чтобы на заседаниях не было «перешептываний, разговоров и громкого смеха. Если возникнут какие-либо разногласия… они нацелены на выяснение истины и не должны переходить на личности». Это станет новым научным подходом, объективным и беспристрастным, как и предпи-

сывалось в Лондоне XVII века. Член Королевского общества Уильям Стьюкли вспоминал, что «все делалось с большим вниманием, торжественно и вежливо»; то был век, когда наука стала новой формой религии, к ее законам и принципам относились как к непререкаемой догме. Сам Ньютон объявил, что натурфилософия теперь «состоит в открытии структуры и процессов Природы и сведении их, насколько возможно, к общим законам и правилам, установлении этих правил при помощи наблюдений и экспериментов и утверждении на этом основании выводов о причинах и следствиях вещей». Вот то, что мы унаследовали от XVII века и сохранили до наших дней.

41. Горячие новости

Легкомысленная непорядочность короля проявилась со всей очевидностью, когда в начале 1668 года он приступил к переговорам о «Трехстороннем союзе» с Голландской республикой и Швецией для противодействия французским армиям, которые уже захватили часть Испанских Нидерландов. Это был общий оборонительный союз против наступающих сил Франции, и в то же время его рассматривали как серьезный политический шаг. Считалось, что лучше выступать в союзе с двумя протестантскими державами против общего католического врага. К тому же уместно было доказать Людовику XIV, что Англия по-прежнему имеет вес на международной арене.

Однако король написал своей сестре Генриетте, герцогине Орлеанской, которая жила при французском дворе: «В этом соглашении я не указал ничего, что бы могло нанести вред Франции». Даже вступая в союз с голландцами, он на самом деле готовился сблизиться с Францией, имея тайный план разрушить Голландскую респуб-

лику. Карл обладал способностью одновременно преследовать две разные, полностью противоположные цели. Глубоко восхищаясь своим кузеном Людовиком XIV, он также нуждался в деньгах короля Франции и, возможно, при непредвиденных обстоятельствах, в его солдатах. Людовик правил самой мощной страной в Европе, и значительно лучше было быть его союзником, чем врагом; к тому же он был частью семьи, а в условиях династии семья была важнее страны.

В воздухе витали подозрения. Пипс сообщал, что в Лондоне «народ кричит во всю улицу… что королевские придворные их предали и сдадут французам». Весной во время «мятежей публичных домов» лондонские подмастерья возродили старую традицию, атакуя дома терпимости во вторник на Масленой неделе. Однако то не было ритуальным представлением; пятнадцать их предводителей будут судить за государственную измену, и четверых повесят. Демонстрации продолжались пять дней, и в них участвовали тысячи людей.

Мятежи начались во второй день Пасхи, когда атаковали и разгромили несколько публичных домов в Попларе; на следующий день волнения распространились на Мурфилдс, Ист-Смитфилд

и Холборн. В среду подмастерья, поддержанные значительными силами из Саутуарка, напали на бордели Мурфилдса. Они шли не простой толпой: их разделили на полки, они двигались под знаменами, вооруженные железными прутьями и топорами. Некоторые тюрьмы, пользующиеся наиболее дурной славой, тоже оказались в осаде.

Сам король делал вид, что не понимает, почему подмастерья атакуют публичные дома. «Зачем, почему они идут туда?» — говорят, вопрошал Карл. Однако на самом деле бордели были символом того, что для многих означало более серьезную проблему. Нападая на публичные дома, лондонцы атаковали всем известные нормы безнравственности королевского двора, а выступая против его разврата, они отрицали и его законы. Среди других выкриков звучало также, что они «скоро придут и снесут Уайтхолл».

Любимая фаворитка короля леди Каслмейн в конце 1663 года перешла в католическую веру. Поэтому она стала символом тяготения двора к папизму и превратилась в мишень для массы злобных нападок типа «шлюха» и еще хуже. Существовала и другая причина, почему атаковали публичные дома. Епископов тоже осуждали за то, что они содержат любовниц, про архиепископа

Кентерберийского говорили, что он пользуется услугами проституток, другие прелаты «любили мальчиков». Когда подмастерья призывали к «реформации», они высказывали требования диссентеров, которые не доверяли государственной Церкви и ненавидели ее.

Таким образом, сексуальная распущенность ассоциировалась с папизмом, папизм — с изменой, а измена — с королем Франции. Зыбкая смесь слухов и страхов, но тем больше оснований она создавала для выступлений. Мятежники не могли догадываться о тайных намерениях короля, но в своем недоверии они фактически были недалеки от правды. Вскоре после формирования «Трехстороннего союза» Бекингем вступил в переговоры с герцогиней Орлеанской во Франции. Карл тем временем приносил извинения французскому послу за то, что подписал договор с Голландией и Швецией, намекая, что хотел бы установить гораздо более близкий союз с Людовиком. Весной 1668 года король решил назначить перерыв в работе парламента, который продлится беспрецедентные семнадцать месяцев. В отсутствие парламента Карлу, вероятно, было куда проще организовывать заговоры и плести интриги.

В начале 1669 года он преподнес сюрприз. Карл

пригласил брата Якова и трех самых важных советников в свои личные апартаменты, где со слезами на глазах объявил о желании перейти в католическую веру. Его брат скоро будет принят в это вероисповедание и останется искренним, почти фанатичным католиком до конца своей жизни. Убежденность Карла вызывает больше сомнений. Если он готовился к переговорам с набожным французским королем, то что же могло быть полезнее, чем объявить о своем принятии того же вероисповедания?

В марте к французскому двору отправили тайного эмиссара с предложением заключения наступательно-оборонительного альянса и просьбой предоставить солдат, деньги и корабли в случае войны с голландцами. Карл также обещал объявить о своем переходе в католичество, если взамен Людовик XIV даст ему 200 000 фунтов стерлингов, чтобы защититься от народного гнева. Он так никогда и не сделал такого заявления и, похоже, принял католичество только на смертном одре. Карл был профессионалом лганья и лицемерия даже в серьезных государственных делах.

Весь этот год и первую половину следующего года переговоры между двумя королями велись в

условиях абсолютной секретности. Английского посла в Париже и французского посланника в Лондоне не проинформировали. Английским министрам антикатолических убеждений ничего не говорили. Карл как ни в чем не бывало продолжал переговоры с голландцами. В конце лета или начале осени 1669 года Карл и Людовик достигли соглашения. Людовик окажет содействие Карлу, когда он объявит о переходе в католичество, и оба объединятся в нападении на голландцев.

В середине мая 1670 года герцогиня Орлеанская Генриетта прибыла в Дувр с разнообразными документами от французского двора и передала их брату. В них был пункт, который звучал так: «Король Англии, убежденный в истинности католического вероисповедания, решил объявить об этом и примириться с Римско-католической церковью, как только позволит положение дел в его стране». Карл надеялся и верил, что большинство его подданных так его любят, что не будут протестовать, «но поскольку существуют неспокойные личности, скрывающие свои замыслы под личиной веры, король Англии, ради мира в своем королевстве, воспользуется помощью короля Франции». Карл таился даже от своих ближайших советников. Например, он позволил

Бекингему обсуждать условия того варианта договора, в котором отсутствовал параграф о переходе короля в католическую веру. Напротив, ему поручили активно продолжать работу над союзным договором, не упоминающим об этом секрете. Бекингем не подозревал о тайном соглашении. Однако маловероятно, что Карл вообще имел намерение когда-либо объявлять о своем обращении в католичество, это обязательство в значительной степени было уловкой, чтобы надежнее привязать к себе французского короля.

Материальное вознаграждение, предоставленное Карлу, было небольшим. Ему должны были выплатить 140 000 фунтов стерлингов — половину авансом — в знак расположения французского короля. Кроме того, он должен был получать примерно 210 000 фунтов стерлингов в течение каждого года предполагаемой войны с голландцами, с внесением первого взноса за три месяца до реального объявления войны. Король Англии превратился в наемника французского короля и фактически продал свой суверенитет. Было и еще одно затруднение. Если бы французский король когда-либо обнародовал секретный параграф союзного договора, Карл легко мог бы лишиться короны; таким образом, Людовик имел мощное

оружие в любой конфронтации с английским кузеном.

Обманный договор подписали ближе к концу года, тогда как секретного соглашения, достигнутого еще весной, не открыли даже королевским советникам. Однако союз с Людовиком против голландцев невозможно было скрывать вечно. Настроения народа против Франции уже сильно распространились, и венецианский посол заметил, что, «хотя король и может присоединиться к Франции, его подданные за ним не последуют». Поползли слухи, что французские агенты воруют английских детей, чтобы якобы их кровью лечить Людовика от проказы. Роялисты понимали: если война с голландцами будет, ее нужно провести быстро и очень успешно, иначе народный гнев неминуем.

Однако где добыть денег на любую предполагаемую войну? В перерывах между различными каникулами и отсрочками в работе парламент выделил сумму весьма скромную. Французская субсидия тоже оказалась недостаточной. Собственные традиционные доходы короля целиком уходили на оплату старых долгов, но из дерзости или от отчаяния он вознамерился отложить платежи по всем своим займам. 2 января 1672

года назначили так называемую «приостановку платежей». Все надлежащие выплаты из казны отменили, чтобы поступающие доходы можно было потратить на подготовку к войне.

Главными жертвами стали ювелиры, действовавшие также и как банкиры, которые, в свою очередь, переложили убыток на клиентов и отказались выдавать деньги, которые те держали на депозитах. Казалось, что скоро начнут торговать и самой «приостановкой платежей». Однако пострадал и король, ибо сразу потерял доверие; финансовая надежность правительства была под большим вопросом, оставалось неясным, кто же впредь будет ссужать ему деньги. Один современник признал в своем дневнике, что это решение «удивило всех и разорило тысячи людей».

Весной 1672 года французы объявили голландцам войну. Карл немедленно последовал их примеру и обосновал военные действия ссылками на попытки республики вытеснить английскую торговлю и чинить препятствия английским купцам. Он также упомянул оскорбительные лично для него карикатуры и публикации в голландских изданиях. За два дня до объявления войны Карл сдержал еще одно обещание Людовику, выпустив «Декларацию о веротерпимости»,

в которой разрешил свободу вероисповедания своим подданным католикам. Нонконформистам гарантировалась полная свобода отправления религиозных обрядов, а католическим рекузантам дозволялись богослужения в собственных домах. Это было знаменательное применение королевской прерогативы во время перерыва в работе парламента. Разрешения на проведение публичных собраний теперь щедро и разнообразно раздавались нонконформистам. Джона Баньяна вместе с прочими выпустили из тюрьмы. Наверное, диссентерам и католикам также приходило в голову, что их новые религиозные свободы теперь зависят от королевского расположения.

Эта мера, возможно, кроме прочего имела целью поддержать брата короля, недавно перешедшего в католичество. Яков, герцог Йоркский, по его словам, обратился в новую веру после прочтения нескольких трактатов за и против католической веры; он также внимательно изучил историю церквей и пришел к выводу, что никто из английских реформаторов «не имел права делать то, что они сделали». Его вера строилась на убеждении и принципе; для брата она была лишь вопросом целесообразности.

Граф Арлингтон сказал, что «Декларация о

веротерпимости» имела целью, «чтобы дома все было спокойно, пока мы заняты за границей». Однако военные действия уже начались. В середине марта английская флотилия попыталась остановить и взять на абордаж богатый голландский караван торговых судов, возвращавшихся домой из Смирны и Малаги. Однако капитан был заранее предупрежден и взял с собой охранный конвой, что позволило ему спастись от англичан. Для Карла это было унизительно, вдобавок он лишился ценностей, которые рассчитывал захватить. Инцидент не сулил ничего хорошего для будущей войны.

Лорд-адмиралом назначили герцога Йоркского, но Карл активно участвовал в подготовке и вооружении военного флота. В начале лета 1672 года состоялось безрезультатное сражение возле бухты Солебей у побережья Саффолка, в котором обе стороны заявили о своей победе. Поскольку по изначальному плану англичан предполагалось пересечь Северное море и заблокировать голландцев в собственных портах, их вряд ли можно записать в победители. Ясно было, что сражение развернется не из легких. Французский флот, якобы пришедший на помощь союзникам, не принял участия в сражении и, соответственно,

заслужил гневные упреки англичан. Достаточно скоро французов станут ненавидеть гораздо больше, чем голландцев. Джон Ивлин 27 июня записал в дневнике, что безрезультатное сражение «показало, как глупо пускаться в бой с таким отменным флотом и терять так много хороших моряков только из-за того, что голландцы превосходят нас в промышленности и всем остальном, кроме зависти».

Армии Людовика XIV действовали более успешно. В первые две недели июня они хлынули через Рейн и атаковали территории Соединенных провинций. Казалось, наступлению французов противостоять невозможно, и несколько главных городов вынуждены были открыть свои ворота захватчикам. Костры французских лагерей виднелись из Амстердама. Из семи республик Соединенных провинций только Голландия и Зеландия оставались незахваченными. Тогда голландцы открыли дамбы и затопили страну, чтобы не допустить дальнейшего наступления французов. Военные действия вынужденно прервались.

Карл попросил у французского короля еще 1 миллион фунтов на продолжение войны, но Людовик отказал. Соответственно, Карлу ничего

не оставалось, как созвать парламент в надежде получить ассигнования. Парламент вернулся к работе в феврале 1673 года. В его отсутствие объявили войну и выпустили Декларацию о религиозной терпимости. Это могло быть расценено как превышение Карлом полномочий, вдобавок в финансовом вопросе вся власть была именно в руках парламента. Король рассчитывал на встречу с парламентариями после завершения успешной кампании против голландцев, но эта возможность уже была упущена.

Новый лорд-канцлер стал официальным представителем короля в палате лордов. Граф Шафтсбери скоро будет самой спорной фигурой королевства, но в те годы он был одним из наиболее решительных сторонников королевских привилегий; в итоге Карл назовет его «самым безвольным и отвратительным человеком своего времени», но тогда король полагался на его умения администратора и советника. Шафтсбери с энтузиазмом поддерживал Оливера Кромвеля и даже состоял в Бербоунском парламенте, но толикой красноречия и прилежания ему удалось подчистить свое любопытное прошлое. Именно его изобразил Джон Драйден в образе Ахитофеля в своей сатирической поэме «Авессалом и Ахи-

тофель»:

Беспокойный, непостоянный в принципах и месте;
Стремится к большей власти, нетерпелив к позору.
Огненная душа, которая, прокладывая свой путь,
Довела карликовое тело до разложения[45].

Парламент собрался неспокойным. Особенно всех рассердило, что король счел возможным выпустить «Декларацию о веротерпимости», не получив согласия парламентариев; этот поступок посчитали неконституционным. Не то чтобы парламент был против войны с голландцами, но, если он должен выделять деньги на продолжение войны, его полномочия требовалось подтвердить. Палата общин приняла резолюцию о том, что парламентский статут относительно религиозных проблем можно временно прекратить или отменить только актом парламента, таким образом отвергая власть короля в вопросе «веротерпимости».

---

[45] Примечания: 45

Restless, unfixt in principles and place; / In pow'r unpleas'd, impatient of disgrace. / A fiery soul which, working out its way, / Fretted the pigmy-body to decay.

Карл попытался оказать сопротивление с помощью палаты лордов, но, отчаянно нуждаясь в деньгах, в конце концов сдался. После злобной перебранки он отменил «Декларацию о веротерпимости» и сказал, что «то, что было сделано в отношении приостановки уголовного преследования, не следует вводить в действие». Король собственными руками сломал печать на оригинале декларации. На улицах Лондона разожгли праздничные костры, и в конце месяца Карл получил столь необходимые ему субсидии.

Парламент целил больше в папистов, нежели в диссентеров, поскольку по-прежнему считалось, что католические рекузанты представляют угрозу для государства. Абеднего Селлер в своей «Истории пассивного послушания» предположил, что «измена для папистов сродни первородному греху для человечества; они все несут ее по своей природе, пусть многие из них это отрицают или не осознают». Некоторые парламентарии были искренне убеждены, что эта декларация — составная часть папистского заговора, задуманного Карлом и Людовиком с целью ввести в Англии католичество.

Соответственно, в марте 1673 года палата общин приняла так называемый Акт о присяге.

Все претенденты на государственные и общественные должности должны были принести присягу на верность, а также признать верховенство короля в делах Церкви, то есть ставить его выше папы римского; они также были обязаны принять причастие по обряду Англиканской церкви и произнести слова клятвы: «Я клянусь, что не признаю претворения хлеба и вина в тело и кровь Христовы во время или после освящения их любым человеком». Это било в самое сердце католичества. Когда король дал согласие на Акт о присяге, по парламенту пронесся «шумный гул» одобрения. Кто-то слышал, как Карл сказал, что удалит из своего двора всех католиков за исключением цирюльника, «которого он намерен сохранить, несмотря на все их законы, потому что очень привык к его рукам». Его высказывание имело особый смысл: король доверял католику, который приставлял к его горлу бритву.

Первой жертвой акта стал Яков, герцог Йоркский, ему пришлось удалиться из публичной жизни. Он подал в отставку с поста лорд-адмирала, и командование флотом было доверено принцу Руперту, который в последний раз появлялся на страницах этой книги в качестве командира кавалерии роялистов во время граж-

данской войны. Так большой мир узнал, что брат английского короля, наследник престола, исповедует католичество; тут же по этому поводу поползли разнообразные слухи. Например, широко распространилось мнение, что сам лорд-канцлер, граф Шафтсбери, замышляет против него заговор с целью не допустить Якова до трона. Когда Яков не стал принимать причастие вместе с братом в королевской часовне, Джон Ивлин записал в дневнике, что «вся страна скорбит и злословит, что наследник престола, сын мученика за протестантскую веру, отступился от своей веры. К чему это приведет, один Господь ведает, но люди мудрые испытывают ужас».

Один из главных советников короля и член первоначальной «кабалы» Томас Клиффорд тоже отказался от всех должностей. Он был тайным католиком, и предполагалось, что Акт о присяге частично составили его соперники специально для того, чтобы убрать его с должности. Вскоре после этого Клиффорд умер. Наиболее близким советником теперь стал другой министр Карла. Томас Осборн, который скоро получит титул графа Дэнби, убежденный англиканец, выступал против войны с голландцами; кроме того, он прекрасно проявил себя как руководитель, и

после отставки Клиффорда его назначили государственным казначеем.

Подготовку к следующему году военных действий с голландцами вели без особого энтузиазма. Принадлежность Якова к католичеству вызвала дальнейшие вопросы по поводу альянса с папистской Францией для нападения на братьев по протестантской вере. О самом короле говорили, что он колеблется и не проявляет решительности, сегодня готов продолжать войну, а завтра собирается выйти из конфликта. Шафтсбери сказал о своем господине, что «нет на земле ни одного человека, ни мужчины, ни женщины, кто бы отважился положиться на него или поверить его слову и дружбе».

В июле Карл приказал Руперту избегать боевых столкновений на море, если он не уверен в решительной победе. Король уже вернулся к переговорам с голландцами и просто хотел оказать на них давление. Никакого ясного результата не принесло и последнее морское сражение англо-голландской войны при Текселе, когда голландцы и англичане вели долгую безрезультатную борьбу, покрыв море обломками кораблей и мертвыми телами, плавающими на поверхности воды. Примечательно также, что во

время сражения французский флот бездействовал, просто стоял в сторонке и наблюдал. Принц Руперт позже написал о нежелании французского адмирала вступать в бой — «он не принимал ни сигнала, ни указаний, что ему следует сделать; ситуация, совершенно понятная каждому моряку на флоте». Сделали вывод, что Людовик XIV с приятностью наблюдает, как две морские державы уничтожают друг друга у него на глазах, и это подлило масла в огонь неприязни англичан к своим формальным союзникам.

Яков усилил антикатолические настроения в стране, воспользовавшись перерывом в работе парламента, чтобы обручиться с католической принцессой. Его прежняя жена Анна Хайд умерла два года назад, оставив ему двух протестантских дочерей Марию и Анну. Новая невеста была совсем иной по природе. В свои пятнадцать лет Мария Моденская уже стала ярой католичкой, и сообщалось, что французский король весьма одобрил этот брак и, возможно, по такому случаю выделит приданое. Неминуемая перспектива католической королевской династии совсем не нравилась англичанам. Когда Мария в конце концов прибыла в Англию, население по всей стране встречало ее зловещим молчанием. Когда

ей позволили сесть в присутствии королевы, английские леди «помрачнели» и удалились.

Ближе к концу октября 1673 года парламент возобновил работу, и немедленно начались выступления против брака наследника престола. Сэр Уильям Темпл заявил, что попытка победить папизм при помощи Акта о присяге закончится ничем, если «папизм окажется так близко к трону», и попросил короля запретить брачный союз. Резолюцию по этому поводу приняли практически единогласно.

Затем началось широкое наступление на королевскую администрацию. Некоторые парламентарии уже заявляли, что больше не дадут на войну ни пенни, пока не получат возможности контролировать, как расходуются эти деньги. Резолюцию дополнили условием, что новые суммы не будут ассигноваться, пока не будут собраны ранее выделенные фонды. Также в парламенте выделили время на обсуждение «ущербов», главными среди которых были союз с Францией и война против голландцев. В начале ноября объявили, что постоянная армия также наносит «ущерб», — наверное, не самое подходящее замечание, чтобы делать его во время войны. 5 ноября на улицы возвратилась старая забава, «сжигание

пап» — лондонские подмастерья подожгли изображение папы Климента X.

Карл знал, что его лорд-канцлер, граф Шафтсбери, участвовал в организации протестов против брака Якова и Марии Моденской и что он неуклонно превращается в главного выразителя протестантских интересов. Поэтому Карл вывел его из состава Тайного совета и назначил лорд-канцлером Хениджа Финча. Говорили, что король менял свое решение шесть раз и провел за этим занятием столько же часов. Венецианский посол докладывал своему дожу и сенату, что «король созывает кабинет министров для того, чтобы не слушать его, а министры рассуждают на заседаниях так, чтобы их не поняли».

Однако Шафтсбери не пошел прочь, понурив голову, а, напротив, не подчинившись прямому приказу короля, остался в Лондоне, чтобы вербовать союзников для своего антикатолического дела. До конца своей политической жизни он будет противостоять королю. Когда после непродолжительных каникул парламент снова собрался в начале 1674 года, парламентарии атаковали двух главных министров короля, которые «находятся под влиянием католиков или в других отношениях предосудительны и опасны». Лодер-

дейл правил от имени короля в Шотландии, его обвинили в склонности к абсолютизму; поэтому было решено, что Карлу следует удалить его «со всех постов и вывести из всех Советов, лишить близости к королю навсегда».

Следующим обвинили герцога Бекингема. Он согласился выступить в палате общин и попытался оправдать себя, свалив вину на неумелость других. Он объявил: «Я могу поймать зайца со сворой собак, но не раков». Все сочли, что раки, о которых идет речь, это король и его брат. Однако остроумие Бекингема не произвело впечатления на членов палаты, и они постановили, что его тоже нужно лишить всех должностей. Впоследствии Бекингем сетовал, что «люди, уничтоженные и опозоренные своими принцами, похожи на место, в которое ударила молния, — считается недопустимым к ним приближаться».

Затем наступила очередь Арлингтона. Его обвинили в измене и других проступках, но дело передали на рассмотрение специальной комиссии. «Кабала» прекратила свое существование. Было очевидно, что король готов жертвовать министрами, когда они ему более непригодны.

К тому же Карл втянулся в рискованную и неблагоразумную интригу. Шафтсбери препят-

ствовал действиям короля частично оттого, что каким-то образом ознакомился с тайным договором, по которому Карл получал деньги от короля Франции в обмен на обращение в католичество. Однако на открытии сессии парламента в январе 1674 года Карл утверждал, что слухи о «секретных статьях с опасными последствиями» абсолютно недостоверны, и заверил, что «нет никакого другого договора с Францией, напечатанного до или после, который бы не стал достоянием общественности». Однако всем показалось, что в этот момент он как-то мямлил.

Уже стало понятно, что войну с голландцами продолжать нельзя. К этому времени в союз с неприятелем вступили испанцы, а о том, чтобы объявить войну еще и Испании, не могло быть и речи: слишком большой объем торговли оказался бы под угрозой. Так что голландцы назначили испанского посла в Лондоне арбитром в вопросе мира. Обе стороны были заинтересованы в прекращении войны. Голландцы согласились выплатить компенсацию и приветствовать в море английский флаг. Для английской стороны это было вопросом сохранения лица, но такой итог переговоров вряд ли мог оправдать дорогостоящую кровавую войну в течение двух лет.

Король объявил парламенту о заключении мира 24 февраля, а затем неожиданно назначил перерыв в его работе до ноября. Члены палаты общин испытывали крайнее изумление от того, что, по словам лорда Конвея, «они так долго сидели на яйцах, но не смогли ничего высидеть». Конвей также заметил, что «теперь при дворе начнется новая игра, где интересы и цели каждого игрока будут сильно отличаться от прежних».

Томасу Осборну, ставшему главным министром короля, летом того года пожаловали титул графа Дэнби. То был решительный и задиристый йоркширец, абсолютно убежденный в том, что англиканская вера имеет первостепенное значение для объединения страны, и поэтому он выступал за союз с протестантскими державами Европы. Он твердо вознамерился преобразовать королевские финансы и контролировать парламент всеми возможными способами. Эти способы включали в себя тайные выплаты парламентариям из фондов секретных служб и продуманную раздачу различных титулов и должностей. Граф Дэнби всячески старался продемонстрировать, что король всем сердцем поддерживает англиканское дело, а также стоит на антифранцузских и антикатолических позициях.

Как очевидный роялист и придворный, он, естественно, вызывал противодействие со стороны графа Шафтсбери и герцога Бекингема. Они, покинутые королем, вступили в коалицию, настроенную против интересов двора. Вообще, в создании этих фракций и группировок по интересам можно усмотреть некоторое начало формирования партий в современном их понимании. С 1674 года в палате общин стала складываться оппозиция королевскому делу, имеющая целью установление ограничений власти короля и поддержание верховенства парламента.

Эти люди не рассматривали себя и своих сторонников как фракцию и не называли партиями, поскольку этот термин подразумевал раскол или нелояльность, однако в 1673 году парламентарий сэр Томас Мерес имел основания говорить «эта сторона парламента и та сторона». Термин считался непарламентским, но отмечалось, например, что одна группа парламентариев садится вместе в «юго-восточной части» зала заседаний. Различались также партии «двора» и «страны». Первые были склонны поддерживать все права и привилегии трона, а вторые хотели, по словам парламентария сэра Джона Ирсби, «защитить страну от излишних обременений на имущество

и ограничений прав и свобод».

Весной 1675 года парламент снова приступил к работе. Здесь появилась новая возможность для графа Дэнби подтвердить верховенство традиционного англиканства при дворе Карла II. Он недавно поучаствовал в том, что Эндрю Марвелл называл «очковтирательством», взяв в свои руки восстановление собора Святого Павла после Большого лондонского пожара. Первый камень в основание проекта Кристофера Рена был заложен в начале лета. Медную статую Карла I тоже установили на пьедестал у Чаринг-Кросса.

Теперь Дэнби желал провести в парламенте закон, вынуждавший членов парламента и людей, занимающих государственные должности, заявить, что сопротивление королю незаконно; также они должны были отказаться от преобразований в Церкви и государстве. Эта мера имела целью потрафить «Кавалерскому парламенту» на четырнадцатом году его работы. В «Письме порядочного человека» Шафтсбери осудил это предложение как заговор «высших епископов и кавалеров», чтобы установить абсолютную власть. Выступая в палате лордов, он спросил: «А если король превратит нас в колонию, данника Франции, подавит страну французской армией

или отдаст во власть папы римского, должны ли мы в таком случае покорно подчиниться?» Вопрос остался без ответа. Формальная борьба между лордами и общинами по поводу их полномочий означала, что никакой закон принять было невозможно. Соответственно, начинание Дэнби провалилось, и король закрыл парламент до октября.

Лето 1675 года прошло в подготовке и подсчетах. Итоги некоторых голосований на последней сессии были близки к необходимым; бывали ситуации, когда недовольство и гнев перерастали в насилие — срывались парики и вынимались шпаги. Однажды спикеру пришлось колотить жезлом по столу, чтобы восстановить порядок. Сам Дэнби был вынужден отбиваться от обвинений, которые выдвигали ему члены палаты общин. Поэтому он решил создать большинство для двора при помощи того, что называли «подкупом высшей пробы». Примерно тридцати членам субсидировали акцизные сборы, а другим пожаловали второстепенные должности.

Тем же летом Карл также получил еще одну субсидию от французского короля на условиях, что он и далее отложит парламент, а в случае сложной сессии в октябре вообще его распустит.

Людовик не хотел, чтобы его кузена вынудили предпринять шаги против Франции, тогда как послы из Испании, Соединенных провинций и бог знает откуда еще активно подкупали отдельных членов парламента. Тогда каждый подкупал каждого.

Осенняя сессия парламента прошла неудачно. Палата общин проголосовала за 300 000 фунтов на военный флот, но затем наложила вето на все новые финансовые законопроекты. В палате лордов сторонники Шафтсбери и Бекингема призывали к роспуску на том основании, что «Кавалерский парламент» уже состарился и насквозь продажен. Итак, 22 ноября король без всяких попыток произнести речь снова отложил заседания еще на четырнадцать месяцев.

Из доклада, составленного для Дэнби по окончании сессии, видно, на кого можно было рассчитывать: «*Сэр Николас Слэннинг.* Он отсутствовал на большей части заседаний, если не на всей сессии. Лорд Арундел наверняка о нем позаботился. *Мистер Джошуа Чайлд.* Я бы не хотел говорить прямо, но, если его хорошенько поскрести, может оказаться, что он настоящий преступник. *Мистер Джозеф Мэйнард.* Он редко или никогда не поступает правильно. *Мистер Джон Грубэм Хоу.* Ваша

светлость знает, кто может на него повлиять… *Сэр Томас Байд* неизлечим. *Сэр Джон Коттон.* Он очень хороший человек и редко промахивается с голосованием, разве что по ошибке. Кому-то (из надежных) следует всегда садиться недалеко от него. *Сэр Джон Ньютон.* Подозреваю, что он подкуплен сэром Робертом Карром… *Мистер Генри Монсон.* Мистер Чини должен присмотреть за этим джентльменом с особой тщательностью, потому что он очень сомневается, если кто-то не находится рядом».

Во время парламентского перерыва Карла подтолкнули на топорный опрометчивый шаг, дабы заставить болтливые языки замолчать. Той зимой чувствовалось недовольство провалом парламента и неэффективным правлением короля. Поэтому он согласился выпустить декларацию, закрывающую все городские кофейни, понимая, что именно в них собирались его противники, чтобы обсудить свои планы. Последователи Шафтсбери, например, обычно встречались в кофейне «Амстердам». Правительство оплачивало как минимум одного «кофейного шпиона», чтобы иметь представление об их разговорах.

Некоторые посетители не одобряли склонности к новостям и скандалам за чашкой кофе. В

дни популярности таверн белое и красное вино дарило ощущение веселья, а теперь, по словам городского казначея сэра Томаса Плейера, «эти трезвые клубы не дают ничего, кроме разговоров возмущенных придир, и никто не может от них укрыться».

Король, наверное, мог бы воспользоваться возможностью закрыть и посещаемые оппозиционерами книжные магазины, которые в докладной записке Дэнби назвал распространяющими лживые новости по городу и стране. Накал публичных дискуссий и интерес к современным политическим событиям был настолько сильным, что в книжные магазины и палатки ежедневно стекались толпы молодых студентов-юристов вместе с другими горожанами и представителями джентри, которые с жадностью поглощали последние новости. Среди них циркулировали агенты всех фракций, готовые предложить собственную интерпретацию любого поворота событий. Однако книжные магазины остались открытыми, а по поводу закрытия кофеен поднялся такой неистовый крик, что декларацию отозвали. Кофейни закрыли в январе 1676 года, но уже через десять дней открыли снова. Этот крутой разворот свидетельствовал о

нерешительности и смятении, поразившем все направления государственной политики.

Однако позже была предпринята попытка изъять сатирические произведения и информационные бюллетени, сочиненные, по словам короля, «подлыми ремесленниками и негодяями, которые, чтобы раздобыть немного денег, имели наглость и глупость марать дела государства». Однако жгучий интерес к новостям невозможно было сократить или обуздать. Существовала только одна газета, обладавшая официальным разрешением, — London Gazette, — но в ней печатались в основном декларации, официальные заявления и рекламные объявления.

Все нуждались в новостях. Все желали новостей. Новости называли «горячими». Это было общество общающихся, поэтому слухи и сплетни быстро разлетались по городу. В моменты наибольшего волнения газеты и брошюры роняли на улицах, затем их охотно разбирали и передавали из рук в руки. Широко распространялись также анонимные публикации без всяких выходных данных. Один владелец кофейни научил своего попугая кричать посетителям «Что нового?».

42. Новые слабости

А что было нового? После того как палата общин отказалась принимать новые финансовые законопроекты, Карлу снова пришлось обращаться за деньгами к французскому кузену. В начале 1676 года договорились, что Людовик будет предоставлять Карлу ежегодное пособие и оба короля воздержатся от договоров с другими странами без взаимного согласия. Карл рассказал об этих договоренностях брату Якову, и тот порадовался его верности католическому монарху. Король также оповестил Дэнби, возражавшего против любых сделок с французами. Граф не одобрил союза и попросил своего господина проконсультироваться с Тайным советом. Однако Карл не собирался ни с кем консультироваться. Он собственной рукой написал текст секретного договора и передал его французскому послу. Затем король вернулся в Виндзор, где он контролировал некоторые «усовершенствования» замка, и отправился на рыбалку.

Когда после перерыва в пятнадцать месяцев парламент снова собрался в феврале 1677 года,

Шафтсбери и другие заявили, что такая длительная пауза в заседаниях незаконна. Бекингем внес по этому поводу предложение и процитировал два статута Эдуарда III, которые предписывали, что парламент должен собираться «раз в год или чаще, если потребуется». При дворе это расценили как ущемление королевской прерогативы. Шафтсбери и Бекингему было приказано отречься от их «неблагоразумных» слов и просить извинения у короля и палаты лордов. Оба отреклись, и их тут же отправили в Тауэр на неопределенный срок вместе с двумя другими смутьянами. Бекингем вскоре признал свою ошибку, и его освободили, а Шафтсбери предпочел остаться в тюрьме.

— Почему, милорд, — крикнул он Бекингему, когда тот уходил из Тауэра, — вы так быстро нас покидаете?

— Ах, милорд, вы же знаете, что мы, ветреники, никогда не остаемся надолго в одном и том же прибежище.

Франция по-прежнему вела сухопутную войну с Соединенными провинциями, несмотря на то что англичане вышли из конфликта, и весной того года французы одержали несколько побед. Палата общин отозвалась на это обострением

извечной неприязни к французам. Король-то в любом случае находился под подозрением. В последние годы он обзавелся фавориткой-француженкой и сделал герцогиню д'Обиньи Луизу де Керуаль также и герцогиней Портсмутской, через нее завязав еще более плотные связи с французским королевским двором, где она стала весьма заметной фигурой. Рассказывают, что однажды лондонская толпа напала на карету Нелл Гвин, посчитав, что в ней едет герцогиня. Гвин закричала: «Успокойтесь, добрые люди! Я *протестантская* шлюха!»

Карл был во всех отношениях офранцуженным королем. Обе палаты парламента обратились к нему с призывом умиротворить народ, вступив в союз с противниками Людовика. На аудиенции одного из послов Соединенных провинций Карл подбросил в воздух свой платок, воскликнув: «Вот как меня беспокоит этот парламент».

Тем не менее 23 мая король пригласил палату общин в Банкетинг-Хаус, где объявил: «Даю слово короля, что вы не пожалеете о доверии, которое мне оказали», а затем снова попросил о следующей субсидии, «чтобы поддержать моих подданных и поразить моих врагов». Однако парламентарии не слишком поверили словам

короля и два дня спустя сочли, что «обязаны (в настоящий момент) отклонить выделение вашему величеству ресурсов, которые ваше величество соблаговолили испросить». Они также призвали короля объединиться с голландцами против французов.

Разгневанный король 28 мая прервал работу парламента речью, в которой сказал: «Если бы я мог промолчать, то лучше поступил бы именно так, чем стал обращать ваше внимание на дела, которыми вы не способны заниматься». Месяцем раньше он говорил французскому послу: «Благодаря моей любви к королю Франции я заполучил неприятности с моими подданными». Довольно скоро он снова просил у своего нежно любимого кузена денег в сумме, значительно превосходящей ту, в которой ему отказал парламент. Карл отложил парламентскую сессию до лета, но на самом деле парламент не соберется до начала следующего года.

Тем временем граф Дэнби пытался укрепить протестантские основы режима, продвигая план выдать Марию, старшую дочь герцога Йоркского и таким образом племянницу короля, замуж за Вильгельма Оранского. Вильгельм руководил Соединенными провинциями, которым даже

тогда угрожали французы. Поскольку он был защитником протестантов, этот брачный союз мог показаться королю неблагоразумным, поскольку Карл зависел от французских субсидий. Однако король одобрил этот брак, частью чтобы успокоить общественные протесты из-за альянса с Соединенными провинциями, частью в надежде, что у него получится устроить мирный договор между Вильгельмом и Людовиком. Тогда бы он стал спасителем Европы. Однако Карл погнался за двумя зайцами. Мнение Людовика XIV, что английский король абсолютно ненадежен, полностью подтвердилось. Он приостановил финансовую поддержку и отверг предложение Карла о длительном перемирии между Францией и Соединенными провинциями. Торжественная церемония бракосочетания Вильгельма с Марией состоялась в начале ноября при большом ликовании народа. Протестантские державы породнились.

Сессия парламента наконец началась на последней неделе января 1678 года в более дружелюбной атмосфере, чем прежде. В своей вступительной речи король подтвердил, что он «заключил такие альянсы с Голландией, которые послужат защите Фландрии» и что теперь ему

требуется «большой объем снабжения». Палата общин постановила, что всю торговлю между Англией и Францией следует свернуть и, пока Франция не вернется в свои прежние границы, никакого мира быть не может. В феврале парламентарии проголосовали за выделение Карлу 1 миллиона фунтов на войну против Франции. Этих денег на самом деле не хватило бы на проведение успешной кампании, но Карл и не собирался объявлять Людовику войну.

Он оказался в ловушке, или, вернее, он загнал себя в ловушку самостоятельно. Последовал период времени, в течение которого работу парламента откладывали или приостанавливали практически каждый месяц. Самая короткая сессия продолжалась 6 дней, самая длинная — 172 дня, тогда как перерывы длились от 10 дней до 15 месяцев. Столь аномальная работа системы показывает уровень замешательства, до которого скатилась государственная политика. Карл не знал, в какую сторону кланяться. Он хотел субсидий от Людовика, но парламент ему пообещал миллион для нападения на французов; активно вел подготовку к войне против Франции, но в то же время заверял французского посла в своей привязанности к Людовику.

Парламент тоже пребывал в сомнениях. Было одобрено выделение средств на армию численностью в 30 000 человек, но что, если король использует войска в собственных интересах? Карла и Дэнби боялись и подозревали. Французский король щедро раздавал взятки разным партиям, и все эти люди сетовали, что государственные дела покрыты глубоким мраком. Сэр Уильям Темпл объяснял в своих «Мемуарах», что «из настроений общества вырастало такое недоверие к нашим советникам, что никто из тех, не находившихся за кулисами, не мог сказать, что делать с этими беспорядочными слухами и сообщениями».

Ближе к концу марта 1678 года король распорядился, чтобы Дэнби составил для английского посла в Париже Ральфа Монтегю план возможных мирных предложений. Затем Карл потребовал выплату в 6 миллионов *ливров* ежегодно (более 4000 фунтов стерлингов золотом) в течение трех лет за давление на голландцев в процессе мирных переговоров. Это соглашение следовало держать в полном секрете, а Монтегю «должен ни звука не произносить о деньгах». Собственной рукой король приписал на письме: «Утверждаю». Наверное, то был единственный способ, которым он смог убедить Дэнби составить послание.

Людовик сразу же отклонил предложение, но Карл совершил и еще один необдуманный шаг, который в будущем весьма повредит Дэнби.

Затем Людовик застал Карла врасплох, заключив сепаратный мир с Соединенными провинциями самостоятельно, не оставив английскому королю возможности втереться в доверие к той или другой стороне. Французский кузен в некотором роде бросил его. У Карла появилось время для размышлений. Как-то утром в середине августа он гулял по Сент-Джеймсскому парку, как вдруг к нему подошел фармацевт, работавший в королевской лаборатории. Карл, всегда бывший любезным и учтивым, встретил Кристофера Киркби приветливо.

Киркби сообщил Карлу, что обнаружил иезуитский заговор против короля: монарха планируется заколоть или отравить, чтобы возвести на трон католика Якова, герцога Йоркского. Карл, обычно склонный относиться к таким заговорам как к пустой болтовне, посоветовал Киркби обратиться к своему доверенному секретарю. Последовало на редкость бессистемное расследование, в ходе которого всплыл длинный обвинительный акт против отдельных иезуитов. Предполагаемый автор этого документа Тит Оутс предстал перед

комитетом Тайного совета, чтобы подтвердить свои обвинения. Так начинался ставший впоследствии известным «Папистский заговор».

Роджер Норт описывал Оутса так: «Человек маленького роста, плохо сложенный, с очень короткой шеей; внешний вид и черты лица самые специфические. Центр его лица — рот…» У него был низкий лоб, длинный нос и массивный подбородок. Голос гнусавый, а манеры театральные. Тем не менее он внушал доверие. Уверенно и подробно он описал встречи и разговоры иезуитов и назвал инициаторами заговора двух известных людей. Оутс обвинил сэра Джорджа Уэйкмена, врача королевы, в намерении отравить Карла; он также упомянул ее секретаря Эдварда Коулмена, который раньше служил секретарем герцога Йоркского. Таким образом, затронутым оказался и сам католический наследник престола. Один из советников, выслушивавших убийственные показания Оутса, сэр Генри Ковентри, заметил, что «если он *лжет*, то это самый великий и изобретательный *лжец* из всех, что мне встречались».

Затем неожиданная смерть, казалось, подтвердила правдивость Оутса. Раньше он уже под присягой сообщал об этом деле лондонскому судье сэру Эдмунду Берри Годфри. Оутс расска-

зывал Годфри, что бывал на тайных встречах иезуитов в таверне «Белая лошадь» на Стрэнде, где обсуждались разные способы убийства короля. По всей видимости, Годфри обеспокоился, увидев в списке подозреваемых своего знакомого, Эдварда Коулмена. 12 октября судья не вернулся домой. Через пять дней его тело нашли в канаве на Примроуз-Хилл, с собственным мечом в груди. Коронерское расследование установило, что труп привезли на Примроуз-Хилл в день обнаружения, а многочисленные кровоподтеки на верхней части тела и в особенности на шее свидетельствовали о том, что он был задушен. Убили ли его католики из страха, что их заговор будет раскрыт? Задушили ли его подельники Оутса, боявшиеся, что будет доказана лживость его показаний? Может, он покончил с собой? Мы никогда не узнаем правды.

Страхи и пророчества расходились кругами по воде. В предыдущем году по небу пронеслась яркая комета, а в 1678 году произошло три солнечных и два лунных затмения. Уильям Дейд в своем «Предсказании» предрекал «потрясения, страсти и новые болезни, происходящие от холерических наклонностей», а *Calendarium Judaicum* Джона Партриджа прогнозировал «беды от больших

людей и знати». В такой атмосфере всеобщей тревоги обнаружение тела Годфри вызвало массовую панику и истерию по поводу возможного мятежа католиков. Наместникам короля в графствах поступил приказ искать в домах католиков спрятанное оружие, к тому же и общий страх перед французским вторжением в поддержку католического восстания никогда не покидал общество. Широко распространилось мнение, что многие тысячи якобы ортодоксальных протестантов на самом деле скрытые католики, ожидающие команды к действию. Один современник, сэр Джон Ирсби, писал: «Казалось, распахнулись сами врата ада».

Когда были изъяты бумаги Эдварда Коулмена, выяснилось, что он написал несколько сомнительных писем иезуитским священникам, близким к Людовику XIV, в которых просил денег на том основании, что он и его коллеги «выполняют сложнейшую работу, направленную на обращение ни больше ни меньше как трех королевств». Возможно, это было лишь бравадой и, похоже, не имело никакого отношения к заговору, описанному Оутсом, но в сложившихся обстоятельствах вызвало взрыв.

Разоблачение заговора при вероятном участии

Якова великолепно соответствовало интересам Шафтсбери, который теперь мог выступить на авансцену как защитник протестантства. Несколько месяцев назад, после принесения официальных извинений королю, он покинул Тауэр и уехал в свое поместье в Дорсете и теперь мог с воодушевлением приняться за дело «Нет папизму!» под свежим знаменем. Его долгосрочной целью стало не допустить Якова на престол. Как Шафстбери выразился позднее: «Не скажу, кто начал эту игру, но уверен, что поохотился активно».

Когда 21 октября 1678 года началась сессия парламента, он со своими сторонниками возглавил ту самую охоту. Были учреждены комитеты для обеспечения безопасности короля и расследования заговора. Обе палаты парламента единогласно приняли резолюцию, что «существовал и существует сейчас ужасный дьявольский заговор, затеянный и осуществляемый папистскими рекузантами с целью убийства нашего короля, ниспровержения правительства, а также подрыва и уничтожения протестантской веры». Оутса слушали в палате общин три дня, и на основании его показаний арестовали пять лордов католического вероисповедания. Был принят

закон, по которому из обеих палат исключили католиков. Шафтсбери выдвинул предложение, что следует просить короля вывести Якова, герцога Йоркского, из Королевского совета.

В конце ноября Тит Оутс еще выше поднял градус страстей, появившись в суде палаты общин. «Я, Тит Оутс, обвиняю Екатерину, королеву Англии, в государственной измене». Эти слова взволновали общины, и они проголосовали за то, чтобы удалить королеву и ее двор из Уайтхолла. Однако лорды повели себя более осмотрительно и проверили свидетелей, которые дали показания против нее. Они не поверили в их правдивость и не дали хода обвинениям Оутса. Король раньше лично встречался с Оутсом, и доносчик во время беседы обвинял его супругу. Карл сдержался, но приказал изъять все бумаги Оутса и контролировать его разговоры с другими людьми.

Король, казалось, не поверил ни единому слову Оутса, но он был не в состоянии открыто противостоять всей силе гнева протестантов. Как сказал его министр маркиз Галифакс, «нужно действовать, как будто это правда, независимо от того, так оно или нет». Поэтому меры против папистов ужесточили, и пятерых лордов-католиков, помещенных в Тауэр, обвинили в государственной

измене. Был принят второй Акт о присяге, расширивший действие присяги на членов обеих палат парламента. В ходе дебатов один лорд заявил: «Я не потерплю, чтобы католик или католичка оставались здесь; не потерплю ни папистского кобеля, ни суку; не потерплю даже, чтобы папистский кот мурлыкал или мяукал о нашем короле». В начале декабря Эдварда Коулмена отволокли в Тайберн, где его повесили, утопили и четвертовали; в 1929 году он был причислен к лику блаженных как католический мученик.

Теперь началось второе действие политической драмы: Ральф Монтегю решил взяться за графа Дэнби. Именно Монтегю как английский посол в Париже получил письмо графа относительно тайных субсидий Карлу от французского короля. Летом того года он потерял должность за развращение дочери бывшей королевской фаворитки леди Каслмейн и теперь жаждал мести. Возможно, тут поучаствовала и другая сторона. Людовик XIV, зная об антипатии Дэнби к французскому делу, имел достаточно оснований желать его отставки.

Будучи избран в палату общин от округа Нортгемптон, Монтегю договорился обнародовать в парламенте его «секретные письма» от Дэнби.

Раскрылось, что Дэнби, с согласия короля, просил взятку у Людовика в то же время, когда запрашивал деньги у палаты общин на формирование армии против Франции. Как сформулировал лорд Кавендиш, «из этих документов стало ясно, что войну с Францией использовали как предлог для создания армии, и там наверху интересовались только армией — и папизмом». В палате общин делегат от Шафтсбери Томас Беннет сказал: «Я поражаюсь, почему молчит парламент, когда нас продали французам за шесть миллионов *ливров*». Положение Дэнби крайне усугубил тот факт, что сама армия по-прежнему существовала: у короля не было средств ни на ее использование, ни на роспуск.

Графу было не спастись. Против него выдвинули обвинения по семи пунктам, среди них были обвинения в том, что он сохранял армию для свержения правительства, и в «склонности к папизму». В палате лордов Дэнби активно защищался. Он высмеивал своего обвинителя Монтегю за измену и двуличность в отношении своего короля, он не признавал обвинений и требовал немедленного суда.

Карл тогда решил отсрочить судебные процедуры против своего главного министра, изба-

вившись от парламента. На заседании Тайного совета в первые недели 1679 года король сказал своим советникам, что не ждет их совета, потому что они больше страшатся парламента, чем самого монарха. 24 января Карл распустил парламент. Так прекратил свое существование «Кавалерский парламент», который впервые собрался в 1661 году, сразу после реставрации короля. Он проработал семнадцать лет и за этот период времени из собрания сторонников короля превратился в сборище параноиков, разобщенных между собой, неспособных договориться, готовых обрушиться и на королевских министров, и даже на самого короля.

Однако Карл и его министры принесли пользу стране, сами того не подозревая. Окончание войны на море с голландцами в 1674 году, например, существенно повысило в стране объем торговли на экспорт. Возврат акцизов после того года значительно увеличился по таким основным товарам, как пиво, эль, чай и кофе, что, в свою очередь, свидетельствует о резком росте потребления. Рост прибыли заметно сказывался и на королевских доходах, которые тоже стали расти. Сообщения того времени наводят на мысль, что средние классы тоже почувствовали вкус

к импортным «предметам роскоши», а работающие бедные стали покупать такие вещи, как трикотажные чулки, керамическую и латунную посуду. Торговая революция XVIII века началась на три-четыре десятилетия раньше. Успешная колонизация территорий Северной Америки и Вест-Индии, предпринятая в правление первых королей династии Стюарт и при протекторате Оливера Кромвеля, теперь приносила плоды в виде постоянно растущих объемов торговли. К 1685 году англичане имели самый большой коммерческий флот в мире. Английские суда везли сахар, табак и хлопок на огромное лондонское торжище.

Картину материального благополучия дополняют следующие факты. В 1672 году, например, между Лондоном и всеми основными городами королевства пустили дилижансы; сообщалось, что «каждый городок в пределах 32 километров от Лондона переполнен ими». Повсеместность дилижансов предвещала реорганизацию транспорта в следующем столетии с дальнейшим развитием платных дорог и каналов. Страна постепенно ускоряла темп развития и одновременно обретала целостность.

В экономической истории общим местом стало

утверждение, что сельскохозяйственная революция XVIII века фактически началась в середине XVII столетия. Знакомство с новыми зерновыми культурами и неуклонное распространение «огораживаний» с целью добиться когезии и производительности земель уже меняли английский ландшафт. Изобилие зерна, например, было таково, что в 1670 году производителям разрешили экспортировать свой урожай вне зависимости от цен на внутреннем рынке.

В 1682 году Джон Хоутон в своем «Собрании известий для развития предпринимательства и торговли» писал, что «с момента наисчастливейшей реставрации Его Величества полезные советы Королевского научного общества пробудили и заставили действовать всю страну: парки засаживались, общинные земли огораживались, леса превращались в пашни, а пастбища улучшались клевером, турнепсом, сурепкой, петрушкой и многими другими хорошими растениями, так что корм для скота произрастал так же быстро, если не быстрее, как и потреблялся…». Это означало, что практические эксперименты и новые методы стали приносить результаты.

И еще одна революция начиналась в правление последних Стюартов. Возможно, полноценные

условия для урагана изобретений, предпринимательства и торговли, которые составили промышленную революцию, еще не сложились, но атмосфера менялась. Английское кораблестроение в XVII веке достигло беспрецедентного «пика», который невозможно повторить. Английские шахты и рудники давали больше угля, олова и железа, чем когда-либо раньше. Например, добыча угля на северо-востоке Англии с 1600 по 1685 год увеличилась более чем вдвое. Старое производство грубых тканей теперь замещалось так называемыми «шерстяными мануфактурами», на которых производили более тонкие материи. К концу XVII века повсеместно существовали сахарные и стекольные заводики, чугунолитейные цеха. Уже были созданы производства пива и мыла. Быстрый рост таких городов, как Манчестер и Бирмингем, Галифакс и Шеффилд, свидетельствовал о взаимозависимости индустриализации и урбанизации. Бирмингем при Тюдорах представлял собой не более чем деревню, а к концу века там жило по меньшей мере 8000 человек. Численность населения всей страны, возможно, стабилизировалась, но значительная его часть теперь переселялась из сельской местности в города.

Голосование в первые недели 1679 года, после роспуска «Кавалерского парламента», естественно, происходило на основании выбора между королем и парламентом. Поскольку после разоблачения «Папистского заговора» и позора Дэнби страна отвернулась от короля, новый парламент был даже более враждебен королевскому двору, чем предыдущий. Сам король заметил, что выбрали бы даже собаку, если бы она противостояла придворному. Шафтсбери, главный покровитель этой перемены в настроениях, подсчитал, что в парламент прошло 158 придворных и 302 оппозиционера.

В преддверии переговоров с новым парламентом королю требовалось решить два неотложных дела. Он встретился с графом Дэнби и попросил его подать в отставку в обмен на титул маркиза и большую ежегодную пенсию. Поскольку большинство зависимых от него людей не выбрали в парламент, правительству короля фактически уже пришел конец. Возникла новая политическая жизнь — агитации и кампаний.

Архиепископа Кентерберийского попросили обсудить с Яковом, герцогом Йоркским, перспективу возвращения в лоно Англиканской церкви; герцог отказался. Тогда король вызвал своего бра-

та и приказал ему удалиться за границу: это был единственный способ предотвратить недовольство парламента. Яков упрямо боролся против ссылки, но в начале марта скорбно отправился в Испанские Нидерланды под предлогом визита к дочери и новому зятю Вильгельму Оранскому.

Однако новый парламент не желал отказаться от преследований по «Папистскому заговору» и импичмента Дэнби, особенно после того, как стало известно, что король его простил. Через неделю после созыва парламента граф подал в отставку, а в следующем месяце палата лордов отправила его в Тауэр. Когда лорд Галифакс осуждал решение даровать титул маркиза «предателю своей страны», он пристально смотрел на короля, который присутствовал на заседании. Рассказывали, что позже Карл воскликнул: «Боже мой! Как плохо со мной обращаются; и я должен сносить такое отношение и молчать!»

Весной того года, сразу после начала работы парламента, король объявил о смене администрации. Он распустил прежний Тайный совет и вместо него учредил меньший по количеству членов Совет из тридцати трех человек, в число которых входили должностные лица и независимые политические деятели. Лорд-президентом

Совета Карл назначил Шафтсбери и включил в состав четырех членов парламента, которые всегда решительно выступали против короля, что тогда выглядело весьма удивительным и почти скандальным шагом. Возможно, он намеревался приручить или подкупить их, а может быть, эти назначения просто служили ширмой для маскировки его истинных намерений. В любом случае некоторые из новых советников потеряли свое былое влияние: практически все считали, что они продались королю. Члены Совета вскоре разошлись между собой во мнениях и оказались исключительно неэффективными. Очевидно, это тоже входило в планы короля. Карл не доверял никому из них, он признался графу Эйлсбери, что «им и знать-то ничего не положено». После отставки Дэнби король оказался фактически в изоляции и как-то сказал сэру Уильяму Темплу, что «с ним рядом не осталось никого, с кем бы поговорить по душам». В своей борьбе против сильных и хорошо организованных парламентских противников Карл выступал в одиночестве.

Ближе к концу апреля 1679 года поступило обращение, призывающее исключить герцога Йоркского из наследников английского престола; говорили, что «Папистский заговор»

вдохновлялся его вероятным согласием занять трон. Таково было формальное начало того, что в исторической литературе называют «кризисом исключения». Печатались памфлеты и сатирические стихи, публиковались и широко распространялись результаты парламентских голосований. Сторонники «исключения» в значительной степени контролировали палату общин, но законопроект не мог быть принят без согласия короля и палаты лордов.

Тем не менее «Закон об исключении» быстро приняли в первом и втором чтении. В нем объявлялось, что герцог Йоркский был соблазнен папскими агентами перейти в католичество и долг парламента лишить его возможности занять трон Англии. Член парламента сэр Джон Тревор утверждал: «Глаза короля закрыты, он ничего не знает об опасности, в которой мы находимся…» Истерия вышла за стены парламента. Говорили, что горожане ложатся спать, положив рядом пистолет, а их жены, выходя на улицу, берут с собой нож. Возмущенный ходом событий Карл в начале июля отложил работу парламента. Непопулярность его решения была такова, что ему пришлось удвоить охрану Уайтхолла. Шафтсбери объявил, что королевские советники заплатят за

это решение своей головой.

Сессия оставила после себя единственный долговременный памятник в форме Хабеас корпус акта, который гласил, что никакого человека нельзя незаконно взять под стражу, а всех обвиняемых в тяжком уголовном преступлении и измене следует или быстро представлять в суд, или освобождать от тюремного заключения. Закон задумывался как средство общественной безопасности на случай восшествия на престол католика Якова. В «Комментариях к законам Англии» сэр Уильям Блекстоун писал, что «момент времени, в который я бы зафиксировал *теоретическое* совершенство нашего публичного права, — это 1679 год; после принятия Хабеас корпус акта, и прекращения действия в связи с истечением срока Закона о лицензировании печатной продукции…». Неожиданный перерыв в работе парламента действительно привел к тому, что законы, ограничивающие прессу, не были подтверждены, поэтому различные фракции теперь могли свободно изливать на бумагу свой гнев.

Во второй половине 1679 года в широкое употребление вошли термины «виг» и «тори». «Виг» было сокращением от прозвища пресвитериан-

ских бунтовщиков Шотландии, страстно боровшихся за более строгий Ковенант, *Whiggamores* (от шотландского слова, которое означало «прокисшая сыворотка»). Ирландские роялисты-католики имели гаэльское прозвище *toraihde* в значении «грабитель, разбойник», «тори» было сокращением от этого слова. Довольно скоро виги Шафтсбери, поддерживающие протестантскую церковь и выступающие за исключение Якова, вступят в борьбу с тори Дэнби, готовыми защищать божественный порядок правопреемства и короля-католика. Виги были врагами папизма и автократии и хотели ограничить королевскую власть. Тори были решительно настроены оградить права короля и конституцию от нападок тех, кого они считали республиканцами и мятежниками. Естественно, на каждой стороне имелись различные группировки, а также присутствовала третья фракция «триммеров», которые занимали центристскую позицию. Благожелательный свидетель тех событий герцог Ормонд писал, что «триммеры» говорят языком «умеренности, согласия и мира», сочетая заинтересованность вигов в поддержании собственности и истинной веры с желанием тори сохранить монархию и нерушимость прерогативы короля.

Умеренность и согласие были вовсе не очевидны в изрядно политически расколотой нации. В «Клуб зеленой ленты», наверное, первое в человеческой истории политическое объединение, входили разные группы вигов, в том числе диссентеры, юристы и коммерсанты. Собрания клуба проходили в таверне «Голова короля» на углу Флит-стрит и Чансери-Лейн, там они обычно разрабатывали свою стратегию и согласовывали тактику. Как открытые сторонники Шафтсбери, члены клуба носили зеленые ленты и таким образом представляли себя как «партию». Они привычно выражали почтение к прерогативе короля, но зачастую говорили о своей ответственности перед «народом», нередко повторяя фразу *salus populi suprema lex* — «благо народа — высший закон». В сущности, это приведет к политической революции, хотя и без кровопролития очередной гражданской войны.

Карл понимал, что, если его противникам удастся избавиться от Якова, следующей жертвой неизбежно станет он сам. Его вынудили вступить в борьбу за выживание. Противники короля считали, что при возрастающем давлении он в конце концов уступит и отлучит своего брата от трона. Многие теперь видели следующего наследника

престола в незаконном сыне короля, протестанте герцоге Монмуте. Шафтсбери даже утверждал, что Карл притворяется, что он против исключения, а сам только и ждет, чтоб его «заставили» согласиться на наследование трона его родным сыном. В самом деле, Карл был невысокого мнения о своем брате. Когда Яков предостерегал его от прогулок в Сент-Джеймсском парке без охраны, Карл ответил тому: «Уверен, что ни один человек в Англии не посягнет на мою жизнь хотя бы затем, чтоб не сделать королем тебя». Однако было маловероятно, что Карл откажет Якову в законном праве наследовать.

Французский посол отмечал, что король «ведет себя столь скрытно и непонятно, что даже самые проницательные наблюдатели теряются в догадках. Он имеет тайные сговоры и контакты со всеми группировками, а те, кто больше других возражает ему, тешат себя надеждой, что переманят его на свою сторону». Посол, вероятно, переоценивал хитрость Карла: очень может быть, он просто переходил от одной сиюминутной выгоды к другой.

Герцог Монмут, протестантский кандидат на престол, вскоре покрыл себя славой или по меньшей мере кровью. Неподалеку от города

Сент-Эндрюс банда ковенантеров вытащила из кареты примаса Шотландии, архиепископа Шарпа, и заколола его насмерть на глазах у дочери; затем они разгромили посланный за ними эскадрон роялистов. Тогда на север отправили Монмута с большой армией, и возле Босуэлл-Бридж он наказал ковенантеров. Последующее усмирение этих энтузиастов получило название «время убийств». Монмут стал героем дня, и его стремление к трону заметно усилилось. В качестве протестанта он был предпочтительным кандидатом для Шафтсбери, и Яков с тревогой наблюдал из ссылки в Брюсселе, как растет расположение короля к своему внебрачному сыну.

Несколькими месяцами ранее Карл подписал документ, в котором удостоверял, что «во избежание каких-либо споров впоследствии относительно наследования престола я объявляю перед Всемогущим Господом, что никогда не обещал жениться и не вступал в брак ни с какой женщиной, кроме моей ныне живущей жены королевы Екатерины». Таким образом он заявил миру, что Монмут не был законным наследником, но король прекрасно умел лгать.

Когда Монмут возвратился в Лондон, люди собрались на улицах, жгли праздничные костры

и пили за его здоровье. Многие считали его защитником протестантской веры и, как первого побочного сына Карла II, истинным наследником трона. Несмотря на возражения короля, говорили, что существует тщательно спрятанный «черный ящик», в котором хранится брачный контракт Карла и Люси Уолтерс. Люси Уолтерс была одной из первых любовниц короля во время ссылки на континенте и стала матерью Монмута. Монмут был хорош собой и обаятелен, во всех отношениях королевский отпрыск. Во время путешествий по королевству ему всегда оказывали такие же почести, как и его отцу. Куда бы он ни отправлялся, его сопровождали толпы слуг и обожателей. Он был, по словам Маколея, «самым популярным человеком в королевстве». Неудивительно, что он стал задумываться о короне. На щите его герба, поделенном на четыре части, были изображены английские львы и французские лилии как символ его устремлений. Он даже начал лечить золотуху наложением рук.

В июле 1679 года король решил превратить перерыв в работе парламента в полноценный роспуск, ожидая новых общих выборов: он был уверен, что общественное мнение развернулось в его сторону. И действительно, теперь появилось

много людей, кто ставил под сомнение здравый смысл и лояльность Шафтсбери в бесконечном преследовании герцога Йоркского. Тем не менее в избирательной кампании летом того года партия вигов, как мы можем уже теперь их называть, рьяно выступала против наследника-католика. Когда сочли, что духовенство Эссекса склоняется к интересам двора, священников начали величать «молчаливыми собаками… иезуитскими псами… потайными фонарями… служителями Баала… чинушами и злодеями… черной стражей… черным полком ада!». Тори, в свою очередь, отторгали вигов как «сброд» вероломных и грязных мятежников. Обе стороны составляли списки, помечая имена словами «подлый» и «достойный». Сэр Ральф Верней, который вскоре станет членом парламента, отметил, что «из-за выборов разгорелась большая вражда в наших Чилтернских холмах и в нашем Вейле, да и, полагаю, во всей Англии».

Но затем проблема наследования обострилась. В конце августа король серьезно заболел, два-три дня он находился на грани смерти. Из Брюсселя вызвали Якова, чтобы он находился рядом с братом и, возможно, принял корону; он приехал в Англию, прикрывшись для маскировки

черным париком. Тем временем сторонники Монмута начали интриговать в его интересах. С политической точки зрения нация находилась в замешательстве.

43. «А может, лучше в “Петухе”?»

12 января 1675 года в Лондоне имела место такая беседа. Разговор идет якобы о фарфоре, эта новинка тогда вызывала в городе большой ажиотаж. Леди Фиджет желает получить что-то интересное от своего близкого приятеля: «Он прекрасно разбирается в фарфоре, у него хорошая коллекция, но он не позволит мне ее посмотреть, пока я хорошенько не попрошу». Фамилия джентльмена Хорнер, и его близость к леди Фиджет беспокоит ее мужа.

Сэр Джеспер. Жена! Миледи Фиджет! Он идет к тебе с черного хода!

Леди Фиджет. Да пусть идет — и добро пожаловать! — с любой стороны.

Сэр Джеспер. Вот увидишь, он поприжмет тебя и обойдется жестко, уж больно он для тебя могуч.

Леди Фиджет. Не утруждай себя, пусть попробует, если сможет.

Хорнера, задержавшегося в спальне с леди Фиджет, чуть позже спрашивают, не осталось ли у

него еще фарфора.

Хорнер. Клянусь честью, у меня теперь ничего нет.

Миссис Скуимиш. Ну конечно, вы и раньше отказывали в фарфоре, но от меня так просто не отделаешься. Идемте.

Хорнер. Эта дама забрала последнее.

Леди Фиджет. Мадам, я уверена, у него точно ничего не осталось.

Миссис Скуимиш. А может, вы до чего-то не добрались.

Леди Фиджет. Что, вы думаете, я бы что-то просмотрела? Нам, порядочным женщинам, всегда не хватает фарфора.

Этот разговор происходил на сцене Королевского театра Друри-Лейн. «Фарфор», разумеется, эвфемизм «спермы», и все зрители это знали. Комедия Уильяма Уичерли «Деревенская жена» (The Country Wife) скоро прославилась своей фривольностью. Однако в 1670-е годы это не порицалось, а, напротив, весьма ценилось.

Сразу после реставрации монархии возродились две театральные труппы — «Слуги короля» под управлением Томаса Киллингрю и «Слуги герцога» во главе с сэром Уильямом Давенантом.

Сначала они давали спектакли на временных площадках, пока в Лондоне не построили подходящих театральных зданий. В любом случае их аудитория заметно сократилась со времен легендарных «Глобуса» и «Фортуны». Новую театральную публику в основном составляли «знатные» и «модные», а также те представители среднего класса, которые стремились им подражать.

«Щеголи» и «острословы» двора тоже посещали спектакли и обычно, по словам Этеридж из комедии «Она хотела б, если бы могла» (She Wou'd if She Cou'd), перемещались «из одного театра в другой, а если им не нравились ни пьеса, ни женщины, то редко проводили там больше времени, чем требовалось на то, чтобы привести в порядок парик или перекинуться парой фраз с приятелем, а затем: шляпу на голову и с важным видом — в другое место». Спектакль начинался в половине четвертого дня и продолжался около двух часов. Джентльмены приносили с собой вино и нередко шумели громче актеров на сцене, задирая их или обмениваясь с ними шутками.

В комедии «Деревенская жена» Хорнер притворяется кастратом, чтобы ввести в заблуждение мужей и крутить интрижки с их женами. Среди

желанных для него женщин — Марджери Пинчвайф, невинная молодая невеста, которую строго блюдет ее нареченный. Обычные осложнения пикантного фарса происходят посреди косвенных намеков и двусмысленностей, главные героини страстно желают тайно насладиться расположением Хорнера. Сама леди Фиджет отнюдь не осуждает притворную добродетель. «Наша репутация! Господи, неужели не ясно, что мы, женщины, пользуемся своей репутацией ровно так же, как и вы, мужчины: лишь затем, чтобы обманывать общество, не вызывая подозрений?» Как однажды заметил Ли Хант об этих пьесах XVII века: «Мы не видим ничего, кроме бессердечных изящных дам и кавалеров, которые входят и выходят, говоря друг другу остроумные вещи, суетясь в лабиринте интриг».

И в этом суть комедий периода Реставрации. Они воспроизводят жесткое, хоть и хрупкое общество, в котором главный приз получает самый непорядочный или лицемерный; они отражают мир, в котором все нравственные ценности условны или сомнительны; они передают общее чувство неустойчивости, при котором никто точно не знает, во что верить и как себя вести. Это великолепное дополнение к трагедии времен

Реставрации, в которой фантастические представления о любви и отваге не имеют отношения к реальной жизни и настоящим чувствам, представляя собой лишь неестественные и слезливые основания для шумных тирад и риторик.

В отличие от трагедий действие комедий того периода, по крайней мере, разворачивается в реальном месте и в реальном времени. Время действия — всегда современность, а место действия — всегда Лондон.

Спаркиш. Так, где мы обедаем?
Хорнер. Где хочешь.
Спаркиш. Может, у Шатлена?
Дорилент. Пожалуй.
Спаркиш. А может, лучше в «Петухе»?
Дорилент. Хорошо, если тебе нравится.
Спаркиш. Или у «Сеттера и куропатки»?

Это был мир, в котором действующие лица должны были «дожидаться, когда за ними прибудут портшезы», проститутки всегда носили маски, а женщины «все заливались смехом, пока не описаются». Главные герои — это всегда знатные люди или, по крайней мере, те, кто стремится сравняться с ними. Драматурги тоже принадлежали к дворянству, как и все зрители. Все знали

всех, но в отражениях множественных зеркал друг в друге нет-нет да и мелькнет перед нами абрис эпохи.

Персонажи, разумеется, говорят прозой: хорошая беседа считалась средством узнать правду и продемонстрировать хорошие манеры. Ничто не звучало так восхитительно правдиво, как нечто прекрасно сформулированное. Понятие «остроумие» с той поры играет решающую роль. Как говорит об этом Хорнер, «ум в женщине важнее красоты. У кого он есть — та уже не дурнушка, красивая дура куда менее приятна». Остроумие не возникало в момент постановки финальной точки в эпиграмме, а было сиюминутной производной живого, проницательного ума и наблюдательности. Остроумие было чрезвычайно востребовано при дворе Карла II.

Непристойностей также весьма жаждали и при дворе, и на сцене. Хорнер извиняется перед леди Фиджет за то, что не захватил из Франции «ни похабных картинок, ни гравюр с неприличными стихами, ни второй части “Школы девушек”». Пипс отозвался об этой «Школе» как «самой непристойной, безнравственной книге из всех», что он видел: «Мне даже неловко было ее читать». Так что комическая сцена привыкла к грубой

пище. Хотя, пожалуй, и не столь откровенной, как это:

В жидком восторге я полностью растворяюсь,
Таю, став спермой, прохожу через каждую пору,
Причиной — прикосновение любой ее части:
Ее руки, ее ноги, ее взгляда и вульвы[46].

Автор этих строк Джон Уилмот, граф Рочестер, был яркой звездой двора Карла II. В возрасте семнадцати лет в Рождество 1664 года он прибыл в Уайтхолл с письмом королю от герцогини Орлеанской из Франции. Достаточно скоро он вошел в круг острословов, окружавших короля, а весной 1666 года был назначен джентльменом при спальне короля. Он обладал всеми качествами, которые обожал король: остроумный и речистый, легкомысленного поведения и такого же образа мыслей, что имело первостепенное значение в той среде:

Во рту Ее Светлости Кливленд (хватка́!)
Шипов было больше, чем в море песка.
Широк стал от тренья он, как решето,

---

[46] Примечания: 46

In liquid raptures I dissolve all o'er, / Melt into sperm, and spend at every pore. / A touch from any part of her had done 't: / Her hand, her foot, her very look's a cunt.

Размером как раз под Сеньора Дильдо[47].

Уилмота посадили в Тауэр за попытку похищения женщины; по приказу короля он был освобожден и проявил отвагу (или безрассудство) на войне с голландцами. Его последующая жизнь при дворе в основном состояла из щедрых порций алкоголя и секса, приправленных модным атеизмом. Он вспоминал, как на собрании атеистов в доме «знатного человека» он «начал руководить делом, был главным оратором против Бога и благочестия… чем заслужил аплодисменты всей компании». Это полностью обрисовывает атмосферу, царившую в Уайтхолле.

В течение пяти лет, по его собственным словам, он постоянно пьянствовал, и напивался до такой степени, что не помнил многие из своих «диких и необъяснимых» поступков. Как большинство его современников при дворе, он был глубоко взаимосвязан с театром того времени. На самом деле драму тех лет, наверное, можно рассматривать как продолжение самой придворной жизни. Рочестер опекал таких драматургов, как Джон Драйден и Томас Отуэй. Он писал комедии и тра-

[47] Примечания: 47

Перевод А. Лукьянова. That pattern of virtue, Her Grace of Cleveland, / Has swallowed more pricks than the ocean has sand; / But by rubbing and scrubbing so large it does grow, / It is fit for just nothing but Signior Dildo.

гедии, а также различные прологи. Тем не менее его по-прежнему помнят в основном как автора сатирических выпадов и мастера словесных непристойностей:

Шел разговор у выпивох:
Кто драл кого, а кто был плох...[48]

Персонаж комедии «Деревенская жена» спрашивает: «Разве мы живем не в откровенную эпоху? И я — человек откровенный». «Откровенность», по всей видимости, состояла главным образом в богохульстве и непристойности, но также была частью нового освобождения от обязательств, представленного убедительным анализом социальных отношений Томаса Гоббса и решением экспериментаторов Королевского научного общества торговать делами, а не словами. Это была попытка увидеть мир заново после осознания, что религиозное мракобесие и доктринерские предрассудки ввергли Англию в беспорядок. Гораций Уолпол писал: «Поскольку пресвитериане и религиозные фанатики стремились все обозначать библейскими названиями, новый двор предпочитал называть вещи своими

[48] Примечания: 48

Перевод А. Лукьянова. Much wine had passed, with grave discourse, / Of who fucks who, and who does worse...

именами». Пришло время избавиться от балласта непроверенных предположений, фальшивой риторики и привычных апелляций к власти или традиции. Такова была ироническая, циничная и материалистическая атмосфера королевского двора периода Реставрации.

44. «Шум рифмуется с шумом…»

Когда Яков вошел в комнату больного брата в Виндзорском замке, он упал на колени. Сообщали, что оба залились слезами. Карлу уже полегче, угроза жизни миновала. Однако два претендента на престол, герцоги Йоркский и Монмутский, теперь находились в конфронтации. Каждый имел свою группу сторонников, но на тот момент чаша весов склонялась к Якову. Его неожиданное возвращение в Англию не вызвало бунта, как опасались некоторые, принца встретили с уважением: лорд-мэр и олдермены Лондона, например, пришли приложиться к его руке. Он не желал возвращаться в ссылку в Брюссель и, по-видимому, ясно дал понять, что покинет Англию только в том случае, если герцог Монмут тоже удалится. Поэтому было решено, что Монмут отправится в Голландию, подальше от греха, а Яков поедет в Эдинбург как в некотором роде наместник короля. Герцог Йоркский оставался в Шотландии почти три года.

Уже стало ясно, что на летних выборах виги получили большинство, а тех, кто голосовал против

«исключения» Якова, по большей части лишили должностей. Однако Карл не позволил этому парламенту начать работу, отложив сессию на начало следующего, 1680 года. Король сказал своему племяннику Вильгельму Оранскому, что в этом случае у него не оставалось выбора, иначе они бы «отняли его корону». Кроме того, он боялся, что палата общин приступит к импичменту его брата и жены за их католическое вероисповедание. Немногие рассчитывали, что парламент еще соберется.

Шафтсбери освободили от должности лорд-президента Нового Совета, и он сразу взял на себя роль лидера оппозиции двору и короне. Однако он прекрасно понимал, что не имеет реальной силы в отсутствие работающего парламента. Палата общин была его преторианцами. Немедленно и весьма энергично он приступил к организации петиций из всех областей страны за возвращение парламента. Шафтсбери так поставил дело, что его агенты вместе с известными местными жителями ходили из прихода в приход, собирая крестики и подписи. Не пропустили никого, даже самого последнего бедняка.

17 ноября «Клуб зеленой ленты», выступавший против католиков и королевского двора, устроил

в Лондоне пышное шествие. Утверждалось, что в акции приняли участие 200 000 человек. По улицам театрально протащили изображения разнообразных католических персонажей. В итоге процессия остановилась на Флит-стрит прямо у таверны «Герб короля», штаба этого клуба. Здесь фигуры папы римского и дьявола, а также разных монахов, монахинь и иезуитов бросали в костер под громкие вопли одобрения, которые, согласно памфлету «Лондон сопротивляется Риму», долетали до Франции и Рима, «погружая их в ужасное изумление». Маколей в своей «Истории Англии» отмечает, что в это время в широкое обращение входят два слова *mob* («сброд») и *sham* («мистификация»).

Когда герцог Монмут неожиданно явился в Лондон из ссылки, его как протестантского наследника престола встречали праздничные костры и толпы ликующих людей. Однако отец принял его не так тепло и велел удалиться от двора. Сын не подчинился на том основании, что должен остаться, чтобы защитить жизнь отца от папистов-заговорщиков.

В начале декабря 1679 года Шафтсбери вместе с пятнадцатью другими лордами остановил Карла на пути в королевскую часовню и вручил ему пе-

тицию об открытии сессии парламента. Король так разгневался, что продлил приостановку еще на одиннадцать месяцев и издал декларацию, запрещающую подачу прошений. Его сторонники выступили против тех, кто пытался оказать давление на короля. На какое-то время образовались фракции «противников оппозиции» и «просителей».

После нескольких месяцев тупика Шафтсбери обострил ситуацию, когда в начале лета 1680 года попытался представить Большому суду присяжных Мидлсекса герцога Йоркского как паписта, а фаворитку Карла герцогиню Портсмутскую как проститутку. Герцогиня уже давно вызывала у многих подозрения и неприязнь, открыто поговаривали, что ей как можно скорее следует собирать вещи и отправляться во Францию. Поступок Шафтсбери, разумеется, был публичным оскорблением королю и явной попыткой распалить общественное мнение. Король поспешил из Виндзора в Лондон, где повелел главному судье Англии Уильяму Скроггсу распустить суд графства до заслушивания свидетельств по обвинениям. Однако ущерб был уже нанесен, к тому же Шафтсбери никто не порицал.

Когда в итоге парламент собрался в конце

октября, зал заседаний был переполнен с самой первой сессии. Министры короля, которых называли «малышами» за их относительную молодость, изложили то, что считали последовательной политикой: снять остроту угрозы «исключения», наложив ограничения на власть будущего короля Якова, и добиваться союза с Соединенными провинциями против французов. По-прежнему было важно продемонстрировать враждебность к Людовику XIV, несмотря на то что Карл постоянно вел с ним переговоры о выделении денег.

Однако виги не отказались от своей цели, и в начале ноября внесли второй Закон об исключении против герцога Йоркского. В течение девяти дней этот закон прошел третье чтение и затем поступил в палату лордов. Герцог Монмут вернулся в Лондон из триумфальной поездки по западным графствам, чтоб принять участие в обсуждении дела.

Король тоже посетил это долгое заседание палаты лордов, продолжавшееся с одиннадцати часов утра до девяти часов вечера, и очень внимательно слушал выступления. Все считали, что он бросит своего брата, пусть и неохотно, ради общественного спокойствия: было известно, что

больше всего на свете Карл боится новой гражданской войны. Однако король твердо стоял на своей позиции и дал это понять во время дебатов лордов. Когда Монмут выразил отцу озабоченность, Карл выкрикнул: «Иудины лобзания!» Возможно, отношение короля помогло лордам собраться с мыслями. Они проголосовали, 63:30, против Закона об исключении. План Шафтсбери провалился.

Была надежда, что палата общин теперь предложит компромиссное решение, которое устроит обе стороны, но такой умеренной позиции не существовало. Общины приняли несколько резолюций, направленных на исключение герцога Йоркского. Они утверждали, что в этих обстоятельствах невозможно предоставлять никакого субсидирования, что советников короля следует удалить с государственной службы, а любого, кто даст королю в долг, нужно вызывать в суд парламента. Карлу советовали снова объявить парламенту перерыв, и палата общин, быстренько получившая предупреждение об этой угрозе, собралась утром 10 января 1681 года, чтобы объявить того, кто дал королю такой совет, предателем короля и королевства. Поэтому Карл издал декларацию о роспуске парламента и объ-

явил, что следующий состав соберется в Оксфорде через два месяца.

Это решение вызвало гнев, негодование и немалое беспокойство Шафтсбери и его последователей. Оксфорд был известен как наиболее роялистский из всех английских городов. Они обеспокоились бы еще сильнее, если бы узнали, что Людовик XIV предложил Карлу новую взятку. Людовик пообещал ежегодный пенсион, по размеру превышающий все, что мог бы предоставить парламент, до тех пор, пока король будет воздерживаться от участия в нападении на Францию со стороны Испании или других стран. Запрет на импорт из Франции тоже закончился. Бумаге на сей раз ничего не доверили, подписи не требовались, это было устное соглашение между двумя королями, заключенное при посредничестве послов.

Новый парламент, собравшийся 21 марта 1681 года, так же не хотел идти на соглашение, как и предыдущий. Карл появился перед двумя палатами с компромиссным предложением. Если Яков когда-либо станет королем, то его власть перейдет регенту. В первую очередь регентом станет старшая дочь Якова протестантка Мария, принцесса Оранская; а в случае ее болезни регентство

будет передано его младшей дочери протестантке Анне. На первый взгляд это казалось в высшей степени разумным вариантом урегулирования, но палата общин его отвергла. Вместо того она стала обсуждать третий Закон об исключении. Карл на самом деле, казалось, искренне хотел урегулирования в более спокойной атмосфере Оксфорда, тем более что опасался новой гражданской войны. В этом состояла одна из причин его тайного соглашения с французским королем: ему могли понадобиться и солдаты, и деньги.

28 марта Карл при всех королевских регалиях в крытом портшезе проследовал в палату лордов, которая заседала в Геометрической школе Оксфорда. Он готовился преподнести сюрприз. Король вышел к лордам в обычной одежде, а затем приказал слугам одеть его в мантию и корону. В полном королевском облачении он пригласил палату общин. «Лорды и общины, — обратился король к обеим палатам, — весь мир может наблюдать, куда мы идем. Если в начале пути разногласия приняли такой масштаб, то вряд ли нас ждет хороший конец. Посему, мой лорд-канцлер, сделайте то, что я вам приказал». Тут он сказал своим противникам прямо в лицо, что они распущены и должны разъехаться.

Сам король немедленно покинул Оксфорд, и им ничего не оставалось, как последовать за ним. Сообщалось, что «дыхание короля развеяло их, как осенние листья».

Теперь Карл считал, что сможет обойтись без субсидий парламента. Его пенсион из Франции и таможенные доходы от вновь разрешенного импорта французских предметов роскоши предоставят ему пространство для маневра. Дворцовые расходы в любом случае уже были значительно сокращены. Карл решил начать период личного правления без противодействия, которое отвлечет или обеспокоит его. В этом отношении короля весьма поддержало видимое восстановление лояльности к монархии Стюартов. Упорство Шафтсбери и его сторонников в отторжении, казалось бы, справедливого и разумного предложения о регентстве контрастировало с умеренностью короля. Они хотели заставить его подчиниться, но он оказался непоколебим в своем решении. Он отверг все попытки изменить правопреемство, потому что это противоречило его совести и законам Англии. Вот так можно было представить роспуск оксфордского парламента.

В «Декларации ко всем своим верным поддан-

ным», касаясь целей и причин, которые побудили его распустить последние два парламента, он заявил: «Мы защищаемся, и нам поможет верность» тех, «кто принимает во внимание появление и развитие последних проблем». «Последние проблемы» — это разногласия, которые приводили к гражданским войнам. «И мы не можем не помнить, что вера, свобода и собственность — все было потеряно вместе с монархией и не возрождалось, пока монархию не восстановили». Он обратился, таким образом, к инстинктам верности и постоянства, на которых держатся традиции страны.

Теперь он обрушил свой гнев на Шафтсбери и его союзников, которые без шансов на парламент начали терять силы и волю. Карл решительно настроился сместить их со всех общественных должностей: удалить из судебных органов и городских администраций. Шестьдесят членов парламента, проголосовавших за исключение, лишились назначений мировыми судьями. Было уволено несколько лорд-лейтенантов графств вместе с нижними чинами — протоколистами и клерками городских администраций. Поскольку большую роль в оппозиции играли нонконформисты, законы против диссентеров стали

исполнять с повышенной точностью. Теперь именно их, а не католиков чаще отправляли в тюрьму. Один современник сказал, что это была форма гражданской войны, в которой закон использовался взамен оружия.

В начале июля 1681 года Шафтсбери взяли под стражу, он предстал перед королем и Советом, где его обвинили в измене. Граф отрицал обвинение, но, как бы там ни было, его отправили в Тауэр. Однако в королевском плане обнаружилось упущение. Шафтсбери имел дом на улице Олдерсгейт, поэтому рассмотрение его дела подпадало под юрисдикцию лондонского Сити. Столица по-прежнему находилась в руках противников двора, то есть для короля оставалась вражеской территорией.

Поэтому при слушании дела графа в Центральном уголовном суде Лондона Олд-Бейли присяжные были сплошь известными вигами, а их старшина на поверку оказался членом парламента, голосовавшим за исключение. Естественно, жюри вынесло вердикт *ignoramus* («Мы не знаем»), и Шафтсбери оправдали. Четыре дня спустя он подал ходатайство об освобождении под поручительство, и сын короля герцог Монмут предложил себя в качестве поручителя. Шафтсбе-

ри освободили. Тем вечером улицы Лондона огласились криками «Монмут! Шафтсбери!». Однако во многих местах демонстрации вигов уравновешивались манифестациями тори, или, как написал сэр Роджер Лестрейндж в своем Observator, «Шум рифмуется с Шумом, и Шум должен противостоять Шуму».

Через два дня после вынесения вердикта король начал расследование о Лондонской хартии, задавая вопрос *quo warranto,* или на каком основании Сити пользуется привилегиями, на которых настаивает. Процесс был затяжным и дорогостоящим с множеством формальных и судебных тонкостей, которые легко можно было развернуть против муниципального совета лондонского Сити. Для оправдания лишения привилегий придворные юристы могли найти или изобрести любой предлог. Легче и дешевле было бы просить новой хартии, но это, в свою очередь, предоставило бы королю шанс убрать из муниципального совета «недовольных». Карл уже применял такую методику с большим успехом.

Еще до завершения судебного разбирательства *quo warranto* дворцовая партия приложила все свое влияние, чтобы избрать шерифами и мэрами городов людей из партии тори. Использовались

различные ухищрения. Владельцам пабов и кофеен говорили, что у них отзовут лицензии, если они не проголосуют за кандидатов тори. Большинство кандидатов от вигов убирали из избирательного списка на том основании, что они или квакеры, или не постоянные жители, или отказались принять присягу, или по какой-то иной причине не имеют права быть избранными. Кампания мошенничества и запугивания прошла успешно — везде избрали кандидатов тори. На следующий день Шафтсбери покинул свой дом на Олдерсгейт и скрывался, пока не сел на корабль, идущий в Голландию. Теперь он знал, что при новом обвинении в государственной измене его противники смогут проконтролировать состав присяжных, а король потребует его голову. Шафтсбери умер в Амстердаме в начале следующего года. Он верил, что в момент смерти души мужчин и женщин превращаются в звезды. Душа Шафтсбери, надо полагать, разожгла ярчайшую комету.

Некоторые лондонские радикалы теперь пришли к убеждению, что Карл стремится создать абсолютную монархию, и начали разрабатывать план, как помешать его попыткам. Правительственные информаторы докладывали, что

городские диссентеры ведут подготовку к восстанию: планируют захватить короля и заставить его действовать против брата. В ноябре 1682 года сотни «проворных парней» Ист-Энда подняли бунт с криками «Монмут! Монмут!». До отъезда на континент Шафтсбери обсуждал с герцогом вооруженное восстание в случае смерти короля.

Все эти планы и замыслы вылились в то, что стало известно как «Заговор Ржаного дома». Некоторые недовольные виги (среди них лорд Уильям Рассел, Алджернон Сидни и граф Эссекс) собирались напасть из засады и убить Карла и Якова, когда они будут возвращаться со скачек в Ньюмаркете. Заговорщики должны были встретиться возле уединенной усадьбы под названием «Ржаной дом» в Хартфордшире, чтобы «загасить две искры». О заговоре рассказал один из второстепенных действующих лиц, и в начале лета 1683 года основных участников арестовали. Суд над Расселом еще продолжался, когда стало известно, что Эссекс найден мертвым в своей камере в Тауэре с ранами на шее. Предполагалось, что он совершил самоубийство, таким образом признавая вину, но весьма вероятно, что его убили с целью подтвердить факт заговора против братьев королевской крови. Это предоставило

королю удобную возможность уничтожить всех видных вигов.

Когда семья лорда Рассела просила за него Карла, король ответил: «Если я не возьму его жизнь, он вскорости отнимет мою». Его обезглавили на Линкольнз-Инн-Филдс, государственный палач Джек Кетч плохо справился с отсечением головы Рассела, за что позже приносил извинения. Когда Алджернона Сидни также приговорили к смертной казни через отсечение головы топором, он пылко заявил о своей невиновности. Председательствующий судья Джордж Джеффрис поднялся и попенял ему:

— Молю Господа даровать вам сдержанность, пригодную для путешествия в мир иной, ибо для этого мира вам явно ее не хватает.

— Милорд, пощупайте мой пульс и убедитесь, я в полном порядке. И, слава богу, никогда не был так спокоен, как сейчас.

Рассел, Эссекс и Сидни прославились как первые мученики за партию вигов.

Герцог Монмут тоже был связан с заговорщиками, и против него выдвинули обвинение. Однако он покорился отцу и подписал признание, что «состоял в последнем заговоре», но не имеет отношения к планам покушения на жизнь отца. На

следующий день герцог отозвал свое признание, боясь, что предал былых союзников, и ему запретили появляться при дворе. Джон Ивлин 15 июля записал в дневнике, что «общество теперь в ужасе из-за последнего заговора; Его Величество очень печален и шагу не ступает без двойной охраны; все дороги вокруг Уайтхолла и парка перекрыты, гулять внутри разрешают единицам».

Известия о заговоре помогли еще больше разжечь злость к вигам и диссентерам. Король издал декларацию против «раскольнической партии», ее зачитывали с кафедры каждой церкви. Это спровоцировало волну многочисленных «верноподданнических обращений», в которых подчеркивалось верховенство королевской власти. Карл действительно победил в своем сражении с парламентом. Кроме того, он был близок к завоеванию Лондона. Процесс *quo warranto* подошел к концу, летом 1683 года королевские судьи решили, что привилегии города аннулируются и возвращаются в руки короля.

Теперь Карл мог править как ему заблагорассудится. Графа Дэнби, некогда осужденного палатой общин, сразу освободили из Тауэра. Герцог Йоркский получил значительные полномочия, и многим стало казаться, что он уже правит вме-

сто короля, который все больше думал лишь о собственных удовольствиях. Весной 1684 года герцога действительно снова ввели в Тайный совет, где он не заседал уже одиннадцать лет. В этот период Тита Оутса, зачинщика «Папистского заговора», арестовали за обвинения Якова в измене. Оутса признали виновным и оштрафовали на 100 000 фунтов стерлингов. Приговор гарантировал, что в обозримом будущем он останется в тюрьме.

Запись в дневниках Ивлина передает настроение и атмосферу ликующего двора с его «неописуемым развратом, азартными играми и вседозволенностью, как будто они совсем забыли Бога». Король «сидит и забавляется со своими любовницами», среди которых и герцогиня Портсмутская с «французским мальчиком. Он поет любовные песни на восхитительной галерее, пока примерно двадцать искусных придворных и других беспутных персон играют за большим круглым столом в бассет, а перед ними банк минимум в две тысячи золотом».

Однако играм Карла II близился конец. В первые недели 1685 года он страдал от длительных приступов подагры, которые лишали его сил. Утром в понедельник 2 февраля он рано встал

после беспокойной лихорадочной ночи. Слугам он показался апатичным, почти оцепеневшим. Он путано говорил и двигался, а потом у него начались судороги, как сказал один из его докторов, *convulsivi motus*, после которых он на протяжении двух часов не мог говорить. К его коже прикладывали шпанскую мушку, чтобы вызвать волдыри. Кровопускание принесло королю некоторое облегчение, и речь восстановилась. Вызвали герцога Йоркского. Тот так торопился, что прибежал, будучи обут в один ботинок и одну домашнюю туфлю. Доктора приготовили порошки для чихания, чтобы снизить давление «гуморов» в голове короля; дали также микстуру из примулы и спиртовой раствор нашатыря.

Казалось, что королю постепенно становится лучше, но днем в среду он вдруг покрылся обильным холодным потом, это было началом конца. Тогда применили лекарство, называвшееся «спиртовой раствор из человеческого черепа». К полудню четверга надежды почти не осталось. Карл перенес несколько приступов, но в перерывах между ними находился в сознании.

В четверг вечером он покончил с колебаниями всей своей жизни и официально принял католичество с помощью монаха-бенедиктинца Джона

Хадлстона. Когда епископы и другие посетители удалились, монах через потайную дверь впустил в комнату умирающего его брата, герцога Йоркского. Представляется, что нет причин не доверять этому факту. Яков писал и рассказывал об этом. Сам Хадлстон тоже оставил краткое описание события. Свидетелей действительно удалили из комнаты, но после король отказался принимать англиканское причастие.

После обряда разум Карла был ясным, а речь связной. На рассвете следующего дня он попросил подвинуть его к окну, чтобы он мог видеть восходящее солнце. К десяти утра он был без сознания. Незадолго до полудня он умер, спокойно и без страданий.

45. Ветер протестантства

Итак, 6 февраля 1685 года новый король Яков II взошел на трон перед лицом стабильной оппозиции, организованной Шафтсбери и вигами. В свои пятьдесят два года он имел крепкое здоровье и проявлял решительность и твердость: сохранил преданность католической вере, несмотря на все попытки склонить его к обратному. Яков был решительнее и правдивее своего брата, но уступал Карлу в сердечности и чуткости. Он, казалось, с трудом шел на компромисс и рассматривал мир вокруг себя в простых черно-белых красках: с одной стороны монархия и власть, с другой — республика и беспорядок. Стиль поведения Якова отличался строгостью и сдержанностью, но характер — вспыльчивостью.

Однако шансы на успех такого монарха совсем не обязательно сводились к нулю. Все знали, что он более усердный и добросовестный, чем его покойный брат, и больше заботится о бережливости в финансовых вопросах — типичный образец отставного морского офицера средних

способностей. Сам королевский двор радикально переменился. Там, где раньше были музыка, увеселения и азартные игры, теперь, по словам сэра Джона Лаудера, «остались только серьезность и работа».

В своем первом заявлении Яков поддержал Англиканскую церковь как самого верного друга английской монархии. Однако не прошло и недели с момента смерти прежнего короля, писал Джон Ивлин, а Яков, «к большой печали своих подданных, впервые открыто пошел на мессу в небольшую молельню в герцогских апартаментах, оставив двери широко распахнутыми». Когда для поклонения выставили Святые Дары, католики преклонили колени, а протестанты поспешили вон. Новый король объявлял стране о своем вероисповедании. Яков строил свою церковь на камне апостола Петра, но об этот камень он в итоге и споткнется.

Людовик XIV уже отправил Якову крупную сумму денег в качестве резервного фонда. Деньги хранились у французского посла на случай, если против короля поднимется восстание или будет расширяться оппозиция. Людовик не сомневался, что английский король теперь станет поддерживать католичество, насколько позволит его

власть над мирянами. Однако советники Якова помнили, что новые налоги придется проводить через парламент. Яков пригласил французского посла, чтобы объяснить ему положение дел. «Заверьте вашего господина, — сказал он ему, согласно собственному докладу посла, — в моей благодарности и преданности. Я знаю, что без его покровительства я не смогу ничего сделать… Я хорошенько позабочусь, чтобы не допустить вмешательства парламента во внешнюю политику. Если я замечу у парламентариев намерение нанести ущерб, то сразу отправлю их на покой».

Ему не пришлось беспокоиться. Парламент приступил к работе весной 1685 года, имея в своем составе подавляющее большинство тори и роялистов. Во вступительной речи король Яков дал «обещание заботиться о вере и благосостоянии» народа и в ответ попросил финансового обеспечения расходов короны. Парламентарии проголосовали за выделение субсидии. Учитывая исключительное повышение его дохода от акцизов в результате роста торговли, они предоставили королю больше средств, чем он фактически запрашивал. Однако он, наверное, заставил их задуматься своим поручительством за «веру».

Единственная возможная угроза исходила от внебрачного сына покойного короля, герцога Монмута, который по-прежнему питал надежды на престол. Понятно, почему он покинул Амстердам, где пребывал в ссылке, и 11 июня с небольшим отрядом появился у побережья залива Лайм. Он верил, что, когда вернется на родину, под его флаг стекутся массы сторонников, поэтому взял с собой не больше 150 приверженцев. Монмут установил свой синий штандарт на английской земле и объявил Якова узурпатором. Он также заявил, что вероломный король отравил своего брата, устроил в Лондоне Большой пожар и потакал «Папистскому заговору» как части «единого непрерывного заговора против реформатской веры и прав народа», а затем принял титул короля Якова II.

Пока Монмут со своей маленькой армией продвигался к Тонтону и Бриджуотеру, к нему присоединялись уроженцы графств Дорсет и Сомерсет, но в значительно меньшем количестве, чем изначально ожидал претендент на престол. Вразумительной стратегии кампании у него не было, и его быстро разбили лучше подготовленные и вооруженные правительственные солдаты. Битва при Седжмуре стала последним сражени-

ем, состоявшимся на английской земле. Монмут с поля боя бежал. Его нашли лежащим под кустом, полусонным от изнеможения и для маскировки прикрытым папоротником и крапивой.

Побежденным не оказали никакого снисхождения. Самого Монмута доставили к королю, он пал на колени и просил сохранить ему жизнь. «Так надежды нет?» — в итоге спросил он. Король молча отвернулся. Герцогу отсекли голову на Тауэр-Хилл, он стал очередной жертвой неумелой работы Джека Кетча.

Последствия для жителей западных графств были суровыми. Председательствовать на выездных сессиях судов присяжных туда направили судью Джеффриса. Эти «Кровавые ассизы» навсегда остались в памяти народа. Многие умерли в тюрьме, 800 человек отправили в колонии рабами, около 250 человек приговорили к смертной казни. Двадцать девять человек должны были казнить в Дорчестере, но два палача запротестовали, что не могут за один день провести казнь через повешение, волочение и четвертование такому количеству людей. Одной женщине отсекли голову за то, что она предложила еду и воду бежавшему «бунтовщику». «Господа, — сказал Джеффрис присяжным, — на вашем месте я бы

признал ее виновной, будь она моей матерью». Джеффрис громко смеялся, подшучивал и издевался над бедственным положением арестантов, которых приводили к нему на суд. Обычно он говорил, что «лижет обвиняемых жесткой стороной своего языка». «Я вижу тебя, преступник, вижу тебя уже с петлей на шее». Когда ему сказали, что один обвиняемый полагается на милость прихода, он отвечал: «Я избавлю приход от такого бремени».

Разгром восстания Монмута укрепил власть короля. Яков одержал победу над своими врагами и теперь приступил к процессу построения нового государства на основе своей абсолютной власти. Он решил упразднить Акт о присяге, таким образом позволяя католикам встать во главе различных служб; он хотел отменить Хабеас корпус акт, чтобы получить больше контроля над своими противниками и сохранить постоянную армию примерно в 20 000 человек. Армия ему требовалась, чтобы обезопасить себя от «возмущений», внутренних и внешних.

Летом того же года после поражения Монмута примерно 15 000 солдат разбили лагерь на Ханслоу-Хит. Юрист того времени, сэр Джон Лоутер, вспоминал, что постоянная армия «удивляла

народ Англии», который никогда не слышал о войсках в мирное время. Вскоре солдат разместили по всей стране, где под предлогом преследования «бунтовщиков» они могли действовать как служба безопасности Якова. Часть их рабочего времени уходила на разгон собраний баптистов и пресвитериан, которые в тот период снова превратились в самых преследуемых из нонконформистских сект. При активном содействии Сэмюэла Пипса король также вознамерился создать мощный военный флот. Это было необходимой частью его плана укрепить и использовать колониальные территории в Индии, Северной Америке и Вест-Индии. Его, таким образом, можно считать одним из основателей торговой империи, которая появится в XVIII веке.

Двойные узы абсолютной монархии и католической веры гарантировали дружеские отношения Якова II и Людовика XIV, и, естественно, Англия забеспокоилась, когда осенью 1685 года король Франции отменил Нантский эдикт, обеспечивавший свободу вероисповедания его протестантским подданным. А вдруг Яков пойдет тем же путем? Конечно, было мало оснований думать, что он отважится на меры против госу-

дарственной Англиканской церкви, но король мог попробовать ограничить ее в правах. Отношение к протестантам-гугенотам, которые бежали в Англию, не обнадеживало: Яков считал, что они настроены против монархии, и не хотел, чтобы они оставались в его королевстве. Однако они остались, поселились в Спитлфилдзе и в других районах Лондона и фактически создали английскую шелковую промышленность.

9 января, точно в назначенный день, началась сессия парламента. Сторонники короля тори, естественно, пребывали в мрачном расположении духа, поскольку тоже придерживались англиканской веры. «Никогда еще не было более лояльного парламента, — заметил один современник, — но религиозный вопрос — очень тонкое дело». Членов обеих палат парламента весьма насторожил тот факт, что вопреки Акту о присяге король уже назначил офицеров католического вероисповедания в армию и на флот. В своей речи с трона Яков объявил, что, «получив пользу от их службы в момент нужды и опасности [вторжение Монмута], я ни их не подвергну позору, ни себя не оставлю без них на случай, если второе восстание сделает их мне необходимыми». Вскоре ему дали понять, что члены обеих

палат, но особенно палаты лордов, напуганы его незаконными и непарламентскими назначениями. Один отважный пэр, виконт Мордаунт, заявил, что «бедствие, которое мы обсуждаем, нельзя назвать ни грядущим, ни сомнительным. Постоянная армия существует. Ею управляют паписты. У нас нет внешнего врага. В стране не происходит восстания. Зачем тогда содержать войска, если не для того, чтобы подорвать наши законы и установить ту самую неограниченную монархию, которую так справедливо ненавидят англичане?».

Через одиннадцать дней после начала сессии Яков назначил перерыв в работе парламента до следующего года. Примечательно, что он пресек деятельность собрания до того момента, как оно смогло официально поставить под сомнение его власть. Это был первый признак нарастающей напряженности между королем и политической нацией. Парламент больше не собирался в течение его короткого правления.

Опираясь только на собственную прерогативу, Яков начал поддерживать единоверцев. Он издал указы, запрещающие праздновать день «Порохового заговора», в который традиционно сжигали чучело папы римского; этот эдикт исполнялся

лишь частично. В Лондоне снова обосновались монашеские ордена: бенедиктинцы устроились в Сент-Джеймсе, кармелиты в Сити, францисканцы в Линкольнз-Инн-Филдс, а иезуиты в Савойе. Иезуиты открыли в этом районе католическую школу. Одним из ближайших советников Якова был его духовник-иезуит Эдвард Петри, который руководил королевской капеллой и жил в старых апартаментах короля в Уайтхолле. К концу года в состав Тайного совета уже входило пять католиков.

Однако нормы нравственности Якова не соответствовали строгим стандартам католицизма. Его главная фаворитка Кэтрин Седли получила большой особняк на Сент-Джеймс-сквер, а вскоре и титул графини Дорчестер. Она, похоже, сама не знала причин его привязанности. «Это не может быть моя красота, — говорила она, — потому что он должен видеть, у меня ее нет; и это не может быть мой ум, потому что у него недостаточно своего, чтобы судить, есть ли у меня хоть какой-нибудь».

Король часто повторял, что его цель — ввести или восстановить Римско-католическую церковь. Скорее всего, он понимал, что не сможет навязать народу свою веру, и прекрасно знал, что

его вероятная преемница Мария — пламенная протестантка. Он надеялся лишь поставить католичество в равные условия с англиканством, полагая, что преимущества его веры со временем привлекут много последователей. Яков рассчитывал убедить своих сторонников из англиканцев и тори согласиться с его желаниями, но вместо того ему удалось лишь еще больше восстановить их против себя. Когда на Лайм-стрит открыли католическую часовню, толпа лондонцев собралась, чтобы штурмовать «дом мессы». На разгон толпы вызвали отряды милиции, но они не решились действовать, потому что «не могли в ясном уме сражаться за папистов». Упрямый и деспотичный характер короля не помогал его делу. «Я не пойду на уступки, — обычно говорил он. — Мой отец делал уступки и был обезглавлен».

Он стремился очистить суды от всех тех, кто мог быть недоволен его политикой или властью. По оценкам, в течение своего правления Яков II заменил до девяти десятых мировых судей в каждом графстве. Их места заняли католики, которые при отсутствии полицейских сил стали главными представителями закона и королевской власти. Ряды городских муниципалитетов и лорд-лейтенатов графств тоже прочистили. Ко-

гда позднее на заседании Тайного совета король освободил от своих обязанностей архиепископа Кентерберийского, французский посол отметил, что Яков решил выказывать расположение только тем, кто поддерживает его интересы.

Летом 1686 года дело «Гуден против Хейлса» вышло на первый план как пробный камень укрепившейся власти. Суть спора состояла в праве короля пренебрегать наказаниями, установленными в законе, и приостанавливать исполнение закона — с конкретной ссылкой на Акт о присяге против католиков. Когда четверо судей объявили, что такое решение «нарушает английскую конституцию», Яков просто лишил их должностей. Тут даже некогда самые лояльные к королю люди пришли в смятение. «Все были поражены, — написал Джон Ивлин в дневнике 27 июня. — Есть большие подозрения по поводу того, чем закончится это судебное разбирательство».

Тем же летом король учредил комиссию по церковным делам для «предотвращения неблагоразумного назидания». По существу, это был орган, предназначенный утвердить права католиков. Члены комиссии имели полномочия лишить любого клирика средств к существованию, отлучить от церкви любого мирянина и,

что, наверное, еще важнее, регламентировать работу школ и университетов королевства.

Совсем не очевидно, что английские католики, составлявшие примерно 2–3 % населения страны, приветствовали усилия своего католического короля. Он возбуждал у англиканского большинства негодование по отношению к ним, а то и чувства похуже. В разных частях королевства начались выступления против «папистов». Католиков в любом случае было недостаточно, чтобы заполнить все места, становившиеся вакантными. Как они могли стать судьями, если раньше их не допускали в юридические колледжи и суды?

Яков также начал проверку всех, кто находился у власти. В королевском кабинете он устраивал допросы должностным лицам, а также членам обеих палат парламента и у каждого человека требовал согласия с его религиозной политикой. Тех, кто отказывался, выбраковывали. Лорд Честерфилд писал: «Слушаем тут объявление за объявлением с перечнем большого числа людей, снятых с должности; такое впечатление, будто это списки потерь с полей сражений». Королевские дознания порождали возмущение и отторжение даже у тех, кто при других обстоятельствах остался бы верен Якову.

Вместе с тем король решил завоевать лояльность или, по крайней мере, непротивление нации, даровав свободу вероисповедания всем своим подданным. В «Декларации о веротерпимости», изданной весной 1687 года, он приостановил «исполнение всех законов, карающих за религиозные преступления», и отменил «наложение религиозных присяг и проверок в качестве квалификационных испытаний для назначения на должности». Таким образом он, по существу, помогал своим единоверцам, но в то же время надеялся заслужить благодарность нонконформистов. Наверное, он полагал, что по-прежнему может рассчитывать на молчаливую поддержку роялистов и англиканцев, несмотря на то что их подвергли весьма болезненным испытаниям. В этом отношении королю явно не хватило ума. Однако с этого момента диссентеры стекались в свои храмы и молельные дома без малейших препятствий. Маколей отметил, что «наблюдательный путешественник по-прежнему заметит дату “1687 год” на некоторых наиболее старых Домах собраний».

Беспокойство англиканцев проявилось при решении Якова навязать свою волю Оксфордскому университету. Когда скончался президент колле-

джа Святой Марии Магдалины, король направил членам совета колледжа мандат на избрание Энтони Фармера. Фармер никак не соответствовал этому высокому посту, он был известен лишь своими симпатиями к католицизму. Вопреки королевским указаниям члены ученого совета избрали доктора Хоу. Во время летней поездки по стране Яков посетил Оксфорд. Он устроил непокорным ученым разнос и приказал им покинуть помещение. «Отправляйтесь по домам, — кричал король, — и показывайте себя достойными членами Англиканской церкви. Убирайтесь, знайте — я король. Мне подчиняются, и я приказываю вам проваливать».

Недавно учрежденная комиссия по церковным делам аннулировала избрание Хоу, после чего двадцать пять членов совета колледжа подали в отставку или были уволены. Магдален-колледж теперь по сути превратился в оплот католицизма, ежедневно в его часовне проводилась месса. Однако победа короля была пирровой, своим поступком он восстановил против себя огромное количество духовенства и потерял репутацию, которую надеялся заслужить религиозной терпимостью. Историю в Магдален-колледже широко обсуждали, и раздражение и негодование рав-

нодушием короля к чувствам англиканцев все росло.

Много говорили также о том, что летом Яков совершил паломничество к «чудотворному источнику», освященному в честь святой Винифриды, в Северном Уэльсе, где молился о наследнике. Отмечалось, что король встал на колени перед папским нунцием архиепископом Аддой и просил его благословения. Со времен Иоанна Безземельного ни один английский король не преклонял колен перед другим человеком, и такую позу для короля считали недопустимой и даже омерзительной. Это был католицизм во всей своей красе. Посол из Модены докладывал, что «такое со стороны аристократии редко случается при дворе». Вильгельм Оранский, непоколебимый защитник протестантского дела, отправил в Лондон посланника, который встретился с недовольными аристократами. Принц Оранский наблюдал и выжидал.

Вильгельма провозгласили пожизненным генерал-капитаном и Верховным главнокомандующим вооруженными силами Голландской республики, а по политическому статусу Оранжа он также был суверенным правителем. Его мать Мария была старшей дочерью Карла I, а

супруга Мария — дочерью правящего в тот момент короля Якова II. Нет никаких сомнений, Вильгельм считал себя законным наследником английского престола, при условии, что у Якова нет законного сына. Вильгельм был убежденным кальвинистом, как и вся его семья, так что догмат о предопределении имел для него огромное значение. Если какой-либо долг стоял для него выше остальных, то это сдерживание Французского государства; он видел, как вторжение Людовика XIV в Голландию остановило только открытие дамб. Однако имперские притязания дома Бурбонов обуздать не удалось, и Вильгельм посвятил себя защите протестантских держав от вооруженных сил французского короля.

В конце 1687 года Яков решил созвать парламент, чтобы официально отменить Акт о присяге и другие установления уголовного права против свободы вероисповедания. С этой целью он возобновил свои «беседы» на муниципальном и региональном уровнях, спрашивая всех должностных лиц и мировых судей, будут ли они в случае избрания голосовать за отмену закона, а если они не кандидаты в палату общин, то будут ли, по крайней мере, голосовать за тех кандидатов, которые станут поступать именно так? Если

люди отвечали отрицательно или уклончиво, они лишались своих должностей. Например, из муниципальных советов было изгнано более 1000 человек. То был еще один шаг, вызвавший ярость местного дворянства и муниципальных советов малых и больших городов. Он также послужил дальнейшему отдалению от короля Англиканской церкви, которая теперь укрепилась во мнении, что католицизм служит только усилению авторитарной власти.

В начале апреля 1688 года правительственным агентам выдавали на расходы 20 шиллингов в день, чтобы подготовить почву к наступающим общим выборам. Они должны были поддерживать связь с лидером «придворной партии» в каждом районе, организовывать надлежащее распространение подготовленной двором литературы и противодействовать работе оппозиции. Другими словами, цель короля состояла в том, чтобы укомплектовать новый парламент собственными сторонниками и расчистить себе дорогу к абсолютной непререкаемой власти. Однако последующие события показали, что такого парламента в Англии не будет никогда.

Уже стало заметно, что королева Мария Моденская носит ребенка. Перспектива католического

наследника стала осязаемой — со всеми страданиями и страхами, которые немедленно охватили англиканцев и диссентеров. Абсолютная власть Стюартов могла тянуться вплоть до бесконечности. 7 мая 1688 года Яков повторно выпустил «Декларацию о веротерпимости» вместе с обещанием к концу года созвать парламент. Последовал приказ читать декларацию в каждой церкви два воскресенья подряд. Иезуитский советник Якова отец Питри говорил королю, что англиканское духовенство «нужно заставить есть собственные испражнения».

Этот приказ спровоцировал священников лишь на воинственность и неповиновение. Архиепископ Кентерберийский и шесть других епископов выпустили петицию об отзыве приказа на том основании, что король незаконно присвоил себе право распространения. Когда петицию представили Якову, он пришел в ярость. «Это для меня большой сюрприз, — говорил он епископам. — Я не ожидал такого от вашей Церкви, особенно от некоторых из вас. Это настоящий мятеж!» «Декларацию о веротерпимости» на самом деле практически проигнорировали. По оценкам, из 9000 английских церквей ее зачитали в 200, а в Лондоне — только в семи из сотни столичных

храмов. Когда в церкви Святого Георгия рядом с собором Святого Павла произнесли первые слова декларации, вся паста поднялась и покинула храм. Гнев короля тогда победил в нем всякую осмотрительность и осторожность. Он потребовал, чтобы семерых епископов посадили в Тауэр как мятежников и судили за составление пасквиля.

Вильгельм следил, как развиваются события. Быстроходное парусное судно непрерывно сновало по Северному морю из Лондона в Гаагу с посланиями и докладами лично для принца Оранского.

10 июня 1688 года Мария Моденская родила Якову сына. Многие не верили этому сообщению. Уж в слишком удачный момент появился на свет наследник Стюартов! Пошли слухи, что новорожденного принца доставили в королевскую спальню в металлической кастрюле для горячих углей. Через пять дней после рождения принца Уэльского семь неугодных епископов были доставлены на барже из Тауэра в Вестминстер-Холл, где их то и дело приветствовали криками «Храни Господь епископов!». Суд после долгих обсуждений признал епископов невиновными в опубликовании пасквиля. При объявлении

решения суда Вестминстер-Холл на протяжении получаса оглашался одобрительными криками и приветственными возгласами. Новость быстро разлетелась по всему городу: зазвонили церковные колокола и появились большие праздничные костры. На улицах стали сжигать чучела папы; в Сомерсете в костер отправилось и изображение новорожденного принца. Наверное, самым угрожающим для короля было то, что радовались его солдаты в лагере на Ханслоу-Хит. Когда король узнал, что епископов оправдали, он просто сказал: «Тем хуже для них».

Тем не менее вердикт суда поколебал почву под ногами короля. В день вынесения оправдательного приговора семь видных государственных деятелей (среди них были графы Девоншир, Дэнби и Шрусбери) тайно отправили письмо Вильгельму Оранскому, в котором сообщали, что огромное большинство английского народа «недовольно существующим порядком управления» и жаждет перемен. Если Вильгельм придет в Англию, народ будет на его стороне. Они писали, что «самая значительная часть родовой знати и джентри» настроена против короля и его политики и что при высадке Вильгельма они «поддержат его крупными силами».

Даже в этих чрезвычайных обстоятельствах маловероятно, что вельможи стремились свергнуть Якова с трона. Они хотели, чтобы Вильгельм выступил в роли протестантского спасителя, который силой заставит короля созвать свободный парламент, а тот впоследствии уладит религиозные проблемы страны и с корнем вырвет пристрастие к папизму. Требовались быстрота и решительность действий, пока король не собрал укомплектованный нужными ему людьми парламент. На самом деле Вильгельм уже активно готовил сухопутную армию и флот.

В начале августа известия о его намерениях достигли Англии. В дневниковой записи за 10 августа 1688 года Джон Ивлин отметил: «Доктор Тенисон сегодня рассказал мне, что тут может быть большое дело. Принц Оранский собирается идти в Англию». Через несколько дней к Якову приехал посол двора Людовика XIV предупредить его о неминуемом вторжении и предложить помощь Франции. Яков отказался верить его словам. Разве может его дочь Мария вместе со своим мужем замышлять свергнуть отца? Это невозможно. Разве поведет Вильгельм свои войска в рискованную экспедицию за пределы собственной страны, когда его государству угрожают

французские силы? Нет! Вероятно, французы пытаются запугать его, чтобы втянуть в альянс с Людовиком XIV, который не понравится будущему парламенту.

Развязка не затянулась. 28 сентября Вильгельм Оранский сообщил Генеральным штатам о предстоящем вторжении в Англию. В тот же день Яков провозгласил стране, что цель Вильгельма — «полное завоевание наших королевств и абсолютное подчинение нас и нашего народа иностранной державе» и что этому содействовали «определенные нечестивые субъекты в собственных эгоистичных интересах». Король также объявил, что он «отказался от любой иностранной помощи». Яков был в одиночестве.

Тогда Вильгельм издал свою декларацию, в которой утверждал, что его пригласили прийти по воде «очень многие лорды, церковные и светские» и что он придет только затем, чтобы «как можно скорее обеспечить созыв свободного и законного парламента». Он не упомянул никаких притязаний на трон, только заявил: «Мы, со своей стороны, будем содействовать всему, что может дать мир и счастье народу». Яков хотел выяснить, кто эти «многие лорды», пригласившие Вильгельма в Англию. Он спрашивал епископов и просил

их подписать документ об их «неприятии» вторжения, однако, к его удивлению и испугу, они категорически отказались это сделать.

Тут он осознал всю опасность своего положения и начал предпринимать отчаянные усилия поменять политику, которая настроила против него все королевство. Он убрал отца Питри из числа своих советников. Он издал декларацию с обещанием «непоколебимо… сохранять Англиканскую церковь» и исключить католиков из парламента. Он заверял, что восстановит в должности тех мировых судей и местных руководителей, которых он без долгих размышлений убрал весной этого года. Он заявил, что вернет членов совета колледжа Святой Марии Магдалины, которых изгнал за неповиновение, и решил положить конец существованию комиссии по церковным делам, которая несла ответственность за их преследование. Привилегии лондонского Сити, признанные незаконными шесть лет назад, теперь были возвращены мэру и олдерменам. Тем не менее все эти паллиативные меры были приняты слишком поздно: теперь его презирали за слабость и колебания.

Однако Яков был достаточно решительным в организации своей обороны. Он снарядил до-

полнительные корабли на пополнение эскадр, которые уже находились в море: теперь военный флот состоял из тридцати трех крупных кораблей и шестнадцати брандеров. Королевские комиссии приступили к набору новых полков и донабору в существующие. Милицию Лондона и графств мобилизовали и приказали быть готовыми защищать свою страну. Из Ирландии и Шотландии отозвали пехотные батальоны и кавалерийские полки, чтобы разместить их ближе к дому. Сэр Джон Лоутер, баронет, поддерживавший Вильгельма, вспоминал, что «было предпринято все, что могло укрепить оборонительные возможности короля». Совершенно очевидно, что Яков был в силах оказать сопротивление и победить захватчика.

Вильгельм, принц Оранский, отплыл в середине октября. Уже было опасно поздно для этого времени года отправляться в плавание, и шторм отнес корабли обратно. Однако он принял решение, а отступать Вильгельм не умел. В начале ноября он снова погрузился на корабли в Англию. Его паруса наполнял восточный ветер, который назвали «ветром протестантства».

Однако он шел не для того, что «спасти» протестантство, разве что в определенном смысле.

Его главной целью было сдержать и, если получится, ослабить силу Франции, направленную на Соединенные провинции и другие страны. Для этого предприятия он нуждался в английской армии и английском флоте. Он ни в коем случае не был уверен в результате. При подготовке к вторжению он писал своему ближайшему советнику Виллему Бентинку: «Мои мучения, мои тревоги ужасны. Я плохо понимаю, как надо поступить. Никогда раньше я так не нуждался в Божьем руководстве». Тем не менее он твердо верил в предопределение и теперь рискнул. Он не знал наверняка, что его встретят с радостью. Его убеждали, что большинство англичан встанет на его сторону, когда он высадится, но сомнения оставались.

Все полагали, что он сойдет на берег на севере или на востоке, — соответственно, оборонительные порядки Якова сосредоточились там. Вильгельма известили об этом решении, и он решил взять курс на относительно неподготовленный юго-запад. В тот момент, как он приблизился к побережью Девоншира, сильный ветер мешал английскому флоту догнать его, а на последующем заседании военного совета было решено, что не следует атаковать считавшийся более

сильным голландский флот. Яков впоследствии утверждал, что капитаны вступили в заговор против него, но гораздо вероятнее, что это была скорее осторожность, чем измена.

5 ноября принц Оранский сошел на английскую землю в Брикскхеме, в южной части графства Торби. День был знаменательный: годовщина разгрома «Порохового заговора» и ликвидации папистской тайной организации. Маршу войск Вильгельма после высадки мешали дожди и раскисшие дороги. 9 ноября Вильгельм достиг города Эксетер, где его солдаты могли отдохнуть, но радостной встречи не случилось. Горожане вели себя холодно, с благодарственного молебна в городском соборе большинство каноников и прихожан ушли. Вильгельм оставался в городе девять дней, но никто из уважаемых известных людей к нему не присоединился. Он начал думать, что его обманули по поводу ситуации в Англии, и, похоже, хотел вернуться со своими солдатами на корабли. Когда несколько местных джентри пришли наконец под его знамена, он заявил: «Мы ждали, что живущие поблизости от места нашей высадки побыстрее явятся на помощь». Простое объяснение его затруднений, наверное, состояло в том, что он высадился в

районе, где никто не ожидал. Теперь же к нему потекли сторонники.

Однако Яков II не сумел воспользоваться их задержкой. Он отозвал войска, которые изначально отправил на север, но, приехав к ним в лагерь у Солсбери, обнаружил, что офицеры и солдаты деморализованы и разобщены. Король, сильный духом, немедленно бы пошел в атаку, а Яков заколебался. Одни его командиры хотели быстро наступать, другие советовали отходить к Лондону.

В такой кризисный момент у короля резко ухудшилось здоровье: он страдал от катастрофически продолжительных носовых кровотечений и панических атак, которые лишали его сна. Офицеры начали покидать его и отправляться к принцу Оранскому, среди них лорд Колчестер, лорд Абингдон и лорд Корнбери. Они поверили заявлениям Вильгельма, что он пришел спасти протестантскую веру и собрать свободный парламент. Серия локальных восстаний в защиту парламента и протестантства усилили изоляцию короля. Ноттингем и Йорк, Лестер, Карлайл и Глостер были среди городов, выступивших «за протестантскую веру и свободу».

В атмосфере смятения и глубокого недоверия

король, охваченный мрачными предчувствиями при известиях о дезертирстве, решил отступать в Лондон. Фактически он капитулировал перед Вильгельмом без боя. Теперь и другие старшие офицеры, в том числе Джон Черчилль и граф Беркли, приняли решение оставить Якова и перейти к Вильгельму. Когда король прибыл в Уайтхолл, к практически пустому двору, ему сообщили, что его младшая дочь Анна тоже перешла на сторону противника. Она была преданной англиканкой, и ее ужасало, что отец открыто поддерживает и поощряет католичество. Под опекой епископа Лондона она в наемном экипаже бежала в Ноттингем.

Король не знал, кому доверять и на кого положиться. Один придворный сообщал, что «король совсем не в порядке, как-то пожелтел и не может сам спать». Яков был в состоянии заснуть только с помощью опиатов. Он собрал на Совет всех остававшихся в городе аристократов и епископов; они сказали, что ему остается только созвать свободный парламент. 30 ноября Яков издал по этому поводу декларацию, прибавив, что прощает всех, кто поднял против него оружие. Но было уже поздно. Он потерял доверие и лояльность многих из тех, кто раньше его поддерживал.

Вильгельм медленно продвигался к Лондону, и перед королем стоял выбор — бежать или оказать сопротивление. Однако где он возьмет оружие и солдат, чтобы противостоять захватчику? Яков отправил в Хангерфорд несколько уполномоченных на переговоры с Вильгельмом, однако это был отвлекающий маневр для маскировки его истинных намерений. Он уже отправил в безопасное место жену и сына: ночью 9 декабря Мария Моденская, одевшись прачкой, бежала с ребенком в Кале. 11 декабря бежал и король. С двумя католиками он переплыл по Темзе в Воксхолл, где они взяли лошадей. Предполагается, что Яков выбросил в воду Большую государственную печать, чтобы его преемник не мог законным образом поддерживать общественный порядок. Он не думал, что отказывается от своего королевства, скорее полагал, что ищет временное убежище перед тем, как возвратиться на престол. Тем не менее фактически он уступал инициативу Вильгельму, который уже мог считать себя следующим королем Англии.

Узнав, что король бежал, церковные и светские лорды сформировали временную администрацию для ведения переговоров с принцем Оранским о возвращении свободного парла-

мента с целью восстановить «наши законы, наши свободы и собственность». Бегство Якова спровоцировало также открытую ярость к папистам. Католические храмы Лондона подожгли, а резиденции католических послов Испании и Флоренции разграбили.

По стране поползли дикие слухи, что ирландские войска под командованием короля жестоко убили массу жителей Лондона и теперь движутся на север. Говорили, что паписты сожгли Бирмингем, потом разорили Ноттингем и Стаффорд, а затем на линии огня оказались Донкастер и Хаддерсфилд. Когда до Лидса докатились слухи, что к ним подходят ирландские пожиратели младенцев, Ральф Торесби написал в дневнике: «Бьют барабаны, церковные колокола звонят в обратном порядке, женщины вопят, и всех людей охватил животный ужас». Ложная тревога — характерный признак истерической тревоги, в которую впал народ. Преодолела этот ужас незатейливая песенка против ирландцев. «Лиллибулеро» — пародия на папистские настроения, она завоевала такую популярность, что автор текста Томас Уортон заявлял, что она «высвистнула» короля из трех королевств:

Так что сдавайтесь, еретики!

Лиллибулеро, буллен-эла!
Христос и Сент-Патрик нам помоги!
Лиллибулеро, буллен-эла![49]

Мелодию, сочиненную к ней Генри Пёрселлом, и сейчас используют как музыкальную заставку на BBC Radio.

Бегство короля из Англии было остановлено: он был обнаружен на таможенном катере, когда собирался отплыть с острова Шеппи. Яков был в коротком черном парике, и сначала его приняли за иезуита. Короля доставили в порт Фавершем, где быстро опознали и привезли в дом мэра. Там Якова охраняли обнаружившие его моряки — они хотели вознаграждения. К этому моменту король был сильно напуган и растерян: то просил дать ему лодку, то рыдал над своими несчастьями. Свидетель события Джон Натчбулл «заметил на его лице улыбку странного размера и вида: такую натянутую, неловкую и неприятную, что, честно говоря, никогда не видел ничего подобного».

Когда пришла весть о вынужденном пребывании Якова в Фавершеме, никто из властей просто не знал, что с ним делать. Он не мог там оста-

[49] Примечания: 49

Now the heretics all go down / Lillibulero bullen a la / By Christ and St Patrick's the nation's our own / Lillibulero bullen a la.

ваться. Сам король, похоже, решил возвратиться в Лондон, где ему предстояла встреча с Вильгельмом. Его посыльного, который вез это известие захватчику, немедленно арестовали и определили в Тауэр. Так кто же был хозяином положения?

Яков, не зная о судьбе своего посланника, направился в столицу. 16 декабря он добрался в Блекхит, и там его приветствовали толпы людей, которые, несомненно, надеялись на примирение двух сторон. В основном они состояли из сторонников «короля и страны», но они выражали и более общее чувство облегчения. Один роялист отметил после этого события, что на улицах между Саутуарком и Уайтхоллом «коляскам не хватало места для проезда, а на всех балконах и у всех окон тоже толпились люди». Сам король потом напишет, что было «похоже скорее на день триумфа, а не унижения».

Менее восторженный прием ждал его впереди. Во время отдыха в Уайтхолле тем вечером ему сказали, что всю его переписку будут забирать голландские охранники принца Оранского: на самом деле он станет пленником в собственном дворце. На рассвете следующего дня его разбудили известием, что принц приказывает ему в девять часов утра покинуть Лондон и отправ-

ляться в Хам-Хаус. Он должен был уехать именно в то время, поскольку сам Вильгельм планировал войти в город в полдень и не желал, чтобы народ отвлекался на короля. Яков подчинился приказу, но высказал пожелание переехать в Рочестер, не в Хам. Пожелание удовлетворили, но все равно было совершенно ясно, что монарх в своем королевстве лишь беспомощный пленник.

Вильгельм вошел в столицу 18 декабря, его тоже приветствовали ликующие толпы, перезвон колоколов и праздничные костры. Его чествовали как спасителя «нашей веры, законов, свобод и жизней», но главная причина радости, должно быть, заключалась в том, что протестантскую веру восстановили в правах без всякой войны и революции. Два дня назад люди приветствовали короля как человека, который отказался от своей католической политики, теперь они могли также радостно приветствовать своего протестантского спасителя.

В Рочестере король несколько дней жил в доме местного баронета и каждую минуту искал способа бежать. Он боялся, что его убьют или, в лучшем случае, посадят в тюрьму. Тем не менее он заметил, что стража не слишком усердно исполняет свои обязанности. На самом деле Вильгельм же-

лал побега своего соперника. Это был наименее плохой исход их конфликта. Присутствие Якова в стране создавало свои трудности, а если бы можно было сказать, что он уехал по собственной воле, то появилась бы возможность считать, что он отрекся от престола. Ночью 22 декабря Яков встал с кровати и вышел в предусмотрительно оставленную открытой заднюю дверь. Он прошел через сад к берегу реки Мидуэй, где его ждала лодка.

Так завершилось то, что называли великой или удивительной «революцией». В конце концов в историю это событие вошло как «Славная революция». Сторонник Вильгельма епископ Бернет писал о Якове, что «вся его власть, подобно сети паука, так безвозвратно распалась от одного прикосновения, что он уже никогда не смог вернуть себе то, что по недостатку ума и сердца упустил за один день». Однако это было дело не одного дня, а нескольких лет. В своем упрямстве и горячей набожности он не учел характера Англии, он наступал там, где ему следовало остановиться. Он натравливал центральную власть на местные органы до полного развала страны. Оскорбляя чувства и англиканцев, и тори, он оттолкнул своих естественных сторонников, а

продвигая интересы католиков, добился стойкого предубеждения. Возможно, он не хотел становиться абсолютным монархом, но действовал так, будто стремился именно к этому. Появление наследника продлило эту перспективу до бесконечности.

Яков II провел остаток жизни во Франции. При его дворе в Chateau de Saint-Germain-en-Laye говорили, что, «когда его слушаешь, хорошо понимаешь, почему он находится здесь». Таким образом закончилась публичная жизнь последнего английского короля династии Стюартов. Мы можем покинуть сцену со словами Джона Драйдена из «Светской маски»:

И войны твои — впустую.
Одно хорошо — все минует,
И старому веку на смену
Увидим пору иную[50].

[50] Примечания: 50

Thy wars brought nothing about; / Thy lovers were all untrue. / 'Tis well an old age is out, / And time to begin a new.

Библиография

Это, безусловно, далеко не полный список, однако здесь представлены те книги, которые автор счел самыми полезными при подготовке этой книги.

Общие работы

Aylmer G. E. The Struggle for the Constitution. London, 1963.

Clark J. C. D. Revolution and Rebellion. Cambridge, 1986.

Cogswell T., Cust R., Lake P. (ed.). Politics, Religion and Popularity. Cambridge, 2002.

Cust R., Hughes A. (ed.). Conflict in Early Stuart England. London, 1989.

Davies Godfrey. The Early Stuarts. Oxford, 1959.

Fincham Kenneth (ed.). The Early Stuart Church. London, 1993.

Gardiner S. R. History of England, 1603–1642. London, 1899.

Haller William. The Rise of Puritanism. New York, 1938.

Hill Christopher. Puritanism and Revolution.

London, 1958.

Hirst Derek. Authority and Conflict. London, 1986.

Hutton Ronald. Debates in Stuart History. London, 2004.

Kenyon J. P. The Stuart Constitution. Cambridge, 1966.

Lake Peter. Anglicans and Puritans? London, 1988.

Lake P., Pincus S. (ed.). The Politics of the Public Sphere in Early Modern England. Manchester, 2007.

Lingard J., Belloc H. The History of England. Vol. 7–10. New York, 1912.

Maltby Judith. Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England. Cambridge, 1998.

Manning Brian. The English People and the English Revolution. London, 1976.

Morgan John. Godly Learning. Cambridge, 1986.

Morrill J., Slack P., Woolf D. (ed.). Public Duty and Private Conscience in Seventeenth Century England. Oxford, 1993.

New J. F. H. Anglican and Puritan. London, 1964.

Peck L. L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. London, 1990.

Reinmuth H. S. Jnr. (ed.). Early Stuart Studies. Minneapolis, 1970.

Russell Conrad. Parliament and English Politics, 1621–1629. Oxford, 1979.

_____. Unrevolutionary England. London, 1990.

Sharpe Kevin. Politics and Ideas in Early Stuart England. London, 1989.

_____. Image Wars. New Haven, 2010.

_____. (ed.). Faction and Parliament. London, 1978.

Sharpe K., Lake P. Culture and Politics in Early Stuart England. London, 1994.

Smith Alan. The Emergence of a Nation State. London, 1984.

Sommerville J. P. Politics and Ideology in England, 1603–1640. London, 1986.

Starkey David (ed.). The English Court. London, 1987.

Todd Margot (ed.). Reformation to Revolution. London, 1995.

Tomlinson Howard (ed.). Before the English Civil War. London, 1983.

Trevor-Roper Hugh. Historical Essays. London, 1957.

_____. Catholics, Anglicans and Puritans. London, 1987.

Tyacke Nicholas. Anti-Calvinists. Oxford, 1987.

_____. (ed.). The English Revolution. Manchester, 2007.

Underdown David. Revel, Riot and Rebellion. Oxford, 1985.

Dover Wilson J. (ed.). Seventeenth Century Studies. Oxford, 1938.

Wood Andy. Riot, Rebellion and Popular Politics in Early Modern England. London, 2002.

Яков VI и Яков I

Ashton Robert. James by his Contemporaries. London, 1969.

Bevan Bryan. King James. London, 1990.

Bingham Caroline. James of England. London, 1981.

Birch Thomas. The Court and Times of James. Vol. 1, 2. London, 1848.

Burgess Glenn. Absolute Monarchy. London, 1996.

Carrier Irene. James. Cambridge, 1998.

Cogswell Thomas. The Blessed Revolution. Cambridge, 1989.

Doelman James. King James and the Religious Culture of England. Cambridge, 2000.

Fincham Kenneth. Prelate as Pastor. Oxford, 1990.

Fraser Antonia. King James. London, 1974.

Houston S. J. James. London, 1972.

Lockyer Robert. James. London, 1998.

Matthew David. The Jacobean Age. London, 1938.

_____. James. London, 1967.

Mitchell W. M. The Rise of the Revolutionary Party. New York, 1957.

Patterson W. B. King James and the Reunion of Christendom. Cambridge, 1997.

Peck L. L. (ed.). The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 1991.

Prestwich Menna. Cranfeld. Oxford, 1966.

Scott Walter. Secret History of the Court of James. Vol. 1, 2. London, 1811.

Smith Alan G. R. (ed.). The Reign of James. London, 1973.

Stewart Alan. The Cradle King. London, 2003.

Strong Roy. Henry, Prince of Wales. London, 2000.

Usher Roland. The Reconstruction of the English Church. Vol. 1, 2. New York, 1910.

Willson D. H. King James. London, 1956.

Карл I

Aylmer G. E. The King's Servants. London, 1961.

Birch T., De Gamache C. The Court and Times of Charles I. Vol. 1, 2. London, 1848.

Carlton Charles. Charles I: The Personal Monarch. London, 1983.

Chapman Hester. Great Villiers. London, 1949.

Cooke H. P. Charles I and his Earlier Parliaments. London, 1939.

Cope E. S. Politics without Parliaments. London, 1987.

Cust Richard. Charles I: A Political Life. London, 2005.

Daniels C. W., Morrill J. Charles I. Cambridge, 1988.

Disraeli Isaac. Commentaries on the Life and Reign of Charles I. Vol. 1–5. London, 1828–1831.

Durston Christopher. Charles I. London, 1998.

Hexter J. H. The Reign of King Pym. Cambridge, Mass., 1961.

Hibbert Christopher. Charles I. London, 2007.

Higham F. M. G. Charles I. London, 1932.

Holmes Clive. Why Was Charles I Executed? London, 2006.

Matthew David. The Social Structure in Caroline England. Oxford, 1948.

_____. The Age of Charles I. London, 1951.

Quintrell Brian. Charles I. London, 1993.

Reeve L. J. Charles I and the Road to Personal Rule. Cambridge, 1989.

Russell Conrad. The Fall of the British Monarchies. Oxford, 1991.

Sharpe Kevin. The Personal Rule of Charles I. New Haven, 1992.

Trevor-Roper Hugh. Archbishop Laud. London, 1940.

Wedgwood C. V. The King's Peace. London, 1955.

_____. Thomas Wentworth. New York, 1962.

Young G. M. Charles I and Cromwell. London, 1935.

Оливер Кромвель

Ashley Maurice. The Greatness of Oliver Cromwell. London, 1957.
Belloc Hilaire. Cromwell. London, 1934.
Buchan John. Cromwell. London, 1934.
Coward Barry. Oliver Cromwell. London, 1991.
Davis J. C. Oliver Cromwell. London, 2001.
Firth C. H. Cromwell. London, 1901.
Fraser Antonia. Cromwell. London, 1973.
Gardiner S. R. Oliver Cromwell. London, 1901.
Gaunt Peter. Oliver Cromwell. Oxford, 1996.
Guizot François. Oliver Cromwell. London, 1879.
Hill Christopher. God's Englishman. London, 1971.
Howell Roger. Cromwell. London, 1977.
Kitson Frank. Old Ironsides. London, 2004.
Morley John. Oliver Cromwell. London, 1904.
Morrill John (ed.). Oliver Cromwell. Oxford, 2007.
Ó Siochrú Micheál. God's Executioner. London, 2008.
Wedgwood C. V. Oliver Cromwell. London, 1973.

Гражданская война

Adamson John. *The Noble Revolt.* London, 2007.

Braddick Michael. *God's Fury, England's Fire.* London, 2008.

Carlton Charles. *Going to the Wars.* London, 1992.

Clarendon, Edward, earl of. *The History of the Rebellion and Civil Wars in England*. Vol. 1–6. Oxford, 1888.

Cressy David. *England on Edge.* Oxford, 2007.

Cust R., Hughes A. (ed.). *The English Civil War.* London, 1997.

Donagan Barbara. *War in England, 1642–1649.* Oxford, 2008.

Fletcher Anthony. *The Outbreak of the English Civil War.* London, 1981.

Gardiner S. R. *History of the Great Civil War*. Vol.1–4. London, 1888.

Gaunt Peter (ed.). *The English Civil War.* Oxford, 2000.

Gentles Ian. *The English Revolution.* London, 2007.

Hill Christopher. *The English Revolution.* London, 1940.

Hughes Ann. *The Causes of the English Civil War.* London, 1991.

Hutton Ronald. *The Royalist War Effort.* London, 1982.

Kennedy D. E. *The English Revolution.* London, 2000.

Kenyon John. *The Civil Wars of England.* London, 1988.

Kishlansky Mark. *The Rise of the New Model Army.* Cambridge, 1979.

Mcelligott J., Smith D. (ed.). *Royalists and Royalism during the English Civil Wars.* Cambridge, 2007.

Macinnes Allan. *The British Revolution.* London, 2005.

Manning Brian (ed.). *Politics, Religion and the English Civil War.* London, 1973.

Mendle Michael (ed.). *The Putney Debates.* Cambridge, 2001.

Morrill John. *The Revolt of the Provinces.* London, 1976.

_____. *The Nature of the English Revolution.* London, 1993.

_____. (ed.). *Reactions to the English Civil War.* London, 1982.

Peacey Jason (ed.). *The Regicides and the Execution of Charles I.* London, 2001.

Richardson R. C. *The Debate on the English Revolution.* London, 1977.

Roots Ivan. *The Great Rebellion.* London, 1966.

Russell Conrad (ed.). *The Origins of the English Civil War.* London, 1973.

Scott David. *Politics and War in the Three Stuart*

Kingdoms. London, 2004.

Stone Lawrence. *The Causes of the English Revolution.* London, 1972.

Stubbs John. *Reprobates.* London, 2011.

Underdown David. *Pride's Purge*. Oxford, 1971.

Wanklyn Malcolm. *The Warrior Generals.* London, 2010.

Wedgwood C. V. *The King's War.* London, 1958.

Woolrych Austin. *Britain in Revolution.* Oxford, 2002.

Worden Blair. *The Rump Parliament.* Cambridge, 1974.

_____. *The English Civil Wars*. London, 2009.

Содружество и Протекторат

Aylmer G. E. (ed.). The Interregnum. London, 1972.

Barnard Toby. The English Republic. London, 1982.

Bowman Jakob. The Protestant Interest in Cromwell's Foreign Relations. Heidelberg, 1900.

Barry Coward: The Cromwellian Protectorate (Manchester, 2002).

Firth C. H. The Last Years of the Protectorate. Vol. 1, 2. London, 1909.

Gardiner S. R. History of the Commonwealth and Protectorate. Vol. 1–4. London, 1903.

Haller William. Liberty and Information in the

Puritan Revolution. New York, 1955.

Hutton Ronald. The British Republic. London, 1990.

Lamont William. Godly Rule. London, 1969.

Mcelligott Jason. Royalism, Print and Censorship in Revolutionary England. Woodbridge, 2007.

Morrill John (ed.). Revolution and Restoration. London, 1992.

Paul Robert. The Lord Protector. London, 1955.

Smith David (ed.). Cromwell and the Interregnum. Oxford, 2003.

Walzer Michael. The Revolution of the Saints. New York, 1974.

Woolrych Austin. Commonwealth to Protectorate. London, 1980.

_____. England without a King. London, 1983.

Карл II

Ashley Maurice. Charles II. London, 1973.

Bosher Robert. The Making of the Restoration Settlement. London, 1951.

Chapman Hester. The Tragedy of Charles II. London, 1964.

Crawfurd Raymond. The Last Days of Charles II. Oxford, 1909.

Davies Godfrey. The Restoration of Charles II. London, 1955.

Fraser Antonia. King Charles II. London, 1979.

Harris Tim. Restoration. London, 2005.

Harris T., Seaward P., Goldie M. (ed.). The Politics of Religion in Restoration England. Oxford, 1990.

Hartmann Cyril. Clifford of the Cabal. London, 1937.

Hutton Ronald. The Restoration. Oxford, 1985.

_____. Charles II. Oxford, 1989.

Jenkinson Matthew. Culture and Politics at the Court of Charles II. Woodbridge, 2010.

Jones J. R. The First Whigs. Oxford, 1961.

_____. Charles II. London, 1987.

_____. (ed.). The Restored Monarchy. London, 1979.

Kenyon J. P. Robert Spencer, Earl of Sunderland, 1641–1702. London, 1958.

Keay Anna. The Magnifcent Monarch. London, 2008.

Lee Maurice, Jnr. The Cabal. Urbana, 1965.

Miller John. Charles II. London, 1991.

_____. After the Civil Wars. London, 2000.

Patterson Annabel. The Long Parliament of Charles II. New Haven, 2008.

Pincus Stephen. Protestantism and Patriotism. Cambridge, 1996.

Seaward Paul. The Cavalier Parliament and the Reconstruction of the Old Regime. Cambridge, 1988.

Slaughter Thomas. Newcastle's Advice to Charles II. Philadelphia, 1984.

Uglow Jenny. A Gambling Man. London, 2009.

Weiser Brian. Charles II and the Politics of Access. Woodbridge, 2003.

Яков II

Callow John. The Making of King James II. Stroud, 2000.

Cruickshanks Eveline (ed.). By Force or by Default? Edinburgh, 1989.

Glassey Lionel (ed.). The Reigns of Charles II and James II. London, 1997.

Harris Tim. Revolution. London, 2006.

Jones J. R. The Revolution of 1688 in England. London, 1972.

Macaulay T. B. The History of England from the Accession of James II. London, 1848.

Miller John. Popery and Politics in England (Cambridge, 1973).

_____. James II. London, 1978.

Speck W. A. Reluctant Revolutionaries. Oxford, 1988.

_____. James II. London, 2002.

Культура и общество

Я не включил в список работы отдельных авторов, которые упоминаются в тексте книги.

Ashley Maurice. Life in Stuart England. London, 1964.

Cressy David. Bonfres and Bells. London, 1989.

Cruickshanks Eveline (ed.). The Stuart Courts. Stroud, 2000.

Fletcher A., Roberts P. (ed.). Religion, Culture and Society in Early Modern Britain. Cambridge, 1994.

Gentles I., Morrill J., Worden B. (ed.). Soldiers, Writers and Statesmen of the English Revolution. Cambridge, 1998.

Harris J., Scott-Baumann E. The Intellectual Culture of Puritan Woman. London, 2011.

Houston A., Pincus S. (ed.). A Nation Transformed. Cambridge, 2001.

Hutton Ronald. The Rise and Fall of Merry England. Oxford, 1994.

Keeble N. H. The Restoration. England in the 1660s. Oxford, 2002.

Jordan W. K. The Development of Religious Toleration in England. London, 1936.

Maclean Gerald. Culture and Society in the Stuart

Restoration. Cambridge, 1995.

Nicoll Allardyce. Stuart Masques. New York, 1968.

O'Day Rosemary. The English Clergy. Leicester, 1979.

Ogg David. England in the Reign of Charles II. Vol. 1, 2. Oxford, 1934.

Orgel Stephen. The Jonsonian Masque. Cambridge, Mass., 1965.

Orgel S., Strong R. Inigo Jones. The Theatre of the Stuart Court. Vol. 1, 2. London, 1973.

Parry Graham. The Golden Age Restor'd. Manchester, 1981.

Malcolm Smuts R. Court Culture and the Origins of a Royalist Tradition in Early Stuart England. Philadelphia, 1987.

_____. (ed.). The Stuart Court and Europe. Cambridge 1996.

Spurr John. England in the 1670s. Oxford, 2000.

Strong Roy. Art and Power. Woodbridge, 1984.

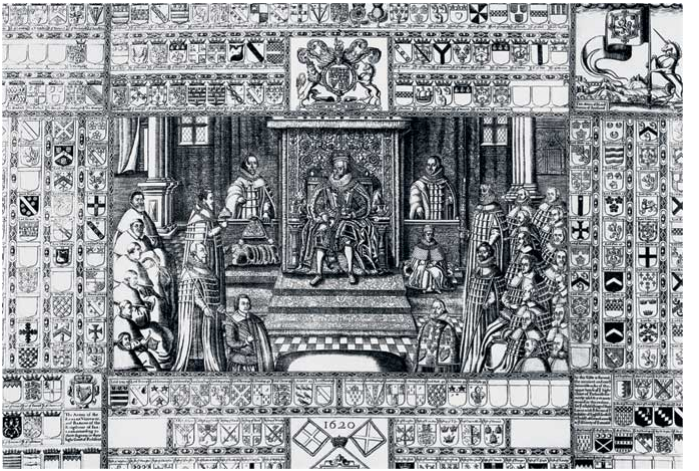
Worden Blair. Literature and Politics in Cromwellian England. Oxford, 2007.

Фотоматериалы

Яков I Английский, он же Яков VI Шотландский (Даниэль Митенс-старший, 1621) © *Everett*

Collection / shutterstock.com

Анна Датская, супруга Якова (Маркус Герартс-младший, ок. 1614) © *Royal Collection Trust / Her Majesty Queen Elizabeth II 2020*



Яков перед своими лордами, светскими и церковными © *Everett Collection / shutterstock.com*

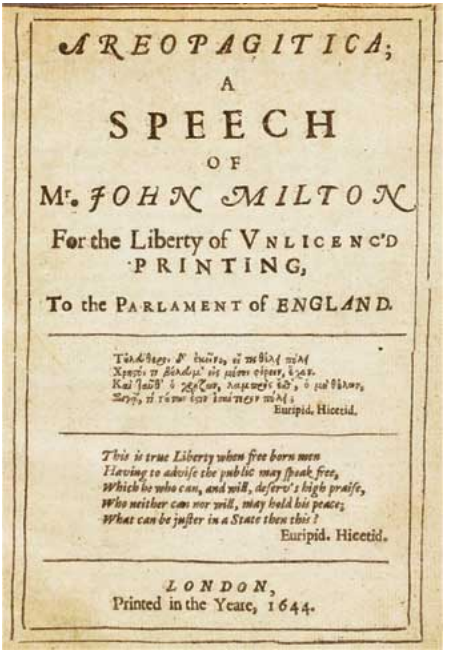
יהוה

THE
NEWE
Testament of
our Lord and Saujour
IESVS CHRIST.

Newly Translated out of
the Originall Greeke: and with
the former Translations diligently
compared and reuised, by his
Maiesties speciall Com-
maundement.

IMPRINTED
at London by Robert
Barker, Printer to the
Kings most Excellent
Maiestie.
Anno Dom. 1611.

Титульный лист Библии короля Якова © *Photo Researchers / Mary Evans Picture Library*



AREOPAGITICA;

A

SPEECH

OF

Mr. JOHN MILTON

For the Liberty of VNLICENC'D PRINTING,

To the PARLAMENT of ENGLAND.

Τὰληθὲς δ' ἐλεύθερον εἰ πᾶσι πολὶ
Χρηστὸν τ' βέλτιστ' εἰς ἀστοὺς εἶναι, λέγειν.
Καὶ ταῦθ' ὁ χρήζων, καὶ δυνάμενος τυγχάνειν, ὁ μὲν βέλτιστος,
Ὁ δὲ μὴ θέλων, τί τούτου ἂν γένοιτ' ἂν πιὸ πολὶ;

Euripid. Hicetid.

This is true Liberty when free born men
Having to advise the public may speak free,
Which he who can, and will, deserv's high praise,
Who neither can nor will, may hold his peace;
What can be juster in a State then this?

Euripid. Hicetid.

LONDON,
Printed in the Yeare, 1644.

Титульный лист «Ареопагитики» Джона Мильтона © *Mary Evans Picture Library*

Джордж Вильерс, 1-й герцог Бекингем (Михиль ван Миревельт, ок. 1625) © *Art Gallery of South Australia*

Генрих, принц Уэльский (Исаак Оливер, ок. 1565–1617) © *Fitzwilliam Museum, University of Cambridge, UK / Bridgeman Images*

Карл, принц Уэльский, будущий король Карл I (Роберт Пик-старший, 1611) *Public domain*

Елизавета, дочь Якова I (неизвестный художник, 1613) *Public domain*

Карл I и его супруга Генриетта Мария © *Alinari Archives, Florence — Reproduced with the permission of Ministero per I Beni e le Attivit... Cu*

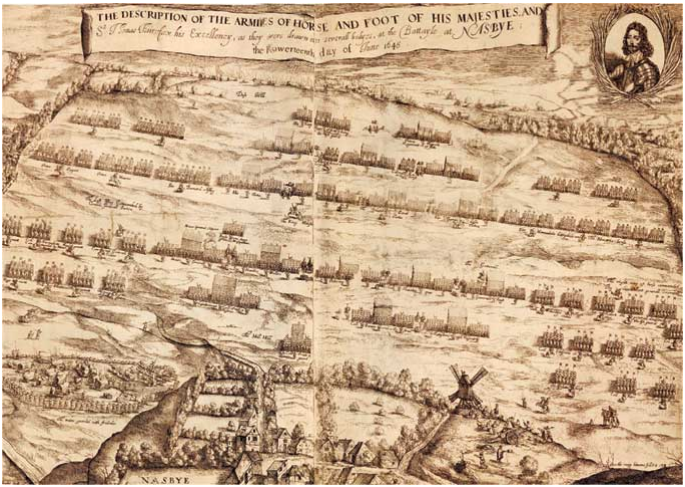
Трое из семи детей Карла I (Антонис Ван Дейк)
© Alinari Archives, Florence — Reproduced with the permission of Ministero per I Beni e le Attivit... Cu

Карикатура на «Охвостье парламента» © *Interfoto / Sammlung Rauch / Mary Evans Picture Library*

CRUELTIES OF THE CAVALIERS, 1644.

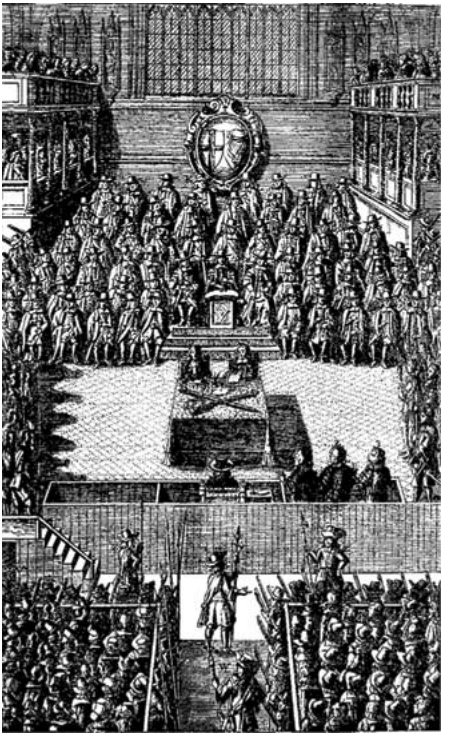
То, что, как предполагается, кавалеры сделали с пуританами © *Mary Evans Picture Library*

Томас Вентворт, 1-й граф Страффорд (неизвестный художник, 1633, на основе картины сэра Антониса Ван Дейка) *Public domain*

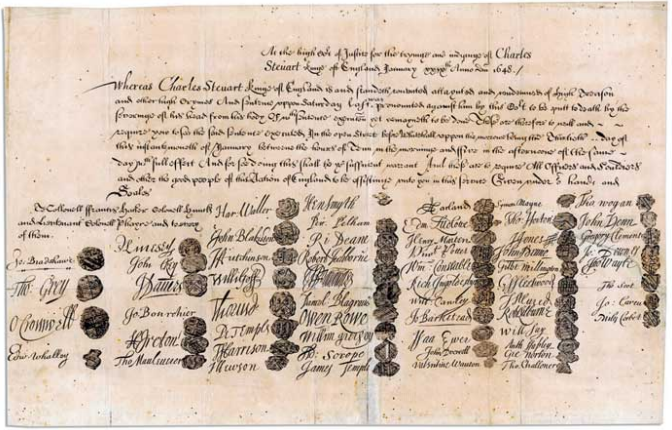


План сражения при Нейзби © *Mary Evans Picture Library*

Принц Руперт Рейнский (копия картины Антониса Ван Дейка, 1630–1699) © *Everett Collection / shutterstock.com*



Суд над Карлом I в Вестминстер-Холле © *Mary Evans Picture Library*



Смертный приговор Карлу I © *Matthew Corrigan / shutterstock.com*

Оливер Кромвель (Роберт Уокер) © *Matthew Corrigan / shutterstock.com*

Гобелен в честь реставрации монархии © *The Holburne Museum of Art, Bath, UK*

Карл II (Годфри Неллер, ок. 1685) *Public domain*

Екатерина Браганца, супруга Карла II (Питер Лели, ок. 1665) *Public domain*

Барбара Вильерс, герцогиня Кливлендская (мастерская Питера Лели, ок. 1671) *Public domain*

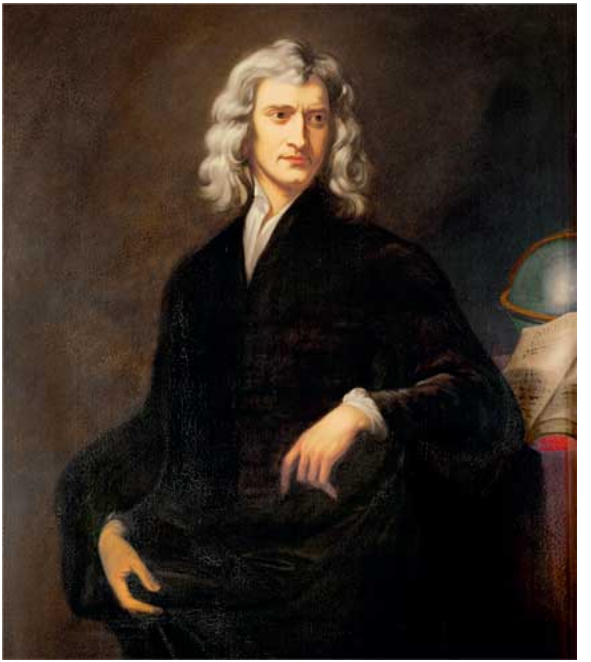
Нелл Гвин (мастерская Питера Лели) © *Sudbury Hall, Derbyshire, UK / National Trust Photographic Library / John Hammond / Bridgeman Images*

Луиза де Керуаль, французская фаворитка Карла © *Mary Evans / Epic / Tallandier*

Джон Уилмот, 2-й граф Рочестер (1647–1680) *Public domain*

Сэмюэл Пипс (Годфри Неллер) © *Royal Society of Arts, London, UK / Bridgeman Images*

Сэр Кристофер Рен © *Interfoto / Friedrich / Mary Evans*



Сэр Исаак Ньютон © *Mary Evans Picture Library / Imagno*

Карл II — патрон Королевского научного общества © *Private Collection / The Stapleton Collection / Bridgeman Images*

Члены «Министерства КАБАЛь» (Джон Баптист де Медина) © *Private Collection / De Agostini Picture Library / Bridgeman Images*

Герцог Монмут © *Private Collection / Photo © Philip Mould Ltd, London / Bridgeman Images*

Герцог Йоркский, будущий король Яков II, с женой и дочерьми (Пьер Миньяр) © *Royal Collection Trust © Her Majesty Queen Elizabeth II, 2014 / Bridgeman Images*

Во дворец тайно приносят новорожденного, чтобы выдать его за сына Якова II © *Private Collection / Bridgeman Images*

Младенец Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт с матерью Марией Моденской © *Benedetto Gennari the Younger / Private Collection / Philip Mould Ltd, London / Bridgeman Images*

Яков II бросает в Темзу Большую государственную печать © *Mary Evans Picture Library*